ИЗДАНІЕ О. Н. ПОПОВОЙ.

ПЕРВОБЫТНАЯ КУЛЬТУРА.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ РАЗВИТІЯ МИѲОЛОГІИ, ФИЛОСОФІИ, РЕЛИГІИ, ЯЗЫКА, ИСКУССТВА И ОБЫЧАЕВЪ.

ЭДУАРДА Б. ТЭЙЛОРА,

Лектора Антропологіи въ Оксфордскомъ университетѣ, автора «Изслѣдованій древнѣйшей исторіи человѣческаго рода» и пр.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ,

исправленное и дополненное по третьему англійскому изданію (1891 г.)

подъ редакціей

Д. А. КОРОПЧЕВСКАГО.

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

ТОМЪ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1896.

«Ce n'est pas dans les possibilités, c'est dans l'homme même qu'il faut étudier l'homme: il ne s'agit pas d'imaginer ce qu'il aurait pû ou dû faire, mais de regarder ce qu'il fait».

De Brosses.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Первое русское изданіе этой книги появилось почти двадцать пять лѣтъ тому назадъ. И тогда уже появленію ея предшествовала такая громкая и почетная извѣстность въ западноевропейской научной литературѣ, что разъясненіе достоинствъ ея казалось излишнимъ. Это сочиненіе, дѣйствительно, тотчасъ же было оцѣнено русской читающей публикой. И оно не только было замѣчено нашей научной литературой, но и оставило въ ней неизгладимый слѣдъ. Воззрѣнія автора на „переживанія" въ культурѣ, впервые выдвинутыя имъ съ такою ясностью и убѣдительностью, были усвоены всѣми, занимающимися и интересующимися исторіей культуры, и входятъ, какъ необходимый элементъ, во всѣ ихъ сужденія въ этой области. Такое же право гражданства въ нашей литературѣ получили пріемы и результаты изслѣдованій Тэйлора въ вопросахъ о происхожденіи миѳическихъ представленій, понятій о душѣ и духахъ, и религіозныхъ обрядовъ и церемоній. Взгляды и аргументы его настолько сдѣлались общимъ достояніемъ русской науки, что приводятся и повторяются часто безъ упоминанія имени автора, какъ неопровержимыя, основныя научныя положенія. Эти очевидные, глубокіе слѣды вліянія Тэйлора, и вниманіе, оказанное образованной публикой его книгѣ, позволяютъ съ увѣренностью предположить, что она послужила могучимъ средствомъ распространенія интереса къ исторіи культуры, выражающагося въ обильной нынѣ литературѣ этого предмета.

Капитальный трудъ Тэйлора выполненъ съ такою проницательностью и широтою взгляда и съ такою полнотою содержа-

нія, что періодъ въ четверть вѣка, протекшій послѣ перваго появленія его на англійскомъ языкѣ, нисколько не затронулъ свѣжести и силы мыслей автора. Въ послѣдующихъ изданіяхъ своей книги онъ самъ нашелъ нужнымъ сдѣлать лишь сравнительно немного частныхъ добавленій и измѣненій. Сочиненіе Тэйлора остается и для настоящаго времени столь же полнымъ и новымъ источникомъ для знакомства съ наукой о развитіи культуры, какимъ оно было и двадцать пять лѣтъ тому назадъ.

Указываемыя качества книги Тэйлора, ставя ее въ разрядъ книгъ классическихъ, которыя должны постоянно находиться въ литературномъ обращеніи, могутъ служить достаточнымъ основаніемъ для новаго изданія ея, тѣмъ болѣе, что первое давно уже вышло изъ продажи.

Настоящее изданіе есть повтореніе изданій 1872—1873 гг. (съ незначительными, необходимыми сокращеніями, сдѣланными въ немъ) и дополнено по третьему (послѣднему) англійскому изданію безъ всякихъ новыхъ сокращеній, представляя точное его воспроизведеніе.

Д. К.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Настоящее сочиненіе, однородное съ моимъ предшествовавшимъ трудомъ „Researches into the Early History of Mankind" (Изслѣдованія древнѣйшей исторіи человѣческаго рода) (1-е англ. изд. 1865, 2-е — 1870), представляетъ продолженіе изученія культуры въ другихъ отрасляхъ мысли и вѣрованій, искусства и обычаевъ. Въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ, я отъ времени до времени пользовался случаемъ предлагать вниманію читающей публики нѣкоторыя изъ выдающихся сторонъ представляемыхъ здѣсь новыхъ свидѣтельствъ и аргументовъ. Ученіе о переживаніи въ культурѣ, значеніе непосредственно выразительнаго языка и изобрѣтенія числительныхъ въ дѣлѣ древнѣйшей цивилизаціи, мѣсто, занимаемое миѳомъ въ первобытной исторіи человѣческаго ума, развитіе анимистической философіи религіи и происхожденіе обрядовъ и церемоній были предметомъ многихъ журнальныхъ статей и чтеній [1]) прежде, нежели подверглись болѣе обширной обработкѣ, при помощи большаго числа фактовъ, въ этомъ сочиненіи.

[1]) Fortnightly Review «Origin of Language», Apr. 15, 1866, «Religion of Savages». August 15, 1866. Чтенія въ Корол. инст. «Traces of the Early Mental Condition of Man», Mar. 15, 1867; «Survival of savage Thought in Modern Civilisation», Apr. 23, 1869. Чтеніе въ Университ. Коллегіи въ Лондонѣ, «Spiritualistio Philosophy of the Lower Races of Mankind», May 8, 1869. Записка, читанная въ Британской Ассоціаціи въ Ноттингемѣ, 1866, «Phenomena of Civilization truccable to a rudimental Origin among Savage Tribes». Записка, читанная въ Лондонскомъ Этнологическомъ Обществѣ, 26 апрѣля 1870 г. «Philosophy of Religion among the Lower Races of Mankind», и пр., и пр.

Источники фактовъ, приводимыхъ въ текстѣ, подробно обозначены въ примѣчаніяхъ, которыя въ то же время должны служить выраженіемъ моей признательности писателямъ по этнографіи и сроднымъ съ нею наукамъ, а также и историкамъ, путешественникамъ и миссіонерамъ. Я назову отдѣльно только два сочиненія, которыми я болѣе другихъ пользовался: „Der Mensch in der Geschchte" (Человѣкъ въ исторіи), проф. Бастіана въ Берлинѣ, и „Anthropologie der Naturvölker" (Антропологія первобытныхъ народовъ), покойнаго Вайца, проф. въ Марбургѣ.

При разсмотрѣніи такихъ сложныхъ задачъ, какъ вопросъ о происхожденіи цивилизаціи, недостаточно выставлять теоріи, сопровождая ихъ лишь небольшимъ количествомъ пояснительныхъ примѣровъ. Основою всякаго аргумента должны быть фактическія указанія, и изложеніе является достаточно подробнымъ только въ томъ случаѣ, когда каждая группа фактовъ обнаруживаетъ присущій ей общій законъ такимъ образомъ, что новые случаи становятся сами собою на соотвѣтственныя мѣста, какъ новые примѣры уже установившагося правила. Если бы комулибо изъ читателей показалось, что я, ради достиженія этой цѣли, иногда нагромождаю массы слишкомъ утомительныхъ подробностей, я могъ бы указать ему только, что, въ виду теоретической новизны и вмѣстѣ съ тѣмъ практической важности многихъ изъ представляемыхъ здѣсь выводовъ, было бы крайне неудобно какое-либо ограниченіе ихъ полной доказательности. Въ теченіе десяти лѣтъ, преимущественно посвященныхъ этимъ изслѣдованіямъ, моей главной заботой былъ выборъ наиболѣе поучительныхъ этнологическихъ фактовъ изъ массы относящихся сюда подробностей, и устраненіе ненужнаго матеріала для того, чтобы данныя каждаго вопроса могли быть сведены на необходимое для раціональнаго доказательства.

Э. Б. Т.

Мартъ 1871 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Со времени выхода въ свѣтъ этого сочиненія въ 1871 году появились переводы его на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ. Настоящее изданіе выходитъ одновременно въ Англіи и въ Америкѣ и, вслѣдствіе того, форматъ его нѣсколько измѣненъ. Но содержаніе его, въ сущности, остается тѣмъ же самымъ. Лишь немногія мѣста были дополнены или передѣланы для большей ясности и были введены добавочныя или усовершенствованныя доказательства. Изъ числа антропологовъ, печатные отзывы или частныя сообщенія которыхъ помогли мнѣ исправить или усилить различныя мѣста, я назову только проф. Феликса Либрехта въ Люттихѣ, Клементса Р. Маркгэма, профес. Кельдервуда, Ральстона и Себастьяна Ивэнса.

Многимъ читателямъ могло показаться страннымъ опущеніемъ, что въ сочиненіи о цивилизаціи, настойчиво проводящемъ теорію развитія или эволюціи, почти нигдѣ не упоминается о Дарвинѣ и Гербертѣ Спенсерѣ, вліяніе которыхъ на весь ходъ современной мысли въ этой области не можетъ не быть общепризнаннымъ. Такое отсутствіе особыхъ ссылокъ на нихъ объясняется самостоятельнымъ планомъ настоящаго сочиненія, почти не соприкасающагося въ своихъ частностяхъ съ предшествовавшими трудами этихъ выдающихся философовъ.

Возраженіе, сдѣланное мнѣ многими критиками относительно нагроможденія доказательствъ въ этомъ сочиненіи, заставляетъ меня замѣтить съ искренней признательностью, что это возраженіе, на самомъ дѣлѣ, уравновѣшивается весьма важнымъ преимуществомъ. Намѣреніе собрать обширныя и подробныя доказательства, которыя давали бы читателю средство обсудить самому излагаемую теорію, было оправдано пріемомъ, сдѣланнымъ этой книгѣ даже въ такихъ кругахъ, воззрѣнія которыхъ строго противоположны многимъ ея доводамъ и притомъ въ предме-

тахъ первостепенной важности. Писатели самыхъ разнообразныхъ философскихъ и теологическихъ школъ допускаютъ уже теперь, что этнологическіе факты реальны, жизненны и что ихъ необходимо принимать въ соображеніе. Будетъ не слишкомъ много, если мы скажемъ, что замѣтное движеніе общественнаго мнѣнія поддержало высказываемую здѣсь увѣренность, что англійскіе умы, не слишкомъ подчиненные риторикѣ, отдаются свободному движенію подъ давленіемъ фактовъ.

Э. Б. Т.

Сентябрь 1873 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНІЮ.

Въ этомъ изданіи я не нашелъ нужнымъ измѣнить въ чемъ-либо общую аргументацію; я счелъ только необходимымъ внести дальнѣйшія подробности доказательствъ и исправить нѣкоторыя положенія сообразно новымъ свѣдѣніямъ, накопившимся въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ и заслуживающимъ вниманія.

Э. Б. Т.

Сентябрь 1891 г.

ПЕРВОБЫТНАЯ КУЛЬТУРА.

ГЛАВА I.

Наука о культурѣ.

Культура, или цивилизація.—Связь между ея явленіями сообразно опредѣленнымъ законамъ.—Методы классификаціи и обсужденія доказательствъ.—Связь послѣдовательныхъ стадій культуры чрезъ постоянство, измѣненіе и переживаніе.—Главнѣйшіе предметы, разсматриваемые въ этомъ сочиненіи.

Культура, или цивилизація, въ обширномъ этнографическомъ смыслѣ, слагается въ своемъ цѣломъ изъ знанія, вѣрованія, искусства, нравственности, законовъ, обычаевъ и нѣкоторыхъ другихъ способностей и привычекъ, усвоенныхъ человѣкомъ, какъ членомъ общества. Условія культуры у различныхъ человѣческихъ обществъ, насколько они могутъ быть изслѣдованы на общихъ началахъ, представляютъ предметъ, удобный для изученія законовъ человѣческой мысли и дѣятельности. Съ одной стороны, однообразіе, такъ широко проявляющееся въ цивилизаціи, въ значительной мѣрѣ можетъ быть приписано однообразному дѣйствію однообразныхъ причинъ, а съ другой, различныя ступени цивилизаціи могутъ считаться стадіями постепеннаго развитія, изъ которыхъ каждая является продуктомъ предшествующаго и, въ свою очередь, будетъ играть извѣстную роль въ образованіи исторіи будущаго. Изслѣдованію этихъ двухъ великихъ началъ въ различныхъ этнографическихъ областяхъ, съ особеннымъ разсмотрѣніемъ цивилизаціи низшихъ племенъ по отношенію къ цивилизаціи высшихъ народовъ, мы и посвящаемъ настоящее сочиненіе.

Наши новѣйшіе изслѣдователи въ отрасли наукъ, изучающихъ неорганическую природу, рѣшительнѣе другихъ признаютъ, какъ въ своихъ спеціальныхъ областяхъ, такъ и внѣ ихъ, единство природы,

незыблемость ея законовъ и определенное последованіе причины и следствія, отчего каждый фактъ находится въ зависимости отъ того, что было прежде, и действуетъ на то, что должно быть потомъ. Они крепко держатся ученія Пиѳагора о господствующемъ порядке въ міровомъ строе. Они утверждаютъ, вместе съ Аристотелемъ, что въ природе нетъ несвязныхъ между собою эпизодовъ, какъ въ дурной трагедіи. Они сходятся съ Лейбницемъ въ его аксіоме, что „природа никогда не действуетъ скачками“ (la nature n'agit jamais par saut) и въ его „великомъ начале, обыкновенно мало принимаемомъ въ соображеніе, что ничто не происходитъ безъ достаточной причины“. И далее, при изученіи строенія и нравовъ растеній и животныхъ, или даже при изследованіи низшихъ функцій человека, эти руководящія идеи признаются почти въ такой же степени. Но, когда мы доходимъ до высшихъ процессовъ человеческаго чувства и деятельности, мысли и языка, знанія и искусства, въ преобладающемъ воззреніи на дело оказывается значительная перемена. Люди вообще еще слишкомъ мало подготовлены къ тому, чтобы считать изученіе человеческой жизни ветвью естествознанія и применять въ обширномъ смысле указаніе поэта: „объяснять нравственныя явленія такъ же, какъ и явленія природы“. Многимъ развитымъ умамъ кажется слишкомъ притязательнымъ и отталкивающимъ воззреніе, что исторія человечества есть часть, или даже частичка, исторіи природы, что наши мысли, желанія и действія сообразуются съ законами столь же определенными, какъ и те, которые управляютъ движеніями волнъ, сочетаніемъ кислотъ и основаній и ростомъ растеній и животныхъ.

Главнейшія причины такого состоянія общественнаго сужденія указать не трудно. Многіе охотно признали бы науку исторіи, если бъ она явилась передъ ними съ существенною определительностью началъ и доказательствъ, но они же, не безъ причины, отвертываются отъ предлагаемыхъ имъ системъ, какъ слишкомъ далеко отстоящихъ отъ научныхъ требованій. Несмотря на такое сопротивленіе, реальное знаніе, рано или поздно, прокладываетъ себе дорогу, и въ то же время привычка не доверять новому оказываетъ столь полезное противодействіе вторженіямъ спекулятивнаго догматизма, что иногда можно пожелать, чтобъ она усилилась еще более. Но изследованіе законовъ человеческой природы встречаетъ еще и другія препятствія въ воззреніяхъ метафизиковъ и теологовъ. Общепринятое мненіе о свободе воли допускаетъ не только свободное действіе соответственно известному мотиву, но также и возможность отступать отъ известной последовательности и действовать безъ причины; въ грубомъ виде такое воззреніе можно

сравнить съ представленіемъ о весахъ, которые большею частью действуютъ обыкновеннымъ образомъ, но обладаютъ также способностью колебаться самопроизвольно, безъ действія тяжести или противно ему. Это убежденіе въ аномальной деятельности воли, очевидно, совершенно несовместимое съ научной аргументаціей, существуетъ въ виде мненія, скрывающагося въ умахъ людей и значительно вліяющаго на ихъ теоретическое пониманіе исторіи, хотя оно весьма редко выставляется въ систематическомъ развитіи въ виде закона. На самомъ деле, определеніе человеческой воли, какъ строго сообразующейся съ мотивомъ, есть единственно возможное научное основаніе для такого рода изследованій. Къ счастью, намъ нетъ надобности прибавлять что бы то ни было къ тому, что уже говорилось о сверхъестественномъ вмешательстве и естественной причинности, о свободе, предопределеніи и ответственности. Поспешимъ удалиться изъ областей трансцедентальной философіи и теологіи и предпримемъ более отрадный путь на более практической почве. Никто, зная это изъ очевидности своего собственнаго сознанія, не будетъ отрицать, что человеческія действія въ большинстве случаевъ определяются совершенно ясными и естественными причинами. Затемъ, отстраняясь вполне отъ соображеній о сверхъестественномъ вмешательстве и безпричинной произвольности, мы примемъ это предполагаемое существованіе естественной причины и последствія нашею главною основою и, отправляясь отсюда, пойдемъ такъ далеко, какъ это только окажется возможнымъ. Это будетъ темъ же основаніемъ, опираясь на которое физическія науки продолжаютъ, съ постоянно возрастающимъ успехомъ, свои изследованія законовъ природы. Такое ограниченіе не должно действовать задерживающимъ образомъ на научное изученіе жизни человека, въ которомъ действительными трудностями являются лишь чисто практическія затрудненія чрезвычайной сложности доказательствъ и несовершенства методовъ наблюденія.

Повидимому, въ настоящее время это воззреніе на человеческую волю и образъ действій, какъ подчиненныя определеннымъ законамъ, на самомъ деле признается и принимается за правило теми самыми людьми, которые не соглашаются съ нимъ, когда оно является въ абстракте, какъ общее начало, и которые съ негодованіемъ указываютъ, что оно уничтожаетъ свободную волю человека, разрушаетъ его чувство личной ответственности и понижаетъ его до состоянія бездушной машины. Но разсуждающій такимъ образомъ, темъ не менее, посвятитъ значительную часть своей жизни изученію мотивовъ, ведущихъ человека къ известнымъ действіямъ; онъ будетъ отыскивають средства къ удовлетворенію своихъ желаній помощью ихъ, составлять въ

своемъ умѣ теоріи личнаго характера, соображать — каковы могутъ быть послѣдствія новыхъ комбинацій, и придавать своему сужденію высшій характеръ настоящаго научнаго изслѣдованія. При этомъ онъ будетъ придерживаться убѣжденія, что если его предположеніе оказывается невѣрнымъ, то или доказательства въ пользу этого предположенія были ложны или несовершенны, или отношеніе къ нему было недостаточно раціонально. Такой человѣкъ будетъ суммировать опыты прежнихъ лѣтъ, проведенныхъ въ сложныхъ отношеніяхъ къ обществу, высказывая убѣжденіе, что въ жизни все имѣетъ свою причину, и что тамъ, гдѣ не представляется объясненія, слѣдуетъ ждать и наблюдать въ надеждѣ, что ключъ къ задачѣ будетъ когда-нибудь найденъ. Наблюденія этого человѣка могутъ быть такъ же узки, какъ заключенія его грубы и исполнены предразсудковъ, но тѣмъ не менѣе „онъ больше сорока лѣтъ, самъ того не зная", былъ индуктивнымъ философомъ. Онъ призналъ на практикѣ опредѣленные законы человѣческой мысли и дѣйствій и при изученіи жизни оставлялъ совершенно въ сторонѣ всю систему безмотивной воли и безпричинной произвольности. Мы увидимъ здѣсь, что эти послѣднія должны быть точно также оставлены безъ вниманія и въ болѣе обширной области изслѣдованія, и что настоящая философія исторіи заключается въ распространеніи и усовершенствованіи методовъ здравомыслящихъ людей, основывающихъ свои сужденія на фактахъ и провѣряющихъ ихъ по новымъ фактамъ. Будетъ ли эта система вполнѣ или только отчасти справедлива, она прежде всего выполняетъ необходимое условіе для пріобрѣтенія новыхъ свѣдѣній уроками опыта и представляетъ собою основу всей раціональной стороны нашей жизни.

„Каждое событіе есть дитя другого, и мы никогда не должны забывать этого родства", замѣтилъ одинъ изъ начальниковъ племени бечуана африканскому миссіонеру Казалису. Такимъ образомъ во всѣ времена историки, насколько они стремились стать выше простыхъ хроникеровъ, употребляли всѣ усилія, чтобы показать не только послѣдованіе, но и связь событій, которыя они описывали. И, кромѣ того, они стремились еще выяснить общія начала человѣческихъ дѣйствій и этимъ истолковать частныя событія, такимъ образомъ опредѣленно устанавливая, или только молча допуская, существованіе философіи исторіи. Тѣмъ, которые стали бы отрицать возможность установить такіе историческіе законы, можно возразить словами Босвеля, съ какими онъ въ подобномъ случаѣ обратился къ Джонсону: „итакъ, вы хотите обратить исторію въ простой календарь". То обстоятельство, что труды такихъ знаменитыхъ мыслителей могли довести исторію только до преддверія науки, не должно удивлять того, кто понимаетъ изумительную сложность задачъ, представляющихся всеобщему историку. Доказательства, изъ которыхъ ему приходится выводить свои заключенія, такъ разнообразны и въ то же время сомнительны, что полное и отчетливое сужденіе объ ихъ значеніи въ какомъ-либо частномъ вопросѣ едва ли можетъ быть достигнуто, и такимъ образомъ является почти непреодолимое искушеніе воспользоваться ими для поддержанія какой-нибудь неосмысленной, уже готовой теоріи хода событія. Философія исторіи въ обширномъ смыслѣ, какъ объясненіе прошедшихъ и предсказаніе будущихъ явленій міровой жизни человѣка на основаніи общихъ законовъ, на самомъ дѣлѣ представляетъ такой предметъ, съ которымъ, при настоящемъ положеніи знанія, даже и геніальный умъ, съ помощью самыхъ обширныхъ изысканій, едва ли бы могъ справиться. Но нѣкоторые отдѣлы его, хотя и достаточно трудные, являются, повидимому, сравнительно доступными. Такъ, если область изслѣдованія, вмѣсто „исторіи" во всемъ ея цѣломъ, будетъ ограничена той частью ея, которую мы называемъ „культурой", разумѣя подъ этимъ исторію не племенъ или народовъ, а условій знанія, религіи, искусства, обычаевъ и т. п.,—тогда задача изслѣдованія обѣщаетъ быть болѣе легкой. Мы и здѣсь терпимъ отъ тѣхъ же затрудненій, которыми обставлено болѣе обширное поле изысканій, но въ настоящемъ случаѣ эти трудности являются значительно уменьшенными. Доказательства здѣсь уже не такъ безнадежно разнообразны; онѣ уже могутъ быть классифицируемы и сравниваемы обыкновеннымъ образомъ, и въ то же время возможность отстранить посторонній матеріалъ и прослѣдить для каждаго результата рядъ относящихся къ нему фактовъ, дѣлаетъ непосредственное сужденіе о цѣломъ болѣе цѣннымъ, нежели во всеобщей исторіи. Изъ краткаго предварительнаго разсмотрѣнія нашей задачи можетъ выясниться, какимъ образомъ явленія „культуры" могутъ быть классифицируемы и распредѣляемы, стадія за стадіей, въ вѣроятномъ порядкѣ ихъ развитія.

Съ болѣе широкой точки зрѣнія, характеръ и нравы человѣчества обнаруживаютъ однообразіе и постоянство явленій, заставившее итальянцевъ сказать: „весь міръ есть одна страна" (tutto il mondo é paese). Это однообразіе и постоянство, безъ сомнѣнія, можно прослѣдить въ общемъ сходствѣ природы человѣка съ одной и въ общемъ сходствѣ обстоятельствъ его жизни съ другой стороны, и съ особеннымъ удобствомъ можно изучить ихъ, сравнивая расы, стоящія приблизительно на той же степени цивилизаціи. При такихъ сравненіяхъ не слѣдуетъ придавать большого значенія исторической эпохѣ или географическому

положенію; обитатели озерныхъ жилищъ древней Швейцаріи могутъ быть поставлены рядомъ съ средневѣковыми ацтеками и сѣверо-американскіе оджибвеи рядомъ съ южно-африканскими зулусами. Д-ръ Джонсонъ, прочитавъ въ путешествіяхъ Гауксворта описаніе патагонцевъ и островитянъ Тихаго океана, презрительно выразился, что всѣ дикія племена похожи другъ на друга. Насколько это обобщеніе дѣйствительно вѣрно, можетъ показать каждый этнологическій музей. Для примѣра, обратите вниманіе на рѣжущія и колющія орудія въ какой-либо изъ подобныхъ коллекцій; указатель содержитъ въ себѣ топоры, молоты, долота, ножи, пилы, скребки, шила, иглы, копья и наконечники стрѣлъ; бо́льшая часть ихъ принадлежитъ самымъ различнымъ расамъ, а между тѣмъ представляетъ отличія лишь въ нѣкоторыхъ деталяхъ. То же мы видимъ и въ занятіяхъ дикарей: плотничныя издѣлія, рыболовныя сѣти или удочки, охотничьи стрѣлы или копья, способы добыванія огня, приготовленія пищи на огнѣ, ссучиванья веревокъ и плетеніи корзинъ повторяются съ удивительнымъ однообразіемъ въ образцахъ всѣхъ коллекцій для иллюстраціи жизни низшихъ расъ отъ Камчатки до Огненной Земли и отъ Дагомеи до Гавайи. Даже при сравненіи дикихъ племенъ съ образованными народами, для насъ само собой становится ясно, какъ шагъ за шагомъ жизнь дикихъ расъ переходитъ въ подобные же процессы у высшихъ расъ, являясь въ легко распознаваемыхъ, а иногда почти вовсе неизмѣненныхъ формахъ. Для этого нужно только обратить вниманіе на европейскаго крестьянина, когда онъ работаетъ своимъ топоромъ или мотыкой, посмотрѣть, какъ онъ кипятитъ или жаритъ свою пищу на кострѣ, опредѣлить настоящее мѣсто, какое пиво занимаетъ въ его мечтахъ о счастіи, послушать его разсказы о привидѣніяхъ въ ближайшемъ домѣ, гдѣ они являются, или о племянницѣ фермера, которую колдовство довело до припадковъ и даже свело въ могилу. Если мы при этомъ будемъ избирать предметы, мало измѣнившіеся въ теченіе столѣтій, мы получимъ картину, въ которой англійскій земледѣлецъ будетъ стоять почти рядомъ съ средне-африканскимъ негромъ. Наше дальнѣйшее изложеніе наполнено доказательствами такихъ совпаденій у различныхъ группъ человѣчества, и потому намъ незачѣмъ останавливаться теперь на этихъ подробностяхъ; но мы должны обойти здѣсь вопросъ, который могъ бы усложнить развитіе нашей мысли, а именно вопросъ о расахъ. Для нашей настоящей цѣли является и возможнымъ, и желательнымъ устранить соображенія о наслѣдственныхъ измѣненіяхъ человѣческихъ расъ и считать человѣчество однороднымъ по природѣ, хотя и находящимся на различныхъ степеняхъ цивилизаціи. Я надѣюсь, частности нашего

изслѣдованія покажутъ, что фазисы культуры могутъ быть сравниваемы, не принимая въ расчетъ — насколько племена, пользующіяся тѣми же орудіями, слѣдующія тѣмъ же обычаямъ или вѣрующія въ тѣ же миѳы, различаются между собою физическимъ строеніемъ и цвѣтомъ своей кожи и волосъ.

Первымъ шагомъ при изученіи цивилизаціи должно быть расчлененіе ея на составныя части и классификація этихъ послѣднихъ въ соотвѣтствующія группы. Такъ, разсматривая оружіе, мы можемъ различать копья, палицы, пращи, луки и стрѣлы и т. д.; между ткацкими издѣліями мы найдемъ плетенья, вязанья и различные способы пряденія и тканья нитей. Миѳы могутъ быть раздѣлены на миѳы солнечнаго восхода и заката, затменій, землетрясеній, мѣстные миѳы, объясняющіе имена мѣстностей какою-нибудь фантастическою сказкой, эпонимическіе миѳы, объясняющіе родство какого-нибудь племени обращеніемъ его имени въ названіе нѣкотораго воображаемаго предка. Между обрядами и церемоніями мы встрѣчаемъ такіе обычаи, какъ принесеніе различнаго рода жертвъ тѣнямъ умершихъ и другимъ духовнымъ существамъ, обращеніе къ востоку во время молитвы, очищеніе отъ обрядовыхъ или нравственныхъ проступковъ посредствомъ воды или огня. Мы представляемъ здѣсь примѣры, взятые изъ сотенъ подобныхъ имъ, и на обязанности этнографа лежитъ классифицированіе этихъ частностей, съ цѣлью ихъ географическаго и историческаго распредѣленія и указанія существующихъ между ними отношеній. Характеръ этой работы вполнѣ выяснится, если мы сравнимъ эти детали культуры съ видами растеній и животныхъ, изучаемыхъ натуралистами. Для этнографа лукъ и стрѣла составляютъ видъ, такъ же, какъ и обычай сплющиванья дѣтскихъ череповъ или обычай счета десятками. Географическое распредѣленіе и переходъ этихъ предметовъ изъ одной области въ другую должны быть изучаемы подобно тому, какъ натуралистъ изучаетъ географическое размѣщеніе своихъ ботаническихъ и зоологическихъ видовъ. Точно такъ же, какъ нѣкоторыя растенія и животныя свойственны только нѣкоторымъ мѣстностямъ, то же мы можемъ сказать и относительно австралійскаго бумеранга, полинезійской палочки и дощечки для приготовленія огня, маленькаго лука и стрѣлы, употребляемой на подобіе ланцета племенами, живущими около Панамскаго перешейка, и т. д., относительно каждаго искусства, миѳа или обычая, встрѣчающихся изолированно въ извѣстныхъ областяхъ. Точно такъ же, какъ каталогъ всѣхъ видовъ растеній и животныхъ извѣстной мѣстности представляетъ ея флору и фауну, списокъ частностей, составляющихъ общую принадлежность жизни извѣстнаго народа, представляетъ собою

то цѣлое, которое мы называемъ его культурой. И такъ же, какъ отдаленныя области часто производятъ растенія и животныхъ, сходственныхъ между собою, хотя никакъ не тождественныхъ, то же мы видимъ и въ деталяхъ цивилизаціи ихъ обитателей. Насколько справедлива дѣйствительная аналогія между распространеніемъ растеній и животныхъ и распространеніемъ цивилизаціи, мы можемъ видѣть совершенно ясно, замѣчая, насколько тѣ же причины дѣйствовали въ обоихъ случаяхъ. Въ одной мѣстности за другою, тѣ же причины, силою которыхъ были введены воздѣланныя растенія и одомашненныя животныя, свойственныя цивилизаціи, обусловили въ то же время приливъ соотвѣтственныхъ знаній и искусствъ. Событія, вслѣдствіе которыхъ лошадь и пшеница проникли въ Америку, ввели туда въ то же время и огнестрѣльное оружіе, и стальные топоры, тогда какъ, наоборотъ, Старый Свѣтъ получилъ оттуда не только маисъ, картофель и индѣекъ, но и обычай куренія табаку, и матросскія койки.

Весьма достойно вниманія, что указанія сходныхъ явленій культуры, встрѣчающихся въ различныхъ частяхъ свѣта, замѣняютъ слишкомъ случайныя доказательства достовѣрности этихъ указаній. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ великій историкъ предложилъ мнѣ относящійся сюда вопросъ: „какимъ образомъ утвержденіе о какихъ бы то ни было обычаяхъ, миѳахъ, вѣрованіяхъ и пр. какого-нибудь дикаго племени можетъ имѣть доказательную силу, когда оно зависитъ отъ свидѣтельства какого-нибудь путешественника или миссіонера, который можетъ быть поверхностнымъ наблюдателемъ, болѣе или менѣе невѣжественнымъ въ туземномъ языкѣ, необдуманнымъ разсказчикомъ неосновательныхъ слуховъ, человѣкомъ предубѣжденнымъ или даже намѣреннымъ обманщикомъ?“ Дѣйствительно, этотъ вопросъ всякій этнографъ долженъ постоянно имѣть передъ собой. Безъ сомнѣнія, онъ долженъ всѣми силами своего сужденія убѣждаться въ достовѣрности тѣхъ авторовъ, которыхъ онъ цитируетъ, и, если возможно, добывать различныя указанія для провѣрки каждаго вопроса въ каждой мѣстности. Но эти мѣры предосторожности становятся излишними, когда мы убѣждаемся въ повторяемости описываемаго явленія. Если два посѣтителя различныхъ странъ, стоящіе внѣ всякой зависимости другъ отъ друга, положимъ, средневѣковой магометанинъ въ Татаріи и современный англичанинъ въ Дагомеѣ или іезуитъ въ Бразиліи и веслеянинъ на островахъ Фиджи сходятся при описаніи какого-нибудь аналогичнаго искусства, обряда или миѳа у того народа, который они наблюдали, тогда становится труднымъ или даже невозможнымъ приписывать такое совпаденіе случайности или намѣренному обману. Исторія, разсказанная

какимъ-нибудь искателемъ приключеній въ Австраліи, пожалуй, можетъ быть сочтена ошибкой или выдумкой, но неужели методистскій священникъ въ Гвинеѣ сговорился съ нимъ обманывать публику, разсказывая такую же исторію о томъ же? Возможность намѣренной или ненамѣренной мистификаціи часто устраняется обстоятельствомъ, что сходное указаніе сдѣлано въ двухъ отдаленныхъ одна отъ другой земляхъ и двумя свидѣтелями, изъ которыхъ A жилъ столѣтіемъ раньше B, а B, повидимому, никогда не слыхалъ объ A. Чтобы убѣдиться, насколько при перечисленіи фактовъ цивилизаціи указываемыя страны отдалены одна отъ другой, времена наблюденій различны и вѣрованія и характеры наблюдателей несходны, достаточно взглянуть на примѣчанія въ этомъ сочиненіи. И чѣмъ своеобразнѣе подобныя указанія, тѣмъ менѣе вѣроятности, чтобы различныя лица въ различныхъ мѣстахъ могли сдѣлать ихъ неправильно. Допуская это, будетъ достаточно раціональнымъ предположить, что эти утвержденія въ большинствѣ случаевъ справедливы, и что ихъ тѣсное и правильное совпаденіе происходитъ отъ скопленія сходныхъ фактовъ въ различныхъ областяхъ культуры. Въ настоящее время такимъ путемъ контролируются важнѣйшіе этнографическіе факты. Опытъ чрезъ нѣкоторое время приводитъ изслѣдователя къ предположенію и убѣжденію, что культурныя явленія, какъ происходящія отъ общихъ сходныхъ причинъ, должны безпрестанно повторяться. Онъ уже не довѣряетъ изолированнымъ указаніямъ, подобныхъ которымъ нигдѣ не встрѣчается, и для подтвержденія ихъ ожидаетъ сходныхъ указаній съ противоположныхъ частей земного шара или съ другого конца исторіи. На самомъ дѣлѣ эти способы провѣрки такъ могущественны, что этнографъ, не выходя изъ своей библіотеки, можетъ иногда взять на себя рѣшеніе не только вопроса о проницательности и добросовѣстности извѣстнаго наблюдателя, но также и того, насколько его сообщеніе сообразуется съ общими началами цивилизаціи. Non quis, sed quid.

Обратимся теперь отъ распредѣленія культуры въ различныхъ странахъ къ ея распространенію въ нихъ. Человѣчество обладаетъ свойствомъ, особенно располагающимъ къ систематическому изученію цивилизаціи; мы говоримъ о томъ молчаливомъ соглашеніи или единодушіи, которое въ такой сильной степени побуждаетъ цѣлые народы соединяться въ употребленіи того же языка, въ послѣдованіи той же религіи и тому же обычному праву, къ достиженію того же общаго уровня искусства и знанія. Благодаря этому обстоятельству, мы имѣемъ возможность, оставляя въ сторонѣ исключительные факты, описывать народы по нѣкоторому среднему уровню. Вмѣстѣ съ тѣмъ у насъ является

возможность представить громадныя массы подробностей нѣсколькими типическими фактами, при чемъ, послѣ установленія этихъ послѣднихъ, новые случаи, указываемые новыми наблюдателями, прямо занимаютъ соотвѣтственныя имъ мѣста, доказывая такимъ путемъ раціональность классификаціи. Въ устройствѣ человѣческихъ обществъ оказывается такая правильность, что мы можемъ совершенно оставить въ сторонѣ индивидуальныя различія и обобщить искусства и воззрѣнія цѣлыхъ народовъ, подобно тому, какъ, смотря на войско сверху горы, мы не думаемъ о каждомъ отдѣльномъ солдатѣ, котораго притомъ мы въ общей массѣ почти не можемъ и различить, и видимъ только каждый полкъ, какъ организованное тѣло, разсыпающимся или собирающимся, двигающимся впередъ или отступающимъ. Въ нѣкоторыхъ отросляхъ изученія соціальныхъ законовъ въ настоящее время возможно обращаться къ содѣйствію статистики, выдѣляя при этомъ спеціальныя дѣйствія разнообразно смѣшанныхъ человѣческихъ конгрегацій, посредствомъ списковъ собирателей пошлинъ или таблицъ страховыхъ обществъ. Изъ всѣхъ новѣйшихъ изслѣдованій законовъ человѣческихъ дѣйствій, наиболѣе рѣшительное вліяніе имѣли обобщенія Кетле относительно правильности не только такихъ данныхъ, какъ средній уровень роста и ежегоднаго числа рожденій и смертей, но и правильнаго возвращенія, годъ за годомъ, такихъ темныхъ и, повидимому, не поддающихся вычисленію продуктовъ народной жизни, какъ числа убійствъ и самоубійствъ и даже отношенія самихъ орудій преступленія. Другимъ поразительнымъ примѣромъ можетъ служить совершенная правильность въ количествѣ лицъ, ежегодно убиваемыхъ, вслѣдствіе несчастныхъ случайностей, на лондонскихъ улицахъ, и писемъ безъ адреса, опущенныхъ въ почтовые ящики. Изслѣдуя культуру низшихъ расъ, мы не только не имѣемъ въ распоряженіи математически опредѣленныхъ фактовъ новѣйшей статистики, но должны составлять сужденіе о положеніи дикихъ племенъ по несовершеннымъ отчетамъ путешественниковъ и миссіонеровъ, или даже основываться на остаткахъ доисторическихъ расъ, самыя имена и языки которыхъ для насъ безвозвратно потеряны. Съ перваго взгляда все это можетъ показаться весьма неопредѣленнымъ и мало обѣщающимъ матеріаломъ для научнаго изслѣдованія. Но въ дѣйствительности эти данныя вовсе не оказываются неопредѣленными или мало обѣщающими, а представляютъ возможно-ясныя и точныя доказательства. Онѣ являются данными, которыя, вслѣдствіе того, что онѣ разносторонне выказываютъ положеніе того племени, къ какому относятся, могутъ на самомъ дѣлѣ выдержать сравненіе съ отчетами статистики. Дѣло въ томъ, что каменный наконечникъ стрѣлы, украшенная рельефами палица, идолъ, могильный холмъ, въ которомъ были погребены невольники и цѣнныя вещи для пользованія умершему, разсказъ о пріемахъ колдуна для вызыванія дождя, таблица чиселъ, спряженіе глагола могутъ сами по себѣ представить состояніе народа относительно извѣстной стороны культуры съ такою же достовѣрностью, какъ правильныя таблицы количества смертей отъ отравленія и числа ввезенныхъ ящиковъ чая выражаютъ различнымъ образомъ другіе частные результаты общей жизни цѣлаго общества.

То обстоятельство, что цѣлая нація имѣетъ свой особый костюмъ, особыя орудія и оружіе, особые брачные и имущественные законы, особыя нравственныя и религіозныя ученія, представляетъ замѣчательный фактъ, на который мы обращаемъ такъ мало вниманія лишь потому, что мы провели всю нашу жизнь въ этой средѣ. Этнографія имѣетъ дѣло именно съ такими общими качествами организованныхъ человѣческихъ группъ. Хотя обобщеніе относительно культуры извѣстнаго племени или народа и отстраненіе индивидуальныхъ частностей, изъ которыхъ она состоитъ, не имѣютъ значенія для главнаго результата, но въ то же время мы должны заботливо помнить, что составляетъ этотъ главный результатъ. Нѣкоторые умы обращаютъ такъ много вниманія на отдѣльныя жизни индивидуумовъ, что не могутъ отдать себѣ отчета о дѣятельности всей общины въ ея цѣломъ; къ такимъ наблюдателямъ, неспособнымъ къ широкому взгляду на общество, вполнѣ примѣнима извѣстная поговорка, что они „за деревьями не видятъ лѣса“. Но, съ другой стороны, философъ можетъ такъ много придавать значенія общимъ законамъ общества, что для него совершенно не будутъ существовать отдѣльные дѣятели, изъ которыхъ состоитъ общество, и о немъ можно сказать, что онъ „за лѣсомъ не видитъ деревьевъ“. Мы знаемъ, какимъ образомъ искусства, обычаи и идеи образуются въ нашей собственной средѣ соединенною дѣятельностью многихъ индивидуумовъ, дѣйствія которыхъ съ ихъ мотивами и послѣдствіями иногда являются вполнѣ замѣтными для насъ. Исторія каждаго изобрѣтенія, воззрѣнія или обряда есть исторія внушенія и измѣненія, поощренія и противодѣйствія, личныхъ стремленій и предразсудковъ партій; дѣйствующіе здѣсь индивидуумы поступаютъ сообразно съ своими собственными мотивами, которые опредѣляются ихъ характеромъ и обстоятельствами. Такъ, иногда мы замѣчаемъ, какъ индивидуумы дѣйствуютъ для своихъ личныхъ цѣлей, мало заботясь о послѣдствіяхъ своей дѣятельности для всего общества, а иногда мы можемъ изучать движенія народной жизни въ ея цѣломъ, гдѣ индивидуумы, принимающіе здѣсь участіе, становятся совершенно внѣ нашего наблюденія. Зная, что коллек-

тивная соціальная дѣятельность есть только сумма дѣятельностей многихъ отдѣльныхъ лицъ, мы видимъ совершенно ясно, что оба эти метода изслѣдованія, при правильномъ примѣненіи ихъ, непремѣнно должны быть согласными между собой.

Изучая проявленіе нѣкоторыхъ особыхъ привычекъ или идей въ различныхъ мѣстностяхъ и преобладаніе ихъ въ каждой мѣстности, мы видимъ постоянно повторяющіяся доказательства правильной причинности, производящей явленія человѣческой жизни, и законовъ закрѣпленія и распространенія, сообразно которымъ явленія эти обращаются въ прочныя характеристическія условія общественной жизни на опредѣленныхъ стадіяхъ культуры. Но, отдавая должное доказательствамъ, основаннымъ на установленныхъ общественныхъ условіяхъ, мы должны быть осторожны, чтобъ избѣжать подводныхъ камней, опасныхъ для неопытныхъ изслѣдователей. Безъ сомнѣнія, взгляды и привычки, одинаково принадлежащіе значительной части человѣчества, въ большинствѣ случаевъ представляютъ результаты здраваго сужденія и практической мудрости. Но во многихъ другихъ случаяхъ мы видимъ совершенно иное. Изъ того, что многія обширныя общества людей вѣрили вліянію дурного глаза и различныхъ созвѣздій, приносили въ жертву тѣламъ умершихъ—рабовъ и различные предметы, поддерживали преданія объ исполинахъ, убивающихъ чудовищъ, и о людяхъ, обращающихся въ звѣрей,—изъ всего этого есть основаніе заключать, что подобныя идеи были дѣйствительно порождены извѣстными соотвѣтственными причинами, но еще нѣтъ основанія утверждать, что упомянутые обряды на самомъ дѣлѣ полезны, вѣрованія раціональны и преданія достовѣрны. То, что́ мы говоримъ, съ перваго взгляда можетъ показаться труизмомъ, но на самомъ дѣлѣ оно направлено противъ той ошибочности сужденій, которою глубоко проникнуты умы всѣхъ, за исключеніемъ весьма незначительной критически мыслящей части человѣчества. По общему мнѣнію, что̀ говорятъ всѣ, то должно быть истинно, что̀ всѣ дѣлаютъ—то должно быть правильно: „quod ubique, quod semper, quod ab omnibus creditum est, hoc est vere proprieque Catholicum", и т. д. Въ особенности, въ исторіи, въ правѣ, философіи и теологіи есть много общихъ мѣстъ, относительно которыхъ даже и нашихъ образованныхъ людей не всегда можно убѣдить, что причина—почему большинство держится какого-нибудь воззрѣнія или слѣдуетъ извѣстному обычаю, вовсе не должна заставлять и ихъ дѣлать то же самое. Собранія этнографическихъ фактовъ, такъ осязательно показывая близкое совпаденіе у громаднаго числа человѣческихъ обществъ извѣстныхъ преданій, вѣрованій и обычаевъ, въ особенности открываютъ возможность неумѣстнаго пользованія ими для защиты этихъ самыхъ установленій; такимъ путемъ и древнія варварскія націи могли бы отстаивать свои убѣжденія противъ такъ называемыхъ современныхъ идей. Мнѣ часто случалось видѣть, что мои собственныя собранія преданій и вѣрованій были употребляемы для доказательства объективной истинности послѣднихъ, безъ необходимаго разсмотрѣнія основаній ихъ распространенія. Поэтому я пользуюсь этимъ случаемъ для замѣчанія, что тѣмъ же логическимъ процессомъ, на основаніи очевиднаго и повсемѣстнаго единства взглядовъ, можно было бы съ такимъ же успѣхомъ доказывать, что земля плоска, а кошмаръ есть дѣло злого духа.

Показавъ, что детали культуры могутъ быть размѣщены въ значительное число этнографическихъ группъ, куда войдутъ искусства, вѣрованія, обычаи и пр., мы приходимъ къ вопросу—насколько факты, размѣщенные въ эти группы, составляютъ продуктъ развитія однихъ изъ другихъ. Едва ли нужно указывать, что хотя упоминаемыя группы сами по себѣ и связаны общностью признаковъ, но онѣ не могутъ назваться точно опредѣленными. Обращаясь опять за поясненіемъ къ естественной исторіи, мы можемъ сказать, что это—виды, сильно стремящіеся перейдти къ разновидности. Но когда является вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ этихъ группъ, тогда оказывается, что изучающій человѣческіе нравы имѣетъ большое преимущество надъ изучающимъ растительные или животные виды. Между натуралистами еще остается открытымъ вопросъ — говоритъ ли теорія развитія одного вида изъ другого о переходахъ, которые дѣйствительно имѣли мѣсто, или это не болѣе, какъ идеальная схема, пригодная для классификаціи видовъ, происхожденіе которыхъ на самомъ дѣлѣ совершенно независимо другъ отъ друга. Но для этнографовъ не можетъ быть вопроса о возможности развитія видовъ орудій, нравовъ или вѣрованій одного или другого, такъ какъ развитіе въ культурѣ доказывается общественными данными. Механическія изобрѣтенія представляютъ удобные примѣры того рода развитія, которое совершается во всей цивилизаціи. Въ исторіи огнестрѣльнаго оружія неуклюжій колесный замокъ, въ которомъ нарѣзное стальное колесо вращалось рукояткой передъ кремнемъ, пока искра не падала на полку, повело къ изобрѣтенію болѣе удобнаго кремневаго замка, образцы котораго можно и теперь изрѣдка увидѣть въ кухняхъ нашихъ фермъ и которые служатъ мальчикамъ для стрѣльбы мелкихъ птицъ во время рождественскихъ праздниковъ. Кремневый замокъ съ теченіемъ времени подвергся рѣзкому превращенію, обратившись въ ударный замокъ, который въ недавнее время долженъ былъ измѣнить свое прежнее устройство, приспособившись къ заряжанію, вмѣсто дула,

съ казенной части. Средневѣковая астролябія перешла въ квадрантъ, который, въ свою очередь, уже оставленъ моряками, употребляющими вмѣсто него болѣе тонкій секстантъ; и то же мы видимъ въ исторіи каждаго искусства и инструмента. Такіе примѣры прогресса извѣстны намъ изъ прямыхъ историческихъ свѣдѣній, но съ этимъ понятіемъ развитія нашъ умъ освоился въ такой сильной степени, что, съ помощью его, мы возстанавливаемъ исторію давно забытаго времени безъ всякаго колебанія, полагаясь на общее познаніе началъ человѣческой мысли и дѣятельности, какъ на руководство для размѣщенія фактовъ въ соотвѣтственномъ порядкѣ. Говоритъ ли объ этомъ хроника или нѣтъ, —каждый, при сравненіи продолговатаго лука съ крестообразнымъ, не усомнится, что послѣдній есть развитіе перваго, простѣйшаго орудія. Точно также огнивы дикарей для добыванія огня посредствомъ тренія съ перваго взгляда показываютъ, что деревяшка, вращаемая веревкой или орудіемъ въ видѣ лука, есть позднѣйшее усовершенствованіе тяжелаго первобытнаго снаряда, вращаемаго руками. Поучительный классъ образцовъ, отъ времени до времени открываемыхъ антикваріями, каковы, напр., бронзовые кельты, выдѣланные по неуклюжему типу каменнаго топора, едва ли могутъ считаться чѣмъ-либо инымъ, какъ не первыми шагами при переходѣ отъ каменнаго вѣка къ бронзовому; за ними слѣдуютъ дальнѣйшія стадіи прогресса, гдѣ уже замѣтно, что новый матеріалъ приспособляется для болѣе удобныхъ и менѣе невыгодныхъ моделей. Такимъ же образомъ, и въ другихъ областяхъ нашей исторіи все болѣе и болѣе обнаруживаются ряды фактовъ, которые могутъ быть соотвѣтственно размѣщаемы въ ихъ послѣдованіи другъ за другомъ въ особомъ порядкѣ развитія, но которые едва ли могутъ быть перевернуты и поставлены въ обратномъ порядкѣ. Таковы, напр., факты, которые я представилъ въ главѣ объ искусствѣ счисленія, ведущіе къ доказательству, что, по крайней мѣрѣ, въ этой области культуры, дикія племена достигли своего теперешняго положенія, учась, а не разучиваясь, скорѣе поднимаясь изъ низшаго состоянія, нежели опускаясь съ высшаго.

Между свидѣтельствами, помогающими намъ прослѣдить дѣйствительный ходъ цивилизаціи, существуетъ обширный классъ фактовъ, для обозначенія которыхъ я почелъ удобнымъ ввести терминъ „переживанія“ или „переживающіе“ (survivals). Это тѣ обряды, обычаи, воззрѣнія и пр., которые, силою привычки, были перенесены въ новое состояніе общества, отличное отъ того, которому они были свойственны, и остаются такимъ образомъ въ видѣ доказательствъ или примѣровъ прежняго состоянія культуры, изъ котораго развилось новѣйшее. Такъ,

въ Сомерсетшейрѣ я зналъ одну женщину, ткацкій станокъ которой относится ко времени, предшествующему введенію подвижного челнока, съ новоизобрѣтеннымъ примѣненіемъ котораго она даже и не знакома; я видѣлъ, какъ она вполнѣ классически перебрасывала свой челнокъ изъ одной руки въ другую; этой женщинѣ еще нѣтъ ста лѣтъ, но она представляетъ случай переживанія. Подобные примѣры относятъ насъ иногда къ нравамъ за сотни и даже за тысячи лѣтъ назадъ. Остатки ордалій, до сихъ поръ еще употребляющіеся, представляютъ переживаніе; то же мы видимъ и въ кострахъ на Иванову ночь, и въ поминкахъ бретонскихъ крестьянъ за души умершихъ въ день общаго поминовенія покойниковъ. Простое сохраненіе древнихъ обычаевъ есть только одна сторона перехода изъ старыхъ въ новыя и измѣнившіяся времена. То, что было серьезнымъ дѣломъ для древнихъ, уже перешло въ забавы для позднѣйшихъ поколѣній; наиболѣе важныя для первыхъ вѣрованія находятъ себѣ мѣсто въ дѣтскихъ сказкахъ, но въ то же время вытѣсненные нравы старинной жизни могутъ измѣняться въ новѣйшія формы, еще имѣющія силу для принесенія вреда или пользы. Иногда старинныя идеи или обычаи вдругъ возникаютъ вновь, къ удивленію міра, который ихъ считалъ давно уже умершими или умирающими; здѣсь переживаніе переходитъ въ оживаніе, какъ это обнаружилось недавно въ замѣчательной степени въ исторіи новѣйшаго спиритизма, представляющаго весьма любопытный предметъ для изученія съ этнографической точки зрѣнія. Изслѣдованіе общихъ началъ переживанія, на самомъ дѣлѣ, имѣетъ не маловажное практическое значеніе, такъ какъ бо́льшая часть того, что мы называемъ суевѣріями, принадлежитъ къ переживаніямъ, и такимъ образомъ является открытой для нападенія своего смертельнаго врага — раціональнаго объясненія. Кромѣ того, какъ ни незначительны сами по себѣ факты переживанія въ ихъ большинствѣ, но изученіе ихъ настолько способствуетъ возможности обозначенія хода ихъ историческаго развитія, посредствомъ чего только и выясняется ихъ значеніе, что пріобрѣтеніе яснаго воззрѣнія на природу ихъ является одной изъ самыхъ живыхъ сторонъ этнографическаго изслѣдованія. Эта важность должна оправдывать подробное разсмотрѣніе здѣсь переживанія, на основаніи доказательствъ, представляемыхъ играми, народными изреченіями, обычаями, суевѣріями и т. п., могущими служить для обнаруженія способа дѣйствія его.

Передовое и обратное движенія, переживаніе, оживаніе, измѣненія и пр. представляютъ связующія начала сложной сѣти цивилизаціи. Достаточно взглянуть на самыя обыденныя частности нашей ежедневной жизни, чтобы понять, насколько мы создаемъ ихъ сами, и насколько мы

лишь передаемъ и измѣняемъ результаты давнопрошедшаго времени. Оглядываясь на обстановку тѣхъ комнатъ, гдѣ мы живемъ, мы можемъ испробовать, насколько тотъ, кто знакомъ лишь съ своей собственной эпохой, способенъ вѣрно понимать окружающее его. Мы видимъ, напр., карнизъ съ греческимъ бордюромъ по потолку, зеркало, украшенное въ стилѣ Людовика XIV или родственномъ стилю Renaissance и пр. Преобразованные, измѣненные и искаженные, эти элементы искусства все-таки представляютъ свою исторію запечатлѣнною на нихъ, и если намъ трудно разобрать изъ предыдущую исторію, мы не можемъ утверждать на основаніи этого, что этой исторіи не существуетъ вовсе. То же мы видимъ и въ фасонахъ мужскихъ костюмовъ. Смѣшные хвостики куртокъ у нѣмецкихъ почтальоновъ показываютъ сами, какимъ образомъ они выродились въ такіе странные зачатки; но и воротники англійскихъ духовныхъ лицъ точно также скрываютъ свою исторію и являются необъяснимыми до тѣхъ поръ, пока не удастся увидѣть посредствующихъ ступеней, которыми они перешли изъ болѣе удобныхъ широкихъ воротниковъ, какіе мы видимъ у Мильтона, на его портретѣ, и какимъ обязаны своимъ названіемъ „band boxes", въ которыхъ ихъ держали. Въ дѣйствительности, историческія описанія костюмовъ, показывающія, какъ извѣстная одежда постепенно разросталась или уменьшалась и переходила въ другую, выясняютъ съ большою ясностью свойство измѣненія и роста, оживанія и уничтоженія, происходящія изъ года въ годъ въ важнѣйшихъ жизненныхъ предметахъ. И въ литературѣ мы судимъ каждаго писателя не только въ немъ и по немъ самомъ, но и по мѣсту, занимаемому имъ въ исторіи; относительно каждаго философа, математика, химика, поэта мы заглядываемъ назадъ въ исторію его образованія: чрезъ Лейбница мы смотримъ на Декарта, чрезъ Дальтона на Пристлея, чрезъ Мильтона на Гомера. Наука о языкѣ сдѣлала, быть можетъ, болѣе всякой другой, отстранивъ отъ нашего воззрѣнія на человѣческую мысль и дѣятельность всѣ идеи о случайномъ и произвольномъ изобрѣтеніи и замѣнивъ ихъ теоріей развитія, чрезъ совмѣстную работу отдѣльныхъ лицъ, посредствомъ раціональныхъ и ясныхъ для нашего пониманія процессовъ, факты которыхъ намъ вполнѣ извѣстны. Какъ ни зачаточно это состояніе науки о культурѣ, но все болѣе и болѣе оказывается несомнѣннымъ, что даже особенно произвольныя и не связанныя ни съ какимъ мотивомъ явленія ея также неизбѣжно должны быть помѣщены въ ряду опредѣленныхъ причинъ и послѣдствій, какъ и факты механики. Можетъ ли быть, по общему мнѣнію, что-нибудь болѣе неопредѣленное и неподчиненное правиламъ, чѣмъ продукты воображенія въ миѳахъ и басняхъ? Однако,

всякое систематическое изученіе миѳологіи, опирающееся на обширное собраніе доказательствъ, должно показать въ такихъ усиліяхъ фантазіи послѣдовательный переходъ отъ одной стадіи къ другой и, въ то же время, однообразіе результата вслѣдствіе однообразія причины. Здѣсь, какъ и вездѣ, безпричинная произвольность видимо отступаетъ все далѣе и далѣе въ темную область невѣжества, такъ же, какъ и случай, который для мало развитыхъ умовъ все еще является реальной причиной событій, необъяснимыхъ другимъ путемъ, тогда какъ для образованнаго человѣка подобное объясненіе представляется тѣмъ же незнаніемъ. Только не умѣя замѣтить непрерывной связи въ событіяхъ, люди бываютъ наклонны приходить къ идеямъ о произвольныхъ импульсахъ, безпричинныхъ движеніяхъ воли, случайностяхъ, неосмысленности и неопредѣленной безотчетности. Если дѣтскія игры, безполезные обычаи, нелѣпыя суевѣрія будутъ сочтены произвольными, потому что никто не можетъ сказать съ точностью, какъ они произошли, такое утвержденіе напомнитъ намъ подобное же дѣйствіе, которое нѣкоторыя исключительныя свойства дикаго риса оказали на философію одного изъ племенъ краснокожихъ индѣйцевъ, расположеннаго во всѣхъ другихъ случаяхъ видѣть въ гармоніи природы дѣйствіе одной контролирующей воли. Великій Духъ, говорили теологи племени Сіуксъ, создалъ все, кромѣ дикаго риса; а рисъ произошелъ случайно.

„Человѣкъ", сказалъ Вильгельмъ ф. Гумбольдтъ, „связываетъ все съ тѣмъ, что находится передъ нимъ (der Mensch knüpft immer an Vorhandenes an)". Мысль о непрерывности цивилизаціи, содержащаяся въ этомъ выраженіи, есть не сухое философское начало; она пріобрѣтаетъ совершенно практическое значеніе при простомъ соображеніи, что всякому желающему понять свою собственную жизнь, необходимо узнать послѣдовательныя ступени, которыми проходили его воззрѣнія и привычки, чтобы придти къ ихъ настоящему состоянію. Огюстъ Контъ едва ли преувеличилъ необходимость такого изученія развитія, высказавъ въ началѣ своей „Позитивной Философіи", что „никакая идея (conception) не можетъ быть понята безъ ея исторіи", и эта фраза можетъ быть распространена на культуру вообще. Находить возможнымъ смотрѣть въ лицо современной жизни и понимать ее только на основаніи своего наблюденія — есть такой родъ философіи, достоинство котораго не трудно оцѣнить. Представьте себѣ человѣка, который сталъ бы объяснять народное выраженіе „мнѣ объ этомъ сказала птичка", не зная древняго повѣрья о языкѣ звѣрей и птицъ, чему д-ръ Дасентъ въ введеніи къ своимъ „Norse Tales" такъ раціонально приписываетъ происхожденіе этого выраженія. Попытки объяснить съ помощью логики

то, что выясняется лишь при свѣтѣ исторіи, можно найти въ Комментаріяхъ Блэкстона. Блэкстону кажется, что самое право общинника пасти свой скотъ на общинныхъ лугахъ находитъ свое происхожденіе и объясненіе въ феодальной системѣ. „На самомъ дѣлѣ, когда владѣльцы замковъ уступали часть своей земли арендаторамъ за услуги, уже сдѣланныя или имѣющія быть сдѣланными, эти арендаторы не могли пахать или удобрять землю безъ помощи животныхъ, и этихъ животныхъ нельзя было содержать безъ пастбищъ, а пастбища эти можно было имѣть только на свободныхъ земляхъ лорда и на неогороженныхъ, необрабатываемыхъ земляхъ этихъ самыхъ и другихъ арендаторовъ. Поэтому законъ присоединилъ это общинное право, какъ нѣчто неразрывно связанное, къ пользованію землею; таково было начало общинныхъ угодій“ и т. д. [1]). Хотя это объясненіе кажется достаточно разумнымъ, оно вовсе не сходится съ тевтонскимъ правомъ земельнаго владѣнія, господствовавшимъ въ Англіи задолго до норманскаго завоеванія и оставившимъ слѣды, не исчезнувшіе еще до сихъ поръ. Въ старинной деревенской общинѣ даже пахотная земля, лежащая въ большихъ общественныхъ поляхъ, какія въ настоящее время можно замѣтить въ Англіи, еще не перешла въ частную собственность, тогда какъ пастбище на старыхъ пашняхъ, жнивьяхъ и пустошахъ принадлежало сообща всѣмъ домохозяевамъ. Съ того времени переходъ отъ общиннаго къ индивидуальному владѣнію, по большей части, преобразовалъ эту устарѣвшую систему, но право пасти свой скотъ вмѣстѣ съ другими удерживается крестьяниномъ и до сихъ поръ, не какъ уступкой феодальнымъ арендаторамъ, но какъ владѣніемъ общинниковъ, предшествовавшимъ притязаніямъ лорда на обладаніе незанятой землею. Всегда бываетъ опасно отрывать какое-либо явленіе цивилизаціи отъ связанныхъ съ нимъ событій прошлаго, и относиться къ нему, какъ къ изолированному факту, стараясь только путемъ догадокъ придти къ нѣкоторому удовлетворительному объясненію его.

Желая содѣйствовать успѣху великой задачи раціональной этнографіи, изслѣдованію причинъ, производившихъ явленія культуры, и законовъ, которымъ они подчинены, нужно прежде всего выработать, сколько возможно систематически, схему развитія этой культуры въ различныхъ направленіяхъ. Слѣдующая глава о „Развитіи культуры“

[1]) Blackstone, «Commentaries on the Lows of England», b. k. II. ch. 3. Вышеприведенный примѣръ замѣняетъ примѣръ, представленный въ предыдущихъ изданіяхъ. Другимъ примѣромъ можетъ служить объясненіе того же автора происхожденія «дара Божьяго» (Deo dand), который, по его мнѣнію, во времена полнаго мрака католической церкви служилъ искупленіемъ за души тѣхъ, которые унесены были внезапной смертью; см. ниже гл. VIII.

содержитъ попытку представить очеркъ теоретическаго хода цивилизаціи въ человѣчествѣ, какимъ онъ является наиболѣе сообразнымъ съ фактами. Сравнивая различныя стадіи цивилизаціи у исторически извѣстныхъ расъ, съ помощью археологическаго наведенія по остаткамъ доисторическихъ племенъ, является возможность судить до нѣкоторой степени о древнѣйшемъ общемъ положеніи человѣка, которое, съ нашей точки зрѣнія, должно считаться первобытнымъ состояніемъ его, какое бы еще древнѣйшее положеніе ни предшествовало ему. Это гипотетическое первобытное состояніе соотвѣтствуетъ въ значительной степени состоянію современныхъ намъ дикихъ племенъ, которыя, несмотря на существующія между ними различія и разстоянія, имѣютъ нѣкоторые общіе элементы цивилизаціи, представляющіеся остатками отъ древнѣйшаго періода исторіи всей человѣческой расы. Если эта гипотеза справедлива, тогда, несмотря на промежутки обратнаго движенія, главнѣйшимъ стремленіемъ культуры отъ первобытныхъ до новѣйшихъ временъ является движеніе ея отъ дикости къ цивилизаціи. Почти каждый изъ огромнаго множества фактовъ, упоминаемыхъ въ послѣдующихъ главахъ, имѣетъ значеніе для вопроса объ отношеніи между дикой жизнью и цивилизованной. Переживанія въ Культурѣ, находящіяся по всему пути развивающейся цивилизаціи, какъ дорожные знаки, исполненные значенія для того, кто умѣетъ разбирать ихъ надписи, и теперь среди насъ являются первобытными памятниками варварской мысли и жизни. Изслѣдованіе ихъ усиленно свидѣтельствуетъ въ пользу того воззрѣнія, что европеецъ можетъ найти среди гренландцевъ и маорисовъ многія черты для возсозданія картины жизни своихъ собственныхъ первобытныхъ прародителей. Затѣмъ слѣдуетъ вопросъ о Происхожденіи Языка. Какъ ни темны до сихъ поръ многія стороны этого вопроса, болѣе ясныя стороны его даютъ возможность изслѣдовать — произошелъ ли языкъ еще въ дикомъ состояніи человѣчества; результатомъ изслѣдованія, совмѣстно со всѣми извѣстными очевидными доказательствами, оказывается, что это дѣйствительно такъ было. При изученіи Искусства Счисленія обнаруживается еще болѣе опредѣленное послѣдствіе. Можно съ увѣренностью утверждать, что не только это важное искусство находится въ зачаточномъ состояніи у дикихъ племенъ, но, какъ доказываетъ достаточная очевидность, счисленіе развивалось раціональнымъ изобрѣтеніемъ отъ своего низшаго состоянія до того, въ какомъ оно является у насъ. Изученіе Миѳологіи по большей части предпринято съ спеціальной точки зрѣнія, на основаніи доказательствъ, собранныхъ съ спеціальною цѣлью, именно съ цѣлью прослѣдить отношенія между миѳами дикихъ племенъ и ихъ аналогами у болѣе цивилизованныхъ націй. Выводъ

этого изслѣдованія достаточно показываетъ, что древнѣйшій творецъ миѳовъ появился и развился среди толпы дикарей; онъ положилъ основы искусству, которое его болѣе цивилизованные послѣдователи двигали впередъ, пока результаты его не стали принимать ископаемой формы суевѣрій, не стали ошибочно приниматься за исторію, оформливаться и украшаться поэтами или отбрасываться, какъ нелѣпость.

Нигдѣ, быть можетъ, широкія взгляды историческаго развитія не являются такъ необходимыми, какъ въ изученіи религіи. Несмотря на все то, что̀ было написано, чтобъ познакомить міръ съ низшими теологіями, ходячія мнѣнія о мѣстѣ ихъ въ исторіи и отношеніи ихъ къ религіознымъ вѣрованіямъ высшихъ народовъ все еще удерживаютъ средневѣковой характеръ. Странно сравнивать записки какого-нибудь миссіонера съ Essays Макса Мюллера или неосмысленную ненависть и насмѣшки, обильно расточаемыя узкими и враждебными ревнителями церкви противъ послѣдователей Брамы, Будды, Зороастра, ставить рядомъ съ христіанской симпатіей, съ помощью которой глубокое и обширное знаніе можетъ обозрѣвать эти древнія и благородныя фазы религіознаго сознанія человѣка. Потому только, что религіи дикихъ племенъ грубы и первобытны въ сравненіи съ великими религіозными системами Азіи, онѣ не должны быть оставляемы безъ вниманія и даже уваженія. Вопросъ заключается въ пониманіи или непониманіи ихъ. Немногіе, отдающіеся изученію общихъ началъ религіи дикарей, всего чаще находятъ ихъ забавными, а познаніе ихъ безполезнымъ для остального человѣчества. Но, на самомъ дѣлѣ, ихъ вѣрованія и обряды далеко не являются жалкимъ смѣшеніемъ различныхъ нелѣпостей; напротивъ, они послѣдовательны и логичны въ такой высокой степени, что легко обнаруживаютъ, даже при самой простой классификаціи, начала своего образованія и развитія; эти начала оказываются глубоко раціональными, хотя и дѣйствуютъ въ средѣ полнаго и закоренѣлаго невѣжества. Именно, въ видѣ попытки изслѣдованія, близко касающагося общераспространенныхъ взглядовъ нашего времени, я предпринялъ систематическое разсмотрѣніе развитія Анимизма у низшихъ расъ, т.-е. ученія о душахъ и другихъ духовныхъ существахъ вообще. Большая половина настоящаго сочиненія наполнена множествомъ фактовъ изъ всѣхъ странъ земли, обнаруживающихъ природу и значеніе этого великаго элемента Философіи Религіи и указывающихъ его передачу, распространеніе, ограниченіе и измѣненіе по всему пути исторіи до самыхъ нѣдръ нашей современной мысли. Не одно только мелкое практическое значеніе имѣютъ и вопросы, возникающіе при подобной же попыткѣ прослѣдить развитіе нѣкоторыхъ выдающихся Обрядовъ и Церемоній— обычаевъ, столь поучительныхъ для познанія самыхъ сокровенныхъ религіозныхъ началъ, внѣшнимъ выраженіемъ и практическимъ результатомъ которыхъ они служатъ.

Въ этихъ изслѣдованіяхъ, впрочемъ, сдѣланныхъ скорѣе съ этнографической, нежели съ теологической точки зрѣнія, не оказывалось необходимости вступать въ открытую борьбу съ противоположными аргументами, и я старался обходить ихъ, насколько это было возможно. Связь, которая проходитъ по всей религіи, отъ ея грубѣйшихъ формъ до кодексовъ просвѣщеннаго христіанства, можетъ быть разсматриваема, насколько это нужно, почти не касаясь догматической теологіи. Обряды, жертвоприношенія и очищенія могутъ быть изучаемы въ ихъ стадіяхъ развитія, оставляя въ сторонѣ вопросъ объ ихъ авторитетѣ и значеніи; точно также разсмотрѣніе послѣдовательныхъ фазисовъ общихъ вѣрованій въ будущую жизнь не требуетъ обсужденія аргументовъ, которые могутъ быть приведены относительно этого предмета для нашего собственнаго убѣжденія. Такіе этнографическіе результаты могутъ быть предоставлены, въ качествѣ матеріаловъ, теологамъ по профессіи, и, быть можетъ, пройдетъ немного времени, когда факты, настолько исполненные значенія, займутъ свое законное мѣсто. Обращаясь еще разъ къ аналогіи естествознанія, вскорѣ дождемся времени, когда для ученаго, научно занимающагося теологіей, отсутствіе основательнаго знакомства съ началами религій низшихъ расъ будетъ считаться столь же неразумнымъ, какъ для физіолога существовавшее лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ презрѣніе къ доказательствамъ, выводимымъ изъ низшихъ жизненныхъ формъ на томъ основаніи, будто строеніе простѣйшихъ безпозвоночныхъ недостойно философскаго изученія.

Изслѣдованіе начала и первичнаго развитія цивилизаціи заслуживаетъ ревностнаго содѣйствія не только какъ предметъ любопытства, но и какъ весьма важное практическое руководство для пониманія настоящаго и заключенія о будущемъ. Всякій возможный путь знанія долженъ быть эксплоатированъ, всякая дверь должна быть изслѣдована— нѣтъ ли возможности ее открыть. Никакой родъ доказательствъ не долженъ быть оставленъ безъ вниманія ради отдаленности или сложности, мелочности или обыденности. Стремленіе новѣйшаго изслѣдованія все болѣе и болѣе направляется къ заключенію, что если законъ есть гдѣ-нибудь, онъ долженъ быть вездѣ. Отчаяваться въ пользѣ добросовѣстнаго собиранія и изученія фактовъ и объявлять какую бы то ни было задачу неразрѣшимой, вслѣдствіе ея трудности и недоступности, значитъ быть весьма плохимъ сторонникомъ науки. Тому, кто непремѣнно ищетъ безнадежной работы, лучше всего заняться отыскиваніемъ пре-

дѣловъ научнаго изслѣдованія. Вспомнимъ Конта, который свои разсужденія объ астрономіи начинаетъ замѣчаніемъ, что наши свѣдѣнія о небесныхъ свѣтилахъ необходимо должны быть ограничены: мы сознаемъ, говоритъ онъ, возможность опредѣленія ихъ формы, разстояній, величины и движенія, но мы никогда никакимъ методомъ не съумѣемъ изучить ихъ химическаго состава, минералогическаго строенія и пр. Если бы этотъ философъ дожилъ до приложенія спектральнаго анализа именно къ этой задачѣ, провозглашеніе такого безнадежнаго ученія о необходимости незнанія, вѣроятно, было бы превращено имъ въ хвалебную пѣснь для поддержанія болѣе ободряющаго воззрѣнія. Съ философіей отдаленной жизни человѣка, повидимому, происходитъ то же, что съ изученіемъ природы небесныхъ тѣлъ. Минувшіе процессы древнѣйшихъ стадій нашего умственнаго развитія лежатъ такъ же далеко отъ насъ во времени, какъ звѣзды отдалены отъ насъ въ пространствѣ, но міровые законы не ограничены прямымъ наблюденіемъ нашихъ чувствъ. Для нашего изслѣдованія потребно много матеріала; множество работниковъ заняты приданіемъ формы этому матеріалу, хотя еще немногіе могли сдѣлать что-нибудь замѣтное въ сравненіи съ тѣмъ, что еще остается сдѣлать. Между тѣмъ, можно уже сказать теперь, что первыя блѣдныя очертанія философіи первобытной исторіи начинаютъ выясняться передъ нами.

ГЛАВА II.

Развитіе культуры.

Промышленная, умственная, политическая и нравственная стадіи культуры.—Развитіе культуры въ значительной степени совпадаетъ съ переходами отъ жизни дикой, черезъ варварскую, къ цивилизованной жизни.—Теорія прогрессированія.—Теорія вырожденія.—Теорія развитія заключаетъ въ себѣ и ту, и другую изъ этихъ теорій, первую, какъ главную, вторую, какъ второстепенную.—Историческое и традиціонное доказательство непримѣнимо къ низшимъ ступенямъ культуры.—Историческое доказательство относительно принциповъ вырожденія.—Этнологическое доказательство возникновенія и упадка культуры, выходящее изъ сравненія различныхъ уровней культуры у отраслей одной и той же расы.—Предѣлы исторически извѣстной древности цивилизаціи.—Доисторическая археологія распространяетъ древность человѣка на низшія ступени цивилизаціи.—Слѣды Каменнаго Вѣка вмѣстѣ съ мегалитическими постройками, свайными жилищами, кухонными остатками, могилами и пр. служатъ доказательствомъ первоначальной низкой культуры, существовавшей повсюду.—Стадіи прогрессивнаго развитія въ промышленныхъ искусствахъ.

Приступая къ вопросу о развитіи культуры, какъ къ отрасли этнологическаго изслѣдованія, мы прежде всего должны отыскать здѣсь способы измѣренія. Пріискивая нѣчто въ родѣ опредѣленной линіи, относительно которой можно было бы опредѣлить прогрессъ и регрессъ цивилизаціи, повидимому, лучшій способъ для этого мы найдемъ въ классификаціи племенъ и народовъ, прошедшихъ и настоящихъ. Въ настоящее время цивилизація распредѣлена въ человѣчествѣ весьма неравномѣрно, и это позволяетъ намъ оцѣнивать и сравнивать ея степени положительными примѣрами. Образованный міръ Европы и Америки даетъ практическій образецъ того, помѣщая свои народы на одномъ концѣ соціальнаго ряда, а дикія племена на другомъ, и распредѣляя остальное человѣчество между этими предѣлами, смотря по тому, соотвѣтствуютъ ли они болѣе дикой или культурной жизни. Главными критеріями классификаціи служатъ отсутствіе или наличность, высокая или низкая степень развитія промышленныхъ искусствъ, въ особенности обработки металловъ, выдѣлки различныхъ орудій и посуды, земледѣлія, архитек-

туры и пр., распространеніе научныхъ свѣдѣній, опредѣленность нравственныхъ началъ, состояніе религіозныхъ вѣрованій и обрядовъ, степень общественной и политической организаціи и т. д. Такимъ образомъ, на опредѣленномъ основаніи сравниваемыхъ фактовъ этнографы имѣютъ возможность, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ, представить скалу цивилизаціи. Немногіе могли бы оспаривать правильность размѣщенія по порядку культуры слѣдующихъ расъ: австралійцы, таитяне, ацтеки, китайцы, итальянцы. Изучая развитіе цивилизаціи на этой ясной этнографической основѣ, можно избѣгнуть многихъ затрудненій, мѣшавшихъ разрѣшенію вопроса. Это видно уже при бѣгломъ взглядѣ на отношеніе теоретическихъ принциповъ цивилизаціи къ тѣмъ переходамъ, которые можно наблюдать на дѣлѣ между крайностями дикой и цивилизованной жизни.

Съ идеальной точки зрѣнія, на цивилизацію можно смотрѣть какъ на общее усовершенствованіе человѣческаго рода путемъ высшей организаціи отдѣльнаго человѣка и цѣлаго общества, съ цѣлью одновременнаго содѣйствія развитію нравственности, силы и счастья человѣка. Эта теоретическая цивилизація въ немалой мѣрѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительной цивилизаціи, какою эта послѣдняя является при сравненіи дикаго состоянія съ варварствомъ, и варварства съ новѣйшею образованною жизнью. Это въ особенности вѣрно, если принимать во вниманіе одну только матеріальную и умственную культуру. Знакомство съ физическими законами міра и сопровождающая его способность подчиненія природы собственнымъ цѣлямъ человѣка, вообще бываетъ всего ниже у дикарей, занимаетъ среднее мѣсто у варваровъ и всего выше у новѣйшихъ образованныхъ народовъ. Такимъ образомъ, переходъ отъ дикаго состоянія къ нашему долженъ бы быть на дѣлѣ тѣмъ истиннымъ прогрессомъ искусства и знанія, который составляетъ важнѣйшій элементъ въ развитіи культуры.

Но даже тѣ изслѣдователи, которые рѣшительнѣе другихъ утверждаютъ, что общій ходъ цивилизаціи, измѣряемый скалою расъ, начиная отъ дикарей и до насъ самихъ, состоитъ въ стремленіи къ благосостоянію человѣческаго рода, должны допустить многія и разнообразныя исключенія. Промышленная и умственная культура развивается вовсе не единообразно во всѣхъ своихъ отрасляхъ, и на дѣлѣ превосходство въ различныхъ частностяхъ ея часто достигается только при такихъ условіяхъ, которыя въ цѣломъ отодвигаютъ культуру назадъ. Правда, эти исключенія рѣдко уничтожаютъ общее правило; и англичанинъ, предполагая, что онъ не можетъ лазить по деревьямъ, подобно дикому австралійцу, или гоняться за дичью, подобно дикарю бразильскихъ лѣсовъ, или состязаться съ древнимъ этрускомъ или современнымъ китайцемъ въ тонкости работы изъ золота или рѣзьбы изъ слоновой кости, или стараться достигнуть той высоты въ ораторскомъ искусствѣ и скульптурѣ, на какой стояли классическіе греки, все-таки можетъ имѣть притязаніе на такое положеніе, которое выше положенія любой изъ этихъ расъ. Но здѣсь нужно еще принять въ расчетъ направленія науки и искусства, прямо противодѣйствующія культурѣ. Умѣть распространять отраву незамѣтно, но вѣрно, доводить вредную литературу до пагубнаго совершенства, составлять успѣшные планы противъ свободы изслѣдованія и свободы слова,—все это такія дѣла знанія и искусства, усовершенствованіе которыхъ едва ли ведетъ къ общему благу. Такимъ образомъ, даже при сравненіи умственной и художественной культуры у различныхъ народовъ не легко подвести итогъ хорошему и дурному.

Если обращать вниманіе не только на знаніе и искусство, но и на превосходство нравственное и политическое, то становится еще труднѣе измѣрять по этой идеальной скалѣ прогрессъ или упадокъ культуры отъ одной ступени до другой. На дѣлѣ, умственная и нравственная мѣрка состоянія человѣка, вмѣстѣ взятыя, есть такое орудіе, которымъ ни одинъ ученый еще не научился владѣть должнымъ образомъ. Если даже предположить, что умственная, нравственная и политическая жизнь могутъ, вообще говоря, развиваться рядомъ, все-таки очевидно, что развитіе ихъ идетъ далеко не равными шагами. Можно признать, что обязанность человѣка въ жизни состоитъ въ томъ, что онъ долженъ стремиться къ знанію насколько можетъ и поступать настолько хорошо, насколько умѣетъ. Но отступленіе отъ этихъ двухъ великихъ началъ, это раздѣленіе ума и добродѣтели, которое служитъ для объясненія столь многаго въ дурныхъ поступкахъ человѣчества, случается постоянно во времена великихъ движеній цивилизаціи. Если мы будемъ изучать первые вѣка христіанства, мы найдемъ очевидный примѣръ того, что неизмѣнно доказываетъ вся исторія, именно, что люди съ сердцемъ, проникнутые новою религіею долга, благочестія и любви, въ то же время сильно отстаютъ въ умственной жизни и такимъ образомъ, крѣпко схватываясь за одну сторону цивилизаціи, съ презрѣніемъ отвергаютъ другую. Какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ слояхъ человѣческой жизни можно встрѣтить примѣры того, что слѣдствіемъ успѣховъ культуры рѣдко является разомъ одно только полезное и доброе. Мужество, честность, великодушіе—добродѣтели, которыя могутъ потерпѣть, по крайней мѣрѣ, временно, отъ развитія понятія о цѣнности жизни и собственности. Дикарь, принимающій нѣчто изъ чужой цивилизаціи, слишкомъ часто утрачиваетъ при этомъ свои грубыя до-

бродѣтели, не пріобрѣтая взамѣнъ ничего равноцѣннаго. Бѣлый завоеватель или колонистъ, хотя вообще и служитъ представителемъ высшаго уровня нравственности, чѣмъ дикарь, котораго онъ совершенствуетъ или уничтожаетъ, часто бываетъ слишкомъ дурнымъ представителемъ этого уровня и въ лучшемъ случаѣ едва ли можетъ имѣть притязаніе дать начало жизни болѣе сильной, благородной и чистой во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ та, какую онъ вытѣсняетъ. Движеніе впередъ, отъ варварства къ цивилизаціи, оставило позади не мало такихъ качествъ варварскаго характера, о которыхъ образованные люди новѣйшаго времени вспоминаютъ съ сожалѣніемъ, и которыхъ они стремятся достичь снова своими безсильными попытками остановить ходъ исторіи и возстановить прошедшее въ средѣ настоящаго. Мы видимъ это въ соціальныхъ учрежденіяхъ. Рабство, существовавшее у дикихъ и варварскихъ племенъ, въ сущности было гораздо лучше того, какое цѣлые вѣка существовало въ позднѣйшихъ европейскихъ колоніяхъ. Отношенія половъ у многихъ дикихъ племенъ болѣе здоровы, чѣмъ у богатыхъ классовъ магометанскаго міра. Что касается верховной власти правительства, совѣты начальниковъ и старшинъ у дикихъ выдерживаютъ благопріятное сравненіе съ необузданнымъ деспотизмомъ, отъ котораго страдали многія изъ образованныхъ расъ. Индѣйцы племени Крикъ (Creek), которыхъ спрашивали о ихъ религіи, отвѣчали, что въ тѣхъ вещахъ, гдѣ нельзя требовать полнаго согласія, лучше всего предоставить каждому „вести свою лодку, куда онъ хочетъ", и послѣ долгихъ вѣковъ теологическихъ распрей и гоненій современный міръ, повидимому, приходитъ къ мысли, что эти дикари не слишкомъ ошибались.

Между разсказами о жизни дикарей вовсе не рѣдкость встрѣтить подробности относительно ихъ удивительныхъ нравственныхъ и соціальныхъ качествъ. Выдающійся примѣръ того мы находимъ, по описаніямъ лейтенанта Брёинъ Копса и Уоллэса, у папуасовъ Восточнаго Архипелага; обычная правдивость, честность и кротость ихъ едва ли можетъ быть сравниваема съ общимъ уровнемъ нравственности въ Персіи или Индіи, не говоря уже о многихъ цивилизованныхъ мѣстностяхъ Европы [1]). Такія племена могутъ называться „blameless Ethiopians" (безупречными эѳіопами) новѣйшаго міра, и изъ ихъ примѣра можно извлечь важный урокъ. Этнографы, которые ищутъ вообще въ новѣйшихъ дикаряхъ типовъ человѣческой расы отдаленной древности, подобными примѣрами приводятся къ мысли, что грубая жизнь перво-

[1]) G. W. Earl, «Papuans», p. 79; A. R. Wallace, «Eastern Archipelago».

бытнаго человѣка при благопріятныхъ условіяхъ была въ своемъ родѣ хорошею и счастливою. Тѣмъ не менѣе, разсказы нѣкоторыхъ путешественниковъ о жизни дикихъ, рисующіе ее чѣмъ-то въ родѣ райскаго состоянія, по большей части берутъ ее слишкомъ исключительно съ свѣтлой стороны. Извѣстно, напримѣръ, о тѣхъ же папуасахъ, что европейцы, находившіеся съ ними во враждебныхъ отношеніяхъ, до такой степени поражены были грубымъ и звѣрскимъ характеромъ ихъ нападеній, что едва вѣрили существованію у нихъ чувствъ, общихъ съ цивилизованными людьми. Наши изслѣдователи полярныхъ странъ точно также могутъ разсказывать въ одобрительныхъ выраженіяхъ о трудолюбіи, честности, радушной и почтительной учтивости эскимосовъ; но не должно забывать, что этотъ грубый народъ выказывается въ сношеніяхъ съ чужеземцами съ своей лучшей стороны, и что, по своему характеру, онъ способенъ къ низости и звѣрству тамъ, гдѣ ему нечего ожидать или бояться. О караибахъ разсказывали, что это — добродушный, скромный, вѣжливый народъ, до такой степени честный въ сношеніяхъ между собою, что если въ домѣ исчезала какая-нибудь вещь, они совершенно простодушно говорили: „здѣсь былъ кто-нибудь изъ христіанъ". Однакоже, утонченная жестокость, съ какою эти почтенные люди мучили своихъ военноплѣнныхъ ножомъ, огнемъ и краснымъ перцемъ, и затѣмъ жарили и съѣдали ихъ на торжественныхъ пиршествахъ, подала справедливый поводъ къ тому, что имя караиба (каннибала) сдѣлалось на европейскихъ языкахъ синонимомъ людоѣда [1]). Когда мы читаемъ описаніе гостепріимства, кротости, храбрости и глубокой религіозности сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, мы согласны, что они заслуживаютъ нашего искренняго удивленія; но мы не должны забывать, что ихъ гостепріимство буквально переходитъ въ недостатокъ, что ихъ кротость при малѣйшемъ неудовольствіи превращается въ бѣшенство, что ихъ храбрость запятнана жестокостью и предательствомъ, что ихъ религія выражается нелѣпыми вѣрованіями и безполезными церемоніями. Идеальнаго дикаря XVIII-го столѣтія можно было представлять какъ живой укоръ порочному и легкомысленному жителю Лондона, но, въ сущности, житель Лондона, который вздумалъ бы вести такую звѣрскую жизнь, какую настоящій дикарь можетъ вести безнаказанно и даже пользуясь уваженіемъ, былъ бы такимъ преступникомъ, который могъ бы слѣдовать своимъ дикимъ образцамъ лишь въ короткіе промежутки пребыванія внѣ тюрьмы. Нравственныя правила несомнѣнно существуютъ у дикаря, но они гораздо слабѣе и не-

[1]) Rochefort, «Iles Antilles», pp. 400—480.

опредѣленнѣе нашихъ. Къ ихъ нравственному, такъ же, какъ и умственному состоянію, мы можемъ, я полагаю, примѣнить часто употребляемое сравненіе дикихъ съ дѣтьми. Наилучшая соціальная жизнь дикарей находится, повидимому, лишь въ неустойчивомъ равновѣсіи и можетъ быть опрокинута прикосновеніемъ нищеты, соблазна или насилія, и затѣмъ сдѣлаться той худшей жизнью, ужасныхъ и отвратительныхъ примѣровъ которой мы знаемъ такъ много. Можно, однакоже, согласиться, что нѣкоторыя дикія племена ведутъ такую жизнь, которой могли бы позавидовать иныя варварскія расы и даже отверженные члены образованныхъ націй. Чтобы ни одно изъ извѣстныхъ дикихъ племенъ не могло быть усовершенствовано правильной цивилизаціей, этого не рѣшился бы сказать ни одинъ моралистъ; между тѣмъ общій смыслъ фактовъ оправдываетъ взглядъ, что вообще цивилизованный человѣкъ не только умнѣе и способнѣе дикаря, но и лучше и счастливѣе его, и варваръ въ этомъ отношеніи стоитъ въ срединѣ между ними.

Можетъ показаться удобнымъ сравнивать средній уровень цивилизаціи двухъ народовъ, или одного и того же народа, но въ разные вѣка, подводя этому постепенно нѣчто въ родѣ общаго итога, и, затѣмъ, опредѣляя балансъ между ними, какъ оцѣнщикъ сравниваетъ цѣну двухъ складовъ товаровъ, какъ бы они ни были различны по количеству и качеству. Но здѣсь немногихъ замѣчаній достаточно, чтобы показать, какъ неопредѣленны должны быть выводы изъ этихъ общихъ и приблизительныхъ оцѣнокъ культуры. Въ самомъ дѣлѣ, много работы, потраченной на изслѣдованіе прогресса и упадка цивилизаціи, было потрачено даромъ на преждевременныя попытки разсматривать въ цѣломъ то, что до сихъ поръ можно изучать только по частямъ. Настоящій сравнительно односторонній способъ изслѣдованія развитія культуры во всякомъ случаѣ обходитъ это главнѣйшее затрудненіе. При этомъ обращается вниманіе преимущественно на знаніе, искусства и обычаи, и, конечно, только въ очень неполномъ видѣ, такъ какъ обширный рядъ физическихъ, политическихъ, соціальныхъ и нравственныхъ воззрѣній остается еще совершенно незатронутымъ. Прогрессъ или упадокъ культуры измѣряется здѣсь не по мѣрѣ идеальнаго добра и зла, а по движенію вдоль измѣренной линіи, отъ одной ступени до другой настоящаго дикаго состоянія, варварства и цивилизаціи. Тезисъ, который я отваживаюсь поддерживать въ этихъ предѣлахъ, заключается просто въ томъ, что состояніе дикости въ извѣстной степени представляетъ раннее состояніе человѣчества, изъ котораго высшая культура постепенно развивалась или распространялась процессами, такъ же правильно совершающимися теперь, какъ и въ прежнее время, при

чемъ въ результатѣ оказывается, что вообще прогрессъ далеко преобладалъ надъ регрессомъ.

На основаніи этого положенія, главнѣйшее стремленіе человѣческаго общества, за все долгое время его существованія, заключалось въ переходѣ изъ дикаго въ цивилизованное состояніе. Теперь каждый согласится, что это утвержденіе, въ своей главной части, составляетъ не только истину, но даже труизмъ. Прилагая его къ исторіи, оказывается, что значительная доля его относится не къ области отвлеченнаго умозрѣнія, а къ области положительнаго знанія. Происхожденіе новѣйшей цивилизаціи изъ средневѣковой, развитіе этой послѣдней, въ свою очередь, изъ цивилизаціи Греціи, Ассиріи или Египта, — сдѣлалось уже достояніемъ хроники. Такимъ образомъ, если ясно прослѣдить высшую культуру до того состоянія, которое можетъ быть названо средней культурой, остается только вопросъ — можно ли эту среднюю культуру прослѣдить такимъ же образомъ обратно до низшей культуры, т.-е. до дикаго состоянія. Утверждать это—значитъ просто принимать, что тотъ же родъ развитія культуры, который происходилъ въ кругу нашего знанія, происходилъ также и внѣ его, такъ какъ ходъ его не измѣняется отъ того, имѣемъ ли мы или не имѣемъ о немъ современныя свидѣтельства. Если кто-нибудь поддерживаетъ мнѣніе, что человѣческая мысль и дѣйствія совершались въ первобытныя времена по законамъ, существенно отличнымъ отъ законовъ современнаго міра, онъ долженъ подтвердить такое аномальное положеніе вещей вѣскимъ доказательствомъ; иначе должно быть отдано предпочтеніе ученію о неизмѣнномъ принципѣ, какъ въ астрономіи и геологіи. Теорія, утверждающая, что стремленія культуры были одинаковы во всѣ времена существованія человѣческаго общества, и что по ея исторически извѣстному ходу мы смѣло можемъ судить и о ея доисторическомъ ходѣ, теорія эта, очевидно, имѣетъ право на преобладаніе, какъ основной принципъ этнографическаго изслѣдованія.

Гиббонъ, въ своей „Римской Имперіи“, выражаетъ въ немногихъ сильныхъ словахъ свою теорію о ходѣ культуры, начиная отъ дикаго состоянія и поднимаясь выше. Обсуждаемыя наукой почти столѣтіе спустя, его замѣчанія не могутъ, конечно, оставаться безъ возраженія. Въ особенности онъ, повидимому, неосновательно довѣряетъ преданіямъ о первобытной грубости, преувеличиваетъ низкій уровень жизни дикарей, слишкомъ уменьшаетъ склонность къ упадку грубыхъ искусствъ, и въ оцѣнкѣ вліянія высшей цивилизаціи на низшую слишкомъ исключительно останавливается только на свѣтлой сторонѣ вопроса. Но вообще сужденіе великаго историка представляется столь существенно сход-

нымъ съ сужденіями непредубѣжденныхъ новѣйшихъ ученыхъ школы прогрессистовъ, что я охотно привожу здѣсь его слова и пользуюсь этими выраженіями для изложенія теоріи развитія культуры: „Открытія древнихъ и новѣйшихъ мореплавателей и домашняя исторія, или преданіе, наиболѣе просвѣщенныхъ народовъ представляютъ человѣка-дикаря нагимъ умственно и тѣлесно, не имѣющимъ ни законовъ, ни искусствъ, ни идей, ни даже языка. Изъ этого отверженнаго состоянія, быть можетъ, первоначальнаго и всеобщаго состоянія человѣка, онъ постепенно возвысился до власти надъ животными, до искусства оплодотворять землю, переплывать океаны и измѣрять небеса. Его успѣхи въ усовершенствованіи и упражненіи своихъ умственныхъ и тѣлесныхъ способностей были неправильны и разнообразны, безконечно медленные въ началѣ и постепенно возрастающіе съ удвоенной скоростью; за вѣками неутомимаго возвышенія слѣдовали моменты быстраго паденія; многія мѣстности земного шара испытывали смѣну свѣта и тьмы. Однако, опытъ четырехъ тысячъ лѣтъ долженъ былъ увеличить наши надежды и разсѣять наши опасенія; мы не можемъ опредѣлить, до какой высоты можетъ подняться человѣчество въ своемъ движеніи къ совершенству, но можемъ съ увѣренностью полагать, что ни одинъ народъ, если только не измѣнится самая природа земли, не возвратится къ прежнему варварству. Общественныя усовершенствованія могутъ являться въ трояком видѣ: 1. Поэтъ или философъ освѣщаетъ свой вѣкъ и страну усиліями одного ума; но эти высшія способности ума или воображенія — явленія рѣдкія и самостоятельныя; геній Гомера, Цицерона или Ньютона возбуждалъ бы меньше удивленія, если бы онъ могъ быть созданъ волею государя или уроками учителя. 2. Благодѣянія законодательства и политическихъ учрежденій, торговли и промышленности, искусствъ и наукъ, болѣе прочны и постоянны, и многія отдѣльныя личности могутъ, по воспитанію и образованію, сдѣлаться способными двигать впередъ интересы общества, каждый въ своемъ кругѣ занятій. Но этотъ общій порядокъ есть дѣло искусства и труда, и весь сложный механизмъ можетъ разрушиться отъ времени или отъ насилія. 3. Къ счастью для человѣчества, полезныя или, по крайней мѣрѣ, болѣе необходимыя искусства могутъ не требовать для своего выполненія высокихъ талантовъ или общаго подчиненія, не требовать власти одного или союза многихъ. Каждая деревня, каждая семья, каждый отдѣльный человѣкъ долженъ всегда обладать умѣньемъ и желаньемъ поддерживать употребленіе огня и металловъ, разведеніе и прирученіе домашнихъ животныхъ, способы охоты и рыболовства, начала мореплаванія, простые способы воздѣлыванія хлѣба и другихъ питательныхъ сѣмянъ, и производство простыхъ механическихъ промысловъ. Талантливость одного лица и развитость цѣлаго общества могутъ погибнуть, но эти крѣпкія растенія переживаютъ бурю и пускаютъ несокрушимый корень въ самой неблагопріятной почвѣ. Туча невѣжества затмила блестящіе дни Августа и Траяна, и варвары ниспровергли законы и дворцы Рима. Но коса, изобрѣтеніе или эмблема Сатурна, еще продолжаетъ каждый годъ собирать жатвы Италіи, а человѣческія жертвоприношенія Лестригоновъ никогда уже не возобновлялись на берегахъ Кампаньи. Со времени перваго открытія искусствъ, война, торговля и религіозная ревность распространили среди дикарей Стараго и Новаго Свѣта эти неоцѣненные дары, которые затѣмъ распространялись болѣе и болѣе и уже никакъ не могутъ погибнуть. Мы можемъ, слѣдовательно, успокоиться на томъ отрадномъ заключеніи, что каждый вѣкъ, переживаемый міромъ, увеличилъ и еще увеличиваетъ дѣйствительное богатство, счастье, знаніе и, быть можетъ, нравственность человѣческой расы“ [1]).

Эта теорія прогресса цивилизаціи можетъ быть противупоставлена враждебной ей теоріи вырожденія, выраженной въ запальчивомъ возраженіи графа Жозефа де-Местра, написанномъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія. „Мы всегда отправляемся, — говоритъ онъ, — отъ пошлой гипотезы, будто человѣкъ постепенно поднялся отъ варварства до науки и цивилизаціи. Это — любимая мечта, родоначальница заблужденій, protopseudes (коренная ложь) нашего вѣка. Но если бы философы нашего несчастнаго времени, при той ужасной испорченности, которая намъ извѣстна за ними, и все еще упорствующіе, несмотря на полученныя ими указанія, если бы они владѣли сверхъ того нѣкоторыми изъ свѣдѣній, которыя необходимо должны были принадлежать первымъ людямъ“, и т. д. [2]). Теорія вырожденія, которую этотъ краснорѣчивый противникъ „современныхъ идей“, конечно, представилъ въ крайнемъ видѣ, получила санкцію отъ людей высокодаровитыхъ и ученыхъ. Практически она разрѣшилась двумя предположеніями, первымъ, что исторія культуры начинается съ появленія на землѣ полуцивилизованной расы людей, и вторымъ, что съ этой стадіи культура пошла двумя путями—назадъ, чтобы создать дикарей, и впередъ, чтобы создать людей цивилизованныхъ. Идея, что первоначальное состояніе человѣка было состояніемъ болѣе или менѣе высококультурнымъ, пріобрѣтаетъ извѣстное выдающееся значеніе, въ виду значительнаго преобладанія ея въ общественномъ мнѣніи. Но въ смыслѣ опредѣленнаго

[1]) Gibbon, «Decline and Fall of the Roman Empire», ch. XXXVIII.
[2]) De Maistre, «Soirées de St.-Pétersbourg», vol. II p. 150.

доказательства, она едва ли имѣетъ какое-либо этнологическое основаніе. На самомъ дѣлѣ, какъ мнѣ кажется, лучшимъ возраженіемъ ученому, принимающему обыкновенную теорію вырожденія, было бы заставить его разсмотрѣть критически и безпристрастно аргументы защитниковъ его собственной партіи. При этомъ, однако, не нужно забывать, что основанія, на которыхъ держалась эта теорія, вообще были скорѣе теологическія, чѣмъ этнологическія. Ту силу, какую она имѣла вслѣдствіе того, можно видѣть въ теоріяхъ двухъ извѣстныхъ французскихъ писателей прошлаго вѣка, которые удивительнымъ образомъ соединяютъ въ себѣ и вѣру въ вырожденіе, и доводы въ пользу прогрессированія. Де-Броссъ, который, по всему своему умственному складу, склоняется болѣе къ прогрессивной теоріи, заключилъ, что, изучая то, что происходитъ нынѣ, „мы можемъ прослѣдить возвышеніе людей отъ дикаго состоянія, къ которому привели ихъ потопъ и разсѣяніе племени“ [1]). И Гоге, утверждавшій, что нѣкогда существовавшія искусства погибли во время потопа, могъ свободно вырабатывать на самыхъ прогрессивныхъ принципахъ свои теоріи изобрѣтенія огня, приготовленія пищи, земледѣлія, законодательства, и т. д., между племенами, которыя приведены были потопомъ въ состояніе крайней дикости [2]). И въ настоящее время вопросъ о происхожденіи цивилизаціи еще часто разсматривается какъ предметъ догматической теологіи. Мнѣ не разъ приходилось выслушивать съ каѳедры, что теоріи этнологовъ, согласно которымъ человѣкъ постепенно поднялся отъ совершенно дикаго состоянія,— обманчивыя фантазіи, такъ какъ извѣстно изъ откровенія, что состояніе человѣка въ первыя времена было высокимъ. Но, обращаясь къ библейской критикѣ, должно припомнить, что весьма многіе изъ новѣйшихъ теологовъ далеко не принимаютъ такого догмата. Кромѣ того, при изслѣдованіи вопроса о древнѣйшей цивилизаціи, основывать научное воззрѣніе на откровеніи уже само по себѣ подлежитъ возраженію. По моему мнѣнію, было бы неизвинительно, если бы ученые, видѣвшіе на астрономіи и геологіи несчастные результаты попытки основать науку на религіи, поддерживали такую же попытку въ этнологіи.

Вслѣдствіе продолжительнаго опыта всей исторіи человѣческаго общества, принципъ развитія въ культурѣ до такой степени проникъ въ нашу философію, что этнологи, какой бы то ни было школы, сомнѣваются только въ одномъ — связываются ли между собою дикое состояніе и цивилизація, какъ высшая и низшая ступени одной и той же формаціи, прогрессомъ или регрессомъ? Въ этомъ смыслѣ двѣ главныя теоріи имѣютъ притязаніе на разъясненіе ихъ обоюднаго отношенія. Относительно гипотезы, признающей въ жизни дикарей древнѣйшее состояніе человѣчества, изъ котораго съ теченіемъ времени развились высшія состоянія, нужно замѣтить, что защитники этой прогрессивной теоріи склонны усматривать позади того еще низшія первобытныя положенія человѣчества. Справедливо было замѣчено, что ученіе новѣйшихъ натуралистовъ о прогрессивномъ развитіи благопріятствовало системѣ идей, имѣющей странное сходство съ воззрѣніемъ эпикурейцевъ, что человѣкъ въ первыя времена своего существованія на землѣ находился въ состояніи, близкомъ къ животному состоянію. Съ такой точки зрѣнія, самая жизнь дикарей можетъ считаться уже большимъ шагомъ впередъ. Если разсматривать движеніе культуры, какъ движеніе по одной общей линіи, тогда нынѣ существующее состояніе дикарей занимаетъ прямо среднее мѣсто между жизнью животныхъ и цивилизованною жизнью; если же представлять его, какъ движеніе по различнымъ линіямъ, тогда дикое состояніе и цивилизацію можно считать, по крайней мѣрѣ, косвенно связанными между собою общимъ происхожденіемъ. Впрочемъ, методъ и доказательства, примѣняемыя здѣсь, недостаточны для изслѣдованія этой отдаленнѣйшей части проблемы цивилизаціи. Точно также нѣтъ необходимости изслѣдовать, какимъ образомъ, по этой или какой-либо другой теоріи, дикое состояніе впервые появилось на землѣ. Достаточно того, что оно, тѣмъ или другимъ способомъ, дѣйствительно появилось; насколько оно можетъ руководить нами при заключеніяхъ о древнемъ состояніи человѣческаго рода вообще, настолько этотъ аргументъ пріобрѣтаетъ дѣйствительно практическую форму сужденія, болѣе касающагося существующихъ, нежели воображаемыхъ состояній общества. Вторая гипотеза, признающая высшую культуру первоначальнымъ состояніемъ, а дикое состояніе происшедшимъ изъ него чрезъ вырожденіе, разрубаетъ разомъ сложный узелъ происхожденія культуры. Она считаетъ неподлежащимъ сомнѣнію сверхъестественное вмѣшательство; такъ, напр., архіепископъ Уотли прямо приписываетъ чудесному откровенію состояніе, превышавшее уровень варварства, которое онъ принимаетъ первоначальнымъ состояніемъ человѣка [1]). Можно замѣтить кстати, что ученіе о первоначальной цивилизаціи, дарованной человѣку божественнымъ вмѣшательствомъ, вовсе не заключаетъ необходимо того требованія, чтобы эта первоначальная цивилизація была высокаго уровня.

[1]) De Brosses. «Dieux Fétiches», p. 15; «Formation des Langues», vol. I p. 49; vol. II p. 32.

[2]) Goguet, «Origine des Lois, des Arts», etc., vol. I p. 88.

[1]) Whately, «Essay on the Origin of Civilization», въ Miscellaneous Lectures и пр. Его доводы разсмотрѣны подробно въ моей «Early History of Mankind», ch. VII. См. также W. Cook Taylor, «Natural History of Society».

Защитники его вольны признать для себя точкой отправленія культуры состояніе выше, наравнѣ или ниже дикаго уровня, смотря потому, какъ, по имѣющимся у нихъ основаніямъ, это кажется имъ вѣроятнымъ.

Эти двѣ теоріи, объясняющія отношеніе дикой жизни къ культурной, могутъ быть взаимно противопоставлены, по своему основному характеру, какъ теорія прогресса и теорія вырожденія. Но, конечно, прогрессивная теорія признаетъ вырожденіе, и теорія вырожденія допускаетъ и прогрессъ, какъ могущественные стимулы движенія культуры. Съ соотвѣтственными ограниченіями, принципы обѣихъ теорій могутъ сообразоваться съ историческимъ знаніемъ, которое показываетъ намъ, съ одной стороны, что состояніе высшихъ народовъ достигнуто было прогрессомъ изъ низшаго состоянія и, съ другой, что культура, достигнутая прогрессомъ, можетъ быть утрачена чрезъ вырожденіе. Если въ этомъ изслѣдованіи мы принуждены придти къ темной области, во всякомъ случаѣ, мы не имѣемъ надобности начинать съ нея. Если мы возьмемъ исторію своимъ вождемъ при объясненіи различныхъ ступеней цивилизаціи, она представитъ намъ теорію, основанную на дѣйствительномъ опытѣ. Это—теорія развитія, въ которой какъ движеніе впередъ, такъ и упадокъ имѣютъ свое признанное мѣсто. Насколько исторія можетъ служить намъ критеріемъ, прогрессъ есть первоначальное, а вырожденіе второстепенное явленіе: должно сперва достигнуть культуры, чтобы потомъ утратить ее. Сверхъ того, подводя итогъ дѣйствіямъ поступательнаго и обратнаго движенія въ цивилизаціи, мы не должны терять изъ виду, насколько распространеніе культуры могущественно содѣйствуетъ охраненію результатовъ прогресса отъ вреднаго вліянія вырожденія. Прогрессивное движеніе въ культурѣ распространяется и становится независимымъ отъ судьбы своихъ начинателей. То, что сдѣлано въ какой-нибудь небольшой мѣстности, распространяется въ болѣе и болѣе обширной области, гдѣ процессъ настоящаго исчезновенія становится все труднѣе и труднѣе. Такимъ образомъ, обычаи и изобрѣтенія давно угасшихъ народовъ могутъ оставаться общимъ достояніемъ народовъ, ихъ переживщихъ; разрушительныя дѣйствія, производящія такое опустошеніе въ цивилизаціи отдѣльныхъ странъ, не въ силахъ истребить цивилизацію всего міра.

Изслѣдованіе отношенія дикаго состоянія къ варварству и полуцивилизаціи почти вполнѣ сосредоточивается въ доисторической или внѣисторической области. Конечно, такое условіе неблагопріятно, что̀ должно быть откровенно признано. Настоящая исторія почти ничего не говоритъ о перемѣнахъ въ дикомъ состояніи культуры, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда эта культура находится въ соприкосновеніи съ иноземной цивилизаціей

или подъ ея господствующимъ вліяніемъ; но такое положеніе дѣла даетъ немного для нашей настоящей цѣли. Періодическія изслѣдованія низшихъ племенъ, совершенно изолированныхъ и одиноко выполняющихъ свою судьбу, если бы они могли имѣть мѣсто, были бы интересными свидѣтельствами для изслѣдователя цивилизаціи, но, къ сожалѣнію, такія изслѣдованія невозможны. Низшимъ племенамъ, у которыхъ нѣтъ письменныхъ памятниковъ, которыя сохраняютъ безсвязныя преданія и всегда готовы облечь миѳъ въ форму преданія, рѣдко можно вѣрить въ ихъ разсказахъ о давно прошедшемъ времени. Исторія есть устное или письменное воспоминаніе, которое можно удовлетворительно прослѣдить до тѣхъ событій, о какихъ она говоритъ; но, вѣроятно, ни одно сказаніе о ходѣ культуры въ ея низшихъ стадіяхъ не можетъ удовлетворить этому строгому критерію. Преданія могутъ служить въ подкрѣпленіе и теоріи прогресса, и теоріи вырожденія. Эти преданія отчасти могутъ быть вѣрны, отчасти должны быть невѣрны; но сколько бы ни было въ нихъ истины или лжи, раздѣлить воспоминанія человѣка о томъ, что̀ было, отъ его собственныхъ размышленій о томъ, что̀ могло быть, такъ трудно, что этнологія, кажется, немного выиграетъ, пытаясь судить о древнихъ ступеняхъ цивилизаціи на основаніи преданій. Задача эта принадлежитъ къ числу такихъ, которыя занимали философскій умъ даже въ дикой и варварской жизни и рѣшались умозрѣніями, принимавшимися за факты, и преданіями, являвшимися въ значительной мѣрѣ только реализированными теоріями. Китайцы могутъ показывать, со всей должной важностью, лѣтописи своихъ древнихъ династій и разсказывать намъ, какъ, въ старыя времена, ихъ предки жили въ пещерахъ, одѣвались листьями, ѣли сырое мясо, пока, наконецъ, при такихъ и такихъ-то правителяхъ не научились строить хижины, выдѣлывать кожи для одежды и добывать огонь [1]). Лукрецій можетъ описывать, въ своихъ знаменитыхъ стихахъ, ширококостное, смѣлое, необузданное первобытное племя людей, ведущихъ бродячую жизнь дикихъ звѣрей, которыхъ они одолѣваютъ камнями и тяжелыми дубинами,—людей, пожирающихъ дикія ягоды и жолуди, еще не знающихъ ни огня, ни земледѣлія, ни употребленія шкуръ для одежды. Изъ этого состоянія эпикурейскій поэтъ выводитъ развитіе культуры, которое начинается въ незапамятныя времена и кончается на человѣческой памяти [2]). Къ этому же классу принадлежатъ легенды, которыя, отправляясь отъ древняго дикаго состоянія, описываютъ возвышеніе его божественными просвѣтителями; примѣръ этихъ

[1]) Goguet, vol. III p. 270.
[2]) Lucret. v. 923, etc.; см. Hor. Sat. I. 3.

легендъ, которыя можно назвать теоріею сверхъестественнаго прогресса, представляютъ извѣстныя культурныя преданія Перу и Италіи.

Но другіе умы, слѣдующіе иному идеальному пути отъ настоящаго къ прошедшему, видѣли древнѣйшія стадіи человѣческой жизни совсѣмъ въ иной формѣ. Эти люди, постоянно обращающіе взглядъ къ мудрости древнихъ, приписывающіе, по обычному смѣшенію понятій, людямъ стараго времени мудрость старыхъ людей, упорно придерживающіеся какой-либо окруженной почтеніемъ формы жизни, хотя новыя формы смѣняютъ ее на ихъ глазахъ,—эти люди способны переносить мысль о настоящемъ вырожденіи на давно минувшіе вѣка, пока не дойдутъ до періода первобытнаго величія. Такъ, парсы обращаются къ счастливому правленію короля Йима, когда люди и скотъ были безсмертны, когда источники и деревья никогда не высыхали, и пища не истощалась, когда не было ни холода, ни жаровъ, ни зависти, ни старости [1]). Буддисты вспоминаютъ вѣкъ прекрасныхъ воздушныхъ существъ, не имѣвшихъ ни грѣха, ни пола, ни нужды въ пищѣ до той несчастной минуты, когда они, отвѣдавъ сладкой пѣны, образовавшейся на поверхности земли, впали въ зло, и затѣмъ осуждены были питаться рисомъ, рождать дѣтей, строить жилища, дѣлить собственность и устанавливать касты. Для слѣдующихъ вѣковъ преданіе сохраняетъ подробности непрерывнаго хода вырожденія. Царь Четійа сказалъ первую ложь, и граждане, услышавъ объ этомъ и не зная, что такое ложь, спрашивали, какая она—бѣлая, черная или голубая. Человѣческая жизнь становилась короче и короче, и король Мага Сагара, послѣ короткаго 252.000-лѣтняго царствованія, сдѣлалъ печальное открытіе перваго сѣдого волоса [2]).

Признавая неудовлетворительность историческихъ свѣдѣній относительно низшихъ ступеней культуры, мы не должны забывать, что они имѣютъ двоякое значеніе. Нибуръ, нападая на прогрессіонистовъ XVIII столѣтія, замѣчаетъ, что они упустили изъ виду фактъ, что „нельзя привести ни одного примѣра, чтобы дѣйствительно дикій народъ самъ собою достигъ цивилизованнаго состоянія“ [3]). Уотли воспользовался этимъ замѣчаніемъ, которое, на самомъ дѣлѣ, составляетъ зерно его извѣстнаго „Чтенія о происхожденіи цивилизаціи“: „факты неумолимы“, говоритъ онъ, „и то обстоятельство, что нельзя привести ни одного достовѣрнаго примѣра, что дикари когда-нибудь сами, безъ посторонней

[1]) «Avesta», перев. Spiegel & Bleeck, vol. II, p. 50.
[2]) Hardy, «Manual of Budhism», pp. 64, 128.
[3]) Niebuhr, «Römische Geschichte», part. I. p. 88. «Nur das haben sie übersehen, dass kein einziges Beispiel von einem wirklich wilden Volk aufzuweisen ist, welches frey zur Cultur übergegangen wäre».

помощи, возвысились изъ этого состоянія, не есть **теорія**, а есть констатированіе **факта**, до сихъ поръ не опровергнутое“. Онъ пользуется этимъ для подтвержденія своего общаго заключенія, что человѣкъ не могъ возвыситься безъ чужой помощи изъ дикаго состоянія до цивилизованнаго, и что дикари суть выродившіеся потомки цивилизованныхъ людей [1]). Но онъ оставляетъ въ сторонѣ противоположный вопросъ— находимъ ли мы въ исторіи примѣръ цивилизованнаго народа, который бы точно также самъ собою впалъ въ дикое состояніе? Подобный примѣръ, открыто и достовѣрно засвидѣтельствованный, былъ бы въ высшей степени интересенъ для этнологовъ, хотя, конечно, онъ не противорѣчилъ бы теоріи развитія, такъ какъ доказательство утраты не опровергаетъ предшествовавшаго тому пріобрѣтенія. Но гдѣ найти такой примѣръ? Недостатокъ историческаго доказательства относительно переходной ступени между дикимъ состояніемъ и высшей культурой есть фактъ, имѣющій двѣ стороны, и взятъ лишь въ половину въ одностороннемъ аргументѣ архіепископа Уотли. Къ счастію, этотъ недостатокъ не является роковымъ. Хотя исторія и не въ состояніи прямо разъяснить существованіе дикарей и истолковать ихъ положеніе, но, по крайней мѣрѣ, она даетъ свидѣтельства, близко касающіяся этого предмета. Сверхъ того, мы можемъ различными способами изучать низшій ходъ культуры, на основаніи свидѣтельствъ, которыя нельзя заподозрить, что онѣ прилажены къ извѣстной теоріи. Старыя баснословныя преданія, какъ бы они ни были мало достовѣрны въ смыслѣ прямого свидѣтельства о событіяхъ, содержатъ множество вѣрныхъ случайныхъ описаній нравовъ и обычаевъ; археологія открываетъ старые памятники и погребенные остатки отдаленнаго прошлаго; филологія отыскиваетъ неписанную исторію въ языкѣ, который передавался отъ поколѣнія къ поколѣнію безъ всякой мысли о томъ, что онъ имѣетъ такое значеніе; этнологическое обозрѣніе расъ земного шара говоритъ многое; этнографическое сравненіе ихъ состоянія говоритъ еще больше.

Остановка и упадокъ цивилизаціи должны быть причислены къ наиболѣе частымъ и могущественнымъ проявленіямъ жизни народовъ. Тѣ обстоятельства, что знаніе, искусства и учрежденія въ нѣкоторыхъ странахъ приходятъ въ упадокъ, что народы, нѣкогда прогрессивные, отстаютъ передъ сосѣдями, которые опережаютъ ихъ, что иногда даже цѣлыя общества людей впадаютъ въ грубость и нищету, представляютъ явленія, хорошо извѣстныя исторіи. Обсуждая отношеніе низшей ступени цивилизаціи къ высшимъ, является существенно важнымъ соста-

[1]) Whately, «Essay on Origin of Civilization».

вить себѣ извѣстное понятіе о томъ, какъ далеко можетъ дѣйствовать на цивилизацію такое вырожденіе. Какого рода свидѣтельство могутъ дать намъ прямое наблюденіе и исторія относительно вырожденія людей изъ цивилизованнаго состоянія въ состояніе дикости? Въ нашихъ большихъ городахъ такъ называемые „опасные классы“ погружены въ страшную нищету и испорченность. Если бы мы вздумали сравнивать папуасовъ Новой Каледоніи съ обществами европейскихъ нищихъ и воровъ, мы бы должны были съ грустью признать, что среди насъ самихъ находится нѣчто худшее состоянія дикарей. Но это—не дикое состояніе; это—искаженная цивилизація. Въ отрицательномъ смыслѣ обитатели Уайтъ-Чепельской тюрьмы и обитатели готтентотскаго крааля сходны между собою по недостатку знанія и нравственныхъ понятій высшей культуры. Но въ положительномъ смыслѣ ихъ умственныя и нравственныя качества крайне различны. Жизнь дикарей, главнымъ образомъ, посвящена добыванію средствъ пропитанія, доставляемыхъ природой, чего именно и нѣтъ въ жизни пролетаріевъ. Ихъ отношенія къ цивилизованной жизни—одно независимое, а другое зависимое—совершенно противоположны. Для меня обычныя выраженія въ родѣ „городскіе дикари“ и „уличные арабы“ походятъ на то, если бы мы стали сравнивать разрушенный домъ съ только-что строющимся зданіемъ. Болѣе идетъ къ дѣлу указаніе, какъ война и дурное правленіе, голодъ и моровая язва много разъ опустошали страны, низводя ихъ населеніе до жалкихъ остатковъ и понижая уровень ихъ цивилизаціи, и какъ уединенная жизнь деревенскихъ захолустьевъ, повидимому, ведетъ иногда къ одичанію. Но, сколько намъ извѣстно, ни одна изъ этихъ причинъ въ дѣйствительности никогда не давала, въ видѣ своего результата, общины настоящихъ дикарей. Обращаясь къ древнѣйшимъ извѣстіямъ о вырожденіи, вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, мы можемъ отмѣтить разсказъ Овидія о несчастной колоніи Томы, на берегахъ Чернаго моря, хотя, быть можетъ, его не слѣдуетъ принимать слишкомъ буквально. Среди ея смѣшаннаго населенія изъ грековъ и варваровъ, которыхъ тиранили и уводили въ плѣнъ сарматскіе наѣздники, какъ въ наше время туркмены персіянъ, поэтъ описываетъ небрежность въ садоводствѣ, упадокъ ткацкаго искусства, варварскія одежды изъ звѣриныхъ шкуръ.

Nec tamen haec loca sunt ullo pretiosa metallo:
Hostis ab agricola vix sinit illa fodi.
Purpura saepe tuos fulgens praetexit amictus.
Sed non Sarmatico tingitur illa mari.
Vellera dura ferunt pecudes, et Palladis uti

Arte Tomitanae non didicere nurus.
Femina pro lana Cerialia munera frangit.
Suppositoque gravem vertice portat aquam.
Non hic pampineis amicitur vitibus ulmus,
Nulla premunt ramos pondere poma suo.
Tristia deformes pariunt absinthia campi,
Terraque de fructu quam sit amara, docet [1].

Случаи особенно низкой цивилизаціи въ Европѣ, быть можетъ, иногда могутъ быть объяснены вырожденіемъ подобнаго рода. Но чаще, кажется, они представляютъ остатки древняго неизмѣнившагося варварства. Съ этой точки зрѣнія интересно свидѣтельство о томъ, въ какомъ состояніи находились дикія части Ирландіи два или три столѣтія тому назадъ. Тогда парламентомъ издавались акты противъ старинныхъ обычаевъ привязывать плуги къ хвостамъ лошадей и отжигать солому отъ колосьевъ овса, чтобы не трудиться обмолачивать его. Въ XVIII столѣтіи Ирландія была еще такимъ образомъ описана въ одной сатирѣ:

The Western isle renowned for bogs,
For tories and for great wolf dogs,
For drawing hobbies by the tails,
And threshing corn with fiery flails [2].

Описаніе дикихъ или простыхъ ирландцевъ около 1660 г., сдѣланное Фейнсомъ Морисономъ, изумительно. У нихъ даже лорды, говоритъ онъ, жили въ бѣдныхъ глиняныхъ хижинахъ или шалашахъ изъ хвороста, покрытыхъ дерномъ. Во многихъ мѣстахъ и мужчины, и женщины, даже въ самое холодное время, носили только хол-

[1]
Эта не кроетъ страна богатства цѣннымъ металломъ;
Хищный набѣгъ грозитъ пахаря мирнымъ трудамъ;
Яркій багрецъ на каймѣ твоихъ алѣетъ покрововъ,
Но не въ Сарматскихъ водахъ добыта краска его.
Жестко руно овецъ, богини Паллады искусство
Здѣсь въ удѣлъ не дано женамъ въ семьѣ Томитянъ;
Шерсти не треплютъ онѣ, а дары молотятъ Цереры,
Или, на темя подъявъ, носятъ сосуды съ водой.
Нѣтъ виноградныхъ гроздей, обвитаго лозами вяза:
Ты не увидишь вѣтвей, согнутыхъ ношей плодовъ,
Жалкой полынью одной заросли равнины пустыни,
Горькая эта земля, горьки растенья ея!

Ovid. Ex Ponto, III. 8. См. Grote, «History of Greece», vol. XII. p. 641.

[2] Западный островъ, знаменитый болотами, торіями и овчарками, клячами, запряженными за хвостъ, и огненными цѣпами для молотьбы. (W. C. Taylor, «Natural History of Society», vol. I, p. 202).

щевыя отрепья вокругъ поясницы и шерстяные плащи на плечахъ, такъ что человѣка натощакъ могло бы стошнить при одномъ взглядѣ на старуху въ такомъ видѣ. Онъ упоминаетъ о ихъ обычаѣ отжигать солому отъ овсяныхъ колосьевъ и дѣлать изъ нихъ лепешки. У нихъ не было столовъ, и они ставили пищу на связки сѣна. Ихъ праздничной пищей были палыя лошади; они варили куски говядины и свинины вмѣстѣ съ неотмытыми внутренностями животныхъ въ деревянномъ корытѣ, обернутомъ въ сырую коровью кожу, и такъ ставили на огонь; они пили молоко, которое согрѣвали раскаленными камнями [1]). Другую мѣстность, замѣчательную варварской простотою жизни, представляютъ Гебридскіе острова. До недавняго времени тамъ можно было найти въ ежедневномъ употребленіи глиняную посуду безъ глазури и сдѣланную руками, безъ помощи гончарнаго колеса, которая могла бы пойти въ какомъ-нибудь музеѣ за настоящій образчикъ ремесленнаго искусства дикарей. Эти „краггансы" и теперь еще выдѣлываются одной старой женщиной въ Барвасѣ для продажи въ видѣ курьезовъ. Такое состояніе гончарнаго дѣла на Гебридскихъ островахъ въ новѣйшее время совершенно подходитъ къ свидѣтельству Джорджа Бьюкэнана въ XVI столѣтіи, что эти островитяне варили мясо въ сычугѣ или въ кожѣ самого животнаго [2]). Въ началѣ XVIII столѣтія Мартинъ упоминаетъ, какъ о господствующемъ обычаѣ, о старинномъ способѣ уборки хлѣба ловкимъ отжиганіемъ его отъ колосьевъ, что, по его словамъ, дѣлалось очень быстро; отсюда способъ этотъ назывался „graddan" (гаэльское grad—быстрый) [3]). Такимъ образомъ, мы видимъ, что обычай отжиганія зерна, который ставили въ укоръ „грубымъ ирландцамъ", на дѣлѣ былъ продолженіемъ стараго кельтскаго способа, не лишеннаго своей практической пользы. Такъ, присутствіе въ новѣйшихъ кельтскихъ мѣстностяхъ другихъ распространенныхъ искусствъ низшей культуры, кипяченія при помощи кожъ, какъ у скиѳовъ Геродота, или посредствомъ камней, какъ у ассинибойновъ Сѣверной Америки,—повидимому, не столько говоритъ о вырожденіи высшей цивилизаціи, сколько о сохраненіи остатковъ низшей. Ирландцы и жители Гебридскихъ острововъ издавна находились подъ вліяніемъ сравнительно высокой цивилизаціи, которая, тѣмъ не менѣе, все-таки могла

[1]) Fynes Moryson, «Itinerary»; London, 1617, part. III, p 162, etc. Evans, «Archaeologia», vol. XLI. См. описаніе кипяченія въ кожѣ у дикихъ ирландцевъ, около 1550 г., въ книгѣ Andrew Boorde «Introduction of Knowledge», ed. Furniwall, Early English Text Soc. 1870.

[2]) Buchanan, «Rerum Scoticarum Historia»; Edinburgh, 1528, p. 7. См. «Early History of Mankind», 2 ed. p. 272.

[3]) Martin, «Description of Western Islands», y Pinkerton, vol. III p. 639.

оставить безъ измѣненія многое изъ старыхъ и грубыхъ обычаевъ этого народа.

Примѣры цивилизованныхъ людей, обращающихся къ дикой жизни, попадая въ отдаленные края и переставая пользоваться примѣненіями цивилизаціи или чувствовать потребность въ нихъ, представляютъ болѣе опредѣленное доказательство вырожденія. Съ такимъ положеніемъ вещей всего ближе связано извѣстное намъ самостоятельное вырожденіе изъ цивилизованнаго состоянія въ дикое. Это случается въ смѣшанныхъ расахъ, уровень цивилизаціи которыхъ бываетъ болѣе или менѣе ниже уровня цивилизаціи высшей расы. Возмутившіеся матросы „Bounty" съ своими полинезійскими женами основали грубую, но не дикую общину на островѣ Питкэрнѣ [1]). Смѣшанныя португальскія и туземныя племена Остъ-Индіи и Африки ведутъ жизнь ниже европейскаго уровня, но все-таки не дикую [2]). Гаучосы Южно-Американскихъ пампасовъ, смѣшанныя европейскія и индѣйскія племена конныхъ пастуховъ, по описаніямъ, сидятъ вокругъ огня на бычачьихъ черепахъ, варятъ супъ въ рогахъ животныхъ, обложенныхъ горячимъ пепломъ, питаются однимъ мясомъ, безъ растительной пищи, и ведутъ гнусную, животную, незнающую удобствъ, выродившуюся, но не дикую жизнь [3]). Дальнѣйшій шагъ приводитъ къ тѣмъ случаямъ, когда отдѣльные цивилизованные люди попадаютъ въ среду дикаго племени и усвоиваютъ дикую жизнь, оказывая мало вліянія на ея улучшеніе; дѣти этихъ людей могутъ уже прямо стать въ категорію дикарей. Но эти случаи смѣшенія не показываютъ, чтобы низшая культура дѣйствительно являлась результатомъ вырожденія высшей. Выводомъ отсюда является, что, при существованіи высшей и низшей цивилизаціи у двухъ племенъ, смѣшанное племя можетъ или примкнуть къ низшей, или занять среднее положеніе.

Вырожденіе, по всѣмъ вѣроятіямъ, дѣйствуетъ сильнѣе въ низшей культурѣ, чѣмъ въ высшей. Варварскіе народы и дикія орды, при меньшемъ количествѣ знаній и большей ограниченности средствъ, повидимому, особенно легко подвергаются принижающимъ вліяніямъ. Въ Африкѣ, напримѣръ, въ послѣднія столѣтія видимо произошелъ упадокъ культуры, что, вѣроятно, въ значительной степени зависѣло отъ иноземнаго вліянія. Дж. Л. Уильсонъ, сравнивая извѣстія XVI и XVII

[1]) «Mutiny of the Bounty», etc.

[2]) Wallace, «Malay Archipelago», vol. I. pp. 42, 471; vol. II. pp 11. 43, 48; Latham, «Descr. Eth.» vol II. pp. 492 — 5; D. и C. Livingston, «Exp. to Zambesi», p. 45.

[3]) Southey, «History of Brasil», vol. III. p. 422.

столѣтій о могущественныхъ негрскихъ государствахъ Западной Африки съ небольшими общинами настоящаго времени, мало или вовсе не сохранившими преданій о прежней обширной политической организаціи своихъ предковъ, причиной того всего болѣе считаетъ вредное вліяніе торговли невольниками [1]). Въ Юговосточной Африкѣ также сравнительно высокая варварская культура, которая для насъ преимущественно совпадаетъ съ старинными описаніями королевства Мономотапы, повидимому, исчезла, и замѣчательныя развалины построекъ изъ тесанаго камня, сложеннаго безъ цемента, говорятъ о прежней цивилизаціи, стоявшей выше цивилизаціи нынѣшняго туземнаго населенія [2]). Въ Сѣверной Америкѣ, патеръ Шарльвуа говоритъ объ ирокезахъ прошедшаго столѣтія, что въ старинныя времена они умѣли строить свои хижины лучше, чѣмъ другіе народы, и лучше, чѣмъ они сами дѣлаютъ это теперь; они украшали ихъ грубыми рѣзными фигурами. Когда, послѣ различныхъ войнъ, почти всѣ ихъ деревни были выжжены, они уже не заботились о возобновленіи ихъ въ прежнемъ видѣ [3]). Вырожденіе индѣйцевъ чіенновъ есть извѣстный историческій фактъ. Преслѣдуемое врагами изъ племени Сіуксъ и, наконецъ, вытѣсненное даже изъ своей укрѣпленной деревни, племя это было поражено въ самомъ корнѣ. Численность его уменьшалась; оно не отваживалось больше строить постоянныхъ жилищъ, бросило земледѣліе и обратилось въ племя бродячихъ охотниковъ; единственнымъ цѣннымъ имуществомъ его оставались лошади, которыхъ оно каждый годъ вымѣнивало на запасы хлѣба, бобовъ, тыквъ и европейскихъ товаровъ, и затѣмъ возвращалось въ глубь прерій [4]). Въ Скалистыхъ горахъ, лордъ Мильтонъ и д-ръ Чидль встрѣтили уединенный остатокъ племени шушвановъ; эти люди не имѣли ни лошадей, ни собакъ, укрывались подъ грубыми временными навѣсами изъ коры или рогожъ, годъ отъ году впадали все въ большую нищету и быстро вымирали. Это —другой примѣръ вырожденія, безъ сомнѣнія понизившаго или уничтожившаго многихъ изъ дикихъ народовъ [5]). Такія племена являются настоящимъ отбросомъ дикой жизни. Есть основаніе думать, что индѣйское племя Диггеръ въ Сѣверной Америкѣ и бушмены Южной Африки—униженные остатки племенъ, нѣкогда видѣвшихъ болѣе счастливые дни [6]). Преданія низшихъ племенъ о лучшей жизни ихъ

[1]) G. L. Wilson, «W. Africa», p. 189.
[2]) Waitz, «Anthropologie», v. II, p. 359, см. 91; Du Chaillu, «Ashangoland», стр. 116.
[3]) Charlevoix, «Nouvelle France», v. VI, p. 51.
[4]) Irving, «Astoria», v. II, ch. V.
[5]) Milton and Cheadle, «North West Passage by Land», p. 241; Waitz, v. III, pp. 74-6.
[6]) «Early History of Mankind», p. 187.

предковъ иногда могутъ быть дѣйствительнымъ воспоминаніемъ о неслишкомъ отдаленномъ прошломъ. Алгонкинскіе индѣйцы вспоминаютъ о прежнихъ временахъ, какъ о золотомъ вѣкѣ, когда жизнь была лучше, чѣмъ теперь, когда у нихъ были лучшіе законы и начальники и менѣе грубые нравы [1]). И въ самомъ дѣлѣ, насколько мы знаемъ ихъ исторію, можно допустить, что они имѣютъ основаніе вспоминать въ несчастьи давно минувшія счастливыя времена. Даже грубый камчадалъ можетъ утверждать, что свѣтъ идетъ все хуже и хуже, люди все убываютъ и портятся, и пищи становится все меньше, такъ какъ охотникъ, медвѣдь и сѣверный олень уходятъ отсюда въ иныя страны, гдѣ жизнь счастливѣе [2]). Для изученія цивилизаціи было бы большимъ пріобрѣтеніемъ, если бы дѣйствіе склоненія и упадка было изслѣдовано на болѣе обширныхъ и точныхъ фактическихъ основаніяхъ, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ. Случаи, нами приведенные, вѣроятно, составляютъ только часть длинныхъ рядовъ фактовъ, которые можно было бы привести для доказательства того, что вырожденіе въ культурѣ было вовсе не первоначальной причиной существованія на свѣтѣ варварства и дикости, но второстепеннымъ дѣйствіемъ, широко и глубоко вліявшимъ на общее развитіе цивилизаціи. Быть можетъ, было не безосновательнымъ сравнивать вырожденіе культуры, какъ по характеру дѣйствія, такъ и по его обширному распространенію, съ обнаженіями въ геологической исторіи земли.

Обсуждая отношенія между дикой и цивилизованной жизнью, можно найти нѣчто поучительное въ подраздѣленіяхъ человѣческаго рода. Для этой цѣли можно съ удобствомъ воспользоваться классификацією по семействамъ языковъ, если бы не могли этого сдѣлать на основаніи физическихъ признаковъ. Безъ сомнѣнія, языкъ самъ по себѣ есть еще недостаточная путеводная нить для опредѣленія происхожденія народа, какъ свидѣтельствуютъ крайніе примѣры евреевъ въ Англіи и трехъ четвертей негритянскихъ племенъ въ Вестъ-Индіи, говорящихъ на англійскомъ, какъ на родномъ языкѣ. Но все-таки, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, сродство языка указываетъ болѣе или менѣе и на расовое сродство предковъ. Какъ путеводитель въ исторіи цивилизаціи, языкъ доставляетъ еще лучшія свидѣтельства, такъ какъ общность языка въ большинствѣ случаевъ предполагаетъ и общность культуры. Раса, настолько господствующая, чтобы поддерживать или навязывать свой языкъ, обыкновенно болѣе или менѣе поддерживаетъ или навязываетъ и свою цивилизацію. Такимъ образомъ, общее происхожде-

[1]) Schoolcraft, «Alg. Res.», v. I p. 50.
[2]) Steller, «Kamtschatka», p. 272.

ніе языковъ индусовъ, грековъ и тевтоновъ, безъ сомнѣнія, въ значительной мѣрѣ зависѣло отъ общности предковъ, но еще тѣснѣе оно связано съ ихъ общей соціальной и умственной исторіей, съ тѣмъ, что профессоръ Максъ Мюллеръ удачно называетъ ихъ „духовнымъ родствомъ". Удивительное постоянство языка часто даетъ намъ возможность открывать у племенъ, отдаленныхъ одно отъ другого во времени и въ пространствѣ, слѣды общей цивилизаціи. Каково же, при подобныхъ основаніяхъ, относительное положеніе дикихъ и цивилизованныхъ племенъ въ различныхъ группахъ человѣчества, связанныхъ исторически обладаніемъ родственными языками?

Семитическое семейство, представляющее одну изъ древнѣйшихъ извѣстныхъ цивилизацій міра, заключаетъ арабовъ, евреевъ, финикіянъ, сирійцевъ и пр., и имѣетъ какъ старыя, такъ и новѣйшія родственныя связи въ Сѣверной Африкѣ. Къ этому семейству принадлежитъ нѣсколько грубыхъ племенъ, но ни одно изъ нихъ не можетъ быть поставлено въ разрядъ дикихъ. Арійское семейство несомнѣнно жило въ Азіи и Европѣ въ продолженіе многихъ тысячелѣтій, и существуютъ хорошо извѣстные и яркіе слѣды его варварскаго состоянія въ древнія времена, которое, быть можетъ, съ наименьшимъ измѣненіемъ сохранилось у изолированныхъ племенъ, обитающихъ въ долинахъ Гиндукуша и Гималайевъ. Но и здѣсь также неизвѣстно, кажется, ни одного случая, чтобы какое-нибудь чисто арійское племя сдѣлалось дикимъ. Цыгане и другія низко стоящія племена, безъ сомнѣнія, арійцы по крови, но ихъ низкое состояніе не есть еще дикость. Въ Индіи существуютъ племена арійскія по языку, но которыя по физическому сложенію принадлежатъ скорѣе къ туземному типу, и предки которыхъ происходятъ преимущественно отъ туземныхъ племенъ, болѣе или менѣе смѣшавшихся съ господствующими индусами. Нѣкоторыя племена, подходящія подъ эту категорію, какъ, напримѣръ, билы и кулисы, въ Бомбейскомъ президентствѣ, говорятъ нарѣчіями индусскими, по крайней мѣрѣ, по словарю, если не всегда по грамматическому строенію; однако эти люди, по своей культурѣ, ниже, чѣмъ нѣкоторыя индуизированныя націи, удержавшія свой дравидійскій языкъ, каковы, напримѣръ, тамулы. Но всѣ эти племена стоятъ на высшихъ ступеняхъ цивилизаціи, чѣмъ дикія, лѣсныя племена полуострова, которыхъ можно считать почти дикарями, и которыя не принадлежатъ къ арійцамъ ни по крови, ни по языку [1]). Впрочемъ, на Цейлонѣ мы можемъ видѣть замѣчательное явленіе несомнѣнно дикихъ людей, говорящихъ на арійскомъ нарѣчіи. Это—дикая часть племени Ведда, или „охотниковъ", остатки котораго еще и теперь обитаютъ въ лѣсистой части острова. Это—темнокожій народъ, съ плоскимъ носомъ, слабаго сложенія, съ малымъ черепомъ; средній ростъ у мужчинъ не болѣе пяти футовъ. Эти трусливые, безобидные, простые люди живутъ преимущественно охотой; они стрѣляютъ птицъ, ловятъ рыбу, отравляя воду, и искусно добываютъ дикій медъ; у нихъ есть луки и стрѣлы съ желѣзными наконечниками, которые, вмѣстѣ съ охотничьими собаками, составляютъ ихъ наиболѣе цѣнное имущество. Они живутъ въ пещерахъ или въ шалашахъ изъ коры, и у нихъ самое слово для обозначенія дома—сингалезскаго происхожденія и означаетъ дупло (rukula); одежда ихъ прежде состояла изъ лоскута коры, но теперь они привѣшиваютъ къ поясу куски холста; обработывать клочки земли они стали, говорятъ, только въ недавнее время. Они считаютъ по пальцамъ и добываютъ огонь съ помощью сверла самаго простого устройства, которое вертятъ рукою. Они очень правдивы и честны. Ихъ единобрачіе и супружеская вѣрность составляютъ полную противоположность съ совершенно иными нравами болѣе цивилизованныхъ сингалезовъ. Замѣчательный брачный обычай у Ведда позволяетъ брать въ замужество младшую (но не старшую) сестру; этотъ бракъ съ сестрами существуетъ и у сингалезовъ, но ограничивается у нихъ только королевской семьей. Прежде ошибочно утверждали, будто у веддасовъ нѣтъ ни религіи, ни личныхъ именъ, ни языка. Въ дѣйствительности, ихъ религія соотвѣтствуетъ анимизму грубѣйшихъ племенъ Индіи; нѣкоторыя изъ ихъ именъ замѣчательны тѣмъ, что они индусскія, но не употребительны у новѣйшихъ сингалезовъ; ихъ языкъ есть нарѣчіе сингалезскаго языка. Это, безъ сомнѣнія, находится въ нѣкоторой связи съ обычнымъ мнѣніемъ, будто веддасы, главнымъ образомъ, происходятъ отъ „yakkos", или демоновъ, т.-е. отъ туземныхъ племенъ острова. Преданіе и языкъ позволяютъ считать вѣроятною примѣсь арійской крови, что сопровождалось принятіемъ и арійскаго языка, но физическіе признаки показываютъ, что племя Ведда происходитъ, главнымъ образомъ, отъ туземнаго до-арійскаго типа [1]).

Татарское семейство Сѣверной Азіи и Европы (туранское, употребляя это слово въ ограниченномъ смыслѣ) представляетъ явленіе со-

[1]) G. Campbel, «Ethnology of India», въ Journ. As. Soc. Bengal, 1866, part. II.

[1]) J. Bailey, «Veddahs» въ Tr. Eth. Soc. v. II, p. 278; см. v. III, p. 70. Knox, «Historical Relation of Ceylon», Lond., 1681, part. III, ch. I. См. A. Thomson, «Osteology of the Veddas» въ Journ. Anthrop. Inst. 1889, vol. XIX, p. 125; L. de Zoysa, «Origin of Veddas», in Journ. Ceylon Branch Royal Asiat. Soc. vol. VII; B. F. Hartshorne въ Fortnightly Rev., Mar. 1876.

вершенно другого рода. Эта широко распространенная группа племенъ и народовъ имѣетъ членовъ почти или вполнѣ стоящихъ на уровнѣ дикарей въ древнія и даже новѣйшія времена, каковы, напр., остяки, тунгузы, самоѣды, лопари, тогда какъ болѣе или менѣе высокіе разряды культуры представлены монголами, турками и венграми. Но въ этомъ случаѣ не можетъ быть сомнѣнія, что грубыя племена представляютъ древнѣйшее состояніе татарской расы вообще, изъ котораго, какъ извѣстно, поднялись болѣе смѣшанные и цивилизованные народы, главнымъ образомъ, чрезъ принятіе чуждой культуры буддистскихъ, мусульманскихъ и христіанскихъ народовъ, а отчасти благодаря внутреннему развитію. Этнологія Юго-Восточной Азіи нѣсколько темна; но если можно подвести подъ одинъ разрядъ туземныя племена Сіама, Бирмы и проч., то болѣе грубыя племена можно считать представителями болѣе древняго состоянія, какъ какъ высшая культура въ этой странѣ, очевидно, была иноземнаго, преимущественно буддистскаго происхожденія. Малайская раса также замѣчательна по тому развитію цивилизаціи, какое представляютъ племена, относимыя къ этой расѣ. При сравненіи дикихъ племенъ Малайскаго полуострова и Борнео съ полуцивилизованными народами Явы и Суматры, оказывается, что одна часть расы представляетъ древнее дикое состояніе, которое сохранилось въ ней, тогда какъ другая часть владѣетъ цивилизаціей, которая, какъ видно съ перваго взгляда, заимствована, главнымъ образомъ, изъ индусскаго и магометанскаго источниковъ. Нѣкоторые изъ лѣсныхъ обитателей полуострова служатъ, повидимому, представителями малайской расы на весьма низкомъ уровнѣ культуры, хотя трудно сказать, насколько такой уровень можетъ считаться первоначальнымъ, и насколько онъ произошелъ отъ вырожденія. Между ними самое грубое племя—Орангъ Сабимба, которое не имѣетъ ни земледѣлія, ни лодокъ, и разсказываетъ о себѣ замѣчательную исторію, будто они потомки потерпѣвшихъ кораблекрушеніе малайцевъ изъ страны Буджисъ, но были до такой степени угнетаемы морскими разбойниками, что бросили цивилизацію и земледѣліе и поклялись не ѣсть куръ, которыя выдавали ихъ своимъ крикомъ. Такимъ образомъ, они ничего не сѣютъ, а ѣдятъ дикіе плоды и растенія и всякихъ животныхъ, кромѣ куръ. Если этотъ разсказъ основанъ на фактахъ, то онъ представляетъ интересный случай вырожденія. Но дикіе обыкновенно выдумываютъ миѳы для объясненія какихъ-нибудь особыхъ обычаевъ; такъ, напримѣръ, въ томъ же краю бидуанда-калланги разсказываютъ, что они не обработываютъ землю потому, что ихъ предки дали обѣтъ не заниматься земледѣліемъ. Другой грубый народъ Малайскаго полуострова — джакуны, простое,

кроткое племя, въ которомъ одни ведутъ свою родословную отъ пары бѣлыхъ обезьянъ, а другіе объясняютъ, что они — потомки бѣлыхъ людей. Дѣйствительно, есть основаніе предполагать, что эти послѣдніе и въ самомъ дѣлѣ—смѣшанное племя, потому что въ ихъ языкѣ встрѣчается нѣсколько португальскихъ словъ, и существуютъ указанія о нѣсколькихъ выходцахъ, поселившихся въ этой странѣ [1]). Полинезійцы, папуасы и австралійцы представляютъ различныя степени дикости, распространенныя каждая въ своей обширной области сравнительно однороднымъ образомъ. Наконецъ, достойны вниманія, хотя и совсѣмъ неясны, отношенія дикаго къ высшимъ состояніямъ на американскихъ материкахъ. Существуетъ нѣсколько большихъ лингвистическихъ семействъ, члены которыхъ оказывались вездѣ въ дикомъ состояніи: таковы эскимосы, алгонкины и гуараны. Съ другой стороны, существовали три, повидимому, независимыя одна отъ другой, области полуцивилизаціи, достигшей высокаго варварскаго уровня, именно въ Мексикѣ и Центральной Америкѣ, въ Боготѣ и Перу. Между этими высшимъ и низшимъ состояніями были племена, стоявшія на уровнѣ натчезовъ Луизіаны и апалачей Флориды. Лингвистическая связь между болѣе образованными народами и низшими племенами, окружающими ихъ, извѣстна по нѣкоторымъ примѣрамъ [2]). Но почти не существуетъ опредѣленныхъ свидѣтельствъ, которыя показывали бы, что высшая культура была возвышеніемъ низшей, или низшая—пониженіемъ высшей. Въ извѣстной степени могло случаться и то, и другое.

Изъ такого общаго обозрѣнія этой этнологической задачи ясно видно, что она вознаградила бы и болѣе близкое изученіе, нежели то, какое ей было посвящаемо до сихъ поръ. Судя по тѣмъ фактамъ, какіе извѣстны въ настоящее время, кажется, что если нѣкоторыя вѣтви какой-либо расы своею культурой значительно превосходятъ остальныя, то это различіе чаще происходитъ путемъ возвышенія, нежели упадка. Но такое возвышеніе гораздо скорѣе можетъ быть произведено иноземнымъ, чѣмъ туземнымъ вліяніемъ. Цивилизація есть растеніе, которое чаще бываетъ распространяемо, чѣмъ развивается само. Относительно низшихъ расъ, это положеніе совпадаетъ съ результатами общенія европейцевъ съ дикими племенами въ продолженіе послѣднихъ трехъ или четырехъ сто-

[1]) Journ. Ind. Archip. v. I, pp. 295—9; v. II, pp. 237.

[2]) О связи между языкомъ ацтековъ и языкомъ сонорскаго семейства, распространяющагося на сѣверо-западъ къ источникамъ Миссури, см. Buschmann, «Spuren der Aztekischen Sprache im Nördlichen Mexico», и пр. въ Abh. der Akad. der Wissensch. 1854; Berlin 1859; также Tr. Eth. Soc. v. II. p. 130. О связи между языками натчезовъ и майа см. Daniel G. Brinton, въ «American Historical Magazine», 1867, v. I. p. 16 и «Myths of the New World», p. 28.

лѣтій; если только эти племена переживали процессъ, они болѣе или менѣе ассимилировали европейскую культуру и приближались къ европейскому уровню, какъ было, напр., въ Полинезіи. Южной Африкѣ. Южной Америкѣ. Изъ этого этнологическаго обозрѣнія становится очевиднымъ еще другое важное обстоятельство. Фактъ, что въ продолженіе столькихъ тысячелѣтій извѣстнаго исторіи существованія ни арійская, ни семитическая раса не дали, повидимому, ни одного прямого дикаго отпрыска,—фактъ этотъ говоритъ съ нѣкоторой силой противъ вѣроятности того, что вырожденіе до уровня дикаго состоянія могло когда-нибудь произойти изъ высокаго уровня цивилизаціи.

Что касается мнѣній прежнихъ писателей о древнѣйшей цивилизаціи, какой бы теоріи они ни держались, теоріи прогресса или вырожденія,—должно помнить, что факты, бывшіе въ ихъ распоряженіи, далеко не могли равняться даже тѣмъ скуднымъ и недостаточнымъ даннымъ, которыя доступны намъ въ настоящее время. Относиться критически къ этнологу XVIII столѣтія—то же, что подвергать критикѣ воззрѣнія геолога того же вѣка. Писатель стараго времени могъ быть гораздо талантливѣе своего новѣйшаго критика, но онъ не имѣлъ въ рукахъ тѣхъ матеріаловъ. Въ особенности ему недоставало руководства доисторической археологіи, отдѣла изслѣдованія, который установленъ на научномъ основаніи лишь въ недавніе годы. Существенно важно составить себѣ ясное понятіе объ отношеніи этой новѣйшей науки къ прежней задачѣ.

Хотя хронологія и считаетъ болѣе или менѣе вымышленными обширные династическіе списки египтянъ, индусовъ и китайцевъ, переходящіе въ простые итоги счетныхъ книгъ, въ которыхъ года занимаютъ мѣсто единицъ, тѣмъ не менѣе, она соглашается, что, по существующимъ памятникамъ, слѣды сравнительно высокой цивилизаціи отодвигаются на разстояніе болѣе пяти тысячъ лѣтъ назадъ. Сличая восточныя и западныя письменныя свидѣтельства, можно видѣть, что великіе религіозные отдѣлы арійской расы, къ которымъ относятся новѣйшій браманизмъ, религія Заратуштры и буддизмъ, принадлежатъ къ періоду отдаленной исторической древности. Если мы даже и не совсѣмъ согласны съ проф. Максомъ Мюллеромъ (предисловіе къ его переводу „Ригъ-Веды“), что это собраніе арійскихъ гимновъ „займетъ и навсегда удержитъ свое положеніе, какъ древнѣйшая изъ книгъ библіотеки человѣчества“, если мы и не вполнѣ примемъ строгую вѣрность его вычисленія древности ея въ вѣкахъ до Р. Х., мы, однако, должны согласиться, что онъ не безъ основанія относитъ составленіе этой книги къ очень древнему періоду, чѣмъ доказывается, что въ то время существовала уже

сравнительно высокая варварская цивилизація. Лингвистическіе доводы относительно весьма отдаленнаго по времени общаго начала индо-европейскихъ націй, общаго въ извѣстной степени по физическому происхожденію, и еще болѣе по ихъ цивилизаціи, приводятъ къ тому же результату. То же можно сказать и относительно Египта. Вычисленія, по которымъ древность египетскихъ династій измѣряется тысячелѣтіями, конечно, хотя и подлежатъ спору въ частностяхъ, но основаны на фактахъ, которые, во всякомъ случаѣ, даютъ право допускать весьма продолжительную хронологію. Уже одно тождество двухъ или трехъ египетскихъ именъ, упоминаемыхъ въ библейской и классической исторіи, говоритъ намъ о весьма отдаленной древности. Таковы имена Шишанка; линіи Псамметиховъ, обелиски которыхъ можно видѣть въ Римѣ; Тиргакаха, царя Эфіопскаго, гробъ кормилицы котораго находится въ Флорентинскомъ музеѣ; города Рамезеса, который, очевидно, связывается съ линіей Рамессидовъ, называемыхъ египтологами 19-й династіей. Прежде, чѣмъ возникла классическая культура, культура Египта достигла своей наибольшей высоты, и позади этого времени находится нѣсколько менѣе цивилизованный вѣкъ царей Пирамидъ, а еще далѣе того находится неопредѣленный рядъ вѣковъ, которые потребны были для произведенія подобной цивилизаціи. И далѣе, хотя ни одна часть Ветхаго Завѣта не можетъ сама по себѣ удовлетворительно доказать такой древности происхожденія, которая приближалась бы къ древности старѣйшихъ египетскихъ гіероглифическихъ надписей, однако, всѣ критики должны признать, что старѣйшая изъ историческихъ книгъ, съ одной стороны, даетъ современныя свидѣтельства, доказывающія существованіе въ семитическомъ мірѣ значительной культуры въ такое время, которое по сравненію съ классической исторіей есть время весьма отдаленное, и съ другой стороны, эти книги, путемъ хроники, доставляютъ свидѣтельства, отодвигающія на цѣлыя вѣка указанія на достаточно развитую варварскую цивилизацію. Итакъ, если теорія развитія должна объяснять явленія, подобныя этимъ, то ея хронологическая задача вовсе не легка, въ особенности если признать, что на низшихъ ступеняхъ культуры прогрессъ долженъ идти чрезвычайно медленно, въ сравненіи съ тѣмъ, что опытъ показываетъ у народовъ, уже достаточно развившихся. При этихъ условіяхъ, когда первое появленіе средней культуры отодвигается къ отдаленной древности и цивилизація требуетъ медленнаго развитія для совершенія своей трудной работы въ вѣка еще болѣе отдаленные, доисторическая археологія охотно беретъ на себя эту задачу. И въ самомъ дѣлѣ, далеко не смущаясь обширностью времени, необходимаго при самыхъ скромныхъ требованіяхъ, доисторическій археологъ слиш-

комъ расположенъ предаваться склонности вводить тысячелѣтія въ свои вычисленія, подобно тому, какъ финансистъ съ удовольствіемъ высчитываетъ тысячи фунтовъ свободнымъ и, можетъ быть, иногда нѣсколько небрежнымъ образомъ.

Доисторическая археологія обращаетъ полное вниманіе на факты, которые могутъ относиться къ вырожденію въ культурѣ. Таковы колоссальныя человѣческія фигуры изъ высѣченнаго камня на островѣ Пасхи, сдѣланныя, быть можетъ, предками нынѣшнихъ островитянъ, настоящія средства которыхъ, однако, недостаточны для выполненія такихъ гигантскихъ работъ [1]). Еще болѣе важный примѣръ представляютъ прежніе обитатели долины Миссисипи. Въ мѣстностяхъ, гдѣ туземныя племена, извѣстныя въ настоящее время, не занимаютъ высокаго положенія даже между дикарями, прежде жило племя, которому этнологи дали названіе строителей кургановъ (Mound-Builders), по удивительной величинѣ ихъ валовъ и оградъ, одна группа которыхъ занимаетъ площадь въ четыре квадратныхъ мили. Правильность квадратовъ и круговъ и повтореніе замкнутыхъ пространствъ, одинаковыхъ по размѣрамъ, возбуждаютъ интересные вопросы относительно способовъ планировки. Чтобы создать подобныя сооруженія, строители кургановъ должны были составлять многочисленное населеніе, которое существовало преимущественно земледѣліемъ; дѣйствительно, можно еще найти слѣды ихъ древнихъ полевыхъ работъ. Впрочемъ, въ промышленныхъ искусствахъ они не достигали уровня Мексики. Такъ, наприм., употребленіе ими туземной мѣди, выкованной въ формѣ рѣжущихъ инструментовъ, сходно съ тѣмъ, какое встрѣчается у нѣкоторыхъ дикихъ племенъ, живущихъ дальше на сѣверѣ. Вообще, судя по ихъ землянымъ работамъ, полямъ, глиняной посудѣ, каменнымъ орудіямъ и другимъ остаткамъ, они принадлежали, повидимому, къ тѣмъ высшимъ дикимъ или варварскимъ племенамъ южныхъ штатовъ, типомъ которыхъ, по описанію Бэртрама, можно считать криковъ и чирокисовъ [2]). Если какое-нибудь изъ дикихъ бродячихъ охотничьихъ племенъ, живущихъ по сосѣдству съ огромными земляными работами строителей кургановъ,— потомки этого довольно развитого племени, то здѣсь произошелъ весьма значительный регрессъ. Такимъ образомъ, вопросъ остается открытымъ.

[1]) J. H. Lamprey, въ Trans. of Prehistoric Congress, Norwich, 1868, p. 60; J. Linton Palmer, in Journ. Eth. Soc., vol. I. 1869.

[2]) Squier and Davis, ‹Mon. of Mississippi Valley›, и пр., въ Smithsonian Contr., vol. I, 1848. Lubbock, «Prehistoric Times», chap. VII; Waitz, «Anthropologie», vol. III, p. 72. Bartram, «Creek and Cherokee Ind.», въ Tr. Ethnol. Soc., vol. III, part. I; см. Petrie, «Inductive Metrology», 1877, p. 122.

Можетъ быть, въ этомъ случаѣ слѣды обработки земли могутъ быть объяснены такъ же, какъ и остатки старыхъ обработанныхъ террасъ на островѣ Борнео, гдѣ это было дѣломъ китайскихъ колонистовъ, потомки которыхъ большею частью слились съ массой населенія и приняли туземные обычаи [1]). Съ другой стороны, указанія, доставляемыя извѣстной мѣстностью, могутъ вести къ ошибочнымъ заключеніямъ относительно ея обитателей. Путешествующій по Гренландіи, придя къ развалинамъ каменныхъ построекъ въ Какортокѣ, невѣрно заключилъ бы, предположивъ, что эскимосы—выродившіеся потомки предковъ, способныхъ къ такой архитектурѣ, потому что, на самомъ дѣлѣ, развалины эти составляютъ остатки церкви и баптистерія, построенныхъ древними скандинавскими поселенцами [2]). Вообще замѣчательно, какъ немного археологія представила яркихъ доказательствъ вырожденія. Ея отрицательныя свидѣтельства говорятъ совершенно противное. Въ примѣръ можно привести возраженіе сэра Джона Лёббока противъ мысли, что племена, не знающія въ настоящее время металлургіи и гончарнаго дѣла, сперва владѣли этими искусствами, но потомъ утратили ихъ. „Мы можемъ также утверждать, на общемъ основаніи, что ни въ одной странѣ, обитаемой дикарями, совершенно незнакомыми съ металлургіей, никогда не было найдено металлическаго оружія или инструментовъ. Еще болѣе рѣзкій примѣръ представляетъ глиняная посуда. Она не легко разрушается, и гдѣ только она была извѣстна, она находится въ изобиліи, обладая двумя качествами, именно, способностью легко разбиваться и въ то же время разрушаться съ трудомъ, что̀ дѣлаетъ ее весьма цѣнной съ археологической точки зрѣнія. Сверхъ того, въ большинствѣ случаевъ она находила мѣсто при погребальныхъ обрядахъ. Поэтому весьма знаменателенъ фактъ, что ни въ Австраліи, ни въ Новой Зеландіи, ни на островахъ Полинезіи не находили остатковъ глиняной посуды“ [3]). Насколько отлично настоящее положеніе вещей отъ того, какого мы могли бы ожидать, слѣдуя общераспространенной теоріи вырожденія, ясно указывается юмористическими замѣчаніями сэра Чарльза Ляйелля въ его „Древности человѣка“. Если бы, разсуждаетъ онъ, первоначальное ядро человѣчества было дѣйствительно одарено высшими умственными способностями и непосредственнымъ знаніемъ, обладая въ то же время такой же способной къ усовершенствованію природой, какъ и его потомство, до какого крайняго преуспѣянія достигло бы оно! „Вмѣсто грубѣйшей глиняной посуды или кремневыхъ орудій, до такой степени не-

[1]) St. John, ‹Life in Forests of Far East›, vol. II, p. 327.

[2]) Rafn, ‹Americas Arctiske Landes Gamle Geographie›, pl. VII, VIII.

[3]) Lubbock, въ «Report of Britich Association», Dundee, 1867, p. 121.

*

правильныхъ по формѣ, что непривычному глазу кажется сомнительнымъ—предназначались ли они дѣйствительно для какой-либо цѣли, мы находили бы теперь скульптурныя формы, превосходящія по красотѣ образцовыя произведенія Фидія или Праксителя, находили бы погребенныя желѣзныя дороги и электрическіе телеграфы, изъ которыхъ лучшіе инженеры нашего времени могли бы почерпать драгоцѣнныя указанія; находили бы астрономическіе инструменты и микроскопы болѣе совершеннаго устройства, чѣмъ какіе извѣстны въ Европѣ, и другія указанія на такое совершенство въ искусствахъ и наукахъ, какого еще не видѣлъ девятнадцатый вѣкъ. Мы нашли бы, что торжество генія изобрѣтательности шло еще далѣе, когда образовывались позднѣйшія отложенія, относимыя теперь къ бронзовому и желѣзному вѣкамъ. Напрасно напрягали бы мы свое воображеніе, чтобы угадать возможное употребленіе и значеніе такихъ остатковъ,—можетъ быть, машинъ для плаванія по воздуху, для изслѣдованія глубины океана, для вычисленія ариѳметическихъ задачъ, идущихъ дальше потребностей или даже пониманія нынѣшнихъ математиковъ“ [1]).

Ключъ къ изслѣдованію первоначальнаго состоянія человѣка находится въ рукахъ доисторической археологіи. Ключъ этотъ есть свидѣтельство Каменнаго Вѣка, доказывающее, что люди отдаленной древности находились въ дикомъ состояніи. Со времени долго непризнававшихся открытій Буше-де-Перта (1841—и слѣдующіе) относительно каменныхъ орудій въ наносныхъ пескахъ долины Соммы, на обширномъ пространствѣ Европы собрано было еще много доказательствъ того, что болѣе грубый Каменный Вѣкъ, представляемый орудіями Древне-Каменнаго (палеолитическаго) типа, преобладалъ у дикихъ племенъ четвертичнаго періода, современниковъ мамонта и шерстистаго носорога, въ вѣка, которымъ геологія приписываетъ древность гораздо болѣе отдаленную, чѣмъ та, какую устанавливаетъ исторія относительно существованія человѣческаго рода. Джонъ Фрэръ еще въ 1797 г. писалъ о такихъ кремневыхъ орудіяхъ, открытыхъ въ Гокснѣ въ Суффолькѣ. „Въ самомъ дѣлѣ, положеніе, въ какомъ найдены были эти орудія, можетъ склонить насъ отнести ихъ къ очень отдаленному періоду, даже болѣе отдаленному, чѣмъ нынѣшній міръ“ [2]). Обширное протяженіе времени, въ продолженіе котораго исторія Лондона представляла исторію человѣческой цивилизаціи, является для меня однимъ изъ самыхъ поучительныхъ фактовъ, открываемыхъ археологіей. Антикварій, раскопавъ почву лишь на нѣсколько ярдовъ въ глубину, можетъ спускаться отъ обломковъ, представляющихъ нашу новѣйшую жизнь, до остатковъ искусства и науки среднихъ вѣковъ, до признаковъ норманскихъ, саксонскихъ, романо-британскихъ временъ, до слѣдовъ высшаго Каменнаго Вѣка. И по дорогѣ отъ Темпль-Бара до Большой Сѣверной станціи онъ проходитъ около мѣста, гдѣ Коньерсъ, около полутораста лѣтъ тому назадъ, нашелъ въ наносныхъ слояхъ орудіе изъ чернаго кремня вмѣстѣ съ скелетомъ слона,—рядомъ остатки лондонскаго мамонта и лондонскаго дикаря [1]). Въ песчаныхъ отложеніяхъ Европы, въ латеритѣ Индіи и въ другихъ болѣе поверхностныхъ мѣстностяхъ, гдѣ найдены остатки Древне-Каменнаго Вѣка, о состояніи человѣка свидѣтельствуетъ, главнымъ образомъ, крайняя грубость его каменныхъ орудій и отсутствіе даже отточенныхъ краевъ или лезвій. Естественное заключеніе, что это указываетъ на крайне дикое состояніе, находитъ себѣ подтвержденіе въ пещерахъ Средней Франціи. Племя людей, здѣсь обитавшихъ и оставившихъ свои художественные портреты, а также изображенія сѣвернаго оленя и мамонта, среди которыхъ они жили,—это племя, судя по остаткамъ его оружія, вещей и проч., повидимому, вело жизнь, нѣсколько похожую на жизнь эскимосовъ, только еще ниже, такъ какъ у нихъ не было домашнихъ животныхъ. Области, въ которыхъ найдены орудія грубаго первобытнаго наноснаго типа, ограничены въ своемъ протяженіи. Ново-Каменный періодъ, или періодъ шлифованнаго камня, принадлежитъ къ тѣмъ позднѣйшимъ по времени и болѣе развитымъ вѣкамъ, когда производство каменныхъ орудій много улучшилось и обтачиваніе и шлифовка вошли въ общее употребленіе. Въ продолженіе длиннаго періода времени, когда господствовало это положеніе вещей, человѣкъ, повидимому, распространился по всему обитаемому пространству земли. Изслѣдованія одной области свѣта за другою только подтверждали общее правило, что Каменный Вѣкъ (такъ какъ кость или раковины составляютъ лишь случайную замѣну камня) вездѣ предшествуетъ Металлическому Вѣку. Даже области, прославленныя въ исторіи какъ мѣстопребываніе древней цивилизаціи, имѣютъ, подобно другимъ странамъ, свои слѣды болѣе стараго Каменнаго Вѣка. Малая Азія, Египетъ, Палестина, Индія, Китай представляютъ дѣйствительные образчики, историческія извѣстія и остатки, показывающіе въ древности господство такого состоянія общества, которое имѣетъ свою аналогію у новѣйшихъ дикарей [2]). Герцогъ Аргайль, допуская въ своемъ сочиненіи „Перво-

[1]) Lyell, «Antiquity of Man», chap. XIX.
[2]) Frere, въ «Archaeologia», 1800.

[1]) I. Evans, въ «Archaeologia», 1861; Lubbock, «Prehistoric Times», 2-nd ed. p. 335.
[2]) См. «Early. History of Mankind», chap. VIII.

бытный человѣкъ“, что орудія наноснаго періода то же самое, что топоры для льда и грубые ножи низшихъ племенъ, обитавшихъ въ Европѣ въ концѣ Ледяного Періода, приходитъ къ заключенію, что „по этимъ орудіямъ было бы также основательно судить о состояніи человѣка того времени въ мѣстахъ его первоначальнаго мѣстопребыванія, какъ въ наше время по обычаямъ и искусствамъ эскимосовъ—судить о цивилизаціи Лондона или Парижа“ [1]). Успѣхи археологіи за прошедшіе годы, однакоже, постоянно урѣзывали ту почву, на которой можетъ держаться подобное сужденіе, а теперь эти успѣхи почти совершенно вытѣснили послѣднее. Гдѣ находится теперь та область земли, на которую можно указать, какъ на первоначальную родину человѣка, и которая не свидѣтельствовала бы грубыми каменными орудіями, погребенными въ ея почвѣ, о дикомъ состояніи ея прежнихъ обитателей? Едва ли найдется на свѣтѣ такая область, о которой мы не могли бы сказать навѣрное, что здѣсь нѣкогда жили дикари, и если въ этомъ случаѣ какой-нибудь этнологъ утверждаетъ, что эти дикари были потомки или преемники цивилизованнаго народа, на немъ лежитъ обязанность представить доказательства того. Кромѣ того, Бронзовый и Желѣзный Вѣка въ значительной мѣрѣ принадлежатъ исторіи, а ихъ отношеніе къ Каменному Вѣку доказываетъ основательность сужденія Лукреція, который, соединяя опытъ настоящаго съ воспоминаніями и выводами прошлаго, высказываетъ мысль, составляющую въ настоящее время основное положеніе археологіи, мысль о послѣдованіи Каменнаго, Бронзоваго и Желѣзнаго Вѣковъ.

„Arma antiqua manus ungues dentesque fuerunt,
Et lapides, et item silvarum fragmina rami
. . . .
Posterius ferri vis est aerisque reperta,
Et prior aeris erat quam ferri cognitus usus“ [2]).

Во всѣхъ различныхъ предметахъ доисторической археологіи сила и единство ея доказательствъ относительно развитія культуры являются неотразимыми. Остатки, открытые въ песчаныхъ отложеніяхъ, пещерахъ, кухонныхъ остаткахъ, террамарахъ, свайныхъ жилищахъ, земляныхъ сооруженіяхъ, результаты изслѣдованія поверхностныхъ слоевъ почвы во

[1]) Argyll, «Primeval Man», p. 129.
[2]) Первымъ оружіемъ были и руки, и ногти, и зубы,
Камни, а также лѣсныхъ тяжелые сучья деревьевъ.
. . . .
Только позднѣй обрѣли желѣза и мѣди значенье,
Но упредила мѣдь обработку и опытъ желѣза.
Lucret. De Rerum Natura, v. 1281.

многихъ странахъ, сравненіе геологическихъ фактовъ, историческихъ документовъ, новѣйшей жизни дикарей подкрѣпляютъ и объясняютъ другъ друга. Мегалитическія постройки, менгиры, кромлехи, долмены и т. п., извѣстные въ Англіи, Франціи, Алжирѣ, какъ принадлежащія племенамъ темнаго прошлаго, являются предметомъ современнаго сооруженія и опредѣленнаго назначенія у наиболѣе грубыхъ туземныхъ племенъ Индіи. Ряды древнихъ озерныхъ жилищъ, представляющихъ долговременное послѣдовательное заселеніе, окаймлявшее берега швейцарскихъ озеръ, имѣютъ живыхъ представителей между грубыми племенами Остъ-Индіи, Африки и Южной Америки. Отдаленныя племена дикарей насыпаютъ еще кучи кухонныхъ отбросовъ, какъ въ давно-прошедшей скандинавской древности. Могильныя насыпи, какія еще встрѣчаются въ цивилизованныхъ странахъ, служили одновременно и музеями древней культуры, и доказательствами ея дикаго или варварскаго типа. Не входя въ дальнѣйшія подробности о предметахъ, вполнѣ изслѣдованныхъ въ новѣйшихъ спеціальныхъ сочиненіяхъ, достаточно указать, что доисторическая археологія вообще даетъ полное подтвержденіе теоріи развитія въ культурѣ. Одинъ изъ основателей этой науки, почтенный профессоръ Свенъ Нильсонъ весьма вѣрно оцѣнилъ ея значеніе, высказавъ въ 1843 г., въ введеніи къ своимъ „Первобытнымъ обитателямъ Скандинавіи“, что мы „не можемъ правильно понять значеніе древностей какой-либо отдѣльной страны, если въ то же время не уяснимъ себѣ вполнѣ той идеи, что эти древности составляютъ лишь отрывки прогрессивнаго ряда цивилизаціи, и что человѣческій родъ и прежде, и теперь неуклонно движется впередъ въ дѣлѣ цивилизаціи“ [1]).

Къ такому же результату приводитъ изслѣдованіе начала и древняго развитія матеріальныхъ искусствъ, судя по сравненію различныхъ ступеней, на которыхъ мы ихъ находимъ. Мы не будемъ выставлять этотъ аргументъ во всей его полнотѣ, и ограничимся нѣсколькими типическими подробностями для указанія его общаго характера. Между различными ступенями искусствъ, лишь немногія съ перваго взгляда указываютъ—находятся ли онѣ на пути прогресса или упадка. Большую часть такихъ фактовъ можно сравнить съ лодкой индѣйца, у которой корма и носъ совершенно одинаковы, такъ что, глядя на нее,

[1]) См. Lyell, «Antiquity of Man», 3-rd ed. 1863; Lubbock, «Prehistoric Times» 2-nd ed. 1870; «Trans. of Congress of Prehistoric Archaeology» (Norwich 1868); Stevens «Flint Chips, etc.», 1870; Nilsson, «Primitive Inhabitants of Scandinavia» (ed. by Lubbock, 1868); Falconer. «Palaeontological Memoirs, etc.»; Lartet et Christy, «Reliquiae Aquitanicae» (ed. by T. R. Jones); Keller, «Lake wellings» (Tr. and ed. by J. E. Lee), и пр. и пр.

нельзя узнать, въ какую сторону она готовится идти. Но бываютъ и такіе факты, которые, какъ наши суда, ясно даютъ видѣть направленіе своего настоящаго пути. Такіе факты служатъ указателями при изученіи цивилизаціи и должны быть отыскиваемы въ каждой отрасли изслѣдованія. Прекрасный образецъ такихъ руководящихъ фактовъ представилъ Уоллэсъ. На Селебесѣ, гдѣ бамбуковые дома легко наклоняются въ сторону господствующаго западнаго вѣтра, туземцы нашли, что если укрѣпить нѣсколько изогнутыхъ стволовъ по сторонамъ дома, то онъ не упадетъ. Поэтому они выбираютъ самыя изогнутыя деревья, какія только могутъ найти, не умѣя раціонально отнестись къ дѣлу и не попадая на мысль, что прямые жерди, укрѣпленные въ косвенномъ направленіи, дѣйствовали бы точно также въ поддержаніи строенія въ вертикальномъ положеніи [1]). Въ самомъ дѣлѣ, они прошли полдороги къ изобрѣтенію того, что строители называютъ „подпоркой", но на этомъ и остановились. Слѣдовательно, одинъ взглядъ на такой домъ показалъ бы, что планъ его не есть остатокъ высшей архитектуры, а лишь на половину сдѣланное изобрѣтеніе. Приведенный фактъ стоитъ на пути прогресса, а не упадка. Въ другомъ мѣстѣ я приводилъ много подобныхъ примѣровъ; такъ, примѣненіе веревки для вращенія при добываніи огня, очевидно, составляетъ усовершенствованіе того простого инструмента, который приводится въ движеніе рукой, и употребленіе веретена для сученія нитокъ есть также улучшеніе сравнительно съ болѣе грубымъ искусствомъ сученія ихъ руками [2]). Но принимать это положеніе въ обратномъ видѣ и предполагать, что ручное добываніе огня вошло въ употребленіе вслѣдствіе того, что употребленіе веревки въ этомъ случаѣ было оставлено, или что люди, знавшіе употребленіе веретена, отказались отъ него для гораздо болѣе затруднительнаго способа сученія нитокъ руками,—было бы совершенной нелѣпостью. И далѣе, появленіе какого-нибудь искусства въ отдѣльной мѣстности, гдѣ трудно объяснить его заимствованіемъ откуда-либо, особенно если это искусство касается какого-нибудь спеціальнаго мѣстнаго продукта,—появленіе его, очевидно, доказываетъ, что оно было туземнымъ изобрѣтеніемъ. Такъ, напр., какой народъ можетъ имѣть притязаніе на изобрѣтеніе гамака или на еще болѣе удивительное открытіе способа извлекать цѣлебную кассаву изъ ядовитаго маніока, кромѣ туземныхъ жителей Южно-Американскихъ и Вестъ-Индскихъ мѣстностей, которымъ свойственны эти предметы? Какъ изолированное обладаніе какимъ-нибудь искусствомъ

[1]) Wallace, «Indian Archipelago», vol. I p. 357.
[2]) «Early History of Mankind», p. 192, 243, и пр. и пр.

доказываетъ, что оно изобрѣтено тамъ, гдѣ мы его встрѣчаемъ, точно также отсутствіе извѣстнаго искусства доказываетъ, что его никогда тамъ не было. Обязанность доказательства лежитъ на другой сторонѣ; тотъ, кто полагаетъ, что предки восточныхъ африканцевъ знали употребленіе лампы и гончарнаго колеса, и что сѣверо американскіе индѣйцы владѣли нѣкогда искусствомъ варить пиво изъ своего маиса, подобно мексиканцамъ, но что эти искусства были ими утрачены, должны указать основанія для подобнаго мнѣнія. Я надѣюсь, мнѣ не нужно заходить такъ далеко, какъ это дѣлаетъ шутя одинъ изъ моихъ друзей—этнологъ, утверждающій, что существованіе дикихъ племенъ, которыя не цѣлуютъ своихъ женщинъ, есть доказательство первобытнаго варварства, потому что, говоритъ онъ, если бы они когда-нибудь знали этотъ обычай, они никакъ не могли бы позабыть его. Наконецъ,—и это главное, такъ какъ опытъ показываетъ намъ, что искусства цивилизованной жизни развивались чрезъ послѣдовательныя стадіи усовершенствованія,—мы можемъ предположить, что и древнее развитіе дикихъ искусствъ должно было идти тѣмъ же путемъ. Такимъ образомъ, находя у низшихъ племенъ различныя ступени какого-нибудь искусства, мы можемъ расположить эти ступени въ рядъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, представляющій ихъ дѣйствительное послѣдованіе въ исторіи. Если бы какое-либо искусство можно было прослѣдить у дикарей до его зачаточнаго состоянія, когда изобрѣтеніе его находилось бы въ предѣлахъ ихъ умственной силы, и особенно если оно могло произойти чрезъ подражаніе природѣ, или слѣдуя прямому внушенію ея,—это было бы достаточнымъ основаніемъ для предположенія, что мы открыли настоящее происхожденіе этого искусства.

Профессоръ Нильсонъ, въ виду замѣчательнаго сходства охотничьихъ и рыболовныхъ снарядовъ у низшихъ племенъ человѣчества, полагаетъ, что они придуманы были инстинктивно, какъ бы по естественной необходимости. Для примѣра онъ беретъ лукъ и стрѣлу [1]). Примѣръ этотъ, впрочемъ, избранъ не совсѣмъ удачно: именно, фактъ говоритъ намъ, что предполагаемаго инстинкта, руководящаго изготовленіемъ лука и стрѣлъ, не оказывается у туземцевъ Тасманіи, которымъ онъ могъ бы принести большую пользу, такъ же, какъ и у австралійцевъ не было лука собственнаго изобрѣтенія. Даже въ папуасской области лукъ, столь распространенный въ Новой Гвинеѣ, не извѣстенъ въ Новой Каледоніи и на другихъ островахъ. Мнѣ кажется, что д-ръ Клеммъ, въ своемъ разсужденіи объ орудіяхъ и оружіи, и пол-

[1]) Nilsson, «Primitive Inhabitants of Scandinavia», p. 104.

ковникъ Лэнъ Фоксъ, въ чтеніяхъ о войнѣ первобытныхъ временъ, держатся болѣе раціональнаго направленія, приписывая первоначальное развитіе искусства не слѣпому инстинкту, а выбору, подражанію и постепенному примѣненію и усовершенствованію предметовъ и дѣйствій, которые природа, наставница первобытнаго человѣка, представляетъ ему. Такъ, Клеммъ слѣдитъ за тѣми стадіями, которыми, повидимому, совершался прогрессъ отъ грубой дубины до заостреннаго копья или палицы, отъ естественнаго остроконечнаго или округленнаго камня до артистически сдѣланнаго кельта, наконечника копья или молота [1]). Лэнъ Фоксъ изслѣдуетъ связь между различными типами оружія, указывая, какимъ образомъ разъ найденная форма повторяется въ различныхъ размѣрахъ, какъ, напримѣръ, въ наконечникахъ копья и стрѣлы; какимъ образомъ въ грубомъ состояніи искусствъ одно и то же орудіе служитъ для различныхъ цѣлей, когда, напримѣръ, жители Огненной Земли употребляютъ наконечники стрѣлъ въ видѣ ножей, а кафры рѣжутъ своими ассагаями, пока особыя формы орудій не будутъ примѣнены для соотвѣтственныхъ цѣлей; и какимъ образомъ въ исторіи употреблявшихся людьми ударныхъ, рѣжущихъ и колющихъ орудій можно усмотрѣть непрерывный рядъ, что̀ указываетъ на постепенное прогрессивное развитіе отъ грубѣйшихъ начальныхъ формъ до послѣднихъ усовершенствованій новѣйшаго искусства. Чтобы показать, насколько древнѣйшее развитіе военныхъ искусствъ могло зависѣть отъ подражательной способности человѣка, онъ указываетъ на аналогію въ способахъ веденія войны у животныхъ и у людей, и относитъ въ разрядъ оборонительныхъ средствъ шкуры, твердые покровы, щиты, чешуи, въ разрядъ наступательныхъ—оружіе различнаго рода, колющее, ударяющее, зубчатое, отравленное и пр., и въ разрядъ военныхъ стратагемъ—бѣгство, засады, аванпосты, вождей, военные критики и т. д.[2]).

Способъ приготовленія каменныхъ орудій теперь почти вполнѣ ясенъ для археологовъ. Они сдѣлали предметомъ наблюденія и подражанія пріемы, употребляемые въ этомъ случаѣ нынѣ существующими дикарями. Джонъ Ивэнсъ, напр., успѣлъ воспроизвести самые тонкіе образцы каменныхъ орудій посредствомъ ударовъ камня, давленія кускомъ оленьяго рога, распиливанія пластинкой изъ кремня, буравленія посредствомъ палки и песка и тренія о поверхность камня [3]). Мы мо-

[1]) Klemm, «Allg. Culturwissenschaft», Th. II, Werkzeuge und Waffen.
[2]) Lane Fox, «Lectures on Primitive Warfare», Journ. United Service Inst., 1867—9.
[3]) Evans, въ «Trans. of Congress of Prehistoric Archaeology» (Norwich. 1868), p. 191; Rau, въ «Smithsonian Reports», 1866; Sir F. Belcher, въ Tr. Eth. Soc., vol. I, p. 129.

жемъ теперь съ полною увѣренностью объяснить въ большинствѣ случаевъ замѣчательное сходство каменныхъ скребковъ, кремневыхъ ножей, топоровъ, наконечниковъ копій и стрѣлъ, и проч., принадлежащихъ отдаленнымъ временамъ и мѣстностямъ, сходствомъ естественныхъ образцовъ, матеріала и потребностей дикой жизни. Исторія Каменнаго Вѣка легко является исторіей постепеннаго развитія. Начиная съ естественнаго остраго камня, переходъ къ грубѣйшему, искусственно сдѣланному каменному орудію составляетъ незамѣтную градацію; и далѣе отъ этой грубой ступени можно прослѣдить самостоятельный прогрессъ въ различныхъ направленіяхъ, пока, наконецъ, это производство достигаетъ удивительнаго художественнаго совершенства, въ то время, когда введеніе въ употребленіе металла вытѣсняетъ каменныя орудія. То же можно сказать и о другихъ орудіяхъ и производствахъ, послѣдовательныя стадіи которыхъ могутъ быть указаны во всемъ ходѣ ихъ развитія, отъ простѣйшаго естественнаго состоянія до вполнѣ развитого искусства. Усовершенствованіе палицы можно прослѣдить отъ самой простой дубины до оружія весьма изящной формы и рѣзьбы. Въ музеяхъ можно видѣть голыши, употреблявшіеся вмѣсто молота, и рѣжущія орудія изъ камня, выдѣланныя такимъ образомъ, или оставленныя гладкими съ одной стороны, чтобы ихъ можно было держать рукою; такія орудія показываютъ, что важное искусство прикрѣпленія рукоятки было результатомъ изобрѣтенія, а не инстинкта. Каменный топоръ, употребляемый какъ оружіе, превращается въ боевую сѣкиру. Копье, т.-е. заостренная палка или жердь, заострялась обжиганіемъ на огнѣ; дальнѣйшее усовершенствованіе копья состоитъ въ прикрѣпленіи къ концу его остраго конца рога, кости или осколка камня. Камни бросали сперва просто рукой, а потомъ пращею,—приспособленіе, очень распространенное у дикихъ племенъ. Въ военной исторіи копье или пика сначала до конца употреблялось какъ колющее оружіе. Примѣненіе его какъ метательнаго оружія началось также давно, но едва ли такъ долго сохранялось цивилизаціею. При такомъ употребленіи, его большею частью бросали просто рукой, но примѣненіе для этой цѣли пращи было извѣстно многимъ дикимъ племенамъ. Короткая веревка съ петлей, употреблявшаяся въ Ново-Гебридскихъ островахъ, которую капитанъ Кукъ называетъ „becket“, и орудіе, похожее на кнутъ, замѣченное въ Новой Зеландіи, употребляются для метанія копья. Но болѣе употребительнымъ снарядомъ была деревянная рукоятка въ футъ или два длиною. Этотъ метательный снарядъ для копья извѣстенъ въ самыхъ сѣверныхъ областяхъ Сѣверной Америки, у нѣкоторыхъ племенъ Южной Америки и у австралійцевъ. Эти послѣдніе, какъ

увѣряютъ, не могли бы изобрѣсти его въ ихъ настоящемъ варварскомъ состояніи. Но въ этомъ случаѣ замѣчательно, что это метательное орудіе исключительно принадлежитъ дикому состоянію, а не цивилизаціи. У высшихъ народовъ, кажется, ближе всего подходилъ къ этому оружію классическій amentum, состоявшій, повидимому, изъ дротика съ привязаннымъ къ нему посрединѣ ремешкомъ для бросанія. Народы Мексики и Средней Америки были, сколько извѣстно, самыми высшими изъ народовъ, употреблявшихъ это метательное оружіе. Существованіе его у нихъ подтверждается изображеніями на миѳологическихъ картинахъ, мексиканскимъ названіемъ его „atlatl“ и прекраснымъ артистическимъ образчикомъ самаго оружія въ Christy Museum'ѣ; но мы не видимъ, чтобы оно употреблялось на практикѣ послѣ испанскаго завоеванія. На самомъ дѣлѣ, исторія этого орудія является, повидимому, полнымъ противорѣчіемъ теоріи вырожденія, представляя изобрѣтеніе, которое вполнѣ принадлежитъ низшей цивилизаціи и едва ли способно пережить ее. Почти то же можно сказать о духовой трубѣ, которая, какъ настоящее оружіе, почти никогда не встрѣчается выше дикихъ племенъ Остъ-Индіи и Южной Америки, хотя въ видѣ охотничьяго оружія сохраняется у народовъ болѣе высокаго уровня. Объ австралійскомъ бумерангѣ говорили, что онъ произошелъ отъ какой-то гипотетической высшей культуры, тогда какъ переходныя ступени, соединяющія его съ палицей, можно видѣть въ той же странѣ, а изъ цивилизованныхъ племенъ ни одно не обладаетъ этимъ оружіемъ.

Употребленіе петель изъ упругихъ вѣтокъ или гибкихъ палочекъ для бросанія маленькихъ метательныхъ орудій и замѣчательные эластическіе дротики Палаускихъ острововъ, которые натягиваются и летятъ вслѣдствіе собственной упругости, указываютъ на изобрѣтенія, которыя могли повести за собой изобрѣтеніе лука; стрѣла есть лишь уменьшенная форма дротика. Обычай отравленія стрѣлъ по образцу ужаленія и укушенія змѣи есть выдумка не цивилизованная, а составляетъ отличительную черту низшей жизни, отвергаемую уже на ступени варварства. Искусство опьянять рыбу, извѣстное высшей цивилизаціи, но не принятое ею, свойственно многимъ дикимъ племенамъ, которыя легко могли открыть его, увидавъ какой-нибудь лѣсной прудъ, куда попали ядовитыя растенія. Искусство ставить загородки для ловли рыбы во время отлива, столь общее у низшихъ племенъ, есть простая хитрость съ цѣлью помочь дѣйствію природы, догадка, какая легко могла придти въ голову дикарю, у котораго постоянное голоданіе вовсе не связано съ тупоуміемъ. То же происходило и въ другихъ искусствахъ. Добываніе огня, кухонное искусство, гончарное дѣло, ткацкое искусство можно прослѣдить по линіямъ ихъ постепеннаго усовершенствованія [1]). Музыка начинается съ погремушки и барабана, которые, въ томъ или иномъ видѣ, удерживаютъ свое мѣсто отъ одного до другого конца цивилизаціи, между тѣмъ какъ свирѣль и струнные инструменты представляютъ уже успѣхъ музыкальнаго искусства, развивающагося и въ настоящее время. То же мы видимъ въ архитектурѣ и земледѣліи. Какъ ни сложны, выработанны и разумны высшія ступени этихъ искусствъ, не надо забывать, что ихъ низшія ступени начались съ простого подражанія природѣ, съ копированія тѣхъ средствъ охраненія, какія употребляетъ сама природа, и того распространенія растеній, какимъ она пользуется. Не перечисляя остальныхъ промысловъ дикой жизни, можно сказать вообще, что факты, сообщаемые ими, говорятъ скорѣе противъ, чѣмъ за теорію вырожденія изъ высшей культуры. Они подтверждаютъ и часто дѣлаютъ необходимымъ тотъ же взглядъ на развитіе, какой, по нашему собственному опыту, объясняетъ начало и прогрессъ нашихъ искусствъ.

Въ различныхъ отрасляхъ задачи, которой предстоитъ теперь занять наше вниманіе, именно опредѣленія отношенія умственнаго состоянія дикарей къ состоянію людей цивилизованныхъ, постоянное соображеніе о постепенномъ развитіи матеріальныхъ искусствъ является весьма надежнымъ руководствомъ и гарантіей. Мы увидимъ, что во всѣхъ проявленіяхъ человѣческаго ума факты будутъ занимать свои мѣста по тѣмъ же общимъ линіямъ развитія. Мнѣніе, что умственное состояніе дикарей есть послѣдствіе упадка прежняго высокаго знанія, повидимому, имѣетъ за себя такъ же мало очевидности, какъ и мнѣніе, что каменные топоры были выродившимися преемниками шеффильдскихъ топоровъ, или что земляные курганы были искаженными снимками съ египетскихъ пирамидъ. Изученіе дикой и цивилизованной жизни одинаково даетъ намъ возможность видѣть въ древней исторіи человѣческаго ума вовсе не дары трансцендентальной мудрости, а грубый, здравый смыслъ, воспринимающій факты обыкновенной жизни и вырабатывающій изъ нихъ схемы первобытной философіи. И далѣе, изслѣдуя такія области, какъ языкъ, миѳологія, обычаи, религія, мы будемъ постоянно убѣждаться, что мысль дикаря находится болѣе или менѣе въ зачаточномъ состояніи, а цивилизованный умъ въ то же время носитъ до сихъ поръ достаточно замѣтные слѣды прежняго состоянія, относительно котораго дикіе представляютъ наименьшій, а цивилизованные люди наибольшій прогрессъ. Вся обширная область исторіи человѣче-

[1]) См. подробности въ «Early History of Mankind», chap. VII—IX.

ской мысли и нравовъ показываетъ, что хотя цивилизація должна вести борьбу не только съ остатками низшихъ уровней развитія, но и съ вырожденіемъ въ своихъ собственныхъ предѣлахъ, она оказывается однако въ силахъ преодолѣвать то и другое и продолжать свой путь. Исторія въ своей области и этнографія на своемъ болѣе обширномъ поприщѣ показываютъ одинаково, что учрежденія, которыя могутъ считаться лучшими и болѣе прочными, постепенно вытѣсняютъ менѣе удобныя учрежденія, и что эта непрерывная борьба опредѣляетъ общую равнодѣйствующую хода культуры. Я попытаюсь показать, въ миѳическомъ образѣ, какъ прогрессъ, отклоненіе и движеніе назадъ въ общемъ ходѣ культуры противополагаются въ моемъ собственномъ умѣ. Мы можемъ вообразить, что видимъ цивилизацію, какъ она, въ олицетворенномъ видѣ, проходитъ міръ. Мы видимъ, какъ она задерживается и останавливается на своемъ пути, и часто отклоняется на такія боковыя дороги, которыя приводятъ ее, утомленную, назадъ туда, гдѣ она проходила уже весьма давно; но, прямо или отклоняясь, путь ея лежитъ впередъ, и если отъ времени до времени она пытается сдѣлать нѣсколько шаговъ назадъ, она скоро начинаетъ безпомощно спотыкаться. Это не свойственно ея природѣ; ея ноги устроены не такъ, чтобы дѣлать невѣрные шаги назадъ: и своимъ взглядомъ, смотрящимъ впередъ, и своимъ прогрессивнымъ движеніемъ она представляетъ истинный типъ человѣчества.

ГЛАВА III.

Переживаніе въ культурѣ.

Переживаніе и суевѣріе. — Дѣтскія игры. — Азартныя игры. — Старинныя поговорки.—Дѣтскія пѣсни.—Пословицы. — Загадки. — Значеніе и переживаніе обычаевъ: пожеланія при чиханіи, обрядъ жертвоприношенія при закладкѣ зданій, предубѣжденіе противъ оживленія утопленниковъ.

Когда какой-либо обычай, искусство или мнѣніе достаточно распространены, измѣняющія вліянія долго могутъ дѣйствовать на нихъ въ столь слабой степени, что они продолжаютъ переходить отъ поколѣнія къ поколѣнію, какъ потокъ, однажды проложившій себѣ русло, будетъ продолжать свое теченіе цѣлые вѣка. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ устойчивостью культуры; но, тѣмъ не менѣе, весьма замѣчательно, что перемѣны и перевороты въ человѣческой исторіи позволяютъ столькимъ маленькимъ ручейкамъ такъ долго продолжать свое теченіе. Въ татарскихъ степяхъ, шестьсотъ лѣтъ тому назадъ, считалось преступленіемъ наступать на порогъ и прикасаться къ веревкамъ при входѣ въ палатку, и, какъ кажется, то же существуютъ и теперь [1]). Восемнадцать столѣтій до нашего времени Овидій упоминаетъ о народномъ предубѣжденіи римлянъ противъ браковъ въ маѣ, которое онъ, не безъ основанія, объясняетъ тѣмъ, что въ этомъ мѣсяцѣ приходились погребальные обряды Лемуралій:

„Nec viduae taedis eadem, nec virginis apta
Tempora. Quae nupsit, non diutunta fuit.
Hac quoque de causa, si te proverbia tangunt,
Mense malas Maio nubere volgus ait“ [2]).

[1]) Will. de Rubruquis in Pinkerton, v. VII, pp. 46, 47. 132; Michie «Siberian. Overland Route», p. 96.

[2]) Дѣвы и вдовы равно избѣгаютъ брачныхъ союзовъ
Этой порой. Въ маѣ бракъ ранней смертью грозитъ,
Вотъ что извѣстной тебѣ выражаетъ народъ поговоркой:
Только злую жену въ маѣ бери за себя. (Ovid, «Fast», v. 487). Для современной Италіи и Франціи см. Edelstane du Méril, «Etudes d'Archeol.», p. 121.

Повѣрье, что супружества, заключенныя въ маѣ, бываютъ несчастливы, живетъ въ Англіи и до настоящаго времени,—поразительный примѣръ того, какимъ образомъ, извѣстная идея, смыслъ которой исчезъ уже много вѣковъ тому назадъ, продолжаетъ существовать только потому, что она существовала.

И, кромѣ того, можно найти тысячи примѣровъ такого рода, которые сдѣлались, такъ сказать, пограничными знаками въ ходѣ культуры. Когда, съ теченіемъ времени, происходитъ общая перемѣна въ положеніи народа, несмотря на то, обыкновенно приходится встрѣчать многое, что̀, очевидно, имѣетъ начало не въ новомъ порядкѣ вещей, а просто осталось въ немъ отъ стараго. Въ виду силы этихъ переживаній, становится возможнымъ утверждать, что цивилизація народа, среди котораго они наблюдаются, если продуктъ нѣкотораго древнѣйшаго состоянія, въ которомъ и должно искать настоящаго источника и значенія этихъ понятій; такимъ образомъ, собранія подобныхъ фактовъ являются предметомъ разработки, какъ рудники историческаго знанія. При обращеніи съ такимъ матеріаломъ, главнѣйшимъ руководствомъ должно служить наблюденіе того, что̀ происходитъ теперь; исторія должна научить насъ, прежде всего, какимъ образомъ старые обычаи удерживаютъ свое мѣсто въ средѣ новой культуры, которая, конечно, никакъ не могла бы внести ихъ, а должна, напротивъ, стремиться вытѣснить ихъ. Сообщаемое намъ непосредственнымъ наблюденіемъ можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. У дайяковъ, на Борнео, не было въ обычаѣ рубить лѣсъ, какъ дѣлаемъ это мы, выемкою, въ видѣ V. Поэтому, когда бѣлый человѣкъ внесъ къ нимъ и этотъ способъ въ числѣ другихъ новостей, они показали свое нерасположеніе къ нововведенію тѣмъ, что наложили пеню на всякаго изъ своихъ, кто сталъ бы рубить по европейскому образцу; однакоже, туземные дровосѣки такъ хорошо понимали, что способъ бѣлаго человѣка былъ улучшеніемъ противъ ихъ собственнаго пріема, что стали бы пользоваться имъ тайкомъ, если бы были увѣрены, что другіе будутъ молчать объ этомъ [1]). Это было двадцать лѣтъ тому назадъ, и очень вѣроятно, что иноземный способъ рубки пересталъ бы быть оскорбленіемъ дайякскаго консерватизма, но его запрещеніе было поразительнымъ примѣромъ переживанія въ силу прадѣдовскаго авторитета, прямо наперекоръ здравому смыслу. Такой образъ дѣйствія можно было бы, по обыкновенію, и съ достаточнымъ основаніемъ, назвать суевѣріемъ, и дѣйствительно, это названіе подходитъ вообще къ значительному числу переживаній,

[1]) «Journ. Ind. Archip.» (ed. by J. R. Logan), vol. II, p. LIV.

каковы, напр., тѣ, какія можно собрать сотнями изъ книгъ о народныхъ преданіяхъ и оккультическихъ наукахъ. Но слово „суевѣріе" въ настоящее время имѣетъ смыслъ укора, и хотя этотъ укоръ часто можно заслуженно относить къ остаткамъ вымершей низшей культуры, внѣдрившимся въ живую высшую культуру, но во многихъ случаяхъ онъ былъ бы слишкомъ суровъ и несправедливъ. Для цѣлей этнографа, во всякомъ случаѣ, было бы желательно введеніе такого термина, какъ „переживаніе" (survival), просто для обозначенія историческаго факта, чего не можетъ теперь выражать должнымъ образомъ слово „суевѣріе" (superstition). Сверхъ того, сюда должны быть включены, какъ частныя переживанія, множество случаевъ, гдѣ отъ стараго обычая сохранилось довольно многое для того, чтобы можно было распознать его происхожденіе, хотя самъ онъ, принявъ новую форму, настолько примѣнился къ новымъ обстоятельствамъ, что продолжаетъ занимать свое мѣсто въ силу своего собственнаго значенія.

Такимъ образомъ лишь въ немногихъ случаяхъ было бы справедливымъ называть игры дѣтей въ новѣйшей Европѣ суевѣріями, хотя многія изъ нихъ представляютъ переживанія, и иногда замѣчательныя. Разсматривая игры дѣтей и взрослыхъ съ точки зрѣнія этнологическихъ выводовъ, которые могутъ быть извлечены изъ нихъ, прежде всего насъ поражаетъ въ этихъ играхъ, что многія изъ нихъ составляютъ лишь шуточныя подражанія серьезному жизненному дѣлу. Подобно тому, какъ дѣти новѣйшихъ цивилизованныхъ временъ играютъ въ обѣдъ, верховую ѣзду и хожденіе въ церковь, такъ главной забавой дикихъ дѣтей бываетъ подражаніе дѣламъ, которыми они будутъ заниматься серьезно нѣсколькими годами позднѣе, и такимъ образомъ ихъ игры служатъ для нихъ настоящими уроками. Игры эскимосскихъ дѣтей заключаются въ стрѣльбѣ въ цѣль изъ маленькихъ луковъ и стрѣлъ и въ постройкѣ изъ снѣга маленькихъ юртъ, которыя они освѣщаютъ остатками свѣтиленъ, выпрошенныхъ у матерей [1]). У маленькихъ австралійскихъ дѣтей игрушками служатъ миніатюрные бумеранги и копья; у отцовъ ихъ сохраняется крайне первобытный способъ добывать себѣ женъ, увозя ихъ насильно изъ ихъ племени, и игра въ „кражу невѣстъ" замѣчена была въ числѣ самыхъ обычныхъ игръ у туземныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ [2]). Но игрѣ обыкновенно приходится переживать то серьезное занятіе, которому она служила подражаніемъ. Ясный примѣръ того могутъ представить лукъ и стрѣла. Мы находимъ это

[1]) Klemm. «Cultur-Geschichte», v. II, p. 209.

[2]) Oldfield въ «Tr. Eth. Soc.», v. III, p. 266; Dumont d'Urville, «Voy. de l'Astrolabe», v. I, p. 411.

древнее и широко распространенное въ дикой культурѣ орудіе и въ варварской, и въ классической жизни, и можемъ прослѣдить его до высокаго средневѣкового уровня. Но въ настоящее время, когда мы смотримъ на собраніе стрѣлковъ, или когда проѣзжаемъ по деревнямъ въ ту пору года, когда у дѣтей всего больше въ ходу игрушечные луки и стрѣлы, мы видимъ, что древнее оружіе, которое у немногихъ дикихъ племенъ все еще занимаетъ свое смертоносное мѣсто на охотѣ и въ битвѣ, стало простымъ переживаніемъ въ видѣ игрушки. Арбалетъ, сравнительно позднѣйшее и мѣстное улучшеніе обыкновеннаго лука, еще болѣе исчезъ изъ практическаго употребленія, но, какъ игрушка, онъ удерживается во всей Европѣ и, повидимому, останется въ употребленіи. По древности и обширному распространенію, отъ дикихъ до классическихъ и средневѣковыхъ временъ, на ряду съ лукомъ и стрѣлами стоитъ праща. Но въ среднихъ вѣкахъ она выходитъ изъ употребленія, какъ практическое оружіе, и поэты XV столѣтія напрасно указываютъ искусство владѣть пращей, какъ одно изъ упражненій хорошаго солдата:

„Use eek the cast of stone, with slynge or honde:
It falleth ofte, yf other shot there none is,
Men harneysed in steel may not withstonde,
The multitude and mighty cast of stonys;
And stonys in effecte, are every where,
And slynges are not noyous for to beare“ [1]).

Быть можетъ, возможно еще указать теперь примѣръ серьезнаго употребленія пращи въ предѣлахъ цивилизаціи у пастуховъ Испанской Америки, которые кидаютъ пращу такъ искусно, что, говорятъ, могутъ захватить животное за любой изъ роговъ и повернуть его, какъ захотятъ. Но употребленіе этого грубаго древняго оружія преимущественно сохранилось въ играхъ мальчиковъ, которые снова являются здѣсь представителями отдаленной древней культуры.

Такъ же, какъ игры поддерживаютъ воспоминаніе о первобытныхъ военныхъ искусствахъ, въ играхъ маленькихъ дѣтей, составляющихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ уроки, воспроизводятся древнія стадіи исторіи

[1]) Упражняйтесь въ бросаніи камней, пращей или рукою:
Это часто можетъ пригодиться, когда больше нечѣмъ стрѣлять.
Люди, закованные въ сталь, не могутъ устоять,
Когда камни бросаются во множествѣ и съ силой;
И камни въ самомъ дѣлѣ находятся повсюду,
А пращи носить съ собой не трудно. Strutt, «Sports and Pastimes», book II. ch. II.

дѣтскихъ поколѣній человѣчества. Англійскія дѣти, забавляющіяся подражаніями крику животныхъ, и т. д., и ново-зеландцы, играющіе въ свою любимую игру, подражая цѣлымъ хоромъ визгу пилы или рубанка и выстрѣламъ изъ ружья и другихъ орудій, производя шумъ, свойственный различнымъ инструментамъ, одинаково показываютъ въ самомъ источникѣ элементъ подражательности, играющій столь важную роль въ образованіи языка [1]). Когда мы изучаемъ древнѣйшее развитіе искусства счисленія и видимъ, какимъ образомъ одно племя за другимъ научалось счету, проходя чрезъ первобытное счисленіе по пальцамъ, для насъ является извѣстный этнографическій интересъ въ тѣхъ играхъ, которыя показываютъ эту древнѣйшую нумерацію. Ново-зеландская игра „ti“ состоитъ, говорятъ, въ счетѣ по пальцамъ, при чемъ одинъ изъ играющихъ долженъ назвать извѣстное число и при этомъ тотчасъ же тронуть соотвѣтствующій палецъ; въ самоанской игрѣ одинъ изъ играющихъ выставляетъ нѣсколько пальцевъ, а его противникъ долженъ немедленно повторить то же самое; въ противномъ случаѣ онъ проигрываетъ [2]). Это могутъ быть туземныя полинезійскія игры или же игры, заимствованныя у нашихъ дѣтей. Въ англійской дѣтской ребенокъ научается говорить, сколько пальцевъ показываетъ ему нянька, при чемъ повторяется опредѣленная формула игры: „Buck, Buck, how many horns do J hold up?“ (Букъ, Букъ, сколько я поднялъ роговъ?) Игра, въ которой одинъ поднимаетъ пальцы, а другіе должны поднять ровно столько же, упоминается у Струтта. Мы можемъ видѣть на улицахъ маленькихъ школьниковъ, играющихъ въ игру угадыванія, когда одинъ изъ нихъ становится позади и поднимаетъ извѣстное число пальцевъ, а другой долженъ отгадать сколько именно. Интересно замѣтить обширное распространеніе и долгое существованіе въ исторіи этихъ пустыхъ забавъ, когда мы читаемъ у Петронія Арбитра, писателя временъ Нерона, слѣдующее: „Тримальхіонъ, чтобы не показаться тронутымъ проигрышемъ, поцѣловалъ мальчика и велѣлъ сѣсть ему на спину. Мальчикъ немедленно вскочилъ на него верхомъ и ударилъ его рукой по плечу, смѣясь и крича: „bucca, bucca, quot sunt hic?“ бука, бука, сколько ихъ тутъ [3]). Простыя счетныя игры на пальцахъ не должно смѣшивать съ игрой въ сложеніе, гдѣ каждый изъ играющихъ выставляетъ руку. Надо назвать сумму выставленныхъ пальцевъ; кто вѣрно

[1]) Polack, «New Zealanders», v. II, p. 171.

[2]) Polack, ibid.; Wilkes, «U. S. Exp.», v. I p. 194. См. разсказъ объ игрѣ liagi у Mariner «Tonga Isl.», v. II, p. 339; и Yate, «New Zealand», p. 113.

[3]) Petron. Arbitri Satirae, rec. Büchler, p. 64 (по другимъ чтеніямъ buccae или bucco).

*

скажетъ это, тотъ выигрываетъ; на дѣлѣ каждый торопится назвать сумму пальцевъ прежде, чѣмъ увидитъ руку своего противника, такъ что искусство въ игрѣ состоитъ, главнымъ образомъ, въ быстромъ отгадываніи. Эта игра служитъ постоянной забавой въ Китаѣ, гдѣ она называется: „tsoey-moey“, или „угадай, сколько“, и въ Южной Европѣ, гдѣ она извѣстна въ Италіи подъ названіемъ „morra“, и во Франціи, подъ названіемъ „mourre“. Такая оригинальная игра едва ли могла быть выдумана дважды, въ Европѣ и Азіи, и такъ какъ китайское названіе не указываетъ на ея древность, то мы можемъ считать вѣроятнымъ, что португальскіе купцы ввели ее въ Китаѣ, какъ они сдѣлали это въ Японіи. У египтянъ, какъ показываютъ ихъ изваянія, также была въ употребленіи какая-то игра на пальцахъ, и у римлянъ была своя игра „micare-digitis“, въ которую играли мясники съ своими обычными покупателями на куски мяса. Трудно сказать, была ли это morra или какія-нибудь другія игры [1]).

Когда шотландскіе парни, играя въ „tappie-tousie“ берутъ другъ друга за хохолъ и говорятъ: „Хочешь ли быть моимъ?“ [2]) они не подозрѣваютъ о старомъ символическомъ обычаѣ брать въ феодальное подданство, которое продолжается у нихъ въ видѣ переживанія. Деревянное сверло для добыванія огня треніемъ, которое, какъ извѣстно, было въ общемъ употребленіи въ домашнемъ быту у многихъ грубыхъ или древнихъ племенъ, и которое еще у новѣйшихъ индусовъ поддерживается какъ освященный временемъ способъ зажиганія чистаго жертвеннаго огня, найдено какъ переживаніе въ Швейцаріи, въ видѣ игрушки, которой дѣти зажигаютъ огонь въ шутку такъ, какъ эскимосы дѣлали бы это серьезно [3]). На Готландѣ еще помнятъ, что древнее приношеніе въ жертву дикаго кабана въ новѣйшее время дѣйствительно перешло въ игру, въ которой молодые парни наряжались въ маскарадные костюмы, чернили и раскрашивали себѣ лица, между тѣмъ какъ жертву представлялъ мальчикъ, завернутый въ мѣхъ и поставленный на скамейку, держа во рту пучокъ соломы, что должно было представлять щетину кабана [4]). Одна изъ невинныхъ дѣтскихъ игръ нашего времени имѣетъ странную связь съ безобразной сказкой, которой больше тысячи лѣтъ. Игра, о которой здѣсь говорится, ведется во

---

[1]) Ср. Davis, «Chinese», v. I, p. 317; Wilkinson, «Ancient Egyptians», v. I, p. 188; Facciolati, Lexicon, s. v. «micare», и проч.

[2]) Jamieson, «Dict. of Scottish Lang», s. v.

[3]) «Early History of Mankind», p. 244 и пр. Grimm «Deutsche Myth.», p. 573.

[4]) Grimm, ibid., p. 1.200.

Франціи такъ: дѣти становятся въ кружокъ, одинъ изъ нихъ зажигаетъ свернутую бумажку и передаетъ ее своему сосѣду, говоря: „petit bonhomme vit encore“ (живъ, живъ курилка), и такъ далѣе, по всему кругу; каждый произноситъ эти слова и передаетъ горящую бумажку какъ можно скорѣе, потому что у кого она погаснетъ, тотъ долженъ отдать фантъ, и затѣмъ объявляется, что „petit bonhomme est mort“ (курилка умеръ). Гриммъ упоминаетъ о подобной же игрѣ въ Германіи, гдѣ играютъ съ зажженной лучинкой, а Галливель приводитъ дѣтскіе стихи, которые произносятся при этой игрѣ въ Англіи:

„Jack's alive and in very good health,
If he dies in your hand you must look to yourself“ [1]).

Знакомымъ съ церковной исторіей хорошо извѣстно, что любимымъ полемическимъ пріемомъ приверженцевъ господствующей вѣры было обвиненіе еретическихъ сектъ въ томъ, что онѣ совершаютъ таинства своей религіи отвратительными оргіями. Язычники разсказывали эти исторіи объ евреяхъ, евреи о христіанахъ, а сами христіане достигли печальнаго превосходства въ искусствѣ нападать на своихъ религіозныхъ противниковъ, нравственная жизнь которыхъ на самомъ дѣлѣ, повидимому, нерѣдко отличалась чрезвычайной чистотой. Манихеи въ особенности были предметомъ такихъ нападеній, обращенныхъ потомъ на секту, послѣдователи которой считались ихъ преемниками, на павликіанъ, имя которыхъ снова появляется въ среднихъ вѣкахъ, въ связи съ именемъ катаровъ. Этихъ послѣднихъ, кажется, вслѣдствіе одного выраженія въ ихъ религіозныхъ формулахъ, называли Boni Homines, и это имя стало потомъ обыкновеннымъ названіемъ альбигойцевъ. Очевидно, древніе павликіане возбудили ненависть ортодоксальныхъ христіанъ тѣмъ, что возставали противъ иконъ и называли ихъ почитателей идолопоклонниками; около 700 лѣтъ по Р. Х. Іоаннъ Осунскій, патріархъ Арменіи, написалъ противъ этой секты обличеніе, выставлялъ въ немъ обвиненія настоящаго анти-манихейскаго типа, но съ нѣкоторой особенностью, ставящей его разсказъ въ странную связь съ тѣмъ, о чемъ мы теперь говоримъ. Онъ объясняетъ, что они богохульно называютъ православныхъ „иконопоклонниками“, что они сами поклоняются солнцу, что, сверхъ того, они мѣшаютъ пшеничную муку съ кровью дѣтей и причащаются этимъ, и „когда они умерщвляютъ самой мучительной смертью мальчика, первенца своей матери, они перебрасываютъ его другъ другу поочередно, и въ чьихъ рукахъ ребенокъ

---

[1]) Джэкъ живъ и въ добромъ здоровьѣ,
Берегись, какъ бы онъ не умеръ у тебя въ рукахъ.

умираетъ, тому они оказываютъ почтеніе, какъ человѣку, достигшему самаго высокаго достоинства въ сектѣ". Для объясненія совпаденія этихъ ужасныхъ подробностей съ дѣтской игрой, быть можетъ, всего вѣроятнѣе предположить, не то, что игра въ „Petit Bonhomme" осталась воспоминаніемъ легенды о Boni Homines, а то, что игра извѣстна была дѣтямъ восьмого столѣтія столько же, какъ и теперь, и что армянскій патріархъ просто обвинялъ павликіанъ въ томъ, что они играютъ въ живыхъ дѣтей [1]).

Быть можетъ, возможно прослѣдить еще другую интересную группу игръ, уцѣлѣвшихъ какъ переживаніе отъ той вѣтви философіи дикарей, которая нѣкогда занимала высокое мѣсто, но теперь пришла въ заслуженный упадокъ. Азартныя игры такъ тѣсно связаны съ искусствомъ гаданія, уже извѣстнымъ въ дикой культурѣ, что ко многимъ подобнымъ играмъ неизбѣжно примѣняется правило, по которому сперва является серьезное употребленіе вещи, а со временемъ оно можетъ вы-

¹) Halliwell, «Popular Rhymes», p. 112; Grimm, «D. M.», p. 812; Bastian, «Mensch», v. III, p. 106; Iohannis Philosophi Ozniensis Opera (Aucher), Venice, 1834, p. 78—89. «Infantium sanguini similam commiscentes illegitimam communionem deglutiunt; quo pacto porcorum suos foetus immaniter vescentium exsuperant edacitatem. Quique illorum cadavera super tecti culmen celantes, ac sursum oculis in coelum defixis respicientes, jurant alieno verbo ac sensu: Altissimus novit. Solem vero deprecari volentes, ajunt: Solicule, Lucicule; atque aëreos, vagosque daemones clam invocant, juxta Manichaeorum Simonisque incantaroris errores. Similiter et primum parientis feminae puerum de manu in manum inter eos invicem projectum, quum pesssimâ morte occiderint, illum, in cujus manu exspiraverit puer, ad primam sectae dignitatem provectum venerantur; atque per utriusque nomen audent insane jurare: Juro, dicunt, per unigenitum filium; et iterum: Testem habeo tibi gloriam ejus, in cujus manum unigenitus filius spiritum suum tradidit . . . . Contra hos (ортодоксальныхъ) audacter evomere praesumunt impietatis suae bilem, atque insanientes, ex mali spiritus blasphemiâ, Sculpticolas vocant». (Снѣдаютъ и беззаконное причастіе, примѣшивая кровь дѣтей къ пшеничной мукѣ, и этимъ превосходятъ свирѣпую обжорливость свиней, поѣдающихъ свое порожденіе. Тѣла таковыхъ помѣщаются вверху кровли, и каждый, устремляя взоры къ небу, клянется нечестивыми по смыслу словами: знаетъ горній. И солнцу молятся съ слѣдующими обращеніями: солнышко, свѣтикъ. Демоновъ воздушныхъ и блудящихъ тайно призываютъ, слѣдуя лжеученію манихеевъ и волхва Симона. Также перваго, рожденнаго женщиною сына, взаимно перебрасывая другъ другу съ рукъ на руки, мучительной смерти предаютъ, и того изъ своей среды, на рукахъ котораго младенецъ испуститъ духъ, почитаютъ достигшимъ высшаго значенія въ сектѣ; именами обоихъ клянутся: Клянусь, говорятъ, «единороднымъ сыномъ», а также: свидѣтельствуетъ о тебѣ слава того, въ чьихъ рукахъ единородный сынъ духъ предалъ свой... Противъ сихъ (православныхъ) предпринимаютъ изрыганіе нечестивой злобы своей, и безумнымъ хуленіемъ духа злого называютъ таковыхъ: «Ваянія поклонниками»).

родиться въ шуточное переживаніе. Для новѣйшаго образованнаго человѣка бросить жребій или монету значитъ разсчитывать на случай, то-есть, на неизвѣстное; рѣшеніе вопроса предоставляется механическому процессу, который самъ по себѣ не имѣетъ ничего неестественнаго, или даже необыкновеннаго, но который такъ трудно прослѣдить, что никто не можетъ сказать впередъ, что́ изъ этого произойдетъ. Но мы знаемъ, что это научное понятіе о случаѣ не есть воззрѣніе древней цивилизаціи, имѣвшее мало общаго съ математической теоріей вѣроятностей и очень много общаго съ священнымъ гаданіемъ, какъ, напримѣръ, ... въ болѣе позднія времена, обычай Моравскихъ Братьевъ избирать женъ для своихъ молодыхъ людей посредствомъ бросанія жребія съ молитвой. Маорисы имѣли въ виду вовсе не слѣпой случай, когда бросали жребій, чтобы найти вора среди подозрѣваемыхъ людей [1]); также, какъ и гвинейскіе негры, когда они отправлялись къ фетишскому жрецу, который потрясалъ пучкомъ мелкихъ полосокъ кожи и давалъ священное предсказаніе [2]). Толпа съ поднятыми къ небу руками молится богамъ, когда герои вынимаютъ жребій изъ шапки Атрида Агамемнона, чтобы узнать, кто долженъ идти на битву съ Гекторомъ, на помощь хорошо вооруженнымъ грекамъ [3]). Съ молитвой къ богамъ и поднимая взоры къ нему, германскій жрецъ или отецъ семейства, по разсказамъ Тацита, вынималъ три жребія изъ отмѣченныхъ вѣтокъ плодоваго дерева, разсыпанныхъ на чистой бѣлой одеждѣ, и по ихъ знакамъ истолковывалъ отвѣтъ боговъ [4]). Какъ въ древней Италіи оракулы давали отвѣты посредствомъ рѣзныхъ жеребьевъ [5]), такъ новѣйшіе индусы рѣшаютъ свои споры, бросая жребій передъ храмомъ и призывая боговъ съ криками: „Окажи намъ справедливость! Укажи невиннаго!" [6]).

Нецивилизованный человѣкъ думаетъ, что жребій или кости при своемъ паденіи располагаются соотвѣтственно тому значенію, какое онъ придаетъ ихъ положенію; онъ въ особенности наклоненъ предполагать, что духовныя существа парятъ надъ гадателемъ или игрокомъ, перемѣшивая жеребья или переворачивая кости, чтобы заставить ихъ давать отвѣты. Этотъ взглядъ крѣпко держался въ среднихъ вѣкахъ, и даже въ позднѣйшей исторіи мы еще находимъ мнѣніе, что азартныя игры представляютъ результатъ сверхъестественнаго дѣйствія. Общее

¹) Polack, v. I, p. 270.
²) Bosman, «Guinese Kust», letter X. Eng. Trans. Pinkerton, v. XVI, p. 399.
³) Гомеръ, Иліад. VII. 171. Pindar. Pyth. IV, 338.
⁴) Tacit, «Germania», 10.
⁵) Smith's, «Dic. of Gr. and Rom. Ant.», arts. «Oraculum», «Sortes».
⁶) Roberts, «Oriental Illustrations», p. 163.

измѣненіе въ этомъ отношеніи изъ средневѣковыхъ въ новѣйшія понятія хорошо выясняется въ замѣчательномъ сочиненіи, изданномъ въ 1619 г., которое, кажется, много содѣйствовало этой перемѣнѣ. Томасъ Гэтэкеръ, пуританскій священникъ, въ своемъ трактатѣ „О свойствахъ и употребленіи жеребіевъ", приводитъ, съ цѣлью опроверженія ихъ, между прочимъ, слѣдующія изъ обыкновенныхъ возраженій противъ азартныхъ игръ: „къ жребію можно обращаться только съ большимъ благоговѣніемъ, потому что расположеніе жребія исходитъ непосредственно отъ Бога"... „Жребій, какъ утверждаютъ, есть дѣло особеннаго и непосредственнаго усмотрѣнія Божія; это—священный оракулъ, божественное сужденіе или приговоръ; поэтому легкомысленно пользоваться имъ—значитъ злоупотреблять именемъ Божіимъ и, такимъ образомъ, нарушать третью заповѣдь". Гэтэкеръ возражаетъ противъ этого, что „можно ожидать его совершенія и конца обычнымъ путемъ, установленнымъ Богомъ, какъ и во всѣхъ другихъ дѣйствіяхъ, но ожидать его черезъ непосредственное и необыкновенное проявленіе законно въ этомъ случаѣ не болѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ, и, конечно, есть простое суевѣріе [1]). Прошло однако довольно времени, пока это мнѣніе получило преобладаніе въ образованномъ мірѣ. Спустя сорокъ лѣтъ, Джереми Тэйлоръ еще могъ представить остатокъ стараго понятія вмѣстѣ съ справедливымъ доводомъ въ защиту азартныхъ игръ, если онѣ ведутся на лакомства, а не на деньги. „Я слышалъ", говоритъ онъ, „отъ тѣхъ, которые искусны въ этихъ вещахъ, что тутъ бываютъ такіе странные случаи, такія движенія руки по вдохновенію и нѣкоторымъ пріемамъ ворожбы, такіе постоянные выигрыши съ одной стороны и такіе необъяснимые проигрыши съ другой, и эти странныя случайности ведутъ за собой такія ужасныя дѣйствія, что нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что Богъ дозволилъ вмѣшиваться въ азартныя игры дьяволу, который и дѣлаетъ изъ нихъ все дурное, что только можетъ; но если игра ведется не на деньги, онъ не въ состояніи ничего сдѣлать" [2]). Съ какой живучестью мнѣніе о сверхъестественномъ вмѣшательствѣ въ азартныя игры и теперь еще существуетъ въ Европѣ какъ переживаніе, вполнѣ выказывается процвѣтающая и до сихъ поръ ворожба игроковъ. Народное повѣрье нашего времени продолжаетъ поучать, что для удачи въ игрѣ слѣдуетъ приносить съ собою яйцо отъ страстной пятницы, и что поворотъ стула ведетъ за собой и поворотъ счастья; тиролецъ знаетъ заговоръ, которымъ можно пріобрѣсть отъ

[1]) Gataker, p. 91, 141; см. Lecky, «History of Rationalism», v. I, p. 307.
[2]) Jeremy Taylor, Ductor Dubitantium, «Works», v. XIV, p. 337.

чорта даръ счастливой игры въ карты и кости; на континентѣ Европы еще въ большомъ ходу книги, которыя показываютъ, какимъ образомъ узнать, по снамъ, счастливый нумеръ для лотереи; а лужицкій крестьянинъ даже прячетъ свои лотерейные билеты подъ покровъ въ алтарѣ, чтобы они могли получить благословеніе отъ святыхъ тайнъ, и такимъ образомъ имѣть лучшій шансъ на выигрышъ [1]).

Искусство ворожбы и азартныя игры такъ сходны между собою по принципу, что и въ томъ и въ другомъ случаѣ употребляются въ дѣло одни и тѣ же орудія. Это видно изъ разсказовъ, очень поучительныхъ съ этой точки зрѣнія, о полинезійскомъ искусствѣ гаданія посредствомъ верченія „niu", или кокосоваго орѣха. На островахъ Тонга, во времена Маринера, главной цѣлью, для которой торжественно выполнялось это гаданіе, было узнать, можетъ ли выздоровѣть больной, —громко прочитывалась молитва къ покровительствующему божеству семьи, чтобы оно направило движеніе орѣха; послѣдній затѣмъ пускали, и положеніе его при остановкѣ показывало волю бога. Въ другихъ случаяхъ, когда кокосовый орѣхъ пускали просто для забавы, молитва не читалась, и результатамъ не придавалось значенія. Здѣсь серьезное и игрушечное употребленіе этого первобытнаго волчка соединены вмѣстѣ. На островахъ Самоа, впрочемъ, въ позднѣйшее время, Тёрнеръ находитъ это занятіе перешедшимъ на другую ступень. Участвующіе сидятъ кружкомъ, кокосовый орѣхъ пускаютъ въ серединѣ, и отвѣтъ оракула относится къ тому, въ чью сторону обращена нижняя сторона орѣха, когда онъ останавливается. Неизвѣстно — потребляли ли самоанцы въ прежнее время это гаданіе, какъ волшебный способъ открывать воровъ, или нѣтъ, но теперь они сохраняютъ его просто какъ жребій и какъ игру въ фанты [2]). Въ пользу того мнѣнія, что серьезное гаданіе было болѣе древнимъ примѣненіемъ этого обычая, можно замѣтить, что у ново-зеландцевъ, хотя у нихъ и нѣтъ кокосовыхъ орѣховъ, еще сохраняются слѣды того времени, когда ихъ предки на тропическихъ островахъ имѣли эти орѣхи и гадали по нимъ; извѣстное полинезійское слово „niu", т.-е. кокосовый орѣхъ, еще остается въ употребленіи у маорисовъ для другихъ способовъ гаданія, особенно для гаданія на палочкахъ. Р. Тэйлоръ, указывающій этотъ замѣчательно ясный примѣръ этнологическаго доказательства, приводитъ еще другой случай. Способъ описываемаго гаданія состоялъ въ томъ, чтобы сводить руки вмѣстѣ, пока повторялось соотвѣтственное заклинаніе; если пальцы проходили свободно—предска-

[1]) См. Wuttke, «Deutsche Volksaberglaube», pp. 95, 115, 178.
[2]) Mariner, «Tonga Islands», v. II, p. 239; Turner, «Polynesia», p. 214; Williams, «Fiji», v. I, p. 228. Cp. Kranz, «Grönland», p. 231.

заніе было благопріятное, если зацѣплялись,—то дурное. Когда вопрос шелъ о томъ, можно ли пройти по странѣ во время войны, и если при гаданіи пальцы проходили свободно, или же нѣсколько изъ нихъ, или всѣ задерживались, то это естественно истолковывалось какъ предсказаніе счастливаго перехода, встрѣчи съ путниками, или совершенной остановки. Этотъ небольшой образчикъ страннаго символическаго гаданія, кажется, сохранился теперь лишь въ игрѣ, называемой „puni-puni“ [1]). Подобную же связь между гаданіемъ и азартною игрой выказываютъ и болѣе обыкновенныя орудія. Бабки (astragali) употреблялись въ древнемъ Римѣ для гаданія, а потомъ обратились въ грубыя игральныя кости по числу четырехъ сторонъ; даже когда римскій игрокъ употреблялъ кости (tali) для игры, онъ долженъ былъ воззвать къ богамъ или своей любовницѣ, прежде чѣмъ бросить кости [2]). Такія орудія по большей части употребляются теперь въ играхъ; тѣмъ не менѣе, употребленіе ихъ для гаданія вовсе не ограничивалось древнимъ міромъ, потому что бабки упоминаются еще въ XVII столѣтіи, въ числѣ гадательныхъ предметовъ, по которымъ молодыя дѣвушки гадали о замужествѣ [3]), а негритянскіе колдуны еще и теперь употребляютъ кости, какъ средство открывать воровъ [4]). Жребій служитъ для обѣихъ этихъ цѣлей одинаково хорошо. Китайцы играютъ въ кости и на деньги, и на лакомства, но вмѣстѣ съ тѣмъ они серьезно ищутъ предвѣщаній, торжественно вынимая жребіи, хранимые для этой цѣли въ храмахъ, и гадатели по профессіи всегда сидятъ на рынкахъ, чтобы открывать своимъ кліентамъ будущее [5]). Карты до сихъ поръ еще употребляются въ Европѣ для гаданія. Древній сортъ картъ, который извѣстенъ былъ подъ названіемъ „тароковыхъ“ и который все еще упоминается во французскихъ торговыхъ свидѣтельствахъ на продажу „cartes et tarots“, какъ говорятъ, предпочитается гадателями картамъ обыкновеннаго сорта, потому что колода тароковыхъ картъ, въ которой фигуры многочисленнѣе и сложнѣе, даетъ возможность къ большему разнообразію предсказаній. Въ такихъ случаяхъ исторія не можетъ сказать намъ, служило ли первое употребленіе картъ для предсказаній или для игры. Въ этомъ отношеніи поучительна исторія греческихъ „Kottabos“. Это гаданье заключалось въ томъ, чтобы выплеснуть вино изъ стакана въ металлическую чашу, поставленную на нѣкоторомъ разстояніи, такъ, чтобы не пролить

[1]) R. Taylor, «New-Zealand», pp. 206, 348, 387.
[2]) Smith's, Dict. art. «talus».
[3]) Brand, «Popular Antiquities», v. II, p. 412.
[4]) D. & C. Livingstone, «Exped. to Zambesi», p. 51.
[5]) Doolittle, «Chinese», v. II, p. 108, 285—7; см. 384; Bastian, «Oestl. Asien», v. III, pp. 76, 125.

ни капли; тотъ, кто выплескивалъ вино, говорилъ при этомъ вслухъ или въ умѣ имя своей возлюбленной, и по прозрачности или мутному цвѣту брызгъ отъ вина, падавшихъ на металлъ, узнавалъ, какая судьба ожидаетъ его въ любви. Со временемъ волшебство исчезло изъ этого искусства, и оно сдѣлалось просто игрой, въ которой ловкость пріобрѣтала призъ [1]). Если бы это былъ типическій случай и можно было принять за правило, что серьезное употребленіе предшествовало употребленію шуточному, тогда азартныя игры можно бы было считать переживаніемъ, въ принципѣ или въ частностяхъ, соотвѣтственныхъ способовъ ворожбы,—какъ шуточное гаданіе перешло въ серьезную азартную игру.

Пріискивая другіе примѣры долговѣчности нѣкоторыхъ обычаевъ, установившихся въ человѣчествѣ, взглянемъ на группу традиціонныхъ выраженій, почтенныхъ по своей древности,—старыхъ поговорокъ, представляющихъ особенный интересъ, какъ случаи переживанія. Даже тогда, когда дѣйствительное значеніе этихъ выраженій исчезло изъ памяти людей, и они потеряли всякій смыслъ или затемнены какимъ-нибудь позднѣйшимъ поверхностнымъ значеніемъ,—даже и тогда старинныя изреченія больше выигрываютъ своею таинственностью, чѣмъ теряютъ относительно смысла. Намъ приходится слышать выраженіе „buying a pig in a poke“ (купить поросенка въ мѣшкѣ, т.-е. купить вещь, не видавши ее) отъ людей, которые не настолько знакомы съ англійскимъ языкомъ, чтобы понимать значеніе слова poke. И люди, желающіе сказать, что они хорошо помнятъ что-нибудь, и выражающіеся, что они имѣютъ „a month mind“, сильное стремленіе къ тому, конечно, не имѣютъ понятія о той отчаянной безсмыслицѣ, какую дѣлаютъ они изъ стариннаго выраженія „month mind“, означавшаго ежемѣсячное поминовеніе души умершаго, который поэтому и оставался „in mind“, или въ воспоминаніи. Настоящій смыслъ фразы „sowing his wild oats“ (сѣять свой дикій овесъ), кажется, потерянъ въ ея новѣйшемъ употребленіи. Безъ сомнѣнія, это означало нѣкогда, что дурныя травы разрослись бы впослѣдствіи, и что трудно было бы искоренить ихъ. Какъ притча говоритъ о зломъ духѣ, такъ о скандинавскомъ Loki, виновникѣ вреда, ютландская пословица говоритъ, что онъ сѣетъ овесъ („nu saaer Lokken sin havre“), и названіе Lokes havre (овесъ Локи) дается по-датски дикому овсу (avena fatua) [2]). Пословицы, источникомъ которыхъ были какой-нибудь забытый обычай или сказаніе, конечно, въ особенности

[1]) Smith's, Dict. art. «cottabos».
[2]) Grimm, «Deutsche Myth.», p. 222.

могутъ подвергаться такому неправильному употребленію. Выраженіе „unlisked cub" (невылизанный дѣтенышъ) о томъ, кто „wants licking into shape" (кому надо еще принять законченную форму), сдѣлалось чисто англійскимъ, между тѣмъ, какъ немногіе припомнятъ объясненіе этихъ фразъ въ исторіи Плинія, что медвѣди родятся слѣпыми, голыми, неуклюжими кусками мяса, и уже послѣ должны быть „вылизаны въ форму" [1]).

Далѣе, въ остаткахъ старинной магіи и религіи можно иногда отыскать подъ условными выраженіями болѣе глубокій смыслъ, чѣмъ тотъ, который они выказываютъ теперь, или найти дѣйствительный смыслъ въ томъ, что теперь кажется нелѣпостью. Какимъ образомъ народная поговорка можетъ быть воплощеніемъ этнографическаго воспоминанія, ясно можно видѣть изъ тамульской пословицы, и теперь еще извѣстной въ Южной Индіи. Если А бьетъ В, а С кричитъ отъ ударовъ, окружающіе скажутъ: „Это точно кораванъ, который ѣстъ ассафетиду вмѣсто своей больной жены!" Въ настоящее время кораванъ принадлежитъ къ низшему племени въ Мадрасѣ, и о немъ говорятъ, что это „цыганъ, бродяга, ослиный погонщикъ, воръ, что онъ ѣстъ крысъ, живетъ въ рогоженныхъ шалашахъ, занимается ворожбой и вообще подозрительный человѣкъ"; пословица объясняется тѣмъ, что туземныя женщины вообще употребляютъ ассафетиду, какъ укрѣпляющее лѣкарство послѣ родовъ, а у коравановъ въ этомъ случаѣ ѣдятъ ее для укрѣпленія не жены, а мужья. Въ дѣйствительности это — примѣръ очень распространеннаго обычая „кувады", когда послѣ родовъ женщины, мужъ ея подвергается лѣченію, и часто его заставляютъ даже ложиться на нѣсколько дней въ постель. Кораваны принадлежатъ, повидимому, къ числу тѣхъ племенъ, у которыхъ существовалъ этотъ странный обычай, и ихъ болѣе цивилизованные сосѣди тамулы, пораженные его нелѣпостью и не зная его забытаго теперь значенія, обратили его въ пословицу [2]). Попробуемъ примѣнить тотъ же родъ этнографическаго ключа къ темнымъ выраженіямъ нашего новѣйшаго языка. Изреченіе „a hair of the dog that bit you" (шерсть собаки, которая укусила васъ) не было сначала ни метафорой, ни шуткой, а дѣйствительнымъ рецептомъ отъ укушенія собаки, однимъ изъ многихъ примѣромъ древняго гомеопатическаго ученія: чѣмъ ушибся, тѣмъ и лѣчись; объ этомъ упоминается въ скандинавской Эддѣ: „собачья шерсть вылѣчиваетъ отъ укушенія собаки" [3]). Выраженіе „поднимать вѣтеръ" употребляется теперь въ юмористическомъ языкѣ, но нѣкогда оно совершенно серьезно обозначало одно изъ самыхъ устрашавшихъ дѣйствій колдовства, въ особенности извѣстное у финнскихъ колдуновъ; англійскіе моряки еще и до сихъ поръ не забыли своего страха передъ ихъ властью повелѣвать бурей. Древній обрядъ — ордалія, состоявшая въ томъ, чтобы проходить черезъ огонь или перепрыгивать черезъ горящій костеръ, такъ крѣпко держалась на Британскихъ островахъ, что Джемисонъ выводилъ поговорку „to haul over the coals" (тащить надъ огнемъ) изъ этого обряда, и это объясненіе, повидимому, нисколько не натянуто. Еще не такъ давно одну ирландку въ Нью-Йоркѣ судили за то, что она убила своего ребенка: она поставила его на горящіе уголья, чтобы узнать, дѣйствительно ли это — ея ребенокъ, или подмѣненный [1]). Англійская нянька, которая говоритъ капризному ребенку: „ты всталъ нынче съ постели лѣвой ногой" (wrong foot), рѣдко или никогда не знаетъ значенія этой поговорки; но оно вполнѣ объясняется германскимъ народнымъ убѣжденіемъ, что встать съ постели лѣвой ногой значитъ провести дурной день [2]). Это одинъ изъ многихъ примѣровъ простой ассоціаціи идей, соединяющей понятіе о правомъ и лѣвомъ съ понятіемъ добраго и злого. Наконецъ, выраженіе „провести чорта" („cheating the devil") принадлежитъ, кажется, къ извѣстному ряду легендъ, гдѣ человѣкъ заключаетъ договоръ съ дьяволомъ, но въ послѣднюю минуту отдѣлывается отъ него или заступничествомъ святого, или посредствомъ какой-нибудь нелѣпой уловки, въ родѣ того, что напѣваетъ слова Евангелія, котораго далъ слово не читать, или отказывается исполнить договоръ послѣ паденія листьевъ подъ тѣмъ предлогомъ, что лѣпные листья въ церкви остаются еще на вѣтвяхъ. Одна изъ формъ средневѣкового договора съ демономъ состояла въ томъ, что за обученіе класса учениковъ своему черному искусству, чортъ, вмѣсто учительскаго жалованья, имѣлъ право взять себѣ одного изъ учениковъ, пуская ихъ всѣхъ бѣжать для спасенія жизни и схватывая послѣдняго, — исторія, очевидно, имѣвшая связь съ другой народной пословицей: „чортъ беретъ того, кто позади всѣхъ" („devil take the hindmost"). Но даже и въ этой игрѣ можно провести недогадливаго чорта, какъ говоритъ народное повѣрье въ Испаніи и Шотландіи, въ легендахъ о маркизѣ де-Вильяно и графѣ Соутескѣ, которые обучались въ магическихъ школахъ дьявола въ Саламанкѣ и Падуѣ. Ловкій ученикъ

¹) Plin. VIII. 54.
²) Изъ письма Стокса (H. J. Stokes, Negapatam) Ф. М. Дженнингсу. Общія подробности о кувадѣ въ «Early History of Mankind», p. 293.
³) Hávamál, 138.

¹) Jamieson, «Scotish Dictionary», s. v. «coals»; R. Hunt, «Popular Romances», 1-st ser. p. 83.
²) Wuttke, «Volksaberglaube», p. 131.

предоставляетъ наставнику свою тѣнь, какъ самаго послѣдняго изъ бѣгущихъ, и чортъ долженъ довольствоваться этой невещественной уплатой, между тѣмъ какъ новый магикъ остается на свободѣ и только навсегдо лишается своей тѣни [1]).

Можно, повидимому, признать, что народное повѣрье всего ближе къ своему источнику тамъ, гдѣ оно имѣетъ наиболѣе высокое мѣсто и значеніе. Такимъ образомъ, если какой-нибудь старинный стихъ или поговорка въ одномъ мѣстѣ имѣетъ возвышенное значеніе въ философіи или религіи, а въ другихъ мѣстахъ находится на уровнѣ дѣтской поговорки, тогда есть нѣкоторое основаніе считать серьезное значеніе болѣе первобытнымъ, а шуточное простымъ уцѣлѣвшимъ остаткомъ старины. Если этотъ доводъ и не всегда вѣренъ, то все-таки не слѣдуетъ совершенно пренебрегать имъ. Напр., у новѣйшихъ евреевъ сохраняются двѣ поэмы, напечатанныя въ концѣ ихъ пасхальнаго служебника на еврейскомъ и англійскомъ языкахъ. Одна изъ нихъ, извѣстная подъ названіемъ Chad hadyâ, начинается словами: „Козленокъ, козленокъ, котораго отецъ мой купилъ за двѣ монеты“, и затѣмъ слѣдуетъ разсказъ о томъ, какъ пришла кошка и съѣла козленка, пришла собака и загрызла кошку, и такъ далѣе, до конца.— „Затѣмъ явился Единый Святой, да будетъ онъ благословенъ! и убилъ ангела смерти, а ангелъ смерти убилъ мясника, мясникъ убилъ быка, быкъ выпилъ воду, вода залила огонь, огонь сжегъ палку, палка прибила собаку, собака загрызла кошку, кошка съѣла козленка, котораго отецъ мой купилъ за двѣ монеты, козленокъ, козленокъ!“ Это сочиненіе находится въ „Sepher Haggadah“, и считается нѣкоторыми евреями за притчу, относящуюся къ прошедшему и будущему Св. Земли. По одному изъ объясненій, Палестина, козленокъ, пожрана была Вавилономъ, кошкой; Вавилонъ раззоренъ Персіей, Персія Греціей, Греція Римомъ, пока, наконецъ, турки не завладѣли страной; но эдомиты (т.-е. европейскіе народы) изгонятъ турокъ, ангелъ смерти истребитъ враговъ Израиля, и царство сыновъ его будетъ возстановлено подъ господствомъ Мессіи. Даже и независимо отъ подобнаго частнаго толкованія, торжественное окончаніе поэмы заставляетъ думать, что передъ нами, дѣйствительно, произведеніе, еще сохранившее отчасти свою первоначальную форму, и что оно явилось для выраженія какой-нибудь мистической идеи. Если это такъ, тогда извѣстную въ Англіи дѣтскую сказку о старухѣ, которая не могла достать изъ-за загородки своего козленка (или поросенка) и не хотѣла вернуться до

[1]) Rochholz, «Deutscher Glaube und Brauch», v. I, p. 120. R. Chambers, «Popular Rhymes of Scotland», Miscellaneous; Grimm, pp. 969, 976; Wuttke, p. 115.

самой полночи, должно считать искаженной передѣлкой этой старинной еврейской поэмы. Другое произведеніе есть стихотворная нумерація и начинается такъ:

Кто знаетъ одного?—Я (сказалъ Израиль) знаю одного:
Одинъ есть Богъ на небѣ и на землѣ.
Кто знаетъ два?—Я (сказалъ Израиль) знаю два:
Двѣ скрижали заповѣдей; но Одинъ есть нашъ Богъ
на небесахъ и на землѣ.

(И такъ далѣе, все увеличивая, до послѣдняго, слѣдующаго стиха)

„Кто знаетъ тринадцать?—Я (сказалъ Израиль) знаю тринадцать: тринадцать божественныхъ свойствъ, двѣнадцать колѣнъ, одиннадцать звѣздъ, десять заповѣдей, девять мѣсяцевъ до рожденія ребенка, восемь дней до обрѣзанія, семь дней недѣли, шесть книгъ Мишны, пять книгъ Закона, четыре матроны, три патріарха, двѣ скрижали заповѣдей; но Одинъ есть нашъ Богъ на небѣ и на землѣ“.

Это—одна изъ цѣлаго ряда стихотворныхъ нумерацій, повидимому, очень цѣнимыхъ въ средневѣковыя христіанскія времена, такъ какъ онѣ еще и до сихъ поръ не совершенно забыты въ деревняхъ. Одна старинная латинская редакція говоритъ: „Unus est Deus“ и пр., и одинъ изъ существующихъ еще и теперь англійскихъ варіантовъ начинается такъ: „Одинъ есть совершенно Одинъ и навсегда останется Одинъ“, и продолжаетъ счетъ до двѣнадцати: „двѣнадцать—двѣнадцать апостоловъ“. Здѣсь и англійская и еврейская формы имѣютъ или имѣли серьезный характеръ, и хотя возможно, что евреи подражали христіанамъ, но болѣе возвышенная форма еврейской поэмы здѣсь снова заставляетъ думать, что послѣдняя появилась раньше [1]).

Старинныя пословицы, перенесенныя долгимъ унаслѣдованіемъ въ нашъ новѣйшій языкъ, далеко не лишены значенія сами по себѣ, потому что ихъ остроуміе часто такъ же свѣжо и мудрость ихъ такъ же устойчива, какъ и въ старину. Кромѣ этихъ практическихъ качествъ, пословицы поучительны и по своему значенію въ этнографіи. Ихъ роль въ цивилизаціи не велика; повидимому, ихъ почти вовсе нѣтъ у низшихъ племенъ, и онѣ впервые появляются въ опредѣленной формѣ лишь у нѣкоторыхъ изъ болѣе высоко стоящихъ дикарей. Жители острововъ Фиджи, еще немного лѣтъ тому назадъ находившіеся въ томъ состояніи,

[1]) Mendes, «Service for the First Nights of Passover», London, 1862 (въ еврейскомъ переводѣ слово shunra, «кошка»,—сравнивается съ словомъ Shinâr), Halliwell, «Nursery Rhymes», p. 288; «Popular Rhymes», p. 6.

которое археологи могли бы назвать высшимъ Каменнымъ Вѣкомъ, имѣютъ нѣсколько очень рельефныхъ пословицъ. Они смѣются надъ недостаткомъ соображенія, говоря: „Накондо (племя) прежде всего срубаютъ мачту“ (т.-е. прежде, чѣмъ построятъ лодку); когда какой-нибудь бѣднякъ завистливо посматриваетъ на вещь, которой не можетъ купить, они говорятъ: „въ затишьи и высматриваетъ рыбу“ [1]). Одна изъ ново-зеландскихъ „whakatauki“, или пословицъ, описываетъ лѣниваго обжору такъ: „Глубокое горло, а мелкая сила“; другая говоритъ, что лѣнивый часто пользуется работой трудолюбиваго: „Большія щепки отъ крѣпкаго дерева достаются лежебоку“, а третья высказываетъ истину, что „можно видѣть кривизну стебля toetoe, а кривизну сердца видѣть нельзя“ [2]). У басутовъ Южной Африки пословица: „Вода не устаетъ течь“ приводится въ упрекъ болтунамъ; „Львы рычатъ, когда и ѣдятъ“ означаетъ, что есть люди, которые никогда ничѣмъ не бываютъ довольны; „Мѣсяцъ посѣва есть мѣсяцъ головной боли“ говорится о тѣхъ, которые отнѣкиваются отъ работы; „Воръ ѣстъ громовыя стрѣлы“ значитъ, что воръ самъ навлекаетъ на себя наказаніе неба [3]). Народы Западной Африки въ особенности сильны въ философіи пословицъ, до такой степени, что капитанъ Бёртонъ, въ періодъ дождей, развлекался въ Фернандо-По, составивъ цѣлый томъ туземныхъ пословицъ [4]), сотни которыхъ стоятъ на столь же высокомъ умственномъ уровнѣ, какъ и европейскія пословицы. Пословица: „Онъ ушелъ отъ меча и спрятался въ ножны“ такъ же хороша, какъ англійская: „Out of the frying-pan into the fire“ (со сковороды да въ огонь) — изъ огня да въ полымя; и „Тотъ, у кого только бровь служитъ лукомъ, никогда не можетъ убить животнаго“, если не такъ изящна, зато болѣе живописна, чѣмъ англійская: „Hard words break no bones“ (грубое слово не ломаетъ костей). Старый буддистскій афоризмъ, что „Человѣкъ, предающійся враждѣ, похожъ на того, кто бросаетъ пепелъ съ подвѣтренной стороны: пепелъ летитъ назадъ и покрываетъ его съ ногъ до головы“, представленъ менѣе прозаично и съ большимъ остроуміемъ въ пословицѣ негровъ: „Пепелъ летитъ назадъ въ лицо тому, кто его бросаетъ“. Когда кто-нибудь старается уладить дѣло въ отсутствіи тѣхъ, къ кому оно прямо относится, негры возразятъ: „Вы не можете брить голову человѣка, когда его здѣсь нѣтъ“, а въ объясненіе того, что нельзя винить хозяина

---

[1]) Williams, «Fiji», v. I, p. 110.

[2]) Shortland, «Traditions of N. Z.», p. 196.

[3]) Casalis, «Etudes sur la langue Séchuana».

[4]) R. F. Burton, «Wit and Wisdom from West Africa». См. также Waitz, v. II, p. 245.

за глупость его слугъ, они говорятъ: „Всадникъ еще не глупъ оттого, что лошадь глупа“. Намекъ на неблагодарность выражается въ пословицѣ: „Мечъ не знаетъ головы кузнеца“ (который дѣлалъ его), и еще сильнѣе въ другой пословицѣ: „Когда тыква спасла ихъ (во время голода), они сказали, срѣжемъ ее, чтобы сдѣлать изъ нея чашку“. Обычное презрѣніе къ уму бѣдняка ярко высказывается въ изреченіи: „Когда пословицу дѣлаетъ бѣднякъ, она не идетъ далеко“; въ то же время самое упоминаніе о дѣланіи пословицъ, какъ о вещи совершенно возможной, показываетъ, что искусство составленія пословицъ у нихъ еще живо. Перевезенные въ Вестъ-Индію, африканцы сохранили это искусство, какъ это видно изъ пословицъ: „Если собака идетъ позади, она — собака, а если впереди, она — госпожа собака“, и „Toute cabinette tini maringouin“ — „у каждой хижины есть свои москиты“.

Съ теченіемъ исторіи пословица не измѣнила своего характера, съ начала до конца удерживая свой точно опредѣленный типъ. Пословицы и поговорки, записанныя у высшихъ народовъ міра, считаются десятками тысячъ и имѣютъ свою извѣстную обширную литературу. Но хотя область существованія пословицъ и поговорокъ и простирается до самыхъ высшихъ уровней цивилизаціи, это едва ли можно сказать относительно ихъ развитія. На уровнѣ европейской средневѣковой культуры онѣ, конечно, играли очень важную роль въ воспитаніи народа, но періодъ ихъ дѣйствительнаго роста, повидимому, пришелъ уже къ концу. Сервантесъ поднялъ искусство говорить пословицами до такой высоты, дальше которой оно никогда не шло, но не должно забывать, что издѣлія несравненнаго Санчо по большей части были получены по наслѣдству: даже и въ то время пословицы опускались уже до положенія остатка отъ прежняго состоянія общества. Въ этомъ видѣ онѣ продолжаютъ существовать и въ наше время, и мы употребляемъ почти тѣ же остатки прадѣдовской мудрости, которые составляли неистощимый запасъ названнаго оруженосца, такъ какъ въ наше измѣнившееся новѣйшее время не легко передѣлывать старыя поговорки или составлять новыя. Мы можемъ собирать и пользоваться старыми пословицами, но составлять новыя было бы слабымъ безжизненнымъ подражаніемъ, какъ и наши попытки изобрѣсти новые миѳы или новыя дѣтскія пѣсни.

Загадки появляются въ исторіи цивилизаціи вмѣстѣ съ пословицами и долго идутъ рядомъ съ ними, но, подъ конецъ, расходятся по различнымъ дорогамъ. Подъ загадкой мы разумѣемъ тѣ построенныя на старинный ладъ задачи, на которыя долженъ быть данъ настоящій отвѣтъ, въ родѣ типической загадки сфинкса, а вовсе не новѣйшую

игру словъ въ традиціонной формѣ вопроса и отвѣта, въ которыхъ заключается пустая шутка. Первобытный родъ загадокъ, которыя можно назвать осмысленными загадками, былъ найденъ, въ видѣ туземнаго произведенія, у высшихъ дикарей и имѣлъ свое мѣсто въ низшей и средней цивилизаціи; хотя развитіе такихъ загадокъ останавливается на этомъ уровнѣ, но многіе древніе образчики ихъ еще удерживаются въ нашихъ дѣтскихъ сказкахъ и въ сельскомъ быту. Вполнѣ понятно, почему загадки могутъ принадлежать только высшимъ ступенямъ дикой жизни; чтобы составлять ихъ, необходимо хорошо владѣть способностью идеальнаго сравненія, и нуженъ значительный успѣхъ знанія, прежде чѣмъ этотъ процессъ станетъ настолько извѣстнымъ, чтобы изъ серьезнаго перейти въ игру. Наконецъ, въ болѣе высокомъ состояніи культуры загадку начинаютъ считать пустымъ дѣломъ, ея развитіе прекращается, и она сохраняется только для дѣтской игры. Нѣсколько примѣровъ, выбранныхъ изъ загадокъ различныхъ расъ, начиная отъ самыхъ дикихъ и поднимаясь выше, точнѣе укажутъ то мѣсто, какое загадки занимаютъ въ исторіи человѣческаго ума.

Слѣдующіе образчики взяты изъ коллекціи загадокъ зулусовъ, записанныхъ вмѣстѣ съ простодушными туземными толкованіями, касающимися философіи предмета. Вопросъ. „Отгадайте, кто тѣ люди, которыхъ много и которые стоятъ въ ряду; они танцуютъ свадебный танецъ и одѣты въ бѣлыя нарядныя платья?“ — Отвѣтъ. Это — зубы; мы называемъ ихъ людьми, стоящими въ рядъ, потому что зубы стоятъ, какъ люди, приготовившіеся къ свадебному танцу, чтобы лучше танцовать его. Когда мы говоримъ, что „они одѣты въ бѣлыя нарядныя платья“, мы говоримъ это для того, чтобы нельзя было тотчасъ подумать, что это — зубы, а чтобы быть отвлеченнымъ отъ нихъ мыслью, что это люди, одѣтые въ бѣлыя нарядныя платья, и постоянно имѣть въ мысли людей, и проч. В. „Отгадай, кто не ложится ночью, а ложится утромъ и спитъ до захода солнца, потомъ просыпается и работаетъ всю ночь; онъ не работаетъ днемъ, и никто его не видитъ, когда онъ работаетъ?“ О. Загородка скотнаго двора. В. „Отгадай, кто тотъ человѣкъ, котораго люди не любятъ за его смѣхъ, потому что знаютъ, что его смѣхъ есть большое зло, и послѣ него всегда бываютъ слезы и кончаются радости. Плачутъ люди, плачутъ деревья, плачетъ трава; все плачетъ въ томъ племени, гдѣ онъ смѣется, и говорятъ, что смѣялся человѣкъ, который обыкновенно не смѣется?“ О. „Огонь. Онъ названъ „человѣкомъ“ затѣмъ, чтобы нельзя было сразу отгадать, о чемъ говорится, такъ какъ это скрывается словомъ „человѣкъ“. Люди называютъ много вещей, наперерывъ отыскивая значеніе и забывая примѣту. Загадка хороша тогда, когда ее нельзя разгадать сразу“, и пр. [1]). У басутовъ загадки составляютъ необходимую часть воспитанія, и предлагаются въ видѣ упражненія цѣлой компаніи ломающихъ надъ ними голову дѣтей. В. „Знаете ли вы, что бросается съ вершины горы и не разбивается“? О. „Водопадъ“. В. „Кто ходитъ проворно, безъ ногъ и безъ крыльевъ, и кого не могутъ остановить ни гора, ни рѣка, ни стѣна?“ О. „Голосъ“. В. „Какъ называются десять деревьевъ съ десятью плоскими каменками наверху?“ О. „Пальцы“. В. „Кто тотъ маленькій, неподвижный нѣмой мальчикъ, который одѣтъ тепло днемъ, а ночью остается голымъ?“ О. „Гвоздь для вѣшанья ночного платья“ [2]). Изъ Восточной Африки возьмемъ въ примѣръ суагильскую загадку: В. „Моя курица лежитъ въ терновникѣ?“ О. „Ананасъ“ [3]). Изъ Западной Африки іорубская загадка: В. „Длинная, тонкая торговка, которая никогда не ходитъ на рынокъ?“ О. „Лодка“ (она останавливается у пристани) [4]). Въ Полинезіи самоанскіе островитяне очень любятъ загадки. В. „Кто четыре брата, которые всегда носятъ на себѣ своего отца?“ О. „Самоанская подушка, которая состоитъ изъ бамбуковыхъ палокъ въ три дюйма длиною, лежащихъ на четырехъ ножкахъ“. В. „Сѣдой человѣкъ стоитъ надъ заборомъ и достаетъ до самаго неба?“ О. „Дымъ отъ трубы“. В. „Человѣкъ стоитъ между двумя прожорливыми рыбами?“ О. „Языкъ“ [5]). (У зулусовъ есть похожая на это загадка, въ которой языкъ сравнивается съ человѣкомъ, живущимъ среди сражающихся непріятелей). Вотъ старыя мексиканскія загадки: В. „Что такое тѣ десять камней, которые есть у каждаго?“ О. „Ногти.“ В. „Что такое, куда мы входимъ тремя дверями, а выходимъ одной?“ О. „Рубашка“. В. „Кто проходитъ черезъ долину и тащитъ за собой свои внутренности?“ О. „Иголка“ [6]).

Эти загадки, находимыя у низшихъ племенъ, нисколько не отличаются своимъ характеромъ отъ тѣхъ, которыя попали, иногда въ нѣсколько поновленномъ видѣ, въ дѣтскія сказки Европы. Такъ, испанскія дѣти еще и теперь спрашиваютъ: „Какое блюдо орѣховъ на день убираютъ, а на ночь разсыпаютъ?“ (Звѣзды). Англійская пословица о щипцахъ: „Длинныя ноги, кривыя бедра, маленькая голова и безъ глазъ“, настолько первобытна, что ее могъ бы сочинить островитянинъ

[1]) Callaway, «Nursery Tales, etc. of Zulus», I. p. 364, etc.
[2]) Casalis, Etudes sur la langue Séchuanâ, p. 91; «Basutos», p. 337.
[3]) Steer, «Swahili Tales», p. 418.
[4]) Burton, «Wit and Wisdom from West Africa», p. 212.
[5]) Turner, «Polynesia», p. 216; см. Polack, «New Zealanders», v. I, p. 171.
[6]) Sahagun, «Historia de Nueva Espana», въ «Antiquities of Mexico», Kingsborough, v. VII, p. 178.

Тихаго океана. Вотъ загадка на ту же тему, какъ одна изъ загадокъ зулусовъ: „Пасется стадо бѣлыхъ овецъ на красной горкѣ; онѣ ходятъ здѣсь, онѣ ходятъ тамъ; не стоятъ ли онѣ и теперь?“ Другая весьма похожа на загадку ацтековъ: „У бабушки Твичеттъ былъ только одинъ глазъ и длинный хвостъ, который у нея развѣвался, и каждый разъ какъ она проходила надъ ямой, она оставляла кусокъ своего хвоста въ ловушкѣ?“

Сочиненіе загадокъ до такой степени принадлежитъ миѳологическому періоду мысли, что всякое поэтическое сравненіе, если оно не очень темно и отдаленно, при извѣстной небольшой перестановкѣ, можетъ стать загадкой. Индусы называютъ солнце Saptâsva, т.-е. „ѣдущій на семи лошадяхъ“, и та же самая мысль заключается въ старой германской загадкѣ, гдѣ спрашивается: „Какую повозку везутъ семь бѣлыхъ и семь черныхъ лошадей?“ (Годъ, который везутъ семь дней и семь ночей недѣли [1]). Такова же греческая загадка о двухъ сестрахъ, Днѣ и Ночи, изъ которыхъ каждая рождаетъ другую, чтобы опять родиться отъ нея:

Εἰσὶ κασίγνηται διτταί, ὧν ἡ μία τίκτει
Τὴν ἑτέραν, αὐτὴ δὲ τεκοῦσ' ὑπὸ τῆσδε τεκνοῦται [2]).

и загадка Клеовула, съ другими подобными же отрывками первобытной миѳологіи:

Εἷς ὁ πατὴρ, παῖδες δὲ δυώδεκα. τῶν δέ γ' ἑκάστῳ
Παῖδες ἔασι τριήκοντ' ἄνδιχα εἶδος ἔχουσαι.
Ἁι μὲν λευκαὶ ἔασιν ἰδεῖν, ᾗ δ' αὖτε μέλαιναι.
Ἀθάνατοι δὲ τ' ἐοῦσαι ἀποφθίνουσιν ἅπασαι [3]).

Такіе вопросы можно отгадывать такъ же легко теперь, какъ и въ старыя времена, и ихъ должно отличать отъ того болѣе рѣдкаго класса загадокъ, для рѣшенія которыхъ нужно угадывать какія-нибудь несходныя событія. Типическимъ примѣромъ такихъ загадокъ служитъ загадка Самсона, и одна сходная съ ней скандинавская загадка. Дѣло состоитъ въ томъ, что Гестръ нашелъ утку, сидѣвшую на своемъ гнѣздѣ

[1]) Grimm, p. 699.

[2]) Обѣ сестры, изъ нихъ одна порождаетъ другую, и, въ свою очередь, отъ нея родится.

[3]) У отца одного двѣнадцать сыновъ, породившихъ
Каждый тридесятъ дѣвъ, двоякій имѣющихъ обликъ:
Бѣлый одинъ на взглядъ, другой является чернымъ.
Всѣ безсмертны онѣ, хотя ожидаетъ ихъ гибель.
Diog. Laert. I. 91; Athenagoras, X. 451.

въ рогатомъ черепѣ быка, и затѣмъ предложилъ загадку, описывающую, съ характеристической норманской метафорой, быка, рога котораго будто бы уже обращены въ чаши для вина. Слѣдующій переводъ не преувеличиваетъ оригинальности подлинника: „Довольно подросъ долгоносый гусь, радуясь своимъ птенцамъ; онъ собралъ дерево для постройки; ихъ защищали травяные рѣзцы (челюсти съ зубами), а сверху леталъ звучный сосудъ для питья (рогъ)“ [1]). Многіе изъ отвѣтовъ древнихъ оракуловъ представляютъ трудности совершенно въ такомъ же родѣ. Таковъ разсказъ о дельфійскомъ оракулѣ, который велѣлъ Темену найти для предводительства войскомъ человѣка съ тремя глазами, и Теменъ исполнилъ это повелѣніе, встрѣтивъ кривого человѣка верхомъ на лошади [2]). Любопытно, что эта идея снова встрѣчается въ Скандинавіи, гдѣ Одинъ предлагаетъ королю Гейдреку загадку: „Кто тѣ двое, которые похожи на существо съ тремя глазами, десятью ногами и однимъ хвостомъ?“ И отвѣтъ на это тотъ, что это — самъ одноглазый Одинъ верхомъ на своемъ восьминогомъ конѣ Слейпнирѣ [3]).

Тѣсная связь ученія о переживаніи съ изученіемъ нравовъ и обычаевъ постоянно обнаруживается при этнографическомъ изслѣдованіи. И, кажется, едва ли будетъ слишкомъ смѣло сказать, разъ навсегда, что обычаи, не имѣющіе теперь смысла, должны быть переживаніями, что тамъ, гдѣ они впервые возникли, они имѣли практическое или, по крайней мѣрѣ, обрядовое значеніе, но въ настоящее время, перенесенные въ совершенно новое состояніе общества, для котораго потерянъ ихъ первоначальный смыслъ, они стали нелѣпостью. Конечно, новые обычаи, вводимые въ извѣстное время, могутъ быть смѣшны или дурны, но все-таки, говоря вообще, они имѣютъ свои мотивы, которые можно распознать. Этого рода объясненія, обращающіяся къ какому-нибудь забытому значенію, кажется, вообще лучше всего поясняютъ темные обычаи, которые нѣкоторымъ казались проявленіемъ ничѣмъ непобуждаемой глупости. Нѣкій Циммерманъ, издавшій въ прошломъ столѣтіи тяжеловѣсную „Географическую исторію человѣчества“, замѣчаетъ о преобладаніи подобныхъ безсмысленныхъ и глупыхъ обычаевъ въ различныхъ далекихъ странахъ слѣдующее: „Если двѣ

[1]) Mannhardt, «Zeitschr. für Deutsche Mythologie», v. III, p. 2 и пр.
«Nóg er forthun nösgás vaxin,
Barngiorn su er 'bar bútimbr saman:
Hlifthu henni halms bitskálmir,
Thó lá drykkjar drynhrönn yfir».

[2]) См. Grote, «Hist. of Greece», vol. II, p. 5.

[3]) Mannhardt, «Zeitschr.» l. c.

свѣтлыя головы могутъ, каждая сама по себѣ, напасть на хорошее изобрѣтеніе или открытіе, то еще болѣе вѣроятно, принимая во вниманіе гораздо большее количество глупцовъ и тупыхъ головъ, что и какія-нибудь сходныя глупости могли бы быть сообщены двумъ далекимъ одна отъ другой странамъ. Слѣдовательно, если изобрѣтательный глупецъ былъ человѣкомъ важнымъ и вліятельнымъ, какъ это дѣйствительно очень часто и бываетъ, тогда оба народа принимаютъ сходныя глупости, и затѣмъ, черезъ нѣсколько вѣковъ, какой-нибудь историкъ будетъ извлекать отсюда свои доказательства, что одинъ изъ этихъ народовъ происходитъ отъ другого“ [1]).

Строгіе взгляды относительно неразумности человѣчества были, кажется, въ большомъ ходу во времена французской революціи. Лордъ Честерфильдъ былъ, безъ сомнѣнія, человѣкомъ, крайне непохожимъ на упомянутаго германскаго философа, но относительно нелѣпости обычаевъ оба они согласны между собою. Давая своему сыну совѣты относительно придворнаго этикета, графъ пишетъ такимъ образомъ: „Напримѣръ, считается почтительнымъ кланяться королю Англіи и непочтительнымъ — кланяться королю Франціи; относительно императора это — правило вѣжливости; восточные монархи требуютъ, чтобы передъ ними падали ницъ всѣмъ тѣломъ. Это — установленныя церемоніи, и онѣ должны исполняться; но почему онѣ были установлены, я бы желалъ, чтобъ здравый смыслъ и разумъ объяснилъ это намъ. То же самое встрѣчается во всѣхъ сословіяхъ, гдѣ приняты извѣстные обычаи и гдѣ необходимо имъ подчиняться, хотя никакимъ образомъ нельзя признать ихъ результатомъ здраваго смысла. Возьмемъ, напримѣръ, самый нелѣпый, хотя почти повсемѣстный обычай пить за здоровье. Можетъ ли что-нибудь на свѣтѣ менѣе относиться къ здоровью другого человѣка, какъ то, что я выпью стаканъ вина? Здравый смыслъ, конечно, никогда не объяснитъ этого; однако здравый смыслъ повелѣваетъ мнѣ сообразоваться съ этимъ обычаемъ“ [2]). Хотя и довольно трудно было бы доискаться смысла въ мелкихъ подробностяхъ придворнаго этикета, лордъ Честерфильдъ весьма неудачно выставляетъ это, какъ примѣръ неразсудительности человѣчества. Въ самомъ дѣлѣ, если бы кого-нибудь попросили опредѣлить въ короткихъ словахъ отношенія народа къ его правителямъ, въ различныхъ состояніяхъ общества, онъ могъ бы отвѣтить, что люди кланяются до земли королю сіамскому, что они становятся на одно колѣно или снимаютъ шляпу передъ европейскимъ

[1]) E. A. W. Zimmermann, «Geographische Geschichte des Menschen» и пр., 1778—83, v. III. См. Rolleston, Inaugural Address, British Association, 1870.

[2]) Earl of Chesterfield, «Letters to his Son», v. II, № LXVIII.

монархомъ, и крѣпко пожимаютъ руку президента Соединенныхъ Штатовъ, какъ будто рукоятку какого-нибудь насоса. Все это — церемоніи понятныя и въ то же время имѣющія смыслъ. Лордъ Честерфильдъ удачнѣе выбралъ свой второй примѣръ, потому что обычай пить за здоровье дѣйствительно темнаго происхожденія. Однако, онъ тѣсно связывается съ древнимъ обрядомъ, практически, конечно, нелѣпымъ, но установленнымъ съ сознательнымъ и серьезнымъ намѣреніемъ, которое ставитъ его совершенно въ сторонѣ отъ области безсмысленнаго. Это — обычай совершать возліянія и пить на торжественныхъ пиршествахъ въ честь боговъ и умершихъ. Таковъ старинный норманскій обычай пить „minni“ въ честь Тора, Одина и Фреи, и также въ честь королей, при ихъ погребеніи. Обычай этотъ не уничтожился съ обращеніемъ въ христіанство скандинавскихъ и тевтонскихъ народовъ. Такъ изреченія „God's minnie“ „въ честь Бога на небѣ“ вспоминаются, когда такимъ же образомъ пьютъ въ честь Христа, Божіей Матери и святыхъ, вмѣсто языческихъ боговъ и героевъ, и обычай пить за живыхъ и умершихъ на томъ же пиру и въ тѣхъ же выраженіяхъ достаточно доказываетъ общее происхожденіе обоихъ обрядовъ. Слово „minne“ означало одновременно любовь, воспоминаніе и мысль объ отсутствующемъ, и долго оставалось въ Англіи, какъ переживаніе, въ такъ называемомъ „minnying“ или „mynde-days“, — какъ назывались дни, въ которые память умершихъ чествовалась богослуженіемъ или пиршествами. Такое свидѣтельство вполнѣ оправдываетъ тѣхъ писателей, старыхъ и новыхъ, которые считали эти церемоніальные обычаи питья вина, по своей сущности, жертвенными обычаями [1]). Что же касается до обычая пить за здоровье живыхъ, прежняя исторія его доходитъ до насъ изъ различныхъ областей, обитаемыхъ арійскими народами. Греки пили на пирахъ за здоровье другъ друга, и римляне переняли этотъ обычай (προπίνειν, propinare, Graeco more bibere, пить по греческому обычаю). Готы кричали „hails“, отвѣчая другъ другу на тосты, какъ это видно изъ любопытной начальной строки въ стихотвореніи „De conviviis barbaris“ въ Латинской Антологіи, гдѣ упоминаются готскія заздравныя восклицанія приблизительно V вѣка, въ словахъ, отчасти сохранившихъ еще свой смыслъ для англійскаго уха:

„Inter eils Goticum scapiamatziaia drinkan
Non audet quisquam dignos educere versus“ [2]).

[1]) См. Hylten-Cavallins, «Wärend och Wirdarné», v. I, pp. 160—70; Grimm, p. 52—5: 1.201. Brand, v. II, p. 314, 325 и пр.

[2]) Среди eils готскаго scapiamatziaia drinkan
Никто не отваживается произвести изящныхъ стиховъ.

Что касается до насъ самихъ, хотя старое заздравное привѣтствіе „waes hael!" и перестало быть обыкновеннымъ англійскимъ привѣтствіемъ, но формула его остается, перейдя въ существительное. Вообще можно предположить, хотя и не съ полнымъ убѣжденіемъ, что обычай пить за здоровье живыхъ исторически связанъ съ религіознымъ обрядомъ пить въ честь боговъ и умершихъ.

Подвергнемъ теперь теорію переживанія нѣсколько строгому испытанію, отыскивая въ ней объясненіе существованія, на практикѣ или въ воспоминаніи, въ предѣлахъ новѣйшаго цивилизованнаго общества, трехъ замѣчательныхъ группъ обычаевъ, которые совершенно не могутъ быть объяснены цивилизованными понятіями. Хотя намъ и не удастся ясно и вполнѣ объяснить ихъ мотивы, но, во всякомъ случаѣ, будетъ успѣхомъ и то, если мы будемъ въ состояніи отнести ихъ происхожденіе къ дикой или варварской древности. Если смотрѣть на эти обычаи съ новѣйшей практической точки зрѣнія, то одинъ изъ нихъ смѣшонъ, другіе жестоки и всѣ вообще — безсмысленны. Первый — привѣтствіе при чиханіи, второй — обрядъ, требующій при закладкѣ зданія человѣческой жертвы, третій — предубѣжденіе противъ спасенія утопающаго.

При объясненіи обычаевъ, относящихся къ чиханію, необходимо имѣть въ виду ученіе, господствующее въ низшихъ расахъ, полное изложеніе котораго дано будетъ въ другой главѣ. Какъ о душѣ человѣка думали, что она входитъ и выходитъ изъ его тѣла, такъ полагали это и о другихъ духахъ, въ особенности такихъ, которые входятъ въ больныхъ, овладѣваютъ ими и мучатъ ихъ болѣзнями. Между менѣе культурными расами связь этой идеи съ чиханіемъ всего лучше видна у зулусовъ, которые твердо убѣждены, что добрые или злые духи умершихъ парятъ надъ людьми, дѣлаютъ имъ добро или зло, становятся видимыми имъ во снѣ, входятъ въ нихъ и причиняютъ имъ болѣзни. Вотъ вкратцѣ подробности изъ туземныхъ показаній, собранныхъ д-ромъ Коллэуэемъ: Когда зулусъ чихнетъ, онъ скажетъ: „Я получилъ благословеніе. Idhlozi (духъ предковъ) теперь со мной; онъ пришелъ ко мнѣ; мнѣ надо поскорѣе славить его, потому что это онъ заставляетъ меня чихать!" Такимъ образомъ, онъ славитъ души своихъ умершихъ родныхъ, прося ихъ о скотѣ, женахъ и благословеніяхъ. Чиханіе есть признакъ, что больной выздоровѣетъ; онъ благодаритъ за привѣтствіе при чиханіи, говоря: „я пріобрѣлъ то благополучіе, котораго мнѣ недоставало. Продолжайте быть ко мнѣ благосклонны!" Чиханіе напоминаетъ человѣку, что онъ долженъ немедленно назвать Итонго (Itongo) (духа предковъ) своего народа, потому что именно Итонго заставляетъ его чихать, чтобы по чиханью онъ могъ видѣть, что Итонго съ нимъ. Если человѣкъ боленъ и не чихаетъ, приходящіе къ нему спрашиваютъ — чихалъ ли онъ, и если не чихалъ, то начинаютъ жалѣть, говоря: „Болѣзнь велика!" Если чихаетъ ребенокъ, ему говорятъ: „Рости!" это — признакъ здоровья. Говорятъ также, что чиханье у чернокожихъ напоминаетъ человѣку, что Итонго вошелъ въ него и пребываетъ съ нимъ. Зулусскіе гадатели и колдуны очень наклонны чихать и считаютъ это указаніемъ присутствія духовъ; они прославляютъ ихъ, называя: „Makosi!" (т.-е. господа). Поучительнымъ примѣромъ перехода подобныхъ обычаевъ изъ одной религіи въ другую представляютъ амакозы (Amakosa), которые обыкновенно при чиханіи призывали своего божественнаго предка Утиксо (Utixo), а послѣ своего обращенія въ христіанство стали говорить: „Спаситель, воззри на меня!", или „Создатель неба и земли!" [1]). Подобныя понятія встрѣчаются, по описаніямъ, и въ другихъ мѣстахъ Африки. Сэръ Томасъ Броунъ, въ своей книгѣ „Vulgar Errors" передаетъ извѣстный разсказъ, что когда чихалъ король Мономотапы, то восклицанія благословенія, передаваясь изъ устъ въ уста, обходили весь городъ; но онъ долженъ бы былъ упомянуть, что Годиньо, у котораго взятъ первоначальный разсказъ, говорилъ, что то же дѣлалось, когда король пилъ, кашлялъ или чихалъ [2]). Позднѣйшій разсказъ, съ другой стороны континента, болѣе подходитъ къ нашей цѣли. Въ Гвинеѣ, въ прошломъ столѣтіи, когда чихалъ начальникъ, всѣ присутствовавшіе становились на колѣна, цѣловали землю, хлопали въ ладоши и желали ему всякаго счастія и благоденствія [3]). Руководясь иной мыслью, негры Стараго Калабара восклицаютъ иногда при чиханіи ребенка: „Дальше отъ тебя!" съ особеннымъ жестомъ, какъ будто отбрасываютъ что-нибудь дурное [4]). Въ Полинезіи привѣтствія при чиханіи также весьма замѣтны. Въ Новой Зеландіи при чиханіи ребенка говорилось заклятіе, для предупрежденія зла [5]). У самоанцевъ при чиханіи присутствующіе говорили: „Будь живъ!" [6]) На тонганской группѣ чиханіе во время приготовленій въ дорогу считалось самымъ дурнымъ предзнаменованіемъ [7]). Любопытный примѣръ изъ американской жизни относится къ

[1]) Callaway, «Religion of Amazulu», p. 64, 222—5, 263.
[2]) Godignus, «Vita Patris Gonzali Sylveriae». Col. Agripp. 1616; lib. II. c. X.
[3]) Bosman, «Guinea», письмо XVIII у Pinkerton, v. XVI, p. 478.
[4]) Burton, «Wit and Wisdom from West Africa», p. 373.
[5]) Shortland. «Trads. of New Zealand», p. 131.
[6]) Turner, «Polynesia», p. 348; см. также Williams, «Fiji», v. I, p. 250.
[7]) Mariner, «Tonga Is.», v. I, p. 456.

временамъ знаменитой экспедиціи во Флориду Эрнандо де Сото, когда Гуачойа, туземный начальникъ, пришелъ отдать ему визитъ. „Пока происходило все это, кацикъ Гуачойа сильно чихнулъ; господа, которые пришли съ нимъ и сидѣли вдоль стѣнъ залы между испанцами, всѣ вдругъ наклонили головы, развели руками, снова сложили ихъ и, дѣлая разные другіе жесты, означавшіе великое благоговѣніе и почтеніе, привѣтствовали Гуачойа различными словами, имѣвшими одну и ту же цѣль, говоря: „Солнце да хранитъ тебя, защититъ тебя, дастъ тебѣ счастье, спасетъ тебя“ и другія подобныя фразы, какія приходили въ голову; гулъ этихъ привѣтствій долго продолжался между ними, и по этому случаю изумленный губернаторъ сказалъ сопровождавшимъ его господамъ и капитанамъ: „не правда ли, весь міръ одинаковъ?“ Испанцы замѣтили, что у такого варварскаго народа должно держаться тѣхъ же церемоній, или даже еще бóльшихъ, чѣмъ у народовъ, которые считаютъ себя болѣе цивилизованными. Поэтому можно признать такой способъ привѣтствія естественнымъ для всѣхъ народовъ, а вовсе не послѣдствіемъ моровой язвы, какъ это обыкновенно говорятъ“, и проч. [1]).

Въ Азіи и Европѣ суевѣрныя понятія о чиханіи распространены въ обширномъ ряду племенъ, вѣковъ и странъ [2]). Въ числѣ относящихся сюда упоминаній изъ классическихъ временъ Греціи и Рима, самыя характеристичныя слѣдующія: счастливое чиханье Телемака въ Одиссеѣ [3]); чиханье воина и кликъ прославленія боговъ, прошедшій по всѣмъ рядамъ войскъ, что̀ Ксенофонтъ называлъ счастливымъ предзнаменованіемъ [4]); замѣчаніе Аристотеля, что народъ считаетъ чиханіе божественнымъ (τὸν μὲν πταρμὸν θεὸν ἡγούμεθα εἶναι), а кашель—нѣтъ [5]), и проч.; греческая эпиграмма на человѣка съ длиннымъ носомъ, который, когда чихалъ, не могъ сказать Ζεῦ σῶσον (Спаси, Зевесъ), потому что шумъ отъ чиханья былъ слишкомъ далеко, чтобъ онъ могъ его слышать [6]); упоминаніе Петронія Арбитра объ обычаѣ говорить чихнувшему „Salve!“ (будь здоровъ) [1]), и вопросъ Плинія—„Cur sternutamentis salutamus?“ (Почему привѣтствуемъ мы чиханіе?), по поводу котораго онъ замѣчаетъ, что даже Тиверій Цезарь, самый мрачный изъ людей, требовалъ соблюденія этого обычая [2]). Подобные обычаи при чиханіи долго наблюдались въ Восточной Азіи [3]). У индусовъ, когда кто-нибудь чихаетъ, присутствующіе говорятъ: „Живи!“ и тотъ отвѣчаетъ: „съ вами!“ Это дурное предзнаменованіе, и между прочимъ, туги обращали на него большое вниманіе, отправляясь на какое-нибудь предпріятіе, и оно даже заставляло ихъ свободно отпускать путниковъ [4]).

1) Garcilaso de la Vega, «Hist. de la Florida», v. III, ch. XLI.

2) Изъ статей по этому предмету см. особенно статью Sir Th. Browne, «Pseudodoxia Epidemica». (Vulgar Errors), book. IV, ch. IX; Brand. «Pop. Antiquities», v. III, p. 119 и пр. R. G. Haliburton, «New Materials for the History of Man». Halifax, N. S. 1863; «Encyclopaedia Britannica», 5-th ed art. «Sneezing»; Wernsdorf. «De Ritu Sternutantibus bene precandi». Leipzig, 1741; см. также Grimm, D. M. p. 1070, примѣч.

3) Homer, Odyss. XVII. 541.

4) Xenophon, Anabasis, III. 2. 9.

5) Aristot. Problem. XXXIII. 7.

6) Anthologia Graeca, Brunck, vol. III, p 95.

Еврейская формула при чиханіи—„Tobim chayim!“ т.-е. „Доброй жизни!“ [5]). Мусульманинъ, чихая, говоритъ: „хвала Аллаху!“ и друзья привѣтствуютъ его соотвѣтственными словами,—обычай, который, кажется, переходитъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, вездѣ, гдѣ распространенъ исламъ [6]). Наконецъ, обычай этотъ перешелъ чрезъ средневѣковую въ новѣйшую Европу. Вотъ древніе германскіе примѣры: „Die Heiden nicht endorften niesen, dâ man doch sprichet“, „Nu helfiu Got!“ „Wir sprechen, swer niuset, Got helfe dir“ [7]). Англійскимъ и французскимъ примѣромъ, въ то же время, могутъ служить слѣдующіе стихи (1100 по Р. Х.), изъ которыхъ видно, что старая англійская формула waes hael („будьте здоровы!“—„wassail!“) употреблялась также для предупрежденія болѣзни, которая могла произойти отъ чиханія:

„E pur une feyze esternuer
Tantot quident mal trouer,
Si uesheil ne diez aprez“ [8]).

Въ „Rules of Civility“ („Правилахъ вѣжливости“, 1685, переведенныхъ съ французскаго) мы читаемъ: „если его милости (лорду) случится

1) Petron. Arbit. Sat. 98.

2) Plin. XXVIII. 5.

3) Noel, «Dict. des Origines»; Migne, «Dict. des Superstitions» и пр. Bastian, «Oestl. Asien», v. II, p. 129.

4) Ward, «Hindoos», vol. I, p. 142; Dubois, «Peuples de l'Inde», vol. I, 465; Sleeman, «Ramaseena», стр. 120.

5) Buxtorf, «Lexicon Chaldaicum»; Tendlau, «Sprichwörter» и пр. Deutsch-Jüdischer Vorzeit». Frankf. a. M. 1860, p. 142.

6) Lane, «Modern Egyptians», v. I, p. 282. См. Grant, въ «Tr. Eth. Soc.», v. III, p. 90.

7) Язычники не смѣютъ чихать, такъ какъ при этомъ говорится: «Помоги Боже!» «Мы говоримъ при чиханіи—помоги тебѣ Богъ». Grimm, «D. M.“, стр. 1070, 1110.

8) Разъ чихнувши, полагаютъ, что имъ будетъ худо, если вы не скажете тотчасъ «на здоровье». «Manuel des Pecchés», въ Wedgwood «Dic. English Etymology» s. v. «Wassail».

чихнуть, вы не должны во весь голосъ кричать: „Богъ да благословитъ васъ, сэръ“, но, снявъ шляпу, учтиво поклониться ему и сказать это обращеніе про себя [1]). Извѣстно, что анабаптисты и квакеры отбросили какъ эти; такъ и другія привѣтствія, но они оставались еще въ кодексѣ англійскихъ хорошихъ манеръ у высшихъ и низшихъ классовъ, по крайней мѣрѣ, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ или около того; да и въ настоящее время они настолько еще не забыты, что многіе находятъ самымъ остроумнымъ въ разсказѣ о скрипачѣ и его женѣ то, когда его чиханье и ея сердечное „будь здоровъ“ прерываютъ его занятіе скрипкой. „Gott hilf“ еще и теперь слышится въ Германіи, и „Felicità!“ въ Италіи.

Нѣтъ ничего страннаго, что существованіе этихъ нелѣпыхъ обычаевъ въ продолженіе многихъ вѣковъ было загадкой для любознательныхъ изслѣдователей; въ особенности занимались этимъ кропатели легендъ, и ихъ попытки представить историческія объясненія оставили слѣдъ въ философскихъ миѳахъ грековъ, евреевъ и христіанъ. Прометей молится о сохраненіи его искусственнаго человѣка, когда тотъ подалъ первый признакъ жизни чиханіемъ; Іаковъ — о томъ, чтобы душа не покидала тѣла человѣка, когда этотъ человѣкъ чихаетъ, какъ бывало прежде; папа Григорій — объ отвращеніи моровой язвы въ тѣ дни, когда воздухъ былъ такъ смертоносенъ, что тотъ, кто чихалъ, умиралъ отъ этого; и легенда объясняетъ, что отъ этихъ воображаемыхъ событій и произошли формулы чиханія. Для нашей цѣли еще болѣе важно отмѣтить существованіе соотвѣтственнаго ряда идей и обычаевъ, связывавшихся съ зѣвотой. Зулусы считали частую зѣвоту и чиханіе признаками предстоящаго одержанія злымъ духомъ [2]). Индусъ при зѣвотѣ долженъ сжать большой и еще другой палецъ и нѣсколько разъ произнести имя какого-нибудь бога, напр. Рамы: пренебрегать этимъ такой же большой грѣхъ, какъ убить брахмана [3]). Персіане приписываютъ зѣвоту, чиханіе и пр. одержанію злымъ духомъ. У новѣйшихъ мусульманъ вообще, человѣкъ, когда зѣваетъ, прикрываетъ ротъ лѣвой рукой и говоритъ: „Аллахъ, укрой меня отъ проклятаго сатаны!“ но зѣвоты должно избѣгать, потому что дьяволъ имѣетъ привычку прыгать въ ротъ зѣвающаго [4]). Таковъ, вѣроятно, смыслъ еврейской пословицы: „не открывай своихъ устъ сатанѣ!“ Другая половина этой идеи ясно

[1]) Brand, v. III, p. 126.
[2]) Callaway, p. 263.
[3]) Ward, l. c.
[4]) «Pend-Nameh», пер. de Sacy, ch. LXIII; Maury, «Magie» и пр. p. 302. Lane, l. c.

видна изъ разсказа Іосифа, который видѣлъ, какъ одинъ еврей, по имени Елеазаръ, излѣчивалъ бѣсноватыхъ во времена Веспасіана, вытаскивая у нихъ демоновъ черезъ ноздри, помощью кольца, заключавшаго въ себѣ корешокъ, который имѣлъ мистическую силу и о которомъ упоминаетъ Соломонъ [1]). Разсказы о сектѣ мессаліанъ, отплевывавшихся и сморкавшихся, чтобы выгнать дьяволовъ, которые могли попасть въ носъ [2]) при дыханіи; свидѣтельства о средневѣковыхъ заклинателяхъ, изгонявшихъ дьяволовъ чрезъ ноздри больныхъ [3]), и обычай, и теперь еще соблюдаемый въ Тиролѣ — креститься при зѣвотѣ, чтобы что-нибудь недоброе не вошло черезъ ротъ [4]), — все это заключаетъ въ себѣ подобныя же понятія. При сравненіи воззрѣній новѣйшихъ кафровъ съ воззрѣніями другихъ странъ свѣта, мы видимъ ясное представленіе о томъ, что чиханье происходитъ отъ присутствія духовъ. Повидимому, это и составляетъ настоящій ключъ всего предмета, что хорошо разъясняетъ Гэлибёртонъ, по поводу народныхъ кельтскихъ повѣрій, въ рядѣ ходячихъ разсказовъ, вертящихся на суевѣріи, что чихающій человѣкъ можетъ быть утащенъ феями, если только сила ихъ не встрѣтитъ противодѣйствія въ какомъ-нибудь воззваніи, напр. „Богъ благослови васъ“ [5]). Соотвѣтствующее этому понятіе о зѣвотѣ можно найти въ исландской народной легендѣ, гдѣ троль (мелкій горный духъ), превратившись въ прекрасную королеву, говоритъ: „Когда я зѣваю маленькимъ зѣвкомъ, я — прекрасная крошечная дѣвушка; когда я зѣваю полузѣвкомъ, я какъ-будто на половину становлюсь тролемъ; когда я зѣваю полнымъ зѣвкомъ, я вся становлюсь тролемъ“ [6]). Вообще, хотя суевѣрное понятіе о чиханіи далеко не повсемѣстно, но его значительное распространеніе въ высшей степени замѣчательно, и было бы чрезвычайно интересно опредѣлить — насколько это распространеніе произошло въ силу самобытнаго развитія въ различныхъ областяхъ, насколько оно — слѣдствіе перехода отъ одного племени къ другому, и насколько оно — прадѣдовское наслѣдіе. Здѣсь мы хотимъ подтвердить только, что первоначально оно не было произвольнымъ или неимѣвшимъ значенія обычаемъ, а было выраженіемъ извѣстнаго принципа [7]). Очевидное

[1]) G. Brecher, «Das Transcendentale im Talmud», p. 168; Joseph. Ant. Ind VIII. 2, 5.
[2]) Migne, «Dic. des Hérésies», s. v.
[3]) Bastian, «Mensch», vol. II, p. 115, 322.
[4]) Wuttke, «Deutsche Volksaberglaube», p. 137.
[5]) Haliburton, op. cit.
[6]) Powell and Magnussen, «Legends of Island» 2-nd ser. p. 448.
[7]) Здѣсь мы не разсматриваемъ случаевъ, когда чиханье истолковывалось при особенныхъ условіяхъ, напримѣръ, по отношенію къ правой и лѣвой сторонѣ, было ли оно рано утромъ, и пр. (см. Plutarch. De Genio Socratis, etc.), такъ какъ эти случаи принадлежатъ къ обычному толкованію предзнаменованій.

признаніе того новѣйшими зулусами соотвѣтствуетъ тѣмъ указаніямъ, какія можно извлечь изъ суевѣрія и народныхъ повѣрій другихъ племенъ, настолько, чтобы можно было связать понятія и обычаи относительно чиханія съ ученіемъ древнихъ и дикарей о проникающихъ и овладѣвающихъ духахъ, которые считались добрыми или злыми, и съ которыми обращались сообразно тому. Уцѣлѣвшія въ новѣйшей Европѣ переживанія странныхъ старинныхъ формулъ кажутся какъ бы безсознательнымъ воспоминаніемъ того времени, когда объясненіе чиханія не было предоставлено физіологіи, а находилось еще на „теологической ступени".

Въ Шотландіи распространено повѣрье, будто пикты, которымъ мѣстная легенда приписываетъ постройки доисторической древности, орошали закладку своихъ построекъ человѣческой кровью; и легенда говоритъ даже, что св. Колумба нашла необходимымъ зарыть св. Орана живымъ подъ основаніе своего монастыря, чтобы умилостивить духовъ земли, которые разрушали ночью то, что строилось въ продолженіе дня. Не дальше, какъ въ 1843, въ Германіи, когда въ Галле строился новый мостъ, въ народѣ шла молва, что нужно бы заложить ребенка въ основаніе постройки. Эти понятія, что церкви, стѣнѣ или мосту нужна человѣческая кровь, или замуравленная жертва, для прочности фундамента, не только широко распространены въ европейскихъ народныхъ повѣрьяхъ, но и подтверждаются мѣстными хрониками и преданіями, какъ историческій фактъ, во многихъ областяхъ. Такъ, напримѣръ, когда нужно было поправлять разрушившуюся плотину въ Ногатѣ въ 1463, крестьяне, слѣдуя совѣту бросить туда живого человѣка, какъ говорятъ, напоили нищаго пьянымъ и зарыли его тамъ. Въ тюрингенской легендѣ говорится, что для того, чтобы сдѣлать замокъ Либенштейнъ крѣпкимъ и неприступнымъ, у матери былъ купленъ за большія деньги ея ребенокъ и заложенъ въ стѣну. Ребенокъ ѣлъ пирогъ, когда каменщики принялись за дѣло, продолжаетъ разсказъ, и кричалъ матери: „мама, мнѣ еще видно тебя"; затѣмъ, немного спустя: „мама, мнѣ еще видно тебя немножко"; а когда каменщики заложили его послѣднимъ камнемъ: „мама, теперь мнѣ не видно тебя больше". Стѣны Копенгагена, по словамъ легенды, падали по мѣрѣ того, какъ ихъ строили; наконецъ, взяли маленькую невинную дѣвочку, посадили ее за столъ съ кушаньями и игрушками, и пока она играла и ѣла, двѣнадцать мастеровъ каменщиковъ заложили надъ ней сводъ, и затѣмъ, при громѣ музыки, стѣна была воздвигнута и съ тѣхъ поръ стояла всегда крѣпко. Такъ, итальянская легенда говоритъ о мостѣ черезъ Арту, который постоянно обрушивался, пока не заложили въ него жену строителя, и она,

умирая, проговорила заклятіе, чтобы съ этого времени мостъ дрожалъ, какъ дрожитъ цвѣточный стебелекъ. Славянскіе начальники, закладывая Дѣтинецъ, по старому языческому обычаю, высылали людей, чтобы взять перваго мальчика, который встрѣтится, и закладывали его въ стѣну зданія. Сербская легенда разсказываетъ, какъ три брата сговорились построить крѣпость Скадру (Скутари), но годъ за годомъ „вила" разоряла ночью то, что триста каменщиковъ выстраивали днемъ. Этого врага приходилось умилостивить человѣческой жертвой, первой изъ трехъ женъ, которая принесетъ пищу рабочимъ. Всѣ три брата поклялись сохранить отъ своихъ женъ страшную тайну, но два старшихъ измѣнили клятвѣ и предостерегли своихъ женъ; а жена младшаго брата, ничего не подозрѣвая, пришла на постройку, и ее заложили въ стѣну. Но она умолила оставить тамъ отверстіе, чтобы ей можно было кормить грудью своего ребенка, и его въ теченіе двѣнадцати мѣсяцевъ приносили къ ней. Сербскія женщины и до настоящаго времени посѣщаютъ могилу доброй матери, еще замѣтную по источнику воды, струящемуся по крѣпостной стѣнѣ и похожему, отъ примѣси извести, на молоко. Наконецъ, есть англійская легенда о Вортигернѣ, который не могъ окончить своей башни, пока камни фундамента не были смочены кровью ребенка, рожденнаго матерью безъ отца. Какъ обыкновенно бываетъ въ исторіяхъ жертвъ, являются замѣны такихъ жертвъ; извѣстны, напримѣръ, пустые гробы, задѣланные въ стѣнахъ въ Германіи, ягненокъ, заложенный подъ алтаремъ въ Даніи, чтобы церковь стояла крѣпко, кладбище, основанное такимъ образомъ, что первая похоронена на немъ живая лошадь. Въ новой Греціи очевидный остатокъ этого понятія сохраняется въ суевѣрномъ повѣрьѣ, что первый, кто пройдетъ мимо послѣ того, какъ положенъ первый камень, умретъ въ продолженіе того же года, почему каменщики, въ уплату этого долга, убиваютъ на этомъ первомъ камнѣ ягненка или чернаго пѣтуха. Германская легенда, основываясь на той же идеѣ, разсказываетъ о зломъ духѣ, мѣшавшемъ постройкѣ моста и обманутомъ въ обѣщанной ему платѣ, душѣ, тѣмъ, что первымъ придумали пустить черезъ мостъ пѣтуха; точно также германское народное повѣрье говоритъ, что прежде, чѣмъ входить въ новый домъ, хорошо впустить туда кошку или собаку [1]). Изъ всего

[1]) W. Scott, «Minstrelsy of Scottish Border»; Forbes Leslie, «Early Races of Scotland», vol. I, p. 149, 487; Grimm, «Deutsche Mythologie», p. 972, 1095; Bastian, «Mensch», vol. II, p. 92, 407, vol. III, p. 105, 112; Bowring, «Servian Popular Poetry», p. 64. Отзывъ о первомъ изданіи этой книги въ «Nature», іюнь 15, 1871, содержитъ слѣдующее: «Прошло, напр., немного лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ нынѣшній лордъ Лей заложилъ преступника, а, по словамъ другихъ, даже восемь преступниковъ, въ основаніе моста въ Станлеѣ. Безъ сомнѣнія, самая не-

этого оказывается, что если и признать, что эта идея обратилась въ часто повторявшуюся и измѣнявшуюся миѳическую тему, но и писанное и устное преданіе сохраняетъ воспоминаніе о кровожадномъ варварскомъ обрядѣ, который не только дѣйствительно существовалъ въ древнія времена, но долго удерживался и въ европейской исторіи. Если мы взглянемъ теперь на менѣе культурныя страны, мы найдемъ, что этотъ обрядъ удерживается до нашихъ дней съ очевидно религіозной цѣлью или для того, чтобы умилостивить духовъ земли жертвою или чтобы обратить душу самой жертвы въ покровительствующаго демона.

Въ Африкѣ, въ Галамѣ, передъ главными воротами города зарывали обыкновенно живыми мальчика и дѣвочку, чтобы сдѣлать городъ непреодолимымъ, — и этотъ обычай исполнялся нѣкогда въ широкихъ размѣрахъ однимъ бамбаррскимъ тираномъ; въ Великомъ Бассамѣ и Яррибѣ такія жертвы были употребительны при закладкѣ дома или деревни [1]). Въ Полинезіи Эллисъ слышалъ объ обычаѣ, примѣромъ котораго былъ фактъ, что центральная колонна одного изъ храмовъ Маевы (Maeva) поставлена была надъ тѣломъ человѣческой жертвы [2]). На островѣ Борнео, у миланаускихъ дайяковъ, при сооруженіи большого дома вырыли глубокую яму для перваго столба, который и былъ привѣшенъ надъ ней на веревкахъ; дѣвушку-невольницу опустили въ яму и по данному сигналу перерѣзали веревки; громадный брусъ упалъ въ яму и раздавилъ дѣвушку до смерти; это была жертва духамъ. Сенъ-Джонъ видѣлъ болѣе мягкую форму обряда, когда начальникъ куопскихъ дайяковъ поставилъ около своего дома высокій шестъ, а въ приготовленную для него яму бросили цыпленка, котораго и долженъ былъ придавить этотъ шестъ [3]). Болѣе цивилизованные народы Южной Азіи перенесли въ новѣйшее время обрядъ жертвоприношенія при основаніи

лѣпость такого обвиненія достаточно опровергаетъ его; но самый фактъ того, что оно было заявлено, представляетъ замѣчательный примѣръ почти невѣроятной живучести старыхъ преданій.

[1]) Waitz, vol. II, p. 197.

[2]) Ellis, «Polyn. Res.», vol. I, p. 346; Tyermann and Bennet, vol. II, p. 39

[3]) St. John, «Far East», vol. I, p. 46; см. Bastian, vol. II, p. 407. Я обязанъ Р. К. Дугласу прекраснымъ примѣромъ значенія жертвъ, приносившихся при закладкѣ зданій, извлеченнымъ изъ китайской книги «Yuh heake» (драгоцѣнный ларецъ гаданія): прежде, чѣмъ начать постройку, рабочіе должны принести жертву богамъ сосѣдней мѣстности, воды и лѣса. Если плотники весьма опасаются крушенія постройки, они должны, вколачивая сваю, взять нѣчто живое и положить это внизъ и на него положить сваю; чтобы освободиться (отъ дурныхъ вліяній), они должны, ударяя по сваѣ топоромъ, приговаривать:

«Это хорошо, это хорошо,
Пусть тѣ, кто живутъ тамъ,
Будутъ всегда согрѣты и сыты!»

дома. Одинъ японскій разсказъ XVII столѣтія упоминаетъ о повѣрьи, что стѣна, поставленная надъ тѣломъ добровольной человѣческой жертвы, предохраняется этимъ отъ разныхъ несчастій; поэтому, когда приступали къ постройкѣ большой стѣны, какой-нибудь несчастный невольникъ предлагалъ сдѣлаться основаніемъ и ложился въ приготовленную яму, гдѣ наваливаемые на него тяжелые камни убивали его [1]). Когда строились ворота новаго города Тавойя, въ Тенассеримѣ, лѣтъ двадцать тому назадъ, Мазонъ слышалъ отъ очевидцевъ, что въ каждую изъ ямъ, приготовленныхъ для столбовъ, бросили преступника въ жертву покровительствующему демону. Такимъ образомъ, подобные разсказы о человѣческихъ жертвахъ, погребенныхъ для духовъ — покровителей подъ воротами Мандалайя, о королевѣ, утопленной въ Бирманскомъ рву, чтобы сдѣлать его прочнымъ, о героѣ, куски тѣла котораго похоронены были подъ крѣпостью Татунгъ, чтобы сдѣлать ее неприступной, всѣ эти разсказы составляютъ воспоминанія, въ исторической или миѳической формѣ, о дѣйствительно существовавшихъ обычаяхъ страны [2]). Въ самыхъ англійскихъ владѣніяхъ, когда раджа Сала-Бинъ строилъ укрѣпленіе Сіалкотъ въ Пенджабѣ, основаніе юго-восточнаго бастіона разрушалось столько разъ, что раджа обратился къ гадателю, который и убѣдилъ его, что бастіонъ не будетъ держаться до тѣхъ поръ, пока не будетъ пролита кровь единственнаго сына, вслѣдствіе чего и былъ принесенъ въ жертву единственный сынъ вдовы [3]). Все это ясно показываетъ, что гнусные обряды, о которыхъ въ Европѣ сохранилось развѣ лишь смутное воспоминаніе, еще исполняются и сохраняютъ свое древнее значеніе въ Африкѣ, Полинезіи и Азіи, у тѣхъ племенъ, которыя представляютъ по степени своего развитія, если не по хронологіи, древнѣйшія ступени цивилизаціи.

Сэръ Вальтеръ Скоттъ, разсказывая въ своемъ „Пиратѣ" о разносчикѣ Брейсѣ, который отказывался помочь Мордаунту спасти матроса, утопавшаго послѣ кораблекрушенія, и даже указывалъ на опрометчивость такого поступка, представляетъ этимъ разсказомъ старинное суевѣріе шотландцевъ. „Не съ ума ли вы сошли?" говоритъ разносчикъ: „вы, такъ долго жившій на Шотландскихъ островахъ, хотите спасать утопающаго? да развѣ вы не знаете, что если вы возвратите ему жизнь, то онъ навѣрное сдѣлаетъ вамъ какой-нибудь страшный

[1]) Caron, «Japan», Pinkerton, vol. VII, p. 623.

[2]) Bastian, «Oestl. Asien», vol. I, pp. 193, 214; vol. II, pp. 91, 270; vol. III, p. 16; Roberts, «Oriental Illustrations of Scriptures», p. 283 (Ceylon).

[3]) Bastian, «Mensch», vol. III, p. 107. Современный случай подобнаго рода у арнаутовъ сообщаетъ Prof. Liebrecht въ «Philologus», v. XXIII (1865), p. 682.

вредъ?“ Если бы эта безчеловѣчная мысль подмѣчена была только въ одномъ этомъ краю, то можно бы было думать, что она произошла изъ какого-нибудь мѣстнаго понятія, котораго теперь нельзя уже объяснить. Но когда подобныя суевѣрія встрѣчаются и у жителей островов С.-Кильды, и у дунайскихъ лодочниковъ, и у французскихъ и англійскихъ матросовъ, и даже за предѣлами Европы, у менѣе цивилизованныхъ народовъ, для объясненія подобнаго состоянія вещей уже нельзя думать о какихъ-либо мѣстныхъ вымыслахъ, но должно искать какого-нибудь очень распространеннаго повѣрья, принадлежащаго низшей культурѣ. Индусы не станутъ спасать человѣка, который тонетъ въ священномъ Гангѣ, и жители Малайскаго архипелага раздѣляютъ это жестокое понятіе [1]). Изъ всѣхъ народовъ, у грубыхъ камчадаловъ это запрещеніе имѣетъ самую замѣчательную форму. Они считаютъ большой ошибкой, говоритъ Крашенинниковъ, спасать утопленника; тотъ, кто спасетъ его, утонетъ послѣ самъ [2]). Разсказъ Штеллера еще необыкновеннѣе и, вѣроятно, относится только къ тѣмъ случаямъ, когда жертва дѣйствительно тонула; онъ говоритъ, что если человѣкъ падалъ какъ-нибудь случайно въ воду, для него было большимъ грѣхомъ выбраться изъ нея: если ему предназначено было утонуть, онъ дѣлаетъ грѣхъ, спасаясь отъ утопленія, и никто не сталъ бы пускать его къ себѣ въ домъ, говорить съ нимъ, давать ему пищу или жену, считая его за умершаго; если бы человѣкъ упалъ въ воду даже въ присутствіи другихъ, они не стали бы помогать ему вылѣзти изъ воды, а, напротивъ, еще силой утопили бы его. Эти дикари, какъ кажется, избѣгали огнедышащихъ горъ, такъ какъ тамъ живутъ духи и варятъ себѣ пищу; по той же причинѣ, они считаютъ грѣхомъ купаться въ горячихъ источникахъ и со страхомъ вѣрятъ въ существованіе морского духа, имѣющаго видъ рыбы, котораго они называютъ Митгкъ [3]). Это камчадальское спиритуалистическое вѣрованіе, безъ сомнѣнія, составляетъ ключъ къ ихъ суевѣрію относительно спасенія утопающихъ. Даже въ новѣйшей Европѣ можно найти не только практическое примѣненіе его, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и неисчезнувшее еще переживаніе его древнѣйшаго спиритуалистическаго значенія. Въ Богеміи, какъ говоритъ недавній разсказъ (1864), рыбаки не отваживаются вытаскивать изъ воды утопающаго человѣка. Они боятся, чтобы водяной не отнялъ у нихъ удачу въ рыбной ловлѣ и при первомъ случаѣ не утопилъ бы ихъ

[1]) Bastian, «Mensch», vol. III, p. 210; Ward, «Hindoos», vol. II, p. 318.
[2]) Kracheninnikow, «Descr. du Kamchatka. Voy. en Sibérie», vol. III, p. 72.
[3]) Steller, «Kamtschatka», pp. 265, 274.

самихъ [1]). Такое объясненіе предразсудка противъ спасенія жертвъ водяныхъ духовъ можно подтвердить массой фактовъ, взятыхъ изъ различныхъ областей міра. Такъ, при изслѣдованіи ученія о жертвоприношеніяхъ, оказывается, что обычный способъ принесенія жертвы колодцу, рѣкѣ, озеру или морю, состоитъ просто въ томъ, что вещь, животное или людей бросаютъ въ воду, которая сама, или черезъ живущаго въ ней духа, завладѣваетъ ими [2]). Что случайно утонувшій человѣкъ считался именно такой добычей воды, на это указываютъ многіе примѣры въ повѣрьяхъ дикихъ и цивилизованныхъ народовъ. У индѣйцевъ сіусовъ Ункъ-таге, водяное чудовище, топитъ свои жертвы въ потокахъ или стремнинахъ [3]); въ Новой Зеландіи огромныя сверхъестественныя пресмыкающіяся чудовища, называемыя Танивга (Taniwha) живутъ въ извилинахъ рѣкъ, и объ утонувшихъ говорятъ, что ихъ утащили эти чудовища [4]); сіамцы боятся Пнюка (Pnük), или водяного духа, который схватываетъ купающихся и уноситъ ихъ въ свое жилище [5]); въ славянскихъ земляхъ это дѣлаетъ всегда „Топилецъ“, который топитъ людей [6]); въ Германіи, когда кто-нибудь тонетъ, народъ вспоминаетъ религію своихъ предковъ и говоритъ: „рѣчной духъ потребовалъ свою ежегодную жертву“, или, проще: „Никсъ взялъ его“ [7]):

„Ich glaube, die Wellen verschlingen,
Am Ende Fischer und Kahn;
Und das hat mit ihrem Singen
Die Lorelei gethan“ [8]).

Съ этой точки зрѣнія очевидно, что спасать утопающаго, т.-е. вырывать жертву изъ самыхъ когтей водяного духа,—безразсудный вызовъ божеству, который едва ли можетъ остаться неотомщеннымъ. Въ цивилизованномъ мірѣ грубое старое теологическое понятіе объ утопленіи давно замѣнилось физическимъ объясненіемъ, и предубѣжденіе противъ спасенія отъ такой смерти почти, или совершенно, исчезло. Но

[1]) J. V. Grohmann, «Aberglaube und Gebräuche aus Böhmen», p. 12.
[2]) Гл. XVIII.
[3]) Eastman, «Dacotah», pp. 118, 125.
[4]) R. Taylor, «New Zealand», p. 48.
[5]) Bastian, «Oestl. Asien», vol. III, p. 34.
[6]) Hanusch, «Wissenschaft des Slawischen Mythus», p. 299.
[7]) Grimm, «Deutsche Myth.», p. 462.
[8]) Мнѣ кажется, волны поглотили
Подъ конецъ и рыбака, и челнокъ;
Вотъ что своимъ пѣніемъ
Надѣлала Лорелея.

архаическія понятія, перешедшія въ новѣйшія народныя повѣрья и поэзію, все еще указываютъ на очевидную связь между первобытнымъ ученіемъ и уцѣлѣвшимъ отъ старины обычаемъ.

По мѣрѣ того, какъ соціальное развитіе міра идетъ впередъ, самыя важнѣйшія понятія и дѣйствія могутъ мало-по-малу становиться простыми переживаніями. Первоначальное ихъ значеніе постепенно вымираетъ, каждое поколѣніе все меньше и меньше помнитъ его, пока, наконецъ, оно совершенно исчезнетъ изъ памяти народа; впослѣдствіи этнографія старается, болѣе или менѣе успѣшно, возстановить это значеніе, соединяя вмѣстѣ черты разбросанныхъ или забытыхъ фактовъ. Дѣтскія игры, народныя поговорки, нелѣпые обычаи практически могутъ быть не важны, но съ философской точки зрѣнія не лишены значенія, такъ какъ они относятся къ одной изъ самыхъ поучительныхъ фазъ древней культуры. Безобразныя и жестокія суевѣрія могутъ оказаться остатками первобытнаго варварства, и при этомъ воспитаніе для такого человѣка является тѣмъ же, что и для шекспировской лисицы:

Who, ne'er so tame, so cherish'd, and lock'd up,
Will have a wild frick of his ancestors [1]).

---

[1]) Которая, какъ бы она ни была приручена, лелѣема и оберегаема, будетъ имѣть дикую хитрость своихъ предковъ.

ГЛАВА IV.

Переживаніе въ культурѣ.

(Окончаніе).

Тайныя науки.—Магическія силы, приписываемыя высшими расами низшимъ.—Магическія дѣйствія, основанныя на ассоціаціи идей.—Предзнаменованія.—Предвѣщанія и проч.—Снотолкованіе.—Аруспикація, Скапулимантія, Хиромантія и проч.—Гаданье на картахъ и проч.—Рабдомантія, Дактиліомантія, Косциномантія и проч.—Астрологія.—Умственныя условія, объясняющія долгое существованіе магіи.—Переживаніе переходитъ въ Оживаніе.—Колдовство, начинающееся въ дикой культурѣ, продолжается въ варварской цивилизаціи; за его упадкомъ въ древней средневѣковой Европѣ слѣдуетъ его возрожденіе; его пріемы и противодѣйствія ему принадлежатъ болѣе древней культурѣ.—Спиритизмъ имѣетъ начало въ древнихъ стадіяхъ культуры, въ тѣсной связи съ колдовствомъ.—Стучащіе и пишущіе духи.—Поднятіе на воздухъ.—Представленія связанныхъ медіумовъ.—Практическое значеніе изученія переживанія.

При изслѣдованіи переживанія старыхъ воззрѣній среди условій общества, которыя постепенно все больше и больше удалялись отъ этихъ воззрѣній и стремились, наконецъ, совершенно подавить ихъ, много поучительнаго представляетъ исторія одного изъ самыхъ пагубныхъ заблужденій, какія когда-либо терзали человѣчество,—исторія вѣры въ магію. Смотря на тайныя науки съ такой этнографической точки зрѣнія, я укажу нѣкоторыя изъ ихъ отраслей, служащія для разъясненій хода умственной культуры. Мѣсто магіи въ исторіи, въ короткихъ словахъ, слѣдующее. Она, по своему основному принципу, составляетъ принадлежность самой низшей изъ извѣстныхъ ступеней цивилизаціи, и у низшихъ расъ, которыя имѣли очень небольшое участіе въ умственномъ развитіи міра, сохраняется еще во всей своей силѣ. Начиная отъ этого уровня, ее можно прослѣдить выше, такъ какъ многое изъ искусства дикарей еще удерживаетъ свое мѣсто безъ существенныхъ измѣненій, а съ теченіемъ времени развились новые пріемы, и это старое и новое развитіе сохранилось, болѣе или менѣе, у новѣйшихъ образованныхъ народовъ. Но въ продолженіе вѣковъ, когда прогрессивныя расы научились подчинять свои мнѣнія все болѣе и болѣе

точнымъ опытнымъ повѣркамъ, тайная наука упала до простого переживанія, и въ этомъ состояніи большею частью мы и находимъ ее въ нашей средѣ.

Новѣйшій образованный міръ, отвергая темную науку, какъ презрѣнное суевѣріе, практически пришелъ къ мнѣнію, что магія принадлежитъ низшему уровню цивилизаціи. Весьма поучительно видѣть, что это здравое сужденіе безсознательно принимается тѣми народами, воспитаніе которыхъ не настолько подвинулось, чтобы разрушить самую вѣру въ колдовство. Въ любой странѣ изолированное или отдаленное племя, уцѣлѣвшій остатокъ болѣе древней національности, можетъ пріобрѣсти репутацію колдуновъ. Таковы бирманскіе лавасы, о которыхъ предполагаютъ, что они—разсѣянные остатки какого-то древняго цивилизованнаго народа, и которыхъ боятся, какъ людей-тигровъ [1]), и абиссинскіе будасы, кузнецы и горшечники, и въ то же время колдуны и оборотни своего края [2]). Но обычнымъ и поучительнымъ обстоятельствомъ является то, что тѣ народы, которые съ самымъ искреннимъ страхомъ вѣрятъ въ дѣйствительность магическаго искусства, въ то же время не замѣчаютъ факта, что это искусство всего существеннѣе принадлежитъ племенамъ менѣе цивилизованнымъ, чѣмъ они сами, и что тамъ оно на своемъ настоящемъ мѣстѣ. Малайцы полуострова, которые приняли магометанскую религію и цивилизацію, имѣютъ именно такое понятіе о низшихъ племенахъ своей страны, принадлежащихъ болѣе или менѣе къ ихъ же расѣ, но оставшихся въ своемъ древнемъ дикомъ состояніи. Малайцы имѣютъ собственныхъ чародѣевъ, но считаютъ ихъ ниже колдуновъ, или пойянговъ, грубаго племени Минтира; къ послѣднимъ они обращаются для излѣченія болѣзней и для причиненія несчастья и смерти своимъ врагамъ. Въ самомъ дѣлѣ, лучшей защитой минтировъ отъ ихъ болѣе сильныхъ сосѣдей-малайцевъ служитъ то, что эти послѣдніе заботливо избѣгаютъ возможности оскорбить ихъ, изъ страха ихъ магическаго мщенія. Джакуны—также грубое и дикое племя людей, которыхъ малайцы презираютъ какъ невѣрныхъ и стоящихъ немного выше животныхъ, но которыхъ въ то же время страшно боятся. Для малайца джакунъ кажется сверхъестественнымъ существомъ, искуснымъ въ гаданіи, колдовствѣ и чарованіи, способнымъ дѣлать зло или добро по собственной прихоти, за благословеніемъ котораго слѣдуетъ самый счастливый успѣхъ, за проклятіемъ—самыя страшныя послѣдствія. Онъ можетъ обратиться къ дому врага

[1]) Bastian, «Oestl. Asien», vol. I, p. 119.
[2]) «Life of Nath. Pearce», ed. by J. J. Halls, vol. I, p. 286.

на какомъ бы то ни было разстояніи, и до тѣхъ поръ ударять двумя палочками одной объ другую, пока его врагъ заболѣетъ и умретъ; онъ искусенъ въ лѣченіи травами; онъ можетъ околдовывать самыхъ свирѣпыхъ дикихъ звѣрей. Такимъ образомъ, малайцы, хотя и презираютъ джакуновъ, но во многихъ случаяхъ удерживаются отъ дурного обхожденія съ ними [1]). Въ Индіи, въ давно прошедшіе вѣка, господствующіе арійцы описывали грубыхъ туземцевъ страны, какъ людей, „владѣющихъ волшебными силами", „мѣняющихъ свой видъ по желанію." [2]) Индусы, населяющіе Чота-Нагпуръ и Сингбумъ, твердо вѣрятъ, что мундасы сильны въ колдовствѣ, могутъ превращаться въ тигровъ и другихъ хищныхъ звѣрей, чтобы пожирать своихъ враговъ, и могутъ колдовствомъ отнять жизнь у человѣка и у звѣря; эта сила приписывается вообще самымъ грубымъ и дикимъ людямъ изъ этого племени [3]). Въ Южной Индіи также говорилось въ прошедшія времена объ индуизированныхъ дравидійцахъ, о канарскихъ судрахъ, что они жили въ страхѣ передъ демонической силой касты рабовъ, стоявшей ниже ихъ [4]). И въ наше время, изъ числа дравидійскихъ племенъ округа Нейльгери, Тода и Бадага смертельно боятся курумбасовъ, низшаго и презираемаго племени, но одареннаго, какъ полагаютъ, волшебной силой истреблять людей, животныхъ и имущество [5]). Сѣверная Европа представляетъ такой же рѣзкій контрастъ. Финны и лопари, низкое варварское состояніе которыхъ характеризовалось такимъ же колдовствомъ, какое процвѣтаетъ у ихъ сибирскихъ родичей, были поэтому предметомъ суевѣрнаго страха для своихъ скандинавскихъ сосѣдей и притѣснителей. Въ средніе вѣка названіе финна было, а у моряковъ остается и до сихъ поръ, равнозначительно названію колдуна; лапландскія вѣдьмы имѣли европейскую знаменитость по своей силѣ въ черномъ искусствѣ. Цѣлые вѣка послѣ того, какъ финны поднялись по соціальной лѣстницѣ, лопари еще удерживали многое изъ своихъ древнихъ полудикихъ обычаевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и свое колдовство, такъ что даже одаренные магическою способностью финны уважали тайную силу народа, болѣе варварскаго, чѣмъ они сами. Рюсъ пишетъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія: „Въ Финляндіи еще есть колдуны, но самые искусные изъ нихъ думаютъ, что лопари

[1]) «Journ. Ind. Archip.», vol. I, p. 328; vol. II, p. 273; см. vol. IV, p. 425.
[2]) Muir, «Sanskrit Texts», part. II, p. 435.
[3]) Dalton, «Kols», въ «Tr. Eth. Soc.», vol. VI, p. 6; см. p. 16.
[4]) Jas. Gardner, «Faiths of the World», s. v. «Exorcism».
[5]) Shortt, «Tribes of Neilgherries», въ «Tr. Eth. Soc.», vol. VII, pp. 247, 277; Sir W. Elliot, въ «Trans. Congress of Prehistoric Archaelogy», 1868, p. 253.

далеко превосходятъ ихъ; объ очень опытномъ колдунѣ они говорятъ: „это настоящій лопарь“, и за такой наукой отправляются въ Лапландію“ [1]). Все это вполнѣ одинаково съ переживаніями такихъ идей у невѣжественныхъ людей и въ другихъ краяхъ цивилизованнаго міра. Многіе изъ бѣлыхъ въ Вестъ-Индіи и Африкѣ боятся заклинаній племени Оби, и Европа приписываетъ силу колдовства презираемымъ подонкамъ „проклятыхъ племенъ“, цыганамъ и каготамъ. Если обратиться отъ народовъ къ сектамъ, то поучительно въ этомъ дѣлѣ отношеніе протестантовъ къ католикамъ. Въ Шотландіи было замѣчено: „Здѣсь есть мнѣніе, котораго держатся многіе изъ нихъ... что католическій священникъ можетъ изгонять дьяволовъ и излѣчивать сумасшествіе, а пресвитеріанское духовенство не имѣетъ такой силы“. Такъ Боурнъ говоритъ объ англиканскомъ духовенствѣ, что народъ не считаетъ его способнымъ заклинать духовъ, и увѣряетъ, что никто не можетъ изгонять духовъ, кромѣ католическихъ священниковъ [2]). Эти сообщенія не новы, но въ Германіи такое положеніе вещей, кажется, продолжается еще и до сихъ поръ. Протестанты обращаются къ католическимъ священникамъ и монахамъ за помощью противъ колдовства, для изгнанія духовъ, освященія травъ и для открытія воровъ [3]), и, такимъ образомъ, съ безсознательной ироніей оцѣниваютъ отношеніе Рима къ новѣйшей цивилизаціи.

Главный ключъ къ пониманію тайныхъ наукъ состоитъ въ томъ, чтобы разсматривать ихъ, какъ основанныя на ассоціаціи идей—способности, которая лежитъ въ самомъ основаніи человѣческаго разума, но, въ немалой степени, также и человѣческаго неразумія. Человѣкъ, еще въ низшемъ умственномъ состояніи, научившись соединять въ мысли тѣ вещи, которыя онъ по опыту находилъ связанными между собою на дѣлѣ, далѣе ошибочно извращаетъ это дѣйствіе и заключаетъ, что ассоціація въ мысли должна предполагать такую же связь и въ дѣйствительности. Такимъ образомъ, онъ пытался открывать, предсказывать и вызывать событія такими способами, которые, какъ мы видимъ это теперь, имѣли только идеальное значеніе. Благодаря обширной массѣ фактовъ изъ дикой, варварской и цивилизованной жизни, магическія искусства, происшедшія изъ такого ошибочнаго смѣшенія идеальной связи съ дѣйствительной связью, можно ясно прослѣдить отъ низшей культуры, въ которой онѣ возникли, до высшей, которая сохра-

[1]) F. Rühs, «Finland», p. 296; Bastian, «Mensch», vol. III, p. 202.
[2]) Brand, «Pop. Ant. vol. III, pp. 81—3; см. 313.
[3]) Wuttke, «Deutsche Volksaberglaube», p. 128; см. 239.

нила ихъ [1]). Таковы способы, посредствомъ которыхъ можно на далекомъ разстояніи оказывать вліяніе на человѣка, дѣйствуя на какіе-нибудь близкіе къ нему предметы, его вещи, платье, которое онъ носилъ, и особенно на обрѣзки его волосъ и ногтей. Не только высшіе и низшіе дикари, какъ австралійцы и полинезійцы, и варвары, какъ народы Гвинеи, живутъ въ смертельномъ страхѣ передъ этимъ враждебнымъ искусствомъ, не только парсы имѣютъ свои священные обряды, предписываемые для погребенія обрѣзанныхъ волосъ и ногтей, чтобы демоны и колдуны не могли сдѣлать черезъ нихъ какого-нибудь зла, — этотъ страхъ бросать обрѣзки волосъ и ногтей, чтобы ихъ прежнему хозяину не было сдѣлано черезъ нихъ какого-либо вреда, еще и до сихъ поръ не исчезъ въ европейскомъ народномъ повѣрьѣ; и германскій крестьянинъ, во все время отъ дня рожденія своего ребенка до его крещенія, не позволяетъ отдавать что-либо изъ дому, чтобы колдовство не подѣйствовало черезъ эти вещи на неокрещеннаго еще ребенка [2]). Какъ жрецы негровъ, когда ихъ больной не пришелъ къ нимъ лично, могутъ гадать по его грязному платью или шапкѣ [3]), такъ и новѣйшій ясновидящій говоритъ, что симпатически чувствуетъ впечатлѣнія отъ находящагося на далекомъ разстояніи человѣка, если есть сообщеніе чрезъ какой-нибудь клочокъ волосъ или что-нибудь другое, что̀ было въ соприкосновеніи съ нимъ [4]). Простая мысль — соединить двѣ вещи шнуркомъ, въ предположеніи, что это сообщеніе установитъ связь или послужитъ для передачи вліянія, выполнялась на свѣтѣ разнообразными способами. Въ Австраліи, туземный врачъ привязываетъ одинъ конецъ шнурка къ больной части тѣла паціента и думаетъ, что сосаніемъ другого конца онъ вытянетъ кровь для облегченія больного [5]). Въ Ориссѣ, джейпорская колдунья спускаетъ черезъ крышу своего врага клубокъ нитокъ, чтобы добраться до его тѣла, и потомъ, взявши въ ротъ другой конецъ нитки, надѣется высосать кровь этого врага [6]). Когда олень приносится въ жертву у входа въ юрту больного остяка, паціентъ держитъ въ рукахъ веревку, привязанную къ жертвѣ, приносимой для его блага [7]).

[1]) Для разсмотрѣнія многочисленныхъ магическихъ искусствъ, преимущественно подходящихъ подъ эту категорію, см. «Early History of Mankind», гл. VI и X.
[2]) Stranbridge, «Abor. of Victoria», въ «Tr. Eth. Soc.», vol. I, p. 299; Ellis, «Polyn. Res.» vol. I, p. 364; J. L. Wilson, «W. Africa», p. 215; Spiegel, «Avesta», vol. I, p. 124; Wuttke, «Deutsche Volksaberglaube», p. 195; общія указанія въ «Early History of Mankind», p. 129.
[3]) Burton, «W. and W. from West Africa», p. 411.
[4]) W. Gregory, «Letters on Animal Magnetism», p. 128.
[5]) Eyre, «Australia», vol. II, p. 361; Collins, «New South Wales», vol. I, pp. 561, 594.
[6]) Shortt, въ «Tr. Eth. Soc.», vol. VI, p. 278.
[7]) Bastian, «Mensch», vol. III, p. 117.

Греческая исторія указываетъ на такую же идею, когда граждане Эфеса протягивали веревку почти въ 700 саженъ длиною, отъ стѣнъ города къ храму Артемиды, чтобы отдать себя подъ ея покровительство отъ нападеній Креза. Эта идея выступаетъ въ еще болѣе удивительномъ разсказѣ о килонійцахъ, которые привязали къ статуѣ богини веревку, когда покидали священное убѣжище, и для безопасности держались за эту веревку, пока переходили черезъ неосвященную землю; но, къ ихъ злополучію, веревка оборвалась, и они безжалостно были преданы смерти [1]). И въ наше время буддистскіе жрецы въ торжественной церемоніи связываютъ себя съ священными предметами, держа, каждый, длинную нить, прикрѣпленную около этихъ предметовъ и вокругъ храма [2]).

Волшебныхъ искусствъ, построенныхъ на простой аналогической или символической связи, было, въ продолженіе хода цивилизаціи, безконечное множество. Ихъ общую теорію легко можно вывести изъ немногихъ типическихъ примѣровъ, и отсюда смѣло прилагать ее къ общей массѣ. Австралійцы наблюдаютъ слѣдъ насѣкомаго около могилы, чтобы увѣриться въ направленіи, по какому можно найти колдуна, отъ колдовства котораго человѣкъ умеръ [3]). Зулусъ жуетъ кусокъ дерева, чтобы этимъ символическимъ дѣйствіемъ смягчить сердце человѣка, у котораго ему нужно купить быковъ, или сердце женщины, которую онъ желаетъ имѣть женой [4]). Оби Восточной Африки завязываетъ въ узелокъ могильный прахъ, кровь и кости, чтобы это поучительное представленіе смерти могло свести его врага въ могилу [5]). Кондъ втыкаетъ въ корзину съ рисомъ желѣзную стрѣлу бога войны, и если она стоитъ прямо, онъ думаетъ, что война должна продолжаться; если же она падаетъ, то и столкновеніе можетъ также окончиться. Когда онъ мучитъ человѣческія жертвы, посвященныя богинѣ Землѣ, онъ радуется, если видитъ, что онѣ проливаютъ изобильныя слезы: это означаетъ обильные дожди, которые выпадутъ на его землю [6]). Это—яркіе примѣры символической магіи низшихъ расъ, но съ ними могутъ вполнѣ соперничать суевѣрія, которыя еще держатся въ Европѣ. Германскій крестьянинъ съ удивительнымъ простодушіемъ увѣряетъ, что если собака воетъ, глядя въ землю, это предвѣщаетъ смерть; если же она смотритъ вверхъ,—то выздоровленіе отъ болѣзни [7]). Въ домѣ умирающаго должно отперетъ

[1]) См. Grote. vol. III, pp. 113, 351.
[2]) Hardy, «Eastern Monachism», p. 241.
[3]) Oldfield, въ «Tr. Eth. Soc.», vol. III, p. 246.
[4]) Grout, «Zulu-land», p. 134.
[5]) См. образчикъ и описаніе въ Christy Museum.
[6]) Macpherson, «India», pp. 130, 363.
[7]) Wuttke, «Volksaberglaube», p. 31.

замки и отодвинуть задвижки, чтобы не задержать его души [1]). Гессенскій парень думаетъ, что онъ можетъ избавиться отъ рекрутства, если будетъ носить въ карманѣ шапочку дѣвочки,—символическій способъ отогнать возмужалость [2]). Новѣйшіе сербы съ танцами и пѣніемъ водятъ маленькую дѣвочку, убранную листьями и цвѣтами, и выливаютъ на нее чашки воды, чтобы вызвать дождь [3]). Моряки при штилѣ иногда высвистываютъ вѣтеръ; но при другой погодѣ они не любятъ въ морѣ свиста, который поднимаетъ свистящій вѣтеръ [4]). Рыбу должно ѣсть отъ хвоста къ головѣ, говоритъ житель Корнваллиса, чтобы привести головы другихъ рыбъ къ берегу, потому что если ихъ ѣсть неправильнымъ способомъ, то рыба поворачиваетъ отъ берега [5]). Тотъ, кто обрѣзался ножемъ, долженъ вытереть его жиромъ, и пока ножъ высыхаетъ, рана заживетъ. Это—уцѣлѣвшее переживаніе отъ тѣхъ временъ, когда въ фармакопеѣ можно было находить рецепты симпатическихъ мазей [6]). Какъ ни странны эти понятія, надо помнить, что они явились естественно, по опредѣленному умственному закону, завися отъ принципа ассоціаціи идей, умственное дѣйствіе которой мы можемъ вполнѣ понять, хотя и отрицаемъ ея практическіе результаты. Въ доказательство того, можно снова обратиться къ проницательному лорду Честерфильду, слишкомъ умному, чтобы понимать глупость. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ разсказываетъ, что король былъ боленъ, и что народъ вообще ожидалъ дурного исхода болѣзни, потому что самый старый левъ въ Тоуэрѣ, почти ровесникъ короля, только что умеръ. „Такъ дикъ и причудливъ человѣческій умъ“, восклицаетъ онъ, въ видѣ поясненія. Но, конечно, эта мысль не была ни дикой, ни причудливой; она просто была однимъ изъ аргументовъ по аналогіи, невѣрность которыхъ образованный міръ только съ большимъ трудомъ, наконецъ, научился понимать, но которые—этимъ не будетъ сказано слишкомъ много—и до настоящаго времени удерживаютъ за собою значительный вѣсъ въ глазахъ четырехъ-пятыхъ человѣческаго рода.

Взглядъ на тѣ волшебныя искусства, которыя были систематизированы въ мнимыя науки, показываетъ тотъ же основной принципъ. Искусство гаданія и предвѣщанія по встрѣчамъ съ животными знакомо та-

[1]) R. Hunt, «Pop. Rom. of W. of England», 2-nd ser. p. 165; Brand, «Pop. Ant.», vol. II, p. 231.
[2]) Wuttke, p. 100.
[3]) Grimm, «D. M.», p. 560.
[4]) Brand, vol. III, p. 240.
[5]) Hunt, ibid. p. 148.
[6]) Wuttke, p. 165; Brand, vol. III, p. 305.

кимъ племенамъ, какъ туписы въ Бразиліи [1]) и дайяки на Борнео [2]), и распространяется выше черезъ классическую цивилизацію. Маорисы могутъ дать образчикъ правилъ этого предвѣщанія: они считаютъ несчастнымъ признакомъ, если во время совѣщанія кричитъ сова; но военный совѣтъ ободряется надеждой на побѣду, когда надъ головами пролетитъ ястребъ; полетъ птицъ вправо отъ военной жертвы благопріятенъ, если деревни племени находятся въ этой сторонѣ, но если предзнаменованіе идетъ въ сторону непріятеля, война будетъ проиграна [3]). Если сравнить это съ воззрѣніями татаръ, то ясно, что въ источникѣ тѣхъ и другихъ лежитъ одинаковая мысль. Здѣсь крикъ совы нѣкоторой мелкой породы представляется звукомъ ужаса, хотя есть бѣлая сова, которая приноситъ счастье; но изъ всѣхъ птицъ самая пророческая—бѣлый соколъ: калмыкъ кланяется и благодаритъ за доброе предзнаменованіе, когда соколъ летитъ отъ него вправо, но, видя его на лѣвой сторонѣ, отворачивается и ожидаетъ бѣдствія [4]). Точно также для негровъ Стараго Калабара крикъ большого зимородка предвѣщаетъ добро или зло, смотря по тому, справа или слѣва онъ слышенъ [5]). Здѣсь мы имѣемъ очевидный символизмъ правой и лѣвой руки, предсказаніе бѣды отъ унылаго крика совы и ожиданіе побѣды отъ стремительнаго полета ястреба,—мысль, которая въ Старой Европѣ сдѣлала хищную птицу для воиновъ предзнаменованіемъ побѣды. Такое же значеніе оказывается въ „Angang“, предзнаменованіяхъ, которыя берутся изъ встрѣчъ животныхъ и людей, особенно при первомъ выходѣ, утромъ, какъ, напр., древніе славяне считали встрѣчу съ больнымъ или съ старухой предвѣстіемъ плохой удачи. Всякій, кто возьметъ на себя трудъ войти въ подробности этого предмета и изучить классическіе, средневѣковые и восточные кодексы относящихся сюда правилъ, найдетъ, что принципъ прямого символизма все еще можетъ объяснить бóльшую часть этихъ правилъ. Остальные могли потерять свое прежнее значеніе, или могли въ началѣ произойти отъ какихъ-нибудь другихъ причинъ, или же могли быть придуманы произвольно (какъ это необходимо должно быть въ значительной части такихъ выдумокъ), чтобы наполнить пробѣлы системы. Для насъ еще понятно, почему предзнаменованіе крика вороны должно быть различнымъ съ правой и съ лѣвой стороны, почему коршунъ означаетъ хищничество, аистъ—согласіе, пеликанъ—благотворе-

¹) Magalhanes de Gandavo, p. 125; D'Orbigny, vol. II, p. 168.
²) St. John, «Far East», vol. I, p. 202; «Journ. Ind. Archip.», vol. II, p. 357.
³) Yate, «New Zealand», p. 90; Polack, vol. I, p. 248.
⁴) Klemm, «Cultur-Gesch.», vol. III, p. 202.
⁵) Burton, «Wit and Wisdom from West Africa», p. 381.

ніе, оселъ—трудолюбіе, почему свирѣпый притѣснитель, волкъ, можетъ быть добрымъ предзнаменованіемъ, а робкій заяцъ—дурнымъ, почему пчелы, типъ покорнаго народа, могутъ быть благопріятны для короля, а мухи, которыя снова прилетаютъ, сколько бы ихъ ни гнали, могутъ быть знаками докучливости и наглости [1]). Что же касается до общаго принципа, что животныя могутъ быть предзнаменованіемъ для тѣхъ, кто съ ними встрѣчается, то германскій крестьянинъ, который говоритъ, что встрѣча со стадомъ овецъ есть предзнаменованіе благопріятное, а со стадомъ свиней — неблагопріятное, и корнваллійскій рудокопъ, который отворачивается съ ужасомъ, если встрѣтитъ на дорогѣ въ шахту старуху или кролика, держатся и до сей поры остатковъ древняго дикаго состоянія, столь же неподдѣльныхъ, какъ и каменное орудіе, вырытое изъ кургана.

Ученіе о снахъ, которые приписываются низшими и средними племенами вмѣшательству духовъ, скорѣе относится къ религіи, чѣмъ къ магіи. Здѣсь имѣетъ мѣсто снотолкованіе, искусство извлекать предвѣщанія изъ сновъ, объясняя ихъ какъ сверхъестественныя явленія. Нельзя выбрать лучшихъ типовъ основного принципа подобныхъ мистическихъ объясненій, какъ подробности и толкованія сновъ Іосифа (Быт. XXXVII, XL, XLI) о снопахъ, о солнцѣ, лунѣ и одиннадцати звѣздахъ, о винѣ и корзинѣ съ хлѣбами, о тощихъ и жирныхъ коровахъ, о пустыхъ и полныхъ колосьяхъ. Снотолкованіе, дающее такое символическое объясненіе видѣнному во снѣ, извѣстно и низшимъ племенамъ. Разсказываютъ, что цѣлое австралійское племя, переселилось вслѣдствіе того, что одинъ изъ числа ихъ увидѣлъ во снѣ извѣстной породы сову, и ихъ мудрецы объяснили, что этотъ сонъ предвѣщаетъ нападеніе другого племени [2]). Камчадалы, придающіе большое значеніе снамъ, нѣкоторымъ изъ нихъ приписываютъ спеціальное значеніе; такъ, увидѣть во снѣ вошь или собакъ означаетъ посѣщеніе русскаго путника и проч. [3]). Зулусы, узнавъ изъ опыта, насколько ошибочно ожидать прямого исполненія сновъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ старались поправить дѣло, бросившись въ другую крайность. Если они видятъ во снѣ больного умершимъ, видятъ землю, бросаемую въ могилу, слышатъ похоронный плачъ и видятъ всѣ его вещи въ безпорядкѣ, тогда они говорятъ: „мы видѣли его смерть во снѣ, стало быть онъ не умретъ“.

¹) См. Cornelius Agrippa, «De Occulta Philosophia», I, 53; «De Vanitate Scient.», 37; Grimm, «D. M.», p. 1073; Hanusch, «Slaw. Myth.» p. 285; Brand, vol. III, pp. 184—227.
²) Oldfield, въ «Tr. Eth. Soc.», v. III, p. 241.
³) Steller, «Kamtschatka», p. 279.

Если же они видятъ во снѣ свадебные танцы, это признакъ похоронъ [1]). Маорисы также думаютъ, что видѣть во снѣ родственника умирающимъ означаетъ его выздоровленіе, а видѣть его здоровымъ—есть для него предвѣстіе смерти. Такимъ образомъ, обѣ названныя расы, слѣдуя тому же извращенному логическому пути, какого держались наши предки, выработали аксіому, будто „сны всегда говорятъ противное". Просматривая длинные списки правилъ классическаго, восточнаго и новѣйшаго народнаго снотолкованія, нельзя надѣяться открыть первоначальный смыслъ всѣхъ ихъ варіацій. Многія изъ нихъ должны вертѣться на намекахъ, понятныхъ въ свое время, но темныхъ теперь. Магометанское толкованіе сна о яйцахъ, какъ относящагося къ женщинамъ, потому что женщины, по изреченію Магомета, уподобляются яйцу, укрытому въ гнѣздѣ, можетъ служить образчикомъ того, какъ правила снотолкованія могутъ вертѣться на отдаленныхъ идеяхъ, которыхъ нѣтъ возможности выяснить, если только случайно не сохранился ключъ къ нимъ. Многія правила, повидимому, приняты были на удачу, чтобы дополнить списки предзнаменованій и подходящихъ къ нимъ совпаденій. Почему видѣть во снѣ жареное мясо означаетъ, что видѣвшій это будетъ клеветникомъ, или почему смѣхъ во снѣ предвѣщаетъ трудныя обстоятельства, или игра на фортепіано означаетъ смерть родственника? Но гораздо замѣчательнѣе другая сторона дѣла, очевидно, нелѣпая логика многихъ снотолкованій. Можно только думать, что тотъ символизмъ, который лежитъ въ основаніи всего заблужденія, благопріятствовалъ сохраненію и новому составленію такихъ правилъ, которыя представляли видимый смыслъ. Возьмемъ магометанское убѣжденіе, что видѣть во снѣ что-нибудь бѣлое, зеленое или воду есть хорошее предзнаменованіе; видѣть черное, красное или огонь — дурное; что пальма означаетъ араба, павлинъ—короля; что тотъ, кто во снѣ ѣстъ звѣзды, будетъ пользоваться столомъ какого-нибудь важнаго человѣка. Возьмемъ классическія правила, какія заключаются въ „Oneirocritica" (Снотолкованіе) Артемидора, и пройдемъ чрезъ средневѣковые трактаты до тѣхъ сонниковъ, какіе еще покупаются служанками въ грошевыхъ книжныхъ лавкахъ на ярмаркахъ; мы увидимъ, что древнія правила еще сохраняются въ значительной степени, и что половина всей массы этихъ правилъ еще выказываетъ свое первоначальное мистическое значеніе, большею частью, прямое, а иногда по правилу обратнаго толкованія. Дурной запахъ означаетъ непріятность; мыть руки означаетъ избавленіе отъ безпокойства; обнимать кого-нибудь изъ са-

[1]) Callaway, «Religion of Amazulu», pp. 236, 241; R. Taylor, «N. Z.» p. 334.

мыхъ любимыхъ — очень счастливое предзнаменованіе; отнятыя ноги означаютъ путешествіе; плакать во снѣ есть признакъ радости; потерять во снѣ зубъ значитъ потерять друга; тотъ, кто видѣлъ во снѣ, что у него вынули ребро, вскорѣ увидитъ смерть своей жены; гоняться за пчелами означаетъ прибыль; женитьба во снѣ означаетъ, что умеръ кто-нибудь изъ родныхъ; кто видитъ много куръ вмѣстѣ, тотъ будетъ ревнивъ и ворчливъ; тотъ, кого преслѣдуетъ змѣя, долженъ остерегаться злыхъ женщинъ; видѣть во снѣ смерть, предвѣщаетъ счастіе и долгую жизнь; плавать и ходить по водѣ вбродъ — хорошо, лишь бы голова была надъ водой; идти во снѣ черезъ мостъ означаетъ, что вы оставите хорошее положеніе, чтобы искать лучшаго; видѣть во снѣ дракона означаетъ, что вы увидите важнаго господина, вашего начальника или какого-нибудь чиновника [1]).

Аруспикація (гаданіе по внутренностямъ) принадлежитъ изъ низшихъ племенъ преимущественно малайцамъ и полинезійцамъ [2]) и различнымъ азіатскимъ племенамъ [3]). Употребленіе ея упоминается въ Перу, при инкахъ [4]). Разсказъ капитана Бертона о Центральной Африкѣ, повидимому, вполнѣ выясняетъ ея символическій принципъ. Онъ описываетъ mganga, или колдуна, который узнаетъ судъ божій, убивая и разрывая курицу и разсматривая ея внутренности: если около крыльевъ оказывается чернота или поврежденіе, это предвѣщаетъ измѣну дѣтей или родственниковъ; такимъ же образомъ, спинная кость изобличаетъ въ преступности мать или бабку, хвостъ указываетъ виновность жены и пр. [5]). Въ древнемъ Римѣ, гдѣ это искусство занимало такое важное мѣсто въ общественныхъ дѣлахъ, употреблялся тотъ же способъ толкованія, какъ свидѣтельствуетъ предвѣщаніе объ Августѣ, когда печень жертвъ найдена была сложенною вдвое, и согласно съ этимъ гадатели предсказали ему двойную власть [6]). Съ того времени аруспикація исчезла изъ употребленія въ большей степени, чѣмъ всѣ другіе волшебные пріемы; однако, даже и теперь можно указать характеристическій остатокъ ея въ Бранденбургѣ: когда убиваютъ

[1]) Artemidorus, «Oneirocritica»; Cockayne, «Leechdoms», etc. of Early England», vol. III; Seafield, «Literature etc. of Dreams»; Brand, vol. III; Halliwell, «Pop. Rhymes», etc. p. 217, и пр. и пр.
[2]) St. John, «Far East», vol. I, pp. 74, 115; Ellis, «Polyn. Res.», vol. IV, p. 150; Polack, «New Zealanders», vol. I, p. 255.
[3]) Georgi, «Reise im Russ. Reich», vol. I, p. 281; Hooker, «Himalayan Journals», vol. I, p. 135; «As. Res.», vol. III, p. 27; «Descr. Eth.», vol. I, p. 61.
[4]) Cieza de Leon, p. 289; Rivero and Tschudi, «Peru», p. 183.
[5]) Burton, «Central Africa», vol. II, p. 32; Waitz, vol. II, p. 417, 518.
[6]) Plin. XI. 73. См. Cic. de Divinatione, II. 12.

свинью и находятъ у ней селезенку перевернутою, то долженъ случиться и другой переворотъ, именно смерть въ этомъ семействѣ, въ томъ же году [1]). Рядомъ съ аруспикаціей можно поставить искусство гаданія на костяхъ, когда, напр., сѣверо-американскіе индѣйцы кладутъ на огонь извѣстную плоскую кость дикобраза и, по цвѣту ея, судятъ, будетъ ли успѣшна охота на дикобраза [2]). Главное искусство этого рода есть гаданье по кости лопатки, технически называемое скапулимантіей, или омоплатоскопіей. Оно особенно въ ходу въ Татаріи, гдѣ существуетъ съ древнихъ временъ, и откуда, быть можетъ, распространилось во всѣ другія страны, гдѣ упоминается о немъ. Простой символизмъ этого гаданія хорошо виденъ изъ обстоятельнаго разсказа Палласа, съ чертежами. Кость лопатки держится на огнѣ, пока она не растрескается по различнымъ направленіямъ, и затѣмъ длинная трещина вдоль кости считается „путемъ жизни", а поперечныя трещины въ правую и лѣвую стороны означаютъ различные роды и степени хорошей или дурной судьбы. Если предвѣщаніе требуется только относительно какого-нибудь опредѣленнаго событія, продольныя трещины означаютъ хорошій исходъ дѣла, а поперечныя — препятствія; бѣлыя отмѣтки предвѣщаютъ много снѣга, черныя — умѣренный вѣтеръ, и пр. [3]). Чтобы отыскать это оригинальное искусство въ новѣйшее время въ Европѣ, едва ли можно найдти лучшее мѣсто, чѣмъ Англія; собственно англійское выраженіе для него есть „reading the speal-bone" (speal = espaul) (читать по лопаточной кости). Въ Ирландіи Кэмденъ описываетъ гаданіе, когда смотрятъ сквозь лопаточную кость барана, чтобы отыскать темное пятно, которое предсказываетъ смерть, а Дрэйтонъ, въ своемъ Polyolbion, такимъ образомъ воспѣваетъ это искусство:

„By th'shoulder of a ram from off the right side par'd,
Which usually they boile, the spade-bone being bar'd,
Which when the wizard takes, and gazing therupon
Things long to come foreshowes, as things done long agone" [4]).

[1]) Wuttke, «Volksaberglaube», p. 32.
[2]) Le Jeune, «Nouvelle France», vol. I, p. 90.
[3]) J. H. Plath, «Rel. d. alten. Chinesen», part I, p. 89; Klemm, «Cultur-Gesch.», vol. III, p. 109, 199; vol. IV, p. 221; Rubruquis въ Pinkerton, vol. VII, p. 65; Grimm, «D. M.», p. 1067; R. F. Burton, «Sindh», p. 189; M. A. Walker, «Macedonia», p. 169.
[4]) Посредствомъ плеча барана, отдѣленнаго отъ правой стороны,
Которое они обыкновенно варятъ, обнажая при этомъ кость лопатки;
Когда колдунъ беретъ ее и смотритъ на нее,
Онъ предвидитъ вещи, которыя должны случиться въ далекомъ будущемъ,
также какъ и вещи давно прошедшія.
Brand, vol. III, p. 339; Forbes Leslie, vol. II, p. 491.

Хиромантія, или пальмистрія (гаданіе по ладони), повидимому, очень сходна съ этимъ, хотя смѣшивается также и съ астрологіей. Она процвѣтала въ древней Греціи и Италіи и еще процвѣтаетъ въ Индіи, гдѣ слова „это написано на ладоняхъ моихъ рукъ" есть обыкновенный способъ для выраженія неизбѣжности судьбы. Хиромантія слѣдитъ по чертамъ ладони линію счастія и линію жизни, находитъ причину несчастія въ пересѣченіяхъ линій на сатурновой горкѣ, предвѣщаетъ печаль и смерть по чернымъ пятнамъ на ногтяхъ и, наконецъ, истощивъ средства этого ребяческаго символизма, дополняетъ его систему такими подробностями, нелѣпость которыхъ не уменьшается даже и какимъ-либо идеальнымъ значеніемъ. Это искусство имѣетъ своихъ новѣйшихъ почитателей не въ однихъ только цыганахъ, предсказывателяхъ счастья, но и въ средѣ такъ называемаго „хорошаго общества" [1]).

Такимъ образомъ, въ волшебныхъ искусствахъ часто обнаруживается въ извѣстной степени прямая очевидность ассоціаціи идей. Такъ, когда ново-зеландскій колдунъ отыскиваетъ предзнаменованія изъ того, какъ падаютъ его гадательныя палочки (управляемыя духами), онъ совершенно естественно считаетъ хорошимъ предзнаменованіемъ, когда палочка, представляющая его собственное племя, падаетъ на верхній конецъ той палочки, которая представляетъ непріятеля, и наоборотъ. Зулусскіе колдуны продолжаютъ производить подобныя упражненія съ своими волшебными палочками, которыя, держась прямо, выражаютъ утвердительный отвѣтъ, а для отрицательнаго падаютъ, прыгая на голову, животъ или другую пораженную часть тѣла больного, чтобы показать, гдѣ находится его болѣзнь, и ложатся по направленію къ дому того врача, который можетъ вылѣчить его. Точно также, когда подобное искусство въ давнее время примѣнялось въ Старомъ Свѣтѣ, отвѣты давались прутиками, которые (дѣйствіемъ демоновъ) падали впередъ или назадъ, вправо или влѣво [2]). Но когда пріемы подобнаго рода развиваются и усложняются, тогда система, естественно, должна пополняться болѣе произвольными приспособленіями. Это ясно обнаруживается въ одномъ изъ гадательныхъ искусствъ, упомянутыхъ въ послѣдней главѣ, по ихъ связи съ азартными играми. Въ картомантіи, гаданіи по картамъ, оказывается нѣчто въ родѣ своеобразнаго смысла

[1]) Maury, «Magie, etc.», p. 74; Brand, vol III, p. 348 и пр. См. рисунокъ у Корнел. Агриппы, «De Occult. Philosoph.», II. 27.
[2]) R. Taylor, «New Zealand», p. 205; Shortland, p. 139; Callaway, «Religion of Amazulu», p. 330 и пр. Theophylact у Brand, vol. III, p. 332. Срав. упоминанія о подобныхъ вещахъ: Herodot. IV. 67 (Scythia); Burton, «Central Africa», vol. II. p. 350.

въ нѣкоторыхъ правилахъ, какъ, напр., въ томъ, что двѣ дамы означаютъ дружбу, а четыре—сплетни, или что червонный валетъ предвѣщаетъ, что въ семействѣ появится смѣлый молодой человѣкъ, который будетъ полезенъ, если это предположеніе не будетъ разрушено тѣмъ, что его карта выпадетъ не вверху, а внизу. Но колода картъ, разумѣется, даетъ только ограниченное число такихъ сравнительно разумныхъ толкованій, а остальное должно быть предоставлено такимъ произвольнымъ выдумкамъ, какъ, напр., то, что семерка бубенъ означаетъ выигрышъ въ лотерею, а девятка той же масти—неожиданное путешествіе [1]).

Замѣчательная группа гадательныхъ орудій выясняетъ другой принципъ. Въ Юго-восточной Азіи карены-сгау во время погребальныхъ торжествъ вѣшаютъ на ниткѣ браслетъ или металлическое кольцо надъ мѣдной чашей, къ которой подходятъ одинъ за другимъ родственники умершаго и ударяютъ по краю чаши кускомъ бамбука; когда до чаши дотрогивается самый любимый родственникъ умершаго, духъ послѣдняго отвѣчаетъ закручиваніемъ и растягиваніемъ шнурка, пока тотъ не оборвется и кольцо не упадетъ въ чашу, или, по крайней мѣрѣ, не ударится объ нее [2]). Ближе къ Внутренней Азіи, въ сѣверовосточномъ углу Индіи, у племенъ Бодо и Дгималь, заклинатель долженъ узнать, какое божество вошло въ тѣло больного, съ цѣлью наказать его болѣзнью за какой-нибудь нечестивый поступокъ; чтобы узнать это, онъ раскладываетъ на землѣ, вокругъ больного, тринадцать листьевъ, которые должны представлять боговъ, и держитъ маятникъ, привязанный шнуркомъ къ большому пальцу; богъ, до котораго касается дѣло, убѣжденный призываніями заклинателя открыть себя, заставляетъ маятникъ качаться по направленію представляющаго его листа [3]). Эти мистическія искусства (оставляя въ сторонѣ вопросъ, какимъ образомъ эти племена научились ихъ употребленію) составляютъ грубыя формы классической дактиліомантіи, о которой мы находимъ любопытное извѣстіе въ процессѣ заговорщиковъ Патриція и Гиларія, хотѣвшихъ этимъ способомъ узнать, кто долженъ былъ замѣстить императора Валента. По краямъ круглаго стола разставлены были буквы алфавита, и съ молитвой и мистическими обрядами надъ нимъ привѣшивали кольцо на ниткѣ; качаніе или остановка кольца передъ извѣстными буквами давали отвѣтныя слова оракула [4]). Дак-

[1]) Migne's, «Dic. des Sc. Occ.».
[2]) Mason, «Karens», въ «Journ. As. Soc. Bengal», 1865, part. II, p. 200; Bastian, «Oestl. Asien», vol. I, p. 146.
[3]) Hodgson, «Abor. of India», p. 170. См. Macpherson, p. 106 (Khonds).
[4]) Ammian. Marcellin, XXIX. I.

тиліомантія упала въ Европѣ до искусства узнавать который часъ; для этого держали въ рукѣ шнурокъ съ привязаннымъ къ нему кольцомъ, висѣвшимъ внутри стакана, пока оно, безъ сознательной помощи дѣйствующаго лица, начинало качаться и било часы. Отецъ Шоттъ, въ своей „Physica Curiosa“ (1662) съ похвальной осторожностью остерегаетъ приписывать всѣ эти явленія исключительно вліянію демоновъ. Искусство это сохранилось у насъ, какъ переживаніе, въ дѣтской игрѣ, и хотя мы вовсе „не заклинатели,“ но можемъ научиться коечему отъ маленькаго инструмента, который замѣчательно обнаруживаетъ дѣйствія самаго нечувствительнаго движенія. На дѣлѣ, дѣйствующее лицо даетъ ему слабые толчки, пока они не приведутъ къ значительному колебанію, какъ при раскачиваніи церковнаго колокола легкими, но равномѣрными толчками. Въ томъ, что колебанія, хотя и безсознательно, производятся и направляются лицомъ, производящимъ опытъ, мы убѣждаемся тѣмъ, что если оно будетъ дѣлать это съ закрытыми глазами, опытъ не удастся, такъ какъ направляющая сила будетъ потеряна. Дѣйствія знаменитаго гадательнаго жезла съ его курьезной вращательной способностью въ присутствіи воды, руды, кладовъ или воровъ, принадлежатъ отчасти ловкому обману, отчасти болѣе или менѣе сознательному управленію у болѣе честныхъ практиковъ. Такой жезлъ еще употребляется на континентѣ Европы, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его умѣютъ спрятать въ одеждѣ новорожденнаго, и такимъ образомъ окрестить его для большей дѣйствительности [1]). Чтобы заключить эту группу гадательныхъ орудій, нужно упомянуть еще объ одномъ изъ нихъ, дѣйствіе котораго опредѣляется также случаемъ или управленіемъ практика; это одна изъ самыхъ обыкновенныхъ классическихъ и средневѣковыхъ ордалій, такъ называемая, косциномантія или, какъ описывается въ Гудибрасѣ, „оракулъ рѣшета и ножницъ, который вертится такъ же вѣрно, какъ сферы.“ Рѣшето виситъ, привязанное на шнуркѣ или на остріяхъ ножницъ, воткнутыхъ въ его края, и можетъ повертываться кругомъ, покачиваться или падать при имени вора, и дѣлать подобные знаки для другихъ цѣлей. Христіанскій Судъ Божій, по Библіи и ключу, все еще не рѣдко употребляемый, есть варіантъ этого древняго обряда: самое лучшее средство открыть вора по этому способу—читать такимъ образомъ 49-й псаломъ,

[1]) Chevreul, «De la Baguette Divinatoire, du Pendule dit Explorateur, et des Tables Tournantes», Paris, 1854; Brand, vol. III, p. 332; Grimm, «D. M.», p. 926; H. B. Woodward въ Geological Mag., Nov. 1872; Wuttke, «Volksaberglaube», p. 94.

*

и когда читается стихъ: „Видя вора, соглашаешься съ нимъ“, этотъ аппаратъ повернется къ виновному [1]).

Графъ де-Местръ, съ своей обычной способностью пользоваться аргументами съ фальшивой стороны, говоритъ, что судебная астрологія, безъ сомнѣнія, связана съ первоклассными истинами, которыя у насъ были отвергнуты, какъ безполезныя или опасныя, или которыхъ мы не можемъ узнать подъ ихъ новой формой [2]). Здравое обсужденіе предмета скорѣе оправдываетъ противоположное мнѣніе, именно, что астрологія основывается на заблужденіи перваго разряда, гдѣ идеальная аналогія ошибочно принимается за дѣйствительную связь. Астрологія, по чрезвычайности ея превратнаго вліянія на человѣчество, и потому, что она еще въ сравнительно позднее время оставалась важной вѣтвью философіи, имѣетъ право на самое высокое мѣсто среди тайныхъ наукъ. Она едва ли принадлежитъ очень низкимъ уровнямъ цивилизаціи, хотя одно изъ ея основныхъ положеній о душахъ, или одушевляющемъ разумѣ, небесныхъ тѣлъ коренится въ глубинахъ дикой жизни. Однако, слѣдующій образчикъ астрологическаго сужденія маорисовъ представляетъ такой же дѣйствительный аргументъ, какой можно бы найти у Парацельса или Агриппы, и нѣтъ основанія сомнѣваться, что оно было роднымъ произведеніемъ этой страны. Если, во время осады Ново-зеландскаго „па“, Венера находится близъ луны, туземцы естественно представляютъ себѣ обѣихъ, какъ непріятеля и крѣпость; если планета стоитъ выше, значитъ врагъ возьметъ верхъ; если ниже, тогда обитатели страны будутъ въ состояніи справиться съ врагомъ [3]). Хотя древняя исторія астрологіи темна, но ея значительное развитіе и обработанная систематизація, безъ сомнѣнія, были дѣломъ цивилизованныхъ народовъ древняго и средневѣкового міра. Можно предполагать, что большая часть ея законовъ потеряли свое логическое значеніе, или никогда его не имѣли, но происхожденіе многихъ другихъ еще до сихъ поръ очевидно. Они въ значительной степени основываются на прямомъ символизмѣ. Таковы законы, связывающія солнце съ золотомъ, геліотропомъ и піономъ, съ пѣтухомъ, который возвѣщаетъ день, съ великодушными животными, каковы левъ и быкъ; а мѣсяцъ—съ серебромъ, съ измѣнчивымъ хамелеономъ, съ пальмой, о которой думали, что она каждый мѣсяцъ даетъ новые отпрыски. Прямой символизмъ очевиденъ въ главномъ принципѣ вычисленія гороскоповъ, въ понятіи объ „асцендентѣ“ въ гороскопѣ, по которому часть неба на востокѣ въ минуту рожденія ребенка считается имѣющею съ нимъ соотношеніе и пророческою для его послѣдующей жизни [1]). Существуетъ старинный разсказъ, что однажды, когда два брата заболѣли оба въ одно время, врачъ Гиппократъ заключилъ изъ этого совпаденія, что они были двойни, но астрологъ Посейдоній разсуждалъ, что скорѣе они рождены оба подъ однимъ созвѣздіемъ: мы можемъ прибавить, что и тотъ, и другой аргументъ могъ бы показаться дикарю разумнымъ. Одно изъ самыхъ любопытныхъ астрологическихъ ученій, сохранившее свое мѣсто и въ новѣйшей народной философіи, есть ученіе о симпатіи между ростомъ и упадкомъ въ природѣ съ прибылью и убылью луны. Въ числѣ классическихъ предписаній мы находимъ слѣдующія: класть яйца подъ насѣдку въ новолуніе, а деревья сажать, когда мѣсяцъ идетъ на ущербъ, и послѣ полудня. Литовское правило отнимать отъ груди мальчиковъ во время прибыли луны, а дѣвочекъ въ ущербъ, безъ сомнѣнія, для того, чтобы сдѣлать мальчиковъ крѣпкими, а дѣвочекъ нѣжными и деликатными,—совершенно подходитъ къ тому, что оркнейскіе островитяне сопротивляются бракамъ въ другое время, кромѣ прибыли луны, а другіе желаютъ даже, чтобы они происходили во время прилива. Слѣдующія строки изъ „Five Hundred Points of Husbandry“ Тёссера показываютъ въ одномъ примѣрѣ два противоположныхъ лунныхъ вліянія:

„Sowe peason and beans in the wane of the moone
Who soweth them sooner, he soweth too soone:
That they, with the planet, may rest and rise,
And flourish with bearing, most plentiful wise“ [2]).

Мнѣніе, что погода измѣняется вмѣстѣ съ четвертями луны, и до сихъ поръ крѣпко держится въ Англіи. Метеорологи, которые со всѣмъ усердіемъ ловятъ всякое указаніе, вообще отвѣчающее фактамъ, совершенно отвергаютъ это правило, и, повидимому, оно дѣйствительно составляетъ только положеніе народной астрологіи. Какъ ростъ и увяданіе растеній связывали съ прибылью и убылью луны, точно такъ же и

---

[1]) Corn. Agrippa, De Speciebus Magiae» XXI; Brand, vol. III, p. 351; Grimm, «D. M.» p. 1062.
[2]) De Maistre, «Soirées de St.-Petersbourg», vol. II, p. 212.
[3]) Shortland, «Trads., etc. of New-Zealand», p. 138.

[1]) См. Cicero De Div. I; Lucian De Astrolog.; Cornelius Agrippa «De Occulta Philosophia»; Sibly, «Occult Sciences»; Brand, vol. III.
[2]) «Сѣйте горохъ и бобы во время ущерба луны,
Кто сѣетъ ихъ раньше, сѣетъ слишкомъ рано:
Они, вмѣстѣ съ планетой, должны отдыхать и подниматься
И цвѣсти самымъ изобильнымъ образомъ».
Plin. XVI. 75: XVIII. 75; Grimm, «D. M.» p. 676; Brand, vol. II, p. 169, vol. III, p. 144.

перемѣны погоды стали связывать съ лунными фазами, тогда какъ, по разсужденіямъ астрологовъ, совершенно все равно—была ли перемѣна луны дѣйствительною, въ новолуніе или полнолуніе, или воображаемою, въ промежуточныя четверти. Фактъ, что образованные люди, для которыхъ доступны точныя метеорологическія таблицы, еще удовлетворяются воображаемымъ луннымъ закономъ, составляетъ интересный случай переживанія въ умственной области.

Въ случаяхъ, подобныхъ этимъ, для астролога все-таки является дѣйствительная аналогія, хотя бы и обманчивая, которую онъ можетъ взять въ основаніе своего закона. Но бо́льшая часть его мнимой науки основана, повидимому, на еще болѣе несостоятельныхъ и произвольныхъ аналогіяхъ не вещей, а названій. Названія звѣздъ и созвѣздій, знаковъ, обозначающихъ области неба и періоды дней и годовъ, какъ бы они ни были произвольны, составляютъ для астролога матеріалъ, который онъ можетъ разработывать и приводить въ идеальную связь съ житейскими событіями. Довольно было астрономамъ подраздѣлить путь солнца воображаемыми знаками зодіака, чтобы изъ этого возникли астрологическіе законы, по которымъ эти небесные знаки имѣютъ дѣйствительное вліяніе на настоящихъ земныхъ овновъ, тельцовъ, раковъ, львовъ, дѣвъ. Ребенокъ, рожденный подъ знакомъ Льва, будетъ мужественнымъ; а тотъ, который рожденъ подъ знакомъ Рака, не далеко пойдетъ въ жизни; рожденный подъ Водолеемъ, вѣроятно, долженъ утонуть, и такъ далѣе. Около 1524 Европа ожидала, въ молитвѣ и страхѣ, второго потопа, который, по предсказаніямъ, долженъ былъ произойти въ февралѣ этого года. Когда роковой мѣсяцъ приблизился, жители береговъ двинулись толпами на горы, и нѣкоторые изъ нихъ, чтобы спастись отъ воды, запаслись лодками, а президентъ Оріаль, въ Тулузѣ, построилъ себѣ Ноевъ ковчегъ. Потопъ этотъ былъ предсказанъ великимъ астрологомъ Штефлеромъ (который, говорятъ, первый ввелъ предсказанія погоды, какія помѣщаются въ нашихъ календаряхъ), и его аргументъ имѣетъ то преимущество, что онъ совершенно понятенъ и до сихъ поръ, — въ означенное число три планеты должны были сойтись въ водяномъ знакѣ Рыбъ. Затѣмъ довольно было того, что астрономы распредѣлили между планетами имена извѣстныхъ божествъ, чтобы планеты пріобрѣли такимъ путемъ свойства своихъ божественныхъ тезокъ. Такъ, планету Меркурій стали связывать съ путешествіями, торговлей и воровствомъ, Венеру съ любовью, Марса съ войной, Юпитера съ силою и „бодростью“. На всемъ Востокѣ астрологія еще остается въ полномъ уваженіи. Состояніе средневѣковой Европы можетъ совершенно представить себѣ нынѣшній путешественникъ по Персіи, гдѣ шахъ по цѣлымъ днямъ ожидаетъ за стѣнами своей столицы, пока созвѣздія дозволятъ ему войти въ нее, и гдѣ въ дни, назначенные звѣздами для кровопусканія, кровь буквально течетъ потоками изъ лавокъ цирульниковъ на улицу. Профессоръ Вуттке говоритъ, что въ Германіи еще много такихъ мѣстностей, гдѣ гороскопъ ребенка правильно хранится въ семейномъ сундукѣ вмѣстѣ съ свидѣтельствомъ о крещеніи. Въ Англіи едва ли можно найти такую степень консерватизма, но мнѣ самому приходится жить не дальше мили отъ одного астролога, и недавно я видѣлъ серьезную записку о гороскопахъ, представленную съ полнѣйшей увѣренностью Британской Ассоціаціи. Груды „Календаря Задкіеля“, выставляемыя въ окнахъ провинціальныхъ книжныхъ лавокъ около Рождества, показываютъ, какъ много остается еще сдѣлать для народнаго образованія. Чтобы дать образчикъ переживанія и, въ то же время, значенія астрологическаго разсужденія, я не могу сдѣлать ничего лучшаго, какъ привести одно мѣсто изъ книги, изданной въ Лондонѣ въ 1861 и озаглавленной „The Hand-Book of Astrology, by Zadkiel Tao Sze“ (Руководство къ астрологіи, Задкіеля Тао-Сце). На стр. 72-й перваго тома, астрологъ говоритъ слѣдующее: „Небесная карта, помѣщенная на стр. 45, начерчена была по случаю ареста молодой дѣвицы, обвиненной въ убійствѣ своего маленькаго брата. Прочтя въ газетахъ, въ двадцать четыре минуты послѣ полудня 23 іюля 1860, что миссъ К. К. арестована по обвиненію въ убійствѣ своего младшаго брата, авторъ пожелалъ удостовѣриться—дѣйствительно ли она виновна или нѣтъ, и поэтому начертилъ карту. Луна находилась въ двѣнадцатомъ домѣ, что̀, очевидно, означаетъ заключеннаго. Луна—въ движущемся знакѣ и проходитъ, въ двадцать четыре часа, 14°17′, слѣдовательно, движется весьма быстро. Эти признаки показываютъ, что заключенный очень скоро долженъ быть освобожденъ. Затѣмъ мы нашли движущійся знакъ въ рогѣ двѣнадцатаго, и его управляющую планету, ♀, въ движущемся знакѣ, что̀ составляетъ второе указаніе на скорое освобожденіе. Отсюда было заключено и объявлено многимъ друзьямъ, что заключенная должна быть немедленно освобождена, что̀ и случилось на дѣлѣ. Мы старались узнать, дѣйствительно ли заключенная была виновна въ этомъ дѣлѣ, или нѣтъ; найдя Луну въ Вѣсахъ, гуманномъ знакѣ, только что перешедшею аспектъ Солнца и Юпитера, которые оба были на М. С., мы почувствовали увѣренность, что она была человѣколюбивая, чувствительная, достойная уваженія дѣвушка, и что было бы совершенно невозможно, чтобы она могла быть виновною въ подобной жестокости. Мы объявили ея совершенную невинность, и такъ какъ луна была въ такомъ отличномъ аспектѣ отъ десятаго дома, мы объяснили, что честь ея вскорѣ должна быть совершенно возстанов-

лена". Если бы астрологъ подождалъ нѣсколько мѣсяцевъ дольше, чтобы прочесть исповѣдь несчастной Констанціи Кентъ, можетъ быть, онъ придалъ бы другое значеніе своимъ движущимся знакамъ, вѣрнымъ вѣсамъ и аспектамъ Солнца и Юпитера. И это не составило бы много труда, потому что всѣ эти фантазіи допускаютъ безконечное разнообразіе новыхъ объясненій. На такихъ-то толкованіяхъ и такихъ объясненіяхъ была основана, съ начала до конца, вся великая наука звѣздъ.

Признавая приведенныя здѣсь подробности достаточными образчиками символической магіи, мы можемъ теперь спросить,—неужели во всей этой чудовищной смѣси нѣтъ ровно ничего истиннаго или цѣннаго? Практически оказывается, что, дѣйствительно, нѣтъ, и что міръ цѣлые вѣка опутанъ былъ слѣпою вѣрой въ такія дѣйствія, которыя совершенно не вяжутся съ ихъ предполагаемыми послѣдствіями, и которыя точно также хорошо можно истолковывать совершенно въ противоположную сторону. Плиній именно видѣлъ въ магіи ученіе, достойное его особеннаго вниманія „по той самой причинѣ, что она была самымъ обманчивымъ изъ искусствъ и между тѣмъ господствовала въ мірѣ въ продолженіи столькихъ вѣковъ" (eo ipso quod fraudulentissima artium plurimum in toto terrarum orbe plurimisque seculis valuit). Если бы спросили, какимъ же образомъ подобная система могла держаться не только независимо отъ представляемыхъ ею самою фактовъ, но даже наперекоръ имъ, то отвѣтить на это, кажется, было бы не трудно. Во-первыхъ, не надо забывать, что тайная наука существовала не одной только собственной силой. Какъ ни ничтожны были эти искусства, на практикѣ они соединялись съ другими пріемами, вовсе не ничтожными. То, что̀ считалось священнымъ предвѣщаніемъ, на дѣлѣ часто бывало остроумной догадкой ловкаго человѣка о прошедшемъ и будущемъ. Гаданіе служитъ колдуну только предлогомъ къ настоящему разслѣдованію, точно такъ же, какъ судъ божій даетъ ему неоцѣненный случай допросить виновныхъ, дрожащія руки которыхъ и двусмысленная рѣчь выдаютъ разомъ и ихъ тайну, и ихъ полную вѣру въ силу колдуна открыть эту тайну. Пророчество должно исполниться, и магикъ, внося въ умъ жертвы увѣренность, что роковыя искусства дѣйствуютъ противъ него, могъ убить его этой мыслью, точно матеріальныхъ оружіемъ. Часто, въ одно и то же время жрецъ и магикъ, этотъ человѣкъ имѣетъ на своей сторонѣ всю силу религіи; часто человѣкъ вліятельный, всегда неразборчивый на средства интриганъ, онъ можетъ дѣйствововать и колдовствомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ силой власти, и заставить свою лѣвую руку помогать правой. Часто врачъ, онъ можетъ помогать своимъ пророчествамъ о жизни и смерти лѣкарствами или ядомъ, между тѣмъ, какъ

ловкіе фокусы много содѣйствуютъ поддержанію его сверхъестественнаго обаянія. Магики по профессіи существовали, начиная отъ самыхъ древнихъ извѣстныхъ намъ ступеней цивилизаціи; они жили своимъ колдовствомъ и поддерживали его. Кто-то сказалъ, что если бы кто-нибудь платилъ профессорамъ, чтобы они учили, что сумма двухъ сторонъ треугольника равна третьей, это ученіе нашло бы среди насъ достаточно послѣдователей. Во всякомъ случаѣ, существованіе магіи, при помощи вліятельной профессіи, заинтересованной въ поддержаніи ея кредита, вовсе не зависѣло отъ простой фактической очевидности.

Во-вторыхъ, относительно этой очевидности, магія имѣетъ начало вовсе не въ обманѣ и, кажется, рѣдко употреблялась какъ явный обманъ. Вообще колдунъ изучаетъ свою знаменитую древностью профессію совершенно добросовѣстно и болѣе или менѣе сохраняетъ свою вѣру въ нее отъ начала до конца; въ одно и то же время обманывающій и обманутый, онъ соединяетъ энергію вѣрующаго съ хитростію лицемѣра. Если бы тайныя науки придуманы были просто съ цѣлью обмана, тогда и простая нелѣпость отвѣчала бы цѣли, между тѣмъ здѣсь мы находимъ обработанную и систематическую псевдо-науку. На дѣлѣ это—искренняя, но ошибочная система философіи, развитая человѣческимъ умомъ такими процессами, которые во многомъ еще понятны для нашего собственнаго ума, и это составляетъ ея первоначальную основу. И хотя показанія фактовъ были совершенно противъ нея, но только недавно и постепенно эти показанія стали дѣйствовать разрушительно. Общій взглядъ на практическое дѣйствіе этой системы можетъ быть приблизительно таковъ. Большая доля удачныхъ случаевъ принадлежитъ естественнымъ средствамъ, только выдаваемымъ за магическія. Точно также извѣстная доля случаевъ можетъ быть удачной только по чистой случайности. Далеко бо̀льшая доля, однакоже, была тѣмъ, что̀ называется неудачей, но именно эту часть магикъ по профессіи и не принимаетъ въ расчетъ, дѣлая это съ особенной поддержкою реторическихъ увертокъ и безстыдной наглости. Онъ разсыпается въ двусмысленныхъ фразахъ, которыя даютъ ему три или четыре шанса противъ одного. Онъ въ совершенствѣ умѣетъ поставить затруднительныя условія, чтобы потомъ свалить неудачу на несоблюденіе этихъ условій. Если вы желаете дѣлать золото, алхимикъ въ Средней Азіи имѣетъ къ вашимъ услугамъ рецептъ, но чтобы воспользоваться имъ, вы не должны три дня думать объ обезьянахъ; точно также англійское народное повѣрье говоритъ, что если у васъ выпадетъ рѣсница и вы положите ее на большой палецъ, вы получите все, чего желаете, если только въ рѣшительную минуту не будете думать о лисьихъ хвостахъ. Далѣе, если что-нибудь оказывается

невѣрнымъ, колдунъ всегда имѣетъ объясненіе, почему это именно такъ. Если родится дочь, когда онъ обѣщалъ сына, это случается по милости другого враждебнаго колдуна, который превратилъ мальчика въ дѣвочку; если случилась буря именно въ то время, когда онъ устраивалъ хорошую погоду, онъ спокойно требуетъ себѣ большей платы за болѣе сильные обряды, увѣряя своихъ кліентовъ, что они могутъ сказать ему спасибо за такую бурю, потому что она была бы гораздо хуже, если бы онъ не сдѣлалъ того, что̀ было сдѣлано. Даже оставляя въ сторонѣ всѣ эти добавочныя плутни, если мы взглянемъ на добросовѣстныхъ, но необразованныхъ людей, упражняющихся въ тайныхъ наукахъ съ полной вѣрою или въ виду самихъ фактовъ, мы увидимъ, что неудачи, осуждающія эти науки въ нашихъ глазахъ, въ ихъ глазахъ имѣютъ сравнительно мало вѣса. Часть этихъ неудачъ ускользаетъ подъ эластическимъ предлогомъ „немножко больше или меньше", подобно тому, какъ проигрывающій въ лотерею утѣшаетъ себя тѣмъ, что его нумеръ былъ между двумя выигравшими, или наблюдатель луны съ торжествомъ указываетъ, что перемѣна погоды произошла двумя или тремя днями прежде или послѣ какой-нибудь изъ четвертей, такъ что его опредѣленіе, около такой-то четверти луны, прилагается къ четыремъ или шести днямъ изъ семи. Часть ускользаетъ вслѣдствіе неспособности къ оцѣнкѣ отрицательнаго свидѣтельства, и одинъ успѣхъ перевѣшиваетъ полдюжину неудачъ. Какъ немного даже теперь такихъ людей изъ образованныхъ классовъ, которые руководились бы достопримѣчательнымъ мѣстомъ изъ „Novum Organum": „Человѣческій разумъ, когда онъ усвоилъ себѣ какое-нибудь положеніе (или по общему признанію и вѣрѣ въ это положеніе, или по тому удовольствію, какое оно доставляетъ), старается изъ всего составить для него новую опору и подтвержденіе; хотя самые убѣдительные и многочисленные примѣры могутъ противорѣчить тому, онъ, однако, не замѣчаетъ ихъ или пренебрегаетъ ими, или же отъ нихъ отдѣлывается и отклоняетъ ихъ, съ насильственнымъ и несправедливымъ предубѣжденіемъ, скорѣе чѣмъ пожертвуетъ для нихъ авторитетомъ своихъ первыхъ заключеній. Одинъ человѣкъ, которому показывали въ храмѣ досчечки, повѣшенныя по обѣту людьми, спасшимися отъ гибели послѣ кораблекрушенія, и къ которому приступали съ вопросомъ — признаетъ ли онъ теперь силу боговъ, очень хорошо отвѣчалъ на это другимъ вопросомъ: „Но гдѣ же портреты тѣхъ, которые погибли, не смотря на свои обѣты?" [1]).

---

[1]) Bacon. «Novum Organum». Оригинальный разсказъ Діагора см. Cicero De Natura Deorum. III. 37; Diog. Laërt. lib VI. Diogenes, VI.

Вообще переживаніе символической магіи въ продолженіе среднихъ вѣковъ и въ наши времена составляетъ неутѣшительный, но не таинственный фактъ. Разъ установившееся мнѣніе, какъ бы оно ни было невѣрно, можетъ держаться изъ вѣка въ вѣкъ, такъ какъ вѣрованіе можетъ распространяться безъ всякаго отношенія къ его первоначальной разумности, подобно тому, какъ растенія распространяются отъ отростковъ безъ новой посадки сѣмянъ.

Исторія переживанія, въ родѣ тѣхъ народныхъ повѣрій и тайныхъ наукъ, какія мы разсматривали, была по большей части исторіей вырожденія и упадка. По мѣрѣ того, какъ умы людей измѣняются подъ вліяніемъ развивающейся культуры, старые обычаи и мнѣнія постепенно исчезаютъ въ новой, не свойственной имъ атмосферѣ, или переходятъ въ такое состояніе, которое болѣе соотвѣтствуетъ новой жизни, окружающей ихъ. Но это далеко не есть законъ безъ всякихъ исключеній; при узкомъ взглядѣ на исторію, даже можетъ казаться, будто такого закона нѣтъ вовсе. На самомъ дѣлѣ, потокъ цивилизаціи стремится впередъ и снова возвращается, и то, что̀ кажется сильнымъ прогрессивнымъ теченіемъ для одного вѣка, можетъ при слѣдующемъ поворотѣ сдѣлаться крутящимся на одномъ мѣстѣ водоворотомъ или обратиться въ стоячее гнилое болото. Изучая съ болѣе широкой точки зрѣнія ходъ человѣческихъ понятій, мы можемъ иногда прослѣдить отъ самой поворотной точки измѣненіе пассивнаго переживанія въ активное оживаніе. Какое-нибудь извѣстное вѣрованіе или обычай цѣлыя столѣтія представляетъ симптомы упадка, когда вдругъ мы начинаемъ замѣчать, что состояніе общества, вмѣсто того, чтобы подавлять его, благопріятствуетъ его новому возрастанію, и оно опять распускается съ такой силой, которая часто настолько же удивительна, насколько вредна. И хотя это оживаніе не можетъ сохраниться навсегда, и хотя при новомъ поворотѣ мнѣній его разрушеніе можетъ быть безпощаднѣе, чѣмъ прежде, но оно можетъ сохраняться цѣлые вѣка, проникнуть въ самое внутреннее строеніе общества и даже сдѣлаться настоящимъ признакомъ и характеристической чертой своего времени.

Писатели, которые желаютъ показать, что мы, при всѣхъ своихъ заблужденіяхъ, умнѣе и лучше нашихъ предковъ, любятъ останавливаться на исторіи колдовства между средними вѣками и новымъ временемъ. Они могутъ ссылаться на слова Мартина Лютера по поводу вѣдьмъ, которыя похищали у крестьянъ масло и яйца: „я нисколько не жалѣлъ бы ихъ; я сжегъ бы ихъ всѣхъ". Они могутъ указать на добраго сэра Мэттью Гэля, который вѣшалъ вѣдьмъ въ Суффолькѣ, на основаніи писанія и по соглашенію мудрыхъ людей всѣхъ народовъ, и на ко-

роля Іакова, который предсѣдательствовалъ при пыткѣ д-ра Фіана за то, что тотъ, съ помощью флота вѣдьмъ въ рѣшетахъ, поднялъ бурю противъ королевскаго корабля, во время плаванія изъ Даніи. Въ эти страшные дни быть калѣкою значило доставить двадцать шиллинговъ людямъ, которые занимались отыскиваніемъ вѣдьмъ; для женщины имѣть на тѣлѣ то, что этимъ ищейкамъ колдуновъ угодно было называть чортовымъ знакомъ, значило съ вѣроятностью ожидать смертнаго приговора. Не терять крови, или не проливать слезъ, или не тонуть въ прудѣ, предвѣщало, во-первыхъ, пытку, а затѣмъ костеръ. Реформа въ религіи не вылѣчила болѣзни человѣческихъ умовъ, потому что въ этомъ отношеніи пуритане были не хуже и не лучше инквизиторовъ. Паписты и протестанты боролись другъ съ другомъ, но тѣ и другіе дѣйствовали противъ этого врага человѣческаго рода, противъ вѣдьмы, которая продала себя сатанѣ, чтобы ѣздить верхомъ на помелѣ, сосать кровь дѣтей и быть при жизни и послѣ смерти ужаснѣйшимъ изъ всѣхъ существъ. Но съ новымъ свѣтомъ науки въ воззрѣніяхъ Европы произошли измѣненія, наперекоръ всѣмъ существующимъ законамъ и авторитетамъ. Къ концу семнадцатаго столѣтія отвратительное суевѣріе рушилось въ Англіи; Ричардъ Бакстеръ съ фанатической ревностью усиливался снова зажечь костры вѣдьмъ въ Новой Англіи, но усилія его были напрасны. Съ каждымъ годомъ гоненія на вѣдьмъ становились ненавистнѣе образованнымъ классамъ, и хотя эти гоненія прекращались медленно, но, наконецъ, прекратились безъ слѣда. Въ наше время, когда мы читаемъ о вѣдьмѣ, сожженной въ Камарго, въ 1860 г., мы указываемъ на Мексику, какъ на страну, жалко отставшую въ цивилизаціи. И если въ Англіи еще случается, что деревенскіе жители попадаютъ подъ судъ за дурное обращеніе съ какой-нибудь бѣдной старухой, которая, какъ они воображаютъ, отняла у коровы молоко или испортила урожай рѣпы, мы говоримъ объ упорствѣ, съ какимъ деревенскій умъ все еще держится извѣстныхъ нелѣпостей, и кричимъ о необходимости имѣть больше школьныхъ учителей.

Какъ ни справедливо все это, этнографъ долженъ идти въ своемъ изслѣдованіи еще дальше и глубже, чтобы достойно выполнить свою задачу. Господство вѣры въ колдовство, давившей общественное мнѣніе, какъ кошмаръ, отъ XIII и до XVII столѣтія, далеко не было продуктомъ среднихъ вѣковъ, а было оживаніемъ отъ отдаленныхъ временъ первобытной исторіи. Болѣзнь, которая снова распространилась въ Европѣ, у низшихъ расъ была хроническою болѣзнью, трудно сказать, въ теченіе сколькихъ вѣковъ. Колдовство есть часть и неизмѣнная принадлежность дикой жизни. Въ Австраліи и Южной Америкѣ есть грубыя племена, которыя настолько вѣрятъ въ колдовство, что, по ихъ словамъ, люди никогда бы не умирали, если бы ихъ не заколдовывали и не убивали насильственно. Подобно австралійцамъ, африканцы стараются узнать относительно своихъ умершихъ, какой колдунъ убилъ ихъ своимъ гибельнымъ искусствомъ, и когда они удостовѣрятся въ этомъ, кровь должна быть отплачена кровью. Въ Западной Африкѣ смѣло утверждаютъ, что вѣра въ колдовство стоитъ больше жизней, чѣмъ стоила когда-нибудь торговля невольниками. Въ Восточной Африкѣ, капитанъ Бёртонъ, путешественникъ, умѣющій обрисовать свои очерки соціальной жизни немногими рѣзкими штрихами, замѣчаетъ, что отчасти вслѣдствіе рабства, отчасти вслѣдствіе черной магіи, жизнь у племени Вакуту подвержена постоянной опасности, и „никто, особенно въ преклонномъ возрастѣ, ни на одинъ день не безопасенъ отъ сожженія". Путешествуя въ странѣ Вазарамо, какъ онъ разсказываетъ, приходится встрѣчать черезъ каждыя нѣсколько миль кучи золы и пепла, которыя иногда такъ расположены, что, кажется, будто это были отецъ и мать, а маленькая кучка золы, рядомъ, будто это ребенокъ [1]). Извѣстно, что даже въ округахъ Британской Индіи можно найти подобное же состояніе умовъ, которое готово произвести такія же ужасы, и которое можно сдержать скорѣе открытой силой, чѣмъ убѣжденіемъ. Отъ уровня дикой жизни, мы можемъ прослѣдить переживаніе колдовства въ варварскомъ и древнемъ цивилизованномъ мірѣ. Оно существовало въ Европѣ въ періодѣ до X столѣтія, но не съ большой силою; между прочимъ законы Ротгара и Карла Великаго направлены противъ тѣхъ людей, которые стали бы предавать смерти мужчинъ и женщинъ по обвиненію въ колдовствѣ. Въ XI столѣтіи церковное вліяніе противодѣйствовало суевѣрнымъ понятіямъ о колдовствѣ. Но затѣмъ наступилъ періодъ реакціи. Творенія монастырской легенды и промыслы предполагаемыми чудесами болѣе и болѣе поощряли пагубное легковѣріе относительно сверхъестественнаго. Въ XIII столѣтіи, когда духъ религіознаго преслѣдованія сталъ овладѣвать всей Европой, съ мрачнымъ и жестокимъ безуміемъ, ученіе о колдовствѣ ожило во всей своей варварской силѣ [2]). Что вина этого низведенія Европы, въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, до уровня африканскихъ негровъ лежитъ, главнымъ образомъ, на римской церкви, это убѣдительно доказываютъ буллы Григорія IX и Иннокентія VIII и исторія Св. Инквизиціи. Для

[1]) Du Chaillu, ‹Ashango-land›, pp. 428, 435; Burton, «Central Afr.» vol. pp. 57, 113, 121.

[2]) См. Grimm. «D. M.» ch. XXXIV; Lecky, ‹Hist. of Rationalism», vol. I, ch. I; Horst, ‹Zauber-Bibliothek›; Raynald, «Annales Ecclesiastici», vol. II, Greg. IX (1233). XLI—II; vol. XI, Innoc. VIII (1484), LXXIV.

насъ главный интересъ средневѣкового колдовства заключается въ томъ, что оно обширнымъ и точнымъ образомъ объясняется теоріей переживанія. Въ самыхъ подробностяхъ голыхъ, обычныхъ обвиненій, какія взводились на вѣдьмъ, можно прослѣдить преданіе, иногда почти не измѣнившееся отъ варварскихъ и дикихъ временъ. Вѣдьмы поднимали бурю своими магическими обрядами; онѣ заговаривали отъ вреда, наносимаго оружіемъ, собирались въ дикихъ мѣстностяхъ и на вершинахъ горъ, ѣздили по воздуху на звѣряхъ, и даже превращались въ кошекъ и оборотней, и вели дружбу съ духами; онѣ имѣли сношенія съ инкубами и суккубами, втыкали иглы, булавки, перья и т. п. въ тѣла своихъ жертвъ, причиняли болѣзни, вселяя въ человѣка бѣсовъ, могли околдовывать своими чарами и дурнымъ глазомъ, завораживали изображенія и символы, пищу и вещи. Все это — простыя переживанія изъ до-христіанскихъ временъ „in errore paganorum revolvitur“ (возвращается къ заблужденію язычниковъ), какъ говоритъ Бурхардъ Вормсскій о суевѣріи своего времени [1]). Два изъ самыхъ обыкновенныхъ средствъ, употреблявшихся противъ средневѣковыхъ вѣдьмъ, могутъ показать—какое мѣсто въ цивилизаціи занимаетъ эта сила. Восточные джинны такъ смертельно боятся желѣза, что самое названіе его служитъ заговоромъ противъ нихъ; въ европейскихъ повѣрьяхъ точно также желѣзо прогоняетъ волшебницъ и эльфовъ и уничтожаетъ ихъ силу. Эти созданія, кажется, преимущественно принадлежатъ древнему Каменному Вѣку, и новый металлъ имъ ненавистенъ и вреденъ. По отношенію къ желѣзу, вѣдьмы принадлежатъ къ той же категоріи, какъ эльфы и домовые. Желѣзные инструменты держатъ ихъ въ страхѣ; въ особенности выбирались для этой цѣли желѣзныя подковы, какъ показываетъ это и до сихъ поръ половина дверей въ конюшняхъ Англіи [2]). Далѣе, одно изъ самыхъ извѣстныхъ испытаній для вѣдьмъ есть испытаніе плаваніемъ. Обвиняемую связывали по рукамъ и по ногамъ и бросали въ глубокую воду, и она должна была пойти ко дну, если была невинна, или остаться на водѣ, если была виновна, и въ послѣднемъ случаѣ, какъ говорится въ Гудибрасѣ, должна была быть повѣшенной только за то, что не утонула. Король Іаковъ, который, кажется, имѣлъ понятіе о настоящемъ первобытномъ значеніи этого обряда, говоритъ въ своей Демонологіи: „Повидимому, Богъ указалъ сверхъестественный признакъ

[1]) См. также Dasent, «Introd. to Norse Tales»; Maury, «Magie, etc.», ch. VII.

[2]) Lane, «Thousand and One Nights», vol. I, p. 30; Grimm, «D. M.», pp. 435, 465, 1056; Bastian, «Mensch», vol. II, pp. 265, 287; vol. III, p. 204; D. Wilson, «Prehistoric Annals of Scotland» vol. II, p. 126; Wuttke, «Volksaberglaube», p. 15, 20, 122, 220.

чудовищнаго нечестія вѣдьмъ въ томъ, что вода должна отказываться принимать въ свое лоно тѣхъ, кто стряхнулъ съ себя священную воду крещенія“, и проч. Такое же испытаніе водой извѣстно и въ древней германской исторіи, и его значеніе объяснялось тѣмъ, что стихія сознательно отвергаетъ виновнаго (si aqua illum velut innoxium receperit—innoxii submerguntur aqua, culpabiles supernatant,—если вода приметъ его, какъ бы невиннаго—невинные погружаются въ воду, виновные плаваютъ поверхъ). Уже въ IX столѣтіи законы запрещали этотъ обычай, какъ остатокъ суевѣрія. Наконецъ, то же испытаніе водой мы встрѣчаемъ въ числѣ правильныхъ судебныхъ испытаній, въ индусскихъ законахъ Ману; если вода не допускаетъ обвиняемаго плавать сверху, когда его бросятъ туда, его клятва вѣрна. Такъ какъ этотъ древній индійскій кодексъ, безъ сомнѣнія, былъ составленъ по матеріаламъ еще болѣе древняго времени, то мы можемъ съ нѣкоторою увѣренностью полагать, что это сходство испытанія водой у европейскихъ и азіатскихъ отраслей арійской расы указываетъ его начало въ періодѣ отдаленной древности [1]).

Будемъ надѣяться, что если вѣра въ колдовство и гоненіе, необходимо слѣдующее за такой вѣрой, еще разъ появятся въ образованномъ мірѣ, то онѣ появятся въ болѣе мягкой формѣ, чѣмъ прежде, и будутъ сдерживаться большей человѣчностью и терпимостью. Тотъ, кто воображаетъ, вслѣдствіе нынѣшняго исчезновенія вѣры въ колдовство, что она необходимо исчезла навсегда, безъ всякой пользы читалъ исторію, и ему еще остается понять, что „оживаніе въ культурѣ“ не есть пустая педантическая фраза. Въ наше время снова ожила группа вѣрованій и обычаевъ, корни которыхъ находятся глубоко въ томъ самомъ слоѣ древней философіи, гдѣ впервые появилось колдовство. Эта группа вѣрованій и обычаевъ есть то, что́ обыкновенно называется теперь спиритизмомъ.

Колдовство и спиритизмъ существовали цѣлыя тысячи лѣтъ въ тѣсномъ союзѣ, который довольно вѣрно изображается въ слѣдующихъ стихахъ XVI столѣтія, въ интерлюдіи Джона Бэля о природѣ, гдѣ подводятся подъ одну категорію искусства завораживать растенія и домашнихъ куръ и заставлять двигаться стулья и посуду.

Theyr wells I can up drye,
Cause trees and herbes to dye,

[1]) Brand, «Pop. Ant.» vol. III, pp. 1—43; Wuttke, «Volksaberglaube», p. 50; Grimm, «Deutsche Rechtsalterthümer», p. 923; Pictet, «Origines Indo-Europ.», part. II, p. 459; Mann, VIII. 114—5; см. Plin. VII. 2.

And slee all pulterye,
Whereas men doth me move:
I can make stoles to daunce
And earthen pottes to praunce,
That none shall them enhaunce
And do but cast my glove." [1])

То же умственное движеніе привело къ упадку и колдовство, и вѣру въ духовъ, и въ началѣ нынѣшняго столѣтія думали, что оба они вымерли, или почти вымерли. Однако, не только можно считать теперь въ Америкѣ и Англіи спиритовъ десятками тысячъ, но въ числѣ ихъ есть много людей съ выдающимися умственными способностями. Я знаю, что вопросъ о такъ называемыхъ „манифестаціяхъ духовъ" есть вопросъ, требующій основательнаго обсужденія, если мы хотимъ достичь яснаго понятія о томъ, насколько въ этихъ явленіяхъ сказываются факты, недостаточно оцѣненные и объясненные наукой, и насколько въ нихъ суевѣрія, заблужденія и чистаго плутовства. Такое изслѣдованіе, произведенное путемъ тщательнаго наблюденія въ научномъ духѣ, вѣроятно, бросило бы свѣтъ на нѣкоторые наиболѣе интересные психологическіе вопросы. Хотя въ мои намѣренія и не входитъ изслѣдованіе самыхъ фактовъ спиритизма, тѣмъ не менѣе, этнографическій взглядъ на это дѣло имѣетъ свое значеніе. Этотъ взглядъ показываетъ, что новѣйшій спиритизмъ въ значительной мѣрѣ составляетъ прямое оживаніе изъ области философіи дикарей и изъ простонародныхъ повѣрій. Это — не только простой вопросъ о существованіи извѣстныхъ явленій духа и матеріи. Это значитъ, что, въ связи съ этими явленіями, цѣлое философское религіозное ученіе, которое процвѣтаетъ въ низшей культурѣ и вырождается въ высшей, возобновилось теперь съ полной силой. Міръ опять кишитъ разумными и могущественными безтѣлесными духовными существами, о прямомъ вліяніи которыхъ на мысль и матерію люди опять смѣло утверждаютъ, какъ бывало въ тѣ времена и въ тѣхъ странахъ, гдѣ естествознаніе еще не сдѣлало столько успѣховъ, чтобы изгнать этихъ духовъ и ихъ вліяніе изъ системы природы.

---

[1])
Ихъ колодцы я могу осушить,
Заставить деревья и траву погибнуть
И уничтожить всю домашнюю птицу,
Если люди заставятъ меня двигаться:
Я могу заставить стулья плясать
И прыгать глиняные горшки,
Такъ что никто не можетъ ихъ удержать,
Стоитъ мнѣ только открыть свою руку.

Призраки снова заняли то мѣсто и достигли того значенія, какое они имѣли, начиная отъ уровня низшихъ племенъ до уровня средневѣковой Европы. Систематическіе разсказы о привидѣніяхъ, разсказы, гдѣ души умершихъ ходятъ видимымъ образомъ и вступаютъ въ общеніе съ живыми людьми, теперь снова возстановлены и передаются съ новыми примѣрами, какъ „черты изъ темной стороны природы", при чемъ не измѣнилась ни сила этихъ разсказовъ для тѣхъ, кто имъ вѣритъ, ни ихъ слабость для тѣхъ, кто не вѣритъ имъ. Какъ въ старину, люди живутъ теперь въ постоянномъ сношеніи съ душами умершихъ. Некромантія есть религія, и китайскій поклонникъ душъ умершихъ можетъ видѣть, какъ иноземные варвары возвращаются, послѣ еретическаго промежутка въ нѣсколько столѣтій, къ симпатіи его издревлепочитаемому вѣрованію. Какъ колдуны варварскихъ племенъ лежатъ въ летаргіи или снѣ въ то время, когда ихъ души отправляются въ далекія странствованія, такъ точно и въ разсказахъ новѣйшихъ спиритовъ люди нерѣдко остаются въ безчувственномъ состояніи, пока ихъ призраки посѣщаютъ отдаленныя мѣста, откуда они приносятъ извѣстія и гдѣ сообщаются съ живыми людьми. Духи живыхъ и мертвыхъ, души Штрауса и Карла Фогта, такъ же, какъ и души Августина и Іеронима, призываются медіумами въ отдаленные кружки спиритовъ. Какъ замѣчаетъ д-ръ Бастіанъ, если какой-нибудь знаменитый человѣкъ въ Европѣ чувствуетъ себя въ нѣкоторыя минуты въ меланхолическомъ расположеніи духа, онъ можетъ утѣшаться той мыслью, что его душа послана въ Америку, чтобы присутствовать тамъ на засѣданіи спиритовъ. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, д-ръ Маккулохъ, въ своемъ „Description of the Western Islands of Scotland" (Описаніе западныхъ острововъ Шотландіи), писалъ такъ о знаменитомъ шотландскомъ второмъ зрѣніи: „На самомъ дѣлѣ, оно испытало судьбу колдовства; какъ скоро въ него перестали вѣрить, оно перестало существовать". Однако, у позднѣйшаго поколѣнія онъ нашелъ бы его возстановленнымъ въ болѣе обширной части общества и при лучшихъ условіяхъ образованія и матеріальнаго благосостоянія. Въ числѣ вліяній, соединеніе которыхъ привело къ возрожденію вѣры въ духовъ, главное мѣсто, по моему мнѣнію, должно принадлежать тому вліянію, какое имѣли на религіозные умы Европы и Америки крайнія анимистическія ученія Эммануила Сведенборга, въ прошедшемъ столѣтіи. Объ отношеніи этого замѣчательнаго духовидца къ нѣкоторымъ частнымъ ученіямъ спиритизма можно судить по слѣдующимъ словамъ изъ „Истинной Христіанской Религіи". Духъ человѣка есть его душа, которая живетъ послѣ смерти въ полной человѣческой формѣ,

и этотъ духъ можетъ переноситься изъ одного мѣста въ другое, пока тѣло покоится, какъ это бывало въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ самимъ Сведенборгомъ. „Я имѣлъ общеніе“, говоритъ онъ, „со всѣми моими родными и друзьями, съ королями и принцами, и съ учеными людьми послѣ того, какъ они оставили эту жизнь, и это было въ продолженіе двадцати семи лѣтъ безъ перерыва“. И, предвидя, что многіе, читавшіе его „Достопримѣчательные разсказы“, сочтутъ ихъ вымыслами воображенія, онъ увѣряетъ, что это не вымыслы, а что онъ дѣйствительно все это видѣлъ и слышалъ, и притомъ не въ какомъ либо особенномъ состояніи души во время сна, а въ состояніи полнаго бодрствованія [1]).

Я буду говорить о нѣкоторыхъ ученіяхъ новѣйшаго спиритизма при изученіи анимизма, гдѣ для нихъ будетъ настоящее мѣсто. Здѣсь, чтобы объяснить отношеніе новѣйшихъ спиритическихъ идей къ болѣе старымъ, я предполагаю бросить взглядъ на этнографію двухъ изъ наиболѣе извѣстныхъ средствъ общенія съ міромъ духовъ,—чрезъ постукиваніе и писаніе, и двухъ изъ самыхъ замѣчательныхъ манифестацій духовъ, на поднятіе на воздухъ и на фокусы братьевъ Дэвенпортъ.

Эльфъ, который ходитъ вокругъ дома по ночамъ, постукивая и не давая покою, и который въ Германіи носитъ спеціальное названіе „Poltergeist“,—старое и знакомое лицо въ европейскихъ повѣрьяхъ [2]). Съ давняго времени такой необъяснимый шумъ приписывался личному дѣйствію духовъ, которые чаще всего принимались за человѣческія души. Новѣйшіе дайяки, сіамцы и сингалезы, согласно съ эстами, думаютъ, что такой шумъ и движеніе производятся духами [3]). Эти постукиванья могутъ считаться таинственными, но безвредными, подобно тѣмъ, которыя ожидаются въ Швабіи и Франконіи во время рождественскаго поста, въ Anklöpferleins Nächte (ночи маленькихъ постукивателей) [4]). Они могутъ быть полезными, напр., когда валлійскіе рудокопы думаютъ, что стучащіе духи (knockers), которыхъ стукъ они слышатъ подъ землей, указываютъ богатыя жилы свинца и серебра [5]). Или они могутъ быть просто докучливыми, напр., когда, въ IX столѣтіи, злой духъ мучилъ приходъ, стуча въ стѣны какъ будто молоткомъ, пока, наконецъ, побѣжденный молебнами и святой водой, сознался

[1]) Swedenborg, «The True Christian Religion», London, 1855, №№ 156, 157, 281, 851.

[2]) Grimm, «Deutsche Myth.», p. 473, 481.

[3]) St. John. «Far East», vol. I, p. 82; Bastian, «Psychologie», p. 111; «Oestl. Asien», vol. III, p. 232, 259, 288; Boecler, «Ehsten Aberglaube», p. 147.

[4]) Bastian, «Mensch», vol. II, p. 74.

[5]) Brand, vol. II, p. 486.

въ дружбѣ съ однимъ нечестивымъ священникомъ, подъ платьемъ котораго онъ скрывался. Такимъ образомъ, въ XVII столѣтіи, знаменитый демонъ-барабанщикъ Тэдворта, вспоминаемый Глэнвилемъ въ „Saducismus Triumphatus“, стучалъ у дверей и вокругъ дома и „цѣлый часъ кряду барабанилъ Roundheads and Cuckolds, зорю и многіе другіе военные сигналы, какъ и всякій другой барабанщикъ“ [1]). Народная философія по большей части считаетъ такіе таинственные шумы предвѣстіемъ смерти, такъ какъ стукъ служитъ сигналомъ или призывомъ, какъ у духовъ, такъ и у людей. Римляне думали, что геній смерти возвѣщаетъ такимъ способомъ свое приближеніе. Новѣйшія народныя повѣрья считаютъ, что стукъ и глухой шумъ подъ поломъ есть предзнаменованіе смерти, которая скоро должна случиться, или что умирающіе сами возвѣщаютъ друзьямъ о своей смерти такими странными звуками. Англійское повѣрье признаетъ въ обоихъ случаяхъ: „Три тяжелыхъ и явственныхъ удара въ головахъ у больного, или въ головахъ или въ дверь у кого-нибудь изъ его родныхъ, есть предвѣстіе его смерти“. Къ счастью, мы имѣемъ хорошій способъ провѣрить степень дѣйствительнаго соотвѣтствія между предзнаменованіемъ и событіемъ, необходимую для установленія такихъ правилъ: нелогичные люди, которые способны были (и способны еще и теперь) открывать связь между ударомъ колотушки „сторожа смерти“ и послѣдующею смертью въ домѣ, безъ сомнѣнія, нашли бы одинаково удобнымъ дать пророческое толкованіе и всякимъ другимъ таинственнымъ стукамъ [2]). Существуетъ разсказъ 1534 г. о духѣ, который отвѣчалъ на вопросы постукиваніями въ католической церкви въ Орлеанѣ и требовалъ удаленія изъ церкви тѣла жены лютеранскаго городского головы, погребенной тамъ; но изслѣдованіе доказало, что это было дѣломъ францисканскаго монаха [3]). Система составлять азбуку по числу ударовъ—извѣстная уловка въ тюремныхъ кельяхъ, гдѣ она долго приводила въ отчаяніе тюремщиковъ и вмѣстѣ доказывала распространеніе образованія даже среди преступниковъ. Такъ, когда въ 1847 г. знаменитый стукъ началъ возмущать спокойствіе городского общества Аркадіи въ штатѣ Нью-Йоркѣ, семейству Фоксовъ, изъ Рочестера, основателямъ новѣйшаго спиритическаго движенія, пришлось, съ одной

[1]) Glanvil, «Saducismus Triumphatus», part. II. Невидимымъ барабанщикомъ былъ, повидимому, нѣкій Уильямъ Друри; см. «Pepis Diary», v. I, p. 227.

[2]) Brand, vol. III, p. 225, 233; Grimm, p. 801, 1089, 1141; Wuttke, p. 38—9, 208; Shortland, «Trads. of New Zealand», p. 137 (зловѣщее постукиваніе насѣкомаго; сомнительно, туземная ли это мысль, или введенная иноземцами).

[3]) Bastian, «Mensch», vol. II, p. 393.

*

стороны, только возстановить древнюю господствующую вѣру въ стучащихъ духовъ, которая почти совсѣмъ уже вошла въ число потерявшихъ силу суевѣрій, тогда какъ, съ другой стороны, у нихъ готова была и система общеній съ духами. Система азбуки постукиванья остается въ полномъ ходу, и безчисленные образчики извѣстій, полученныхъ такимъ путемъ, являлись въ печати; вѣроятно, самый длинный изъ нихъ есть повѣсть, которой я могу привести только заглавіе: „Juanita, Nouvelle par une Chaise. A l'Imprimerie du Gouvernement, Basse Terre (Guadeloupe), 1853. (Жуанита, повѣсть, разсказанная Стуломъ. Въ правительственной типографіи, Гваделупа)". Въ записанныхъ сообщеніяхъ имена, числа часто представляются добытыми будто бы при исключительныхъ обстоятельствахъ, между тѣмъ какъ складъ мысли, языка и произношеніе бываютъ соотвѣтственны умственнымъ качествамъ медіума. Такъ какъ большая часть сообщеній, очевидно, фальшивы и безсмысленны, даже и въ томъ случаѣ, когда „духъ" называлъ себя именемъ какого-нибудь великаго государственнаго человѣка, моралиста или философа прошедшихъ временъ, то спириты приняли теорію, что шаловливые или лживые духи могутъ заступать мѣсто духовъ высшаго разряда и дѣлать сообщенія отъ ихъ имени.

Писаніе духовъ бываетъ двухъ родовъ, смотря по тому — производится ли оно съ помощью матеріальнаго инструмента, или безъ него. Перваго рода писаніе очень употребительно въ Китаѣ, гдѣ, подобно другимъ обрядамъ гаданія, оно, вѣроятно, древняго происхожденія. Оно называется „схожденіемъ съ карандаша" и въ особенности употребляется образованными классами. Когда китаецъ желаетъ спросить бога по такому способу, онъ посылаетъ за профессіональнымъ медіумомъ. Передъ изображеніемъ бога ставятъ свѣчи и куреніе и, въ видѣ жертвы, чай или фольговыя деньги. Впереди этого, на другомъ столѣ, помѣщается продолговатый лотокъ съ сухимъ пескомъ. Пишущій инструментъ имѣетъ деревянную ручку въ видѣ V, въ два или три фута длиной, съ деревяннымъ зубцомъ, укрѣпленнымъ на ея острiѣ. Два человѣка берутъ этотъ инструментъ, держа каждый за одну изъ ножекъ, а острый конецъ остается въ пескѣ. Приличныя дѣлу молитвы и заклинанія склоняютъ бога обнаружить свое присутствіе движеніемъ конца инструмента въ пескѣ, и такимъ образомъ пишется отвѣтъ, а затѣмъ остается только нѣсколько затруднительная и сомнительная задача разобрать его. Къ какому состоянію понятій принадлежитъ этотъ обрядъ, можно судить изъ слѣдующаго: когда нужно похитить вѣтку абрикосоваго дерева, чтобы сдѣлать изъ нея перо для духа, на стволѣ дерева

нацарапывается оправдательная надпись [1]). Несмотря на различіе между Китаемъ и Англіей въ теологическомъ отношеніи, искусство спиритическаго писанія въ обѣихъ странахъ одно и то же. Родъ „planchette" (досчечки), повидимому, былъ извѣстенъ въ Европѣ въ семнадцатомъ столѣтіи [2]). Инструментъ, который можно теперь купить въ игрушечныхъ лавкахъ, состоитъ изъ столика въ видѣ сердца, около семи дюймовъ длины, стоящаго на трехъ подпоркахъ, изъ которыхъ двѣ на широкомъ концѣ имѣютъ колесца, а третью, на остромъ концѣ, составляетъ карандашъ, продѣтый въ отверстіе на краю столика. Инструментъ ставится на листъ бумаги, и два человѣка слегка кладутъ на него пальцы, ожидая, пока инструментъ не начнетъ, безъ сознательнаго усилія дѣйствующихъ лицъ, двигаться и писать отвѣты на вопросы. Не всякій человѣкъ можетъ писать съ помощью духа, но могущественный медіумъ можетъ писать одинъ. Сами медіумы иногда полагаютъ, что въ нихъ дѣйствуетъ какая-то посторонняя сила, словомъ, что они одержимы духомъ.

. . . .

Писанія духовъ, безъ посредства матеріальнаго орудія, возобновлены въ послѣднее время барономъ Гильденштуббе. Этотъ писатель подтверждаетъ новыми фактами истинность преданій всѣхъ народовъ о душахъ умершихъ, сохраняющихъ связь съ своими смертными останками и посѣщающихъ тѣ мѣста, гдѣ они жили „въ продолженіе своего земного воплощенія". Такъ, Францискъ I показывается главнымъ образомъ въ Фонтенбло, а Людовикъ XV и Марія-Антуанетта бродятъ вокругъ Тріаноновъ. Мало того, если положить, на удобныхъ мѣстахъ, листы бѣлой бумаги, духи, облеченные въ свои эѳирныя тѣла, силою своей воли сосредоточатъ на бумагѣ электрическіе токи и такимъ образомъ образуютъ писанныя буквы. Упомянутый баронъ помѣщаетъ въ своей „Pneumatologie Positive" много факсимиле духовъ, полученныхъ такимъ способомъ. Юлій и Августъ Цезарь даютъ свои имена около своихъ статуй въ Луврѣ; Ювеналъ производитъ забавный опытъ стихотворнаго автографа; Элоиза, на кладбищѣ отца Лашеза, возвѣщаетъ міру на новѣйшемъ французскомъ языкѣ, что Абеляръ и она соединены и счастливы; Павелъ называетъ себя ἐλάχιστος ἀπόστολον; а врачъ Гиппократъ (который произноситъ свое имя Hippokrates) посѣтилъ г. Гильденштуббе въ его квартирѣ въ Парижѣ и далъ ему рецептъ,

---

[1]) Doolittle, «Chinese», vol. II, p. 112; Bastian, «Oestl. Asien», vol. III, p 252: «Psychologie», p. 159.

[2]) Toehla, «Aurifontina Chymica», упоминаемая Mackenzie въ «Spiritualist». Mar. 15, 1870.

который въ нѣсколько минутъ излѣчилъ припадокъ остраго ревматизма [1]).

Чудо поднятія и паренія въ воздухѣ вполнѣ признается въ литературѣ древней Индіи. Буддистскій святой высшаго аскетическаго класса достигаетъ силы, называемой „совершенствомъ" (irdhi), вслѣдствіе которой получаетъ способность подниматься на воздухъ, сдвигать землю и останавливать солнце. Обладая этой силой, святой приводитъ ее въ дѣйствіе простымъ рѣшеніемъ своей воли, при чемъ тѣло его становится невѣсомымъ, какъ человѣкъ въ обыкновенномъ состояніи рѣшается прыгать, и прыгаетъ. Буддійскія лѣтописи разсказываютъ о чудесномъ поднятіи на воздухъ самого Гаутамы, точно такъ же, какъ и другихъ святыхъ, напр., его предка Мага Саммaты, который могъ такимъ образомъ сидѣть на воздухѣ безъ всякой видимой поддержки. Даже и безъ этой возвышенной способности считается возможнымъ подниматься и двигаться въ воздухѣ усиліемъ восторженнаго экстаза (udwega priti). Замѣчательное упоминаніе объ этомъ дѣйствіи, выполнявшемся будто бы индійскими брахманами, представляетъ, въ третьемъ столѣтіи, біографія Аполлонія Тіанскаго; объ этихъ брахманахъ говорится, что они поднимались на воздухъ почти на два локтя отъ земли, и притомъ не ради чуда (подобнымъ честолюбіемъ они пренебрегаютъ), а ради того, что такое положеніе болѣе удобно для обрядовъ поклоненія солнцу [2]). Иноземные волшебники брались представлять это чудо у грековъ, во II столѣтіи, какъ свидѣтельствуетъ шутливый разсказъ Лукіана о гиперборейскомъ заклинателѣ: — „Ты смѣешься надъ этимъ искусствомъ,—сказалъ Клеодемъ,—но я когда-то больше тебя не вѣрилъ подобнымъ вещамъ, думалъ, что ничто не могло бы заставить меня вѣрить въ нихъ; но, когда я въ первый разъ увидѣлъ, какъ иноземный варваръ летаетъ,—онъ говорилъ, что онъ былъ изъ гиперборейцевъ,—я повѣрилъ и былъ побѣжденъ, несмотря на свое сопротивленіе. И что же мнѣ было дѣлать, когда я увидѣлъ, какъ онъ летаетъ по воздуху среди бѣлаго дня, ходитъ по водѣ и свободно и медленно проходитъ черезъ огонь?—Какъ? (сказалъ его собесѣдникъ) ты видѣлъ, какъ гипербореецъ леталъ и ходилъ по водѣ?— „Безъ всякаго сомнѣнія, —отвѣтилъ онъ:—и на немъ была обувь изъ невыдѣланной кожи, какую они обыкновенно носятъ; но что толковать о такихъ пустякахъ, если подумать о другихъ явленіяхъ, которыя онъ намъ показывалъ, —когда онъ насылалъ любовь, показывалъ демоновъ, поднималъ мертвыхъ, дѣлалъ видимою самую Гекату и снималъ съ неба мѣсяцъ?" Затѣмъ Клеодемъ продолжалъ разсказывать, какъ волшебникъ сначала положилъ четыре мины для жертвенныхъ расходовъ, и затѣмъ сдѣлалъ изъ глины купидона и заставилъ его летѣть по воздуху за дѣвушкой, которую любилъ Главкіасъ, и черезъ минуту она уже стучалась въ дверь!" Но собесѣдникъ объясняетъ разсказъ въ скептическомъ духѣ. Едва ли нужно было, говоритъ онъ, трудиться посылать за дѣвушкой кусокъ глины и какого-то магика изъ гиперборейцевъ, и даже мѣсяцъ, въ виду того, что за двадцать драхмъ она пошла бы къ самимъ гиперборейцамъ; кромѣ того, на нее можно, кажется, дѣйствовать совершенно противоположнымъ способомъ, чѣмъ на духовъ, потому что когда эти существа обращаются въ бѣгство, слыша звукъ мѣди или желѣза, Хризидѣ стоитъ только услышать гдѣ бы то ни было звонъ серебра, чтобы придти на него [1]). Другой древній примѣръ вѣрованія въ чудесное поднятіе на воздухъ находится въ жизни Ямвлиха, великаго нео-платоническаго мистика. Его ученики, говоритъ Евнапій, сказали ему, что они слышали отъ его слугъ, будто онъ, во время молитвы богамъ, болѣе чѣмъ на десять локтей поднимался отъ земли, что его тѣло и одежды принимали въ это время прекрасный золотистый цвѣтъ, но, по окончаніи молитвы, тѣло его принимало прежній видъ, и затѣмъ онъ сходилъ на землю и возвращался къ своимъ послѣдователямъ. Поэтому они умоляли его: „Почему, о божественный учитель, почему ты дѣлаешь это только для одного себя и не позволяешь намъ участвовать въ совершеннѣйшей мудрости?" Тогда Ямвлихъ, хотя онъ и не смѣялся обыкновенно, засмѣялся этому разсказу и сказалъ имъ: „Не глупъ былъ тотъ, кто обманулъ васъ такимъ образомъ; но это неправда" [2]).

Нѣсколько времени спустя, чудо, отъ котораго отрекся нео-платоникъ, сдѣлалось обыкновеннымъ достояніемъ католическихъ легендъ. Такъ, о св. Ричардѣ разсказывается, что онъ, будучи капелланомъ св. Эдмунда, архіепископа кентерберійскаго, однажды тихо отворилъ дверь капеллы, чтобы посмотрѣть, почему архіепископъ не приходилъ обѣдать, и увидѣлъ его высоко на воздухѣ, съ преклоненными колѣнями и воздѣтыми къ небу руками; тихо опускаясь на землю и увидя

---

[1]) «Pneumatologie Positive et Experimentale; La realité des Esprits et le Phénomène Merveilleux de leur Écriture Directe démontrées», par le baron de Guldenstubbe. Paris, 1857.

[2]) Hardy, «Manual of Budhism», pp. 38, 126, 150; «Eastern Monachism», pp. 272, 285, 382; Köppen, «Religion des Buddha», vol. I, p. 412; Bastian, «Oestl. Asien», vol. III, p. 390; Philostrati Vita Apollon. Tyan. III, 15. См. упоминаніе въ индійскихъ Saadhs (XVII-го столѣтія), in Trant въ «Missionary Register», іюль, 1820, pp. 294—6.

[1]) Lucian. Philopseudes, 13.

[2]) Eunapius in Jambl.

капеллана, онъ жаловался, что тотъ помѣшалъ его великому духовному восторгу и услажденію Такъ, св. Филиппа Нери будто бы видѣли, во время его восторженныхъ молитвъ, на нѣсколько футовъ надъ землею, и лицо его сіяло яркимъ свѣтомъ. О св. Игнатіи Лойолѣ разсказывали, что онъ, при такихъ же обстоятельствахъ, поднимался около двухъ футовъ отъ земли; и такія же легенды о благочестивыхъ аскетахъ, которые не только метафорически, но и матеріально „поднимались надъ землею", разсказываются въ житіяхъ св. Доминика, св. Дунстана, св. Терезы и другихъ менѣе извѣстныхъ святыхъ. Въ прошедшемъ столѣтіи Домъ Кальметъ говоритъ, что онъ зналъ благочестиваго монаха, который иногда поднимался отъ земли и невольно оставался на воздухѣ, въ особенности, когда видѣлъ какое-нибудь священное изображеніе или слышалъ благочестивую молитву, и что онъ зналъ также монахиню, которая часто противъ воли поднималась на извѣстное разстояніе отъ земли. Къ несчастью, великій комментаторъ не приводитъ никакихъ свидѣтелей, которые бы видѣли монаха и монахиню на воздухѣ. Если они только сами думали, что поднимаются на воздухъ, то ихъ разсказы можно бы поставить на ряду съ разсказомъ де-Местра о молодомъ человѣкѣ, которому такъ часто казалось, будто онъ плаваетъ по воздуху, что онъ сталъ думать, будто тяготѣніе неестественно для человѣка [1]). Галлюцинація поднятія на воздухъ и плаванія въ немъ чрезвычайно обыкновенна, и аскеты въ особенности подвержены ей.

Но въ новѣйшихъ разсказахъ о бѣсноватыхъ поднятіе на воздухъ описывается такъ, что оно происходитъ не субъективно, а объективно. Въ 1657, нѣкая Джэнъ Бруксъ заколдовала Ричарда Джонса, рѣзваго двѣнадцатилѣтняго мальчика, жившаго въ Shepton Mallet; его видѣли, какъ онъ поднимался на воздухъ и проходилъ надъ садовой стѣной въ тридцать ярдовъ, а затѣмъ нѣсколько разъ находили его въ комнатѣ, при чемъ руки его были растянуты по перекладинѣ вверху комнаты, а тѣло находилось на два или на три фута выше пола, и въ этомъ послѣднемъ положеніи его видѣли девять человѣкъ. Поэтому Джэнъ Бруксъ была осуждена и казнена въ мартѣ 1658 г. въ Шаръ Ассизѣ. Ричарда, сёррейскаго бѣсноватаго, 1689 г., сатана поднималъ на воздухъ и опускалъ внизъ; когда начинались его припадки, его внезапно какъ будто срывало или подбрасывало со стула, какъ будто онъ собирался летѣть, но тѣ, которые держали его, висли на его рукахъ и но-

[1]) Alban Butler, «Lives of the Saints», vol. I, p. 674; Calmet, «Diss. sur les Apparitions и пр.», chap. XXI; De Maistre, «Soirées de St.-Pétersbourg», vol. II, pp. 158, 175. См. также Bastian, «Mensch», vol. II, p. 578; «Psychologie», p. 159.

гахъ и прицѣплялись къ нему. Одинъ разсказъ (не офиціально медицинскій) о бѣсноватости въ Морзинѣ, въ Савойѣ, въ 1864 г., говоритъ, что невидимая сила держала больного въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ или минутъ на воздухѣ, надъ кладбищемъ, въ присутствіи архіепископа [1]). Новѣйшіе спириты объявляютъ, что нѣкоторые изъ лучшихъ медіумовъ настоящаго времени обладаютъ этой силой и въ самомъ дѣлѣ соперничаютъ съ аэростатическими чудесами буддійской и католической легенды. Сила, дѣйствующая при этомъ, естественно, считается силою духовъ.

Представленія связанныхъ медіумовъ давались въ Англіи, преимущественно братьями Дэвенпортами, которыхъ „спириты вообще признаютъ за настоящихъ медіумовъ, и враждебное мнѣніе, глубоко вкоренившееся въ умахъ публики, приписываютъ неправдивости лондонскихъ и многихъ другихъ газетъ". Исполнителей крѣпко связывали и оставляли однихъ въ темной комнатѣ, съ музыкальными инструментами, и въ этой комнатѣ не только слышны были звуки музыки, но даже сюртуки медіумовъ были сняты и перенесены на другое мѣсто; однако, при осмотрѣ, медіумы найдены были все еще связанными. Духи, все равно, могли бы освободить медіумовъ отъ веревокъ, какъ бы тщательно ни были они связаны [2]). Идея о сверхъестественномъ развязываніи очень стара, и за нее свидѣтельствуетъ даже такой авторитетъ, какъ самъ хитроумный Одиссей, въ его приключеніяхъ на кораблѣ ѳеспротійцевъ:

„Тутъ съ корабля крѣпкозданнаго—прежде веревкою, плотно
Свитою, руки и ноги связавъ мнѣ, всѣ на берегъ вмѣстѣ
Вышли, чтобы, сѣвъ на зыбучемъ пескѣ, тамъ поужинать сладко.
Я же отъ тягостныхъ узъ былъ самими богами избавленъ".

Въ старинной англійской хроникѣ мы находимъ то же въ исторіи, разсказанной Бедой Достопочтеннымъ. Нѣкій Имма найденъ былъ почти мертвымъ на полѣ сраженія и взятъ въ плѣнъ; когда онъ сталъ выздоравливать, въ предупрежденіе побѣга, его связали; но едва только связывавшіе его отошли, какъ онъ снова былъ свободенъ. Графъ, которому онъ принадлежалъ, спрашивалъ, нѣтъ ли на немъ такихъ „освобождающихъ писаній" (litteras solutorias), о какихъ разсказывалось въ сказкахъ; онъ возразилъ, что ничего не знаетъ о подобныхъ искусствахъ, и когда его владѣтель продалъ его другому господину, его все-таки нельзя было связать. Принятое объясненіе этой странной силы

[1]) Glanvil, «Saducismus Triumphatus», part. II; Bastian, «Psychologie», p. 161.
[2]) «Spiritualist», Feb. 15, 1870. Orrin Abbott, «The Davenport Brothers», New-York, 1864.

было совершенно спиритуалистическое. Брать Иммы искалъ его трупа, нашелъ похожій на него, похоронилъ его и заказалъ по душѣ своего брата мессы, вслѣдствіе которыхъ никто и не могъ связать его, потому что онъ тотчасъ же снова становился свободнымъ. Наконецъ, его отослали домой, въ Кентъ, откуда онъ исправно уплатилъ свой выкупъ, и его исторія, говорятъ, поощрила къ благочестію многихъ людей, которые поняли изъ нея спасительность мессъ какъ для души, такъ и для тѣла. Въ Шотландіи еще въ прошломъ столѣтіи господствовало слѣдующее мнѣніе: когда сумасшедшихъ приводили къ С.-Филланскому пруду для купанія, слѣдующую ночь ихъ оставляли въ сосѣдней церкви связанными, и въ случаѣ, если ихъ находили утромъ развязанными, то на выздоровленіе ихъ можно было надѣяться; если же на разсвѣтѣ они оставались по прежнему связанными, выздоровленіе было сомнительно.

Фокусъ съ развязываньемъ, который производится у дикарей, такъ похожъ на фокусъ нашихъ шарлатановъ, что мы, находя сѣверо-американскихъ индѣйскихъ фокусниковъ выполняющими какъ этотъ, такъ и обыкновенный фокусъ вдыханія огня, не въ состояніи рѣшить, наслѣдовали ли они это отъ своихъ дикихъ предковъ, или заимствовали отъ бѣлыхъ. Главное, впрочемъ, не въ самомъ выполненіи фокуса развязыванія, а въ томъ, что оно приписывалось помощи духовныхъ существъ. Это понятіе вполнѣ сродно дикой культурѣ. Это видно изъ эскимосскихъ разсказовъ, относящихся къ началу XVIII столѣтія. Кранцъ такъ описываетъ Гренландскаго ангекока, отправляющагося въ свое мистическое путешествіе на небо и въ преисподнюю. Когда онъ побарабанилъ нѣсколько времени и совершилъ всевозможныя удивительныя кривлянья, одинъ изъ его учениковъ связалъ его ремнемъ такимъ образомъ, что голова его была между ногъ, а руки связаны на спинѣ. Всѣ огни въ домѣ были погашены и окна закрыты, потому что никто не долженъ былъ видѣть его въ обществѣ съ его духомъ; никто не долженъ былъ шевельнуться или даже почесать въ головѣ, чтобы не помѣшать духу, или, лучше сказать, говоритъ миссіонеръ, чтобы никто не могъ подстеречь его плутовства, потому что нельзя сдѣлать восхожденія на небо при полномъ дневномъ свѣтѣ. Наконецъ, послѣ страннаго шума и послѣ того, какъ волшебникъ получилъ или отдалъ посѣщеніе торнгаку, или духу, онъ снова появляется развязанный, но блѣдный и взволнованный, и отдаетъ отчетъ о своихъ приключеніяхъ. Кастренъ слѣдующимъ образомъ разсказываетъ о подобныхъ же дѣйствіяхъ сибирскихъ шамановъ.—„Они искусны,—говоритъ онъ,—во всякаго рода колдовскихъ продѣлкахъ, которыми умѣютъ ослѣпить глупую толпу и внушить большую вѣру къ себѣ. Одна изъ самыхъ обыкновенныхъ продѣлокъ у шамановъ Томской губерніи состоитъ изъ слѣдующаго фокуса, которымъ они удивляютъ русскихъ и самоѣдовъ. Шаманъ садится на высушенной оленьей кожѣ, разостланной по срединѣ пола. Онъ даетъ присутствующимъ связать себѣ руки и ноги. Ставни закрываются, и шаманъ начинаетъ призывать служащихъ ему духовъ. Внезапно въ темномъ пространствѣ обнаруживается ихъ таинственное присутствіе. Слышатся съ разныхъ сторонъ голоса и внутри и снаружи юрты, а на сухой оленьей кожѣ происходитъ равномѣрный трескъ и барабанный бой. Въ комнатѣ рычатъ медвѣди, шипятъ змѣи, прыгаютъ бѣлки. Наконецъ это удивительное дѣло оканчивается, и присутствующіе съ нетерпѣніемъ ждутъ результата игры. Проходитъ нѣсколько минутъ ожиданія, и оказывается, что шаманъ, свободный и развязанный, входитъ снаружи въ юрту. Никто не сомнѣвается въ томъ, что ревѣли, шипѣли и прыгали въ юртѣ духи, что они освободили шамана отъ веревокъ и вывели его тайными путями изъ юрты“ [1]).

Вообще этнографія вѣры въ духовъ относится къ практическимъ понятіямъ приблизительно такимъ образомъ. Кромѣ вопроса объ абсолютной истинности или ложности этихъ обладаній бѣсомъ, прорицаній душъ умершихъ, двойниковъ, духовныхъ общеній, движенія мебели и полетовъ по воздуху, остается исторія вѣры въ духовъ, какъ вопроса убѣжденія. Изъ этой исторіи оказывается, что принятая спиритами теорія о явленіяхъ духовъ принадлежитъ философіи дикарей. Это очевидно относительно такихъ вещей, какъ явленія духовъ и обладанія бѣсомъ, и остается вѣрнымъ и въ болѣе крайнихъ случаяхъ. Представимъ себѣ дикаго сѣверо-американскаго индѣйца, присутствующаго на спиритическомъ сеансѣ въ Лондонѣ. Что касается до присутствія безтѣлесныхъ духовъ, которое обнаруживается стукомъ, шумомъ, голосами и другими физическими явленіями, для дикаря всѣ эти процессы были бы совершенно естественны, потому что они составляютъ нераздѣльную часть признаваемой имъ системы природы. Дѣйствительно, странною подробностью для него было бы введеніе такихъ пріемовъ, какъ разговоръ и чтеніе, что̀ принадлежитъ уже другому, отличному отъ его собственнаго, состоянію цивилизаціи. Изъ сравненія дикаго, варварскаго и цивилизованнаго спиритизма мы получаемъ слѣдующій выводъ: краснокожій индѣйскій знахарь, татарскій некромантъ, шот-

[1]) Гомеръ, Одиссея. XIV. 345 (перев. Жуковскаго). Beda, ‹Historia Ecclesiastica›, IV, 22; Grimm, ‹D. M.›, p. 1180 (старинное волшебное развязываніе приводится изъ мерзебургской рукописи); J. Y. Simpson, въ Proc. Ant. Soc. Scotland. v. IV; Keating, «Long's Exp. to St. Peter's River», vol. II, p. 159; Egede, ‹Greenland›, p. 189; Cranz, «Grönland», p. 269; Castrèn ‹Reiseberichte›, 1845—9, p. 173.

ландскій духовидецъ и бостонскій медіумъ, не обладаютъ ли они вѣрой и знаніемъ въ высшей степени истинными и важными, которыя, тѣмъ не менѣе, отброшены великимъ умственнымъ движеніемъ двухъ послѣднихъ столѣтій, какъ не имѣющія никакой цѣны? И то, чѣмъ мы обыкновенно хвалимся и что̀ называемъ новымъ просвѣщеніемъ, не есть ли на самомъ дѣлѣ упадокъ знанія? Если это такъ, это, дѣйствительно, замѣчательный случай вырожденія, и дикари, которыхъ этнографы считаютъ выродившимися изъ высшей цивилизаціи, должны обратить тяжесть этого обвиненія на своихъ обвинителей и сказать, что они сами спустились съ высшаго уровня дикаго знанія.

Во всемъ этомъ разнообразномъ изслѣдованіи объ исчезающемъ переживаніи старой культуры, или о новомъ ея порывѣ къ дѣятельному оживанію, быть можетъ, можно сожалѣть, что разъясненія для него приходится брать изъ вещей отжившихъ, не имѣющихъ значенія, пустыхъ, или даже зараженныхъ открытой вредной глупостью. Это и на самомъ дѣлѣ такъ, и я принялъ эту аргументацію вполнѣ завѣдомо и намѣренно. Дѣйствительно, такія изслѣдованія даютъ намъ постоянное основаніе быть благодарными глупцамъ. Если даже мы коснемся предмета поверхностнымъ образомъ, мы съ удивленіемъ видимъ, какое значительное участіе глупость, непрактичный консерватизмъ и упорное суевѣріе имѣли въ сохраненіи для насъ слѣдовъ исторіи человѣчества, слѣдовъ, которые практическій утилитаризмъ безъ зазрѣнія совѣсти отбросилъ бы прочь. Дикарь крѣпко, упорно консервативенъ. Никто не обращается съ такимъ непоколебимымъ довѣріемъ къ своимъ великимъ предшественникамъ въ прошедшемъ; мудрость предковъ можетъ перевѣшивать для него самыя очевидныя доказательства его собственныхъ понятій и дѣйствій. Мы съ состраданіемъ выслушиваемъ, какъ грубый индѣецъ выставляетъ противъ цивилизованной науки и опыта авторитетъ своихъ грубыхъ предковъ. Мы улыбаемся, когда китаецъ выставляетъ противъ современныхъ нововведеній золотыя правила Конфуція, который въ свое время съ такимъ же почтительнымъ благоговѣніемъ обращался къ мудрецамъ, еще болѣе древнимъ, совѣтуя своимъ ученикамъ слѣдовать временамъ года Ги, ѣздить въ колесницѣ Йина, носить церемоніальную шапку Чоу.

Болѣе благородное стремленіе развивающейся культуры, и особенно культуры научной, состоитъ въ томъ, чтобы почитать умершаго, не унижаясь передъ нимъ, и пользоваться прошедшимъ, не жертвуя для него настоящимъ. Однако, даже и новѣйшій цивилизованный міръ только наполовину выучился этому правилу, и безпристрастное наблюденіе можетъ показать намъ, какъ многое изъ нашихъ идей и обы-

чаевъ существуетъ скорѣе потому, что оно старо, чѣмъ потому, что оно хорошо. Но когда мы имѣемъ дѣло съ вредними суевѣріями, доказательство, что это — такія вещи, которыя дикое состояніе имѣетъ стремленіе производить, а высшая культура уничтожать, признается хорошимъ полемическимъ аргументомъ. Уже само историческое положеніе какого-нибудь вѣрованія или обычая можетъ возбудить сомнѣніе относительно его происхожденія, которое переходитъ въ сомнѣніе въ его достовѣрности. Знаменитое письмо доктора Миддльтона изъ Рима приводитъ случаи подобнаго рода . . . .
Онъ замѣчаетъ, что какъ теперь кровь св. Януарія кипитъ чудеснымъ образомъ безъ огня, такъ точно сотни лѣтъ тому назадъ жрецы Гнаціи старались убѣдить Горація, на пути его въ Брундузіумъ, что въ ихъ храмѣ смола кипитъ обыкновенно такимъ же образомъ:

„. . . . dehinc Cnatia lymphis
Iratis exstructa dedit risusque jocosque;
Dum flamma sine thura liquescere limine sacro,
Persuadere cupit: credat Judaeus Apella;
Non ego“ [1]).

Такъ этнографы не безъ злорадства могутъ иногда находить возможность обращать глупыя и вредныя суевѣрія въ аргументъ противъ нихъ самихъ.

Кромѣ того, когда мы стараемся уразумѣть общіе законы умственнаго движенія, для насъ практически выгодно, если мы можемъ изучать эти законы болѣе по антикварнымъ остаткамъ, не имѣющимъ большого интереса въ наше время, чѣмъ по тѣмъ жгучимъ вопросамъ дня, которые приходится изслѣдовать среди волненій и ожесточенныхъ споровъ. Если бы какой-нибудь моралистъ или политикъ отзывался презрительно о безплодности изученія предметовъ, не имѣющихъ практической важности, мы могли бы замѣтить вообще, что его собственное обращеніе съ дѣломъ состоитъ изъ партизанскихъ дѣйствій въ области вопросовъ дня, — пріемъ довольно практическій, особенно для убѣжденія тѣхъ, кто уже согласенъ съ нимъ, но совершенно не похожій на научный способъ открывать истину. Далѣе, пріемъ этнографа долженъ походить на пріемъ анатома, который, по возможности, производитъ

[1]) Далѣе Гнація (салентинскій городъ, Игнація, по Плинію), воздвигнутая при проклятіи нимфъ (за отсутствіе прѣсной воды), вызвала нашъ смѣхъ и потѣху, когда стала увѣрять насъ (въ лицѣ своихъ обитателей), что смолы куреній безъ огня приходятъ въ жидкое состояніе въ священной оградѣ. Пусть вѣритъ тому іудей Апеллесъ, а не я. Hor. Sat. I, v. 98. Conyers Middleton, «A Letter from Rome», 1729.

свои изслѣдованія скорѣе на мертвыхъ, чѣмъ на живыхъ субъектахъ; вивисекція есть дѣло трудное, и человѣколюбивый изслѣдователь не любитъ причинять напрасное мученіе. Такъ, когда изслѣдователь культуры изучаетъ смыслъ уже завершенныхъ споровъ или разъясняетъ исторію давно пережитыхъ изобрѣтеній, онъ охотно будетъ искать своихъ аргументовъ скорѣе въ такой мертвой старой исторіи, чѣмъ въ такихъ спорахъ, куда и онъ, и окружающіе его вносятъ страстное чувство партій, и гдѣ его сужденіе можетъ подчиниться побужденіямъ личной симпатіи и, пожалуй, даже личной выгоды или убытка. Такъ, изъ вещей, которыя, быть можетъ, никогда не имѣли большой важности, изъ вещей, потерявшихъ значеніе для массы или даже вышедшихъ у нея изъ памяти, онъ старается извлечь общіе законы культуры, которые такимъ путемъ часто добываются легче и полнѣе, чѣмъ на поприщѣ новѣйшей философіи и политики.

Но воззрѣнія, добытыя изъ старой или отжившей культуры, не должны лишь принадлежать тому мѣсту, гдѣ они образовались. Предполагать, что умственные законы были различны въ Австраліи и Англіи, во времена пещерныхъ обитателей и во времена строителей домовъ изъ желѣза, нисколько не основательнѣе, чѣмъ предполагать, что законы химическихъ соединеній во времена каменноугольной формаціи были другіе, чѣмъ въ наше время. То, что существовало, будетъ существовать; мы должны изучать дикіе и старые народы для того, чтобы изучить законы, которые при новыхъ обстоятельствахъ дѣйствуютъ хорошо или дурно въ нашемъ собственномъ развитіи. Если нужно привести примѣръ того прямого отношенія, въ какомъ древность и дикое состояніе находятся къ нашей новѣйшей жизни, его можно найти въ только что приведенныхъ фактахъ отношенія древняго колдовства къ вѣрѣ въ волшебство, которая еще недавно была однимъ изъ самыхъ тягостныхъ фактовъ европейской исторіи, и отношенія дикаго спиритизма къ тѣмъ вѣрованіямъ, которыя еще глубоко проникаютъ нашу нынѣшнюю цивилизацію. Тотъ, кто можетъ понять изъ этихъ случаевъ и изъ многихъ другихъ, которые будутъ изложены въ этой книгѣ, какая прямая и тѣсная связь является между новѣйшей культурой и состояніемъ самаго грубаго дикаря, не захочетъ обвинять изслѣдователей, употребляющихъ свой трудъ на изученіе даже самыхъ низшихъ и ничтожныхъ фактовъ этнографіи, въ томъ, что они тратятъ время на удовлетвореніе пустого любопытства.

ГЛАВА V.

Эмоціональный и подражательный языкъ.

Элементъ прямо выразительныхъ звуковъ въ языкѣ.—Свидѣтельство независимаго совпаденія въ различныхъ языкахъ.—Составительные процессы языка.—Жесты.—Выраженіе лица и пр.—Эмоціональный тонъ.—Членораздѣльные звуки, гласные, опредѣляемые музыкальнымъ качествомъ и высотою, согласные.—Выразительность и удареніе.—Мелодія фразы, речитативъ.—Звуковыя слова.—Междометія.—Обращенія къ животнымъ.—Эмоціональные крики. — Осмысленныя слова, образованныя изъ междометій.—Утвердительныя и отрицательныя частицы и пр.

При изслѣдованіи развитія культуры достаточно важныя указанія можно извлечь изъ разсмотрѣнія Языка. Сравнивая грамматики и словари расъ, стоящихъ на различныхъ степеняхъ цивилизаціи, оказывается, что въ великомъ искусствѣ рѣчи образованный человѣкъ въ настоящее время, въ сущности, употребляетъ тотъ же методъ дикаря, только расширенный и усовершенствованный въ выработкѣ деталей. Правда, языки тасманійцевъ и китайцевъ, гренландцевъ и грековъ различаются своимъ строеніемъ; но это уже второстепенное различіе, подчиненное первоначальному сходству метода — общаго имъ способа выраженія понятій членораздѣльными звуками. Именно, всѣ языки оказываются при изслѣдованіи содержащими нѣсколько членораздѣльныхъ звуковъ прямо естественнаго и прямо выразительнаго рода. Это звуки междометнаго, или подражательнаго характера, смыслъ которыхъ не наслѣдуется отъ родителей или не перенимается отъ иностранцевъ, но получается прямымъ переходомъ изъ міра звука въ міръ чувства. Подобно пантомимамъ, смыслъ ихъ можетъ быть понятъ самъ по себѣ, безъ отношенія къ частному языку, въ связи съ которымъ они употребляются. Изъ разсмотрѣнія такихъ звуковъ явилось соображеніе касательно происхожденія языка, принимающее такіе выразительные звуки за основныя составныя части языка вообще, и считающее, что тѣ изъ нихъ, которые до сихъ поръ сами по себѣ еще понятны, сохранились болѣе или менѣе въ своемъ первоначальномъ состояніи, и что изъ такихъ зву-

ковъ продолжительнымъ примѣненіемъ и измѣненіемъ произошла значительная часть словъ всѣхъ языковъ, въ которыхъ уже болѣе не обнаруживается какая-либо связь между идеей и звукомъ. Такимъ образомъ явилось ученіе о „естественномъ" происхожденіи языка, которое, начавшись въ классическія времена, въ XVIII в. было развито въ систему могучимъ мыслителемъ, президентомъ Шарлемъ де-Броссъ (de Brosses), и въ настоящее время также развивается и поддерживается школою филологовъ, среди которыхъ наиболѣе выдается Генслей Веджвудъ [1]). Эти теоріи были, безъ сомнѣнія, составлены неосторожно и мечтательно. Нѣтъ ничего удивительнаго, что изслѣдователи, находя въ дѣйствительности реальные и прямые источники членораздѣльной рѣчи въ междометіяхъ, подобныхъ ахъ! ухъ! гм! тш! и въ подражательныхъ звукахъ, подобныхъ purr, whiz tomtom, cuckoo (куку), вообразили, что вся тайна языка находится въ ихъ рукахъ, и что найденнымъ такимъ образомъ ключомъ можно будетъ отпереть всякій замокъ. Когда философъ добрался до истины, онъ склоненъ распространять ее далѣе, нежели насколько она пригодна. Магическій зонтикъ долженъ расширяться и расширяться, пока онъ не станетъ палаткою достаточно широкою, чтобы покрыть цѣлое королевское войско. Впрочемъ, надо помнить, что въ этихъ теоріяхъ подлежитъ критикѣ ихъ преувеличеніе, а не реальная составная часть ихъ. Никто не будетъ отрицать, что междометія и подражательныя слова дѣйствительно, въ большей или меньшей степени, входятъ въ самый составъ и строеніе языка. Если бы кто-нибудь сталъ возражать противъ этого, защитники спорныхъ теорій могли бы отдѣлаться одной фразой, что ихъ нельзя ни переаукать, ни перегугукать [2]). Можно показать, не выходя за предѣлы самыхъ строгихъ и добросовѣстныхъ доказательствъ, что теорія происхожденія языка изъ естественныхъ и прямо выразительныхъ звуковъ приложима къ значительной части существующихъ словъ, при чемъ является предположеніе, что если бы можно было полнѣе прослѣдить исторію словъ, она могла бы объяснить еще гораздо болѣе.

Разсматривая здѣсь междометія и подражательные звуки съ производными отъ нихъ словами, также какъ и нѣкоторыя другія части языка, болѣе или менѣе сроднаго характера, я имѣю намѣреніе представить, насколько это будетъ возможно, новыя доказательства, доставляемыя языками дикихъ и варварскихъ расъ. При этомъ слѣдуетъ особенно остерегаться главнаго источника ненадежности и ошибочности такихъ изслѣдованій — обыкновенія этимологизировать слова прямо отъ выразительныхъ звуковъ, руководясь лишь безпомощнымъ и часто пылкимъ воображеніемъ филолога. Уже простое расширеніе области изслѣдованія языка съуживаетъ просторъ воображенія. Если различные языки, не могущіе быть классифицированы въ качествѣ явно принадлежащихъ къ одному и тому же семейству, сходятся въ выраженіи нѣкоторыхъ понятій помощью особенныхъ звуковъ, которые съ большимъ основаніемъ можно считать восклицательными или подражательными, то ихъ совокупное притязаніе можно считать еще болѣе справедливымъ. Если бы на это возразили, что такія слова могли войти въ составъ различныхъ языковъ изъ общаго источника, слѣдъ котораго большею частью бываетъ потерянъ, на это можно было бы отвѣтить вопросомъ, отчего же не существуетъ соотвѣтственнаго сходства между изслѣдуемыми языками относительно гораздо большей массы словъ, которыя не могутъ считаться прямо звуковыми? Если различные языки независимо другъ отъ друга выбрали сходныя слова для выраженія сходныхъ значеній, тогда мы справедливо можемъ предполагать, что мы не ошибемся, считая такія слова въ высокой степени соотвѣтствующими своей цѣли. Это — слова, отвѣчающія условіямъ первобытнаго языка, согласно изреченію Ѳомы Аквината, что названія предметовъ должны совпадать съ ихъ природою, „nomina debent naturis rerum congruere". Употребляемые для такого сравненія языки низшихъ расъ доставляютъ превосходные аргументы для этой задачи. Въ то же время и тѣ же доводы, повидимому, показываютъ, что дикари въ высокой степени обладаютъ способностью выраженія своихъ мыслей прямо эмоціональными звуками и междометіями, способностью заимствованія непосредственно у природы подражательныхъ звуковъ, включая сюда и воспроизведеніе ихъ собственныхъ прямыхъ эмоціональныхъ проявленій, какъ средства для выраженія мыслей, и способностью введенія въ ихъ формальный языкъ произведенныхъ такимъ образомъ словъ. Въ такой степени они, очевидно, обладаютъ средствомъ и способностію произведенія языка. Насколько разсматриваемыя теоріи объясняютъ первоначальное образованіе языка, настолько онѣ благопріятствуютъ взгляду, что этотъ образовательный процессъ имѣлъ мѣсто въ человѣчествѣ въ его дикомъ состояніи, и даже, хотя противъ этого имѣются еще кое-какія возраженія, на еще низшей степени культуры, нежели та, какая уцѣлѣла до нашихъ дней [1]).

[1]) C. de Brosses, «Traîté de la Formation Mécanique des Langues» etc. (1 ed. 1765); Wedgwood, «Origin of Language» (1866); «Dic. of English Etymology» (1859, etc.); Farrar, «Chapters on Language» (1865).

[2]) «...that they would neither be pooh-poohed nor hooted down». Ближе передать эту фразу по-русски трудно, но смыслъ ея ясенъ. — Пер.

[1]) Главные дикіе и варварскіе языки, изъ которыхъ приводятся здѣсь свидѣтельства, слѣдующіе: Африка: галласскій (Tutschek, Gr. and Dic.), іорубскій

Первою ступенью въ такомъ изслѣдованіи должно быть пріобрѣтеніе яснаго понятія о различныхъ элементахъ, изъ которыхъ образуется разговорный языкъ. Сюда принадлежатъ тѣлодвиженіе, выраженіе лица, эмоціональный тонъ, выразительность (emphasis), сила, быстрота и пр. рѣчи, музыкальный ритмъ и интонація и образованіе гласныхъ и согласныхъ, составляющихъ остовъ членораздѣльной рѣчи.

Въ общежитіи рѣчь обыкновенно сопровождается тѣлодвиженіями; руки, голова и туловище поддерживаютъ и поясняютъ говоримое. Насколько мы можемъ судить, видимое тѣлодвиженіе и слышимое слово употреблялись въ такомъ сочетаніи уже съ самаго отдаленнаго времени существованія нашей расы. Однако, повидимому, въ обыденномъ общеніи низшихъ расъ жесты играютъ гораздо болѣе важную роль, чѣмъ привыкли мы видѣть, приближающуюся даже къ той, какую членораздѣльные звуки играютъ у насъ. Бонвикъ подтверждаетъ разсказъ д-ра Миллигэна, что тасманійцы употребляли „знаки для усиленія смысла односложныхъ выраженій и для приданія силы, точности и характера голосовымъ звукамъ". Капитанъ Уильсонъ говоритъ объ употребленіи жестикуляціи для измѣненія словъ въ чинукскомъ жаргонѣ. Въ описаніи низшихъ бразильскихъ племенъ Спикса и Марціуса утверждается, что они знаками дополняютъ смыслъ своихъ скудныхъ рѣчей, придавая, такимъ образомъ, словамъ „лѣсъ идти" значеніе „я пойду въ лѣсъ", помощью указыванія ртомъ въ соотвѣтствующемъ направленіи. Достопочтенный Дж. Л. Уильсонъ, описывая языкъ племени Гребо въ западной Африкѣ, замѣчаетъ, что у нихъ есть личныя мѣстоименія, но они рѣдко употребляются ими въ разговорѣ, въ которомъ выражается посредствомъ тѣлодвиженій — должно ли понимать глаголъ въ первомъ или во второмъ лицѣ; такъ слова „ni ne" означаютъ: „я дѣлаю это" или „вы дѣлаете это", сообразно съ пояснительными жестами говорящаго [1]). Кромѣ этихъ примѣровъ, ниже будетъ указано,

(Bowen, Gr. and Dic.), зулускій (Döhne, Dic.). Полинезія и пр.: маорискій (Kendall, Vocab., Williams, Dic.), тонганскій (Mariner, Vocab.), фиджійскій (Hazlewood, Dic.), меланезійскіе (Gabelentz, Melan. Spr.). Австралійскіе (Grey, Moore, Schürmann, Oldfield, Vocabs.). С. Америка: пимаскій, якамскій, клолламскій, луммискій, чинукскій, могаукскій, микмакскій (Smithson. Contr. vol. III), чинукскій жаргонъ (Gibbs, Dic.), киче (quiché) (Brasseur, Gr. and Dic.). Ю. Америка: тупискій (Diaz, Dic.), караибскій (Rochefort, Vocab.), Кечуа (Markham, Gr. und Dic.), чилійскій (Febres, Dic.), бразильскіе (Martius, Glossaria linguarum Brasiliensium). Многія подробности у Pott, «Doppelung» и пр.

[1]) Bonwick. «Daily Life of Tasmanians», p. 140; Capt. Wilson въ «Tr. Eth. Soc.», vol. IV, p. 322, etc.; J. L. Wilson, въ «Journ. Amer. Oriental Soc.», vol. I, 1849, № 4; также Cranz, «Grönland», p. 279 (цитированное ниже, стр. 173). Другія сообщенія см. въ «Early Hist. of Mankind», p. 77.

что низшія расы при счетѣ обыкновенно употребляютъ языкъ жестовъ для тѣхъ цѣлей, для которыхъ высшія расы употребляютъ словесную рѣчь. Этой высшей степени развитія тѣлодвиженій, какъ способовъ выраженія мыслей у грубыхъ племенъ, и развитію пантомимы въ публичныхъ зрѣлищахъ и общежитіи у такого народа, какъ современные неаполитанцы, наиболѣе рѣзкій контрастъ можно найти въ Англіи, гдѣ, худо это или хорошо, выразительная пантомима играетъ въ общественныхъ бесѣдахъ, и даже въ публичныхъ рѣчахъ, только незначительную роль.

Къ измѣненіямъ положенія тѣла, соотвѣтствующимъ въ ихъ постепенныхъ градаціяхъ измѣненіямъ ощущеній, относятся общее очертаніе тѣла, положеніе членовъ и въ особенности тѣ выразительныя измѣненія лица, на которыя преимущественно обращается наше вниманіе, когда мы наблюдаемъ другъ друга. Видимое выраженіе лица есть симптомъ, обнаруживающій душевное состояніе говорящаго, его ощущенія удовольствія или отвращенія, гордости или униженія, вѣры или сомнѣнія, и т. п. И это не потому, чтобы между душевнымъ движеніемъ и его физическимъ выраженіемъ существовала какая-нибудь первоначальная сознательная связь; извѣстныя дѣйствія нашей организаціи здѣсь просто представляютъ симптомы, которые мы научились по опыту относить къ душевнымъ причинамъ, подобно тому, какъ при видѣ вспотѣвшаго или хромающаго человѣка, мы заключаемъ, что ему жарко, или что у него болитъ нога. Румянецъ вызывается извѣстными эмоціями, и у европейцевъ онъ служитъ ихъ видимымъ выраженіемъ или симптомомъ. Иное мы видимъ у южно-американскихъ индѣйцевъ, у которыхъ румянецъ, какъ замѣчаетъ Дэвидъ Форбсъ, можетъ быть обнаруженъ помощью руки или термометра, но, будучи скрытъ темнымъ цвѣтомъ кожи, не можетъ служить видимымъ знакомъ ощущенія [1]). Пользуясь этими естественными процессами, люди стараются до извѣстной степени пускать въ ходъ особыя физическія выраженія, напр., нахмуриваніе или улыбку, чтобы выказать ощущенія, которыя естественно произвели бы такія выраженія, или просто для возбужденія въ другихъ мысли о такихъ ощущеніяхъ. Всякому хорошо извѣстно, что физическое выраженіе лица и пр., составляя часть универсальнаго языка жестовъ, служитъ, такимъ образомъ, важнымъ пособіемъ устной рѣчи. Хотя это менѣе очевидно, но мы убѣждаемся при ближайшемъ изученіи, что такое выраженіе помощью чертъ лица само по себѣ является образовательною силою въ вокальномъ языкѣ. Выраженіе чрезъ общее положеніе тѣла имѣетъ дѣй-

[1]) Forbes. «Aymara Indians», въ Journ. Eth. Soc. 1870, vol. II, p. 208.

ствіе, превосходящее дѣйствіе простого видимаго жеста. Положеніе тѣла, обусловленное особымъ душевнымъ состояніемъ, вліяетъ на положеніе органовъ рѣчи, какъ на внутреннюю гортань и пр., такъ и на наружныя черты лица, измѣненіе которыхъ можетъ быть подмѣчено простымъ наблюдателемъ. Даже если выраженіе лица говорящаго не видно слушающему, положеніе всего тѣла, часть котораго оно составляетъ, отъ этого еще не теряетъ своего значенія. И это потому, что отъ принятаго такимъ образомъ положенія разными органами, участвующими въ рѣчи, зависитъ то, что я назвалъ „эмоціональнымъ тономъ", въ силу котораго голосъ представляетъ прямое выраженіе ощущеній говорящаго [1]).

Опредѣленіе точнаго физическаго способа, которымъ извѣстныя выраженія лица приходятъ въ соотвѣтствіе съ извѣстными душевными состояніями, составляетъ мало еще уясненную до сихъ поръ физіологическую задачу; однако фактъ, что особенныя выраженія лица сопровождаются соотвѣтственными и зависимыми выраженіями эмоціональнаго тона, требуетъ для своего удостовѣренія только наблюдателя или зеркала. Смѣхъ, сопровождаемый торжественнымъ, презрительнымъ или саркастическимъ выраженіемъ лица, совершенно отличенъ отъ сопровождаемаго радостнымъ выраженіемъ: ахъ! охъ! хо! хэ! и т. д. измѣняются въ модуляціи вмѣстѣ съ выраженіемъ физіономіи. Дѣйствія эмоціональнаго тона не требуютъ даже соотвѣтствія въ значеніи произносимыхъ словъ, потому что совершенная безсмыслица или вполнѣ неизвѣстный языкъ могутъ также, если сопровождаются выразительною интонаціею, возбудить въ слушателяхъ чувства, обнаруживающіяся на лицѣ оратора. Это выраженіе можно узнать даже и въ темнотѣ, если обратить вниманіе на тонъ, который оно производитъ, тогда какъ насильственный характеръ, придаваемый попыткою произнести звукъ, не соотвѣтствующій внѣшней игрѣ физіономіи, едва ли можетъ быть скрытъ даже самымъ опытнымъ чревовѣщателемъ, и при такомъ усиліи звукъ примѣтно заставляетъ лицо принять соотвѣтствующее выраженіе. Таковы, приблизительно, по моему мнѣнію, свойства сообщенія помощью эмоціональныхъ тоновъ. Нельзя, повидимому, сказать, что извѣстные тоны непосредственно и сами по себѣ принадлежатъ извѣстнымъ эмоціямъ, но дѣйствіе ихъ зависитъ отъ голосовыхъ органовъ говорящаго и слушающаго. Другія животныя, имѣющія голосовые органы, отличные отъ человѣческихъ, какъ извѣстно, имѣютъ сообразно съ тѣмъ и другой кодексъ эмоціональныхъ тоновъ. Измѣненіе въ голосовыхъ органахъ человѣка произвело бы соотвѣтственное измѣненіе въ тонахъ, вы-

[1]) Ср. Herbert Spencer, «Origin and Function of Music» въ «Essays» (1858).

ражающихъ ощущенія; тонъ, выражающій теперь удивленіе или гнѣвъ, могъ бы выражать удовольствіе, и т. п. Дѣти раннимъ опытомъ научаются узнавать, что такой-то тонъ указываетъ такое-то душевное движеніе, и до этого они доходятъ отчасти, видя, что они сами выражаютъ такіе тоны, когда ихъ ощущенія придали лицу соотвѣтственное выраженіе, отчасти же, наблюдая выраженіе чужого голоса. Трехъ или четырехъ лѣтъ отъ роду ихъ можно видѣть, какъ они учатся этому: они поворачиваются, чтобы видѣть лицо и тѣлодвиженія говорящаго, для удостовѣренія въ значеніи тона. Но въ позднѣйшіе годы это знаніе дѣлается столь обычнымъ, что его даже считаютъ интуитивнымъ. Когда люди разговариваютъ, слушающій получаетъ изъ такого эмоціональнаго тона указаніе или сигналъ о физическомъ состояніи говорящаго, а черезъ это и о состояніи его души. Это послѣднее онъ можетъ узнать и даже воспроизвести въ себѣ, какъ телеграфистъ на одномъ концѣ проволоки можетъ, наблюдая за стрѣлкой, слѣдить за дѣйствіями товарища на другомъ концѣ проволоки. Наблюдая процессъ, позволяющій такимъ образомъ одному человѣку узнавать душевныя движенія другого по ихъ физическому дѣйствію на его голосовые звуки, мы можемъ удивляться совершенству, съ которымъ столь простое средство соотвѣтствуетъ столь сложной и, повидимому, столь отдаленной цѣли.

Исключая изъ рѣчи всѣ дѣйствія тѣлодвиженія, выраженія лица и эмоціональнаго тона, мы сводимъ ее почти на одну систему условныхъ членораздѣльныхъ звуковъ, которая у грамматиковъ и сравнительныхъ филологовъ обыкновенно составляетъ то, чтò они называютъ языкомъ. Эти членораздѣльные звуки могутъ быть въ грубомъ видѣ обращены въ знаки, изображающіе гласные и согласные, при помощи удареній и другихъ имѣющихъ извѣстный смыслъ значковъ; и ихъ можетъ потомъ снова прочесть вслухъ по этимъ писаннымъ знакамъ каждый, кто выучился придавать соотвѣтственный звукъ каждой буквѣ.

Что такое гласные звуки — было вполнѣ уяснено нѣсколько лѣтъ тому назадъ [1]). Это — сложные музыкальные тоны, какіе въ человѣческомъ голосѣ, только съ различіемъ въ органѣ, производятся вибрирующими язычками, приложенными къ органнымъ трубкамъ извѣстнаго устройства. Способъ образованія гласныхъ голосомъ вкратцѣ состоитъ въ слѣдующемъ. Въ гортани находится пара вибрирующихъ перепонокъ, называемыхъ голосовыми связками, которыя въ грубомъ видѣ можно представить, растянувъ кусокъ каучуковой пластинки на открытомъ

[1]) См. Helmholtz, «Tonempfindungen», 2 ed. p. 163; Tyndall, «Sound», lecture V; Max Müller, «Lectures», 2-nd series, p. 95, etc.

концѣ трубки такъ, чтобы на послѣдней образовалось двѣ полупокрышки, „подобно перепонкѣ барабана, разрѣзанной поперекъ по срединѣ“; если дуть въ такую трубку, каучуковыя лопасти приходятъ въ сотрясеніе, какъ голосовыя связки гортани, и издаютъ звукъ. Въ человѣческомъ голосѣ музыкальное дѣйствіе вибрирующихъ связокъ усиливается полостью рта, которая дѣйствуетъ какъ резонаторъ и которая также постояннымъ измѣненіемъ своей формы модифицируетъ музыкальное „качество“ издаваемаго звука. Качество звука, не зависящее отъ его высоты, зависитъ отъ гармоническихъ побочныхъ тоновъ, сопровождающихъ основной тонъ, который одинъ только обозначается въ музыкѣ: это качество составляетъ причину различія одного и того же тона, на двухъ различныхъ инструментахъ, напримѣръ, на флейтѣ и на фортепіано; нѣкоторые же инструменты, какъ, напр., скрипка, могутъ сильно измѣнять качество одной и той же ноты. Такому-то качеству обязаны гласные своимъ происхожденіемъ. Это превосходно поясняется варганомъ (Jew's harp), который, приведя его въ сотрясеніе, можно заставить издавать гласные а, е, и, о, у и пр., просто придавая рту форму, необходимую для произнесенія этихъ гласныхъ. При этомъ опытѣ экспериментаторъ не издаетъ никакого звука, но вибрирующій язычокъ варгана, помѣщеннаго передъ ртомъ, исполняетъ роль голосовыхъ связокъ, и гласные звуки производятся различными положеніями полости рта, измѣняющими качество звука, выпусканіемъ съ различною степенью силы ряда гармоническихъ тоновъ, изъ которыхъ онъ составленъ. Въ теоретически-музыкальномъ отношеніи эмоціональные и гласные тоны находятся въ извѣстной связи между собой. Въ дѣйствительности эмоціональный тонъ можетъ быть названъ гласной, особое музыкальное качество которой производится человѣческими голосовыми органами, измѣненными соотвѣтственно особому состоянію чувства.

Европейцы, употребляя модуляцію музыкальной высоты звука для приданія различной силы словамъ рѣчи, совершенно не умѣютъ употреблять ее для измѣненія самого лексическаго значенія слова. Но это искусство извѣстно въ другихъ странахъ, особенно въ юго-восточной Азіи, гдѣ повышенія и пониженія тона, въ нѣкоторой степени сходныя съ тѣми, которыя служатъ намъ для приданія рѣчи выразительности, для различія вопроса и отвѣта, на самомъ дѣлѣ придаютъ слову различныя значенія. Такъ, въ сіамскомъ языкѣ, há = искать, hà = чума, hà = пять. Слѣдствіе этой выработанной системы акцентуаціи тона есть необходимость увеличенія числа дополнительныхъ частицъ, для пополненія ораторской или выразительной интонаціи, которая, будучи такимъ образомъ придана словарю, потеряна для грамматики.

Другимъ слѣдствіемъ является то, что переложеніе поэзіи на музыку дѣлается радикально отличнымъ отъ нашего; пѣніе сіамской пѣсни на европейскій ладъ заставляетъ значеніе слоговъ измѣняться, сообразно съ повышеніемъ или пониженіемъ ихъ высоты, и превращаетъ ихъ смыслъ въ совершенную безсмыслицу [1]). Въ западной Африкѣ наблюдается то же самое; такъ, въ дагомейскомъ языкѣ, so = палка, só = лошадь, sò = громъ; въ іорубскомъ языкѣ, bá = съ, bà = сгибъ [2]). Для практическихъ цѣлей едва ли можно рекомендовать эту лингвистическую музыку, но теоретически она интересна, показывая, что человѣкъ не слѣдуетъ рабски какой-нибудь интуитивной или унаслѣдованной схемѣ языка, но различными путями разработываетъ источники звука, какъ средства выраженія.

Теорія согласныхъ гораздо темнѣе, нежели гласныхъ. Это не музыкальныя колебанія, какъ гласныя, но только сопровождающіе ихъ шумы. Для музыканта такой шумъ, какъ, напр., при выхожденіи воздуха изъ органной трубки, визгъ скрипки, завыванія флейты, только докучливы своимъ смѣшеніемъ съ музыкальными тонами, и онъ старается по возможности ихъ уменьшить. Въ языкѣ же такого рода шумы, которыхъ никто и не думаетъ избѣгать, имѣютъ огромное значеніе, будучи употребляемы, въ сочетаніи съ музыкальными гласными, какъ согласныя. Относительно положеній и движеній голосовыхъ органовъ при произведеніи согласныхъ мы находимъ превосходное объясненіе съ анатомическими рисунками во второй серіи чтеній проф. Макса Мюллера. Для нашей цѣли — краткаго обзора разныхъ приспособленій, помощью которыхъ создававшій языкъ стремился воспользоваться звукомъ, какъ средствомъ для выраженія мыслей, для поясненія ихъ значенія, — кажется, будетъ лучше всего привести сообщеніе сэра Чарльза Уитстона о его говорящей машинѣ [3]), такъ какъ одинъ изъ лучшихъ путей изслѣдованія труднаго явленія есть изученіе его искусственнаго подражанія. Этотъ инструментъ хорошо произносилъ латинскія, французскія и итальянскія слова; онъ говорилъ: „Je vous aime de tout mon coeur“, „Leopoldus Secundus Romanorum Imperator“, и пр.; нѣмецкія же не такъ удачно. Гласные звуки, конечно, просто производились должнымъ образомъ подобранными вибрирующими язычками и трубками. Для присоединенія же къ нимъ согласныхъ звуковъ, были

[1]) См. Pallegoix, «Gramm. Ling. Thai»; Bastian въ «Monatsb. Berlin. Akad.» June 6, 1867, и «Roy. Asiatic. Soc.» June, 1867.

[2]) Burton, въ «Mem. Anthrop. Soc.», vol. I, p. 313; Bowen, «Yoruba Gr. and Dic.», p. 5: см. J. L. Wilson, «W. Afr.», p. 461.

[3]) C. W. въ «London and Westminster Review», Oct. 1837.

устроены приспособленія, дѣйствовавшія подобно человѣческимъ органамъ. Такъ, звукъ p (п) производился внезапнымъ удаленіемъ руки экспериментатора отъ рта фигуры; тѣмъ же путемъ—и b, только при этомъ ротъ не закрывался совершенно; отверстія, подобныя ноздрямъ, употреблялись при образованіи m; f и v производились измѣненіемъ формы рта помощью руки; свистящіе s и sh (ш)—прохожденіемъ воздуха чрезъ тонкія трубки; плавные же r и l—вибрирующими язычками. Какъ замѣчаетъ Уитстонъ, важнѣйшей пользой такого остроумнаго механическаго подражанія рѣчи можетъ быть установленіе и сохраненіе точнаго регистра произношенія на различныхъ языкахъ. Въ совершенствѣ устроенная говорящая машина, дѣйствительно, представляла бы намъ тотъ скелетъ языка, который состоитъ изъ однихъ гласныхъ и согласныхъ, но безъ большинства выразительныхъ принадлежностей, дополняющихъ человѣческій разговоръ.

Употребительныхъ въ языкѣ гласныхъ и согласныхъ человѣкъ можетъ произносить и различать громадное количество. Однако, этотъ обильный запасъ возможныхъ звуковъ нигдѣ не употребляется вполнѣ. Всякій языкъ и всякое нарѣчіе избираетъ ограниченный рядъ опредѣленныхъ гласныхъ и согласныхъ, придерживаясь каждаго изъ нихъ съ достаточною точностью и подбирая, такимъ образомъ, то, что мы можемъ назвать фонетическимъ алфавитомъ его. Не считая тѣхъ небольшихъ различій, какія встрѣчаются въ говорѣ индивидуумовъ или небольшихъ группъ людей, можно сказать, что всякое нарѣчіе имѣетъ свою фонетическую систему, и эти системы чрезвычайно разнообразны. Англійскіе гласные, напримѣръ, весьма отличны отъ французскихъ или голландскихъ. Французы совершенно не знаютъ звуковъ, которые у англичанъ изображаются чрезъ th въ thin и that, тогда какъ кастильская шепелящая c, такъ назыв. ceceo, есть третья согласная буква, которую по англійски нельзя написать иначе, какъ th, хотя она по звуку совершенно отлична отъ обѣихъ произношеній th. Мы весьма часто находимъ въ иностранныхъ языкахъ недостатокъ буквъ, даже близкихъ по звуку къ нѣкоторымъ изъ нашихъ, но зато въ нихъ бываютъ другія, неизвѣстныя нашимъ языкамъ. Такъ, китайцы затрудняются произносить р, въ австралійскихъ же нарѣчіяхъ недостаетъ с и ф. Когда иностранцы старались научить индѣйцевъ племени Могаукъ, въ языкѣ которыхъ совершенно недостаетъ губныхъ буквъ, произносить слова, заключающія п и б, тѣ увѣряли, что смѣшно заставлять людей закрывать ротъ, чтобы говорить; а португальцы, открывшіе Бразилію, замѣчая, что въ языкѣ туземцевъ нѣтъ ни f, ни l, ни r, остроумно описали ихъ, какъ народъ, не имѣющій ни fé, ни ley, ни rey, ни вѣры, ни закона, ни короля. Бываетъ также, что звуки, употребляемые какимъ-либо народомъ только въ видѣ междометныхъ восклицаній, неписанныхъ и не могущихъ быть написанными, у другихъ входятъ въ составъ членораздѣльнаго языка. Подобное случается съ звуками, называемыми „прищелкиваніями“ („clicks“). Такіе звуки знакомы намъ, какъ междометія; такъ боковое щелканіе, производимое щекою (обыкновенно лѣвою), безпрестанно употребляется, когда погоняютъ лошадей; различныя же зубныя и нёбныя прищелкиванія, производимыя упоромъ языка въ зубы или нёбо, употребляются при обращеніи съ маленькими дѣтьми, какъ выраженіе удивленія, упрека или удовольствія. Такимъ же образомъ, туземцы Огненной Земли выражаютъ „нѣтъ“ особеннымъ клохтаніемъ, что дѣлаютъ и турки, сопровождая этотъ звукъ жестомъ, показывающимъ отбрасываніе головы назадъ; судя по разсказамъ путешественниковъ, прищелкиванія, какъ выраженіе удивленія и восхищенія, у туземцевъ Австраліи весьма близки къ нашимъ. Но хотя въ этихъ случаяхъ прищелкиванія употребляются только, какъ междометія, извѣстно, что южно-африканскія расы приняли такіе звуки въ свой членораздѣльный языкъ и обратили ихъ, какъ мы сказали бы, въ буквы. Самое названіе готтентотовъ, даваемое племени Намака и др. родственнымъ племенамъ, есть, кажется, не туземное (какъ полагалъ Петеръ Кольбъ), но грубое голландское подражаніе прищелкиванію „hot en tot“, почему терминъ готтентотизмъ употребляется въ медицинѣ для обозначенія одного изъ видовъ заиканія. Сѣверо-западная Америка представляетъ другую страну, отличающуюся странными клохчущими, булькающими и хрюкающими звуками, трудными или невозможными для произношенія европейцевъ. Кромѣ того, есть много звуковъ, пригодныхъ для членораздѣльной рѣчи, разные роды чириканья, свиста, дутья и присасыванія, изъ которыхъ нѣкоторые знакомы намъ по употребленію ихъ въ видѣ клички животныхъ, или какъ междометія презрѣнія или удивленія, но которыхъ ни одинъ народъ не вводитъ въ свой алфавитъ. При всемъ обширномъ фонетическомъ разнообразіи извѣстныхъ намъ языковъ, предѣлы возможнаго звукового выраженія еще далеко не достигнуты.

До нѣкоторой степени мы можемъ понять причины, руководившія различными народами при выборѣ ими различныхъ алфавитовъ; легкость произношенія для говорящаго, вмѣстѣ съ внятностью для слушающаго, были, безъ сомнѣнія, между ними главнѣйшими. Тѣснымъ сходствомъ органовъ рѣчи у всѣхъ людей мы можемъ вполнѣ объяснить общее сходство, господствующее въ фонетическихъ системахъ самыхъ различныхъ языковъ и позволяющее намъ изобразить въ приблизи-

тельномъ видѣ значительную часть какого-либо языка посредствомъ алфавита другого языка. Но такимъ образомъ, объясняя физическимъ сходствомъ существованіе нѣкотораго рода естественнаго алфавита, общаго для всего человѣчества, мы должны искать другихъ причинъ для объясненія выбора звуковъ, употребляемыхъ въ различныхъ языкахъ, и тѣхъ наблюдаемыхъ въ сродныхъ языкахъ замѣчательныхъ процессовъ измѣненія, которые производятъ въ Европѣ такія варіаціи одного первоначальнаго слова, какъ pater, father, vater, или, на Полинезійскихъ островахъ, представляютъ намъ названіе числа 5 подъ странно измѣняющимися формами: lima, rima, dima, nima и hima. Измѣненія такого рода происходили такъ широко и правильно, что со времени открытія закона Гримма изученіе ихъ сдѣлалось главною частью филологіи. Хотя причины ихъ еще до сихъ поръ не выяснены, но мы можемъ, по крайней мѣрѣ, заключить, что столь широкіе и опредѣленные процессы не могутъ быть приписаны случаю или капризу, но должны быть результатомъ законовъ, столь же общихъ и опредѣленныхъ, какъ и они сами.

Представимъ себѣ теперь книгу, написанную довольно правильнымъ алфавитомъ, напримѣръ, обыкновенную итальянскую книгу, или же англійскую, по какой-нибудь хорошей системѣ фонетическихъ буквъ. Представить англійскую книгу, написанную обычнымъ еще англійскимъ алфавитомъ, makeshift alphabet, значило бы, конечно, только усложнить дѣло новою и напрасною трудностью. Если, такимъ образомъ, написана книга удовлетворительнымъ алфавитомъ и вручена читателю, его дѣло никакимъ образомъ не состояло бы въ одномъ только превращеніи гласныхъ и согласныхъ въ членораздѣльные звуки, какъ будто бы онъ читалъ корректуру. Именно, только что упомянутые эмоціональные тоны ускользнули при изображеніи словъ буквами, и уже дѣло самого читателя—угадать по значенію словъ эти тоны и должнымъ образомъ установить ихъ. Кромѣ того, онъ долженъ ввести въ чтеніе выразительность, посредствомъ акцента или ударенія на извѣстныхъ слогахъ или словахъ, измѣняя тѣмъ ихъ значеніе въ предложеніи; если, напримѣръ, онъ говоритъ: „я никогда не продамъ вамъ этой лошади“, то удареніе на какомъ-либо изъ этихъ шести словъ измѣнитъ смыслъ всей фразы. Далѣе, въ выразительномъ произношеніи должны быть замѣчены два различные процесса. Дѣйствіе, произведенное измѣненіемъ силы звука и протяжности словъ, есть прямо подражательное; это просто—жестъ, выраженный голосомъ, какъ видно по тому способу произношенія фразы, съ которымъ говорятъ о „краткомъ рѣзкомъ отвѣтѣ“, о „долгомъ томительномъ годѣ“, о „громкомъ взрывѣ музыки“, о „тихомъ плавномъ движеніи“, при сравненіи съ подобнымъ же способомъ, которымъ мимическій языкъ приспособилъ бы свою силу и скорость къ роду изображаемаго дѣйствія. Письменный языкъ едва ли можетъ, развѣ только по общему смыслу рѣчи, произвести то поразительное дѣйствіе, какое наша подражательная способность придаетъ разговорному языку при постоянномъ стараніи сдѣлать звукъ всякаго произносимаго слова нѣкотораго рода эхомъ его смысла. Мы видимъ это по различію письменной и изустной передачи анекдота о человѣкѣ, который сердился при разговорѣ о „хорошихъ книгахъ“. „Вы хотите сказать“, спрашивалъ онъ кратко съ видомъ положительнаго одобренія, „хорошія книги?“, „или“, на распѣвъ и съ глупо-благодушной улыбкой, „хоро-о-шія книги?“ Музыкальный акцентъ (accentus [1]), музыкальный тонъ) употребляется какъ средство для приданія выразительности, когда мы отмѣчаемъ особый слогъ или цѣлое слово предложенія повышеніемъ или пониженіемъ его на полутонъ или болѣе. Читатель долженъ прерывать предложенія паузами, руководствуясь при этомъ до нѣкоторой степени знаками; ритмическій размѣръ, съ которымъ онъ произноситъ прозу, такъ же, какъ и стихи, не остается безъ соотвѣтственнаго дѣйствія; кромѣ того, ему приходится вводить музыку въ чтеніе, произнося каждую фразу съ нѣкоторымъ родомъ несовершенной мелодіи. Проф. Гельмгольцъ пытается изобразить музыкальными нотами, какимъ образомъ нѣмецъ съ басистымъ голосомъ, говоря Б бемолемъ, произноситъ „Ich bin spazieren gegangen.—Bist du spazieren gegangen?“ понижая на четверть (до F) подъ конецъ утвердительнаго предложенія и повышая на пятую (до f) въ вопросѣ, проходя такимъ образомъ цѣлую октаву [2]). Когда англичанинъ старается пояснить на своемъ языкѣ повышеніе и пониженіе тоновъ сіамскихъ гласныхъ, онъ сравниваетъ ихъ съ англійскими тонами вопроса и отвѣта, какъ напр. „Will you go? Yes“ („Пойдете ли вы? Да“) [3]). Правила этой несовершенной музыкальной интонаціи въ обыкновенномъ разговорѣ до сихъ поръ изучены еще весьма мало. Но, какъ средство приданія языку торжественности или паѳоса, она была развита болѣе полно и даже подведена подъ точныя правила мелодіи, и, такимъ образомъ, мы имѣемъ, съ одной стороны, церковную интонацію и менѣе условное полу-пѣніе, столь часто слышимое на церковныхъ собраніяхъ, а съ другой стороны, древній и со-

[1]) «Accentus est etiam in dicendo cantus obscurior». (Акцентъ въ рѣчи есть менѣе явственное пѣніе.)—Cic. de Orat.

[2]) Helmholtz, p. 364.

[3]) Caswell, въ Bastian. «Berlin. Acad.» l. c.

временный театральный речитативъ. Такими посредствующими ступенями мы можемъ пройти широкій промежутокъ отъ разговорной прозы, съ столь небрежно соблюдаемою музыкальною мѣрою ея гласныхъ и столь затемненной согласными, что эту мѣру даже трудно опредѣлить, до настоящей пѣсни, въ которой согласные, по возможности, подавляются, чтобы онѣ не мѣшали точной и выразительной музыкальности гласныхъ.

Переходя теперь къ обозрѣнію тѣхъ частей словаря человѣчества, которыя, повидимому, имѣютъ ясное начало въ прямомъ выраженіи чувства звукомъ, разсмотримъ сперва междометія. Когда Горнъ Тукъ говорилъ, въ выраженіяхъ часто повторявшихся послѣ него, о „животномъ нечленораздѣльномъ междометіи“, онъ, конечно, хотѣлъ только выразить свое презрѣніе къ способу выраженія, выходящему за предѣлы его собственнаго слишкомъ узкаго пониманія языка. Но самъ по себѣ этотъ эпитетъ довольно справедливъ. Междометія, безъ сомнѣнія, до нѣкоторой степени могутъ быть названы „животными“, по своей аналогіи съ криками животныхъ, и это обстоятельство придаетъ имъ особенный интересъ въ глазахъ современныхъ изслѣдователей, получающихъ такимъ образомъ возможность прослѣдить явленія, относящіяся къ умственному состоянію низшихъ животныхъ, вплоть до наиболѣе выработаннаго человѣческаго языка. Справедливо также, что они „нечленораздѣльны“, настолько, по крайней мѣрѣ, что установленныя грамматиками системы гласныхъ и согласныхъ, при попыткѣ письменно изобразить междометія, оказываются болѣе несостоятельными, нежели въ какихъ-либо другихъ случаяхъ. Изображеніе буквами есть слишкомъ несовершенное и грубое средство, чтобы передать особенные и разнообразно-модулирующіе звуки, для которыхъ немногія, условно принятыя въ письмѣ, слова служатъ весьма недостаточно. При чтеніи вслухъ, а иногда даже и въ разговорѣ тѣхъ, которые учились болѣе изъ книгъ, нежели изъ живой дѣйствительности, мы можемъ слышать эти неуклюжія подражанія: ahem! hein! tush! tut pshaw! имѣющія теперь безспорный авторитетъ книжныхъ словъ и воспроизводимыя буквами съ самою забавною точностью. Но когда Горнъ Тукъ придирается къ одному несчастному итальянскому грамматику и, описывая его, называетъ „старательнымъ и точнымъ Чиноніо, не имѣвшимъ, кажется, и капли разсудка“, не легко понять, что̀ именно піонеръ англійской филологіи имѣлъ возразить на очевидно справедливое утвержденіе Чиноніо, что одно междометіе ah! или ahi! способно выразить болѣе двадцати различныхъ душевныхъ движеній или желаній, какъ-то: боль, мольбу, угрозу, вздохъ, презрѣніе, смотря по

тону, съ которымъ оно произносится [1]). Фактъ, что такимъ образомъ междометія выражаютъ чувства, совершенно неоспоримъ; относительно ихъ дѣло филолога заключается, съ одной стороны, въ изученіи ихъ дѣйствія для выраженія душевныхъ движеній, а съ другой стороны, въ наблюденіи ихъ перехода въ болѣе совершенно-образованныя слова, какія находятъ мѣсто въ связномъ словосочиненіи и составляютъ часть логическихъ предложеній.

Прежде всего, однако, необходимо выдѣлить изъ настоящихъ междометій множество осмысленныхъ словъ (sense-words), которыя, будучи часто искаженными или устарѣвшими, весьма близки къ нимъ по виду и употребленію. Изъ классическихъ примѣровъ можно привести φέρε, δεῦτε, age! macte! (ну, смѣлѣй!). Таково же слово hail! (здравствуй!), которое, какъ показываетъ готская библія, было прежде прилагательнымъ „whole, hale“, „здоровый, благоденствующій“, употребляемымъ въ видѣ восклицанія, совершенно такъ же, какъ итальянскіе возгласы: bravo! brava! bravi! brave! Когда африканскій негръ въ страхѣ или изумленіи кричитъ: mámá! mámá! [2]), это можно считать настоящимъ междометіемъ, „словомъ, употребляемымъ для выраженія какой-либо страсти или душевнаго движенія“, по опредѣленію Линдли Меррея; на самомъ же дѣлѣ негръ, хотя и не маленькій ребенокъ, зоветъ свою мать; совершенно то же замѣчено относительно индѣйцевъ Верхней Калифорніи, которые боль выражаютъ крикомъ aná! т.-е. „мать“ [3]). Другія восклицанія состоятъ изъ настоящаго междометія, соединеннаго съ мѣстоименіемъ, какъ οἴμοι! oimè! ahme! или съ прилагательнымъ, какъ alas! helas! (ахъ, грустно!) Съ какою осмотрительностью междометія должны быть сортируемы, чтобы избѣжать опасности принять за начальные элементарные звуки языка то, что составляетъ не что иное, какъ осмысленныя слова, можно видѣть изъ того, насколько близко обыкновенное англійское восклицаніе well! well! къ настоящему междометію въ коптскомъ выраженіи „дѣлать ouelouele“, что̀ означаетъ завывать, лат. ululare. Или еще лучше, мы можемъ указать на одного ученаго путешественника прошлаго столѣтія, который, по поводу древне-греческаго боеваго кри-

[1]) Horne Tooke, «Diversions of Purley», 2-nd ed. London, 1798, pt. I, pp. 60--3.

[2]) R. F. Burton, «Lake Regions of Central Africa», vol. II, p. 333; Livingstone, Missionary Tr. in S. Africa», p. 298; «Cr. of Mpongwe Lang». (A. B. C. F. Missions, Rev. J. L. Wilson), p. 27. См. Callaway, «Zulu Tales», vol. I, p. 59.

[3]) Arroyo de la Cuesta, «Gr. of Mutsun lang.», p. 39, въ «Smithsonian Contr.», vol. III; неаполитанское mamma mia! выраженіе удивленія и пр., Liebrecht въ Götting. Fel. Anz. 1872, p. 1287.

ка ἀλαλὰ, ἀλαλὰ! замѣчаетъ, что турки и теперь при тѣхъ же обстоятельствахъ кричатъ: Allah! Allah! Allah! [1]).

Употребительные въ разныхъ странахъ призывы животныхъ [2]), по своему примѣненію, бываютъ въ большинствѣ случаевъ междометіями, но пытаться объяснить ихъ въ цѣломъ значитъ вступать на самую скользкую почву, какую только представляетъ филологія. Иногда они дѣйствительно могутъ быть настоящими междометіями, какъ, напр., крикъ schû schû! упоминаемый, какъ древне-германскій крикъ для спугиванія птицъ, такъ же какъ мы въ этомъ случаѣ крикнули бы шш, шш!, или крикъ aá, которымъ бразильскіе индѣйцы призываютъ собакъ. Или же ихъ можно счесть простыми подражаніями крикамъ самихъ животныхъ, какъ клохтаніе для зова куръ на англійскихъ фермахъ, или австрійскій призывъ цыплятъ pi! pi! или tiet tiet, или швабскій kauter kaut! для индюковъ, или употребляемое индійскими пастухами блеяніе, звукъ беэ! для зова овецъ. Въ другихъ случаяхъ, однако, это, быть можетъ, болѣе или менѣе искаженныя осмысленныя слова, когда, напр., животное призывается крикомъ, взятымъ, повидимому, отъ его обычнаго названія. Когда англійскій поселянинъ видитъ потерявшуюся овчарку (sheepdog), онъ зоветъ ее просто ship! ship! Точно также schäp schäp! есть австрійскій призывъ овецъ, а köss kuhel köss!—коровъ. Въ Германіи gus gus! gusch gusch! gös gös! употребляется для призыва гусей, и когда мы видимъ, что богемскій крестьянинъ зоветъ ихъ husy! то вспоминаемъ, что на его языкѣ гусь называется husa, слово, знакомое каждому по имени Іоанна Гусса. Чехъ также зоветъ свою собаку ps ps! pes же по чешски значитъ „собака". Другія осмысленныя слова, обращаемыя къ животнымъ, искажаются частымъ повтореніемъ. Когда намъ говорятъ, что to to! которымъ португальцы зовутъ собакъ, есть сокращенно toma toma! (т.-е. „возьми, возьми!"), чтò даетъ ей понять, чтобы она пришла и взяла свою пищу, мы допускаемъ такое толкованіе, какъ вѣроятное, и coop coop! чтò истый лондонецъ столь легко счелъ бы настоящимъ междометіемъ, есть просто „Come up! come up!" (поди сюда! поди сюда!).

„Come uppe, Whitefoot, come uppe, Lightfoot,
Come uppe, Jetty, rise and follow,
Jetty, to the milking shed" [3]).

[1]) Shaw, «Travels in Barbary», въ Pinkerton, vol. XV, p. 669.

[2]) Нѣкоторые изъ приведенныхъ здѣсь примѣровъ можно найти въ Grimm, «Deutsche Gr.» vol. III, p. 308; Pott, «Doppelung», p. 27; Wedgwood, «Origin Language».

[3]) Поди сюда, Бѣлоножка, поди сюда, Легконожка, поди сюда, Джетти, встань и иди за мной, Джетти, въ молочную.

Но я не въ состояніи представить вѣроятное объясненіе происхожденія такихъ призывовъ, какъ hüf hüf! для лошадей, hühl hühl! для гусей, deckel deckel! для овецъ. Къ счастію этимологовъ, такія тривіальныя словца не имѣютъ значенія, которое соотвѣтствовало бы трудности, необходимой для объясненія ихъ происхожденія. Слово puss! (русск. киса, киска) наводитъ на интересныя филологическія соображенія. Англійское дитя, зовя puss puss! весьма вѣроятно употребляетъ остатокъ древняго кельтскаго названія кошки, по-ирландски pus, на языкѣ горныхъ шотландцевъ (Erse) pusag, на гэльскомъ puis. Подобные же призывы извѣстны и въ другихъ странахъ Европы (напр., въ Саксоніи, pûs pûs!), и есть нѣкоторое основаніе думать, что кошка, доставшаяся намъ съ Востока, принесла съ собою одно изъ своихъ названій, которое тамъ еще весьма употребительно,— тамульское pûsei! афганское pusha! персидское pushak и пр. Веджвудъ считаетъ этотъ зовъ подражаніемъ фырканью кошки и замѣчаетъ, что сербы кричатъ pis, чтобы прогнать кошку, албанцы же употребляютъ подобный звукъ для ея зова. Любопытный случай превращенія крика puss! въ самое названіе кошки встрѣчается въ странахъ, куда это животное ввезено въ послѣднее время англичанами. Такъ boosi есть признанное названіе кошки на островахъ Тонга, безъ сомнѣнія, со временъ капитана Кука. У индѣйцевъ сѣверо-западной Америки pwsh, pish-pish въ туземныхъ языкахъ означаетъ кошку, и не только европейская кошка называется puss puss на чинукскомъ жаргонѣ, но въ томъ же любопытномъ нарѣчіи это названіе носитъ туземный звѣрь, кугуаръ, называемый теперь „hyas puss puss", т.-е. „большая кошка" [1]).

Такого рода происхожденіе названій животныхъ отъ ихъ кличекъ могло быть весьма не рѣдкимъ. Крикомъ huss! въ Швейцаріи, кажется, натравливаютъ собакъ, какъ крикомъ s-s! въ Англіи, и оттуда можетъ происходить швейцарское названіе собаки huss или hauss. Мы знаемъ, что крикъ dill! dilly! общеупотребителенъ въ Англіи для призыва утокъ, и его трудно считать какимъ-нибудь искаженнымъ англійскимъ словомъ, потому что чехи также зовутъ утокъ dlidli. Теперь,

[1]) См. Pictet, «Origin Indo-Europ.» part. I, p. 382; Caldwell, «Gr. of Dravidian Langs.» p. 465; Wedgwood, Dic. s. v. «puss», etc.; Mariner, «Tonga Is. Vocab.»; Gibbs, «Dic. of Chinook Jargon», Smithsonian Coll. № 161; Pandosy, «Gr. and Dic. of Yakama», Smithson. Contr. vol. III; cp. J. L. Wilson, «Mpongwe Gr.» p. 57. Призывъ кошки индусскимъ ребенкомъ mun mun! есть, можетъ быть, испорченное индустанское màno—кошка. Итал. micio, франц. mite, minon, нѣм. mieze и пр.—«кошка», и исп. miz, нѣм. minz и пр. — «кисъ, кисъ!»— подражанія мяуканья.

хотя dill или dilly нельзя найти въ нашихъ словаряхъ, какъ названіе утки, но способъ, которымъ Гудъ употребляетъ его въ такомъ смыслѣ въ одной изъ своихъ лучшихъ комическихъ поэмъ вполнѣ показываетъ легкій и естественный процессъ, которымъ можетъ совершиться такой переходъ:

For Death among the water-lilies,
Cried Duc ad me, to all her dillies [1]).

Совершенно тѣмъ же путемъ слово gee-gee сдѣлалось обычнымъ дѣтскимъ обозначеніемъ лошади, такъ какъ крикомъ gee! англійскіе извозчики погоняютъ обыкновенно лошадей. Не должно пренебрегать подобнымъ свидѣтельствомъ относительно происхожденія языка и въ такомъ дѣтскомъ словѣ и въ шуточныхъ словахъ, такъ какъ можно принять этнологическимъ правиломъ, что совершаемое у цивилизованныхъ людей въ шутку, или у цивилизованныхъ дѣтей въ дѣтской, можетъ найти свои аналоги въ серьезныхъ умственныхъ проявленіяхъ дикаря, а слѣдовательно и первобытныхъ племенъ.

Крики погонщиковъ на ихъ животныхъ, какъ gee! gee-ho! при понужденіи лошадей, и weh! woh! при остановкѣ ихъ, составляютъ особенности мѣстнаго нарѣчія различныхъ странъ. Крикъ geho! быть можетъ, занесенъ въ Англію съ нормандійско-французскимъ языкомъ, потому что онъ извѣстенъ во Франціи и является въ итальянскомъ языкѣ въ видѣ gio! Путешествующій по Граубюндену слышитъ, какъ извозчики останавливаютъ лошадей долгимъ br-r-r! но, переѣхавъ проходъ, онъ слышитъ на той сторонѣ въ тѣхъ же случаяхъ hü-ü-ü! Крики землепашцевъ, заставляющіе переднюю лошадь повернуть вправо или влѣво, вошли въ пословицы. Во Франціи говорятъ о тупомъ человѣкѣ: „Il n'entent ni à dia! ni à hurhaut! а соотвѣтствующее нижне-нѣмецкое выраженіе есть: „He weet nich hutt! noch hoh!“ Точно также существуютъ опредѣленныя обращенія къ верблюдамъ, какъ замѣчаетъ капитанъ Бертонъ въ своемъ путешествіи въ Мекку: ikh ikh! заставляетъ ихъ опуститься на колѣни, yáhh yáhh!—подняться, hai hai употребляется въ видѣ предостереженія, и пр. При образованіи этихъ причудливыхъ выраженій дѣйствовали двѣ причины. Иногда звуки имѣютъ, повидимому, настоящій характеръ междометій, какъ арабское hai! для предостереженія или французское hue! сѣверно-нѣмецкое jö! Каково бы то ни было ихъ происхожденіе, они, вѣроятно, получили свое значеніе по подражательному тону, выразительному для уха и лошади, и

¹) Потому что Смерть между кувшинками
Закричала «Duc ad me» всѣмъ своимъ уткамъ (dillies).

человѣка, съ чѣмъ согласится всякій, слышавшій разницу между короткимъ и острымъ высокимъ hüp! дающимъ понять швейцарской лошади, что она должна бѣжать скорѣе, и протяжнымъ hü-ü-ü-ü! заставляющимъ ее остановиться. Точно также превращеніе обыкновенныхъ, осмысленныхъ словъ въ крики, въ родѣ gee up! woh-back, даетъ намъ надежду отыскать въ числѣ ихъ различные старые, искаженные остатки формальнаго языка, что и оказывается въ дѣйствительности. Слѣдующіе стихи приводятся Галливеллемъ изъ Micro-Cynicon (1599):

„A base borne issue of a baser syer,
Bred in a cottage, wandering in the myer,
With nailed shooes and whipstaffe in his hand,
Who with a hey and ree the beasts command“ [1]).

Ree однозначительно со словомъ right (правый) и даетъ понять передней лошади, что она должна держать вправо. Hey! можетъ значить heit или camether! (иди сюда), заставляющее ее держать „hither“ (сюда), т. е. влѣво. И въ нѣмецкомъ языкѣ har! här! har!-üh!—то же, что и „her“: „сюда, налѣво“. Точно также swude! schwude! zwuder! „налѣво“, есть, конечно, просто „zuwider“, „въ противоположную сторону“. Употребляемые вмѣстѣ крики „направо“ и „налѣво“ въ Германіи—hot!-har! и hott!—wist! Это wist! представляетъ интересный примѣръ сохраненія старинныхъ словъ въ подобныхъ народныхъ традиціонныхъ выраженіяхъ. Это, очевидно, искаженная форма древне-нѣмецкаго названія лѣвой руки, winistrâ, англо-саксонское winstre, слово, давно забытое современными верхне-германцами, такъ же какъ и современными англичанами [2]).

Самое причудливое собраніе словъ и междометій, какое я когда-либо встрѣчалъ, я нашелъ въ одной старинной французской энциклопедіи [3]), гдѣ дается подробное, до мелочей, описаніе охотничьяго искусства и въ точности излагается, какъ слѣдуетъ кричать собакамъ при всѣхъ возможныхъ случайностяхъ охоты. Если бы животныя знали грам-

¹) Низкорожденный потомокъ еще болѣе низкаго дѣда,
Воспитанный въ хижинѣ, бродящій по грязи,
Въ башмакахъ съ гвоздями и кнутомъ въ рукѣ,
Который криками hey и ree управляетъ своими животными.

²) Списки выраженій погонщиковъ см. Grimm, l. c.; Pott, Zählmethode», p. 261; Halliwell, «Dic. of Archaic and Provincial English», s. v. «ree»; Brand, vol. II, p. 15; Pictet, part. II, p. 489.

³) «Encyclopédie ou Dictionnaire Raisonné des Sciences etc». Recueil de Planches sur les Sciences, les Arts, etc.», Paris, 1763, art. «Chasses». Такіе традиціонные крики еще болѣе или менѣе въ употребленіи. См. «A Week in a French Country-house».

матику и синтаксисъ, нельзя было бы выдумать болѣе точно приспособленнаго для нихъ языка. Иногда эти крики представляютъ, повидимому, настоящія междометія. Такъ, для ободренія собакъ охотникъ долженъ кричать имъ: hà halle halle halle! тогда какъ, чтобы успокоить ихъ, прежде чѣмъ спустить со своры, онъ долженъ кричать: hau hau или hau tahaut! а когда онѣ уже спущены, то—hau la y la la y la tayau, зовъ, подтверждающій нормандійское происхожденіе англійскаго tally-ho! Къ крикамъ подобнаго рода примѣшиваются чистыя французскія слова: hà bellement là ila, là ila, hau valet! — hau l'ami, tau tau aprés aprés, à route, à route! и т. п. Иногда же слова бываютъ искажены въ призывахъ, смыслъ которыхъ еще несовершенно утраченъ, какъ „voila ici" и „voilá ce l'est", что еще можно разобрать въ крикахъ, дающихъ понять собакамъ, что преслѣдуемый ими олень повернулъ назадъ, vaulеci revari vauleceletz! Но забавнѣе всего въ этомъ трактатѣ серьезное собраніе англійскихъ словъ (вполнѣ галльской формы), для обращенія съ англійскими собаками, потому что, какъ говоритъ авторъ, „во Франціи много англійскихъ собакъ, и съ ними трудно обращаться, если говорить имъ на незнакомомъ языкѣ, т.-е. въ другихъ выраженіяхъ, чѣмъ тѣ, на какихъ онѣ были выдрессированы". Такимъ образомъ, чтобы созвать ихъ, надо кричать: here do-do ho-ho! вернуть ихъ на настоящій слѣдъ можно крикомъ: houpe boy, houpe boy! если нѣкоторыя изъ нихъ опередили стаю, охотникъ долженъ догнать ихъ и кричать: saf me boy, saf me boy! и, наконецъ, если онѣ не слушаются и не останавливаются, онъ долженъ вернуть ихъ крикомъ: cobat, cobat!

Не легко рѣшить, насколько животныя соединяютъ съ междометіями какое-либо опредѣленное значеніе. Однако, ясно, что въ большинствѣ упомянутыхъ тутъ случаевъ они понимаютъ ихъ только какъ установленные знаки, имѣющіе значеніе, вслѣдствіе правильной ассоціаціи, такъ же какъ они вспоминаютъ, что ихъ кормили при такомъ-то крикѣ и прогоняли такимъ-то; вмѣстѣ съ тѣмъ они обращаютъ вниманіе на жесты, сопровождающіе крики. Такъ, хорошо извѣстный испанскій призывъ кошки есть miz miz! крикомъ же zape zape! ее прогоняютъ; авторъ одного стариннаго словаря утверждаетъ, что между этими словами не можетъ быть другого дѣйствительнаго различія, кромѣ установленнаго обычаемъ, такъ какъ, по его словамъ, онъ слышалъ, что въ одномъ монастырѣ, гдѣ содержатся весьма красивыя кошки, монахъ, распоряжавшійся трапезой, забавлялся тѣмъ, что для кормленія созывалъ кошекъ крикомъ zape zape! а затѣмъ прогонялъ ихъ палкой, сердито крича: miz miz! и это, конечно, было причиной, что ихъ

не могъ зазвать и украсть какой-нибудь странникъ, потому что только упомянутому монаху и кошкамъ былъ извѣстенъ этотъ секретъ! [1]). Для филолога путь, которымъ подобныя обращенія къ животнымъ становятся общеупотребительными въ различныхъ странахъ, поясняетъ соглашеніе (consensus), устанавливающее употребленіе словъ. Всякій случай подобнаго рода показываетъ, что слово получило господство въ силу подбора въ извѣстной средѣ людей, и главныя причины прочности слова въ извѣстныхъ предѣлахъ, хотя это и трудно опредѣлить въ каждомъ данномъ случаѣ, бываютъ, вѣроятно, во-первыхъ, его внутренняя пригодность, во-вторыхъ, традиціонное наслѣдованіе.

Очистивъ почву отъ затемненныхъ или искаженныхъ осмысленныхъ словъ, мы получаемъ остатокъ дѣйствительно звуковыхъ словъ или чистыхъ междометій. Мѣсто этихъ выраженій въ исторіи уже давно и основательно считается весьма первобытнымъ. Такъ, де-Броссъ описываетъ ихъ, какъ необходимыя и естественныя слова, общія всему человѣчеству и произведенныя сочетаніемъ строенія человѣка съ внутренними наклонностями его души. Одно изъ лучшихъ средствъ оцѣнить отношеніе между междометіями и выражаемыми ими чувствами заключается въ сравненіи голосовъ низшихъ животныхъ и человѣка. Мы замѣчаемъ тутъ сходство въ значительной степени. Такъ какъ ихъ тѣлесное и душевное строеніе аналогично нашему, то и душевныя состоянія ихъ выражаются звуками, которые, по нашему понятію, соотвѣтствуютъ до нѣкоторой степени тому, что они, повидимому, означаютъ. Это должно сказать о лаѣ, воѣ и визгѣ собаки, шипѣніи гусей, мурлыканіи кошки, пѣніи и клохтаніи пѣтуховъ и куръ. Въ другихъ же случаяхъ, какъ относительно гуканія совъ и криковъ попугаевъ и многихъ другихъ птицъ, мы не можемъ предположить, чтобы эти звуки должны были выражать что нибудь подобное грусти или боли, за что ихъ можно было бы принять у человѣка. Существуетъ много животныхъ, которыя никогда не издаютъ другихъ криковъ, кромѣ такихъ, которые, по нашему пониманію значенія звуковъ, выражаютъ только ярость или недовольство; насколько же можно придать такое значеніе реву и вою дикихъ звѣрей? Мы бы точно также могли вообразить, что скрипка выражаетъ боль, а вой вѣтра—печаль. Такъ какъ связь между междометіемъ и душевнымъ движеніемъ зависитъ отъ физическаго строенія животнаго, которое выражаетъ или слышитъ звукъ, то слѣдовательно общее сходство междометій у всѣхъ человѣческихъ расъ есть весьма замѣтное проявленіе его тѣснаго физическаго и интеллектуальнаго единства.

[1]) Aldrete, «Lengua Castellana». Madrid, 1673, s. vv. harre, exe.

Междометія, произносимыя человѣкомъ для выраженія своихъ ощущеній, служатъ также знаками, указывающими эти ощущенія другимъ людямъ. Длинный списокъ такихъ междометій, одинаково свойственныхъ племенамъ, говорящимъ на самыхъ разнообразныхъ языкахъ, можетъ быть представленъ въ общемъ смыслѣ, какъ воспроизведеніе вздоховъ, стоновъ, воплей, криковъ, восклицаній и ворчаній, которыми человѣкъ выражаетъ свои различныя чувства. Таковы, напримѣръ, нѣкоторыя изъ многихъ звуковъ, для которыхъ ah! oh! ahi! aie! служатъ мало выразительными письменными представителями; таковъ вздохъ, изображаемый на африканскомъ іолофскомъ языкѣ въ видѣ hhihhe! на англійскомъ heigho! на греческомъ и латинскомъ ἒἒ! ἒἒ! heu! eheu! Такимъ образомъ, произносимое съ открытымъ ртомъ wah wah! въ видѣ знака удивленія, столь распространенное на Востокѣ, появляется въ Америкѣ въ видѣ hwah! hwa-wa! въ чинукскомъ нарѣчіи; также родъ стона, изображаемаго на европейскихъ языкахъ въ видѣ weh! ouais! οὐαί! vae! въ коптскомъ есть ouae, въ галласкомъ wayo, на осетинскомъ voy! у индѣйцевъ Британской Колумбіи woi! Находя въ словаряхъ какихъ-либо иностранныхъ языковъ междометія, отличныя отъ нашихъ, мы, во всякомъ случаѣ, можемъ оцѣнить ихъ и угадать ихъ значеніе. Таковы малагазское выраженіе удовольствія u—u, часто упоминаемое гортанное ugh! у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, kwish! выраженіе презрѣнія въ чинукскомъ нарѣчіи, тунгузское выраженіе боли yo yo, ирландское выраженіе тоски wb wb! туземное бразильское teh teh—удивленія и уваженія, hi—yah! столь часто употребляемое на такъ называемомъ Pigeon-English, нарѣчіи англійскаго языка въ китайскихъ торговыхъ портахъ, и даже, какъ крайній случай, междометіе удивленія у алгонкинскихъ индѣйцевъ, гдѣ мужчины говорятъ tiau, а женщины nyau! Почти то же можно сказать о выраженіяхъ, употребляемыхъ говорящими не для собственной потребности, но представляющихъ собою крики, обращаемые къ другимъ. Таковы сіамскій кликъ hē, еврейскій he! ha! означающіе: „вотъ! смотри!“ hói у клалламскихъ индѣйцевъ, означающее: „стой!“, у Лумми hái! „стой! довольно!“—эти, и подобныя имъ, восклицанія точно также принадлежатъ и англійскому языку. Къ другому классу междометій относятся такія, которыя всякій, знакомый съ мимикой дикарей и глухонѣмыхъ, признаетъ за мимическіе знаки, дѣлаемые голосомъ, короче сказать, голосовою мимикою. Звукъ m'm, m'n, произносимый съ сжатыми губами, есть, очевидно, выраженіе человѣка, который пытается, но не можетъ говорить. Даже глухонѣмое дитя, хотя не можетъ слышать звука своего голоса, издаетъ нѣкоторый звукъ для показанія, что оно

нѣмо, что оно mu mu, какъ сказалъ бы негръ изъ племени Веи въ западной Африкѣ. Для говорящаго человѣка, звукъ, который мы пишемъ mum, довольно ясно выражаетъ: „держите вашь языкъ!“ „mum's the word!“ и, согласно этому значенію, онъ послужилъ для образованія различныхъ подражательныхъ словъ, типомъ которыхъ можетъ служить таитское mamu, молчать. Произносимый часто съ небольшимъ усиліемъ и придыханіемъ, и болѣе или менѣе протяжно, этотъ звукъ превращается въ междометія 'm, 'n, h'm, h'n, и пр., которыя пишутся условно въ видѣ словъ hem! ahem! hein! Первоначально они должны были имѣть, во всякомъ случаѣ, значеніе затрудненія, запинки, но эта послѣдняя различными интонаціями выражаетъ такую остановку или задержку членораздѣльныхъ звуковъ, какая бываетъ отъ удивленія, сомнѣнія или недовѣрія, одобренія или презрѣнія. По словарю западно-африканскихъ іорубовъ, носовое междометіе hun имѣетъ значеніе, какое оно могло бы имѣть и въ англійскомъ языкѣ, именно „fudge“ (вздоръ! пустяки!). Рошфоръ описываетъ, какъ караибы съ благоговѣйнымъ молчаніемъ слушаютъ рѣчь своего начальника, выражая одобреніе звукомъ hunhun! совершенно такъ же, какъ въ его время (XVII ст.) англійская конгрегація привѣтствовала бы популярнаго проповѣдника [1]). Жестъ дутья также есть обыкновенное выраженіе презрѣнія или отвращенія и, будучи вокализировано, даетъ губныя междометія, которыя пишутся pah! bah! pugh! pooh! валлійское pw, низшее латинское puppup, и, по изображенію путешественниковъ, у австралійскихъ дикарей—pooh! Этимъ междометіямъ соотвѣтствуетъ масса подражательныхъ словъ, какъ малайское puput, дуть. Движеніе губъ для дутья переходитъ въ положеніе губъ при плеваніи, одинъ родъ котораго даетъ губное междометіе t't't', пишущееся по-англійски или по-голландски tut tut! и справедливость этого доказывается множествомъ подражательныхъ глаголовъ въ различныхъ странахъ, типическій примѣръ которыхъ есть таитское tutua, плевать.

Значеніе междометій во взаимномъ общеніи дикарей хорошо видно изъ описанія Кранца. Гренландцы, говоритъ онъ, особенно женщины, сопровождаютъ многія слова минами и взглядами, и тотъ, кто

---

[1]) «Въ то время господствовалъ неприличный обычай: когда проповѣдникъ, касаясь какого-нибудь любимаго предмета, восхищалъ слушателей, ихъ одобреніе выражалось громкимъ hum, продолжавшимся, смотря по ихъ усердію или желанію. Когда говорилъ проповѣди Бернетъ, часть его конгрегація гумкала (humed) такъ громко и долго, что онъ садился, наслаждаясь этимъ и отирая лицо платкомъ. Когда проповѣдовалъ Спратъ, онъ былъ удостоиваемъ такимъ же одушевляющимъ hum, но онъ простиралъ руку къ конгрегаціи и восклицалъ: «Тише, тише, прошу васъ, тише». Johnson, ‹Life of Sprat›.

не вполнѣ ихъ понимаетъ, можетъ легко не уловить смыслъ рѣчи. Такимъ образомъ, утверждая что-нибудь съ удовольствіемъ, они втягиваютъ воздухъ съ особеннымъ звукомъ чрезъ горло; если же они отрицаютъ что-нибудь съ презрѣніемъ или ужасомъ, они обращаютъ носъ кверху и испускаютъ имъ слабый звукъ. И если только они пускаютъ въ ходъ подобные жесты, приходится понимать болѣе изъ ихъ тѣлодвиженій, нежели изъ словъ [1]). Междометія, вмѣстѣ съ тѣлодвиженіями, составляютъ достаточный практическій способъ общенія; такъ, напримѣръ, сношенія французскихъ и англійскихъ войскъ въ Крыму описываются, какъ „состоящія преимущественно изъ такихъ восклицательныхъ выраженій, повторяемыхъ съ выразительнымъ удареніемъ голоса и значительною жестикуляціею" [2]). Это описаніе представляетъ намъ въ дѣйствительной жизни систему настоящаго человѣческаго общенія, въ которомъ еще не явилось употребленія тѣхъ, имѣющихъ традиціонный смыслъ, членораздѣльныхъ звуковъ, которые составляютъ слова, унаслѣдованныя лексиконами.

Если, однако, мы обратимъ болѣе вниманія на самыя эти унаслѣдованныя осмысленныя слова, мы найдемъ, что междометія въ дѣйствительности болѣе или менѣе участвовали въ ихъ образованіи. Не довольствуясь одною функціею, приписываемою имъ грамматиками, положеніемъ тамъ и сямъ внѣ логической рѣчи, междометія служили также коренными звуками, изъ которыхъ были сформированы глаголы, существительныя и другія части рѣчи. Слѣдя за прогрессивнымъ переходомъ междометій въ языкъ вполнѣ развитой, мы начинаемъ съ звуковъ, выражающихъ только дѣйствительныя ощущенія говорящаго. Если же выразительные звуки, въ родѣ ah! ugh! pooh! употребляются не для выраженія дѣйствительныхъ ощущеній говорящаго въ настоящій моментъ, но для того только, чтобы возбудить въ другомъ мысль объ удивленіи или неудовольствіи, тогда такія междометія мало или вовсе не отличаются отъ вполнѣ образовавшихся словъ. Ближайшая слѣдующая степень состоитъ въ принятіи такихъ звуковъ въ среду правильныхъ формъ обыкновенной грамматики. Извѣстные примѣры такихъ образованій можно найти въ дѣтскомъ языкѣ, гдѣ у англичанъ слово woh употребляется въ смыслѣ „остановить", или въ той дѣйствительно существующей, хотя мало признаваемой части англійскаго языка, которой принадлежатъ такіе глаголы, какъ boo-hoo. Самыми очевидными примѣрами такихъ словъ являются тѣ, которые представляютъ въ дѣйствительности какое-нибудь междометіе, или получаютъ,

[1]) Cranz, «Grönland», p. 279.
[2]) D. Wilson, «Prehistoric Man», p. 65.

такимъ образомъ, нѣкоторое близко родственное значеніе. Такъ oile, звукъ плача женщинъ на островѣ Фиджи, даетъ глаголъ oile, „сѣтовать", oile taka, „оплакивать" (мужчины кричатъ ule!); и мы видимъ здѣсь полную аналогію съ такими словами, какъ ululare, to wail (оплакивать). Одинъ и тотъ же звукъ даетъ, отличающіяся лишь грамматическими окончаніями, зулускій глаголъ gigiteka и его англійскій эквивалентъ giggle (хихикать). Галлаское iya, „кричать, визжать, издавать боевой крикъ", имѣетъ свои аналоги въ греческихъ ἰά, ἰή, „крикъ", ἰήϊος, „сѣтующій, плачевный", и пр. Хорошіе примѣры того можно найти въ любопытномъ современномъ нарѣчіи, имѣющемъ сильную склонность къ употребленію явно звуковыхъ словъ, въ чинукскомъ жаргонѣ въ сѣверо-западной Америкѣ. Мы находимъ тамъ заимствованный изъ одного индѣйскаго нарѣчія глаголъ kish kish, т.-е. „гнать скотъ или лошадей", humm употребляется въ смыслѣ „вонять" или „вони"; а смѣхъ, heehee, получило признанное значеніе шутки или забавы, какъ въ выраженіяхъ mamook hee-hee, „забавлять" (т.-е. „дѣлать heehee"), и heehee house, „трактиръ". На о. Гавайи aa означаетъ „оскорблять"; на островахъ Тонга úi! представляетъ одновременно восклицаніе „фи!" и глаголъ „кричать на кого-нибудь". Въ Новой Зеландіи hé! есть междометіе, означающее удивленіе при ошибкѣ, hé—какъ существительное или глаголъ, означаетъ „заблужденіе, ошибка, ошибаться, заблуждаться". На языкѣ Киче въ Гватемалѣ глаголы ay, oa, boy выражаютъ различными путями идею „звать". Въ каражаскомъ (Carajas) языкѣ въ Бразиліи мы можемъ угадывать происхожденіе отъ междометія прилагательнаго ei, „печальный" (сравн. коптское eiòiò, „имѣть печальный видъ"); въ то же время едва ли можно не видѣть происхожденія отъ выразительнаго звука глагола hai-hai, „убѣгать" (сравн. слово aie-aie, употребляемое въ смыслѣ „омнибусъ" въ современномъ французскомъ вульгарномъ языкѣ). Камакскіе индѣйцы, чтобы выразить понятіе „много" или „многіе", протягиваютъ пальцы и говорятъ hi. Такъ какъ это обыкновенное для дикарей тѣлодвиженіе, выражающее множество, то, вѣроятно, что hi есть простое междометіе, требующее видимаго знака, чтобы получить полное значеніе [1]). На языкѣ Кечуа въ Перу, alalau—междометіе, выражающее жалобу на холодъ, откуда глаголъ alalaunini, „жаловаться на холодъ". Въ концѣ каждой строфы перуанскаго гимна солнцу пѣлось торжественное восклицаніе haylli! и съ этимъ звукомъ связаны глаголъ hayllini, „пѣть", hayl-

[1]) Сравни, въ той же странѣ у Каме (Camé) ii, у Котоксо (Cotoxó) hiehie, euhiähiä, многій,—ая,—ое.

licuni, „славить побѣду“. Зулуское выраженіе ликованія halala! имѣющее также смыслъ глагола „кричать отъ радости“, имѣетъ аналоги въ тибетскомъ выраженіи радости alala! и греческомъ ἄλαλα, употребляемомъ какъ существительное, въ смыслѣ боевого крика и даже самаго нападенія, ἀλαλάζω, „поднимать боевой крикъ“, еврейскомъ hilal, „пѣть хвалу“, откуда hallelujah (аллилуя), слово, которое послѣдователи теоріи, считающей краснокожихъ индѣйцевъ Исчезнувшими Колѣнами, естественно узнали въ пѣснѣ туземныхъ знахарей hi-le-li-lah! Зулусъ придаетъ своему пыхтящему ha! значеніе выраженія жара, когда онъ говоритъ, что теплая погода „дѣлаетъ ha! ha“; его способъ придавать мѣрность пѣснѣ помощью ha! ha! ясно изображается въ глаголѣ haya, „руководить пѣніемъ“, hayo, „запѣваніе, награжденіе, даваемое руководителю пѣнія за haya“; а его междометіе bà bà! „какъ будто кто-нибудь чмокаетъ губами отъ горькаго вкуса“, становится глагольнымъ корнемъ, означающимъ „быть горькимъ или острымъ на вкусъ, колоть, жечь“. Галласкій языкъ представляетъ нѣсколько удачныхъ примѣровъ перехода междометій въ слова, какъ, напр., въ глаголахъ birrdjeda (говорить brr) и birēfada (дѣлать brr!), имѣющихъ значеніе „испугаться“. Такимъ же образомъ изъ o! обыкновеннаго отвѣта на зовъ, а также крика, которымъ погоняютъ скотъ, чрезъ прибавленіе глагольныхъ окончаній, образовались глаголы oada, „отвѣчать“, и ofa, „гнать“.

Способность междометія видоизмѣнять слова, когда языкъ склоненъ вполнѣ пользоваться ими, можно видѣть въ обращеніи съ тѣмъ же междометіемъ *o*! въ японской грамматикѣ [1]). Оно употребляется передъ существительными, какъ префиксъ для выраженія почета; couni, „страна“, дѣлается такимъ образомъ ocouni. Когда человѣкъ говоритъ съ своими начальниками, онъ ставитъ *o* предъ названіями всѣхъ принадлежащихъ имъ предметовъ, тогда какъ сами начальники опускаютъ *o*, говоря о чемъ-нибудь принадлежащемъ имъ самимъ или подчиненному; въ высшихъ классахъ лица одинаковаго чина ставятъ *o* предъ названіями предметовъ, принадлежащихъ другому, но не предъ собственными; считается вѣжливымъ говорить *o* предъ именами всѣхъ женщинъ, и хорошо воспитанныя дѣти отличаются отъ крестьянскихъ по усердію, съ которымъ онѣ ставятъ его даже предъ дѣтскими названіями отца и матери, o toto, o caca, соотвѣтствующими европейскимъ папа и мама. Въ письменномъ языкѣ дѣлается отличіе между *o*, приставляемымъ къ чему-либо царскому, и oo, означающимъ великое, какъ можно видѣть изъ употребленія слова mets' ké', „шпіонъ“ (буквально „наводящій глаза“); o mets' ké' есть княжескій или императорскій шпіонъ, тогда какъ oo mets' ké' есть начальникъ шпіоновъ. Это междометіе-прилагательное oo, великій, обыкновенно ставится предъ названіемъ столичнаго города, который, по обычаю, называется oo Yedo, въ разговорѣ съ кѣмъ-нибудь изъ его обитателей или въ объясненіяхъ чиновниковъ между собою. Наконецъ *o*, какъ выраженіе почета ставится предъ глаголами во всѣхъ ихъ формахъ спряженія, и считается вѣжливымъ сказать ominahaimatse, „радъ видѣть“, вмѣсто чисто плебейскаго minahaimatse. Самое поверхностное разсмотрѣніе показываетъ, что англійскій шестилѣтній ребенокъ сразу понялъ бы эти образованія; и если мы не включили такимъ образомъ въ нашу грамматику *o*, какъ выраженіе удивленія и почтительнаго замѣшательства, то это потому только, что мы не воспользовались этимъ зачаточнымъ средствомъ выраженія. Другое близкое къ тому восклицаніе, крикъ io! заняло свое мѣсто въ этимологіи. Присоединяемое нѣмцемъ къ крикамъ „огонь!“, „убійство“, Feuerio! Mordio! оно остается на самомъ дѣлѣ простымъ междометіемъ, какъ *o*! въ англійскихъ уличныхъ крикахъ „Pease-o!“ „Dust-o!“, или â въ древне-германскомъ wafenâ! „къ оружію!“ „hilfâ!“ „помоги!“. Ирокезъ же въ Сѣверной Америкѣ болѣе пользуется своимъ матеріаломъ и употребляетъ свое выраженіе удивленія io даже для образованія сложныхъ словъ, прибавляя его къ существительному для обозначенія прекраснаго или хорошаго: такъ, на могаукскомъ языкѣ garonta значитъ дерево, garontio прекрасное дерево; подобнымъ же образомъ Ohio значитъ „рѣка-прекрасная“, и Ontario, „холмъ-скала-прекрасные“, чтò произведено тѣмъ же путемъ. Когда, въ прежнее время занятія французами Канады, туда былъ посланъ генералъ-губернаторъ Новой Франціи, Monsieur de Montmagny, ирокезы произвели его имя отъ своего слова ononte, „гора“, переводя его Onontio, или „Великая Гора“, и это имя передавалось долго спустя, подобно имени Цезаря, какъ титулъ всякаго послѣдующаго губернатора, тогда какъ для французскаго короля оставалось еще высшее наименованіе „великаго Ононтіо“ [2]).

[1]) I. H. Donker Curtius, ‹Essai de Grammaire Japonaise›, p. 34, etc. 199. Въ прежнихъ изданіяхъ этого сочиненія непосредственный междометный характеръ *o* не былъ разсмотрѣнъ должнымъ образомъ. Указанія грамматикъ проф. Б. Г. Чемберлэна и др., гдѣ эта частица (o. oh) связывается съ другими формами, предполагающими общій корень, ставятъ это доказательство въ полную или частную зависимость отъ предположенія междометнаго источника этого корня.

[2]) Bruyas, ‹Mohawk Lang.› p. 16, въ Smithson. Contr. vol. III. Schoolcraft, ‹Indian Tribes›, pat. III, pp. 328, 502, 507. Charlevoix. ‹Nouv. France›, vol. I, p. 350.

Отыскиваніе происхожденія осмысленныхъ словъ отъ междометій легко можетъ привести этимолога къ весьма опрометчивымъ соображеніямъ. Одна изъ лучшихъ гарантій для него заключается въ повѣркѣ формъ, полагаемыхъ происходящими отъ междометій, помощью удостовѣренія, не вошло ли нѣчто подобное въ употребленіе въ совершенно иномъ языкѣ. Напримѣръ, одинъ изъ обыкновенныхъ звуковъ, слышимыхъ путешествующимъ по Испаніи, есть крикъ погонщика муловъ на его животныхъ, arre! arre! Можно основательно предполагать, что отъ этого междометія происходитъ цѣлая группа испанскихъ словъ, глаголъ arrear, „гнать муловъ", arriero—названіе самого погонщика, и т. д. [1]). Но есть ли это самое arre! настоящее междометіе? Повидимому, да, потому что капитанъ Уильсонъ нашелъ его въ употребленіи на Палаускихъ островахъ, гдѣ гребцы побуждаются къ работѣ крикомъ arree! arree! Подобныя же междометія замѣчены и въ другихъ мѣстахъ въ значеніи простого утвержденія, какъ, напр., въ одномъ австралійскомъ нарѣчіи, гдѣ a-ree! означаетъ „въ самомъ дѣлѣ", и въ языкѣ Кечуа, гдѣ ari! значитъ „да", откуда глаголъ arini, „утверждать". Но при такихъ изслѣдованіяхъ желательны еще двѣ предосторожности,—во-первыхъ, не удаляться слишкомъ отъ абсолютнаго значенія междометія, если нѣтъ сильнаго вспомогательнаго свидѣтельства, и, во-вторыхъ, не выходить изъ предѣловъ обыкновенной этимологіи, разсматривая производныя слова, какъ коренныя. Безъ такихъ предосторожностей, даже и вполнѣ вѣрный принципъ оказывается въ приложеніи несостоятельнымъ, какъ видно изъ слѣдующихъ двухъ примѣровъ. Не можетъ быть сомнѣнія, что h'm есть обыкновенное междометное восклицаніе, и что голландцы сдѣлали изъ него глаголъ hemmen. Мы можемъ отмѣтить подобное же восклицаніе въ западной Африкѣ, въ mma! переводимомъ „hallo! stop!" въ языкѣ Фернандо-По. Но прилагать это къ происхожденію нѣмецкаго hemmen, „останавливать, задерживать, обуздывать", и даже къ hem (рубцу) одежды, какъ это дѣлаетъ Веджвудъ, даже безъ оговорки [2]),—значитъ заходить слишкомъ далеко. Другой примѣръ: совершенно справедливо, что звуки щелканія и чмоканія губами на всемъ земномъ шарѣ представляютъ обычныя выраженія удовольствія, и что отъ нихъ могутъ быть производимы слова, какъ, напр., въ словарѣ чинукскаго жаргона въ сѣверо-западной Америкѣ, гдѣ „хорошее" выражается черезъ

[1]) Arre! могло быть введено въ Европу маврами, такъ какъ оно употребляется въ арабскомъ языкѣ, и его употребленіе въ Европѣ близко совпадаетъ съ границами завоеванія мавровъ, въ Испаніи arre! въ Провансѣ arri!

[2]) Wedgwood, «Origin of Language», p. 92.

t'k-tok-te или e-tok-te, звуками, въ происхожденіи которыхъ отъ такихъ прищелкиваній сомнѣваться нельзя, если эти слова въ дѣйствительности не составляютъ лишь попытокъ письменнаго изображенія самихъ этихъ прищелкиваній. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы мы могли взять такія слова, какъ deliciae, delicatus, изъ такого высоко организованнаго языка, какъ латинскій, и отнести ихъ, какъ это дѣлаетъ тотъ же этимологъ, къ междометію, выражающему удовольствіе, dlick! [1]). Поступать такъ значитъ совершенно игнорировать образованіе словъ; мы могли бы такимъ образомъ объяснить латинское dilectus или англійское delight (наслажденіе), какъ прямо образовавшіяся изъ выразительныхъ звуковъ. Въ заключеніе этихъ замѣчаній о междометіяхъ могутъ быть представлены двѣ или три группы словъ, въ видѣ примѣровъ примѣненія коллективнаго свидѣтельства многихъ языковъ, преимущественно низшихъ расъ.

Утвердительныя и отрицательныя частицы, имѣющія такое значеніе, какъ „да!", „право!" „нѣтъ!", могли произойти изъ различныхъ источниковъ. Полагаютъ, что австралійскія нарѣчія происходятъ всѣ отъ одного общаго корня, но звуки, которые они употребляютъ въ смыслѣ „да" и „нѣтъ", столь несходны, что самыя названія племенъ произошли отъ этихъ словъ, какъ удобнаго средства различенія. Такъ, племена Gureang, Kamilaroi, Kogai, Wolaroi, Wailwun, Wiratheroi получили названія отъ словъ, употребляемыхъ ими въ значеніи „нѣтъ", именно соотвѣтственно gure, kamil, ko, wol, wail, wira; съ другой стороны Pikambul, говорятъ, носятъ это названіе отъ ихъ слова pika, „да". Этотъ затѣйливый способъ наименованія племенъ, выдуманный австралійскими дикарями и являющійся, быть можетъ, и въ Бразиліи въ названіи племени Cocatapuya (coca „нѣтъ", tapuya „человѣкъ"), весьма любопытенъ по своему сходству съ средневѣковымъ раздѣленіемъ французскаго языка на Langue d'oc и Langue d'oil, соотвѣтственно словамъ, означающимъ „да", преобладающимъ въ южной и сѣверной Франціи: oc! есть латинское hoc (это), тогда какъ болѣе долгая форма hoc illud была превращена въ oïl! и оттуда въ oui! Многія другія слова, означающія „да" и „нѣтъ", могутъ быть осмысленными словами, какъ, напр., французское и итальянское si! представляющее латинское sic. Но, съ другой стороны, есть основаніе полагать, что многія изъ этихъ частицъ, употребляющіяся въ различныхъ языкахъ,—слова не осмысленныя, но звуковыя, чисто междометнаго характера; или, что почти то же, чувство соотвѣтствія звука съ его значеніемъ могло вліять на выборъ и обра-

[1]) Ibid., p. 72.

зованіе осмысленныхъ словъ—замѣчаніе, имѣющее широкое приложеніе въ такихъ изслѣдованіяхъ, какъ настоящее. Уже давно предполагали, что первобытный звукъ такихъ словъ, какъ non, есть носовое междометіе сомнѣнія или несогласія [1]). По звуку, оно соотвѣтствуетъ видимому жесту смыканія губъ, тогда какъ гласное междометіе, съ придыханіемъ или безъ него, принадлежитъ скорѣе къ выраженіямъ, произносимымъ съ открытымъ ртомъ. По этой ли, или по какой-либо другой причинѣ, въ самыхъ отдаленныхъ и различныхъ языкахъ міра существуетъ замѣчательная склонность съ одной стороны къ употребленію гласныхъ звуковъ, съ мягкимъ или твердымъ придыханіемъ, для выраженія „да", и съ другой стороны къ употребленію носовыхъ согласныхъ для выраженія „нѣтъ". Утвердительная форма гораздо обыкновеннѣе. Гортанное i-i! западныхъ австралійцевъ, ēē! даріенцевъ, a-a h! клалламовъ, é! якамскихъ индѣйцевъ, e! басутовъ, n a i! канури, представляютъ нѣсколько примѣровъ обширной группы формъ, изъ которыхъ слѣдующія составляютъ только часть отмѣченныхъ въ полинезійскихъ и южно-американскихъ странахъ — ii! é! ia! aio! io! ya! ey! и пр., h'! heh! he-e! hü! hoehah! ah-ha! и пр. Эта идея сильнѣе всего подтверждается тамъ, гдѣ парныя слова, означающія „да" и „нѣтъ", находятся въ извѣстномъ согласованіи. Такъ, по весьма поучительному описанію Добрицгоффера, у южно-американскихъ абипоновъ, словомъ „да" для мужчинъ и юношей служитъ héé! у женщинъ há á! у стариковъ же звукъ въ родѣ хрюканія; тогда какъ „нѣтъ" у всѣхъ выражается словомъ yna! и болѣе или менѣе громкимъ звукомъ его выражается самая сила отрицанія. Собраніе словарей бразильскихъ племенъ д-ра Марціуса, филологически весьма различающихся между собою, содержитъ различныя пары такихъ утвердительныхъ и отрицательныхъ частицъ, а именно эквивалентами „да!"—„нѣтъ!" въ языкѣ Тупи служатъ ayé!—aan! aani! въ языкѣ Гвато ii!—mau! въ языкѣ Жумана aeae! — mäiu! въ языкѣ Миранья ha ú!—nani! Перуанскій языкъ Кечуа утверждаетъ звукомъ y! hu! и выражаетъ „нѣтъ", „совсѣмъ нѣтъ" чрезъ ama! manan! и пр., дѣлая изъ послѣдняго глаголъ manamni, „отрицать". Въ гватемальскомъ языкѣ Киче для утвержденія служатъ e или ve, для отрицанія ma, man, mana. Далѣе въ галласкомъ языкѣ въ Африкѣ ee! означаетъ „да!", hn, hin, hm — „нѣтъ!"; въ фернандійскомъ ee! значитъ „да", 'nt — „нѣтъ"; а коптскій словарь для утвержденія (латинское „sane") приводитъ eie, ie, для отрицанія же длинный списокъ носовыхъ звуковъ, въ родѣ an, emmen, en, mmn, и пр.

[1]) De Brosses, vol. I, p. 203. См. Wedgwood.

Санскритскія частицы hi! „дѣйствительно, конечно", na, „нѣтъ", служатъ примѣрами подобныхъ формъ индо-европейскихъ языковъ, до англійскихъ aye! (да) и no! (не, нѣтъ) [1]). Все это должно имѣть извѣстное значеніе; иначе я едва ли бы могъ привести наудачу, не пытаясь предпринять общаго изслѣдованія, столько примѣровъ изъ столь различныхъ языковъ, встрѣтивъ при этомъ сравнительно лишь небольшое число противорѣчащихъ случаевъ [2]).

Де-Броссъ утверждалъ, что происхожденіе латинскаго stare, стоять, можетъ быть прослѣжено до первоначальнаго выразительнаго звука. Онъ воображалъ, что-будто бы можно слышать въ немъ органическій коренной знакъ, выражающій неподвижность, и что такимъ образомъ объясняется, почему звукъ st! служитъ для того, чтобы заставить человѣка стоять спокойно. О связи его съ этими звуками часто говорится и въ новѣйшихъ сочиненіяхъ, и одинъ нѣмецкій филологъ съ пылкимъ воображеніемъ описываетъ ихъ происхожденіе у первобытныхъ людей такъ живо, какъ будто онъ самъ былъ свидѣтелемъ того. Стоитъ человѣкъ и тщетно подаетъ знаки товарищу, который его не видитъ; наконецъ, ему приходятъ на помощь голосовые нервы, и у него невольно вырывается звукъ st! Другой слышитъ звукъ, оборачивается на него, видитъ дѣлаемые ему знаки и понимаетъ, что его просятъ остановиться; а послѣ нѣсколькихъ подобныхъ случаевъ, дѣйствіе будетъ описываться въ обыкновенномъ разговорѣ хорошо извѣстнымъ теперь звукомъ st! и такимъ образомъ sta дѣлается корнемъ, символомъ отвлеченной идеи стоять [3])! Это весьма остроумная догадка, но, къ несчастію, не болѣе того. Она могла бы быть до нѣкоторой степени подкрѣплена, хотя и не доказана, если бы принимающіе ее доказали, что st! нѣмецкій способъ призыва, pst! испанскій,—сами по себѣ чистыя междометія. Но даже и это никогда еще не было доказано. Зовъ этотъ, сколько извѣстно, не употребляется за предѣлами нашего индо-европейскаго семейства языковъ; а пока его употребленіе встрѣчается только въ этихъ предѣлахъ, противникъ упомянутой теоріи основательно можетъ считать

[1]) Также ораонское hae-ambo; микмакское é—mw.

[2]) Двойное противорѣчіе въ караибскомъ anhan! = «да!», oua! = «нѣтъ!» Единичныя противорѣчія въ языкѣ Катокина hang! Тупи eém! ботокудскомъ hemhem! іорубскомъ en! означающихъ «да», въ языкѣ Кулино aiy! австралійскомъ yo! означающихъ «нѣтъ!» и пр. До какой степени на эти звуки вліяетъ интонація, мы, употребляющіе h'm! въ смыслѣ «да» или «нѣтъ», легко можемъ понять.

[3]) (Charles de Brosses) «Traité de la Formation Mécanique des Langues» etc. Paris. An. ix., vol. I, p. 238; vol. II, p. 313. Lazarus и Steinthal, «Zeitschr. f. Völkerpsychologie», etc. vol. I, p. 421. Heyse, «System der Sprachwissenschaft», p. 73. Farrar, «Chapters on Language», p. 202.

его сокращеніемъ того самаго s t a! („стой! „stay! stop!“), для котораго эта теорія считаетъ этотъ звукъ началомъ [1]).

Основательность требованія бо́льшей доказательности того, что такой-то звукъ есть чистое междометіе, чѣмъ существованіе его въ одномъ лишь семействѣ языковъ, можетъ быть доказана разсмотрѣніемъ другой группы междометій, встрѣчаемыхъ у отдаленнѣйшихъ племенъ, и потому имѣющихъ значительное право считаться первичными звуками языка. Это простые шипящіе звуки, s! sh! h' sh! употребляемые преимущественно для спугиванія птицъ, относительно же людей, для выраженія отвращенія—или какъ призывъ къ молчанію. Кэтлинъ описываетъ, что когда партія индѣйцевъ сіусовъ приблизилась къ портрету умершаго начальника, каждый изъ нихъ прикладывалъ руку ко рту, издавая h u s h – s h! и что когда онъ самъ пожелалъ приблизиться въ священному „лѣкарству“ въ манданскомъ домѣ, его старались удержать тѣмъ же h u s h—s h! И у насъ шипящее междометіе переходитъ въ два совершенно противуположныя значенія, сообразно съ тѣмъ, заставляютъ ли имъ замолчать самого говорящаго, или приказываютъ молчать другимъ, чтобы его слушать; такимъ же образомъ мы находимъ и въ другихъ мѣстахъ, что шипящіе звуки употребляются то въ одномъ, то въ другомъ значеніи. У дикихъ веддаховъ на Цейлонѣ, восклицаніе i s s! выражаетъ порицаніе, какъ древней и современной Европѣ; глаголъ shârak, шипѣть, шикать, употребляется въ еврейскомъ языкѣ съ подобнымъ же значеніемъ: „они должны прогнать его шиканіемъ съ его мѣста“. Въ Японіи же уваженіе выражается шиканіемъ, приказывающимъ молчать. Капитанъ Кукъ замѣтилъ, что туземцы Ново-Гебридскихъ острововъ выражали удивленіе шипѣніемъ, подобнымъ гусиному. Казалисъ говоритъ о басутахъ: „шиканіе составляетъ самый несомнѣнный знакъ одобренія, и его также ищутъ въ африканскихъ парламентахъ, какъ наши претенденты на популярность боятся его“ [2]). Изъ

[1]) Подобные же звуки употребляются для того, чтобы заставить молчать, остановить говорящаго, такъ же, какъ и остановить идущаго. Англійское h u s h t! w h i s t! h i s t! валлійское u s t [illegible]цузское c h u t! итальянское z i t t o! шведское t y s t! русское т с! и латинское s t! такъ хорошо изображенное въ любопытномъ древнемъ стихѣ, цитируемомъ Фарраромъ, гдѣ оно сравнивается съ знакомъ положенія пальца на губы:

«Isis, et Harpocrates digito qui significat s t!». (Изида, и Гарпократъ, который перстомъ обозначаетъ с т!).

Существованіе и этой группы междометій не доказано за арійскими предѣлами.

[2]) Catlin, «North American Indians», vol. I, pp. 221, 39, 151, 162. Bailey въ «Tr. Eth. Soc.», vol. II, p. 318. Іовъ XXVII, 23. (Глаголъ s h â r a k значитъ также звать шипѣніемъ. Ис. ст. 26, Іер. XIX, 8). Alcock, «The Capital of the Tycoon», vol. I, p. 394. Coock, «2-nd Voy.», vol. II, p. 36. Casalis, «Basutos», p. 234.

другихъ шипящихъ междометій упомянемъ турецкое sûsâ! осетинское s s! s o s! „молчаніе!“, фернандійнское s i a! „слушать!“ „молчать!“, іорубское „s i ò!“, выражающее презрѣніе. Такимъ образомъ эти звуки, далеко не принадлежа спеціально одному семейству языковъ, составляютъ, повидимому, весьма широко распространенные элементы человѣческой рѣчи. Не можетъ быть также никакого сомнѣнія относительно перехода ихъ въ вполнѣ сформированныя слова, какъ въ англійскомъ глаголѣ t o h u s h, получившемъ смыслъ „успокоивать, усыплять („as h u s h as death“, тихій, какъ смерть), въ метафорическомъ смыслѣ „to h u s h up a matter (утаивать что-либо), греческомъ σίζω, „приказывать молчать“. Даже латинское s i l e r e и готское s i l a n, „молчать“, можно съ нѣкоторымъ основаніемъ произвести отъ междометія молчанія s!

Санскритскіе словари представляютъ различныя слова, ясно показывающія свое происхожденіе отъ междометій: таковы hûnkâra (дѣлать hûm), „произносить мистическое религіозное восклицаніе h û m“ и çiççabda (звукъ — çiç), шипѣніе“. Кромѣ этихъ очевидныхъ образованій, междометный элементъ занимаетъ болѣе или менѣе значительное мѣсто въ спискѣ санскритскихъ корней, представляющихъ, вѣроятно, лучше, нежели корни какого-либо другого языка, глагольные начала древняго арійскаго первоначальнаго нарѣчія. Въ r u, „ревѣть, кричать, вопить“, и k a k h, „смѣяться“, мы находимъ еще болѣе простой родъ происхожденія отъ междометій, т.-е. простое описаніе звука. Относительно болѣе сложнаго рода, когда значеніе переходитъ въ новую стадію, Веджвудъ выставляетъ видимую связь междометій омерзенія и отвращенія, въ родѣ p o o h! f i e! и пр., съ тою обширною группою словъ, которая представляется англійскими f o u l (мерзкій, гнусный и f i e n d (врагъ), санскритскими глаголами p û y, „становиться сквернымъ, вонять“, и p i y, p î y, „поносить, ненавидѣть“ [1]). Можно бы привести и еще другіе доводы въ пользу этой теоріи. Въ языкахъ низшихъ расъ

[1]) Wedgwood, «Origin of Language», p. 83 «Dictionary», Introd. p. XLIX, и s. v. «foul». Проф. Максъ Мюллеръ, «Lectures», 2-nd series, p. 92, возражаетъ противъ безразборчиваго произведенія словъ прямо отъ такихъ криковъ и междометій, безъ посредства опредѣленныхъ корней. Относительно настоящаго предмета онъ обращаетъ вниманіе на то, что лат. p u s, p u t r i d u s, готск. f u l s, англ. f o u l, слѣдуютъ закону Гримма, какъ слова, происходящія отъ одного корня. Однако, допуская это, является вопросъ, насколько чистыя междометія и ихъ прямыя производныя, будучи самовыразительными и, такъ сказать, живыми звуками, испытываютъ дѣйствіе фонетическихъ измѣненій, какія относятся къ закону Гримма, который дѣйствуетъ на членораздѣльные звуки, уже не вполнѣ выразительные сами по себѣ, но передаваемые только по преданію. Такимъ образомъ, p и f встрѣчаются въ одномъ и томъ же нарѣчіи въ междометіяхъ омерзенія и отвращенія: p u h! и f i! употребляются въ Венеціи или Парижѣ, совер-

звукъ pu употребляется для выраженія дурного запаха: зулусъ замѣчаетъ, что „мясо говоритъ pu (inyama iti pu"), т.-е. оно воняетъ; въ тиморскомъ языкѣ есть слово poöp, „тухлый"; въ языкѣ Киче есть puh, poh—„зараза, гной", pohir, „становиться гадкимъ, гнить", puz, „гнилость, то, что воняетъ"; тупиское слово, означающее гадкій, puxi, можно сравнить съ латинскимъ putidus, и употребляемое на рѣкѣ Колумбіи названіе „скункса", o-pun-pun, съ подобными же названіями вонючихъ животныхъ, санскритское pûtikâ, „цибетовая виверра", и французское putois, „хорекъ". Изъ французскаго междометія fi! уже давно производятся слова, употребляемыя въ языкѣ, хотя и непризнанныя Академіею; въ средневѣковой Франціи „maistre fi-fi" было признаннымъ названіемъ людей, очищавшихъ улицы, и книги fi-fi еще до сихъ поръ не исчезли.

До сихъ поръ, къ несчастію, слишкомъ держалось раздѣленіе того, что можно назвать производною, или генеративною филологіею, изслѣдующею крайнія начала словъ, отъ исторической филологіи, прослѣживающей ихъ передачу и измѣненіе. Для науки о языкѣ было бы большимъ пріобрѣтеніемъ тѣснѣйшее соединеніе этихъ двухъ отраслей изслѣдованія, такъ какъ и самые описываемые ими процессы шли рядомъ съ самаго ранняго начала рѣчи. Въ настоящее время историческіе филологи школы Гримма и Боппа, великая работа которыхъ заключалась въ возведеніи нашихъ индо-европейскихъ нарѣчій до древней арійской формы языка, имѣютъ большое преимущество въ полнотѣ доказательствъ и строгости метода. Въ то же время очевидно, что воззрѣнія производныхъ филологовъ, отъ де-Бросса и далѣе, заключаютъ въ себѣ здравый принципъ, и что многія изъ доказательствъ, собранныхъ изъ эмоціальныхъ и другихъ прямо выразительныхъ словъ, имѣютъ величайшую цѣнность. Но при выработкѣ подробностей такого словообразованія, надо помнить, что ни къ какому другому отдѣлу филологіи не можетъ до такой степени относиться насмѣшливая замѣтка Августина объ этимологахъ его времени, что, подобно толкованію сновъ, слова производятся каждымъ, сообразно его собственному прихотливому воображенію. (Ut somniorum interpretatio ita verborum origo pro cujosque ingenio praedicatur).

шенно такъ же, какъ подобные же звуки въ Лондонѣ. Слѣдуя за этою группою словъ отъ начальныхъ арійскихъ формъ, нужно еще замѣтить, что санскритъ—весьма несовершенный путеводитель, потому что въ его алфавитѣ совсѣмъ нѣтъ f, и онъ едва ли можетъ въ этомъ случаѣ давать правила языкамъ, имѣющимъ какъ p, такъ и f, и вслѣдствіе того, способнымъ къ болѣе тонкой оцѣнкѣ этого класса междометій.

ГЛАВА VI.

Эмоціональный и подражательный языкъ.

(Окончаніе).

Подражательныя слова.—Названіе человѣческихъ дѣйствій по звуку.—Названія животныхъ отъ криковъ и пр. — Музыкальные инструменты. — Воспроизведеніе звуковъ.—Видоизмѣненіе словъ для приспособленія звука къ смыслу.—Удвоеніе.—Градація гласныхъ для выраженія разстоянія и различія.—Дѣтскій языкъ.—Отношеніе звуковыхъ словъ къ осмысленнымъ словамъ. — Языкъ, какъ самобытный продуктъ низшей культуры.

Нельзя предположить, чтобы отъ древнѣйшаго періода языка и до настоящаго времени люди когда-либо совершенно переставали сознавать, что нѣкоторыя изъ ихъ словъ произошли отъ подражанія обычно слышимымъ ими звукамъ. Въ современномъ англійскомъ языкѣ, напримѣръ, послѣдствія такого подражанія очевидны; мухи жужжатъ (flies buzz), пчелы жужжатъ (bees hum), змѣи шипятъ (snakes hiss), хлопушка или бутылка имбирнаго пива хлопаютъ (a cracker or a bottle of a gingerbeer pops), пушка или выпь пуфаютъ (a cannon or a bittern booms). Въ названіяхъ животныхъ и музыкальныхъ инструментовъ на различныхъ языкахъ міра часто ясно слышатся подражаніе ихъ крикамъ и звукамъ, какъ, напр., въ названіи hoopoe, удодъ, ai—ai, тихоходъ, kaka, попугай, восточное tomtom, т.-е. барабанъ, африканское ulule, т.-е. флейта, сіамское khong-bong, деревянная гармоника, и т. д. во множествѣ другихъ словъ. Но эти очевидные примѣры еще далеко не даютъ понятія о всей силѣ вліянія подражанія на ростъ языка. На самомъ дѣлѣ эти дѣйствія подражанія облегчаютъ входъ въ филологическую область, которая дѣлается тѣмъ труднѣе проходимою, чѣмъ далѣе изслѣдуется.

Процессы, результаты которыхъ мы видимъ въ современныхъ языкахъ, были, повидимому, приблизительно слѣдующіе. Люди подражали своимъ собственнымъ звуковымъ проявленіямъ душевныхъ движеній

или междометіямъ, крикамъ животныхъ, звукамъ музыкальныхъ инструментовъ, крику, вою, топоту, треску, скрипу, визгу и т. д., ежедневно ими слышимымъ, и этимъ подражаніямъ многія слова несомнѣнно обязаны своимъ происхожденіемъ. Но эти слова, въ томъ видѣ, какъ мы ихъ теперь наблюдаемъ, часто весьма отличаются, нерѣдко даже до неузнаваемости, отъ тѣхъ звуковъ, которые дали имъ начало. Прежде всего, человѣческій голосъ можетъ только весьма грубо воспроизводить звуки, слышимые ухомъ; рядъ возможныхъ для него гласныхъ весьма ограниченъ, въ сравненіи съ естественными тонами, а возможные для него согласные еще менѣе пригодны для подражанія естественнымъ шумамъ. Кромѣ того, даже и этой несовершенной подражательной силой голосъ его можетъ пользоваться только отчасти, такъ какъ всякій языкъ, для своего собственнаго удобства, ограничилъ ее небольшимъ количествомъ установленныхъ гласныхъ и согласныхъ, съ которыми должны сообразоваться подражательные звуки, получая, такимъ образомъ, условную форму въ видѣ членораздѣльныхъ словъ, съ неизбѣжною потерею въ точности подражанія. Ни одинъ разрядъ словъ не имѣетъ болѣе совершеннаго подражательнаго начала, чѣмъ слова, составляющія просто голосовыя подражанія звукамъ. По немногимъ примѣрамъ можно судить, насколько обыкновенные алфавиты до нѣкоторой степени способны и до нѣкоторой степени безсильны въ письменномъ изображеніи этихъ звуковъ. Такъ, австралійское подражаніе удару копья или пули есть toop; для зулуса, удары по калебасѣ (сосуду изъ тыквы) даютъ звукъ boo; карены слышатъ зовъ летающаго духа умершаго въ завываніи вѣтра, re re, ro ro; старинный путешественникъ, Пьетро делла-Валле, разсказываетъ, какъ персидскій шахъ смѣялся надъ Тимуромъ и его татарами, стрѣлы которыхъ издаютъ звукъ ter ter; извѣстные буддійскіе еретики утверждали, что вода живое существо, такъ какъ при кипѣніи она производитъ chichitá, chitichita, проявленіе жизненности, давшее поводъ ко многимъ теологическимъ спорамъ относительно питья холодной и горячей воды. Наконецъ, звуковыя слова, принятыя въ общій инвентарь языка, должны слѣдовать его органическимъ измѣненіямъ, и при фонетическихъ переходахъ, комбинаціяхъ, упадкѣ и порчѣ все болѣе и болѣе теряютъ свою первоначальную форму. Въ видѣ хотя бы одного примѣра, укажемъ, что французское huer, „кричать“ (валлійское hwa), можетъ быть совершенно подражательнымъ глаголомъ; но при переходѣ въ современное англійское hue and cry [1]), измѣненное произношеніе

[1]) Англійскій терминъ, означающій обыкновенный процессъ преслѣдованія преступника. Пер.

гласной разрушаетъ всю подражательность крика. Для творцовъ языка все это не имѣло значенія. Они нуждались только въ признанныхъ словахъ, для выраженія признанныхъ мыслей, и повторенными попытками добились, безъ сомнѣнія, системы, которая на практикѣ оказалась соотвѣтствующею этому назначенію. Но для современнаго филолога, старающагося разрѣшить задачу въ противоположномъ смыслѣ и прослѣдить развитіе словъ обратно до первоначальныхъ подражательныхъ звуковъ, затрудненіе весьма значительно. Оно происходитъ не оттого только, что тысячи словъ, дѣйствительно обязанныхъ происхожденіемъ такому подражанію, послѣдовательными измѣненіями потеряли, быть можетъ, всѣ достовѣрные слѣды своей исторіи; эта трудность, т.-е. только недостатокъ свѣдѣній, есть еще наименьшее зло. Гораздо хуже то, что при этомъ открыта дорога для неограниченнаго количества ложныхъ рѣшеній, по наружности кажущихся столь же истинными, какъ и другія, которыя мы исторически знаемъ за истинныя. Ясно лишь одно, что совершенно безполезно прибѣгать къ насильственнымъ средствамъ, набрасываться на слова языка, безъ разбора объясняя происхожденіе всѣхъ ихъ отъ какого-нибудь отдаленнаго приложенія подражательнаго звука. Пытающійся сдѣлать это защитникъ „подражательной теоріи“, надѣясь на свою способность различенія, предпринимаетъ опасное дѣло, потому что, на самомъ дѣлѣ, онъ доводитъ себя до того, что изъ всѣхъ судей вопроса онъ становится самымъ худшимъ. Его воображеніе постоянно подсказываетъ ему то, что сужденію его желательно считать вѣрнымъ; подобно свидѣтелю, отвѣчающему на вопросы адвоката его же стороны, онъ отвѣчаетъ искренно, но мы всѣ видимъ—куда онъ склоняется. Такъ это было съ де-Броссомъ, которому такъ много обязанъ этотъ отдѣлъ филологіи. Мало сказать, что онъ имѣлъ острый слухъ къ звукамъ природы; она какъ бы положительно говорила ему на азбучномъ языкѣ, потому что онъ могъ слышать звукъ пустоты въ sk слова σκάπτω, „копать“, твердости въ cal слова callosity (затвердѣлость, мозоль), звукъ вмѣщенія какого-нибудь тѣла между двумя другими въ tr словъ trans, intra. Въ изслѣдованіяхъ, столь подверженныхъ ложнымъ догадкамъ, не надо жалѣть никакихъ трудовъ, чтобы добиться безпристрастныхъ свидѣтельствъ, и, къ счастію, случается находить пригодные источники ихъ, которые, послѣ тщательной разработки, дадутъ теоріи подражательныхъ словъ такую же степень точности, какую имѣетъ всякая другая широкая филологическая задача. Сравнивая большое количество языковъ, которые далеко различаются между собою по своимъ общимъ системамъ и матеріаламъ, и сходство которыхъ въ разсматри-

ваемыхъ словахъ можетъ быть объяснено только сходнымъ образованіемъ словъ отъ сходнаго вліянія звука, мы получаемъ группы словъ, подражательный характеръ которыхъ неоспоримъ. Группы, разсматриваемыя здѣсь, состоятъ вообще изъ подражательныхъ словъ простѣйшаго рода, связанныхъ непосредственно съ спеціальнымъ звукомъ, отъ котораго онѣ происходятъ; но разсмотрѣніе ихъ допускаетъ до нѣкоторой степени причисленіе туда и такихъ словъ, въ которыхъ связь выражаемой мысли съ подражаемымъ звукомъ болѣе отдаленна. Далѣе, это открываетъ гораздо болѣе широкій и трудный вопросъ—на сколько подражаніе звукамъ составляетъ первичную причину громадной массы употребляемыхъ на землѣ словъ, въ которыхъ нѣтъ никакой прямой связи между звукомъ и значеніемъ.

Слова, обозначающія человѣческія дѣйствія, сопровождаемыя звуками, составляютъ весьма обширную и ясную категорію. Въ отдаленныхъ и самыхъ различныхъ языкахъ мы находимъ такія формы, какъ pu, puf, bu, buf, fu, fuf, употребляемыя въ значеніи пыхтѣнія (puffing, fuffing) или дутья; малайское puput; тонганское buhi; маориское pupui; австралійское bobun, bwa-bun; галлаское bufa, afufa; зулуское futa, punga, pupuza (fu, pu, употребляемые, какъ выразительныя частицы); на языкѣ Киче puba; на языкѣ Кечуа puhuni; тупиское ypeû; финское puhkia; еврейское puach; датское puste; литовское púciu; и во множествѣ другихъ языковъ [1]); въ этихъ случаяхъ, исключая грамматическія прибавки, выразительная сила заключается въ подражательномъ слогѣ. Дикари, увидѣвши европейскій мушкетъ, назвали его звукомъ pu, описывая этимъ не издаваемый звукъ, но выходящій изъ дула puff дыма. Обитатели острововъ Товарищества полагали сначала, что бѣлые люди дуютъ чрезъ стволъ ружья, и сообразно съ этимъ назвали его pupuhi, отъ глагола puhi дуть, тогда какъ новозеландцы назвали его проще pu. Такъ, амакозы въ южной Африкѣ называютъ его umpu, отъ подражательнаго звука pu. Въ чинукскомъ жаргонѣ сѣверо-западной Америки употребляется выраженіе mamook poo (дѣлать „пу") вмѣсто глагола „стрѣлять", а шести-камерный револьверъ называется tohum poo, т.-е. „шесть-poo". Когда европеецъ словомъ puff обозначаетъ выстрѣлъ изъ ружья, онъ употребляетъ только то же самое подражательное для дутья слово, которымъ выражается puff вѣтра или даже

[1]) У Мпонгве punjina; у басутовъ foka; у караибовъ phoubäe; у араваковъ appüdün (ignem sufflare). Другіе примѣры приведены у Wedgwood, «Or. of Lang.», p. 83.

powder-puff или puff-ball [1]); и когда пистолетъ называется на разговорномъ нѣмецкомъ языкѣ puffer, значеніе этого слова уподобляется соотвѣтствующему ему выраженію французскаго воровскаго языка (Argot)—„soufflant". Часто полагали, что puff есть подражаніе настоящему звуку, удару ружья, и bang—пушки, и отсюда вывели, какими крайне различными словами можно подражать одному и тому же звуку, но это ошибка [2]). Эти производства названія ружья отъ понятія дутья соотвѣтствуютъ тѣмъ, которыя дали названія употребляемымъ охотниками на птицъ сравнительно безшумнымъ духовымъ трубамъ, называемымъ юкатанскими индѣйцами pub, чикитосами въ Южной Америкѣ pucuna, кокамасами pu-na. Просматривая словари языковъ, имѣющихъ такіе глаголы, какъ „дуть", мы нерѣдко встрѣчаемъ рядомъ съ ними другія слова, находящіяся, повидимому, въ соотношеніи съ ними и выражающія болѣе или менѣе отдаленныя идеи. Таковы австралійское pooyu, puyu, „дымъ"; на языкѣ Кечуа puhucuni, „зажигать огонь", punquini, „надувать"; puyu, puhuyu, „облако"; маориское puku, „пыхтѣть", puka, „надувать"; тупиское púpú, pupúre, „кипѣть"; галлаское bube, „вѣтеръ", bubiza, „охлаждать дутьемъ"; канурiское (корень fu) fungin, „дуть, надувать", furúdu, „подушка" и пр., bubute, „мѣхи" (bubute fungin, „я дую мѣхами"); зулуское (опуская префиксы) puku, pukupu, „пустословіе, пѣна", откуда pukupuku, „пустой, пустословный малый", pupuma, „кипѣть", fu, „облако". fumfu, „качаемый, подобно высокой травѣ во время вѣтра", откуда fumfuta, „быть смущеннымъ, разстроеннымъ", futo, „мѣхи", fuba, „грудь", оттуда въ переносномъ смыслѣ „совѣсть".

Группа словъ, произносимыхъ съ сомкнутыми губами, изъ которыхъ такія, какъ mum (тс! молчи!), mumming (маскированіе), mumble (бормотать), могутъ служить примѣрами множества формъ, принадлежащихъ къ европейскимъ языкамъ [3]), подобнымъ же образомъ образуются и у низшихъ расъ—у Веи mu mu, „нѣмой"; у Мпонгве imamu, „нѣмой"; у зулусовъ momata, (отъ moma, „движеніе губами какъ при бормотаніи"), „двигать ртомъ или губами", mumata, „смыкать губы, какъ будто ротъ полонъ воды", mumuta mumuza, „жевать, набивши ротъ хлѣбомъ, и пр., съ закрытыми губами"; таитское mamu, „молчать", omumu, „роптать"; фиджійское nomo, nomo-

[1]) Извѣстный грибъ дождевикъ (Lycoperdon), изъ котораго при давленіи вылетаетъ пыль (споры). Пер.

[2]) См. Wedgwood, «Dic.» Introd. p. VIII.

[3]) См. Wedgwood, Dic., s. v. «mum», etc.

nomo, „молчать"; чилійское nomn, „молчать"; на языкѣ Киче mem, „нѣмой", откуда memer, „нѣмѣть"; на языкѣ Кечуа amu, „нѣмой, молчаливый", amullini, „имѣть что-нибудь во рту", ammullayacuni simicta, „бормотать, ворчать". Группа, представителями которой служатъ санскритское t'hût'hû, „звукъ плеванія", персидское thu kerdan (дѣлать thu), „плевать", греческое πτύω, можетъ быть сравнена съ чинукскимъ mamook toh tooh (дѣлать toh tooh); чилійскимъ tuvcütun (дѣлать tuv); таитскимъ tutua; галласкимъ twu; іорубскимъ tu. Изъ санскритскихъ глагольныхъ корней ни въ одномъ подражательная природа не высказывается такъ ясно, какъ въ kshu, „чихать"; аналогичныя тому южно-американскія формы:—чилійское echiun; на языкѣ Кечуа achhini; и въ языкахъ различныхъ бразильскихъ племенъ — techa-ai, haitschu, atchian, natschun, aritischune и пр. Другой хорошій примѣръ подражательнаго глагола представляетъ негро-англійское нарѣчіе въ Суринамѣ njam, „ѣсть" (произн. nyam), njam-njam, „пища" („en hem njannjam ben de sprinkhan nanga boesi-honi" — „и пищею ему служили акриды и дикій медъ"). Въ Австраліи подражательный глаголъ „ѣсть" снова является въ видѣ g'nam-ang. Въ Африкѣ, въ языкѣ негровъ Сусу есть слово nimnim, „пробовать, отвѣдывать", и подобное же образованіе наблюдается въ зулускомъ nambita, „чмокать губами послѣ вкушенія или отвѣдыванія", и оттуда „быть вкуснымъ, нравиться". Это превосходный примѣръ перехода чисто-подражательнаго звука въ выраженіе душевнаго движенія, соотвѣтствующій тому способу подражанія, помощью котораго на якамскомъ языкѣ, когда говорятъ о маленькихъ дѣтяхъ или любимыхъ животныхъ, выражается глаголъ „любить": nem-no-sha (дѣлать n'm-n'). Въ странахъ болѣе цивилизованныхъ эти формы ограничены большею частью дѣтскимъ языкомъ. У китайскихъ дѣтей ѣда выражается словомъ nam, въ англійскихъ дѣтскихъ nim имѣетъ то же признанное значеніе, и шведскій лексиконъ признаетъ даже слова namnam, „лакомство".

Что касается до подражательныхъ названій животныхъ, происходящихъ отъ издаваемыхъ ими криковъ и звуковъ, они встрѣчаются во всякомъ языкѣ, отъ австралійскаго twonk, „лягушка", якамскаго rol-rol, „жаворонокъ", и до коптскаго eeio, „оселъ", китайскаго maou, „кошка", и англійскихъ cuckoo (кукушка) и peewit (чибисъ, или пигалица). Послѣ установленія общаго принципа ихъ образованія, ихъ дальнѣйшій филологическій интересъ заключается преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда соотвѣтствующія слова образовались такимъ образомъ независимо въ отдаленныхъ странахъ, и въ тѣхъ,

когда подражательное названіе животнаго или его обыкновенный крикъ употребляются для выраженія какой-нибудь идеи, внушаемой характеромъ его. Санскритское названіе вороны kâka снова является въ названіи подобной же птицы въ Британской Колумбіи, káh-kah; муха называется у австралійскихъ туземцевъ bumberoo, подобно санскритскому bambharâli, „муха", греческому βομβύλιος и англійскому bumble-bee (шмель). Названію мухи tse-tse, ужаса африканскихъ путешественниковъ, аналогично названіе мухи у Басуто ntsintsi, которое также, по простой метафорѣ, служитъ для выраженія идеи „паразитъ". Описаніе Г. В. Бэтса рѣшило, кажется, споръ натуралистовъ, происходитъ ли названіе тукана отъ его крика или нѣтъ. Онъ говоритъ о его громкомъ, пронзительномъ отрывистомъ крикѣ, „приблизительно выражающемся слогами tocáno, toc no, и отсюда происходитъ индѣйское названіе птицъ этого рода". Допуская это, мы можемъ прослѣдить это звуковое слово до его совершенно новаго значенія; именно, чудовищный клювъ птицы далъ, повидимому, поводъ назвать извѣстное длинноносое племя индѣйцевъ Tucanos [1]). Пѣтуху, gallo quiquiriqui, какъ его называютъ няньки въ Испаніи, на разныхъ языкахъ придается длинный рядъ названій, различнымъ образомъ представляющихъ подражаніе его крику; на іорубскомъ онъ называется koklo, на ибоскомъ okoko, akoka, на зулускомъ kuku, на финскомъ kukko, на санскритскомъ kukkuta и т. д. Онъ весьма любопытнымъ образомъ упоминается въ Зендъ-Авестѣ, гдѣ названіе его есть тщательное подражаніе его крику, которое, однако, древніе персы считали, повидимому, непочтительнымъ для ихъ священной птицы, пробуждающей человѣка отъ сна для добрыхъ мыслей, словъ и дѣлъ:

„Птица, носящая названіе Parôdars, о святой Заратустра,
Которую злоговорящій человѣкъ называетъ Kahrkataç" [2]).

Пѣніе пѣтуха (по малайски kâluruk, kukuk) служитъ для опредѣленія извѣстнаго времени, пѣнія пѣтуха или зари. Другія слова, происшедшія первоначально отъ такихъ подражаній крику пѣтуха, получили другія любопытно видоизмѣненныя значенія: старо-французское cocart, „тщеславный"; современное французское coquet, „хожденіе на подобіе пѣтуха, кокетство, франтъ (coxcomb)", cocarde, „кокарда" (названная такъ по сходству съ пѣтушьимъ гребнемъ); одинъ изъ лучшихъ примѣровъ того же есть coquelicot, названіе, данное по той же причинѣ дикому маку, и преимущественно въ Ланге-

[1]) Bates, «Naturalist on the Amazons», 2-nd ed., p. 404; Markham въ «Tr. Eth. Soc.», vol. III, p. 143.
[2]) «Avesta», Farg. XVIII. 34—5.

докѣ, гдѣ cacaracá означаетъ и пѣтушій крикъ, и цвѣтокъ. Курица въ нѣкоторыхъ языкахъ имѣетъ названіе, соотвѣтствующее названію пѣтуха, какъ, напр., въ языкѣ Кусса (Kussa) kukuduna—„пѣтухъ“, kukukasi—„курица“, у Ewe koklo-tsu—„пѣтухъ“, koklo-no—„курица“; а ея кудахтаніе (по которому она получила въ Швейцаріи названіе gugel, güggel) перешло въ разговорный языкъ, какъ терминъ пустого сплетничанія и женской болтовни, caquet, caqueter, gackern, точно также, какъ и крикъ другого животнаго далъ, повидимому, начало не только его названію, итальянское cicala (стрекоза), но и цѣлой группѣ словъ, представителемъ которой служитъ cicalar, „чирикать, болтать, глупо говорить“. Слово pigeon (голубь) представляетъ хорошій примѣръ такого рода, относительно звука и значенія. Это — латинское pipio, итальянское pippione, piccione, pigione, современное греческое πιπίνον, французское pipion (старое), pigeon; происходитъ оно отъ писка (peep) птенцовъ, латинское pipire, итальянское pipiare, pigiolare, современное греческое πιπινίζω, чирикать; чрезъ простую метафору pigeon получаетъ значеніе „глуповатаго молодого малаго, котораго легко поддѣть“, глаголъ to pigeon, „обмануть“, итальянское pipione, „простакъ, легко поддающійся обману“, pippionare, „провести, надуть“. Въ другомъ, совершенно отличномъ семействѣ языковъ Веджвудъ показываетъ любопытный сходственный процессъ происхожденія; мадьярское pipegni, pipelni, „пищать“; pipe, pipök, „цыпленокъ, гусенокъ“; pipe-ember (человѣкъ-цыпленокъ), „глупый малый, олухъ“ [1]). Происхожденіе греческаго βοῦς, лат. bos, валлійск. bu, отъ мычанія быка, какъ оно называется въ сѣверныхъ странахъ, служило предметомъ многихъ споровъ. Побуждаемый крайнимъ желаніемъ придать санскриту значеніе общаго индоевропейскаго типа, Боппъ связалъ съ этими словами санскритское go, древне-германское chuo, англійское cow (корова), основываясь на необычномъ и натянутомъ предположеніи измѣненія гортанныхъ въ губные [2]). Прямое звуковое происхожденіе подкрѣпляется, однако, другими языками, кохинхинскимъ bo, готтентотскими bou. Животное почти можетъ отвѣчать само словами той испанской поговорки, смыслъ которой тотъ, что всякій человѣкъ говоритъ сообразно своей природѣ: „Habló el buey, y dijó bu!“ „Быкъ сталъ говорить и сказалъ бу!“.

Слѣдующіе музыкальные инструменты имѣютъ подражательныя названія — shee-shee-quoi, мистическая трещотка краснокожаго индѣйца-знахаря, подражательное слово, снова являющееся у даріенскихъ индѣйцевъ въ видѣ shak-shak, shook-shsok у араваковъ, по чипукски shugh (откуда shugh-opoots, трещотка — хвостъ, т.-е. „гремучая змѣя“);—барабанъ, называемый ganga въ Гауссѣ, gangan у іорубовъ, gunguma у галласовъ, имѣющее аналогъ въ восточномъ gong; — колоколъ, называемый на якамскомъ языкѣ (въ Сѣв. Америкѣ) kwa-lalkwa-lal, на іолофскомъ (З. Афр.) walwal, по-русски колоколъ. Звукъ рожка въ англійскихъ дѣтскихъ подражательно передается въ видѣ toot-toot, что получило также значеніе „омнибуса“, для котораго рожокъ составляетъ отличительный признакъ; въ одну группу съ этимъ дѣтскимъ словомъ должно поставить перуанское названіе „раковины—трубы“, pututu, и готское thuthaurn (thut — рогъ), употребляемое даже въ готской библіи, въ смыслѣ послѣдней трубы въ день страшнаго суда,—„In spêdistin thuthaúrna thuthaúrneith auk jah daúthans ustandand“ (1 Кор. XV, 52). Какимъ образомъ такія подражательныя слова, будучи окончательно приняты въ языкѣ, подвергаются измѣненію произношенія и теряютъ при этомъ первоначальное звуковое значеніе, можно видѣть въ англійскомъ словѣ tabor (тамбуринъ), которое мы можемъ даже совершенно не признать звуковымъ словомъ, если не обратить вниманія на то, что оно есть французское tabour, слово, которое въ формѣ tambour, очевидно, принадлежитъ къ группѣ словъ, означающихъ барабанъ и идущихъ отъ слегка трескучаго арабскаго tubl до индѣйскаго dundhubi и tombe, барабана у Моки, дѣлаемаго изъ выдолбленнаго чурбана. Та же группа показываетъ перенесеніе такихъ подражательныхъ словъ на предметы, походящіе на этотъ инструментъ, но не имѣющіе никакого отношенія къ его звуку; немногіе, говоря о тамбурной работѣ, и еще менѣе о табуретѣ, связываютъ эти слова съ звукомъ барабана, хотя связь достаточно ясна. Когда оба эти процесса идутъ вмѣстѣ, и звуковое слово, съ одной стороны, измѣняетъ свой первоначальный звукъ, съ другой же переноситъ свое значеніе на что-нибудь иное, передъ результатомъ этого филологическій анализъ можетъ оказаться совершенно безпомощнымъ, если только не поможетъ случайно историческое свидѣтельство. Это произошло съ англійскимъ словомъ pipe (трубка, дудка). Оставляя въ сторонѣ особенность англійскаго произношенія этого слова и возводя его къ французскому или средневѣковому латинскому звуку pipe, pipa, мы имѣемъ явное подражательное названіе музыкальнаго инструмента, происходящее отъ извѣстнаго звука, которымъ подражаютъ писку цыплятъ, лат. pipire,

[1]) Wedgwood, Dic., s. v. «pigeon»; Diez, «Etym. Wörterb.», s. v. «piccione».
[2]) Bopp, «Gloss. Sanscr.», s. v. «go». См. Pott, «Wurzel-Wörterb. der Indo-Germ. Spr.» s. v. «gu», «Zählmeth.», p. 227.

англ. to peep, какъ въ англійскомъ переводѣ Исаіи VIII, 19: „Seek... unto wizards that, peep, and that mutter“. Алгонкинскіе индѣйцы образовали, повидимому, изъ этого звука pib (съ грамматическимъ суффиксомъ) названіе pib-e-gwun, изъ туземной флейты. И совершенно какъ tuba, tubus, „труба“ (само весьма похожее на подражательное слово), послужило названіемъ всякаго рода tube, трубъ, также и слово pipe было перенесено съ музыкальнаго инструмента, къ которому оно сначала относилось, на трубы различныхъ родовъ, газовыя, водосточныя и трубы вообще. Эти переходы значенія весьма обыкновенны и составляютъ скорѣе правило, нежели исключеніе. Чубукъ (chibouk) означалъ первоначально пастушью дудку или свирѣль въ Средней Азіи. Калюмэ (calumet), большая индѣйская курительная трубка, считаемое обыкновенно, вмѣстѣ съ томагаукомъ и мокассинами, однимъ изъ самыхъ характеристическихъ словъ краснокожихъ индѣйцевъ, есть просто названіе пастушьей дудки (лат. calamus) въ нормандійскомъ нарѣчіи, соотвѣтствующее chalumeau литературнаго французскаго языка; когда первые канадскіе колонисты видѣли индѣйцевъ, занятыхъ страннымъ процессомъ куренія, „посредствомъ пустого куска камня или дерева, похожаго на дудку“, какъ видѣлъ это Жакъ Картье, они просто дали туземнымъ курительнымъ трубкамъ названіе сходнаго съ ними французскаго музыкальнаго инструмента. Такія же измѣненія звука и смысла, какъ относительно англійскаго слова pipe, должны были непрерывно происходить въ сотняхъ языковъ, гдѣ намъ недостаетъ указаній, чтобы прослѣдить ихъ, и гдѣ, вѣроятно, у насъ ихъ никогда не будетъ. Но то немногое, что мы знаемъ, должно побудить насъ признать подражаніе звуку дѣйствительно существующимъ процессомъ, способнымъ доставить неопредѣленно большой запасъ словъ для обозначенія вещей и дѣйствій, вовсе не имѣющихъ необходимой связи съ этимъ звукомъ. Гдѣ слѣды перехода потеряны, тамъ остается масса словъ, приводящихъ филолога въ отчаяніе, но, тѣмъ не менѣе, пригодныхъ для практическаго употребленія, которое нуждается лишь въ признанныхъ символахъ для признанныхъ идей.

Притязаніе восточнаго tomtom (барабанъ) на происхожденіе его названія отъ простого подражанія его звуку, повидимому, неоспоримо; когда же мы замѣчаемъ, въ какихъ различныхъ языкахъ удары по звучащимъ предметамъ выражаются чѣмъ-либо въ родѣ tum, tumb, tump, tup, какъ въ яванскомъ tumbuk, коптскомъ tmno, „толочь въ ступкѣ“, тогда становится очевиднымъ, что такое предположеніе обнимаетъ собою болѣе, нежели это кажется на первый взглядъ. По-малайски, timpa, tampa, значитъ „выбивать, ковать“; въ чинукскомъ жаргонѣ tum-tum значитъ „сердце“, а соединеніемъ того же звука съ англійскимъ словомъ „water“ (вода) составлено названіе „водопада“, tum-wâta. Галласу въ восточной Африкѣ кажется, будто приложенная къ уху коробка издаетъ звукъ, подобный tub, такъ какъ они называютъ этотъ звукъ tub-djeda, т.-е. „говорить tub“. Въ томъ же языкѣ, tuma значитъ „колотить“, откуда tumtu, „работникъ, въ особенности занимающійся колоченіемъ, кузнецъ“. При помощи другого подражательнаго слова, bufa, „дуть“, галласъ можетъ построить слѣдующее вполнѣ подражательное предложеніе, tumtum bufa bufti, „кузнецъ надуваетъ мѣхи“, какъ могъ бы сказать англійскій ребенокъ, „the tumtum puffs the puffer“. Этотъ подражательный звукъ, кажется, получилъ мѣсто между арійскими глагольными корнями, какъ въ санскритскомъ tup, tubh, „поражать“; въ греческомъ же tup, tump значитъ „колотить, тузить“, откуда происходитъ, напримѣръ, τύμπανον, tympanum, „барабанъ или tomtom“. Глаголъ to crack (раскалывать, трещать) сталъ также въ современномъ англійскомъ языкѣ такимъ вполнѣ кореннымъ словомъ, какими только языкъ обладаетъ. Простое подражаніе звуку ломанія получило значеніе глагола ломать; мы говоримъ о „cracked cup“ (разбитой чашкѣ) или о „cracked reputation“ (разбитой, т.-е. погибшей репутаціи) безъ всякой мысли о звукоподражаніи; но мы не можемъ употреблять такимъ же образомъ нѣмецкое krachen или французское craquer, потому что ихъ значеніе не развилось такъ, какъ значеніе англійскаго слова, оставшись на чисто подражательной степени. Въ санскритѣ два соотвѣтственныя слова означаютъ пилу, kra-kara, kra-kacha, т.-е. „kra—дѣлающій, kra—кричащій“; и слѣдуетъ замѣтить, что всѣ такія выраженія, явно составляющія звукоподражанія, служатъ особенно цѣнными свидѣтельствами въ такихъ изслѣдованіяхъ, потому что какъ бы ни была сомнительна настоящая звукоподражательность другихъ словъ, здѣсь такого сомнѣнія, конечно, быть не можетъ. Кромѣ того, мы имѣемъ свидѣтельства, показывающія, что тотъ же звукъ далъ начало подражательнымъ словамъ въ другихъ семействахъ языковъ, какъ, напр., дагомейское kra-kra, „трещотка караульщика“; у негровъ Гребо grika, „пила“; у аиносовъ chacha, „пилить“; малайское graji, „пила“, karat, „скрежетать зубами„, karot, „трещать“; коптское khrij, „скрежетать зубами“, khrajrej, „трещать“. Другая форма подражанія заключается въ описательномъ галласкомъ выраженіи ćaćak-djeda, т.-е. „говорить ćaćak“, „трещать, to crack, krachen“. Этому звуку соотвѣтствуетъ цѣлое семейство перуанскихъ словъ, корень ко-

торыхъ есть, повидимому, гортанное сса, выходящее изъ самой глубины горла; ccallani, „ломоть", ccatatani, „скрежетать зубами", ccacniy, „громъ", и выразительное названіе „грозы", ccaccacca-hay, проводящее подражательный процессъ гораздо далѣе, нежели такія европейскія слова, какъ thun-der-clap, donner-klapf (громовой ударъ). У Маори pata означаетъ „издавать звукъ, какъ капающая вода (to patter), капаніе дождя". Въ манджурскомъ языкѣ звукъ падающихъ съ дерева плодовъ выражается чрезъ pata pata (какъ индостанское bhadbhad); это сходно съ англійскимъ словомъ pat (легкій ударъ), и англичанинъ могъ бы такимъ же образомъ сказать, что the fruit comes pattering down" (плодъ падаетъ съ дробнымъ звукомъ), во французскомъ же patatra есть признанное подражаніе чему-либо падающему. Коптское potpt значитъ „падать", а австралійское badbadin (или patpatin) переведено почти буквально сходнымъ англійскимъ pitpatting. Основываясь на свидѣтельствахъ этихъ не-арійскихъ языковъ, имѣемъ ли мы право приписать подражательное происхожденіе санскритскому глагольному корню pat, „падать", и греческому πίπτω?

Имѣя намѣреніемъ придти скорѣе къ ясному пониманію принциповъ созиданія языка, вмѣсто того, чтобы погружаться въ темныя вопросы, мнѣ нѣтъ необходимости вдаваться здѣсь въ сложныя подробности. При этомъ намъ постоянно представляется слѣдующій вопросъ: допуская въ отвлеченномъ смыслѣ возможность извѣстнаго рода перехода отъ звука къ смыслу, можно ли показать его съ достовѣрностью въ частномъ случаѣ? При просмотрѣ всевозможныхъ словарей, оказывается, что почти всѣ языки заключаютъ слова, которыя, по очевидному сходству или по соотвѣтствію съ подобными формами въ другихъ языкахъ, имѣютъ достаточныя права считаться подражательными. Нѣкоторые языки, какъ, напр., ацтекскій или могаукскій, представляютъ замѣчательно ничтожное количество такихъ примѣровъ, тогда какъ въ другихъ языкахъ они гораздо многочисленнѣе. Австралійскіе примѣры того: „walle", оплакивать „bungbung-ween", „громъ"; wirriti, „дуть, какъ вѣтеръ"; wirrirriti, „неистовствовать, приходить въ ярость, какъ въ бою"; wirri, bwirri, „туземная метательная палица", повидимому, называемая такъ отъ производимаго ею при полетѣ звука whir; kurarriti, „жужжать"; kurrirrurriri, „округлый, непонятный", и пр.; pitata, „колотить, капать, какъ дождь", pitapitata, „стучать"; wiiti, „смѣяться, радоваться"—совершенно такъ же, какъ въ англійскомъ „Turnament of Tottenham":

„We te he!" quoth Tyb, and lugh,
Ye er a dughty man!" [1]).

Такъ называемый чинукскій жаргонъ Британской Колумбіи переполненъ подражательными словами, иногда заимствованными изъ туземныхъ индѣйскихъ языковъ, иногда же созданными на мѣстѣ совокупными усиліями бѣлаго человѣка и индѣйца, для взаимнаго пониманія. Образчиками ихъ служатъ hóh-hoh, „кашлять", kò-ko, „стучать", kwa-lal'—kwa-lal, „скакать галопомъ", mucka-muck, „ѣсть", chak-chak, „орелъ-стервятникъ" (по его крику), tsish, „точильный камень", mamook tsish (дѣлать tsish), „точить". Проф. Максъ Мюллеръ замѣтилъ, что особый звукъ, производимый при задуваніи свѣчки, не привлекъ на себя вниманія цивилизованныхъ языковъ, здѣсь же онъ признанъ, повидимому, такъ какъ составитель словаря старался изобразить, безъ сомнѣнія, этотъ самый звукъ въ выраженіи mamook poh (дѣлать poh), означающемъ по-чинукски „задувать или гасить, какъ свѣчку". Этотъ жаргонъ развился преимущественно только въ послѣднія семьдесятъ или восемьдесятъ лѣтъ, однако, его подражательныя слова не отличаются по своей природѣ отъ такихъ же словъ болѣе извѣстныхъ и давно установившихся языковъ. Такъ изъ бразильскихъ племенъ у Тупи существуетъ слово cororóng, cururuc, „храпѣть" (сравн. коптское kherkher, на языкѣ Кечуа ccorcuni (ccor), откуда является возможнымъ, что подражаніе храпѣнію могло послужить каражаскимъ индѣйцамъ для выраженія понятія „спать" arou-rou-cré, такъ же какъ и сроднаго понятія „ночи", roou. Такимъ же образомъ пиментейрское (Pimenteira) ebaung, „давить, бить", можетъ быть сравниваемо съ іорубскимъ gba, „хлопать", gbă (gbang), „громко звучать, колотить", и т. д. Изъ африканскихъ языковъ, зулускій, кажется, особенно богатъ подражательными словами. Таковы: bibiza, „распускать слюни, какъ ребенокъ, мямлить въ разговорѣ" (ср. англійское bib, дѣтскій нагрудникъ); babala, „большая кустовая антилопа" (отъ звука baa, издаваемаго самкою); boba, „болтать, тараторить, быть шумливымъ", bobi, „болтунъ"; boboni, „дроздъ" (кричащій bo, bo, ср. американское bobolink); bombo-loza, „бурчать въ животѣ, имѣть болѣзнь внутреннихъ органовъ"; bubula, „жужжать, какъ пчелы", bubulela, „рой пчелъ, шумящая толпа народа"; bubuluza, „издавать бурливый звукъ, какъ пѣнистое пиво или кипящее масло". Это примѣры, выбранные изъ приве-

[1]) We te he, сказалъ Тибъ и засмѣялся,
Вы—ловкій человѣкъ.

денныхъ лишь подъ одною начальною буквою въ словарѣ только одного варварскаго языка, могутъ дать понятіе о количествѣ указаній, имѣющихъ значеніе для настоящаго вопроса, заключающихся въ языкахъ низшихъ расъ.

Для нашей настоящей цѣли, т.-е. чтобы дать небольшой рядъ примѣровъ того рода словъ, въ которыхъ подражательный звукъ, повидимому, легко прослѣдить, самыя строгія и подходящія доказательства нужно искать, конечно, среди такихъ словъ, которыя прямо описываютъ звукъ, или то, чтò его производитъ, каковы, напр., звуки и названія животныхъ, названія сопровождаемыхъ звукомъ дѣйствій и вещей и предметовъ, подвергаемыхъ такимъ дѣйствіямъ. Въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи приходится все болѣе и болѣе выдѣлять звуковой типъ или корень отъ видоизмѣненій и прибавленій, которымъ онъ подвергся ради грамматическихъ и фонетическихъ цѣлей. Чтобы получить понятіе объ обширности и запутанности этой задачи, стоитъ только взглянуть на группу словъ въ одномъ изъ европейскихъ языковъ и обратить вниманіе на этимологическую сѣть, распространяющуюся около нѣмецкаго слова klapf, въ словарѣ Гримма, klappen, klippen, klopfen, kläffen, klimpern, klampern, klateren, kloteren, klitteren, klatzen, klacken и т. д., и сравнить это съ соотвѣтственными формами другихъ языковъ. Оставляя въ сторонѣ разсмотрѣніе грамматической инфлекціи, для настоящаго предмета надо замѣтить, что подражательная способность человѣка въ языкѣ никакимъ образомъ не ограничивается однѣми только прямыми копіями звуковъ и образованіемъ изъ нихъ словъ. Она простирается и на готовыя слова какого угодно происхожденія, измѣняетъ ихъ съ цѣлью приспособленія ихъ звука къ смыслу и наводняетъ словари потокомъ приспособленныхъ словъ, изъ которыхъ труднѣе всего поддаются анализу тѣ, которыя не могутъ назваться ни вполнѣ этимологическими, ни вполнѣ подражательными, но отчасти и то и другое вмѣстѣ. Какимъ образомъ слова, сохраняя, такъ сказать, тотъ же остовъ, могутъ быть примѣнены къ измѣненію звука, силы, продолжительности и величины, это можетъ показать болѣе или менѣе связанная съ предыдущею подражательная группа различныхъ англійскихъ обозначеній треска — crick, creak, crack, crash, crush, crunch, craunch, scrunch, scraunch. Изъ того, что слово подвергается такимъ подражательнымъ и символическимъ измѣненіямъ, не слѣдуетъ непремѣнно, что оно должно имѣть, подобно послѣднимъ, прямо подражательное происхожденіе. Чтò, напримѣръ, звучитъ болѣе подражательно, нежели названіе старинной картечной пушки, pattereroʔ И, однако, этимологія слова объясняется испанскою формою pedrero, франц. perrier, чтò означаетъ просто орудіе для метанія камней (piedra, pierre), и только послѣ усвоенія испанскаго слова въ Англіи, подражательная способность подхватила его и измѣнила въ слово, повидимому, звуковое, сходное съ глаголомъ to patter (стучать). Склонность языка осмысливать иностранныя слова, измѣняя ихъ такимъ образомъ, что они получаютъ подходящій смыслъ, часто занимала филологовъ, но склонность измѣнять слова въ нѣчто, имѣющее подходящій звукъ, дала результаты несравненно болѣе важные. Вліяніе символическаго измѣненія звука на глагольные корни, повидимому, является почти неограниченнымъ. Глаголъ to waddle (переваливаться) имѣетъ сильно подражательный видъ, и точно также въ нѣмецкомъ языкѣ почти неизбѣжно напрашивается предположеніе, что подражательный звукъ служитъ отчасти причиною различія между wandern и wandeln (странствовать); всѣ эти слова принадлежатъ къ семейству, представляемому санскритскимъ vad, идти, латинскимъ vado, и, повидимому, нѣтъ никакого достаточнаго основанія приписывать этому корню подражательное начало, слѣды котораго онъ, во всякомъ случаѣ, утратилъ, если только когда-нибудь имѣлъ ихъ. Такимъ же образомъ, to stamp (топать ногою), считавшееся звукоподражаніемъ, есть, повидимому, только „окрашенное“ слово. Корень sta, „стоять“, санскритское sthâ, образуетъ stap; санскритское sthâpay, „заставить стоять, останавливать“, англійское to stop (останавливать); foot-step (слѣдъ) происходитъ отъ остановки ноги, a foot-stop. Но мы знаемъ англо-саксонское stapan, staepan, steppan, англійское to step (ступать), измѣняющееся для звуковаго выраженія своего значенія въ staup, to stamp (топтать), to stump и to stomp (тяжело, неуклюже ходить), противуполагающіяся въ силѣ или неуклюжести такимъ образомъ на порогѣ Дорсетскаго коттэджа, въ поэмѣ Бэрнеса (Barnes).

„Where love do seek the maïden's evenén vloor,
Wi' stip-step ligt, and tip-tap sligt
Ageän the door“.

Помощью распространенія, видоизмѣненія или, такъ сказать, окрашиванія, звукъ можетъ производить дѣйствія, близко сходныя въ дѣйствіями мимическаго языка, выражая долготу и краткость времени, силу или слабость дѣйствія, затѣмъ, переходя на дальнѣйшей ступени къ описанію бòльшаго или меньшаго объема или разстоянія и обращаясь оттуда на болѣе обширное поле метафоръ. И онъ дѣлаетъ все это съ силою тѣмъ болѣе удивительною, если обратить вниманіе, какъ

дѣтски просты употребляемыя имъ средства. Такъ африканскіе бачапины призываютъ людей крикомъ héla! и, смотря по разстоянію, звукъ hêela! hê-ê-la! удлиняется. Макгрегоръ, въ своемъ „Робъ Роѣ на Іорданѣ“ („Rob Roy on the Iordan“) наглядно изображаетъ этотъ способъ выраженія: „Гдѣ же, однако, Зальмуда?...“ Тогда сильнѣйшій изъ партіи Дована съ дикой энергіей протягиваетъ впередъ свой длинный указательный палецъ, указывая довольно прямо—но куда? и оканчиваетъ потокомъ словъ Ahah-a-a-a—a-a. Это странное выраженіе еще задолго передъ тѣмъ пугало меня, когда я слышалъ его впервые отъ пастуха въ Башанѣ... Но простое значеніе длиннаго ряда этихъ ah, укорачиваемыхъ, ускоряемыхъ и понижаемыхъ въ тонѣ къ концу, заключается просто въ томъ, что указываемое мѣсто „весьма далеко“. Чинукскій жаргонъ, представляющій обыкновенно явленія первичнаго развитія языка, употребляетъ подобный же затѣйливый способъ растягиванія звука словъ для указанія разстоянія. На сіамскомъ языкѣ можно измѣненіемъ тональнаго ударенія выразить слогомъ non, „тамъ“, близость, неопредѣленность и дальность разстоянія, и подобнымъ же образомъ можно видоизмѣнять значеніе такихъ словъ, какъ ny, „маленькій“. Въ Габунѣ, силою, съ которою произносится такое слово, какъ mpolu, „большой“, опредѣляется, насколько предметъ великъ, и такимъ образомъ, какъ замѣчаетъ Уильсонъ въ своей „Грамматикѣ языка Мпонгво“—„сравнительнымъ степенямъ величины, малости, твердости, быстроты, силы и пр., можетъ быть придана бóльшая точность, нежели это можно себѣ представить. На Мадагаскарѣ ratchi значитъ „дурной“, а râtchi—„очень дурной“. По Ольдфильду туземцы Австраліи пользуются этимъ процессомъ вмѣстѣ съ символическимъ удвоеніемъ: у племени Ватчанди (Watchandie) jirrie значитъ „уже или послѣ“, jir-rie jir-rie значитъ „давно“, а jie-r-rie jirrie (первый слогъ немного растягивается) значитъ „давнымъ давно“. Точно также boo-rie значитъ „малый“, boo-rie-boo-rie—„очень малый“ и b-o-rie boorie—„чрезвычайно малый“. Вильгельмъ ф.-Гумбольдтъ замѣчаетъ обычное для южнаго гваранійскаго нарѣчія въ Ю. Америкѣ большее или меньшее растягиваніе суффикса прошедшаго времени, yma, y-ma, для означенія долготы или краткости времени, когда происходило событіе, и любопытно замѣтить, что подобный же способъ употребляется у первобытныхъ племенъ Индіи, гдѣ въ языкѣ Хо (Но) будущее время образуется приставкой á къ корню, и протяженіемъ его звука, kajee, „говорить“, Amg kajēēà, „я буду говорить“. Какъ и слѣдуетъ ожидать, языки очень грубыхъ племенъ превосходно показываютъ, какимъ образомъ результаты такихъ первобытныхъ процессовъ переходятъ въ общепризнанный составъ языка. Это лучше всего видно изъ словъ, которыми одно изъ грубѣйшихъ изъ существующихъ племенъ, бразильскіе ботокуды, означаютъ море. У нихъ есть слово для означенія потока, ручья, ouatou, и прилагательное „большой“, ijipakijiou; отсюда два слова „ручей большой“, немного усиленныя въ гласныхъ, дадутъ названіе рѣки, ouatou-ijiipakiiijou, какъ бы „ручей большо-о-й“, а это. для выраженія необъятности океана, распространяется въ ouatou-ijiipakiijou-ou-ou-ou-ou-ou. Другое племя того же семейства достигаетъ того же результата еще проще: слово ouatou, „ручей“, становится ouatou-ou-ou-ou, „море“. Чаванты (Chavantes) весьма естественно растягиваютъ выраженіе romo-wodi, „я иду далеко“, въ rom-o-o-o-o-wodi, „я иду весьма далеко“, и когда ихъ просятъ сосчитать болѣе пяти, они говорятъ это ka-o-o-o-ki, очевидно, означая этимъ очень большое множество. По одному словарю у Кауиксана (Cauixanas) lawaungabi значитъ четыре, а для означенія пяти то же слово говорится на распѣвъ, такъ что получается какъ бы „длинное четыре“, почти тѣмъ же способомъ, какъ у апонегикрановъ (Aponegicrans), у которыхъ шесть, означающееся чрезъ itawuna, можетъ растянуться въ слово „семь“, itawuūna, очевидно, подразумѣвая „длинное шесть“. Ничто не можетъ быть понятнѣе этихъ, такъ сказать, живописныхъ видоизмѣненій словъ на ихъ раннихъ и простѣйшихъ ступеняхъ развитія. Справедливо, что письмо, даже пользуясь курсивнымъ и заглавнымъ шрифтами, игнорируетъ многое изъ этого символизма разговорнаго языка, но всякій ребенокъ можетъ видѣть и понимать его значеніе, наперекоръ усиліямъ книжнаго и школьнаго ученія, заставляющаго не обращать вниманія на все, что не можетъ быть выражено его несовершенными символами или провѣрено его ограниченными правилами. Но когда мы пытаемся дойти до конечныхъ результатовъ этихъ методовъ, вначалѣ такъ легко поддающихся наблюденію и оцѣнкѣ, они вскорѣ ускользаютъ изъ нашихъ рукъ. Языкъ сагаптинскихъ индѣйцевъ показываетъ намъ процессъ видоизмѣненія словъ, который далеко не ясенъ, но еще и не слишкомъ теменъ. У этихъ индѣйцевъ существуетъ способъ образовывать нѣчто въ родѣ неуважительнаго уменьшительнаго измѣненіемъ n въ какомъ-либо словѣ въ l; такъ twinwt значитъ „безхвостый“, но для обозначенія особенной малости хвоста, или для выраженія презрѣнія, они измѣняютъ это слово въ twliwt, произносимое съ приличной перемѣной тона; точно также wana значитъ „рѣка“, что преобразовывается въ уменьшительное wala „измѣненіемъ n въ l, придавая голосу другой

тонъ, съ вытягиваніемъ губъ при произношеніи и оставленіемъ ихъ въ такомъ положеніи". Здѣсь мы узнаемъ достаточно объ измѣненіи произношенія, чтобы угадать, по крайней мѣрѣ, какимъ образомъ съ помощью его можетъ быть сообщаемо понятіе малости и презрѣнія. Но гораздо труднѣе прослѣдить процессъ, которымъ въ языкѣ Мпонгве утвердительный глаголъ превращается въ отрицательный „измѣненіемъ ударенія коренной гласной или ея протяженіемъ". tŏnda, любить, tōnda, не любить; tŏndo, быть любимымъ, tōndo, не быть любимымъ. Также у іорубовъ bába, „большая вещь", bàba, „малая вещь", противуполагаемыя въ пословицѣ: Baba bo, baba molle"— „Большая вещь заслоняетъ малую". На самомъ дѣлѣ языкъ полонъ фонетическими измѣненіями, дающими поводъ подозрѣвать, что символическій звукъ имѣетъ отношеніе къ ихъ происхожденію, хотя едва ли можно сказать въ точности, какое именно.

Далѣе существуетъ извѣстный процессъ удвоенія (редупликаціи), простого или видоизмѣненнаго, дающаго такія формы, какъ murmur (ропотъ), pitpat, helterskelter (второпяхъ, безпорядочно). Этотъ процессъ, сильно ограниченный въ нарѣчіяхъ, имѣющихъ письменность, до того развитъ въ разговорѣ дѣтей и дикарей, что сочиненіе о немъ проф. Потта [1]) сдѣлалось случайно однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ собраній фактовъ, когда-либо составленныхъ по отношенію къ раннимъ стадіямъ развитія языка. До извѣстной степени, всякій ребенокъ можетъ понять, какъ и зачѣмъ дѣлается такое удвоеніе, и какъ оно всегда прибавляетъ нѣчто къ первоначальной идеѣ. Оно можетъ производить превосходныя степени или другимъ образомъ усиливать значеніе словъ, какъ въ полинезійскомъ loa, „длинный", loloa „очень длинный", или мандингскомъ ding, „дитя", dingding, „очень маленькое дитя". Оно образуетъ множественное число, какъ малайское raja-raja, „князья", orang-orang, „люди". Оно увеличиваетъ значеніе чиселъ, какъ москитское wal-wal, „четыре" (два-два), или раздѣляетъ ихъ, какъ коптское ouai ouai, „по одному" (одинъ-одинъ). Въ этихъ случаяхъ мотивъ удвоенія сравнительно легко объяснить. Какъ гораздо болѣе трудно-понимаемый примѣръ, можно привести извѣстное удвоеніе прошедшаго времени, греческое γέγραφα отъ γράφω, латинское momordi отъ mordeo, готское haihald отъ haldan, „держать". Удвоеніе употребляется обыкновенно въ подражательныхъ словахъ для усиленія ихъ, и еще

[1]) Pott, ‹Doppelung (Reduplication, Gemination) als eines der wichtigsten Bildungsmittel der Sprachen›, 1862. Мы часто пользуемся здѣсь этимъ сочиненіемъ.

болѣе для показанія, что звукъ повторяется или продолжается. Изъ необъятной массы такихъ словъ можно привести въ видѣ примѣровъ ботокудское hou-hou-hou-gitcha, „сосать" (ср. употребляемое на островахъ Тонга hūhū, „грудь"), kiaku-käck-käck, „бабочка"; на языкѣ Кечуа chiuiuiuinichi, „свистящій между деревьями вѣтеръ"; маориское haruru, „шумъ вѣтра"; hohoro, „торопливость"; даякское kakakkaka, „идти громко смѣясь"; айноское shiriushiriukanni, „терпугъ"; тамульское murumuru, „роптать (to murmur)", акраское (Akra) ewiewiewiewie, „онъ говорилъ многократно и непрерывно", и т. д., во всѣхъ языкахъ міра.

Затѣйливый способъ передавать различныя идеи о разстояніи помощью постепеннаго ряда гласныхъ представляетъ, по моему мнѣнію, значительный филологическій интересъ, вслѣдствіе того поучительнаго указанія, какое онъ даетъ относительно процесса, которому слѣдовали творцы языка въ самыхъ отдаленныхъ странахъ міра, выработывая различными путями подобный остроумный способъ звуковаго выраженія. Типическій рядъ того представляетъ яванскій языкъ: iki, „этотъ" (подлѣ); ika, „тотъ" (на нѣкоторомъ разстояніи); iku, „тотъ" (еще далѣе). Нельзя, конечно, полагать, чтобы слѣдующій списокъ исчерпывалъ всѣ случаи въ языкахъ всего міра, такъ какъ около половины ихъ я отмѣтилъ самъ, случайно, безъ спеціальнаго изслѣдованія, только просматривая словари нашихъ расъ [1]).

Яванскія.	iki, этотъ; ika, тотъ (промежуточное); iku, тотъ.
Малагазскія	ao, тамъ (на небольшомъ разстояніи); eo, тамъ (на еще меньшемъ разстояніи); io, тамъ (подлѣ).
	atsy, тамъ (недалеко); etsy, тамъ (ближе); itsy, этотъ или эти.
Японскія.	ko, здѣсь; ka, тамъ.
	korera, эти; karera, они (тѣ).
Канарезскія	ivanu, этотъ; uvanu, тотъ (промежуточное); avanu, тотъ

[1]) Относительно авторитетовъ см. преимущественно Pott, ‹Doppelung›, p. 30, 47—49; W. v. Humboldt, «Kawi-Spr.», vol. II, p. 36; Max Müller въ Bunsen, «Philos. of Univ. Hist.», vol. I, p. 329; Latham, ‹Comp. Phil.› p. 200; также грамматики и словари отдѣльныхъ языковъ. Относительно гварани и караибовъ см. D'Orbigny, «L'Homme Américain», vol. II, p. 268; дгималовъ — Hodgson, «Abor. of India», p. 69, 79, 115; Кольвильскихъ инд. — Wilson въ ‹Tr. Eth. Soc.», vol. IV, p. 331; ботокудовъ — Martius, ‹Gloss. Brasil.›.

*

Тамульскія	î, этотъ; â, тотъ.
Раджмахалійскія	îh, этотъ; âh, тотъ.
Дхимальскія	isho, ita, здѣсь; usho, uta, тамъ. iti, idong, этотъ; uti, udong, тотъ (соотвѣтственно о вещахъ и лицахъ).
Абхазскія	abri, этотъ; ubri, тотъ.
Осетинскія	am, здѣсь; um, тамъ.
Мадьярскія	ez, этотъ; az, тотъ.
Зулускія	apa, здѣсь; apo, тамъ. lesi, leso, lesiya; abu, abo, abuja etc.—этотъ, тотъ, тотъ (на разстояніи).
Іорубскія	na, этотъ; ni, тотъ.
Фернандійскія	olo, этотъ; ole, тотъ.
Тамульскія	re, этотъ; ri, тотъ. ngi, я; ngo, ты; ngu, онъ.
Гренландскія	uv, здѣсь, тамъ (гдѣ указываютъ); iv, тамъ, на верху (въ сравненіяхъ).
Суджельпскія (Кольвил. инд.)	aχa, этотъ; iχi, тотъ.
Сахантинскія	kina, здѣсь; kuna, тамъ.
Мутсунскія	ne, здѣсь; nu, тамъ.
Тарагумарскія	ibe, здѣсь; abe, тамъ.
Гваранійскія	nde, ne, ты, ndi, ni, онъ.
Ботокудскія	ati, я; oti, ты, вы (prep.) to.
Караибскія	ne, ты; ni, онъ.
Чилійскія	tva, vachi, этотъ; tvey, veychi, тотъ.

При разсмотрѣніи этого списка мѣстоименій и нарѣчій становится очевиднымъ, что они какимъ-либо путемъ пришли къ противуположенію своихъ гласныхъ ради соотвѣтствія противуположенію „здѣсь“ и „тамъ“, „этотъ“ и „тотъ“. Иногда такіе факты могутъ быть объяснены случайностью. Напримѣръ, филологамъ хорошо извѣстно, что англійскія this (этотъ) и that (тотъ)—мѣстоименія, отчасти различныя по образованію, а именно thi—s состоитъ, вѣроятно, изъ двухъ слитыхъ мѣстоименій; голландскія же среднія dit, „это“, и dat, „то“, приняли видъ простыхъ формъ съ противоположными гласными [1]). Но однимъ случаемъ нельзя объяснить обычности такихъ парныхъ, и даже тройныхъ, словъ во многихъ столь различныхъ языкахъ. Тутъ должна была дѣйствовать какая-нибудь общая руководящая идея, и мы можемъ

[1]) Также древнія верхне-германскія diz и daz.

ясно видѣть, что нѣкоторые изъ этихъ языковъ прибѣгаютъ къ измѣненію звука для выраженія измѣненія разстоянія. Такъ, языкъ Фернандо-По не только можетъ выразить „этотъ“ и „тотъ“ чрезъ olo, ole, но можетъ даже измѣненіемъ произношенія гласной дѣлать различіе между o boehe, „этотъ мѣсяцъ“, и oh boehe, „тотъ мѣсяцъ“. Тѣмъ же способомъ Гребо можетъ различить „я“ и „ты“, „мы“ и „вы“ „единственно только интонаціей голоса, съ которою произносится конечное h вторыхъ лицъ mâh и âh“.

mâ di, я ѣмъ; mâh di, ты ѣшь;
á di, мы ѣдимъ; áh di, вы ѣдите.

Рядъ зулускихъ указательныхъ, выражающихъ три разстоянія—близкое, болѣе далекое и самое далекое,—весьма сложенъ, но при употребленіи ихъ можно замѣтить, насколько полно символическій звукъ входитъ въ ихъ составъ. Зулусы не только говорятъ nansi, „здѣсь есть“, nanso, „тамъ есть“, nansiya, „тамъ на разстояніи“, но выражаютъ даже величину разстоянія выразительностью и протяженіемъ ya. Если бы мы могли во всемъ нашемъ спискѣ различить подобную же постепенность гласныхъ для выраженія соотвѣтствующей постепенности разстоянія, тогда объясненіе этого предмета для насъ значительно бы облегчилось; но на самомъ дѣлѣ слова, напримѣръ, съ i, иногда означаютъ болѣе близкое, иногда же болѣе дальное разстояніе, нежели слова съ a. Мы можемъ только замѣтить, какъ это можетъ видѣть всякій ребенокъ, что постепенный рядъ гласныхъ производитъ наиболѣе выразительную градацію разстояній, вслѣдствіе чего поэтому множество употребительныхъ въ различныхъ языкахъ мѣстоименій и нарѣчій сформировались, вѣроятно, подъ вліяніемъ этого простого способа, и такимъ образомъ явились группы такихъ словъ, какія мы можемъ назвать противуполагающимися, или „дифференціальными“ словами.

Какимъ образомъ дифференцированіе словъ измѣненіемъ гласныхъ можетъ служить для различенія половъ, хорошо выяснено въ замѣткѣ проф. Макса Мюллера: „Различіе половъ... выражается иногда такимъ образомъ, что его можно объяснить только, приписывая выразительную силу болѣе или менѣе темному звуку гласныхъ. Ukko по-фински значитъ старикъ, akka—старуха... По-манджурски chacha значитъ самецъ... cheche—самка. На томъ же языкѣ ama значитъ отецъ, eme—мать, amcha—тесть или свекоръ, emche—теща или свекровь“ [1]). Языкъ Корету (Coretû) въ Бразиліи представляетъ другую любопытно

[1]) Max Müller, l. c.

противуполагающуюся пару словъ, tsáachö, отецъ, tsaacko, мать; въ караибскомъ же baba, отецъ, bibi, мать; въ языкѣ Ибу (Ibu) въ Африкѣ nna, отецъ, nne, мать. Этотъ способъ различенія мужескаго пола отъ женскаго помощью различія гласныхъ составляетъ, однако, только небольшую часть образовательнаго процесса, который можно прослѣдить, напр., среди такихъ словъ, которыя служатъ для обозначенія отца и матери. Изслѣдованіе ихъ ведетъ въ весьма интересную область филологіи—въ область „Дѣтскаго Языка".

Если мы возьмемъ нѣсколько паръ словъ, означающихъ „отца" и „мать" въ языкахъ весьма различныхъ и отдаленныхъ — papa и mama; валлійскія, tad (dad) и mam; венгерскія, atya и anya; мандингскія, fa и ba; луммискія (въ С. Америкѣ), man и tan; катокинскія (Ю. Америка), payú и nayú; ватчандійскія (Австралія), amo и ago, — контрастъ ихъ заключается, повидимому, въ согласныхъ, тогда какъ многія другія пары различаются вполнѣ, подобно еврейскимъ ab и im, кукискимъ p'ha и noo, кайянскимъ amay и inei, тарагумарскимъ nono и jeje. Слова категоріи papa и mama, встрѣчающіяся въ отдаленныхъ частяхъ свѣта, свободно выставлялись прежде, какъ доказательство общаго происхожденія языковъ, въ которыхъ онѣ сходны. Но статья профессора Бушмана о „Естественномъ звукѣ", появившаяся въ 1853 г. [1]), совершенно опровергла такой аргументъ и установила воззрѣніе, что подобныя совпаденія могутъ постоянно происходить путемъ независимаго образованія. Нельзя было, конечно, доказывать, что караибскій и англійскій языки родственны, на томъ основаніи, что въ обоихъ „отецъ" называется papa, или готтентотскій и англійскій, потому что въ обоихъ „мать" называется mama, такъ какъ эти дѣтскія выраженія употребляются иногда совершенно наоборотъ: въ чилійскомъ мать называется papa, а въ языкѣ Тлатсканаи (Tlatskanai) отецъ—mama. Однако же, выборъ легкихъ небольшихъ словъ для означенія „отца" и „матери" не былъ, повидимому, совершенно безразличнымъ. Громадный списокъ такихъ словъ, составленный профессоромъ Бушманомъ, показываетъ, что типы pa и ta, вмѣстѣ съ сходными формами ap и at, преобладаютъ въ названіяхъ „отца", тогда какъ ma и na, am и an,—въ названіяхъ „матери". Весьма вѣроятно, что его объясненіе этого явленія, какъ основывающагося на прямомъ символизмѣ, избирающемъ твердые звуки для обозначенія отца, болѣе же мягкіе для означенія матери, до нѣкоторой степени приближается къ истинѣ, но только не надо проводить его слишкомъ далеко. Тотъ же принципъ символизма не можетъ, напримѣръ, быть причиною того, что жители Валлиса называютъ „отца" taed, а „мать"—mam, а индѣйцы Британской Колумбіи „отца"—maan, „мать"—taan, или грузины „отца"—mama, „мать"—deda. Мнѣ, впрочемъ, не удалось найти гдѣ-либо наши papa и mama съ обратнымъ значеніемъ въ одномъ и томъ же языкѣ; насколько я могу указать наиболѣе близко сюда подходятъ названія, употребляемыя на о. Мингъ (Meang), гдѣ mama значитъ „отецъ, мужчина", babi, „мать, женщина" [1]).

[1]) J. C. E. Buschmann, «Ueber den Naturlaut», Berlin, 1853, и въ «Abh. der K. Akad. d. Wissensch.», 1852. Англ. перев. въ Proc. «Philological Society», vol. VI. См. De Brosses, «Form. des L.», vol. I, p. 211.

Между дѣтскими словами papa и mama и болѣе формальными father (отецъ) и mother (мать) замѣчается очевидное звуковое сходство. Каково же, въ такомъ случаѣ, происхожденіе этихъ словъ father и mother? До нѣкоторой степени исторія ихъ ясна. Они принадлежатъ къ той же группѣ организованныхъ словъ, куда относятся vater и mutter, pater и mater, πατήρ и μήτηρ, pitar и mâtar и другія подобныя формы всего индо-европейскаго семейства языковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти парныя названія происходятъ отъ древняго и общаго арійскаго источника, и если ихъ прослѣдить возможно далеко обратно до этого послѣдняго, оказывается, что они произошли отъ пары словъ, которыя можно приблизительно назвать patar и matar, образованныхъ приставленіемъ tar, суффикса дѣятеля, къ глагольнымъ корнямъ pa и ma. Зная два соотвѣтственные санскритскіе глаголы pâ и mâ, этимологію обоихъ словъ можно объяснить такъ: patar, „покровитель", и matar, „производитель". Эта пара арійскихъ словъ должна быть весьма древнею, примыкающею къ отдаленному общему источнику, изъ котораго формы, параллельныя англійскимъ father и mother, перешли въ греческій и персидскій, скандинавскій и армянскій языки, сохраняя такимъ образомъ свой неизмѣнный типъ въ теченіе всей богатой событіями индо-европейской исторіи. И все-таки, какъ ни древни эти слова, имъ, безъ сомнѣнія, предшествовали другія болѣе простыя, зачаточныя слова дѣтскаго языка, такъ какъ невѣроятно, чтобы первобытные арійцы оставались безъ дѣтскихъ словъ для означенія отца и матери, пока не выработали организованную систему прибавленія суффиксовъ къ глагольнымъ корнямъ для выраженія такихъ понятій, какъ „покровитель" или „производитель". Нельзя также предположить, что избранные такимъ путемъ глагольные корни оказались только случайнымъ образомъ именно pa и ma, типы

[1]) Одно семейство языковъ, атапаскское, имѣетъ и appá, и mama въ значеніи «отца», въ языкахъ Такали и Тлатсканаи.

которыхъ такъ часто встрѣчаются въ отдаленнѣйшихъ частяхъ свѣта въ значеніи „отца“ и „матери“. Проф. Адольфъ Пикте дѣлаетъ слѣдующую натяжку для объясненія этого совпаденія: онъ прежде всего считаетъ à priori пару формъ pâ и mâ арійскими глагольными корнями неизвѣстнаго происхожденія, означающими „защищать“ и „творить“, на ряду съ другою парою формъ pa и ma—обыкновенными дѣтскими словами для означенія отца и матери, а затѣмъ онъ комбинируетъ и тѣ и другія, предполагая, что глагольныя формы pâ и mâ были избраны для образованія индо-европейскихъ словъ, означающихъ отца и мать, по причинѣ ихъ сходства съ употребительными уже дѣтскими словами. Этотъ окольный путь избавляетъ во всякомъ случаѣ эти священныя односложныя слова, санскритскія глагольныя формы, отъ безчестія опредѣленнаго происхожденія. Но кто припомнитъ, что эти глагольные корни представляютъ только пару неразвитыхъ формъ, употребляемыхъ въ одномъ особомъ языкѣ міра въ извѣстномъ періодѣ его развитія, тотъ можетъ объяснить этотъ фактъ проще и точнѣе. Можно съ большимъ вѣроятіемъ предполагать, что повсемѣстно распространенныя pa и ma дѣтскаго языка были первоначальными формами; что онѣ употреблялись въ какой-либо ранній періодъ арійскаго языка безразлично, какъ существительныя и глаголы, совершенно такъ же какъ современный англійскій языкъ, столь часто воспроизводящій самые зачаточные лингвистическіе процессы, можетъ изъ существительнаго „father“ образовать глаголъ „to father“ (усыновлять); и что впослѣдствіи онѣ сдѣлались глагольными корнями, откуда слова patar и matar были образованы прибавленіемъ суффикса [1]).

Дѣтскія наименованія родителей не должны быть изучаемы какъ нѣчто отдѣльное въ языкѣ. Это только весьма важные члены большого класса словъ, принадлежащаго всѣмъ временамъ и всѣмъ странамъ, доступнымъ нашему изученію, и образующаго дѣтскій языкъ, общій характеръ котораго зависитъ отъ его отношенія лишь къ ограниченной группѣ понятій, интересующихъ маленькихъ дѣтей, и выраженія этихъ понятій ограниченной группой членораздѣльныхъ звуковъ, пригодныхъ для ребенка, когда онъ впервые пытается говорить. Этотъ особый языкъ является весьма характеристичнымъ у низшихъ дикихъ племенъ Австраліи, mamman, „отецъ“, ngangan, „мать“, и метафорически „большой палецъ“ на рукѣ и на ногѣ (какъ оно болѣе полно выражается въ jinnamamman, „большой палецъ на ногѣ“ (т.-е. отецъ ноги),

[1]) См. Pott. «Indo-Ger. Wurzelwörterb.» s. v. «pâ»; Böthlingk и Roth, «Sanscrit-Wörterb.» s. v. mâtar; Pictet, «Origines Indo-Europ.», part. II, p. 349. Max Müller, «Lectures», 2-nd series, p. 212.

tammin, „дѣдъ и бабка“, bab-ba, „дурной, глупый, ребяческій“, bee-bee, beep, „грудь“, pappi, „отецъ“, pappa, „дѣтенышъ, щенокъ“ (откуда грамматически образуется глаголъ pa pparniti, „сдѣлаться дѣтенышемъ, родиться“). Такіе же примѣры мы найдемъ въ Индіи, при чемъ все равно, возьмемъ ли мы ихъ изъ не-индусскихъ или индусскихъ языковъ, такъ какъ относительно дѣтскаго языка всѣ расы стоятъ наравнѣ. Таковы тамульскія appâ, „отецъ“, ammâ, „мать“, бодоскія (Bodo) aphâ, „отецъ“, âyâ, „мать“; кокчская (Kocch) группа nânâ и nâni, „дѣдъ и бабка по отцу“, mâmâ, „дядя“, dâdâ, „двоюродный братъ“, можетъ быть поставлена рядомъ съ санскритскими tata, „отецъ“, nanâ, „мать“, и индустанскими словами того же класса, изъ которыхъ нѣкоторыя знакомы англійскому уху, какъ натурализованныя въ англо-индійскомъ разговорномъ языкѣ, bâbâ, „отецъ“, bâbû, „ребенокъ, князь, господинъ“, bîbî, „госпожа“, dadâ, „няня, мамка“ (âyâ, „няня“, заимствовано, повидимому, изъ португальскаго). Такія слова постоянно и повсюду возникаютъ вновь, и законъ естественнаго подбора рѣшаетъ ихъ судьбу. Множество этихъ nana и dada дѣтскаго языка вымираетъ почти вслѣдъ за своимъ появленіемъ. Но нѣкоторая часть ихъ удерживается и распространяется на обширныя области, въ качествѣ признанныхъ дѣтскихъ словъ, и то здѣсь, то тамъ любознательный филологъ собираетъ ихъ. Изъ нихъ многія не что иное, какъ очевидныя искаженія болѣе полныхъ словъ, какъ, напр., французское faire dodo, „спать“ (dormir), бранденбургское wiwi, обыкновенное убаюкиванье (wiegen). Другія, каково бы ни было ихъ происхожденіе, вслѣдствіе малаго разнообразія звуковыхъ сочетаній, изъ которыхъ имъ пришлось быть выбранными, превратились въ безразличное и безсмысленное собраніе звуковъ, какъ швейцарскія bobo, „царапина“; bambam, „все вышло“; итальянскія bobò, „пить что-либо“, gogo, „маленькій мальчикъ“, far dede, „играть“. Это—слова, приводимыя Поттомъ; англійскими примѣрами ихъ могутъ служить: nana, „няня“, tata! „прощай!“. Однако, всѣ дѣтскія слова, какъ доказываетъ уже ихъ названіе, не ограничиваются лишь этою областью распространенія. Небольшое количество ихъ проникаетъ въ обыкновенную рѣчь взрослыхъ мужчинъ и женщинъ, и, утвердившись разъ въ составѣ общаго языка, они могутъ переходить по наслѣдству отъ одного поколѣнія къ другому. Такіе примѣры дѣтскихъ словъ, какъ приведенные здѣсь, даютъ нить для объясненія начала массы названій, въ самыхъ различныхъ языкахъ, отца, матери, бабки, тетки, ребенка, груди, игрушекъ, куклы и пр. Негръ въ Фернандо-По, говорящій bubboh, въ значеніи „маленькаго мальчика“, становится на ряду съ нѣмцемъ, говорящимъ

bube (мальчикъ); житель Конго, говорящій tata въ значеніи „отца", понялъ бы значеніе того же названія въ классической латыни для „отца" и въ средневѣковой для „педагога"; караибъ и каролинскій островитянинъ сходятся съ англичаниномъ въ томъ, что papa есть пригодное слово для обозначенія „отца", а затѣмъ остается только расширить область употребленія слова и обозначить имъ великаго Папу западной церкви. Вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно объясняется то безразличие, съ которымъ, изъ небольшаго запаса пригоднаго къ дѣлу матеріала, одинъ и тотъ же звукъ служитъ для самыхъ различныхъ понятій; почему mama здѣсь значитъ „мать", тамъ „отецъ", тамъ „дядя", maman здѣсь „мать", тамъ „тесть", dada здѣсь „отецъ", тамъ „няня", тамъ „грудь", tata здѣсь „отецъ", тамъ „сынъ". Одной группы словъ достаточно, чтобъ выказать упомянутый признакъ этого особаго отдѣла языка: у черноногихъ индѣйцевъ ninnah, „отецъ"; греческія νέννος, „дядя", νέννα, „тетка"; зулуское nina, сангирское nina, малагазское nini, „мать"; яванское nini, „дѣдъ или бабка"; у Вайю (Vayu) nini, „тетка по отцу"; у даріенскихъ индѣйцевъ ninah, „дочь"; испанскіе niño, niña, „дитя"; итальянское ninna, „маленькая дѣвочка"; миланское ninin, „постель"; итальянское ninnare, „качать колыбель".

Такимъ образомъ дюжина простыхъ дѣтскихъ выраженій, этихъ ba и na, ti и de, pa и ma, служитъ такъ безразлично для выраженія небольшого количества дѣтскихъ понятій, какъ будто ихъ перемѣшали въ мѣшкѣ и вынимали наудачу для выраженія перваго попавшагося значенія, куклы или дяди, няни или дѣда. Очевидно, что относительно словъ, ограниченныхъ такимъ скуднымъ выборомъ членораздѣльныхъ звуковъ, соображенія о происхожденіи ихъ должны быть еще ненадежнѣе обыкновеннаго. Разсматриваемый съ этой точки зрѣнія, дѣтскій языкъ можетъ дать полезный урокъ филологу. Передъ нимъ находится родъ языка, образовавшагося при особенныхъ условіяхъ и показывающаго слабыя стороны его метода филологическаго изслѣдованія, увеличенныя только до необыкновенной ясности. Въ обыкновенномъ языкѣ трудность связать звукъ со смысломъ заключается преимущественно въ неспособности небольшой и негибкой группы звуковыхъ выраженій къ обозначенію безконечнаго разнообразія тоновъ и шумовъ. Въ дѣтскомъ языкѣ еще большая скудость этихъ выраженій еще болѣе несостоятельна для ясной передачи послѣднихъ. Затруднительность указанія происхожденія словъ заключается въ значительной степени въ употребленіи болѣе или менѣе сходныхъ коренныхъ звуковъ для самыхъ разнородныхъ цѣлей. Предполагать, что два слова съ различными значеніями, потому только, что они звучатъ нѣсколько сходно, должны

имѣть вслѣдствіе того общее происхожденіе, значитъ даже для обыкновеннаго языка создавать обильный источникъ ошибочной этимологіи. Въ дѣтскомъ же языкѣ теорія коренныхъ звуковъ совершенно рушится. Немногіе рѣшатся утверждать, что, напримѣръ, papa и pap (сосокъ) имѣютъ общее происхожденіе или общій корень. Все, что мы можемъ достовѣрно сказать о ихъ связи, это то, что онѣ сроднены между собою принятіемъ ихъ обоихъ въ дѣтскомъ языкѣ. Въ такомъ видѣ, онѣ ясно замѣтны въ древнемъ Римѣ, также какъ и въ современной Англіи: papas, „nutricius, nutritor" (питающій, кормилецъ), pappus „senex" (старецъ); cum cibum et potum buas ac papas dicunt, et matrem mammam, patrem tatam (или papam)" (пищу и питье называютъ bua и papa, мать—mamma, отца—tata) [1].

Сверхъ того, дѣтскій языкъ представляетъ намъ поразительное доказательство силы соглашенія, существующаго между людьми, относительно принятія въ постоянное пользованіе словъ, если даже эти послѣднія и не обладаютъ признаками внутренней выразительности. Правда, дѣти близко знакомы съ употребленіемъ эмоціональнаго и подражательнаго звука, и ихъ вокальное общеніе въ значительной мѣрѣ состоитъ изъ такихъ выраженій, вліяніе которыхъ до нѣкоторой степени замѣтно въ разсматриваемомъ нами классѣ словъ. Но, очевидно, что руководящій при ихъ образованіи принципъ заключается не въ принятіи словъ, отличающихся выразительнымъ характеромъ своего звука, а въ выборѣ какихъ бы то ни было постоянныхъ словъ, соотвѣтствующихъ данной цѣли. Различные языки избрали, такимъ образомъ, сходныя выраженія для обозначенія самыхъ различныхъ и противоположныхъ понятій. Въ языкѣ же взрослыхъ людей общее соглашеніе, очевидно, дѣйствовало тѣмъ же путемъ. Если даже допустить крайнее предположеніе, что первое начало всякаго слова лежитъ въ его внутренно-выразительномъ звукѣ, то это только частью рѣшаетъ вопросъ, такъ какъ тогда придется предположить, что въ живыхъ языкахъ большинство словъ столь далеко отклонились по звуку или по смыслу отъ этого первоначально выразительнаго состоянія, что для всевозможныхъ цѣлей они сперва должны были быть избираемы произвольно. Господствующимъ принципомъ языка было не сохраненіе слѣдовъ первоначальнаго звуковаго значенія для блага будущихъ этимологовъ, но установленіе элементовъ языка, съ цѣлью пользованія ими, какъ марками, при практическомъ обращеніи понятій. Въ этомъ процессѣ много первоначальной выразительности, безъ сомнѣнія, исчезло совершенно безвозвратно.

---

[1] Facciolati, «Lex.». Varro ap. Nonn., II, 97.

Таковы нѣкоторые изъ путей, которыми голосовые звуки являлись, повидимому, творцу языка, какъ пригодные для выраженія того, что онъ хотѣлъ сказать, и были употребляемы сообразно съ тѣмъ. Я не думаю, чтобы приведенныя здѣсь свидѣтельства поддерживали такъ называемую междометную или, подражательную теорію, какъ полное рѣшеніе вопроса о первобытномъ языкѣ. Какъ ни сильна эта теорія въ извѣстныхъ предѣлахъ, было бы неосторожнымъ принимать гипотезу, могущую, быть можетъ, удовлетворительно объяснить двадцатую часть невыработанныхъ формъ какого-нибудь языка, за опредѣленное и безусловное объясненіе девятнадцати двадцатыхъ, происхожденіе которыхъ остается сомнительнымъ. Ключъ долженъ отпирать болѣе дверей, нежели тотъ, о которомъ мы говоримъ, чтобы считаться ключомъ, подходящимъ ко всѣмъ замкамъ. Кромѣ того, нѣкоторые спеціальные пункты, разсмотрѣнные въ этихъ главахъ, указываютъ на положительную необходимость такой осторожности въ установленіи теорій. Слишкомъ узкая теорія приспособленія звука къ смыслу можетъ оказаться несостоятельною относительно разнообразныхъ пріемовъ, которыми пользуются языки въ различныхъ странахъ. Таковы, напримѣръ, различеніе смысла слова по его музыкальному ударенію, и различеніе разстоянія градаціей гласныхъ. Это — остроумные и ясные пріемы, но, повидимому, едва ли прямо эмоціональные или подражательные по происхожденію. Болѣе надежный путь къ построенію теоріи естественнаго происхожденія языка заключается въ допущеніи того, что понятія первоначально выражались тѣмъ, что можно назвать самовыразительными звуками, не опредѣляя точнѣе, заключается ли ихъ выразительность въ эмоціональномъ тонѣ, подражательномъ звукѣ, контрастѣ ударенія гласныхъ или согласныхъ, или какомъ-либо другомъ фонетическомъ качествѣ. Но даже и здѣсь надо исключить неизвѣстную и, быть можетъ, громадную область звуковъ, избираемыхъ индивидуумами для выраженія какихъ-либо понятій, подчиняясь мотивамъ, неяснымъ даже для нихъ самихъ, звуковъ, которые тѣмъ не менѣе установились въ языкѣ семейства, племени и народа. Быть можетъ, существуетъ много способовъ даже легко различаемаго фонетическаго выраженія, до сихъ поръ намъ неизвѣстныхъ. Однако, насколько мнѣ удалось ихъ прослѣдить здѣсь, эти способы относятся вообще не исключительно къ схемѣ того или другого отдѣльнаго нарѣчія, но къ обширно распространеннымъ началамъ образованія языка. Одинаково убѣдительные примѣры ихъ можно заимствовать изъ языковъ санскритскаго и еврейскаго, изъ дѣтскаго языка Ломбардіи, или изъ полу-индѣйскаго, полу-европейскаго нарѣчія Ванкуверова острова; и гдѣ бы они ни являлись, они служатъ для дополненія группы звуковыхъ словъ—словъ, не потерявшихъ слѣдовъ ихъ первоначальнаго выразительнаго происхожденія и сохраняющихъ еще свое прямое, ясно запечатлѣнное на нихъ значеніе. Въ дѣйствительности, теперь пришло время положить существенное основаніе производной филологіи. Слѣдуетъ составить систематическое собраніе словъ, имѣющихъ сколько-нибудь основательное притязаніе считаться самовыразительными, изъ тысячи, или около того, признанныхъ языковъ и нарѣчій міра. Въ такомъ словарѣ звуковыхъ словъ половина приведенныхъ случаевъ можетъ, весьма вѣроятно, оказаться негодною, но собраніе само уже доставитъ практическія средства для его очищенія, такъ какъ оно укажетъ въ обширномъ размѣрѣ, какіе именно звуки оказались годными для обозначенія извѣстныхъ понятій, тѣмъ, что они повторительно избирались для этого у различныхъ расъ.

Попытки объяснить, насколько возможно, первоначальное образованіе рѣчи, путемъ изслѣдованія въ подробностяхъ такихъ процессовъ, какіе описаны тутъ, вѣроятно, позволятъ нашей наукѣ возрастать, идя вѣрными и твердыми шагами, вездѣ, гдѣ воображеніе не можетъ замѣнить трезваго сравненія фактовъ. Но въ этой задачѣ происхожденія языка остается одна сторона, на которую такія изслѣдованія не оказываютъ поощряющаго вліянія. Значительная доля общаго для всѣхъ интереса заключается въ такомъ случаѣ въ вопросѣ, происходятъ ли извѣстные языки міра отъ одного или отъ многихъ первобытныхъ языковъ. Относительно этого предмета мнѣнія филологовъ, сравнивавшихъ наибольшее число языковъ, чрезвычайно различны; никто изъ нихъ не представилъ системы филологическихъ доказательствъ достаточно строгихъ и прямыхъ, чтобы пойти далѣе простого неопредѣленнаго предположенія. А такіе процессы, какъ развитіе подражательныхъ или символическихъ словъ, имѣютъ участіе, все равно — малое или большое, въ происхожденіи языка, и они никакъ не ограничиваются однимъ какимъ-либо особеннымъ мѣстомъ или временемъ, а въ дѣйствительности болѣе или менѣе дѣйствуютъ еще и теперь. Ихъ дѣйствіе на два какія-либо нарѣчія того же языка заключается въ введеніи въ каждый изъ нихъ нѣкотораго количества новыхъ и независимыхъ словъ, и слова, даже подозрѣваемыя въ происхожденіи этимъ прямымъ путемъ, становятся негодными въ качествѣ доказательства генеалогической связи языковъ, въ которыхъ они находятся. Свидѣтельство о такой генеалогической связи, на самомъ дѣлѣ, должно быть вообще ограничено такими словами или грамматическими формами, которыя сдѣлались настолько условными по звуку и смыслу, что мы не можемъ предположить, чтобы два племени пришли къ нимъ независимо, и потому должны при-

нять, что оба они унаслѣдовали ихъ изъ общаго источника. Такимъ образомъ, введенiе новыхъ звуковыхъ словъ ведетъ все къ меньшему и меньшему практическому значенiю для языка того первоначальнаго состава словъ, какое въ немъ было при его происхожденiи; и расширенiе свѣдѣнiй филолога относительно такихъ непосредственныхъ образованiй должно заставить его болѣе и болѣе выбрасывать изъ какого-нибудь языка все, относящееся, повидимому, къ позднѣйшему росту, прежде нежели онъ получитъ возможность заключить о такомъ остаткѣ, что онъ непосредственно унаслѣдованъ отъ временъ первобытной рѣчи.

Въ заключенiе этого обзора являются сами собою нѣкоторыя общiя соображенiя относительно природы и первыхъ началъ языка. При изученiи способовъ выраженiя у людей, стоящихъ по степени умственнаго развитiя далеко ниже насъ, одною изъ первыхъ потребностей оказывается необходимость очистить нашъ умъ отъ нѣкотораго рода суевѣрнаго благоговѣнiя, съ которымъ такъ часто относились къ членораздѣльной рѣчи, какъ будто она составляетъ не только главное, но даже единственное средство выраженiя мыслей. Мы должны оставить оцѣнку исторической важности эмоцiональныхъ выраженiй, мимическихъ знаковъ и живописнаго письма, по ихъ сравнительной незначительности въ современной цивилизованной жизни, но должны постараться соединить членораздѣльныя слова словаря въ одну группу съ криками, жестами и рисунками, такъ какъ всѣ они составляютъ способы наружнаго проявленiя внутреннихъ процессовъ души. Такое допущенiе, надо замѣтить, далеко не составляетъ одной лишь мелочной подробности научной классификацiи; оно дѣйствительно имѣетъ крайне важное значенiе въ вопросѣ о происхожденiи языка. Именно, такъ какъ для насъ причины, почему извѣстныя слова употребляются обыкновенно для выраженiя такихъ-то понятiй, большею частью темны, на языкъ стали смотрѣть, какъ на нѣчто таинственное, и для объясненiя его явленiй стали прибѣгать или къ темнымъ философскимъ причинамъ, или же одаренiе человѣка способностями мышленiя и рѣчи стали считать недостаточными, и стали требовать спецiальнаго откровенiя, вложившаго въ его уста слова извѣстнаго языка. При этихъ пререканiяхъ, продолжавшихся цѣлые вѣка, по поводу этого многострадальнаго вопроса, часто вспоминается то мѣсто въ „Кратилѣ“, гдѣ Сократъ описываетъ этимологовъ, отдѣлывающихся отъ затрудненiй касательно происхожденiя словъ утвержденiемъ, что первыя слова были божественнаго происхожденiя и потому правильны, совершенно такъ же, какъ трагики, которые, чтобы выбраться изъ путаницы, прибѣгаютъ къ машинамъ и вводятъ въ дѣйствiе боговъ [1]). Я думаю, однако, что всякiй, кто безпристрастно разсмотритъ дѣйствiе криковъ, стоновъ, смѣха и другихъ эмоцiональныхъ проявленiй, какъ это въ нѣкоторой степени сдѣлано здѣсь, тотъ допуститъ по крайней мѣрѣ, что наше настоящее грубое пониманiе этого рода выраженiя должно побудить насъ считать ихъ въ числѣ естественныхъ проявленiй человѣческаго тѣла и души. Конечно, никто, сколько-нибудь понимающiй мимическiй языкъ и образное письмо, не станетъ приписывать ихъ происхожденiе таинственнымъ причинамъ или какому-либо сверхъестественному вмѣшательству въ ходъ умственнаго развитiя человѣка. Причина ихъ, очевидно, лежитъ въ естественныхъ процессахъ человѣческой души, не только въ такихъ, которые происходили въ какомъ-либо давно прошедшемъ состоянiи человѣчества и съ тѣхъ поръ исчезли, но и въ процессахъ, еще существующихъ среди насъ, которые мы можемъ понять, и которыми можемъ даже пользоваться теперь. Когда мы изучаемъ изображенiя и тѣлодвиженiя, которыми дикари и глухонѣмые выражаютъ внутреннiе процессы ихъ души, мы большею частью съ перваго же взгляда можемъ понять прямое отношенiе между внѣшнимъ знакомъ и внутренней мыслью, которой онъ служитъ проявленiемъ. Мы можемъ видѣть идею „сна“ въ тѣлодвиженiи, состоящемъ въ опущенiи головы на ладонь руки, закрывая при этомъ глаза; или понятiе „бѣганiя“ —въ положенiи бѣгающаго, съ грудью, выдвинутою впередъ, полуоткрытымъ ртомъ, откинутыми назадъ плечами и локтями; или „свѣчку“ —въ поднятомъ вверхъ и выпрямленномъ указательномъ пальцѣ съ жестомъ какъ будто задуванiя свѣчи; или „соль“—въ подражанiи посыпанiю ею большимъ пальцемъ и указательнымъ. Въ дѣтскихъ иллюстрированныхъ книжкахъ фигуры спящаго и бѣгающаго, свѣчки и солонки выказываютъ свое значенiе въ томъ же очевидномъ отношенiи между мыслью и знакомъ. Мы настолько знакомы съ этими способами выраженiя, что охотно выражаемъ наши мысли этимъ средствомъ, и видящiе наши знаки понимаютъ, что̀ мы хотимъ сказать.

Когда, однакоже, ободряемые нашей удачей въ выясненiи свойствъ и дѣйствiя этихъ грубѣйшихъ прiемовъ, мы обращаемся къ высшему роду рѣчи и спрашиваемъ, какимъ образомъ такiя-то слова стали выражать такiя-то мысли, мы встрѣчаемся лицомъ къ лицу съ обширною задачею, разрѣшенною до сихъ поръ только въ незначительной ея части. Успѣхъ въ изслѣдованiи былъ на самомъ дѣлѣ достаточенъ, чтобы заставить насъ смѣло обратиться къ дальнѣйшему изысканiю, но

[1]) Plato Cratylus. 90.

въ настоящее время разработка не простирается далѣе нѣкоторыхъ угловъ и небольшихъ участковъ вообще еще неизвѣстнаго поля. Однако, добытые уже результаты настолько значительны, что даютъ намъ право соединять способы выраженія посредствомъ тѣлодвиженій и графическихъ изображеній въ одну группу съ членораздѣльнымъ языкомъ, какъ первообразныя начала, также какъ человѣкъ соединяетъ ихъ въ дѣйствительной жизни при одновременномъ употребленіи жеста и слова. Безъ всякаго сомнѣнія, членораздѣльная рѣчь, въ ея гораздо болѣе сложномъ и совершенномъ развитіи, воспользовалась утонченными пріемами, которымъ болѣе простыя и грубыя средства общенія не представляютъ ничего подобнаго. Но все-таки языкъ, насколько строеніе его ясно для насъ, развился, повидимому, подобно письму или музыкѣ, подобно искусству охоты и добыванія огня, упражненіемъ чисто человѣческихъ способностей чисто человѣческими путями. Это положеніе вещей никакъ не принадлежитъ исключительно лишь зачаточнымъ филологическимъ процессамъ, каковъ, напр., выборъ выразительныхъ звуковъ для обозначенія соотвѣтствующихъ понятій. Въ высшихъ областяхъ рѣчи, гдѣ къ словамъ уже существующимъ обращаются, чтобы выразить новыя понятія и оттѣнить новыя различенія, мы находимъ, что эти цѣли достигаются всѣми способами, отъ крайне искусныхъ до крайне неуклюжихъ. Чтобы представить хотя одинъ примѣръ, укажемъ на одно изъ великихъ средствъ придаванія новаго значенія старому звуку—на метафору, переносящую понятія слуха на понятія зрѣнія, прикосновенія на дѣйствія мысли, конкрета одного рода на абстрактъ другого, и могущую такимъ образомъ воспользоваться почти всѣмъ существующимъ для описанія и объясненія чего-либо другого. То, что германскій философъ описалъ, какъ отношеніе коровы къ кометѣ, именно, что у обѣихъ есть хвостъ, достаточно и даже болѣе чѣмъ достаточно для творца языка. Когда австралійцы увидѣли европейскую книгу, ихъ поразило, что она открывается и закрывается подобно двустворчатой раковинѣ, и потому они стали называть книги „раковинами“ (mūyūm). Видъ паровой машины можетъ послужить поводомъ къ цѣлой группѣ перенесеній даже въ нашемъ собственномъ языкѣ: паръ идетъ по дудкамъ или „музыкальнымъ трубамъ“, т.-е. по трубкамъ или трубамъ, и входитъ чрезъ „створчатыя двери“, или клапаны, чтобы толкать „пестъ“, или поршень, вверхъ и внизъ въ „каткѣ“, или цилиндрѣ, свѣтъ же исходитъ изъ очага „брусьями“, или „шестами“, т.-е. лучами. Словари наполнены примѣрами, въ сравненіи съ которыми только что приведенные вполнѣ ясны и просты. Въ самомъ дѣлѣ, процессы, дѣйствительно вызвавшіе слова къ существованію, могутъ достаточно часто напоминать намъ игру въ загадки („What is my thought like?“). Кто знаетъ отвѣтъ, тотъ довольно легко можетъ понять, какое отношеніе имѣютъ пиршество (junketting) и соборные каноны (cathedral canons) къ тростнику; лат. juncus, „тростникъ“, народное лат. juncata, „сыръ, сдѣланный въ тростниковой корзинѣ“, итал. giuncata, „сливочный сыръ въ тростниковой корзинкѣ“, франц. joncade и англ. junket, т.-е. кушанье, приготовленное изъ сливокъ, и наконецъ junketting—собранія, гдѣ ѣдятъ такія тонкія лакомства; греч. κάνη, „тростникъ“, англ. cane, κανών, „мѣра, правило“, оттуда canonicus, „духовное лицо, живущее по церковному правилу, или канону“. Но угадаетъ ли исторію этихъ словъ тотъ, кто не знаетъ этихъ промежуточныхъ звеньевъ?

Въ то же время этотъ процессъ происхожденія имѣетъ вполнѣ человѣческій искусственный характеръ. Когда мы въ какомъ-нибудь случаѣ знаемъ всѣ относящіеся къ нему факты, мы можемъ вообще понять его въ цѣломъ и убѣдиться, что мы сами могли бы сдѣлать то же самое, если бы это пришлось намъ. То же можно сказать и относительно процессовъ произведенія звуковыхъ словъ, подробно изложенныхъ въ этихъ главахъ. Такой взглядъ, однако, нисколько не несовмѣстенъ съ попыткою обобщить эти процессы и обозначить ихъ, какъ степени развитія языка въ человѣчествѣ. Если извѣстные люди при извѣстныхъ обстоятельствахъ производятъ извѣстные результаты, то мы можемъ ожидать, по крайней мѣрѣ, что другіе, вполнѣ сходные съ ними люди, находящіеся при приблизительно сходныхъ обстоятельствахъ, произведутъ болѣе или менѣе подобные результаты; и это дѣйствительно случается, какъ было многократно указано на этихъ страницахъ. Взглядъ Вильгельма фонъ-Гумбольдта на языкъ, какъ на „организмъ“, считался большимъ шагомъ въ философіи филологіи, и, насколько онъ побудилъ ученыхъ обратить свою мысль на отысканіе общихъ законовъ, онъ дѣйствительно имѣлъ такое значеніе. Но онъ также повелъ за собою накопленіе неосновательныхъ соображеній и болтовни, и тѣмъ немало затемнилъ дѣло. Если бы онъ бы[illegible]етъ въ такомъ смыслѣ, что человѣческая мысль, языкъ и дѣятельность вообще органичны по своей природѣ и подчинены постояннымъ законамъ, это было бы совершенно другое дѣло; но подъ нимъ подразумѣвается именно не то, и даже самая цѣль названія языка организмомъ заключается въ отдѣленіи его отъ простыхъ человѣческихъ искусствъ и изобрѣтеній. Для Гумбольдта было ненавистнымъ дѣломъ „низвести рѣчь до простого процесса разума“. „Человѣкъ, — говоритъ онъ,—не столько формируетъ

языкъ, сколько различаетъ съ нѣкоторымъ радостнымъ удивленіемъ движенія его развитія, являющіяся какъ бы сами собою". И однако же, если тѣ практическіе пріемы, которыми слова формируются или приспособляются соотвѣтственно новымъ значеніямъ, не объясняются дѣйствіемъ разума, тогда мы и стратагемы воиновъ на полѣ битвы, или изобрѣтенія работника на его скамьѣ, точно также должны отнести къ темной области инстинкта и непроизвольнаго дѣйствія. Однимъ изъ главнѣйшихъ положеній науки о культурѣ является для насъ то, что дѣйствія отдѣльныхъ людей въ своей совокупности производятъ результаты, могущіе быть выражены въ общихъ фактическихъ указаніяхъ, которыя мы называемъ законами. Но свойства факта не измѣняются оттого, что его ставятъ рядомъ съ другими однородными фактами, и человѣкъ является, тѣмъ не менѣе, разумнымъ изобрѣтателемъ новаго слова или новой метафоры, хотя подобное тому сдѣлали въ другомъ мѣстѣ двадцать другихъ разумныхъ изобрѣтателей.

Теорія, утверждающая, что первоначальныя формы языка должно отнести къ низшему или дикому состоянію культуры весьма древней человѣческой расы, согласуется вообще съ извѣстными намъ фактами филологіи. Причины, породившія языкъ, насколько онѣ уяснены, замѣчательны по дѣтской простотѣ пріема, свойственной дѣтству человѣческой цивилизаціи. Пути, которыми звуки впервые избирались и располагались для выраженія понятій, представляютъ собою практическіе пріемы, стоящіе на уровнѣ дѣтской философіи. Дитя пяти лѣтъ отъ роду можетъ понять значеніе подражательныхъ звуковъ, междометій, символизма пола и разстоянія по противоположенію гласныхъ. Подобно тому, какъ нельзя постигнуть дѣйствительнаго характера миѳологіи, не оцѣнивъ вполнѣ дѣтскихъ сказокъ, точно также способность, которою мы отгадываемъ дѣтскія загадки и играемъ въ игры, необходима для оцѣнки низшихъ фазисовъ развитія языка. Это обстоятельство согласуется съ мнѣніемъ, что такая зачаточная рѣчь получила начало у людей, находившихся на дѣтской степени интеллектуальнаго развитія, и потому самовыразительная часть языка дикарей доставляетъ весьма цѣнные матеріалы для рѣшенія вопроса о первичной рѣчи. Если мы мысленно будемъ имѣть въ виду какой-либо ранній періодъ взаимнаго общенія людей, когда жестъ и самовыразительное выраженіе должны были имѣть сравнительно гораздо большую важность, нежели у насъ, такое соображеніе не введетъ въ задачу никакого новаго элемента, такъ какъ болѣе или менѣе соотвѣтствующее ему состояніе встрѣчается и теперь у нѣкоторыхъ низшихъ дикихъ племенъ. Если мы обратимся отъ такого самовыразительнаго способа выраженія къ той части членораздѣльнаго языка, которая обязана своимъ смысломъ только наслѣдственной и, повидимому, произвольной привычкѣ, мы не найдемъ ничего противорѣчащаго этой гипотезѣ. Звукъ, обладающій прямымъ смысломъ, можетъ оказаться элементомъ языка, сохраняющимъ свое первое значеніе понятнымъ и для послѣдующихъ поколѣній. Но гораздо вѣроятнѣе, что онъ окажется превратившимся въ ничего не выражающій символъ, вслѣдствіе фонетическаго искаженія и измѣненія смысла, какъ будто избранный совершенно произвольно—филологическій процессъ, вполнѣ подтверждаемый словарями нарѣчій дикарей. Въ теченіе развитія языка такія традиціонныя слова съ однимъ только унаслѣдованнымъ значеніемъ въ достаточной мѣрѣ оттѣснили на задній планъ самовыразительныя слова, совершенно такъ же, какъ восточныя цыфры 2, 3, 4, не будучи самовыразительными, оттѣснили на задній планъ самовыразительныя римскія цыфры II, III, IIII, что также составляетъ процессъ, имѣющій мѣсто какъ въ дикой, такъ и въ цивилизованной рѣчи. Кромѣ того, взглянувъ ближе на языкъ, какъ на практическое средство выраженія мыслей, мы встрѣчаемся лицомъ къ лицу съ свидѣтельствами, имѣющими немаловажное значеніе для исторіи цивилизаціи. Мы снова возвращаемся къ тому весьма поучительному факту, что всѣ языки міра представляютъ, въ сущности, одно и то же интеллектуальное искусство, въ которомъ высшія націи дѣйствительно достигаютъ большей выразительной силы, нежели самыя низшія племена, но дѣлаютъ это не помощью введенія новыхъ и болѣе совершенныхъ основныхъ началъ, но простымъ увеличеніемъ и усовершенствованіемъ подробностей. Два великіе метода наименованія мыслей и опредѣленія ихъ взаимнаго отношенія, метафора и словосочиненіе, относятся къ дѣтству человѣческаго выраженія, и столько же сродны языку дикарей, сколько и философовъ. Если бы кто-нибудь сталъ утверждать, что это сходство принциповъ языка объясняется нисхожденіемъ дикихъ племенъ отъ высшей культуры и сохраненіемъ ими въ своей рѣчи остатковъ своего прежняго превосходства, на это можно бы было отвѣтить, что лингвистическіе пріемы въ дѣйствительности выработаны съ такою же оригинальностью и болѣе обширно, если не болѣе практично, у дикарей, какъ и у людей цивилизованныхъ. Примѣръ представляютъ алгонкинская система сложныхъ словъ и обширная эскимосская схема грамматической инфлексіи. Языкъ по своему существенному принципу принадлежитъ одинаково и низкой и высокой степени цивилизаціи; которой же изъ нихъ должно приписать его происхожденіе? Отвѣтить на это можно сравненіемъ методовъ языка съ его задачами. Если принять во вниманіе всѣ языки міра, оче-

видно, что процессы, которыми слова производятся и приспособляются, касаются гораздо менѣе систематическаго распредѣленія и научной классификаціи, нежели простой и обычной изобрѣтательности. Пусть всякій, считающій своимъ призваніемъ реализированіе философскихъ или научныхъ концепцій и выраженіе ихъ словами, спроситъ себя, можетъ ли обычный языкъ служить орудіемъ для такихъ цѣлей? Конечно, нѣтъ. Трудно сказать, что болѣе поразительно —недостатокъ ли научной системы въ выраженіи мыслей словами, или необыкновенная выработанность частныхъ пріемовъ, которыми восполняется это несовершенство, вслѣдствіе чего обладающій какой-либо идеей прибѣгаетъ къ нѣкоторой уловкѣ, чтобы выразить ее ясно словами для себя и для другихъ. Языкъ, которымъ нація, обладающая высоко развитыми искусствомъ, наукою и пониманіемъ, должна выражать свои мысли объ этихъ предметахъ, не представляетъ машины, пригодной для такой спеціальной работы, а лишь старое грубое орудіе, дополненное и измѣненное и кое-какъ подправленное до нѣкоторой степени годности. Этнографія раціонально объясняетъ громадную силу и вмѣстѣ съ тѣмъ явную слабость языка, какъ средства для выраженія новѣйшей образованной мысли, считая его самобытнымъ продуктомъ низшей культуры, постепенно приспособленнымъ вѣками развитія и подбора къ болѣе и болѣе удовлетворительному соотвѣтствію требованіямъ современной цивилизаціи.

ГЛАВА VII.

Искусство счисленія.

Понятіе о числѣ произошло изъ опыта. — Состояніе счисленія у нецивилизованныхъ расъ.—Малое количество числительныхъ у низшихъ племенъ. — Счетъ помощью ручныхъ и ножныхъ пальцевъ.—Ручныя числа показываютъ происхожденіе словеснаго счисленія отъ мимическаго.—Этимологія числительныхъ.—Пятерная, десятичная и двудесятичная системы счисленія произошли отъ счета по ручнымъ и ножнымъ пальцамъ.--Усвоеніе иностранныхъ числительныхъ.—Доказательство развитія науки о числѣ изъ низшаго первобытнаго уровня культуры.

Дж. С. Милль, въ своей „Системѣ Логики“, находитъ случай коснуться основаній числительнаго искусства. Противно мнѣнію д-ра Уивеля (Whewell), утверждавшаго, что такія предложенія, какъ— два и три составляютъ пять, суть „необходимыя истины“, содержащія элементъ достовѣрности выше того, который даетъ простой опытъ, Милль принимаетъ, что выраженіемъ: „два и одинъ равны тремъ“ высказывается только „истина, извѣстная намъ по раннему и постоянному опыту: однимъ словомъ, индуктивная истина. Такія истины составляютъ основаніе науки о числѣ. Всѣ основныя истины этой науки опираются на свидѣтельствѣ чувствъ; онѣ доказываются опытомъ нашихъ глазъ и нашихъ пальцевъ, что всякое данное количество предметовъ, напр., десять шаровъ, можетъ раздѣленіемъ и возсоединеніемъ представить нашимъ чувствамъ всѣ возможныя группировки чиселъ, сумма которыхъ равна десяти. Всѣ усовершенствованные методы обученія дѣтей ариѳметикѣ основываются на знакомствѣ съ этимъ фактомъ. Всякій, кто обученіемъ ариѳметикѣ хочетъ развить умъ ребенка, всякій желающій учить числамъ, а не однимъ только цыфрамъ, учитъ теперь этому чрезъ свидѣтельство чувства, способомъ, который мы описали“. Доказательство Милля заимствовано изъ умственнаго состоянія народа, у котораго уже существуетъ высоко развитая наука о числѣ. Этотъ предметъ также принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые съ большою пользою могутъ быть изучаемы съ этлографической точки

зрѣнія. Разсмотрѣніе методовъ нумераціи, употребляемыхъ низшими расами, не только вполнѣ подтверждаетъ взглядъ Милля, что наше знаніе числовыхъ отношеній основывается на дѣйствительномъ опытѣ, но и позволяетъ намъ прослѣдить искусство счисленія до его источника и опредѣлить тѣ степени, которыми оно развилось у отдѣльныхъ племенъ и, вѣроятно, у всего человѣчества.

Въ нашей развитой системѣ нумераціи неизвѣстно никакихъ предѣловъ увеличенія или уменьшенія. Философъ не можетъ представить себѣ количества настолько-то великаго, или атома столько-то малаго; математикъ же не затруднится этимъ и опредѣлитъ ихъ простою комбинаціею письменныхъ знаковъ. Но по мѣрѣ того, какъ мы спускаемся къ низшимъ ступенямъ культуры, мы находимъ, что даже тамъ, гдѣ обиходный языкъ имѣетъ названія для сотенъ и тысячъ, является все меньшая и меньшая способность образованія точнаго понятія о большихъ числахъ; счетчикъ чаще прибѣгаетъ къ пальцамъ, и даже у наиболѣе развитыхъ изъ племени увеличивается та неопредѣленность въ числахъ, которую мы замѣчаемъ у дѣтей—если на улицѣ была не тысяча народу, то навѣрно сотня, во всякомъ случаѣ не меньше двадцати. Сила въ счисленіи не измѣняется, впрочемъ, вполнѣ правильно вмѣстѣ съ уровнемъ общей культуры. Нѣкоторые дикіе или варварскіе народы особенно искусны въ счисленіи. Жители острововъ Тонга, дѣйствительно, имѣютъ собственныя названія для чиселъ до 100,000. Не довольствуясь даже этимъ, французскій изслѣдователь Лабильярдьеръ требовалъ отъ нихъ еще большаго и получилъ числительныя до 1,000 билліоновъ; они надлежащимъ образомъ были отпечатаны, но оказались при позднѣйшемъ разсмотрѣніи частью безсмысленными словами, частью же неприличными выраженіями [1]), такъ что мнимый рядъ высшихъ числительныхъ въ одно и то же время представляетъ небольшой словарь тонганскихъ непристойностей и предостереженіе относительно возможныхъ результатовъ записыванія непровѣренныхъ отвѣтовъ утомленныхъ вопросами дикарей. Въ западной Африкѣ живая и постоянная привычка къ торговлѣ развила большую ариѳметическую способность, и уже маленькія дѣти предаются расчетамъ помощью своихъ кучекъ каури (монетныхъ раковинъ). У іорубовъ въ Абеокутѣ, сказать: „ты не знаешь, сколько будетъ девятью девять", на самомъ дѣлѣ, есть оскорбленіе, разнозначащее: „ты—невѣжда" [2]). Это весьма

[1]) Mariner, «Tonga Islands», vol. II, p. 390.

[2]) Crowther, «Yoruba Vocab.»; Burton, «W. and W. from W. Africa», p. 253. «O daju danu, o ko mo essan messan». Вы (можетъ казаться) весьма искусны, (но) вы не можете сосчитать 9×9.

замѣчательная поговорка, если сравнить ее съ предѣлами невѣжества, которые ставятся нашими европейскими поговорками: нѣмецъ говоритъ: „онъ едва перечтетъ пять"; испанецъ: „я скажу вамъ, сколько составляетъ пять" (cuantos son cinco), и то же выражается въ англійскомъ присловьи:

„... as sure as I'm alive,
And knows how many beans make five" [1]).

Сіамскій судъ не принимаетъ показанія свидѣтеля, не умѣющаго сосчитать до десяти,—правило, напоминающее намъ древній обычай въ Шрьюсбёри, гдѣ лицо считалось совершеннолѣтнимъ, когда оно могло сосчитать до двѣнадцати пенсовъ [2]).

У самыхъ низшихъ изъ людей настоящаго времени, у дикарей южно-американскихъ лѣсовъ и австралійскихъ пустынь, 5 дѣйствительно оказывается числомъ, для котораго языкъ нѣкоторыхъ племенъ не имѣетъ спеціальнаго слова. Путешественникамъ не только не удалось узнать отъ нихъ ихъ названія чиселъ выше 2, 3 и 4, но и кромѣ того предположеніе, что эти послѣднія составляютъ дѣйствительные предѣлы ихъ численнаго ряда, подкрѣпляется употребленіемъ ими высшихъ извѣстныхъ имъ чиселъ, какъ неопредѣленное обозначеніе большаго множества. Спиксъ и Марціусъ говорятъ о низшихъ племенахъ Бразиліи: „они считаютъ обыкновенно по суставамъ пальцевъ, и только до трехъ. Всякое большее число они выражаютъ словомъ „много" [3]). Въ словарѣ пури приведены слѣдующія числительныя: 1 omi; 2 curiri; 3 prica, „много"; въ словарѣ ботокудовъ: 1 mokenam; 2 uruhú, „много". Тасманійская нумерація, по Іоргенсону, такова: 1 parmery; 2 calabawa; болѣе 2-хъ cardia; какъ утверждаетъ Бэкгоузъ, они считаютъ: „одинъ, два, множество"; но одинъ изъ наблюдателей, бывшій въ особенно счастливыхъ условіяхъ для наблюденія, д-ръ Миллигэнъ, приводитъ найденное у нихъ слово, означающее пять, къ чему мы еще вернемся [4]). Ольдфильдъ (описывая въ особенности западныя племена) говоритъ: „Ново-голландцы не имѣютъ никакихъ названій для чиселъ свыше двухъ. У Ватчанди нумерація такова: co-ote-on (одинъ), u-tau-ra (два), bool-tha

[1]) «... также вѣрно, какъ то, что я живъ,
И знаю, сколько бобовъ составляютъ пять».

[2]) Low въ «Journ. Ind. Archip.», vol. I, p. 408; Year-Books Edw. I. (XX—I) ed. Horwood, p. 220.

[3]) Spix и Martius, «Reise in Brazilien», p. 387.

[4]) «Tasmanian Journal», vol. I, Backhouse, «Narr.», p. 104; Milligan въ «Papers, etc. Roy. Soc. Tasmania», vol. III, part. II, 1859.

(много), и bool-tha-bat (очень много). Если ихъ непремѣнно заставляютъ выразить числа три или четыре, они обозначаютъ первое чрезъ u-tar-ra coo-te-oo и чрезъ u-tar-ra u-tar-ra послѣднее число". Другими словами, ихъ названія одного, двухъ, трехъ и четырехъ равносильны названіямъ: „одинъ", „два", „два-одинъ", „два-два". Числительныя изъ Куинсленда, собранныя д-ромъ Лэнгомъ, совершенно сходны съ ними по принципу, хотя слова иныя: 1 ganar; 2 burla; 3 burla-ganar, „два-одинъ"; 4 burla-burla, „два-два"; korumba, „болѣе четырехъ, много, большое". Нарѣчіе Камиларои, хотя имѣетъ такое же 2, какъ и послѣднее, имѣетъ надъ нимъ преимущество въ независимомъ 3, съ помощью котораго оно считаетъ до 6: 1 mal; 2 bularr; 3 guliba; 4 bularrbularr, „два-два"; 5 bularrguliba, „два-три"; 6 gulibaguliba, „три-три". Эти австралійскіе примѣры свидѣтельствуютъ по меньшей мѣрѣ о чрезвычайной скудости и въ то же время неуклюжести числовой системы у извѣстныхъ племенъ [1]). Однако и здѣсь были замѣчены высшія формы, которыя въ одной изъ областей доводятъ по крайней мѣрѣ туземныя числительныя до 15 или 20.

Не слѣдуетъ полагать, основываясь на томъ, что дикое племя не имѣетъ обиходныхъ словъ для чиселъ свыше 3, 5, или около того, будто эти дикари не могутъ сосчитать выше этого. Повидимому, они вполнѣ могутъ и дѣйствительно считаютъ гораздо далѣе, но должны возвращаться для этого къ низшему и грубѣйшему способу выраженія, нежели рѣчь,—къ мимическому языку. Мѣсто, занимаемое искусствомъ счета по пальцамъ въ умственномъ развитіи, хорошо изображено въ описаніи Массьё, глухонѣмаго воспитанника аббата Сикара, въ которыхъ онъ представляетъ свои понятія о числахъ во время своего сравнительно невѣжественнаго дѣтства: „Я зналъ числа прежде, чѣмъ меня имъ обучили; я научился имъ по моимъ пальцамъ. Я не зналъ цыфръ; я считалъ по пальцамъ, и когда число переходило 10, я дѣлалъ зарубку на кускѣ дерева" [2]). Такимъ же образомъ и всѣ дикія племена были научены счисленію благодаря своимъ пальцамъ. Ольдфильдъ, приведя только что упомянутый нами разсказъ о способности языка Ватчанди составить числительныя до 4, переходитъ къ описанію средствъ, къ которымъ прибѣгаетъ это племя при болѣе трудныхъ задачахъ счисленія: „Я желалъ однажды узнать точное число туземцевъ, убитыхъ при нѣкоторомъ случаѣ. Человѣкъ, котораго я спросилъ о томъ, началъ сперва припоминать имена... полагая по пальцу на каждаго, и только послѣ многихъ неудачъ и послѣдовательныхъ начинаній ему удалось выразить требовавшееся высокое число, что̀ онъ произвелъ троекратнымъ поднятіемъ руки вверхъ, давая мнѣ такимъ образомъ понять, что пятнадцать было отвѣтомъ на этотъ чрезвычайно трудный ариѳметическій вопросъ". Стэнбриджъ говоритъ о туземцахъ Викторіи: „Они не имѣютъ названій для чиселъ свыше двухъ, но повтореніемъ они считаютъ до пяти; они запоминаютъ также дни мѣсяца, обращаясь для этого къ пальцамъ, къ костямъ и суставамъ руки, и къ головѣ" [1]). Бороросы въ Бразиліи считаютъ: 1 couai; 2 macouai; 3 ouai; а затѣмъ продолжаютъ счетъ по пальцамъ, повторяя это ouai [2]). Конечно, какъ относительно насъ самихъ, такъ и относительно дикарей, можно замѣтить, что если человѣкъ считаетъ по пальцамъ, отсюда не слѣдуетъ, что въ его языкѣ не достаетъ словъ для выраженія числа, которое онъ хочетъ сосчитать. Было замѣчено, напримѣръ, что если заставить считать камчадаловъ, они пересчитаютъ всѣ свои пальцы на рукахъ, и потомъ на ногахъ, доходя, такимъ образомъ, до 20, а затѣмъ спрашиваютъ: „что же намъ дѣлать теперь"? При изслѣдованіи, однако, оказалось, что въ ихъ языкѣ существуютъ числа до 100 [3]). Путешественники указываютъ употребленіе счета по пальцамъ у племенъ, которые умѣютъ, если хотятъ, считать словесно, и которые или молча считаютъ по пальцамъ, или же обыкновенно сопровождаютъ слова дѣйствіемъ; оба эти способа въ дѣйствительности не совсѣмъ безызвѣстны и въ Европѣ. Предоставимъ отцу Гумильѣ, одному изъ прежнихъ іезуитскихъ миссіонеровъ въ Южной Америкѣ, описать намъ отношеніе тѣлодвиженія къ рѣчи въ счетѣ, что̀ въ то же время представитъ весьма замѣчательные примѣры (для сравненія въ другомъ мѣстѣ) дѣйствія соглашенія, по которому условныя правила устанавливаются въ обществахъ людей, даже въ такомъ простомъ искусствѣ, какъ счетъ по пальцамъ. „Никто изъ насъ, замѣчаетъ онъ, развѣ только случайно, говоря, напримѣръ, „одинъ", „два" и пр. не будетъ показывать въ то же время такого же числа пальцевъ, касаясь до нихъ другою рукой. Совершенно противоположное замѣчается у индѣйцевъ. Они говорятъ, напримѣръ: „дай мнѣ пару ножницъ", и въ то же время поднимаютъ одинъ палецъ; „дай мнѣ двѣ", и тотчасъ же поднимаютъ два, и т. д. Они никогда не скажутъ

[1]) Oldfield въ Tr. Eth. Soc. vol. III, p. 291; Lang, «Queensland», p. 433; Latham. «Comp. Phil.» p. 352. Другія названія у Bonwick, l. c.

[2]) Sicard, «Théorie des Signes pour l'Instruction des Sourds-Muets», vol. II, p. 634.

[1]) Stanbridge въ «Tr. Eth. Soc.» vol. I, p. 304.

[2]) Martius. «Gloss. Brasil». p. 15.

[3]) Kracheninnikow, «Kamtchatka», p. 17.

„пять“, не показавъ руки, или „десять“, не протянувъ обѣ, или „двадцать“, безъ помощи ручныхъ пальцевъ, противупоставивъ ихъ ножнымъ. Кромѣ того, способъ показывать числа пальцами отличенъ у каждаго народа. Для краткости, я возьму въ примѣръ число „три“. Отомаки, чтобы сказать три, соединяютъ большой палецъ, указательный и средній, закрывая прочіе. Таманаки показываютъ мизинецъ, безыменный палецъ и средній, остальные же два закрываютъ. Наконецъ майпуры поднимаютъ указательный, средній и безыменный пальцы, скрывая два остальные“ [1]). Общее отношеніе между счетомъ по пальцамъ и словеснымъ во всемъ свѣтѣ можно представить слѣдующимъ образомъ. По удобству и легкости пониманія чиселъ, осязательная ариѳметика, какъ основывающаяся на счетѣ по пальцамъ или суставамъ пальцевъ [2]), или кучками камешковъ или бобовъ, или на болѣе искусственныхъ четкахъ или счетахъ, имѣетъ такое большое преимущество надъ словеснымъ счетомъ, что почти необходимо должна предшествовать ему. Такимъ образомъ, мы находимъ счетъ по пальцамъ не только у дикарей и необразованныхъ людей, пользующихся имъ для продолженія умственныхъ процессовъ тамъ, гдѣ языкъ только отчасти пригоденъ, чтобы слѣдовать за ними, но онъ удерживаетъ свое мѣсто и приноситъ несомнѣнную пользу у самыхъ цивилизованныхъ народовъ, какъ подготовленіе и средство усвоенія высшихъ числительныхъ методовъ.

Мы имѣемъ основательныя доказательства того, что ребенокъ, учась считать по пальцамъ, воспроизводитъ нѣкоторымъ образомъ одинъ изъ процессовъ исторіи умственнаго развитія человѣческаго рода; что на самомъ дѣлѣ люди считали по пальцамъ, прежде чѣмъ нашли слова для чиселъ, которыя они выражали такимъ способомъ; что въ этой области культуры словесный языкъ не только слѣдовалъ за мимическимъ, но въ дѣйствительности развился изъ него. Упомянутыя доказательства заключаются, главнымъ образомъ, въ самомъ языкѣ, который показываетъ, что у различныхъ и отдаленныхъ племенъ, люди, чтобы выразить число 5 словами, называли его просто словомъ своего языка, означающимъ руку, которую они поднимали для означенія этого числа; подобнымъ же образомъ они говорили двѣ руки или пол-человѣка для обозначенія 10; слово нога продолжало счетъ до 15 и до 20, которое они выражали и словами и тѣлодвиженіемъ, указывая вмѣстѣ на руки и ноги или на цѣлаго человѣка; и, наконецъ, изъ разнообразныхъ выраженій, прямо относящихся къ жестамъ счета по ручнымъ и ножнымъ пальцамъ, они составили названія для этихъ промежуточныхъ числительныхъ. Въ видѣ термина, необходимаго для обозначенія выразительныхъ числительныхъ этого класса, къ нимъ можно удобно примѣнить названіе „ручныхъ“ или „пальцевыхъ числительныхъ“. Подборъ типическихъ примѣровъ покажетъ вѣроятность того, что этотъ остроумный пріемъ не былъ, по крайней мѣрѣ, вообще, заимствованъ однимъ племенемъ отъ другого, или унаслѣдованъ изъ общаго источника, но что выработка его, вмѣстѣ съ оригинальнымъ характеромъ и любопытными подробностями, обнаруживаетъ повтореніе однороднаго и вмѣстѣ съ тѣмъ независимаго процесса умственнаго развитія у различныхъ человѣческихъ расъ.

Отецъ Джилій (Gilij), описывая счисленіе таманаковъ на Ореноко, сообщаетъ ихъ числительныя до 4; дойдя до 5, они выражаютъ это словомъ amgnaitòne, означающимъ въ переводѣ „цѣлая рука“; 6 выражается терминомъ, состоящимъ въ описаніи словами соотвѣтственнаго тѣлодвиженія: itaconò amgnaponà tevinitpe, „одинъ на другой рукѣ“, и такъ далѣе до 9. Дойдя до 10, они передаютъ это число словами: amgna aceponàre, „обѣ руки“. Для обозначенія 11 они вытягиваютъ обѣ руки и, кромѣ того, ногу и говорятъ: puitta-ponà tevinitpe, „одинъ на ногѣ“, и такъ далѣе до 15, означаемомъ iptaitòne, „цѣлая нога“. Затѣмъ слѣдуетъ 16, „одинъ на другой ногѣ“ и т. д. до 20, tevin itòto, „одинъ индѣецъ“; 21, itaconò itóto jamgnàr bonà tevinitpe, „одинъ на рукѣ другого индѣйца“; 40, acciachè itóto, „два индѣйца“, и такъ далѣе для 60, 80, 100, „три, четыре, пять индѣйцевъ“, и болѣе, если требуется. Южная Америка замѣчательно богата такими свидѣтельствами древнѣйшаго состоянія счета по пальцамъ, сохранившимися въ разговорной рѣчи. Изъ многихъ другихъ языковъ, имѣющихъ распознаваемыя пальцевыя числительныя, языки Кайрири (Cayriri), Тупи, абипонскій и караибскій соперничаютъ съ таманакскимъ въ систематической выработкѣ терминовъ „руки“, „рукъ“, „ноги“, „ногъ“ и пр.

[1]) Gumilla, «Historia del Qrenoco», vol. III, ch. XLV; Pott, «Zählmethode», p. 16.

[2]) Восточные барышники употребляли вѣка тому назадъ, и еще теперь употребляютъ, способъ тайно сообщать другъ другу при торгѣ числа «движеніемъ пальцевъ на подобіе ножницъ подъ одеждою». «Каждый суставъ и каждый палецъ имѣютъ свое значеніе», говоритъ одинъ старинный путешественникъ, и эта система есть, повидимому, болѣе или менѣе искусственное развитіе обыкновеннаго счета по пальцамъ; вытянутые большой палецъ и мизинецъ, съ остальными закрытыми, означаютъ 6 или 60, прибавленіемъ четвертаго пальца получается 7 или 70, и т. д. Говорятъ, что между двумя барышниками, опредѣляющими цѣну такимъ движеніемъ пальцевъ, ловкость при торгѣ, небольшая надбавка, колебаніе, выраженіе упрямаго отказа торговаться далѣе и т. п., проявляется совершенно такъ же, какъ бы они объяснялись на словахъ.

Другіе выказываютъ болѣе слабые слѣды того же процесса, когда, напримѣръ, числительныя 5 или 10 являются въ связи съ словомъ, означающимъ „руку", и пр.; такъ, языкъ Омагуа (Omagua) употребляетъ слово pua, „рука", въ значеніи 5, и удвоиваетъ его въ upapua для означенія 10. Въ нѣкоторыхъ южно-американскихъ языкахъ человѣкъ считается, по числу ручныхъ и ножныхъ пальцевъ, означающимъ 20; но противоположно тому мы знаемъ два языка, выказывающіе крайне низкое умственное состояніе: человѣкъ считаетъ только по одной рукѣ, доходя такимъ образомъ всего до 5; у жури (Juri) ghomen apa, „одинъ человѣкъ", означаетъ 5; у кайрири ibicho значитъ и „человѣкъ", и 5. Пальцевыя числительныя не ограничены племенами, стоящими, подобно этимъ, болѣе или менѣе низко въ предѣлахъ дикаго состоянія. Муиски (Muyscas) въ Боготѣ составляли одну изъ цивизованнѣйшихъ туземныхъ расъ Америки, находясь по своей культурѣ наравнѣ съ перуанцами, и однако тотъ же методъ, который является въ языкѣ грубыхъ таманаковъ, можно прослѣдить въ языкѣ муисковъ, которые, дойдя до 11, 12, 13, считали quihicha ata, bosa, mica, т.-е. „нога одинъ, два, три" [1]). Въ Сѣверной Америкѣ, Кранцъ, моравскій миссіонеръ, такъ описывалъ, около столѣтія тому назадъ, нумерацію гренландцевъ. „Ихъ числительныя, — говоритъ онъ, — идутъ недалеко, и относительно ихъ справедлива поговорка, что они едва могутъ перечесть пять, такъ какъ они считаютъ до пяти по ручнымъ пальцамъ, и затѣмъ прибѣгаютъ къ помощи пальцевъ ногъ, и такъ съ трудомъ доходятъ до двадцати". Современная гренландская грамматика представляетъ тѣ же числительныя, что и у Кранца, только въ болѣе полномъ видѣ. Слово для 5 — tatdlimat, судя по нѣкоторымъ имѣющимся основаніямъ, должно было нѣкогда означать „руку"; 6 — arfinek-attausek, „на другой рукѣ одинъ", или, короче arfinigdlit, „тѣ, которые имѣютъ на другой рукѣ"; 7—arfinek-mardluk, „на другой рукѣ два"; 13 arkanek-pingasut, „на первой ногѣ три"; 18 arfersanek-pingasut, „на другой ногѣ три"; достигнувъ 20, они могутъ сказать: inuk navdlugo, „одинъ человѣкъ конченъ", или: inûp avatai navdlugit, „наружные члены человѣка кончены"; такимъ образомъ, соединяя нѣсколькихъ человѣкъ, они доходятъ до высшихъ чиселъ, выражая, напримѣръ, 53 — inûp pingajugsâne arkanek-pingasut, „у третьяго человѣка на первой ногѣ три" [1]). Переходя отъ грубыхъ гренландцевъ къ сравнительно цивилизованнымъ ацтекамъ, мы находимъ, какъ на сѣверномъ, такъ и на южномъ материкѣ, слѣды древняго пальцеваго счисленія сохранившимися у высшихъ расъ. Этимологія первыхъ четырехъ мексиканскихъ числительныхъ такъ же темна, какъ и нашихъ. Но дойдя до 5, мы находимъ, что оно называется у нихъ macuilli, и такъ какъ ma (ma-itl) значитъ „рука", а cuiloa—„рисовать или изображать", вѣроятно, слово для 5 означало что-нибудь въ родѣ „изображенія руки". Въ 10, matlactli, является снова слово ma, „рука", а tlactli значитъ половина и изображается въ мексиканскомъ образномъ письмѣ въ видѣ верхней половины человѣка; такимъ образомъ, ацтекское 10 значитъ, повидимому, „ручная половина" человѣка, такъ же какъ у индѣйцевъ Тоука (Towka) въ Южной Америкѣ 10 выражается терминомъ „половина человѣка", а цѣлый равняется 20. Дойдя до 20, ацтеки называютъ это число cempoalli, „одинъ сочтенъ", подразумѣвая подъ этимъ, конечно, то же, что мы видѣли въ другихъ мѣстахъ, т.-е. одного цѣлаго человѣка, пальцы рукъ и ногъ.

Подобные же факты наблюдаются и у другихъ низшихъ расъ. Тасманійскій языкъ показываетъ также, что человѣкъ считаетъ себя уже сочтеннымъ, когда онъ поднялъ одну руку и сосчиталъ ея пальцы: именно здѣсь, какъ и у двухъ упомянутыхъ южно-американскихъ племенъ, puggana, „человѣкъ", означаетъ 5. Нѣкоторыя изъ западно-австралійскихъ племенъ пошли гораздо далѣе, употребляя для „руки" слово marh-ra; marh-jin-bang-ga, „половина рукъ", означаетъ 5; marh-jin-bang-ga-gudjir-gyn, „половина рукъ и одинъ"—6, и т. д.; marh-jin-belli-belli-gudjir-jina-bang-ga, „рука на каждой сторонѣ и половина ногъ"—15 [2]). Примѣромъ меланезійскихъ языковъ можетъ служить языкъ Маре (Maré); 10 означается на немъ— ome re rue tubenine, что, очевидно, значитъ „двѣ стороны" (т.-е. обѣ руки), 20—sa re ngome, „одинъ человѣкъ", и пр.; такимъ образомъ, въ Евангеліи отъ Іоанна въ ст. 5 „который страдалъ немощью тридцать восемь лѣтъ", число 38 выражается фразою: „одинъ человѣкъ и обѣ стороны пять и три" [3]). Въ малайско-полинезійскихъ языкахъ типическое слово для 5 есть lima или rima, „рука", и фонетическія

[1]) Gilij, «Saggio di Storia Americana», vol. II, p. 532 (Tamanac, Maypire). Martius, «Gloss. Brasil.» (Cayriri, Tupi, Carib, Omagua, Juri, Guachi, Coretu, Cherentes, Maxuruna, Caripuna, Cauixane, Carajas, Coroado, etc.); Dobrizhoffer, «Abipones», vol. II, p. 168; Humboldt, «Monumens», pl. XLIV (Muysca).

[1]) Cranz, «Grönland», p. 286; Kleinschmidt, «Gr. der Grönl. Spr.», Rae въ «Tr. Eth. Soc.», vol. IV, p. 145.

[2]) Milligan, l. c.; G. F. Moore, «Vocab. W. Australia». Ср. рядъ пятковыхъ числительныхъ до 9, изъ Сиднея, у Pott, «Zählmethode», p. 46.

[3]) Gabelentz, «Melanesische Sprachen», p. 183.

измѣненія въ различныхъ отрасляхъ этого семейства языковъ не затемнили этой связи, которую представляетъ малагазское dimy, маркизское fima, тонганское nima; но въ то время, какъ lima и его видоизмѣненія означаютъ 5 почти во всѣхъ малайско-полинезійскихъ нарѣчіяхъ, его значеніе въ смыслѣ „руки" ограничено гораздо болѣе узкою областью, показывая этимъ, что слово стало болѣе прочнымъ, сдѣлавшись традиціоннымъ числительнымъ. Въ языкахъ малайско-полинезійскаго семейства обыкновенно оказывается, что 6 и пр. обозначаются словами, этимологія которыхъ уже темна; однакоже, формы lima-sa, lima-zua, „рука—одинъ", „рука—два", оказались означающими 6 и 7 [1]). Относительно западной Африки, трудъ Кёлле о языкѣ Веи представляетъ подходящіе сюда случаи. Эти негры настолько придерживаются своихъ пальцевъ, что нѣкоторые едва могутъ считать безъ нихъ; пальцы ногъ для нихъ особенно удобны, такъ какъ считающіе сидятъ на корточкахъ. Народъ веи и многія другія африканскія племена считаютъ сперва пальцы на лѣвой рукѣ, начиная съ мизинца, къ чему мы еще вернемся, далѣе такимъ же образомъ на правой рукѣ, и затѣмъ пальцы ногъ. Вейское числительное для 20 mo bánde, очевидно, значитъ „человѣкъ (mo) конченъ (bande)", и т. д. для 40, 60, 80 и пр. „два человѣка, три человѣка, четыре человѣка кончены". Интересно, что негры, употребляющіе эти выраженія, забыли ихъ первоначальное описательное значеніе,—эти слова сдѣлались для нихъ простыми числительными [2]). Наконецъ, если мы захотимъ представить себѣ человѣка, который считаетъ по пальцамъ, и которому вдругъ пришла мысль, что если онъ опишетъ свои тѣлодвиженія словами, то эти слова могутъ стать настоящими названіями чиселъ, для этого болѣе всѣхъ языковъ даетъ намъ языкъ зулусовъ. Зулусъ, считая по пальцамъ, начинаетъ обыкновенно съ мизинца лѣвой руки. Дойдя до 5, онъ называетъ это edesanta „кончить руку"; затѣмъ онъ переходитъ къ большому пальцу правой руки, и такимъ образомъ слово tatisitupa, „берущій большой палецъ", становится числительнымъ 6. Далѣе глаголъ komba, „указывать", означая указательный палецъ, или „указатель", составляетъ слѣдующее числительное, 7. Такимъ образомъ, отвѣчая на вопросъ: „Сколько тебѣ далъ хозяинъ?" зулусъ сказалъ бы, напримѣръ: „U kombile", „Онъ указалъ своимъ указательнымъ пальцемъ", т.-е. „онъ далъ мнѣ семь", и этотъ любопытный способъ употребленія числительнаго глагола является въ такомъ при-

[1]) W. v. Humboldt, «Kawi-Spr.», vol. II, p. 308; подтверждено въ «As. Res.», vol. VI, p. 90; «Jour. Ind. Archip.», vol. III, p. 182, etc.
[2]) Koelle, «Gr. of Vei Lang.», p. 27.

мѣрѣ, какъ „amahashi akombile", „лошади указали", т.-е. „ихъ было семь". Подобнымъ же образомъ, Kijangalobili, „спрячь два пальца", т.-е. 8, и Kijangalolunje, „спрячь одинъ палецъ", т.-е. 9, доводитъ до kumi, 10; по окончаніи каждаго десятка хлопаютъ руками съ открытыми пальцами [1]).

Теорія, утверждающая, что первоначальный способъ счисленія былъ осязательный счетъ по рукамъ, и доказательство, что многія употребляемыя въ настоящее время числительныя дѣйствительно произошли такимъ путемъ, составляютъ важный шагъ въ открытіи происхожденія числительныхъ вообще. Можемъ ли мы идти еще далѣе, и опредѣлить, приблизительно, умственный процессъ, которымъ дикари, не имѣя еще въ своемъ языкѣ никакихъ числительныхъ, дошли до изобрѣтенія ихъ? Какимъ образомъ произошли числительныя, наименованіе которыхъ не имѣетъ отношенія къ рукамъ или ногамъ, и особенно числительныя ниже пяти, которымъ едва ли свойственно такое происхожденіе? Предметъ этотъ особенно затруднителенъ. Однако, въ принципѣ, онъ не совсѣмъ теменъ, такъ какъ можно найти нѣкоторыя указанія относительно дѣйствительнаго образованія новыхъ числительныхъ, составляемыхъ просто введеніемъ въ употребленіе названій предметовъ или дѣйствій, такъ или иначе соотвѣтствующихъ цѣли.

Народы, обладающіе въ своемъ языкѣ цѣлыми группами унаслѣдованныхъ числительныхъ, тѣмъ не менѣе, находили иногда удобнымъ придумывать еще новыя. Такимъ образомъ, ученые въ Индіи, уже вѣка тому назадъ, избрали рядъ словъ для memoria technica, для запоминанія чиселъ и количествъ. Слова эти они избрали по причинамъ, которыя еще ясны въ большинствѣ случаевъ; такъ, „луна или земля" выражали 1, такъ какъ обѣихъ только по одной; 2 можно было называть „глазъ", „крыло", „рука", „челюсть", какъ предметы парные; 3 было у нихъ „Рама", „огонь", или „качество", такъ какъ признавалось три Рамы, три рода огня, три качества (guna); 4 значило „веда", „вѣкъ", или „океанъ", такъ какъ ихъ считалось по четыре; „время года", употреблялось вмѣсто 6, такъ какъ у нихъ считалось ихъ шесть; „мудрецъ" или „гласная" вмѣсто 7, по числу семи мудрецовъ и семи гласныхъ; и т. д. для высшихъ чиселъ, „солнце" вмѣсто 12, по его двѣнадцати годовымъ наименованіямъ, или „зодіакъ" по его двѣнадцати знакамъ, и „ноготь" для 20, слово, случайно приводящее къ пальцевому обозначенію. Такъ какъ санскритъ весьма богатъ синонимами, и такъ какъ можно было пользоваться и

[1]) Schreuder, «Gr. for Zulu Sproget», p. 30; Döhne, «Zulu Dic.»; Grout, «Zulu Gr.» См. Hahn, «Gr. des Herero».

самыми числительными, стало весьма удобно составлять фразы или безсмысленные стихи, чтобы обозначать ряды чиселъ помощью этой системы искусственнаго запоминанія. Нижеприведенное есть индусская астрономическая формула, списокъ чиселъ, относящихся къ звѣздамъ лунныхъ созвѣздій. Каждое слово составляетъ мнемоническій эквивалентъ числа, помѣщеннаго надъ нимъ въ нашемъ переводѣ. Общій принципъ, по которому выбраны слова для обозначенія чиселъ, ясенъ безъ дальнѣйшаго объясненія:

„Vahni tri rtvishu gunendu kritâgnibhûta
Bânâsvinetra çara bhûku yugabdhi râmâh
Rudrâbdhirâmagunavedaçatâ dviyugma
Danta budhairabhihitâh kramaço bhatârâh“.

т. е. „Огонь [3], три [3], время года [6], стрѣла [5], качество [3], луна [1], четырехъ очковая сторона игральной кости [4], огонь [3], элементъ [5],
Стрѣла [5], Асвинъ [2], глазъ [2], стрѣла [5], земля [1], земля [1], вѣкъ [4], океанъ [4], Рама [3],
Рудра [11], океанъ [4], Рама [3], качество [3], Веда [4], сто [100], два [2], пара [2],
Зубы [32]: [1]) способомъ установленнымъ могучими владыками.

При изученіи этой любопытной системы нумераціи, Вильгельму фонъ-Гумбольдту пришло на мысль, что онъ видитъ предъ собою указаніе на процессъ, весьма сходный съ тѣмъ, который произвелъ въ дѣйствительности настоящія числительныя слова, один ъ, два, три, и т. д., въ различныхъ языкахъ міра. Слѣдующее мѣсто, въ которомъ онъ, слишкомъ тридцать лѣтъ тому назадъ, изложилъ свой взглядъ, по моему мнѣнію, содержитъ почти настоящій ключъ къ теоріи числительныхъ словъ. „Если мы примемъ во вниманіе происхожденіе настоящихъ числительныхъ, процессъ ихъ образованія является, очевидно, тѣмъ же самымъ, какъ и описанный здѣсь. Послѣдній есть не что иное, какъ дальнѣйшее распространеніе перваго. Если 5 выражается, какъ въ различныхъ языкахъ малайскаго семейства, словомъ „рука“ (lima), это совершенно однородно съ тѣмъ, когда при описаніи чиселъ словами, 2 обозначается „крыломъ“. Безспорно, въ корнѣ всѣхъ числительныхъ лежатъ подобныя метафоры, хотя теперь ихъ не всегда

[1]) Sir W. Jones въ «As. Res.» vol. II, 1790, p. 296; E. Jacquet въ «Nouv. Journ. Asiat.» 1835; W. v. Humboldt, «Kawi-Spr.» vol. I, p. 19. Эта система запоминанія чиселъ и пр. распространена до Тибета и Индійскаго Архипелага. Многіе важные пункты Восточной хронологіи зависятъ отъ такихъ формулъ. Къ сожалѣнію, значеніе ихъ болѣе или менѣе затемнено неопредѣленностью словъ, употребляемыхъ для означенія чиселъ.

можно прослѣдить. Но, повидимому, люди рано почувствовали, что увеличеніе такихъ знаковъ для одного и того же числа излишне, слишкомъ неудобно и ведетъ къ недоразумѣніямъ“. Поэтому, продолжаетъ онъ, синонимы числительныхъ весьма рѣдки. И у народовъ съ глубокимъ чутьемъ языка, скоро должно было явиться чувство, хотя, быть можетъ, и не развившееся до яснаго сознанія, что лучше дать исчезнуть первичному этимологическому и описательному значенію числительныхъ, такъ чтобы сами числительные стали просто условными терминами.

Наиболѣе поучительное свидѣтельство, найденное мною относительно непальцевого образованія числительныхъ среди низшихъ расъ, является въ употребленіи на обѣихъ сторонахъ земного шара того, что̀ можетъ быть названо числительными именами для обозначенія дѣтей. Въ Австраліи наблюдается весьма любопытное обстоятельство. При всей бѣдности туземнаго языка относительно числительныхъ, что̀ уже видно по употребленію 3 въ смыслѣ „многіе“, туземцы области Аделаиды для собственныхъ потребностей ушли далеко за этотъ узкій предѣлъ и имѣютъ въ полномъ смыслѣ спеціальную числовую систему, простирающуюся, можетъ быть, до девяти. Они даютъ своимъ дѣтямъ опредѣленныя имена по порядку возраста, которыя записаны Эйромъ слѣдующимъ образомъ: 1) Kertameru; 2) Warritya; 3) Kudnutya; 4) Monaitya; 5) Milaitya; 6) Marrutya; 7) Wangutya; 8) Ngarlaitya; 9) Pouarna. Это мужскія имена, отъ которыхъ женскія отличаются окончаніемъ. Они даются при рожденіи; болѣе отличительныя названія избираются вскорѣ послѣ того [1]). Интересно, что нѣсколько сходный съ этимъ обычай является у малайцевъ, которые въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ разсказываютъ, употребляютъ рядъ семи именъ по порядку возраста, начиная съ 1) Sulung („старшій“); 2) Awang („другъ, товарищъ“), и оканчивая Kechil („малютка“) или Bongsu („младшій“). Это для сыновей; женскія имена имѣютъ приставку Meh, а для практическаго различенія употребляются прозвища [2]). На Мадагаскарѣ, связь съ малайцами обнаруживается сама собой въ существованіи подобнаго же рода названій, даваемыхъ дѣтямъ вмѣсто собственныхъ именъ, которыя, однакоже, часто замѣщали ихъ въ позднѣйшіе

[1]) Eyre, «Australia», vol. II, p. 324; Schürmann, «Vocab. of Parnkalla Lang.» даетъ отчасти соотвѣтственныя тому формы.

[2]) «Journ. Ind. Archip.» New. Ser. vol. II, 1858, p. 118: [Sulong, Awang, Itam («черный»), Puteh («бѣлый»), Allang, Pendeh, Kechil или Bongsu]; Bastian, «Oestl. Asien.», vol. II, p. 494. Подробности не полны и, кажется, не вполнѣ точны.

годы. Мужскія: Lahimatoa („первый сынъ"), Lah-ivo („средній сынъ"), Ra-fara-lahy („младшій сынъ"). Женскія: Ramatoa („старшая дочь"), Ra-ivo („средняя"), Ra-fara-vavy („младшая дочь")[1]).

Что касается числительныхъ въ обыкновенномъ значеніи, Полинезія представляетъ замѣчательные случаи новообразованія. Кромѣ хорошо извѣстной системы числительныхъ словъ, господствующей въ Полинезіи, по временамъ тамъ являлись еще исключительные термины. Такъ обычай измѣнять слова, звучащія слишкомъ сходно съ именемъ короля, побуждалъ отаитянъ, вслѣдствіе появленія новыхъ вождей, изобрѣтать различныя новыя слова для чиселъ. Такимъ образомъ, нуждаясь въ новомъ терминѣ для 2 вмѣсто обыкновеннаго rua, они по очевиднымъ причинамъ выбрали слово piti, „вмѣстѣ", и сдѣлали его числительнымъ, а выраженіе 5 словомъ rima, „рука", которое нужно было вывести изъ употребленія, замѣнили словомъ pae, „часть, раздѣленіе", подразумѣвая, вѣроятно, раздѣленіе двухъ рукъ. Слова, подобныя этимъ, введенныя въ Полинезіи изъ церемоніальныхъ причинъ, снова покидаются, и старыя возстановляются, по прекращеніи причины ихъ временнаго упраздненія; впрочемъ, новыя 2 и 5, piti и pae, такъ положительно стали настоящими числительными, что встрѣчаются вмѣсто rua и rima въ таитскомъ переводѣ Евангенія св. Іоанна, сдѣланномъ въ то время. Далѣе, различные особые пріемы счета на островахъ Тихаго океана также оказывали вліяніе на языкъ. Маркизцы, считая рыбу или плоды по одному въ каждой рукѣ, пришли къ системѣ счета парами вмѣсто единицъ. Они начинаютъ съ tauna, „пара", которое такимъ образомъ становится числительнымъ, эквивалентнымъ 2; затѣмъ они продолжаютъ считать парами, такъ что, говоря takau, или 10, они въ дѣйствительности подразумѣваютъ 10 паръ, или 20. Относительно плодовъ хлѣбнаго дерева, вслѣдствіе обыкновенія связывать ихъ въ пучки по четыре, они начинаютъ съ слова pona, „узелъ, пучокъ", которое становится такимъ образомъ настоящимъ числительнымъ для 4, и далѣе продолжаютъ считать также пучками, такъ что, говоря takau, или 10, они подразумѣваютъ 10 связокъ, или 40. Производимая этимъ въ полинезійскихъ словаряхъ филологическая мистификація необычайна; въ таитскомъ языкѣ и др., rau и mano, означающія собственно 100 и 1.000, стали означать

[1]) Ellis, «Madagascar», vol I, p. 154. Также, Andriampaivo, или Lahi-Zandrina, для послѣдняго сына; Andrianivo для средняго. Малагазское lahy, «мужчина» = малайскому laki; малагазское vavy, «женщина» = тонганскому fafine, маорискому wahine, «женщина», ср. малайское bâtina, «женщина».

200 и 2.000, тогда какъ въ гавайскомъ вторичное удвоеніе ихъ значенія дѣлаетъ ихъ равными 400 и 4.000. Кромѣ того, въ Полинезіи въ языкѣ Тонга и Маори возможно, кажется, прослѣдить превращеніе соотвѣтственныхъ названій предметовъ еще далѣе въ словѣ tekau, 10, которое было прежде, повидимому, названіемъ „связки", или „пучка", употребляемыхъ при счетѣ ямса и рыбы, такъ же какъ въ tefuhi, 100, производномъ отъ fuhi, „вязанка, связка"[1]).

Въ Африкѣ также можно отмѣтить особыя числительныя образованія. На языкѣ іорубовъ 40 называется ogodzi, „связка", такъ какъ каури связываются по сорока, а 200—igba, „куча", означая опять кучу каури. У дагомейцевъ подобнымъ же образомъ 40 каури составляютъ kade, или „связку", 50 связокъ—одно afo, или „голову", и эти слова стали числительными для 40 и 2.000. Когда дагомейскій король напалъ на Абеокуту, разсказывается, что онъ былъ отбитъ съ тяжелымъ урономъ „двухъ головъ, двадцати связокъ и двадцати каури" людей, т.-е. 4.820[2]).

У цивилизованныхъ народовъ, въ языкахъ которыхъ большею частью поддерживается крѣпкая связь съ условными и непонятными числительными ихъ предковъ, точно также можно часто найти другіе термины, которые на практикѣ уже стали числительными и могли бы сразу стать на признанное мѣсто послѣднихъ, если бы при какомъ-нибудь случаѣ для нихъ открылась брешь въ традиціонной серіи. Если бы напримѣръ, у насъ было мѣсто для новаго слова взамѣнъ двухъ, его можно было бы сейчасъ замѣстить или „парою" (pair, лат. par, „равный"), или „четою" („couple", лат. copula, „связка"). Вмѣсто twenty (двадцать) послужило бы замѣною, подходящее англійское слово score, „зарубка" („notch"), тогда какъ нѣмецкій языкъ для той же цѣли можетъ употреблять stiege, вѣроятно, первоначально означавшее „стойло, полное скота, хлѣвъ"; древне-скандинавское drôtt, „компанія", датское, snees. Списокъ такихъ употребительныхъ словъ, но грамматически не присоединяемыхъ къ числительнымъ, въ европейскихъ языкахъ представляетъ большое разнообразіе; примѣры того: древне-скандинавское flockr (англ. flock, клокъ), 5; sveit, 6; drôtt (партія), 20; thiodh (народъ), 30; fölk (народъ), 40; öld (народъ), 80; her (войско), 100; шлезвиг-

[1]) H. Hale, «Ethnography and Philology», vol. VI, of Wilkes, U. S. Exploring Exp., Philadelphia, 1846, p. 172, 289. (N. B. Обычныя изданія не содержатъ этого важнаго тома).

[2]) Bowen, «Gr. and Dic. of Yoruba». Burton въ «Mem. Anthrop. Soc.», vol. I, p. 314.

*

ское, schilk, 12 (откуда будто бы произошло англ. „schilling", шиллингъ); средне-верхне-германское, rotte, 4; ново-верхне-германское, mandel, 15; schock (снопъ), 60. Летты представляютъ любопытные случаи, параллельные только что приведеннымъ полинезійскимъ. При счетѣ раковъ и мелкой рыбы они бросаютъ ихъ по три, и потому слово mettens, „бросаніе", получило значеніе 3; камбала же вяжется партіями въ тридцать штукъ, и слово kahlis, „веревка", получило значеніе этого числа [1]).

Производство числительныхъ отъ чисто описательныхъ словъ двумя другими путями можетъ быть наблюдаемо какъ у низшихъ, такъ и у высшихъ расъ. Галласы не имѣютъ дробныхъ числительныхъ, но замѣняютъ ихъ эквивалентными терминами, относящимися къ раздѣленію плитокъ соли, которыми они пользуются, какъ деньгами. Такъ tchabnana, „сломанный кусокъ" (отъ tchaba, „ломать", соотвѣтствуетъ англійскому „a fraction", рус. „доля"), получаетъ значеніе половины; этотъ терминъ можно сравнить съ лат. dimidium, франц. demi. Порядковыя числительныя происходятъ обыкновенно отъ количественныхъ, какъ третій, четвертый, пятый отъ три, четыре, пять. Но у нѣкоторыхъ, весьма низко стоящихъ племенъ, можно ясно видѣть независимое образованіе, нисколько не связанное съ условною системою уже существующихъ числительныхъ. Такъ гренландцы не дѣлаютъ изъ своего „одинъ" порядковаго числительнаго „первый", но называютъ его sujugdlek, „передній", равно какъ и изъ „двухъ" не дѣлаютъ „второго", но называютъ его aipà, „его товарищъ", и только начиная съ „третьяго" производятъ порядковыя числительныя отъ количественныхъ, такъ pingajuat отъ pingasut, 3. Также, въ индо-европейскихъ языкахъ, порядковое prathamas, πρῶτος, primus, first (первый), не имѣетъ никакой связи съ количественнымъ „одинъ", но съ предлогомъ pra, „впереди", означая просто „передній", и хотя греки и нѣмцы называютъ слѣдующее порядкое δεύτερος, zweite, отъ δύο, zwei, англичане называютъ его second, римляне—secundus, „слѣдующій" (sequi), также описательнымъ осмысленнымъ словомъ.

Позволивъ себѣ на минуту смѣшать дѣйствительно существующее съ тѣмъ, что могло бы быть, мы увидимъ, насколько безгранична область развитія, возможнаго для числительныхъ, вслѣдствіе одного только усвоенія названій знакомыхъ предметовъ. Слѣдуя примѣру шлезвигцевъ, англичане могли бы слово schilling (англ. монета, двѣнадцать

[1]) См. Pott, «Zählmethode», pp. 78, 99, 124, 161; Grimm, «Deutsche Rechtsalterthümer», Кар. V.

пенсовъ) сдѣлать числительнымъ для 12, а 4 выражать словомъ groat (старая 4-хъ-пенсовая монета), week (недѣля) доставило бы имъ названіе для 7, а clover (клеверъ, трилистникъ) для 3. Но этотъ простой описательный методъ не есть единственно пригодный для составленія числительныхъ. Съ той минуты, какъ какой-либо рядъ названій помѣстился въ нашемъ умѣ въ правильномъ порядкѣ, онъ становится счетною машиною. Я читалъ, что одну маленькую дѣвочку заставили считать карты, и она считала ихъ такъ: январь, февраль, мартъ, апрѣль. Она могла бы, конечно, считать ихъ: понедѣльникъ, вторникъ, среда. Интересно встрѣтить случай, относящійся къ той же категоріи, въ языкѣ взрослыхъ людей. Извѣстно, что численное значеніе еврейскихъ буквъ опредѣляется ихъ мѣстомъ въ алфавитѣ, послѣдовательность котораго зависѣла отъ причинъ, едва ли имѣвшихъ какое-либо отношеніе къ ариѳметикѣ. Греческій алфавитъ есть видоизмѣненный семитическій; но вмѣсто того, чтобы согласовать численное значеніе буквъ съ новымъ алфавитнымъ порядкомъ, греки считали α, β, γ, δ, ε, т. е. 1, 2, 3, 4, 5, затѣмъ ставили ϛ для 6, и такимъ образомъ ι должно было означать 10, какъ въ еврейскомъ языкѣ, гдѣ оно дѣйствительно составляетъ десятую букву. Послѣ этого условнаго распредѣленія буквъ, очевидно, что грекъ, которому надобно было бы опустить правильныя числительныя 1, 2, 3— εἷς, δύο, τρεῖς, могъ бы замѣнить ихъ прямо названіями соотвѣтственныхъ буквъ, называя 1 alpha, 2 bēta, 3 gamma, и т. д. Это дѣйствительно и случилось; замѣчательный вульгарный языкъ въ Албаніи, греческій, по своему строенію, хотя и наполненный заимствованными и темными словами, метафорами и эпитетами, понятными только для посвященныхъ, обладаетъ для обозначенія „четырехъ" и „десяти" словами δέλτα и ἰῶτα [1]).

Поддерживая значеніе такихъ свидѣтельствъ для выясненія общихъ принциповъ образованія числительныхъ, я не нашелъ ихъ, однако, удобными для этимологическаго изслѣдованія настоящихъ числительныхъ всѣхъ языковъ, исключая уже разсмотрѣнную ясно опредѣленную систему пальцевыхъ числительныхъ у низшихъ разъ. Быть можетъ, въ языкахъ низшихъ расъ находятся еще другіе остатки этимологіи числительныхъ, связывающіе между собою идеи, сообразно которымъ они были избраны для ариѳметическихъ цѣлей, но такіе остатки, повидимому, скудны и неясны [2]). Можетъ быть, также въ нашихъ индо-евро-

[1]) Francisque-Michel, «Argot», p. 483.

[2]) Изъ этого рода указаній слѣдующія заслуживаютъ вниманія:—Dobrishoffer, «Abipones», vol. II, p. 169, приводитъ geyenkñatè, «страусовы пальцы», какъ числительное для 4, такъ какъ страусъ имѣетъ три пальца, обращенные впередъ, и

пейскихъ языкахъ, въ еврейскомъ, арабскомъ и китайскомъ существуютъ еще слѣды развитія числительныхъ изъ описательныхъ словъ. Такія этимологіи были предметами изслѣдованія [1]), и онѣ оказываются совмѣстимыми съ тѣмъ, что извѣстно о началахъ, по которымъ въ дѣйствительности образуются числительныя или quasi-числительныя. Но, насколько я могъ изслѣдовать эти доказательства, всѣ относящіеся сюда случаи представляются столь филологически сомнительными, что я не могу воспользоваться ими для подкрѣпленія нашей теоріи, и полагаю, на самомъ дѣлѣ, что если имъ удастся установиться, тогда скорѣе теорія поддержитъ ихъ, нежели наоборотъ. Это обстоятельство, однако, вполнѣ согласно съ принятымъ здѣсь взглядомъ, что если слово однажды употреблено какъ числительное, и нужно съ той поры, какъ простой символъ, въ интересѣ самаго языка становится выгоднымъ дать ему превратиться въ безсмысленное, повидимому, слово, потерявшее всѣ слѣды первоначальной этимологіи.

Такимъ образомъ, этимологическое изслѣдованіе происхожденія числительныхъ словъ едва ли выходитъ за предѣлы указанія въ языкахъ низшей культуры частыхъ примѣровъ пальцевыхъ числительныхъ, словъ, взятыхъ изъ прямого описанія числительныхъ пріемовъ по пальцамъ рукъ и ногъ. Сверхъ того, можно воспользоваться еще другимъ сильнымъ аргументомъ, обнимающимъ на самомъ дѣлѣ почти всю об-

одинъ назадъ, и neènhalek, «пяти-цвѣтная пятнистая шкура», какъ числительное 5. D'Orbigny, «L'Homme Americain», vol. II, p. 163, замѣчаетъ: Les Chiquitos ne savent compter que jusqu'à un (t a m a), n'ayant plus ensuite que des termes de comparaison. Kölle, «Gr. of Vei Lang.», замѣчаетъ, что féra означаетъ и «съ», и 2, и думаетъ, что «съ» — первичное значеніе его (ср. таитское p i t i, «вмѣстѣ», откуда 2). Кечуаскія c h u n c u, «куча», и c h u n c a, 10, можетъ быть, находятся въ связи. Также ацтекскіе c e, 1, c e n-t l i, зерно. О возможномъ происхожденіи 2 отъ руки, и пр. особенно готтентотское t'koam, «рука, 2», см. Pott, «Zählmethode» p. 29.

[1]) См. Farrar, «Chapters on Language», p. 223. Benloew, «Recherches sur l'Origine des Noms de Nombre»; Pictet, «Origines Indo-Europ.» part. II, ch. II; Pott, «Zählmethode», p. 128, и пр.; видимо правдоподобное сравненіе А. фонъ-Гумбольдта санскр. p a n c h a, 5, и перс. p e n j e h, «ладонь съ распростертыми пальцами, расправленная лапа птицы», какъ будто 5 названо p a n c h a по сходству съ рукою, ошибочно. Перс. p e n j e h само происходитъ отъ числительнаго 5, какъ и въ санскр. рука называется p a n c h a - ç â k h a, «пяти-вѣтвистая». Точно такое же строеніе оказывается въ англійскомъ вульгарномъ языкѣ, гдѣ рука человѣка называется «fives» (пятерня), или «bunch of fives» (пучокъ изъ пяти); оттуда названіе игры въ пятки (game of fives), въ которой шаръ подбрасывается открытою рукою, и этотъ терминъ проникъ изъ вульгарнаго языка въ общепринятый. Бертонъ описываетъ, какъ вѣжливый арабъ за обѣдомъ обратилъ вниманіе своего товарища на застрявшее въ бородѣ послѣдняго рисовое зерно. «Газель въ саду», сказалъ онъ, улыбаясь. «Мы поохотимся на нее пятернею (f i v e)», было отвѣтомъ.

ласть этой задачи. Числительныя системы всего міра, по дѣйствительнымъ схемамъ своего расположенія, распространяютъ и подкрѣпляютъ воззрѣніе, что счетъ по пальцамъ рукъ и ногъ былъ первоначальнымъ методомъ счисленія у человѣка, принятымъ и выраженнымъ въ языкѣ. Считать пальцы одной руки до 5, а затѣмъ переходить къ другой рукѣ, есть счетъ пятками, или, какъ говорится, пятерной, квинарный счетъ. Счетъ помощью обѣихъ рукъ до 10 и далѣе десятками есть десятичный, или децимальный счетъ. Считать по рукамъ и ногамъ до 20, и затѣмъ продолжать двойными десятками, есть счетъ двудесятичный, или вигезимальный. Теперь, хотя въ большей части извѣстныхъ языковъ въ самыхъ числительныхъ не замѣчается прямого обращенія къ ручнымъ и ножнымъ пальцамъ, къ рукамъ и ногамъ, но самыя схемы пятеричнаго, десятичнаго и двудесятичнаго счета остаются въ видѣ свидѣтельства, что подобный ручной и ножной счетъ былъ ихъ первоначальнымъ основнымъ методомъ. Несомнѣнно, повидимому, что число ручныхъ пальцевъ повело къ принятію не исключительно пригоднаго для того числа 10 за предѣлъ счисленія, и такимъ образомъ десятичная ариѳметика основана на анатоміи человѣка. Это настолько очевидно, что является весьма любопытнымъ, какимъ образомъ Овидій въ своихъ извѣстныхъ стихахъ сопоставляетъ эти два факта, не замѣчая, что второй вытекаетъ изъ перваго:

„Annus erat, decimum cum luna receperat orbem.
Hic numerus magno tunc in honore fuit.
Seu quia tot digiti, per quos numerare solemus:
Seu quia bis quino femina mense parit:
Seu quod adusque decem numero crescente venitur,
Principium spatiis sumitur inde novis" [1]).

Изслѣдованіе языковъ всего міра показало вообще, что у племенъ и народовъ, подвинувшихся въ ариѳметикѣ настолько, чтобы счесть до пяти словами, преобладаетъ, едва ли съ какимъ-нибудь исключеніемъ, методъ, основанный на ручномъ счетѣ, пятеричный, десятичный или двудесятичный, или комбинаціи ихъ. Полные примѣры пятеричнаго метода представляетъ полинезійская система, идущая въ такомъ по-

[1]) Годъ завершался тогда десятой луны исполненьемъ.
Это и было число въ высшей у древнихъ чести.
Въ знакъ ли перстовъ десяти, привычнаго счета порядка,
Или что женскихъ родовъ мѣсяцъ десятый пора,
Иль что въ счисленьи дойдя, возрастая, до цифры десятой,
Снова мы начинать счетъ съ единицы должны.
Ovid. Fast. III, 121.

рядкѣ 1, 2, 3, 4, 5·1, 5·2, и пр., или меланезійская система: 1, 2, 3, 4, 5, 2-й 1, 2-е 2, и пр. Переходъ пятеричнаго метода въ десятичный хорошо выраженъ въ фулахской системѣ: 1...5,5·1...10, 10·1... 10·5, 10·5·1...20, ...30, ...40, и пр. Примѣромъ чистаго десятичнаго метода можно взять еврейскій порядокъ 1, 2... 10, 10·1...20, 20·1... и пр. Чистый двудесятичный методъ не употребителенъ, по очевидной причинѣ неудобства ряда двадцати независимыхъ числительныхъ, но онъ пользуется пятеричнымъ методомъ, какъ въ счетѣ ацтековъ, который можетъ быть разложенъ такъ: 1, 2...5, 5·1...10, 10·1...10·5, 10·5·1...20, 20·1...20·10, 20·10·1...40, и пр., или десятичнымъ, какъ у басковъ: 1...10, 10·1...20, 20·1...20·10, 20·10·1...40, и пр. [1]). Здѣсь едва ли нужно приводить множество лингвистическихъ подробностей, потребныхъ для общаго доказательства этихъ принциповъ счисленія у различныхъ расъ міра. Проф. Поттъ, въ Галле, обработалъ этотъ предметъ, на основаніи точныхъ филологическихъ данныхъ, въ спеціальной монографіи [2]), которая составляетъ такимъ образомъ самое обширное собраніе подробностей, относящихся къ числительнымъ, необходимое для ученыхъ, занимающихся такими изслѣдованіями. Для настоящей цѣли достаточно приблизительнаго общаго указанія, что пятерная система часто встрѣчается у низшихъ расъ, у которыхъ значительно развита также и двудесятичная система, но стремленіемъ высшихъ народовъ было избѣгать первой, какъ слишкомъ скудной, а второй, какъ слишкомъ сложной, и употреблять среднюю десятичную систему. Эти различія у разныхъ племенъ и народовъ не ослабляютъ, но скорѣе подтверждаютъ общій принципъ, составляющій ихъ общую причину, что человѣкъ научился первоначально считать по своимъ пальцамъ рукъ и ногъ, и различными путями закрѣпилъ въ языкѣ результаты этого первобытнаго метода.

Нѣсколько интересныхъ положеній, по отношенію къ этимъ системамъ, можетъ быть указано и въ Европѣ. Было замѣчено, что одинъ глухонѣмой мальчикъ, Оливеръ Кезуелль, научился считать по пальцамъ до 50, но при счетѣ всегда „пятерилъ", напр., 18 предметовъ составляло у него „обѣ руки, одна рука, три пальца" [3]). Предполагали также, что употребленіе у грековъ слова πεμπάζειν, „пятерить", въ видѣ счетнаго выраженія, есть слѣдъ грубой древней пятерной нумераціи (ср. финское lokket, „считать", отъ lokke, „десять"). Извѣстно, что римскія числительныя I, II,...V, VI...X, XI...XV, XVI, и пр., представляютъ замѣчательно ясно выраженную письменную пятерную систему. Остатки двудесятичнаго счета еще поучительнѣе. Счетъ по двадцати есть выдающаяся характеристическая черта кельтовъ. Неудобный двудесятичный счетъ едва ли бы могъ быть яснѣе выраженъ у любой дикой расы, чѣмъ въ такихъ примѣрахъ, какъ гаэльское aon deug is da fhicheal, „одинъ, десять и два раза двадцать", т.-е. 51; или валлійское unarbymtheg ar ugain, „одинъ и пятнадцать сверхъ двадцати", т.-е. 36; или бретонское unnek ha tri-ugent, „одиннадцать и три раза двадцать", т.-е. 71. Теперь французскій языкъ, будучи романскимъ, имѣетъ правильную систему латинскихъ десятковъ до 100: cinquante, soixante, septante, huitante, nonante, употребляемыя еще до сихъ поръ въ предѣлахъ французскаго языка, какъ, напр., въ Бельгіи. Тѣмъ не менѣе, неуклюжая двудесятичная система проникла во французскую десятичную. Septante почти вышло изъ употребленія: такъ обыкновенно говорятъ soixante quatorze, 74; quatre-vingts вполнѣ замѣстило 80 и распространяется въ девятидесятыя числа, какъ quatre-vingt-treize, 93; въ числахъ высшихъ 100 мы находимъ six-vingts, sept-vingts, huit-vingts, для 120, 140, 160, и извѣстный госпиталь Les Quinze vingts получилъ это названіе по 300 больныхъ, помѣщающихся въ немъ. Самое разумное объясненіе этого любопытнаго явленія заключается, быть можетъ, въ предположеніи, что во Франціи удержалась болѣе древняя кельтическая система, измѣнивъ позднѣйшую французскую по своему болѣе грубому образцу. Въ Англіи, англосаксонская нумерація есть десятичная, hund-seofontig, 70; hund-eahtatig, 80; hund-nigontig, 90; hund-teontig, 100; hund-enlufontig, 110; hund-twelftig, 120. И здѣсь также, вѣроятно, можетъ быть объяснено переживаніемъ кельтической системы то обстоятельство, что двудесятичный счетъ по „score'амъ" (двадцаткамъ), threescore and ten, 70, fourscore and thirteen, 93, и пр., занялъ въ англійскомъ счетѣ мѣсто, еще и до сихъ поръ имъ не вполнѣ утраченное [1]).

[1]) Представляемъ въ видѣ примѣра самыя названія числительныхъ двухъ пятковыхъ серій. Triton's Bay, 1, samosi; 2, roëeti; 3, touwroe; 4, faat; 5, rimi; 6, rim-samos; 7, rim-roëeti; 8, rim-touwroe; 9, rim-faat; 10, woetsja. Lifu, 1, pacha; 2, lo; 3, kun; 4, thack; 5, thabumb; 6, lo-acha; 7, lo-a-lo; 8, lo-kunn; 9, lo-thack; 10, te-bennete.

[2]) A. F. Pott, «Die Quinäre und Vigesimale Zählmethode bei Völkern aller Welttheile, Halle, 1847; дополненіе въ «Festgabe zur XXV. Versammlung Deutscher Philologen, etc., in Halle» (1867).

[3]) «Account of Laura Bridgman», London, 1845, p. 159.

[1]) Ср. раджмахальскія племена, усвоившія индусскія числительныя, но считающія по двадцати. Shaw, l. c. Употребленіе «score», какъ неопредѣленнаго числа въ Англіи, и подобнымъ же образомъ 20 во Франціи, 40 въ еврейскомъ языкѣ Стараго Завѣта и арабскомъ Тысячи и одной ночи, есть, быть можетъ, также слѣдъ древняго вигезимальнаго счисленія.

Нѣкоторыя, даже самыя мелкія детали счисленія могутъ заключать въ себѣ этнологическія указанія. У грубыхъ племенъ съ скуднымъ рядомъ числительныхъ вскорѣ является необходимость обратиться къ комбинаціямъ для составленія новыхъ чиселъ. У австралійскихъ племенъ помощью сложенія получается „два-одинъ", „два-два", для выраженія 3 и 4; въ языкѣ Гуачи (Guachi) „два-два" значитъ 4; въ языкѣ Санъ-Антоніо „четыре и два-одинъ"—7. Способъ образованія числительныхъ вычитаніемъ извѣстенъ въ Сѣверной Америкѣ, и ясно выраженъ въ айноскомъ языкѣ въ Іессо, гдѣ слова 8 и 9 очевидно значатъ „два изъ десяти", „одинъ изъ десяти". Мы находимъ также и умноженіе въ языкѣ Санъ-Антоніо, „два-и-одинъ-два", и въ нарѣчіи Тупи два-три", означающихъ 6. Дѣленіе, повидимому, не употребляется для такихъ цѣлей у низшихъ расъ, и только въ видѣ исключенія у высшихъ. Такого рода факты показываютъ разнообразіе изобрѣтательности у человѣка и независимость въ образованіи языка. Въ то же время они согласуются съ общими началами ручного счета. Слѣды того, что можно назвать парнымъ, тройнымъ, четвернымъ, шестернымъ счисленіемъ, основаннымъ на 2, 3, 4, 6, представляютъ только видоизмѣненія, ведущія или переходящія въ пятерной и десятичный методы.

Контрастъ между образованнымъ европейцемъ, съ его умѣньемъ безъ труда пользоваться безграничнымъ рядомъ чиселъ, и тасманійцемъ, считающимъ 3, или вообще все превышающее 2, за „многое", и старающимся помощью всей руки достигнуть предѣловъ „человѣка", т.-е. 5, можетъ показаться поразительнымъ. Этотъ контрастъ происходитъ отъ остановки въ развитіи дикаря, умъ котораго остается въ дѣтскомъ состояніи, замѣчательно ясно представленномъ въ слѣдующемъ англійскомъ дѣтскомъ стихотворномъ счисленіи.

„One's none,
Two's some,
Three's a many,
Four's a penny,
Five's a little hundred" [1]).

Отмѣчая подобное обстоятельство у дикарей и дѣтей, мы приходимъ къ интереснымъ вопросамъ, касающимся исторіи первобытной грамматики. В. фонъ-Гумбольдтъ обратилъ вниманіе на аналогію между

[1]) Одинъ—ничто,
Два—нѣчто,
Три—много,
Четыре есть пенни,
Пять—маленькая сотня.

значеніемъ у дикарей 3, въ смыслѣ „многіе", и грамматическимъ употребленіемъ 3 для образованія особаго рода превосходной степени, въ формахъ, обыкновенными примѣрами которыхъ могутъ служить „trismegistus", „ter felix", „thrice blest" (трижды блаженный). Отношеніе единственнаго, двойственнаго и множественнаго чиселъ ясно выражено графически въ египетскихъ іероглифахъ, гдѣ рисунокъ какого-либо предмета, напримѣръ, лошади, бываетъ отмѣченъ одною линіею |, когда подразумѣвается только одинъ предметъ, двумя линіями ||, если подразумѣвается два, и тремя линіями |||, если подразумѣвается три или неопредѣленно большое число. Схема грамматическаго числа въ нѣкоторыхъ изъ наиболѣе древнихъ и важныхъ языковъ міра основана на томъ же первобытномъ началѣ. Египетскій, арабскій, еврейскій, санскритскій, греческій и готскій языки представляютъ примѣры языковъ, употребляющихъ единственное, двойственное и множественное числа; но стремленіемъ высшей интеллектуальной культуры было устранить столь неудобное и безполезное распредѣленіе, различая только единственное и множественное. Двойственное число, безъ сомнѣнія, держалось въ силу унаслѣдованія отъ какого-либо древняго періода культуры, и, повидимому, д-ръ Д. Вильсонъ полагаетъ совершенно справедливо, что „оно сохраняетъ намъ воспоминаніе о томъ состояніи мысли, когда все высшее двухъ было понятіемъ неопредѣленнаго количества" [1]).

Когда двѣ расы различныхъ уровней культуры приходятъ въ соприкосновеніе, тогда болѣе грубый народъ усвоиваетъ новыя искусства и знанія, но въ то же самое время его собственная культура обыкновенно останавливается и даже уничтожается. То же бываетъ и съ искусствомъ счисленія. Намъ не трудно было бы доказать, что и низшая раса на самомъ дѣлѣ значительно и независимо подвигалась впередъ въ этомъ отношеніи, но когда являлась высшая раса со своимъ удобнымъ и безграничнымъ способомъ не только наименованія всѣхъ воображаемыхъ чиселъ, но и ихъ письма и счисленія, при помощи немногихъ простыхъ знаковъ, какіе же шансы могли оставаться для дальнѣйшаго развитія неуклюжаго метода дикаря? Говоря о путяхъ, которыми числительныя высшей расы прививаются къ языку низшей, можно привести описаніе капитана Гранта—какимъ образомъ туземные невольники экваторіальной Африки въ часы досуга занимаются заучиваніемъ числительныхъ своихъ хозяевъ-арабовъ [2]). Разсказъ о. Добрицгоффера о счетныхъ отношеніяхъ между бразильскими туземцами и іезуитами представляетъ

[1]) D. Wilson, «Prehistoric Man», p. 616.
[2]) Grant въ «Tr. Eth. Soc.», vol. III, p. 90.

удачный примѣръ интеллектуальнаго соприкосновенія между дикарями и миссіонерами. Гуараны, кажется, считали помощью своихъ туземныхъ числительныхъ до 4, и затѣмъ говорили „безчисленный“. „Но такъ какъ счисленіе имѣетъ многоразличное примѣненіе въ частной жизни, и кромѣ того необходимо для познанія Св. Писанія, то индѣйцевъ ежедневно учили въ церкви при публичной катехизаціи считать по-испански. По воскресеньямъ весь народъ имѣлъ обыкновеніе громкимъ голосомъ считать по-испански, отъ 1 до 1.000“. Миссіонеръ, правда, не находилъ, чтобы туземцы употребляли выученныя такимъ образомъ числа особенно точно — „Мы мыли негра“, говоритъ онъ по этому поводу [1]). Если же, однако, мы разсмотримъ современные словари дикихъ или низшихъ варварскихъ племенъ, то найдемъ интересныя доказательства того, насколько сильно было въ этомъ случаѣ вліяніе высшей цивилизаціи на низшую. Насколько болѣе грубая система полна и достаточно удобна, она можетъ сохраниться, но тамъ, гдѣ она прерывается или становится неудовлетворительною, и даже еще раньше, мы можемъ видѣть, что болѣе искусный чужеземецъ овладѣваетъ ею и дополняетъ или замѣняетъ скудныя числительныя низшей расы своими собственными. Высшей расѣ, достаточно развитой, чтобы дѣйствовать такимъ образомъ на низшую, нѣтъ необходимости стоять самой на крайне высокомъ уровнѣ. Маркгэмъ замѣчаетъ, что живары (Jivaras) на Мараньонѣ, имѣющіе собственныя числительныя до 5, для высшихъ чиселъ употребляютъ числительныя Кечуа, языка перуанскихъ инковъ [2]). Весьма поучительны случаи, наблюдаемые у туземцевъ Индіи. Конды считаютъ 1 и 2 туземными словами, далѣе же переходятъ къ заимствованнымъ индусскимъ числительнымъ. Ораонскія племена, хотя и принадлежащія къ дравидійской расѣ и сообразно съ тѣмъ имѣвшія рядъ собственныхъ числительныхъ, не употребляли ихъ выше 4-хъ, и даже 2-хъ, и замѣнили ихъ индусскими [3]). Южно-американскіе канибосы (Canibos) считаютъ 1 и 2 на своемъ нарѣчіи, и затѣмъ заимствуютъ испанскія числительныя; точно также бразильское нарѣчіе семейства Тупи утратило въ послѣднее столѣтіе туземное 5, и остановилось въ употребленіи древнихъ туземныхъ числительныхъ на 3, продолжая далѣе по-португальски [4]). Въ Меланезіи, аннатомскій языкъ можетъ счесть

[1]) Dobrizhoffer, «Gesch. der Abiponer», p. 205; Eng. Trans. vol. II, p. 171.
[2]) Markham въ «Tr. Eth. Soc.», vol. III, p. 166.
[3]) Latham, «Comp. Phil.» p. 186; Shaw въ «As. Res.», vol. IV, p. 96; «Journ. As. Soc. Bengal» 1866, part. II, pp. 27, 204, 251.
[4]) St. Cricq въ «Bull. de la Soc. de Geogr.» 1853, p. 286; Pott «Zählmethode», p. 7.

своими собственными числительными только до 5, далѣе же заимствованными англійскими, siks, seven, eet, nain, и пр. На нѣкоторыхъ полинезійскихъ островахъ, хотя туземныя числительныя и достаточно обширны, но неудобство счета парами и четверками одновременно съ единицами побудило туземцевъ избѣжать этой запутанности принятіемъ словъ huneri и tausani [1]). И хотя эскимосъ, считающій по рукамъ, ногамъ и цѣлымъ людямъ, въ состояніи выражать большія числа, но такой способъ неудобенъ даже, когда дѣло идетъ о двадцати; и потому гренландцы предпочли занять untrite и tusinte у своихъ датскихъ учителей. Сходство числительныхъ двухъ языковъ составляетъ обстоятельство, которому филологи придаютъ большую и заслуженную важность въ вопросѣ о томъ, произошли ли эти языки изъ одного общаго корня. Но ясно, что, насколько одна раса заимствовала числительныя отъ другой, это свидѣтельство непригодно. Фактъ, что это заимствованіе касается всѣхъ числительныхъ выше 3 и, какъ мы знаемъ, можетъ простираться еще далѣе, заставляетъ весьма осторожно пользоваться сходствомъ числительныхъ, доказывающимъ скорѣе общеніе, чѣмъ родство.

На другомъ концѣ лѣстницы цивилизаціи, заимствованіе числительныхъ одной націи отъ другой обнаруживаетъ также интересныя филологическія данныя. Англійскій языкъ представляетъ любопытные примѣры того въ словахъ second (второй) и million. То обстоятельство, что англійскій языкъ такъ же, какъ нѣмецкій, голландскій, датскій и даже русскій, усвоили средневѣковое латинское dozena (отъ duodecim), показываетъ, какое удобство оказывалось въ покупкѣ и продажѣ дюжинами (dozen), и какъ необходимо было имѣть для этого спеціальное слово. Но процессъ заимствованія пошелъ еще далѣе, нежели въ этомъ случаѣ. Если бы кого-нибудь спросили, сколько родовъ числительныхъ употребляется въ Англіи у людей, говорящихъ по-англійски, онъ бы, вѣроятно, отвѣчалъ — одна правильная серія, one, two, three, и пр. Однако вмѣстѣ съ этою существуютъ еще двѣ заимствованныя системы. Одна изъ нихъ — хорошо извѣстная, употребляемая при игрѣ въ кости (dicing-set), ace, deuce, tray, cater, cinque, size; такъ size-ace значитъ „6 и 1“, cinques или sinks — „двойное 5“. Она заимствована изъ Франціи и соотвѣтствуетъ обыкновеннымъ французскимъ числительнымъ, кромѣ ace, которое есть лат. as, слово значительнаго филологическаго интереса, означающее „одинъ“. Другой заимствованный рядъ можно найти въ словарѣ „во-

[1]) Gabelentz, p. 89; Hale, l. c.

ровского“ языка. Англійскій уличный людъ принялъ, кажется, какъ средство тайнаго общенія, рядъ итальянскихъ числительныхъ отъ шарманщиковъ и продавцевъ картинъ или какимъ-нибудь другимъ путемъ, которымъ итальянскій языкъ, или Lingua Franca, проникъ въ лондонскія предмѣстья. При этомъ произошелъ не только любопытный, но и поучительный филологическій процессъ. При усвоеніи такихъ выраженій, какъ итал. due soldi, tre soldi, эквивалентныхъ „twopence“, „threepence“ (два пенса, три пенса), слово saltee сдѣлалось признаннымъ вульгарнымъ терминомъ „пенни“, и пенсы считаются слѣдующимъ образомъ:

Oney saltee	1 d.	uno soldo.
Dooe saltee	2 d.	due soldi.
Tray saltee	3 d.	tre soldi.
Quarterer saltee	4 d.	quattro soldi.
Chinker saltee	5 d.	cinque soldi.
Say saltee	6 d.	sei soldi.
Say oney saltee, или setter saltee	7 d.	sette soldi.
Say dooe saltee, или otter saltee	8 d.	otto soldi.
Say tray saltee, или nobba saltee	9 d.	nove soldi.
Say quarterer saltee, или dacha saltee	10 d.	dieci soldi.
Say chinker saltee, или dacha oney saltee	11 d.	undici soldi.
Oney beong	1 s.	
A beong say saltee	1 s. 6 d.	
Dooe beong say saltee, или madza caroon	2 s. 6 d.	(пол-кроны, mezza corona [1]).

Въ одной изъ этихъ серій просто употребляются итальянскія числительныя по десятичной системѣ. Другая же, достигнувъ 6, и достаточно удовлетворяясь новизною, образуетъ 7 чрезъ „шесть-одинъ“, и т. д. 6 сдѣлано поворотною точкою не по какимъ-либо отвлеченнымъ причинамъ, но просто потому, что продавецъ яблоковъ и плодовъ считаетъ по пенсамъ до серебряной шестипенсовой монеты, и затѣмъ опять прибавляетъ по пенсамъ до шиллинга. Такимъ образомъ, англійская двунадесятичная монетная система повела къ счету шестерками и породила филологическій курьёзъ—настоящую шестерную нумерацію.

На основаніи свидѣтельствъ, приведенныхъ въ этомъ очеркѣ, можно

[1]) J. C. Hotten, «Slang Dictionary», p. 218.

въ заключеніе вкратцѣ опредѣлить видимыя отношенія дикой культуры къ цивилизованной относительно искусства счисленія. Основные методы, которымъ обязано своимъ развитіемъ высшее счисленіе, лежатъ за предѣлами нашей задачи. Они состоятъ преимущественно въ остроумныхъ способахъ выраженія численныхъ отношеній помощью письменныхъ символовъ. Къ нимъ относится семитическая схема, и происшедшая отъ нея греческая, состоящая въ употребленіи алфавита въ видѣ ряда численныхъ символовъ, не совсѣмъ оставленная и нами, по крайней мѣрѣ, для порядковыхъ числительныхъ, какъ, напр., въ каталогахъ, A, B, и пр.; употребленіе начальныхъ буквъ числительныхъ словъ, какъ знаковъ самихъ чиселъ, какъ, напр., греческія Π и Δ для 5 и 10, римскія C и M для 100 и 1.000; способъ выраженія дробей, являющійся въ зачаточномъ состояніи въ греч. γ′, δ′, т.-е. $^1/_3$, $^1/_4$, γδ, т.-е. $^3/_4$; введеніе цыфръ или нуля и распредѣленіе индійскихъ чиселъ по порядку, такъ что единицы, десятки, сотни и пр. различаются по своему мѣсту, и наконецъ, новѣйшее обозначеніе десятичныхъ дробей продолженіемъ ниже единицы пропорціональнаго ряда, который всегда ставился выше ея. Древняя египетская и употребляемыя еще и теперь римская и китайская нумераціи основываются въ дѣйствительности на графическомъ письмѣ дикарей [1]), тогда какъ счетная машина, до сихъ поръ употребительный въ школѣ инструментъ, и swan-pan, употребляемый на практикѣ, имѣютъ начало въ счетѣ дикарей группами предметовъ, какъ это дѣлаютъ, напр., островитяне Тихаго океана, которые считаютъ помощью стебельковъ кокосовыхъ орѣховъ, откладывая всякій разъ въ сторону стебелекъ меньшей величины по достиженіи 10, и большой по достиженіи 100, или какъ африканскіе негры, считающіе съ помощью камешковъ и орѣховъ, откладывая въ небольшую кучку по штукѣ всякій разъ по достиженіи 5 [2]).

Мы въ особенности касаемся здѣсь мимическаго счета по пальцамъ, какъ вполнѣ первобытнаго искусства, употребляемаго еще до сихъ поръ дѣтьми и крестьянами, и системы числительныхъ словъ, извѣстныхъ всему человѣчеству, являющихся въ скудномъ видѣ у самыхъ низшихъ племенъ и достигающихъ уже у дикарей извѣстнаго развитія, которое высшая цивилизація усовершенствовала только въ подробностяхъ. Эти два метода счисленія, жестомъ и словомъ, разъясняютъ исторію первобытной ариѳметики такимъ путемъ, который едва ли можетъ быть извращенъ или ложно понятъ. Мы видимъ дикаря, умѣющаго считать

[1]) «Early History of Mankind», p. 106.
[2]) Ellis, «Polyn. Res.» vol. I, p. 91; Klemm, C. G. vol. III. p. 383.

на словахъ только до 2, 3 или 4, или далѣе продолжающаго счетъ нѣмыми знаками. У него есть названія рукъ и ихъ пальцевъ, ногъ и ихъ пальцевъ, и вдругъ у него рождается мысль, что слова, описывающія его жесты, въ этомъ случаѣ, могутъ служить также для выраженія ихъ значенія, и такимъ образомъ они становятся его числительными. Это случалось не рѣдко, у различныхъ расъ и въ отдаленныхъ странахъ, потому что такіе термины, какъ „рука" для 5, „рука—одинъ" для 6, „руки" для 10, „два на ногѣ" для 12, „руки и ноги" или „человѣкъ" для 20, „два человѣка" для 40, и пр., показываютъ такое однообразіе, какое объясняется лишь общимъ принципомъ, и въ то же время такое разнообразіе, какое свидѣтельствуетъ о своемъ независимомъ развитіи. Это—„руководящіе факты", имѣющіе мѣсто и объясненіе въ теоріи постепеннаго развитія культуры, тогда какъ они никакъ не могутъ войти въ теорію вырожденія. Они ясно свидѣтельствуютъ о развитіи, и именно независимомъ развитіи дикихъ племенъ, которымъ нѣкоторые писатели о цивилизаціи необдуманно отказывали въ самой способности къ самоусовершенствованію. Первоначальный смыслъ значительной части числительныхъ низшихъ расъ, преимущественно отъ 1 до 4, не могущихъ быть названными ручными числительными, достаточно теменъ. Они могли быть называемы по сравненію съ предметами путемъ, являющимся иногда и въ настоящее время въ такихъ формахъ, какъ „вмѣстѣ" для 2, „бросокъ" для 3, „узелъ" для 4; но конкретное значеніе, которое, какъ мы можемъ догадываться, они нѣкогда имѣли, теперь, вслѣдствіе измѣненія и искаженія, повидимому, сдѣлалось неузнаваемымъ.

Припоминая, какъ обыкновенныя слова измѣняютъ и теряютъ въ теченіе вѣковъ слѣды своего первоначальнаго значенія, и имѣя въ виду, что относительно числительныхъ такое исчезновеніе значенія особенно желательно, чтобы они стали соотвѣтствующими чисто ариѳметическимъ символамъ, мы не должны удивляться, что такая значительная доля нынѣ существующихъ числительныхъ лишена ясной этимологіи. Это, одинаково у низшихъ и высшихъ расъ, особенно справедливо относительно 1, 2, 3, 4, которыя древнѣе другихъ чиселъ по происхожденію, и потому ранѣе всѣхъ потеряли свое первичное значеніе. За предѣлами этихъ низшихъ чиселъ, языки высшихъ и низшихъ расъ выказываютъ замѣчательное различіе. Ручныя и ножныя числительныя, столь преобладающія и несомнѣнныя въ языкахъ дикарей, подобныхъ эскимосамъ и зулусамъ, едва замѣтны, въ великихъ цивилизованныхъ языкахъ, каковы санскритскій и греческій, еврейскій и арабскій. Это положеніе вещей вполнѣ сообразно съ теоріею

постепеннаго развитія языка. Мы можемъ заключить, что дикари только въ сравнительно недавнее время пришли къ изобрѣтенію ручныхъ числительныхъ, и что, вслѣдствіе того, этимологія такихъ числительныхъ достаточно ясна. Однако, отсутствіе такихъ первобытныхъ формъ въ цивилизованныхъ странахъ Азіи и Европы не даетъ права заключать, чтобы онѣ не существовали тамъ въ отдаленные вѣка; съ тѣхъ поръ теченіемъ времени онѣ могли быть, подобно голышамъ, сглажены и разрушены до того, что ихъ первоначальная форма не можетъ быть болѣе усмотрѣна. Наконецъ и у дикихъ, и у цивилизованныхъ расъ, общая схема нумераціи является во всемъ мірѣ прочнымъ памятникомъ первобытной культуры. Этотъ остовъ, почти повсемѣстная схема счета пятками, десятками и двойными десятками, показываетъ, что обычай дѣтей и дикарей считать по пальцамъ рукъ и ногъ лежитъ въ основаніи нашей ариѳметической науки. Десять является самымъ удобнымъ ариѳметическимъ основаніемъ, представленнымъ системою, основанною на ручномъ счетѣ, однако, двѣнадцать было бы пригоднѣе, и дуодецимальное счисленіе есть на самомъ дѣлѣ протестъ противъ менѣе удобной для практическаго употребленія децимальной ариѳметики. Мы видимъ здѣсь достаточно обыкновенный случай того, что высшая цивилизація носитъ явные слѣды своего грубаго происхожденія изъ древней варварской жизни.

ГЛАВА VIII.

Миѳологія.

Миѳологическій вымыселъ, какъ и всѣ другія проявленія человѣческой мысли, имѣетъ основаніемъ Опытъ.—Миѳологія доставляетъ данныя для изученія законовъ Воображенія.—Перемѣна въ общественномъ мнѣніи относительно достовѣрности миѳовъ.— Превращеніе миѳа въ аллегорію и исторію. —Этнологическое значеніе и обработка миѳа.—Изученіе миѳа въ дѣйствительномъ его существованіи и развитія между современными дикими и варварскими народами. — Первоначальные источники миѳа.—Древнѣйшее ученіе объ одушевленіи Природы.—Олицетвореніе Солнца, Луны и Звѣздъ; Водяной смерчъ, Песочный столбъ, Радуга, Водопадъ, Моровая язва.—Аналогія, обращенная въ Миѳъ и Метафору. — миѳы о Дождѣ, Громѣ и пр.—Вліяніе языка на образованіе миѳа.—Главнѣйшее значеніе Вещественнаго олицетворенія, и второстепенное Словеснаго. — Грамматическій родъ, мужескій и женскій, одушевленный и неодушевленный, по отношенію къ миѳу.—Собственныя имена предметовъ по отношенію къ миѳу.—Степень умственнаго развитія, располагающая къ миѳическимъ вымысламъ.—Ученіе объ оборотняхъ.—Фантазія и Вымыселъ.

Къ числу тѣхъ мнѣній, которыя порождаются небольшимъ запасомъ свѣдѣній и которыя должны исчезать при большемъ развитіи образованія, принадлежитъ и вѣра въ почти безграничную творческую силу человѣческаго воображенія. Человѣкъ, поверхностно относящійся къ дѣлу, путаясь въ лабиринтѣ, повидимому, странныхъ и неестественныхъ вымысловъ, которые, какъ ему кажется, не имѣютъ ни объясненія въ природѣ, ни образца въ этомъ матеріальномъ мірѣ, принимаетъ ихъ сперва за оригинальныя порожденія воображенія поэта, разсказчика или духовидца. Но потомъ, при болѣе близкомъ знакомствѣ съ источниками поэмъ и сказокъ, въ этихъ, повидимому, самостоятельныхъ произведеніяхъ мало-по-малу начинаютъ раскрываться передъ нимъ и причина, породившая вымыселъ, и степень умственнаго развитія, которая навела на извѣстный рядъ мыслей, и запасъ унаслѣдованныхъ матеріаловъ, съ помощью которыхъ поэтъ задумалъ, построилъ и населилъ каждый уголокъ своей области. Позади того времени, въ которое мы живемъ сами, можно прослѣдить весь ходъ человѣческаго ума

чрезъ всѣ измѣненія, которымъ подвергалось, со стороны современныхъ школъ мыслителей и поэтовъ, умственное наслѣдство, доставшееся имъ отъ предшествовавшихъ поколѣній. Если, переходя къ періодамъ болѣе отдаленнымъ, мы подойдемъ ближе къ первобытному состоянію нашей расы, для насъ и тогда нерѣдко будутъ видны нити, связывающія новыя воззрѣнія со старыми. Мы можемъ въ значительной степени прослѣдить эти нити, ведущія насъ обратно къ тому дѣйствительному опыту природы и жизни, который составляетъ конечный источникъ человѣческой фантазіи. То, что Мэтью Арнольдъ писалъ о мысляхъ Человѣка, плывущаго по Рѣкѣ Времени, справедливо и для процессовъ созданія миѳовъ.

As is the world on the banks
So is the mind of the man.
. . . .
Only the tract where he sails
He wots of: only the thoughts,
Raised by the objects he passes, are his [1].

Умъ измѣнитъ и переработаетъ впечатлѣнія, добытыя этимъ путемъ, и передастъ ихъ другимъ умамъ въ такихъ формахъ, которыя часто кажутся новыми, странными и произвольными, но которыя, тѣмъ не менѣе, представляютъ лишь результаты процессовъ, усвоенныхъ нами путемъ опыта, и дѣйствующихъ въ нашемъ собственномъ индивидуальномъ сознаніи. Дѣло нашего ума состоитъ болѣе въ томъ, чтобы развивать, соображать и дѣлать выводы, нежели въ томъ, чтобы создавать; а самые законы, по которымъ онъ дѣйствуетъ, могутъ быть усмотрѣны даже и въ невещественныхъ построеніяхъ нашего воображенія. Здѣсь, какъ и во всемъ существующемъ, можно усмотрѣть связь между причиной и слѣдствіемъ, связь понятную и опредѣленную, относительно которой знаніе можетъ достигать необходимой точности, даже доступной для вычисленія.

Быть можетъ, мы не найдемъ ни одного предмета, на которомъ можно было бы лучше изучить процессы воображенія, чѣмъ рѣзко отмѣченныя событія миѳической исторіи, въ томъ видѣ, какъ они проходятъ

---

[1] Какова природа на берегахъ рѣки,
Таковъ и умъ человѣка.
. . . .
Только тотъ путь, по которому онъ плыветъ,
Ему знакомъ; только тѣ мысли,
Которыя возбуждены въ немъ окружающими предметами, принадлежатъ ему.

*

чрезъ всѣ извѣстные періоды цивилизаціи и чрезъ всѣ физически различныя племена человѣческаго рода. Здѣсь Мауи, новозеландскій богъ солнца, который поймалъ островъ на свою волшебную удочку и вытащилъ его съ морского дна, займетъ мѣсто около индійскаго Вишну, который нырнулъ въ самую глубь океана въ воплощеніи кабана, для того, чтобы поднять наверхъ на своихъ громадныхъ клыкахъ затопленную землю; а тамъ творецъ Байямъ, голосъ котораго слышится грубымъ жителямъ Австраліи въ раскатахъ грома, сядетъ на престолѣ рядомъ съ самимъ олимпійскимъ Зевсомъ. Начиная съ смѣлыхъ и грубыхъ миѳовъ природы, въ которые дикарь облекалъ познанія, извлеченныя имъ изъ его ребяческаго созерцанія міра, этнографъ можетъ прослѣдить эти грубыя произведенія фантазіи до тѣхъ временъ, когда они были оформлены и воплощены въ сложныя миѳологическія системы,— граціозно-художественныя въ Греціи, неуклюжія и чудовищныя въ Мексикѣ, хвастливо-преувеличенныя въ буддистской Азіи. Онъ можетъ наблюдать, какъ миѳологія классической Европы, когда-то столь вѣрная природѣ и столь живая въ своемъ непрерывномъ движеніи, попала въ руки комментаторовъ, которые облѣпили ее аллегоріей или эвгемерически обратили въ какую-то темную двусмысленную исторію. Наконецъ, въ средѣ новѣйшей цивилизаціи, онъ увидитъ, что классическія сочиненія изучаются не столько ради своего содержанія, сколько ради своей формы, и цѣнятся болѣе всего потому, что въ нихъ заключаются античныя свидѣтельства того, какъ люди думали въ былыя времена. Въ то же время остатки произведеній, созданныхъ съ такимъ искусствомъ и силой творцами миѳовъ прошлаго времени, должны быть отыскиваемы теперь въ отрывкахъ дѣтскихъ и народныхъ сказокъ, въ народныхъ суевѣріяхъ и въ старыхъ отживающихъ легендахъ, въ мысляхъ и иносказаніяхъ, вынесенныхъ изъ стараго времени вѣчнымъ потокомъ поэзіи и сказки, въ отрывкахъ старыхъ воззрѣній, которыя до сихъ поръ сохраняютъ унаслѣдованное положеніе, пріобрѣтенное ими въ прошедшіе вѣка умственной исторіи. Пользованіе миѳологіей, какъ средствомъ для изслѣдованія исторіи и законовъ человѣческаго ума, является научной отраслью, которая едва ли была извѣстна до настоящаго столѣтія. Но прежде, чѣмъ приступить къ изслѣдованіямъ, относящимся къ ней, я считаю полезнымъ бросить бѣглый взглядъ на мнѣнія прежнихъ миѳологовъ, съ цѣлью показать, чрезъ какія фазы должны были пройти ихъ познанія, чтобы достигнуть такого положенія, въ которомъ они получаютъ научное значеніе.

Въ образованіи человѣческаго рода было важнымъ моментомъ, когда правильность явленій природы произвела такое впечатлѣніе на умъ человѣка, что его стало удивлять,—почему старыя легенды, которыя онъ привыкъ слушать съ дѣтства съ такимъ почтительнымъ наслажденіемъ, представляли міръ совсѣмъ не такимъ, какимъ онъ ему казался. Почему, спрашивалъ онъ, не видно болѣе боговъ, великановъ и чудовищъ, которые бы жили такою чудною жизнью на землѣ, — развѣ порядокъ вещей, существовавшій въ то старое время, измѣнился? Такъ историку Павзанію казалось, что сильно распространившаяся въ мірѣ испорченность была причиной того, что уже все идетъ не такъ, какъ въ старое время, когда Ликаонъ былъ обращенъ въ волка, а Ніобея—въ камень, когда люди садились, какъ гости, за одинъ столъ съ богами, или, подобно Ираклу, сами обращались въ боговъ. До самыхъ новѣйшихъ временъ гипотеза о томъ, что міръ измѣняется, болѣе или менѣе облегчала возможность вѣры въ древнія чудесныя басни. Впрочемъ, хотя эта гипотеза частью и продолжала еще твердо держаться, но примѣненію ея были вскорѣ положены опредѣленныя границы, по той очевидной причинѣ, что она одинаково оправдывала и ложь и правду, и совершенно пренебрегала тѣмъ правдоподобіемъ, которое всегда служило въ извѣстной мѣрѣ преградой, отдѣлявшей фактъ отъ вымысла. Умъ грековъ нашелъ другое разрѣшеніе для этой задачи. Они, по словамъ Грота, отодвинули старыя легенды въ неопредѣленное прошлое и помѣстили ихъ среди тѣхъ священныхъ преданій божественной и героической древности, которыя могутъ служить благодарной темой для риторическихъ диѳирамбовъ, но аргументы которыхъ не подлежатъ строгому анализу. Они облекали ихъ также въ формы, болѣе знакомыя изъ опыта: такъ, напримѣръ, Плутархъ, разсказывая сказку о Тезеѣ, проситъ снисходительныхъ слушателей принять благосклонно эту старую повѣсть, и увѣряетъ ихъ, что онъ самъ старался очистить ее, съ помощью разсудка, для того, чтобы она могла получить видъ историческаго разсказа [1]. Въ этомъ пріемѣ сообщенія баснѣ подобія исторіи, въ этомъ безполезномъ искусствѣ обращенія ложныхъ невозможностей въ ложныя возможности, — древніе писатели, а вслѣдъ за ними и писатели новѣйшихъ временъ, держались преимущественно слѣдующихъ двухъ методовъ.

Люди въ теченіе многихъ вѣковъ болѣе или менѣе сознавали, что между вѣрою и невѣріемъ лежитъ огромная умственная область, въ которой оказывается достаточно простора для всякаго рода миѳическихъ толкованій, какъ вѣрныхъ, такъ и невѣрныхъ. Допуская, что та или

[1] Grote, «History of Greece», vol. I, chaps. IX, XI; Pausanias, VIII, 2; Plutarch. Thesens 1.

другая легенда не есть передача дѣйствительнаго событія, чѣмъ она стремится быть, они за это не изгоняли ее изъ книгъ или изъ памяти, какъ не имѣющую никакого значенія, но допытывались, какой былъ ея первоначальный смыслъ, изъ какого древняго повѣствованія она могла переродиться такимъ образомъ, какое дѣйствительное событіе или ходячее воззрѣніе могло заставить ее развиться до той формы, въ которой она являлась передъ ними? Впрочемъ, такіе вопросы такъ же легко ставить, какъ и давать на нихъ благовидные отвѣты; но потомъ, при желаніи удостовѣриться въ вѣрности этихъ отвѣтовъ, сдѣланныхъ на скорую руку, становится очевиднымъ, что эти задачи допускаютъ безчисленное множество кажущихся рѣшеній, не только различныхъ между собою, но даже одно съ другимъ несовмѣстимыхъ. Эта коренная неопредѣленность умозрительнаго толкованія миѳовъ хорошо объяснена лордомъ Бэкономъ въ предисловіи къ его сочиненію: „Wisdom of the Ancients" (Мудрость Древнихъ). „Мнѣ извѣстно также", говоритъ онъ, „какая измѣнчивая и непостоянная вещь—вымыселъ, потому что его можно передавать и искажать по произволу,—и насколько удобно, съ помощью остроумія и дара слова, дѣлать изъ него даже такія примѣненія, которыя никогда не приходили на умъ первымъ творцамъ вымысла". Насколько необходима такая предосторожность, видно изъ того же трактата, которому Бэконъ предпослалъ это предисловіе: именно онъ въ своемъ сочиненіи опрометчиво погружается въ ту самую пропасть, отъ которой такъ благоразумно предостерегалъ своихъ учениковъ. Онъ, подобно многимъ философамъ, жившимъ прежде и послѣ него, вздумалъ объяснять классическіе миѳы Греціи, какъ моральныя аллегоріи. Такъ, по его мнѣнію, исторія Мемнона изображаетъ судьбу молодыхъ людей, подававшихъ большія надежды, но слишкомъ легкомысленныхъ; Персей есть символическое изображеніе войны; а когда онъ нападаетъ на ту изъ трехъ Горгонъ, которая не безсмертна, это значитъ, что должно предпринимать только такія войны, которыхъ успѣхъ возможенъ. Не легко уяснить различіе между примѣненіемъ миѳа и разложеніемъ его на реальные элементы; тамъ, гдѣ истолкователь воображаетъ, что онъ совершенно измѣняетъ процессъ созданія миѳа, онъ, въ сущности, только развиваетъ миѳъ одной степенью далѣе въ прежнемъ направленіи, и изъ одного ряда идей развиваетъ другія, связанныя съ предыдущими болѣе или менѣе отдаленной аналогіей. Каждый изъ насъ могъ бы упражняться въ этомъ легкомъ искусствѣ сообразно своей фантазіи. Если, напримѣръ, нашъ умъ въ настоящую минуту болѣе всего занятъ политической экономіей, мы могли бы съ надлежащей важностью объяснить сказку о Персеѣ, какъ аллегорическое изображеніе торговли: самъ Персей представляетъ собою Трудъ; онъ находитъ Андромеду—Прибыль, которая закована въ цѣпи и которую хочетъ поглотить чудовище Капиталъ; но Персей освобождаетъ ее и уноситъ съ торжествомъ. Всякій, кто сколько-нибудь знакомъ съ поэзіей и мистицизмомъ, знаетъ, что такое воспроизводительное развитіе вымысла есть умственный процессъ, къ которому часто и охотно прибѣгаютъ. Но когда дѣло доходитъ до разумнаго изслѣдованія миѳологическихъ процессовъ, тогда желанію доискаться основы древняго вымысла едва ли поможетъ такое нагроможденіе надъ нимъ груды новыхъ выдумокъ.

Тѣмъ не менѣе, аллегорія имѣла такое участіе въ развитіи миѳовъ, которымъ не долженъ пренебрегать ни одинъ мыслитель. Ошибка раціоналистовъ заключается въ томъ, что они придаютъ аллегоріи значеніе, выходящее изъ ея настоящей сферы дѣйствія, и прибѣгаютъ къ ней, какъ къ универсальному средству для отысканія яснаго смысла въ темныхъ сказаніяхъ. То же можно сказать и о другомъ раціоналистическомъ пріемѣ, основанномъ также, въ извѣстной мѣрѣ, на фактахъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что къ исторіи дѣйствительно существовавшихъ личностей часто были присоединяемы миѳическіе разсказы, и что эти личности фигурируютъ даже въ такихъ сказкахъ, которыя по самому существу своему вымышленныя. Никто не усомнится ни въ существованіи Соломона, вслѣдствіе его сказочнаго приключенія въ Долинѣ Обезьянъ, ни въ существованіи Аттилы, потому что онъ является въ пѣсни о Нибелунгахъ. Сэръ Фрэнсисъ Дрэкъ сталъ нисколько не менѣе, а напротивъ, еще болѣе знакомъ намъ изъ деревенскихъ сказокъ, которыя разсказываютъ, какъ онъ до сихъ поръ управляетъ дикой охотой надъ Дартмуромъ, и какъ онъ и теперь еще встаетъ для пиршества, когда въ Бёклэндскомъ аббатствѣ бьютъ въ тотъ барабанъ, который онъ провезъ съ собою вокругъ свѣта. Смѣшеніе фактовъ съ баснями въ преданіяхъ о великихъ людяхъ показываетъ, что легенды съ чудовищными вымыслами могутъ, тѣмъ не менѣе, имѣть основаніе въ историческихъ фактахъ. Но въ силу этого обстоятельства миѳологи составили систематическіе методы для обращенія легенды въ исторію, и черезъ это обезсмыслили миѳологію, которую хотѣли объяснить, и исказили исторію, которую хотѣли обогатить. Покуда пріемъ ихъ состоялъ въ простомъ отбрасываніи всего сверхъестественнаго, еще можно судить о его достовѣрности, какъ это дѣлаетъ Г. В. Коксъ, для объясненія басни о Джэкѣ, побѣдителѣ исполиновъ, устраняя оттуда исполиновъ. Если они видѣли въ легендарныхъ чудесахъ дѣйствительныя событія, только прикрытыя метафорой, простое указаніе результатовъ такого

пріема было бы, по нашему мнѣнію, самою строгою критикой для него. Даже и въ классическія времена были люди, учившіе, что Атласъ— великій астрономъ, объяснившій значеніе сферы, и что, по этой причинѣ, его изображали съ земнымъ шаромъ, покоящимся на его плечахъ. Низведеніе миѳа на степень обычнаго факта дошло до того, что утверждали даже, будто великій арійскій богъ-Небо, само олицетворенное живое Небо, Зевсъ всемогущій былъ царемъ Критскимъ, и что критяне могли показывать изумленнымъ иностранцамъ его гробницу, съ написаннымъ на ней именемъ великаго усопшаго. Новѣйшіе эвгемеристы (названные такъ по имени Эвгемера изъ Мессеніи, великаго учителя въ этомъ искусствѣ, жившаго во времена Александра) частію приняли старыя толкованія, частію же далеко опередили своихъ греческихъ и римскихъ наставниковъ въ стремленіи отыскать въ миѳахъ прозаическое правдоподобіе. Они разсказываютъ намъ, что Юпитеръ, поражающій молніями исполиновъ, былъ царь, подавлявшій возстаніе своихъ подданныхъ; золотой дождь Данаи означалъ деньги, которыми была подкуплена ея стража; Прометей дѣлалъ фигуры изъ глины, откуда гиперболически заключили, что онъ создалъ изъ земли мужчину и женщину; а когда разсказывали, что Дедалъ дѣлалъ такія фигуры, которыя могли ходить, это значило, что онъ усовершенствовалъ прежнія безформенные статуи, начавши ихъ дѣлать съ отдѣленными одна отъ другой ногами. Пожилые люди должны еще помнить, какъ, во времена ихъ молодости, мнѣніемъ образованныхъ людей руководили ученыя книги, въ которыхъ съ важностью излагались подобныя толкованія; въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ школьныхъ учебниковъ до сихъ поръ ссылаются на нихъ съ уваженіемъ, и еще существуютъ отсталые писатели, которые держатся этой когда-то знаменитой системы, имѣвшей своего лучшаго представителя въ аббатѣ Банье [1]). Но въ послѣднее время система эта подверглась печальной участи, а нѣкоторые миѳологи, пользующіеся авторитетомъ, такъ отнеслись къ ней, что она стала предметомъ общаго презрѣнія. Неудовольствіе, вызванное неумѣреннымъ примѣненіемъ подобныхъ аргументовъ, зашло такъ далеко, что въ настоящее время не лишнимъ будетъ поставить на видъ изучающимъ этотъ предметъ, что эта система имѣетъ точно также разумную сторону, какъ и неразумную, и напомнить имъ, что нѣкоторыя нелѣпыя легенды несомнѣнно содержатъ, а стало быть, и многія другія могутъ содержать, зерно исторической истины.

---

[1]) См. Banier, «La Mythologie et les Fables expliqées par l'Histoire», Paris, 1738; Lemprière, «Classical Dictionary», etc.

Сколько бы ни было учености и остроумія въ старыхъ системахъ объясненія миѳовъ, онѣ, безъ сомнѣнія, должны быть, по большей части, оставлены безъ вниманія, не потому, что ихъ толкованія оказались несогласными съ правдоподобіемъ, но потому, что правдоподобіе считается теперь такимъ непригоднымъ достоинствомъ, что каждый изслѣдователь искренно желаетъ, чтобъ такихъ достоинствъ было какъ можно менѣе. Дѣло въ томъ, что расширившіяся познанія и бо́льшая требовательность относительно силы доказательствъ значительно увеличили, противъ прежняго, ту степень вѣроятія, которая необходима для того, чтобъ что-либо было признано достовѣрнымъ, — какъ при объясненіи происхожденія миѳовъ, такъ и при всякомъ другомъ научномъ изслѣдованіи. Многіе описываютъ наше время, какъ время невѣрія, но никакъ нельзя считать несомнѣннымъ, что потомство подтвердитъ такой приговоръ. Конечно, это —время скептицизма и критики, но скептицизмъ и критика—необходимыя условія для достиженія разумной вѣры. Если же положительное довѣріе къ древнѣйшей исторіи поколебалось, это произошло не оттого, что уменьшилась способность признавать очевидно доказанное, но оттого, что увеличилось сознаніе нашего невѣжества. Мы привыкли теперь имѣть дѣло съ фактами изъ области естественныхъ наукъ, съ такими фактами, которые можно подвергать неоднократной повѣркѣ, и потому чувствуемъ отсутствіе строгой достовѣрности въ старыхъ преданіяхъ, которыя не допускаютъ такой повѣрки, и въ которыхъ, какъ всѣ согласны въ томъ, встрѣчаются утвержденія, не заслуживающія вѣроятія. Историческая критика строга и взыскательна даже въ томъ случаѣ, когда хроника разсказываетъ такія событія, какія не заключаютъ въ себѣ ничего неправдоподобнаго; а съ той минуты, какъ описываемое событіе выходитъ изъ сферы обыкновеннаго порядка вещей, является вѣчно повторяющійся вопросъ: что̀ вѣроятнѣе, — то ли, что такое необыкновенное событіе дѣйствительно случилось, или то, что разсказъ долженъ быть иначе понятъ, или считаться совершенно невѣрнымъ? Вслѣдствіе этого, мы для распознанія истины охотно обращаемся къ источникамъ исторіи въ остаткахъ древности, къ неумышленнымъ и побочнымъ доказательствамъ и къ такимъ письменнымъ документамъ, которые не имѣли своимъ назначеніемъ— быть исторической хроникой. Но можетъ ли кто-либо, знакомый съ геологіей, сказать, что мы слишкомъ недовѣрчивы, чтобъ вѣрить чудесамъ, если представляется полное ручательство въ ихъ достовѣрности? Было ли другое время, когда затерявшіяся историческія событія возстановлялись, а знакомыя уже намъ исправлялись болѣе тщательно, чѣмъ они возстановляются и исправляются теперь, съ помощью цѣлой

арміи путешественниковъ, изыскателей нѣдръ земли, отыскивателей старыхъ рукописей и изслѣдователей забытыхъ нарѣчій? Самые миѳы, которые были отвергнуты, какъ басни, наполненныя ложью, становятся источниками исторіи, такими путями, о которыхъ едва ли мечтали творцы и передаватели ихъ. Ихъ смыслъ былъ неправильно понимаемъ, но смыслъ заключается въ нихъ несомнѣнно. Всякая басня, когда-либо разсказывавшаяся, въ свое время должна была имѣть извѣстное значеніе; даже ложь, какъ говоритъ испанская пословица, есть высокорожденная дама („la mentira es hija de algo“). Вотъ почему старые миѳы заняли принадлежащее имъ мѣсто между историческими фактами, какъ свидѣтельства процесса развитія мысли, какъ воспоминанія о давно исчезнувшихъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ, и даже, въ извѣстной мѣрѣ, какъ матеріалы для исторіи тѣхъ народовъ, которымъ они принадлежали; относясь къ нимъ такимъ образомъ, современный историкъ, столь способный и склонный къ разрушенію, станетъ также способнымъ и готовымъ къ возсозданію.

Разработка миѳовъ болѣе всего нуждается въ широтѣ познаній и пріемовъ. Толкованія съ узкой точки зрѣнія всегда выказываютъ свою несостоятельность передъ болѣе широкимъ воззрѣніемъ. Стоитъ только взглянуть, какъ Геродотъ объясняетъ исторію дѣтскаго возраста Кира, который былъ покинутъ и вскормленъ собакой; онъ разсказываетъ, что этотъ ребенокъ просто былъ воспитанъ женой пастуха, называвшейся Спако (по-гречески „Куно“), откуда произошла басня, будто настоящая собака спасла и выкормила его. Допустимъ, что для одного случая это могло быть справедливо. Но можно ли допустить, что исторія Ромула и Рема есть также воспоминаніе о дѣйствительномъ событіи, представленномъ иносказательно съ помощью совершенно такой же игры словъ съ именемъ кормилицы, которое, случайно, означало также животное—самку? Неужели и римскіе близнецы были также случайно дѣйствительно покинуты и вскормлены кормилицей, которая именно называлась „Lupa“? Лексиконъ Ламприера, которымъ мы руководствовались въ нашей молодости (я ссылаюсь на 16-е изданіе 1831-го года), весьма серьезно объясняетъ такимъ способомъ происхожденіе знаменитой легенды. Но, вникая въ этотъ вопросъ надлежащимъ образомъ, мы найдемъ, что оба эти разсказа представляютъ только образчики весьма распространенной группы миѳовъ, составляющей лишь часть еще болѣе обширной массы преданій о покинутыхъ младенцахъ, которые были спасены, чтобъ сдѣлаться потомъ народными героями. Подобныхъ примѣровъ много; славянское народное преданіе разсказываетъ о волчицѣ и о медвѣдицѣ, вскормившихъ двухъ сверхъестественныхъ близнецовъ

Валигору, двигавшаго горы, и Вырвидуба, вырывавшаго дубы съ корнями; Германія имѣетъ свою легенду о Дитерихѣ, прозванномъ Вольфдитрихомъ, по имени своей кормилицы — волчицы; въ Индіи тотъ же эпизодъ повторяется въ сказкахъ о Сатаваганѣ и львицѣ, о Сингъ-Бабѣ и тигрицѣ. Существуетъ также легенда, разсказывающая о Бурта-Чино, мальчикѣ, который былъ брошенъ въ озеро, спасенъ волчицей и сдѣлался основателемъ турецкаго государства; даже дикіе юракаресы въ Бразиліи разсказываютъ о своемъ божественномъ героѣ Тири, который былъ вскормленъ самкой ягуара [1]).

Сравненіе между собою подобныхъ легендъ въ дѣйствительности облегчило научное толкованіе миѳовъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда современная наука стремилась болѣе созидать, чѣмъ разрушать, она находила, что существуютъ группы толкованій миѳовъ, основанія которыхъ становятся шире и глубже по мѣрѣ того, какъ становятся шире и глубже доказательства. Начала, которыя должны лежать въ основаніи вѣрной системы толкованія миѳовъ, на самомъ дѣлѣ немногочисленны и просты. Распредѣляя сходные миѳы различныхъ странъ въ широкія однородныя группы, является возможнымъ прослѣдить въ миѳологіи дѣйствіе процесса воображенія сообразно съ очевидной правильностью умственныхъ законовъ; тогда тѣ сказки, которыя, будучи взяты отдѣльно одна отъ другой, могли бы возбудить только простое любопытство, займутъ свое мѣсто среди ясно-опредѣленныхъ и обычныхъ созданій человѣческаго ума. Тогда неоднократно будетъ представляться случай убѣдиться, что какъ „истина бываетъ болѣе неправдоподобна, чѣмъ вымыселъ“, такъ и миѳъ можетъ быть болѣе однообразенъ, чѣмъ исторія.

Сверхъ того, нашему наблюденію доступны несомнѣнныя явленія древнихъ и новыхъ народовъ, такъ вѣрно представляющихъ то умственное состояніе, которому принадлежитъ развитіе миѳовъ, что они въ одно и то же время сохраняютъ сознаніе смысла своихъ старыхъ миѳовъ и непринужденную и естественную привычку созидать новые. Дикіе народы съ незапамятныхъ временъ жили и продолжаютъ еще жить на той ступени умственнаго развитія, на которой происходитъ обыкновенно созиданіе миѳовъ. Только вслѣдствіе полнаго невѣжества и нежеланія узнать непосредственно, какъ и какого рода людьми на самомъ дѣлѣ составляются миѳы, простая философія этихъ послѣднихъ была

---

[1]) Hanusch, «Slav. Myth.», p. 323; Grimm, D. M., p. 363; Latham, «Descr. Eth.», vol. II, p. 448; I. J. Schmidt, «Forschungen», p. 13; J. G. Müller, «Amer. Urrelig.», p. 268. См. также Plutarch. Parallela XXXVI; Campbell, «Highland Tales», vol. I, p. 278; Max Müller, «Chips», vol. II, p. 169; Tylor, «Wild Men and Beast-children», in Anthropological Review, May 1863.

скрыта подъ грудами мусора, насыпаннаго комментаторами. Хотя секретъ толкованія миѳовъ и не былъ никогда совершенно утраченъ, но онъ былъ забытъ. Къ нему обратились снова, главнымъ образомъ, благодаря современнымъ писателямъ, которые съ громаднымъ трудомъ и искусствомъ изслѣдовали древній языкъ, поэзію и народныя сказанія нашего племени, начиная отъ братьевъ Гриммъ, собравшихъ деревенскія сказки, и до Макса Мюллера, издавшаго Ригъ-Веду. Арійскій языкъ и литература открываютъ передъ нами необыкновенно стройную и ясную картину того времени, когда миѳологія находилась еще на первыхъ ступеняхъ своего развитія, представляя тѣ первобытные зародыши поэзіи природы, которые въ послѣдующіе вѣка были преувеличены и искажены до того, что дѣтскіе вымыслы ниспали на степень таинственныхъ суевѣрій. Мы не намѣрены предпринимать здѣсь спеціальнаго изслѣдованія арійской миѳологіи, которая занимала уже столько знаменитыхъ ученыхъ, а хотимъ сравнить только между собою нѣкоторые изъ самыхъ замѣчательныхъ миѳологическихъ процессовъ у различныхъ человѣческихъ расъ, преимущественно имѣя цѣлью опредѣлить общее отношеніе миѳовъ дикарей къ миѳамъ цивилизованныхъ народовъ. Мы не стремимся разсмотрѣть миѳологію всего міра и оставляемъ въ сторонѣ много весьма важныхъ сторонъ, которыя нельзя бы было пройти молчаніемъ въ болѣе общемъ изслѣдованіи. Здѣсь избраны по большей части такіе предметы, которые удобны, по точности свидѣтельствъ и аргументовъ, прилагаемыхъ къ нимъ, чтобы представить прочное основаніе для обработки миѳа по отношенію его къ общей этнологической задачѣ развитія цивилизаціи. Главный тезисъ, поддерживаемый здѣсь, состоитъ въ томъ, что миѳъ возникъ въ дикомъ состояніи, господствовавшемъ въ отдаленные вѣка во всемъ человѣчествѣ, что онъ остается сравнительно безъ измѣненія у новѣйшихъ нецивилизованныхъ племенъ, которыя наименѣе отошли отъ этихъ первобытныхъ условій, и что въ то же время высшія и позднѣйшія степени цивилизаціи, частью удерживая его дѣйствительныя начала, а частью развивая унаслѣдованные отъ него результаты въ формѣ преданія предковъ, продолжали сохранять его не только съ снисхожденіемъ, но и съ почетомъ.

Происхожденіе и первое развитіе миѳа должны были быть дѣломъ человѣческаго ума въ его раннемъ дѣтскомъ состояніи. Правда, ученые критики, принимаясь за изученіе миѳологіи не съ надлежащей стороны, рѣдко приходили къ правильной оцѣнкѣ этихъ младенческихъ идей, принимавшихъ условную форму въ поэзіи или преобразованныхъ въ хронику. Между тѣмъ, чѣмъ болѣе мы сравниваемъ миѳическіе вымыслы различныхъ народовъ и стараемся вникнуть въ общія идеи, лежащія въ основѣ ихъ сходства, тѣмъ болѣе мы убѣждаемся въ томъ, что и мы сами, во время нашего дѣтства, находились у порога царства миѳа. Ребенокъ есть отецъ будущаго человѣка, и въ миѳологіи выраженіе это имѣетъ еще болѣе глубокій смыслъ, чѣмъ мы обыкновенно придаемъ ему. Такъ, разсматривая странные вымыслы и дикія легенды низшихъ племенъ, мы находимъ миѳологію всего міра въ одно и то же время въ самой ясной и самой зачаточной ея формѣ, и должны и въ этомъ случаѣ признать дикаря представителемъ человѣческой расы въ періодѣ ея дѣтства. Здѣсь этнологія и сравнительная миѳологія идутъ рука объ руку, и развитіе миѳа составляетъ неизмѣнную часть развитія культуры. Если дикія расы, какъ ближайшіе современные представители первобытной культуры, проявляютъ въ наиболѣе опредѣленномъ и неизмѣненномъ состояніи зачаточныя миѳическія идеи, которыя затѣмъ остается прослѣдить въ дальнѣйшемъ ходѣ цивилизаціи, въ такомъ случаѣ для изучающихъ этотъ предметъ будетъ наиболѣе раціонально начинать, по мѣрѣ возможности, съ самаго начала. Миѳологія дикарей можетъ послужить намъ основою, и затѣмъ могутъ быть представлены миѳы болѣе цивилизованныхъ расъ, какъ созданія, происходящія изъ того же источника, хотя и болѣе совершенныя со стороны художественности. Такое отношеніе къ предмету оказывается удовлетворительнымъ почти во всѣхъ отрасляхъ этого изслѣдованія, и въ особенности при изученіи замѣчательныхъ по красотѣ поэтическихъ вымысловъ, которые могутъ быть названы миѳами природы, или природными миѳами.

Первая и главная причина превращенія фактовъ ежедневнаго опыта въ миѳъ есть вѣрованіе въ воодушевленіе всей природы, — вѣрованіе, которое достигаетъ высшей своей точки въ олицетвореніи ея. Это вовсе не случайное или гипотетическое дѣйствіе человѣческаго ума неразрывно связано съ тѣмъ первобытнымъ умственнымъ состояніемъ, когда человѣкъ въ мельчайшихъ подробностяхъ окружающаго его міра видитъ проявленія личной жизни и воли. Это ученіе объ анимизмѣ въ другомъ мѣстѣ будетъ разсмотрѣно нами въ его дѣйствіи на философію и религію; теперь же мы займемся только отношеніемъ его къ миѳологіи. Для низшихъ человѣческихъ племенъ солнце и звѣзды, деревья и рѣки, облака и вѣтры становятся личными одушевленными существами, которыя живутъ на подобіе людей или животныхъ, и исполняютъ предназначенныя имъ въ мірѣ функціи, съ помощью членовъ, какъ животныя, или искусственныхъ орудій, какъ человѣкъ. Иногда же видимое человѣческимъ глазомъ является лишь простымъ орудіемъ для той или

другой цѣли, или еще безформеннымъ матеріаломъ, за которымъ скрывается какое-нибудь чудовищное, хотя и получеловѣческое существо, дѣйствующее на нихъ своими руками или приводящее ихъ въ движеніе своимъ дуновеніемъ. Основа, на которой построены подобныя идеи, не можетъ быть съужена до простого поэтическаго вымысла или до простой превращенной метафоры. Идеи эти опираются на широкую философію природы, правда, первобытную и грубую, но полную мысли и основательности, и понимаемую вполнѣ реально и серьёзно.

Это ученіе о жизненности всего міра мы должны подвергнуть испытанію путемъ очевиднаго доказательства, чтобы читатели, мало знакомые съ предметомъ, не предположили въ ней современнаго философскаго вымысла или не подумали бы, что такое воззрѣніе, если оно дѣйствительно выражается низшими расами, высказывается ими только въ видѣ поэтическаго образа рѣчи. Даже въ цивилизованныхъ странахъ оно проявляется въ раннихъ понятіяхъ ребенка о внѣшнемъ мірѣ, и мы не можемъ не видѣть, какъ это происходитъ. Первыя существа, доступныя пониманію дѣтей, бываютъ существа человѣческія, и по преимуществу они сами; и первое объясненіе всего происходящаго кругомъ будетъ объясненіе съ человѣческой точки зрѣнія, какъ будто стулья, палки и деревянныя лошади приводятся въ дѣйствіе такой же личною волею, которая управляетъ дѣйствіями нянекъ, дѣтей и котятъ. Такимъ образомъ, ребенокъ дѣлаетъ первый шагъ въ миѳологіи, стараясь, подобно Козеттѣ съ ея куклою, „представить себѣ, что нѣчто есть нѣкто" (se figurer que quelque chose est quelqu'un); и самый путь, которымъ мы, во время своего воспитанія, отучаемся отъ этой дѣтской теоріи, показываетъ всю степень ея первобытности. Даже у взрослыхъ цивилизованныхъ европейцевъ, какъ весьма справедливо замѣчаетъ Гротъ, „сила минутнаго увлеченія можетъ часто преодолѣть вкоренившуюся привычку, и даже развитой человѣкъ, въ минуту жестокой боли, способенъ ударить или укусить безжизненный предметъ, причинившій ему эту боль". Въ такихъ случаяхъ умъ дикаря служитъ полнымъ представителемъ состоянія дѣтскаго ума. Дикій туземецъ Бразиліи готовъ укусить камень, на который споткнулся, или стрѣлу, которая его поранила. Такое умственное состояніе можно прослѣдить по всему протяженію исторіи, не только въ видѣ импульсивной привычки, но и въ формально установленныхъ законахъ. Грубые кукисы южной Азіи весьма добросовѣстно исполняли свой несложный законъ мести: жизнь за жизнь; если тигръ разрывалъ какого-нибудь куки, семейство его считалось отверженнымъ, пока имъ не удавалось отмстить, убивая и съѣдая этого самаго или другого тигра; мало того, если человѣкъ погибалъ отъ паденія съ дерева, родственники его, въ видѣ возмездія, срубали дерево и раскалывали его въ щепки [1]). Въ Кохинхинѣ, одинъ изъ царей новѣйшаго времени выставлялъ къ позорному столбу, какъ и всякаго другого преступника, корабль, который неудачно исполнялъ свое назначеніе [2]). И въ классической древности бывали случаи такого рода, о чемъ свидѣтельствуетъ, напримѣръ, бичеваніе Геллеспонта Ксерксомъ и отведеніе Гинда Киромъ. Но еще замѣчательнѣе — правильный судебный процессъ, совершавшійся въ Аѳинахъ. Въ Пританеѣ собиралось судилище для суда надъ каждымъ неодушевленнымъ предметомъ, напр., топоромъ, кускомъ дерева, или камнемъ, который причинилъ кому-нибудь смерть, безъ доказаннаго участія человѣка, и если этотъ камень, кусокъ дерева подвергался осужденію, онъ торжественно выбрасывался за предѣлы города [3]). Духъ этого замѣчательнаго судопроизводства встрѣчается и въ старомъ англійскомъ законѣ (уничтоженномъ въ настоящее царствованіе), по которому не только животное, убившее человѣка, но и переѣхавшее черезъ него колесо, или убившее его при своемъ паденіи дерево—отдаются Богу, т.-е. конфискуются и продаются въ пользу бѣдныхъ, или, какъ говоритъ Брактонъ: „Omnia quae movent ad mortem sunt Deo danda". Д-ръ Рейдъ, комментируя этотъ законъ, говоритъ, что тутъ не предполагалось наказывать быка или колесо, какъ преступниковъ, а только „внушить народу священное уваженіе къ жизни человѣка". Но этотъ аргументъ скорѣе указываетъ на неосновательность такого рода непродуманныхъ разсужденій о происхожденіи какого-либо закона, когда они не подтверждаются необходимымъ свидѣтельствомъ исторіи и этнографіи [4]). Это первобытное понятіе встрѣчается во всей своей крайности и въ современныхъ народныхъ повѣрьяхъ. Въ Англіи извѣстенъ трогательный обычай „объявлять пчеламъ" о смерти хозяина или хозяйки дома. Въ Германіи же эта идея выражается еще полнѣе: тамъ печальное извѣстіе передается не только каждому улью въ саду и каждому животному въ хлѣвѣ, но къ каждому мѣшку съ хлѣбомъ; ко всему находящемуся въ домѣ должно прикоснуться и толкнуть его, чтобы и имъ было извѣстно, что хозяина не стало [5]).

Анимизмъ содержитъ въ себѣ нѣсколько доктринъ, которыя такъ неуклонно ведутъ къ олицетворенію, что дикари и варвары, безъ всякаго, повидимому, усилія, придаютъ непрерывную индивидуальную

[1]) Macrae in «As. Res.», vol. VII, p. 189.
[2]) Bastian, «Oestl. Asien», vol. I, p. 51.
[3]) Grote, vol. III, p. 104; vol. V, p. 22; Herodot. I, 189; VII, 34; Porphyr. de Abstinentia, II, 30; Pausan. I, 28; Pollux, «Onomasticon».
[4]) Reid, «Essays», vol. III, p. 113.
[5]) Wuttke, «Volksaberglaube», p. 210.

жизнь явленіямъ, которыя мы, при крайнемъ напряженіи нашей фантазіи, способны олицетворять только въ видѣ сознательной метафоры. Идея о преобладающей волѣ и жизни въ природѣ, выходящая далеко за предѣлы современнаго понятія о томъ же предметѣ, вѣрованіе въ личныя души, одушевляющія даже то, что мы называемъ неодушевленными предметами, теорія о переселеніи душъ, какъ при жизни, такъ и послѣ смерти, понятіе о миріадахъ духовныхъ существъ, то носящихся въ воздухѣ, то обитающихъ въ деревьяхъ, скалахъ или водопадахъ, и сообщающихъ такимъ образомъ свои личныя свойства этимъ матеріальнымъ предметамъ,—всѣ эти идеи проявляются въ миѳологіи въ такихъ разнообразныхъ сочетаніяхъ, что прослѣдить дѣйствіе каждой изъ нихъ отдѣльно является дѣломъ до крайности труднымъ [1]).

Это анимистическое происхожденіе природныхъ миѳовъ проявляется весьма ярко въ большой космической группѣ миѳовъ о Солнцѣ, Лунѣ и Звѣздахъ. Въ первобытной философіи всего міра, Солнце и Луна одарены жизнью и по природѣ своей принадлежатъ какъ бы къ существамъ человѣческимъ. Обыкновенно противополагаемые другъ другу, какъ мужчина и женщина, они, однако, различаются относительно пола, приписываемаго тому или другому, также какъ и въ своихъ отношеніяхъ между собою. У племени Мбокоби въ Южной Америкѣ, Луна играетъ роль мужа, а Солнце—его жены; по преданію, она однажды упала съ неба и была снова поставлена на мѣсто индѣйцемъ; но она упала вторично и зажгла лѣсъ, который вскорѣ обратился въ море пламени [2]). Противоположная сторона этой идеи и вмѣстѣ съ тѣмъ живое воображеніе дикарей при олицетвореніи небесныхъ тѣлъ выражается въ слѣдующемъ разговорѣ о затменіяхъ, происходившемъ между алгонкинскими индѣйцами и отцомъ Ле-Женомъ, однимъ изъ первыхъ іезуитскихъ миссіонеровъ въ Канадѣ, въ XVII столѣтіи: „Je leur ay demandé d'où venoit l'Eclipse de Lune et de Soleil; ils m'ont respondu que la Lune s'éclipsoit ou paroissoit noire, à cause qu'elle tenoit son fils entre ses bras, qui empeschoit que l'on ne vist sa clarté. Si la Lune a un fils, elle est mariée, ou l'a été, leur dis-je. Oüy dea, me dirent-ils, le Soleil est son mary, qui marche tout le jour, et elle toute la nuict; et s'il s'éclipse, ou s'il s'obsurcit, c'est qu'il prend aussi par fois le fils qu'il a eu de la Lune entre ses bras. Oüy, mais ny la Lune ny le Soleil n'ont point de bras, leur disois-je. Tu n'as point d'esprit: ils tiennent tousiours leurt arcs bandés deuant eux, voilà pourquoy

[1]) См. главу XI.

[2]) D'Orbigny, «L'Homme Américain», vol. II, p. 102. См. также De la Borde, «Caraibes», p. 525.

leurs bras ne paroissent point. Et sur qui veulent-ils tirer? Hé qu'en sçauons nous?“ [1]). Важная въ миѳологическомъ отношеніи легенда того же племени есть оттаваскій разсказъ о Іоско, въ которомъ Солнце и Луна описываются какъ братъ и сестра. Два индѣйца, говорится въ ней, вскочили чрезъ отверстіе въ небо и очутились въ прелестной, озаренной луннымъ сіяніемъ, мѣстности; тутъ они встрѣтились съ выходившей изъ-за холма Луною, которую они узнали съ перваго взгляда; это была пожилая женщина, съ блѣднымъ лицомъ и привлекательною наружностью; ласково говоря съ ними, она повела ихъ къ брату своему Солнцу, который взялъ ихъ съ собою и совершилъ съ ними свой путь, а затѣмъ отпустилъ домой, обѣщавши имъ счастливую жизнь [2]). Подобно тому, какъ у египтянъ Озирисъ и Изида были въ то же время Солнцемъ и Луною, братомъ и сестрою, мужемъ и женою, то же было и у перуанцевъ относительно Солнца и Луны, и браки инковъ между братьями и сестрами находили такимъ образомъ свое значеніе и оправданіе въ самой религіи [3]). Миѳы другихъ странъ, въ которыхъ подобныя отношенія половъ могутъ не проявляться, выражаютъ, тѣмъ не менѣе, такое же жизненное олицетвореніе въ постоянно повторяющихся, но вѣчно свѣжихъ разсказахъ о днѣ и ночи. Такъ, мексиканцы разсказываютъ, какъ старое солнце выгорѣло, и весь міръ остался объятымъ темнотою, и какъ тогда древній ихъ герой бросился въ огромное пламя, опустился въ подземный мракъ, и возникъ на востокѣ, блестящій и обоготворенный въ образѣ Тонатіу, или Солнца. Послѣ него бросился туда же другой герой, но сила пламени уже уменьшилась, и онъ воскресъ менѣе блестящимъ сіяніемъ, въ видѣ Мецли, или Луны [4]).

Если намъ возразятъ, что все это можетъ быть не что иное, какъ выразительная форма рѣчи, подобно поэтической метафорѣ современ-

[1]) Я спросилъ у нихъ — отчего происходитъ затменіе Луны и Солнца; они отвѣчали мнѣ, что Луна затмевалась или казалась черной, оттого, что она держала на рукахъ своего сына, который не давалъ видѣть ея свѣтъ.—Если у Луны есть сынъ, стало быть, она замужемъ, или была замужемъ, сказалъ я имъ.—Да, сказали они, ея мужъ—Солнце, который ходитъ весь день, а она всю ночь; и если онъ затмевается или темнѣетъ, это значитъ—онъ также беретъ иногда на руки своего сына отъ Луны.—Да, но ни Луна, ни Солнце не имѣютъ рукъ, говорилъ я имъ.—Ты ничего не понимаешь: они постоянно держатъ передъ собой натянутыя луки,—вотъ почему не видать ихъ рукъ.—Въ кого же они хотятъ стрѣлять?—А мы почему знаемъ? Le Jeune въ «Relations des Jésuites dans la Nouvelle France», 1634, p. 26. См. Charlevoix, «Nouvelle France», vol. II, p. 170.

[2]) Schoolcraft, «Algic Researches», vol. II, p. 54; ср. «Tanner's Narrative», p. 317; см. также «Prose Edda», I, 11; «Early Hist. of M.», p. 327.

[3]) Prescott, «Peru», vol. I, p. 86; Garcilaso de la Vega, «Comm. Real»., I, c. 4.

[4]) Torquemada, «Monarquia Indiana», IV, 42; Clavigero, vol. II, p. 9; Sahagun въ Kingsborough, «Antiquities of Mexico».

наго поэта, мы можемъ привести доказательства, передъ которыми такія возраженія не могутъ имѣть силы. Когда, напр., алеуты думаютъ, что луна, если кто-нибудь оскорбитъ ее, будетъ бросать камнями въ оскорбителя и убьетъ его [1]), или когда луна спустилась къ индѣянкѣ въ образѣ прекрасной женщины съ ребенкомъ на рукахъ, и потребовала для себя приношенія табаку и мѣховой одежды [2]), — можетъ ли быть понятіе о личной жизни болѣе опредѣленнымъ? Или когда апачскій индѣецъ указалъ на небо и спросилъ бѣлаго человѣка: „Развѣ вы не вѣрите, что Богъ, это Солнце (que Dios, este Sol), видитъ, что мы дѣлаемъ и наказываетъ насъ, когда мы поступаемъ дурно?“ — возможно ли утверждать, что дикарь въ этомъ случаѣ имѣлъ въ виду риторическое уподобленіе? [3]). Въ Гомеровомъ пониманіи живого, личнаго Геліоса является нѣчто болѣе глубокое и обширное, нежели метафора. Даже и въ позднѣйшія времена, въ той же Греціи, по всей странѣ раздался крикъ негодованія противъ астрономовъ, этихъ богохульныхъ матеріалистовъ, которые отрицали не только божественность, но и самую личность солнца, и считали его огромнымъ горячимъ шаромъ. Еще позднѣе, Тацитъ,—разсказывая о Бойокалькѣ, защищавшемъ предъ римскимъ легатомъ свое племя, чтобы его не изгнали изъ занимаемыхъ имъ земель,—чрезвычайно ярко выставляетъ старое олицетвореніе, выродившееся у римлянъ въ уподобленіе, но сохранившее у германскихъ народовъ всю свою живучесть и религіозную силу. Поднявъ глаза къ солнцу и взывая къ другимъ небеснымъ тѣламъ, говоритъ историкъ, какъ будто, онъ считалъ ихъ всѣхъ присутствующими, германскій вождь спросилъ ихъ, неужели они хотятъ видѣть подъ собою опустѣвшую землю? (Solem deinde respiciens, et caetera sidera vocans, quasi coram interrogabat, vellentne contueri inane solum? [4]).

То же мы видимъ и относительно звѣздъ. Миѳологія дикарей богата разсказами о нихъ, которые, при всемъ своемъ различіи въ другихъ отношеніяхъ, всѣ сходятся въ томъ, что приписываютъ имъ одушевленную жизнь. О нихъ говорится не только какъ о воображаемыхъ личностяхъ, но имъ приписывается личная дѣятельность, и иногда даже объясняется, что онѣ нѣкогда жили на землѣ. Австралійскіе туземцы не только говорятъ, что звѣзды въ поясѣ и ножнахъ Оріона—молодые люди, танцующіе корробори, но объясняютъ также,

[1]) Bastian, «Mensch», vol. II, p. 59.
[2]) Le Jeune, въ «Relations des Jésuites dans la Nouvelle France», 1639, p. 88.
[3]) Froebel, «Central America», p. 490.
[4]) Tac. Ann. XIII, 55.

что Юпитеръ, котораго они называютъ „Стопою дня“ (Ginabong-Bearp), былъ вождемъ Старыхъ Духовъ, той древней расы, которая была перенесена на небо до появленія на землѣ человѣка [1]). Эскимосы не довольствуются тѣмъ, что называютъ звѣзды пояса Оріона Затерявшимися, и разсказываютъ сказку, въ которой онѣ описываются заблудившимися охотниками за тюленями, но совершенно опредѣленно утверждаютъ, что звѣзды прежде, чѣмъ подняться на небо, въ древности были людьми и животными [2]). Сѣверо-американскіе индѣйцы называютъ Плеядъ Танцующими, а утреннюю звѣзду — Подательницею дня, и, какъ видно изъ распространенныхъ у нихъ разсказовъ, названія эти имѣютъ не одно только поверхностное значеніе. Такъ, напримѣръ, іовасы повѣствуютъ о звѣздѣ, которою одинъ индѣецъ постоянно любовался во время своего дѣтства и которая спустилась къ нему и говорила съ нимъ, когда однажды онъ былъ утомленъ безуспѣшною охотою, и повела его на мѣсто, изобиловавшее дичью [3]). Бенгальскіе казіи говорятъ, что звѣзды были когда-то людьми: однажды они влѣзли на верхушку дерева (безъ сомнѣнія, большое небесное дерево, о которомъ говорится въ миѳологіи столь многихъ странъ), но оставшіеся внизу товарищи срубили стволъ и оставили ихъ на верху на вѣтвяхъ [4]). Руководясь подобными дикими воззрѣніями, едва ли возможно сомнѣваться относительно первоначальнаго значенія обычнаго классическаго олицетворенія звѣздъ. Простое ученіе объ одушевленіи звѣздъ можно прослѣдить чрезъ всѣ прошлые вѣка и до нашего времени. Оригенъ объясняетъ, что звѣды—существа одушевленныя и разумныя, такъ какъ въ движеніяхъ ихъ виденъ такой порядокъ и такой разумъ, что было бы нелѣпо приписывать такую способность существамъ неразумнымъ. Памфилій, въ своей апологіи за него, высказываетъ, что нѣкоторые смотрѣли на небесныя свѣтила, какъ на одушевленныя и разумныя существа, тогда какъ другіе считали ихъ простыми бездушными и безчувственными тѣлами, и потому нельзя назвать человѣка еретикомъ за то, что онъ придерживается того или другого воззрѣнія, такъ какъ по этому предмету не существуетъ опредѣленныхъ преданій, и сами духовныя лица имѣли на этотъ счетъ различныя мнѣнія [5]). Достаточно упомянуть здѣсь о весьма извѣстномъ средневѣковомъ ученіи о звѣздныхъ душахъ и звѣздныхъ ангелахъ,—ученіи, такъ тѣсно связанномъ съ

[1]) Stanbridge, in «Tr. Eth. Soc.» vol. I, p. 301.
[2]) Cranz, «Grönland», p. 295; Hayes, «Arctic Boat Journey», p. 254.
[3]) Schoolcraft, «Indian Tribes», part III, p. 276; см. также De la Borde, «Caraibes», p. 525.
[4]) H. Yule, въ «Journ. As. Soc. Bengal», vol. XIII (1844), p. 628.
[5]) Origen. De Principiis, I. 7. 3; Pamphil. Apolog. pro Origine, IX, 84.

*

заблужденіями астрологіи. Теорія о душахъ, оживляющихъ звѣзды, находитъ себѣ поборниковъ даже и въ наше время, и Де-Местръ, глава и руководитель реакціонныхъ философовъ, защищалъ противъ современныхъ астрономовъ древнее ученіе о личной волѣ въ движеніяхъ звѣздъ и теорію одушевленности планетъ [1]).

Поэзія до такой степени сроднила насъ съ древней одушевляющей философіею природы, что мы безъ особеннаго труда можемъ представить себѣ водяной смерчъ огромнымъ великаномъ или морскимъ чудовищемъ и изобразить его шествіе по волнамъ океана въ такъ называемой соотвѣтственной метафорѣ. Но тамъ, гдѣ подобный образъ рѣчи употребляется менѣе образованными расами, въ основаніи его всегда лежитъ какое-нибудь опредѣленное, прозаическое значеніе факта. Такъ, напр., водяные смерчи, такъ часто появляющіеся у береговъ Японіи, считаются мѣстными жителями длиннохвостыми драконами, „взлетающими на воздухъ плавнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ стремительнымъ движеніемъ", вслѣдствіе чего они называютъ ихъ „tatsmaki", „брызгающіе драконы" [2]). Китайцы полагаютъ, что водяной смерчъ производится дракономъ, который поднимается и опускается надъ водою; и хотя вслѣдствіе тучъ, никому не удавалось видѣть одновременно его голову и хвостъ, моряки и прибрежные жители тѣмъ не менѣе увѣрены, что видятъ это чудовище, когда оно поднимается изъ моря и опускается въ него [3]). Въ средневѣковой хроникѣ Іоанна Бромтонскаго упоминается о чудѣ, которое совершается приблизительно разъ въ мѣсяцъ въ Сataлійскомъ заливѣ, на Памфилійскомъ берегу. Въ облакахъ появляется какъ будто большой черный драконъ, который опускаетъ голову въ волны, тогда какъ хвостъ его кажется прикрѣпленнымъ къ небу; драконъ этотъ втягиваетъ въ себя волны съ такою силою, что можетъ приподнять вмѣстѣ съ ними и нагруженный корабль, и, во избѣжаніе этой опасности, экипажъ принужденъ кричать и производить шумъ, чтобы отогнать дракона. Впрочемъ, заключаетъ авторъ хроники, нѣкоторые говорятъ, что это не драконъ, а солнце, притягивающее воду, что̀ представляется болѣе вѣроятнымъ [4]). Мусульмане до сихъ поръ увѣрены, что водяные смерчи производятся исполинскими демонами, какъ это описывается въ „Арабскихъ сказкахъ":—„Море начало мутиться передъ ними, и изъ него поднялся черный столбъ,

[1]) De Maistre, «Soirées de Saint-Petersbourg», vol. II, p. 210, см. 184.
[2]) Kaempfer, «Japan», въ Pinkerton, vol. VII, p. 684.
[3]) Doolittle, «Chinese», vol. II, p. 265; см. Ward, «Hindoos», vol. I, p. 140 (пьющіе слоны Индры).
[4]) Chron. Joh. Bromton, in «Hist. Angl. Scriptores», X. Ric. I, 1216.

возвышавшійся до самаго неба и приближавшійся къ лугу... но тутъ они увидѣли, что то былъ Джинни гигантскихъ размѣровъ" [1]). Трудность объясненія подобныхъ выраженій заключается въ томъ, чтобы узнать, насколько это серьезно и насколько принималось за фантазію. Но и подобное сомнѣніе вовсе не противорѣчитъ первоначальному анимистическому значенію такихъ выраженій, относительно чего не можетъ быть вопроса въ слѣдующемъ разсказѣ о „великой морской змѣѣ",—разсказѣ, распространенномъ среди одного варварскаго племени восточной Африки. Одинъ изъ вождей племени Ваника разсказывалъ д-ру Крапфу о большой змѣѣ, которая иногда выступаетъ изъ моря, достигаетъ до самаго неба и появляется преимущественно во время сильныхъ дождей. „Я говорилъ имъ", прибавляетъ миссіонеръ, „что это не змѣя, а водяной смерчъ" [2]). Подобныя тому явленія на сушѣ породили подобную же группу миѳовъ. Мусульмане воображаютъ, что крутящіеся песочные столбы, поднимающіеся въ пустынѣ, производятся полетомъ злого джинна, а жители восточной Африки просто называютъ это демономъ (р'hеро). При созерцаніи этихъ чудовищныхъ образовъ, величественно передвигающихся по пустынѣ, всѣмъ путешественникамъ являлась мысль, что хорошо извѣстныя описанія въ „Арабскихъ сказкахъ" основаны на олицетвореніи самыхъ песочныхъ столбовъ въ видѣ гигантскихъ демоновъ, въ которые такъ естественно превращаетъ ихъ даже и фантазія современнаго человѣка [3]).

Грубыя и отдаленныя племена сходятся въ воззрѣніи на радугу, какъ на живое чудовище. Новозеландскій миѳъ, описывая битву между Бурею и Лѣсомъ, разсказываетъ, какимъ образомъ появилась Радуга, повернулась своею открытою пастью къ самому Тане-Магутѣ, Отцу Деревьевъ, и нападала на него до тѣхъ поръ, пока стволъ его не раскололся на двое, и изломанныя вѣтви не разсыпались по землѣ [4]). Идея о живой Радугѣ породила не только такой природный миѳъ, но и дѣйствительное благоговѣніе и страхъ. Бирманскіе карены говорятъ, что она—духъ или демонъ. „Радуга можетъ пожирать и людей... Когда она пожираетъ человѣка, онъ умираетъ внезапною или насильственною смертью. Всѣ тѣ, которыхъ постигаетъ тяжелая смерть, которые тонутъ, или лишаются жизни вслѣдствіе паденія, или бываютъ

[1]) Lane, «Thousand ane One N.» vol I, p. 30, 7.
[2]) Krapf, «Travels», p. 198.
[3]) Lane, ibid, pp. 38, 42; Burton, «El Medinah and Meccah», vol. II, p. 69; «Lake Regions», vol. I, p. 297; J. D. Hooker, «Himalayan Journals», vol. I, p. 79; Tylor, «Mexico», p. 30; Tyerman and Bennet, vol. II, p. 362. (Индусское piçácha=демонъ, смерчъ).
[4]) Taylor, «New Zealand», p. 121.

растерзаны дикими звѣрями, умираютъ потому, что радуга пожрала ихъ ka-la, или духъ. Поѣвши людей, она чувствуетъ жажду, и спускается напиться,—тогда ее видятъ на не бѣпьющею воду. Вслѣдствіе этого, когда показывается на небѣ Радуга, люди говорятъ: „Радуга пришла напиться воды. Смотрите, кто-нибудь непремѣнно умретъ жестокою или насильственною смертью". Играющимъ дѣтямъ родители говорятъ: „Радуга пришла пить; не играйте болѣе, чтобы съ вами не случилось какого-нибудь несчастія". И если, послѣ появленія Радуги, съ кѣмъ-нибудь случается какое-нибудь пагубное событіе, говорятъ, что его съѣла Радуга [1]). Идеи зулусовъ поразительно сходны съ этими. Радуга живетъ съ змѣею, т.-е. гдѣ находится она, тамъ находится и змѣя; или же она похожа на овцу, и живетъ въ озерѣ. Когда она прикасается къ землѣ, она пьетъ изъ озера. Люди боятся купаться въ большомъ прудѣ, говоря, что въ немъ Радуга, которая поймаетъ и съѣстъ всякаго, кто войдетъ въ воду. Когда Радуга выходитъ изъ рѣки или пруда и упирается въ землю, она отравляетъ встрѣчающихся ей людей, посылая имъ накожныя болѣзни. Люди говорятъ: „Радуга есть болѣзнь. Если она коснется человѣка, съ нимъ что-нибудь случится [2]). Въ Дагомеѣ, наконецъ, Радуга есть Данъ (Danh), Небесная Змѣя, дѣлающая бусы Попо и ниспосылающая людямъ благополучіе [3]).

Къ теоріи анимизма принадлежатъ также безконечныя сказки всѣхъ народовъ о геніяхъ, управляющихъ силами природы, о духахъ скалъ, колодцевъ, водопадовъ, вулкановъ, объ эльфахъ и лѣсныхъ нимфахъ, которые иногда доступны человѣческому глазу, когда они порхаютъ при лунномъ свѣтѣ, или собираются на своихъ волшебныхъ празднествахъ. Такія существа могутъ олицетворять тѣ естественные предметы, къ которымъ принадлежатъ, подобно тому какъ въ сѣверо-американской сказкѣ духъ-хранитель водопадовъ яростно стремится по своему ложу въ видѣ буйнаго потока, увлекающаго скалы и деревья въ своемъ сокрушительномъ теченіи, тогда какъ охраняющій духъ островов Верхняго Озера выступаетъ въ образѣ катящихся волнъ, покрытыхъ блестящею серебристою пѣною [4]). Иногда они бываютъ духами, руководящими природою и придающими ей силу, какъ, напримѣръ, духъ Фугаму (Fugamu), который сдѣлалъ водопадъ Nguyai, и до сихъ поръ денно и нощно блуждаетъ вблизи него, хотя негры, разсказывающіе о его существованіи, перестали видѣть его въ тѣлес-

[1]) Mason, «Karens», въ «Journ. As. Soc. Bengal», 1865, part II, p. 217.
[2]) Callaway, «Zulu Tales», vol. I, p. 294.
[3]) Burton, «Dahome», vol. II, p. 148; см. 242.
[4]) Shoolcraft, «Algic Res.», vol. II, p. 148.

ной формѣ [1]). Преобладающее при низшей культурѣ повѣрье, что болѣзни приносятся человѣку индивидуальными, личными духами, породило поразительные образцы развитія миѳа. Такъ, напримѣръ, дикій каренъ живетъ въ постоянномъ страхѣ сумасшедшаго „la", эпилептическаго „la" и другихъ изъ семи злыхъ духовъ, которые постоянно рыщутъ кругомъ, угрожая его жизни. Немногими ступенями выше этого первобытнаго состоянія мысли стоитъ вымыселъ персіянъ, которые представляютъ себѣ скарлатину въ видѣ тѣлеснаго существа Али.

„Would you know Al? she seems a blushing maid,
With locks of flame and cheeks all rosy red" [2]).

Это древнее и глубокое спиритуалистическое вѣрованіе слѣдуетъ всегда имѣть въ виду при чтеніи тѣхъ ужасныхъ сказаній, гдѣ смерть и язва бродятъ въ роковомъ человѣческомъ образѣ. Израильтяне представляли себѣ смерть и чуму въ лицѣ карающаго ангела, поражавшаго осужденныхъ [3]). Когда въ царствованіе Юстиніана свирѣпствовала моровая язва, народъ видѣлъ на морѣ мѣдныя лодки, экипажъ которыхъ были черные безголовые люди, и всюду, куда они приставали, немедленно появлялась язва [4]). Когда чума появилась въ Римѣ, св. Григорій увидѣлъ однажды, по окончаніи молитвы, на замкѣ Адріана архангела Михаила съ окровавленнымъ мечомъ; бронзовая статуя архангела стоитъ тамъ и до сихъ поръ, и повела къ переименованію старой крѣпости въ Замокъ Св. Ангела. Изъ цѣлой группы разсказовъ, гдѣ моровая язва изображена въ видѣ человѣка, бродящаго взадъ и впередъ по странѣ, наиболѣе рельефнымъ является, быть можетъ, слѣдующее славянское преданіе. Подъ сѣнью лиственницы сидѣлъ русскій крестьянинъ; солнце жгло его точно огнемъ. Онъ замѣтилъ вдали что-то движущееся, и, взглянувши опять, увидалъ, что это была Дѣва-чума, высокая, закутанная въ саванъ и приближавшаяся большими шагами къ нему. Онъ хотѣлъ было бѣжать отъ ужаса, но она схватила его своею длинною вытянутою рукою. „Знаешь ли ты Чуму?" спросила она. „Это я. Посади меня къ себѣ на плечи и неси меня по всей Руси; не пропускай ни села, ни города; мнѣ нужно побывать вездѣ. За себя самого не бойся—ты останешься цѣлъ среди умирающихъ". Схвативъ его своими длинными руками, она усѣлась у него на спинѣ; онъ отпра-

[1]) Du Chaillu, «Ashango-land», p. 106.
[2]) Знаете ли вы Аль? Она представляется цвѣтущей дѣвушкой,
Съ кудрями изъ пламени и щеками красными, какъ розы.
Jas. Atkinson, «Customs of the Women of Persia, p. 49.
[3]) 2 Сам. XXIV. 16; 2 Цар. XIX. 35.
[4]) G. S. Assemanni «Bibliotheca Orientalis», II. 86.

вился въ путь, видѣлъ надъ собою этотъ образъ, но не чувствовалъ никакой тяжести. Прежде всего онъ понесъ ее въ города; тамъ находили они пляски и веселыя пѣсни, но она махала своимъ саваномъ, и радость и веселье исчезали. Всюду, куда ни обращался взглядъ несчастнаго, онъ видѣлъ горе, слышалъ звонъ колоколовъ, встрѣчалъ погребальныя процессіи, и въ могилахъ не было уже мѣста для покойниковъ. Онъ проходилъ далѣе, и у каждой деревни слышалъ стонъ умирающихъ, и видѣлъ блѣдныя лица въ опустѣвшихъ домахъ. Но вотъ на пригоркѣ стоитъ его родная хижина: тамъ живутъ его жена, малыя дѣти, престарѣлые родители, и сердце его обливается кровью, когда онъ подходитъ ближе. Тогда онъ крѣпко схватываетъ дѣву и погружается съ нею въ волны. Онъ пошелъ ко дну, а она выплыла, но его безстрашная душа покорила ее, и она бѣжала въ далекія страны къ горамъ и лѣсамъ" [1]).

Но если взглянуть на миѳологію съ болѣе раціональной точки зрѣнія, становится яснымъ, что анимистическое развитіе поддается еще болѣе обширному обобщенію. Объясненіе процессовъ природы и ея измѣненій жизненными явленіями, похожими на жизнь созерцающаго ее мыслящаго человѣка, составляетъ только часть гораздо болѣе обширнаго умственнаго процесса. Объясненіе это принадлежитъ къ той великой теоріи аналогіи, которой мы обязаны столь значительной частью нашего пониманія окружающаго міра. Какъ бы недовѣрчиво ни относилась къ ней строгая наука за обманчивые ея результаты, аналогія все-таки остается нашимъ главнымъ орудіемъ открытія и поясненія, а въ болѣе раннихъ степеняхъ образованія вліяніе ея было почти безусловнымъ. Аналогіи, которыя для насъ не что иное какъ вымыселъ, были дѣйствительностью въ глазахъ людей прошлаго времени. Они могли видѣть огненные языки пламени, пожиравшаго свою жертву; они могли видѣть змѣю, которая, при взмахѣ меча, скользила по немъ отъ рукоятки до острія; они могли чувствовать въ своей утробѣ живое существо, которое грызло ихъ во время мученія голода; они слышали голоса горныхъ карловъ, отвѣчавшихъ имъ въ видѣ эха, и колесницу небеснаго бога, гремѣвшую громомъ по тверди небесной. Люди, для которыхъ все это было живыми мыслями, не имѣли нужды въ школьномъ учителѣ и его правилахъ риторики, въ его совѣтахъ осторожно пользоваться метафорою и постоянно заботиться о томъ, чтобы уподобленія были содержательны. Уподобленія древнихъ бардовъ и ораторовъ были содержательны, потому что они, повидимому, и видѣли, и слышали, и чувствовали ихъ: то, что мы называемъ поэзіей, было для нихъ дѣйствительною жизнью, а не маскарадомъ боговъ и героевъ, пастуховъ и пастушекъ, театральныхъ героинь и философствующихъ дикарей, размалеванныхъ и разукрашенныхъ перьями — какъ для современныхъ стихотворцевъ. Въ древности и среди народовъ нецивилизованныхъ природа была изображаема съ несравненно болѣе глубокою сознательностью въ безконечныхъ фантастическихъ подробностяхъ.

Надъ холмистою страною Ориссы, покоится на небѣ Пидзу Пенну, Богъ-Дождей кондовъ, и пропускаетъ дождь сквозь свое сито [1]). Надъ Перу стоитъ принцесса, которая держитъ сосудъ съ дождемъ, и когда братъ ея ударяетъ о кувшинъ, люди слышатъ ударъ въ громѣ и видятъ искру въ молніи [2]). Для древнихъ грековъ, Радуга спускалась Юпитеромъ съ неба, какъ пурпурный знакъ войны и бури; или то была сама Ирида, посредница между богами и людьми [3]). Для жителей острововъ Тихаго Океана это была небесная лѣстница, по которой поднимались и опускались древніе герои [4]); а для скандинавовъ то былъ Бифрёстъ, дрожащій мостъ, окрашенный тремя цвѣтами и протянутый съ неба на землю; въ германскомъ же народномъ преданіи это былъ мостъ, по которому души праведниковъ проходили въ рай подъ защитою своихъ ангеловъ-хранителей [5]). Подобно израильтянамъ, называвшимъ ее лукомъ Іеговы въ облакахъ, индусы также называли ее лукомъ Рамы [6]), а финны — лукомъ Тіермеса Громовержца, который убиваетъ ею колдуновъ, добивающихся смерти людей [7]). Кромѣ того, ее считали вышитымъ золотымъ шарфомъ, головнымъ уборомъ изъ перьевъ, вѣнцомъ св. Бернарда или серпомъ одного изъ эстонскихъ божествъ [8]). Но, несмотря на безконечное разнообразіе этихъ миѳическихъ представленій, во всѣхъ нихъ проходитъ одно главное начало: очевидно, они навѣяны природой и аналогичны съ нею. Кто-то сказалъ о дикаряхъ Сѣверной Америки, что „въ основаніи вымысловъ индѣйцевъ всегда лежитъ какое-нибудь физическое и дѣйствительное явленіе" [9]). Это изреченіе заходитъ слишкомъ далеко, но въ извѣстныхъ предѣлахъ оно вполнѣ справедливо, не только по отношенію къ сѣверо-американскимъ индѣйцамъ, но и по отношенію ко всему человѣчеству.

¹) Hanusch, «Slav. Mythus», p. 322. Сравн. Torquemada, «Monarquia Indiana», I. c. 14 (Mexico); Bastian, «Psychologie», p. 197.

¹) Macpherson, «India», p. 357.
²) Markham, «Quichua Gr. and Dic.», p. 9.
³) Welcker, «Griech. Götterl.» vol. I, p. 690.
⁴) Ellis, «Polyn. Res.» vol. I, p. 231; Polack, «New. Z.», vol. I, p. 273.
⁵) Grimm, «D. M.» pp. 694—6.
⁶) Ward, «Hindoos», vol. I, p. 140.
⁷) Castren, «Finnische Mythologie», pp. 48, 49.
⁸) Delbrück въ Lazarus и Steinthal's Zeitschrift, vol. III, p. 269.
⁹) Schoolcraft, part III, p. 520.

Такія сходства, какъ только-что представленныя, сами собою говорятъ уму, безъ всякаго необходимаго вмѣшательства словъ. Какъ ни глубоко лежитъ языкъ въ основѣ нашей умственной жизни, но прямое сравненіе предмета съ предметомъ, дѣйствія съ дѣйствіемъ, коренится еще глубже. Умственная дѣятельность творца миѳовъ обнаруживается даже у глухонѣмыхъ, которые выработываютъ такія же аналогіи природы въ своихъ, не выраженныхъ словами, мысляхъ. Сколько разъ замѣчали въ нихъ предположеніе, будто ихъ руководители учили ихъ поклоняться и молиться солнцу, лунѣ и звѣздамъ, какъ живымъ существамъ. Нѣкоторые изъ нихъ описывали свои раннія понятія о небесныхъ тѣлахъ, какъ аналогичныя окружающимъ ихъ предметамъ: одному казалось, что луна сдѣлана изъ тѣста и прикрѣплена къ верхушкамъ деревьевъ, какъ мраморная плита къ столу, а звѣзды вырѣзаны большими ножницами и прикрѣплены къ небу; другому, что луна — горнило, а звѣзды — очаги, которые живущіе на небѣ зажигаютъ, подобно тому какъ мы засвѣчаемъ наши огни [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ миѳологія человѣческаго рода вообще полна примѣровъ такого рода пониманія природы, и предположить, что первоначальное ихъ происхожденіе коренится не глубже простого метафорическаго выраженія, значило бы игнорировать одно изъ замѣчательнѣйшихъ переходныхъ состояній нашей умственной исторіи.

Языкъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ значительное участіе въ образованіи миѳа. Уже самый фактъ индивидуализированія словами такихъ понятій, какъ зима и лѣто, холодъ и жаръ, война и миръ, добродѣтель и порокъ, давалъ составителю миѳовъ возможность представлять себѣ эти идеи въ видѣ личныхъ существъ. Языкъ дѣйствуетъ не только въ полномъ согласіи съ воображеніемъ, продукты котораго онъ выражаетъ, но онъ творитъ и самъ по себѣ, такъ что рядомъ съ миѳическими идеями, въ которыхъ рѣчь слѣдовала за воображеніемъ, есть и такія, въ которыхъ рѣчь шла впереди, а воображеніе слѣдовало по проложенному пути. Оба эти дѣйствія совпадаютъ слишкомъ близко въ своихъ результатахъ, чтобы можно было вполнѣ отдѣлить ихъ, но тѣмъ не менѣе ихъ слѣдуетъ различать, насколько это возможно. Я, съ своей стороны, склоненъ думать (въ чемъ нѣсколько расхожусь съ мнѣніемъ проф. Макса Мюллера объ этомъ предметѣ), что миѳологія низшихъ расъ опирается по преимуществу на основу реальной и осязательной аналогіи, и что великое распространеніе словесной метафоры въ миѳъ принадле-

[1]) Sicard, «Théorie des Signes, etc.» Paris, 1808, vol. II, p. 634; «Personal Recollections», by Charlotte Elizabeth, London, 1841, p. 182; Dr. Orpen, «The Contrast», p. 25. Сравн. Meiners, vol. I, p. 42.

житъ болѣе развитымъ періодамъ цивилизаціи. Однимъ словомъ, я считаю матеріальный миѳъ первичною, а словесный миѳъ вторичною формаціею. Но, справедливо ли это мнѣніе въ историческомъ отношеніи или нѣтъ,—существенное различіе между миѳомъ, основаннымъ на фактѣ, и миѳомъ, основаннымъ на словѣ, остается тѣмъ не менѣе достаточно очевиднымъ. Недостатокъ реальности въ словесной метафорѣ въ дѣйствительности не можетъ укрыться даже при наибольшемъ усиліи воображенія. Но, несмотря на эту существенную недостаточность, привычка придавать реальность всему, что только можетъ быть выражено словами, всегда росла и процвѣтала въ мірѣ. Описательныя имена становятся именами лицъ, понятіе о личности простирается до того, что вмѣщаетъ въ себѣ самыя абстрактныя понятія, къ которымъ только приложимо какое-либо имя, а реализированныя имена, эпитеты и метафоры переходятъ въ безконечное развитіе миѳа посредствомъ процесса, который такъ мѣтко охарактеризованъ Максомъ Мюллеромъ словами: „болѣзнь языка". Было бы, конечно, затруднительно, опредѣлить въ точности мысль, лежащую въ корнѣ каждой миѳической идеи, но въ простѣйшихъ случаяхъ можно вполнѣ прослѣдить ходъ ея образованія. Сѣверо-американскія племена олицетворили Nipinūkhe и Pipūnūkhe, существа, приносящія весну (nipin) и зиму (pipūn): Nipinūkhe приноситъ тепло, птицъ и зелень, а Pipūnūkhe опустошаетъ все своими холодными вѣтрами, своимъ снѣгомъ и льдомъ; одинъ приходитъ, когда другой уходитъ, и они между собою дѣлятъ міръ [1]). Точно такія же олицетворенія составляютъ главное содержаніе безконечныхъ природныхъ метафоръ нашей европейской поэзіи. По поводу весны говорятъ, что Май покорилъ Зиму, отворилъ свои ворота, послалъ письма для извѣщенія плодовъ о своемъ приходѣ, раскинулъ свою палатку и принесъ лѣсамъ ихъ лѣтнюю одежду. При олицетвореніи Ночи, День оказывается ея сыномъ, и каждый изъ нихъ объѣзжаетъ міръ въ небесной колесницѣ. Для умовъ въ этой миѳологической стадіи, Проклятіе является лицомъ, витающимъ въ пространствѣ, пока не нападетъ на свою жертву; Время и Природа являются реальными сущностями, а Судьба и Фортуна лично распоряжаются нашею жизнью. Но впослѣдствіи, съ измѣненіемъ самаго значенія, мысли, имѣвшія нѣкогда болѣе реальный смыслъ, становятся простыми поэтическими формами рѣчи. Стоитъ только сравнить дѣйствіе древняго и современнаго олицетворенія на нашъ собственный умъ, чтобы понять хотя отчасти то, что происходило въ этотъ промежутокъ времени. Мильтонъ можетъ быть

[1]) Le Jeune in «Rel. des Jes. dans la Nouvelle France», 1634, p. 13.

полонъ мысли, величественъ, классически поэтиченъ, когда разсказываетъ, какъ Грѣхъ и Смерть сидѣли за оградою ада, и какъ они перекинули чудовищный по своей длинѣ мостъ чрезъ глубокую пропасть, отдѣлявшую ихъ отъ земли. Тѣмъ не менѣе, смыслъ подобныхъ описаній кажется современному уму весьма незначительнымъ, и мы готовы судить о нихъ, какъ судимъ о какихъ-нибудь поддѣльныхъ неаполитанскихъ бронзахъ: „какъ поддѣлка антика, это весьма хорошо". Становясь на точку зрѣнія древнихъ скандинавовъ, намъ не трудно угадать, что самыя искусныя современныя подражанія не могутъ имѣть того глубокаго значенія, какое мы видимъ въ описаніи Гелы, богини смерти, суровой, блѣдной и страшной, живущей въ высокомъ домѣ, за крѣпкими рѣшетками, и держащей души умершихъ въ своихъ девяти мірахъ; Голодъ служитъ ей пищею, Голодная Смерть ножомъ, Забота—ложемъ и Нищета—занавѣсомъ. Но какъ скоро эти древнія вещественныя описанія переносятся въ новѣйшее время, духъ ихъ, несмотря на самое точное воспроизведеніе, совершенно мѣняется... Такъ мы называемъ это вычурнымъ юморомъ, когда Чарльзъ Лэмбъ, будучи старъ и немощенъ, писалъ однажды своему пріятелю: „Моими ночными товарищами стали теперь Кашель и Судорога; мы спимъ втроемъ въ одной постели". Впрочемъ, намъ слѣдовало бы, пожалуй, отнестись не слишкомъ критически къ этой шуткѣ, такъ какъ она въ одно и то же время послѣдствіе и воспоминаніе прошлой умственной жизни.

Различіе грамматическаго рода есть процессъ, тѣсно связанный съ образованіемъ миѳа. Грамматическій родъ бываетъ двоякій. То, что можетъ быть названо половымъ родомъ, извѣстно всякому классически-образованному англичанину, хотя оно почти совершенно исчезло изъ его родного языка. Въ латинскомъ языкѣ не только homo и femina естественно причислены къ мужскому и женскому роду, но и такія слова какъ pes (нога) и gladius (мечъ)—мужского рода, а biga (парная колесница) и navis (лодка)—женскаго, и то же различіе проведено между такими абстракціями, какъ honos и fides. Такимъ образомъ, безполые предметы и идеи классифицируются, какъ мужскіе и женскіе, несмотря на то, что былъ принятъ еще другой, средній, или „ни тотъ, ни другой" родъ, что можетъ отчасти быть объяснено тѣмъ, что этотъ послѣдній родъ возникъ позже, и что индо-европейскіе языки имѣли первоначально только мужской и женскій родъ, какъ это осталось до сихъ поръ въ еврейскомъ языкѣ. Хотя не легко объяснить въ частностяхъ обыкновеніе приписывать полъ предметамъ, которые его не имѣютъ, но если судить о немъ по одной изъ главныхъ его идей, оставшейся до сихъ поръ вполнѣ понятною, то оно въ своихъ началахъ

не представляетъ ничего таинственнаго. Языкъ всегда дѣлаетъ замѣчательно мѣткое различіе между сильнымъ и слабымъ, суровымъ и мягкимъ, грубымъ и нѣжнымъ, когда противопоставляетъ ихъ, какъ мужское и женское. Не трудно понять даже такіе вымыслы, какіе, по описанію Піетро делла Валле, существовали у средневѣковыхъ персіянъ, которые на практикѣ различали мужское и женское, т.-е. сильное и нѣжное, даже въ такихъ вещахъ, какъ пища и одежда, воздухъ и вода, которымъ соотвѣтственно тому и назначалось то или другое примѣненіе [1]). Особенно сильно и ясно выражаются въ этомъ отношеніи даяки на Борнео, которые говорятъ о сильномъ ливнѣ, „ujatn arai, 'sa!"—„мужчина дождь этотъ!" [2]). Какъ ни трудно рѣшить, насколько предметы и мысли классифицировались въ рѣчи, какъ мужскіе и женскіе, вслѣдствіе того, что были олицетворены, и насколько они олицетворялись, въ силу того, что были классифицируемы какъ мужскіе и женскіе, но, во всякомъ случаѣ, очевидно, что оба эти процесса совпадаютъ и содѣйствуютъ другъ другу [3]).

Кромѣ того, при изученіи языковъ, лежащихъ внѣ круга обыкновеннаго европейскаго образованія, оказывается, что теоріи грамматическаго рода должны быть отведены болѣе обширные предѣлы. Въ дравидійскихъ языкахъ южной Индіи существуетъ интересное различіе между „старшимъ родомъ, или принадлежащимъ къ высшей кастѣ", который заключаетъ въ себѣ разумныя существа, т.-е. боговъ и людей, и „младшимъ родомъ, или не принадлежащимъ ни къ какой кастѣ", къ которому относятся неразумные предметы, будутъ ли то живыя животныя или неодушевленныя вещи [4]). Различію между одушевленнымъ и неодушевленнымъ родомъ придается особое значеніе въ семействѣ языковъ сѣверо-американскихъ индѣйцевъ-алгонкиновъ. У нихъ не только всѣ животныя принадлежатъ къ одушевленному роду, но также и солнце, луна, звѣзды, громъ и молнія, какъ существа олицетворенныя. Кромѣ того, къ одушевленному роду причисляются не только деревья и плоды, но и нѣкоторые исключительно-безжизненные предметы, которые, повидимому, пользуются этимъ отличіемъ вслѣдствіе своей особой святости или силы: таковы, напримѣръ, камень, служащій алтаремъ при жертвоприношеніяхъ маниту, лукъ, перо орла, котелъ, курительная трубка,

---

[1]) Pietro della Valle, «Viaggi», письмо XVI.
[2]) «Journ. Ind. Archip.» vol. II, p. XXVII.
[3]) См. замѣтку о стремленіи обозначенія пола въ языкѣ къ произведенію миѳа въ Африкѣ, у W. H. Bleek, «Reynard the Fox in S. Afr.» p. XX; «Origin of Lang.» p. XXIII.
[4]) Caldwell, «Comp. Gr. of Dravidian Langs.» p. 172.

барабанъ и вампумъ. Тамъ, гдѣ все животное считается одушевленнымъ, нѣкоторыя части его тѣла, взятыя отдѣльно, могутъ быть неодушевленными, какъ, напримѣръ, рука или нога, клювъ или крыло. Но даже и здѣсь извѣстные предметы, по извѣстнымъ причинамъ, причисляются къ одушевленному роду; таковы когти орла и медвѣдя, ногти человѣка, бобровая струя и другіе предметы, которымъ приписывается особая или мистическая сила [1]). Если бы кому-нибудь показалось страннымъ, что мысль дикаря до такой степени вся насквозь пропитана миѳологіею, пусть онъ обратитъ вниманіе на значеніе такого рода естественной грамматики. Подобный языкъ есть настоящее отраженіе цѣлаго міра миѳовъ.

Есть, впрочемъ, еще и другой путь, на которомъ языкъ и миѳологія могутъ дѣйствовать другъ на друга. Даже и мы, съ нашимъ притупленнымъ миѳологическимъ пониманіемъ, не можемъ придать индивидуальнаго имени безжизненному предмету, какъ, напримѣръ, лодкѣ или оружію, не представляя себѣ въ немъ при этомъ дѣйствіи нѣчто въ родѣ личности. У народовъ, миѳическія идеи которыхъ уцѣлѣли еще въ полной силѣ, подобный процессъ можетъ проявляться тѣмъ болѣе ярко. Быть можетъ, дикари, находящіеся на весьма низкой степени развитія, неспособны своей утвари или своимъ лодкамъ давать имена, какъ живымъ существамъ, но расы, стоящія нѣсколькими степенями выше, обнаруживаютъ этотъ пріемъ въ его совершенномъ развитіи. У зулусовъ, напримѣръ, мы находимъ имена для палицъ, Игумгеле (Igumgehle), или Ненасытная, У нотлола-мазибуко (U-nothlola-mazibuko), или Тотъ-кто-стережетъ бродъ; дротики называются Имбубузи (Imbubuzi), или Виновникъ-стоновъ, У-сило-си-ламбиле (U-silo-si-lambile), или Голодный Леопардъ, а такъ какъ оружіе это употребляется и въ домашнемъ быту, то извѣстнаго рода дротикъ носитъ иногда мирное имя У-симбела-бантабами (U-simbela-banta-bami), Онъ-копаетъ-для-моихъ-дѣтей [2]). Въ Новой Зеландіи существуетъ такой же обычай. Въ преданіяхъ о переселеніяхъ ихъ предковъ говорится, какъ Нгагуэ (Ngahue) сдѣлалъ изъ яшмы два острые топора, по имени Тутауру (Tutauru) и Гаугау-теранги (Hauhau-te rangi); какъ этими топорами были срублены лодки Арава (Arawa) и Таинуи (Tainui), и какъ на Те-Арава было два каменныхъ якоря, которые назывались Тока-пароре (Toka-parore), или Косой-камень, и Ту-те-ранги-гаруру (Tu-te-rangi-haruru), или Похожій-на-гремящее-небо. Эти легенды не обрываются въ далекомъ прошедшемъ, но переходятъ въ хронику, достигающую новѣйшихъ временъ. Только въ самое послѣднее время, говорятъ моарисы, пропалъ знаменитый топоръ Тутауру, а что касается серьги, по имени Каукау-матуа (Kaukau-matua), которая была сдѣлана изъ осколка того же камня, она, по ихъ увѣренію, существовала до 1846 года, когда обладатель ея, Те Геугеу (Te Heuheu) погибъ при обвалѣ земли [1]). И выше на пути цивилизаціи проявляется тотъ же дѣтскій обычай давать личныя имена неодушевленнымъ предметамъ; такъ, мы читаемъ о Міёльнирѣ, молотѣ Тора, который узнаютъ великаны, когда онъ приближается, летя по воздуху, о мечѣ Артура, Экскалибурѣ, который былъ схваченъ рукою, одѣтою въ бѣлый бархатъ, когда сэръ Бедиверъ отбросилъ его въ озеро, о могучемъ мечѣ Сида, Тизонѣ, Головнѣ, который онъ поклялся похоронить въ своей груди, если бы этотъ мечъ былъ побѣжденъ вслѣдствіе собственной его трусости.

Такимъ образомъ, ученія младенческой, первобытной философіи, приписывавшей личную жизнь всей природѣ вообще, и ранняя тиранія слова надъ человѣческимъ умомъ, оказываются двумя великими, если не величайшими двигателями миѳологическаго развитія. Тутъ дѣйствовали, конечно, и другія причины, которыя будутъ указаны въ связи съ нѣкоторыми спеціальными группами легендъ, и если бы можно было составить полный перечень этихъ причинъ, между ними оказалось бы еще много другихъ интеллектуальныхъ факторовъ. Во всякомъ случаѣ, необходимо вполнѣ уяснить себѣ, что такое изслѣдованіе процессовъ образованія миѳа возможно только при живомъ пониманіи состоянія человѣческаго ума въ миѳологическомъ періодѣ. Русскіе въ Сибири, прислушиваясь къ разговору грубыхъ киргизовъ, были поражены безпрерывнымъ потокомъ поэтической импровизаціи этихъ варваровъ, и говорили: „Чтó бы эти люди ни увидѣли, у нихъ все вызываетъ новыя фантазіи!“ Точно также цивилизованный европеецъ могъ бы противопоставить свою правильную, не гибкую, прозаическую мысль дикой хитро-сплетенной поэзіи и легендѣ древняго составителя миѳовъ; онъ также могъ бы сказать, что все, чтó ни видѣлъ этотъ послѣдній, давало поводъ къ порожденію вымысла. Ученый, занимающійся анализомъ миѳическаго міра и не обладающій способностью переноситься въ эту фантастическую атмосферу, можетъ придти къ столь печальному непониманію глубины и значенія этого міра, что приметъ его за простую безсмысленную вы-

[1]) Schoolcraft, «Indian Tribes», part II, p. 366. Относительно другихъ случаевъ см. преимущественно Pott въ Ersch und Gruber's «Allg. Encyclop.» art. «Geschlecht»; также D. Forbes, «Persian Gr.» p. 26; Latham, «Descr. Eth.» vol. II, p. 60.

[2]) Callaway, «Relig. of Amazulu», p. 166.

[1]) Grey, «Polyn. Myth.» pp. 132, etc., 211; Shortland, «Traditions of N. Z.» p. 15.

думку. Болѣе вѣрный взглядъ можетъ принадлежать тому, который имѣетъ поэтическую способность переноситься въ прошлую жизнь нашего міра, и, подобно актеру, способенъ на минуту забыть свою собственную личность, и вообразить себя тѣмъ лицомъ, которое онъ изображаетъ. Уордсвортъ, такъ мѣтко названный Максомъ Мюллеромъ „современнымъ древнимъ", могъ писать о Бурѣ и Зимѣ, и о нагомъ Солнцѣ, взбирающемся на небо, какъ будто онъ былъ одинъ изъ поэтовъ Ведъ во время возникновенія арійской расы, и „видѣлъ" своимъ умственнымъ взоромъ миѳическіе гимны Агни или Варунѣ. Для полнаго пониманія миѳа древняго міра нужны не одни аргументы и факты, но и глубокое поэтическое чувство.

Но тѣ изъ насъ, которымъ это рѣдкое дарованіе дано только въ незначительной мѣрѣ, должны хотя до нѣкоторой степени вмѣсто того руководиться фактами. Мы видимъ, что, во время поэтическаго періода мысли, образовавшіяся въ умѣ идеальныя представленія должны были имѣть въ глазахъ взрослыхъ мужчинъ и женщинъ нѣчто въ родѣ той реальности, которую они до сихъ поръ имѣютъ въ глазахъ дѣтей. Я всегда помнилъ, какъ живо я представлялъ себѣ, будучи ребенкомъ, что посредствомъ телескопа я могъ бы увидѣть по всему небу созвѣздія красными, желтыми, зелеными, какими мнѣ ихъ только что показали на небесномъ глобусѣ. Мы еще легче освоимся съ интенсивностью миѳическаго вымысла, если сравнимъ его съ ненормальною субъективностью болѣзненнаго состоянія. У низшихъ расъ и у народовъ, стоящихъ гораздо выше ихъ, болѣзненный экстазъ, вызванный созерцаніемъ, постомъ, наркотическими веществами, возбужденіемъ или болѣзнью, встрѣчается весьма часто и пользуется большимъ почетомъ именно среди тѣхъ классовъ, которыхъ особенно близко касается миѳическій идеализмъ, и подъ его вліяніемъ преграда между ощущеніемъ и воображеніемъ окончательно исчезаетъ. Въ Сѣверной Америкѣ одна индѣйская пророчица разсказывала однажды исторію своего перваго видѣнія: будучи уже женщиною, она во время поста и одиночества впала въ экстазъ, и по призыву духовъ взошла на небо по тропинкѣ, ведущей къ отверстію въ небѣ; тутъ ей послышался голосъ, и, остановившись, она увидѣла около самой тропинки человѣческую фигуру, голова которой была окружена сіяніемъ, а грудь покрыта четыреугольниками; онъ сказалъ: „Смотри на меня, меня зовутъ Oshauwaegeeghick, Блестящее Голубое Небо!" Перенеся впослѣдствіи это явленіе въ грубую живописную письменность своего племени, она нарисовала лучезарнаго духа съ іероглифическими рогами могущества и съ блестящимъ сіяніемъ вокругъ головы. Мы достаточно знакомы съ индѣйскими пиктографами, чтобы представить себѣ, какимъ

образомъ въ умѣ этого бѣднаго, возбужденнаго созданія зародился вымыселъ, съ подробностями, обычными для языка живописи; но какъ далеко намъ, съ нашимъ холоднымъ анализомъ, до ея глубокой вѣры въ то, что она въ своемъ видѣніи дѣйствительно созерцала это лучезарное существо, этого Зевса краснокожихъ индѣйцевъ [1]). И этотъ случай вовсе не исключителенъ; въ немъ лишь ясно выражается общее правило, что извѣстная идея, воплощенная и пущенная въ ходъ миѳическимъ вымысломъ, можетъ сразу пріобрѣсти всю опредѣленность факта. Если даже для перваго творца идея эта является только живою фантазіей, она, воплотившись въ слово и переходя изъ дома въ домъ, заставляетъ слушателей искренно вѣрить, что ее можно видѣть въ матеріальномъ образѣ, что ее кто-нибудь видѣлъ, что они сами видѣли ее. Обитатель южной Африки, представляющій себѣ своего бога съ искривленною ногою, во снѣ и въ видѣніяхъ всегда видитъ его съ такою же ногою [2]). Болѣе поэтическое воображеніе повело во времена Тацита къ расказамъ о далекомъ сѣверѣ Скандинавіи, гдѣ люди могутъ видѣть самыя фигуры боговъ и лучи, исходящіе отъ ихъ головъ [3]). Въ VI ст. могли еще видѣть славнаго бога-Нила, когда онъ, въ гигантскомъ человѣческомъ образѣ, выступалъ по поясъ изъ водъ своей рѣки [4]). Недостатокъ оригинальности есть, повидимому, одно изъ самыхъ замѣчательныхъ свойствъ видѣній мистиковъ. Простолюдинамъ католикамъ, склоннымъ къ видѣніямъ, до сихъ поръ являются въ одухотворенномъ образѣ Мадонны въ юбкахъ и коронахъ, какими онѣ изображены на стѣнахъ деревенскихъ домовъ, точно такъ же, какъ въ былое время монахи, подверженные экстазу, могли узнавать являвшихся имъ въ видѣніяхъ святыхъ, по принятымъ въ живописи, условнымъ аттрибутамъ. Когда въ народной мысли однажды установился образъ дьявола съ рогами, копытами и хвостомъ, онъ, разумѣется, всегда являлся людямъ въ этой принятой формѣ. Демонъ-сатиръ св. Антонія получилъ такую реальность во мнѣніи людей, что въ XIII ст. появился серьезный отчетъ о выставленной въ Александріи муміи подобнаго бѣса; и не далѣе пятнадцати лѣтъ тому назадъ, въ Тейгенмоутѣ распространился разсказъ о бѣсѣ, прогуливавшемся по стѣнамъ домовъ и оставлявшемъ на снѣгу отпечатки своихъ дьявольскихъ, вывернутыхъ назадъ ногъ. Не одно только зрѣніе приводитъ къ обманчивой реализаціи идеала; для подтвержденія ея всѣ внѣшнія чувства какъ будто всту-

[1]) Schoolcraft, «Indian Tribes», part I, p. 391 and pl. 55.
[2]) Livingstone, «S. Afr.», p. 124.
[3]) Tac. Germania, 45.
[4]) Maury, «Magie, etc.», p. 175.

паютъ въ заговоръ. Укажемъ слѣдующій поразительный примѣръ: существуетъ раздражающая лишайная болѣзнь, постепенно окружающая тѣло, точно поясомъ, вслѣдствіе чего она по-англійски называется chingles (отъ латинскаго cingulum). Не трудно понять дѣйствіе воображенія, вслѣдствіе котораго эта болѣзнь приписывается какой-то изгибающейся змѣѣ, и я помню случай въ Корнваллисѣ, гдѣ семейство заболѣвшей дѣвушки съ ужасомъ наблюдало, будетъ ли она вся опоясана этимъ гадомъ, такъ какъ, на основаніи повѣрья, больной долженъ умереть, если голова и хвостъ змѣи сойдутся. Но значеніе этого фантастическаго понятія выражается еще полнѣе въ сообщенномъ д-ромъ Бастіаномъ случаѣ, когда одинъ врачъ страдалъ чрезвычайно томительною болѣзнью, при чемъ ему казалось, будто змѣя обвилась вокругъ него, и эта идея дошла въ умѣ его до такой реальности, что въ минуту чрезмѣрныхъ страданій, онъ могъ видѣть змѣю и ощупывать руками ея твердую чешую.

Отношеніе болѣзненнаго воображенія къ миѳу особенно ясно обнаруживается въ исторіи весьма распространеннаго вѣрованія, проходящаго чрезъ дикій, варварскій, классическій, восточный и средневѣковой періоды и живущаго до сихъ поръ въ суевѣрныхъ понятіяхъ Европы. Это повѣрье, которое лучше всего можно назвать ученіемъ объ оборотняхъ, заключается въ томъ, что нѣкоторые люди одарены способностью, или обладаютъ волшебнымъ искусствомъ, превращаться на время въ хищныхъ звѣрей. Происхожденіе этой идеи выяснено еще далеко недостаточно. Но для насъ въ особенности долженъ быть важенъ фактъ ея повсемѣстнаго распространенія. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что подобное понятіе совершенно совмѣстимо съ анимистическою теоріею, по которой душа человѣка можетъ покинуть его тѣло и перейти въ какое-нибудь животное или птицу, а также и съ воззрѣніемъ, что человѣкъ можетъ быть превращенъ въ животное. Обѣ эти идеи играли значительную роль въ вѣрованіяхъ человѣчества, и въ дикомъ состояніи, и въ послѣдующихъ. Теорія оборотней, по существу своему, есть то же, что временный метемпсихозъ или метаморфозъ. Въ различныхъ видахъ умственнаго разстройства дѣйствительно случается, что больные бродятъ со всѣми признаками боязни, наклонны кусать и убивать людей и даже воображаютъ себя превращенными въ дикихъ звѣрей. Вѣра въ возможность подобнаго превращенія могла быть настоящею побудительною причиною къ порожденію въ умѣ больного фантазіи, что это превращеніе происходитъ съ его собственной личностью. Какъ бы то ни было, такія безумныя заблужденія существуютъ, и врачи прилагаютъ къ нимъ миѳологическій терминъ ликантропіи. Вѣрованіе въ оборотней, въ людей-тигровъ и тому подобное, можетъ такимъ образомъ имѣть сильную поддержку въ свидѣтельствѣ тѣхъ самыхъ лицъ, которыя воображаютъ себя такими существами. Въ массѣ этнографическихъ подробностей, относящихся къ этому предмету, выступаетъ замѣчательное однообразіе принципа.

Между туземцами Индіи неарійскаго происхожденія, у племени горъ Гаррау, „превращеніемъ въ тигра" называется извѣстнаго рода временное сумасшествіе, повидимому, однородное съ delirium tremens, во время котораго человѣкъ ходитъ, какъ тигръ, и чуждается общества [1]). Конды Ориссы говорятъ, что нѣкоторые изъ нихъ обладаютъ искусствомъ „mleepa", и съ помощью какого-то бога превращаются въ „mleepa", т.-е. тигровъ, съ цѣлью умерщвленія враговъ, при чемъ одна изъ четырехъ душъ человѣка служитъ для одушевленія тѣла животнаго. Настоящіе тигры, говорятъ конды, убиваютъ добычу для блага человѣка, который находитъ ее полусъѣденною и пользуется ею, но тигры, убивающіе людей, бываютъ или воплощеніемъ гнѣвной богини Земли, или превращенными людьми [2]). Такимъ образомъ, понятіе о человѣкѣ-тигрѣ, подобно такимъ же понятіямъ при другихъ обстоятельствахъ, служитъ для объясненія того факта, что нѣкоторые индивидуумы изъ дикихъ звѣрей выказываютъ особенную враждебность человѣку. Въ племени Говъ Сингбумѣ разсказывается, какъ примѣръ такого же рода вѣрованія, что человѣкъ, по имени Мора, видѣлъ, какъ тигръ умертвилъ его жену; онъ послѣдовалъ за звѣремъ и былъ приведенъ имъ къ дому человѣка, называвшагося Пузой. Узнавши о случившемся, родственники Пузы отвѣтили, что они знали за нимъ способность превращаться въ тигра, и вслѣдствіе этого вывели его связаннымъ, и Мора хладнокровно убилъ его. Мѣстныя власти начали слѣдствіе, и семейство убитаго показало въ подтвержденіе своего вѣрованія, что Пуза однажды ночью съѣлъ цѣлую козу, при чемъ онъ рычалъ, какъ тигръ, а въ другой разъ онъ говорилъ своимъ друзьямъ о сильномъ желаніи съѣсть такого-то вола, и въ ту же ночь этотъ самый волъ былъ убитъ и съѣденъ тигромъ [3]). Въ юго-восточной Азіи не менѣе распространена идея о колдунахъ, превращающихся въ человѣка-тигра и рыщущихъ за добычею; на Малайскомъ полуостровѣ якуны вѣрятъ, что когда человѣкъ дѣлается тигромъ съ цѣлью отмстить врагамъ,—превращеніе совершается

---

1) Eliot въ «As. Res.», vol. III, p. 32.
2) Macpherson, «India», pp. 92, 99, 108.
3) Dalton, «Kols of Chota-Nagpore» въ «Tr. Eth. Soc.», vol. VI, p. 32.

въ ту самую минуту, когда онъ собирается прыгнуть, и происходитъ на глазахъ людей [1]).

Говоря объ абипонахъ Южной Америки, Добрицгоферъ наглядно представляетъ, какъ живо возбужденное воображеніе племени, къ которому однажды привилось подобное вѣрованіе, можетъ реализировать его въ видѣ дѣйствительнаго событія. Когда колдунъ, желая отдѣлаться отъ врага, грозитъ, что превратится въ тигра и растерзаетъ всѣхъ его соплеменниковъ, онъ тогда только начинаетъ рычать, когда находится уже на нѣкоторомъ разстояніи отъ сосѣдей; но эти послѣдніе все-таки слышатъ это мнимое рычанье. „Смотрите", вопятъ они, „все его тѣло уже начинаетъ покрывается тигровыми пятнами". „Видите, какъ ростутъ его ногти", восклицаютъ пораженныя ужасомъ женщины, хотя онѣ даже не въ состояніи видѣть обманщика, спрятавшагося въ своей палаткѣ, но страхъ представляетъ ихъ смущенному взору явленія, не существующія въ дѣйствительности. „Вы ежедневно убиваете безъ страха тигровъ въ равнинѣ", говорилъ имъ миссіонеръ, „отчего же вы въ городѣ такъ трусливо бѣжите отъ ложнаго, воображаемаго тигра?" „Вы, добрые отцы, не понимаете въ этихъ дѣлахъ", отвѣчали ему съ улыбкой. „Мы никогда не боимся и убиваемъ тигровъ въ равнинѣ, потому что видимъ ихъ. Искусственныхъ тигровъ мы боимся, потому что не можемъ ни видѣть, ни убивать ихъ" [2]). Колдуны, заставлявшіе толпы легковѣрныхъ дикарей вѣрить въ этотъ чудовищный обманъ, были въ то же время спиритическими медіумами этихъ племенъ; обязанностью ихъ было поддерживать сношенія съ духами умершихъ, заставляя ихъ являться въ видимой формѣ, или ведя съ нимъ внятные разговоры позади занавѣски. Африка по преимуществу богата миѳами о людяхъ-львахъ, людяхъ-леопардахъ, людяхъ-гіенахъ. На языкѣ Канури въ Борну, изъ слова „bultu", гіена, грамматически составляетъ глаголъ „bultundin", означающій „я превращаюсь въ гіену", и туземцы утверждаютъ, что существуетъ городъ Кабутилоа, гдѣ каждый человѣкъ одаренъ этою способностью [3]). Племя Буда въ Абиссиніи, занимающееся кузнечнымъ и гончарнымъ мастерствами, отлучено отъ общества и христіанскихъ таинствъ вслѣдствіе повѣрья, что они, кромѣ этихъ цивилизованныхъ ремеслъ, обладаютъ еще дурнымъ глазомъ и способностью превращаться въ гіенъ. Въ

[1]) J. Cameron, «Malayan India», p. 393; Bastian, «Oestl. Asien», vol. I, p. 119, vol. III, pp. 261, 273; «As. Res.», vol. VI, p. 173.

[2]) Dobrizhoffer, «Abipones», vol. II, p. 77. См. J. G. Müller, «Amer. Urrelig.», p. 63; Martius, «Ethn. Amer.», p. 652; Oviedo, «Nicaragua», p. 229; Piedrahita, «Nuevo Reyno de Granada», part I, lib. I, c. 3.

[3]) Koelle, «Afr. Lit. and Kanuri Vocab.», p. 275.

„Жизнеописаніи Натаніэля Пирса" помѣщено свидѣтельство нѣкоего Коффина. Молодой Буда, его слуга, попросилъ отпустить его на нѣкоторое время, что было исполнено; но едва Коффинъ успѣлъ обернуться къ другимъ слугамъ, какъ нѣкоторые изъ нихъ окликнули его, указывая ему въ направленіи, по которому пошелъ молодой Буда: „Смотрите, смотрите, онъ обращается въ гіену". Коффинъ тотчасъ же оглянулся, молодой человѣкъ исчезъ, и молодая гіена побѣжала оттуда на разстояніи около ста шаговъ; это было при яркомъ дневномъ свѣтѣ, на открытой равнинѣ, гдѣ ни деревья, ни кусты не заслоняли вида. Буда вернулся на слѣдующее утро и, какъ всегда, скорѣе старался подтвердить, чѣмъ отрицать совершившееся чудо. Коффинъ говоритъ кромѣ того, что люди этого племени всегда носятъ какую-то особенную золотую серьгу, которую онъ часто встрѣчалъ въ ушахъ гіенъ, застрѣленныхъ въ капканахъ или заколотыхъ имъ самимъ и другими. Эти люди возбуждаютъ всеобщій ужасъ своимъ искусствомъ въ колдовствѣ, и издатель книги полагаетъ, что они сами вдѣваютъ серьги въ уши гіенъ, для поддержанія этого выгоднаго для нихъ суевѣрія [1]). Новѣйшее сообщеніе Мансфильда Паркинса показываетъ, насколько это вѣрованіе проникаетъ спиритуализмъ абиссинцевъ. Истерика, летаргія, болѣзненная нечувствительность къ боли и „одержаніе бѣсомъ", когда паціентъ говоритъ отъ имени вселившагося въ него духа и его языкомъ, всѣ такіе случаи приписываются духовному вліянію будасовъ. Паркинсъ описываетъ, между прочимъ, случай, когда его служанка, болѣзнь которой приписывалась вліянію одного изъ этихъ кузнецовъ-гіенъ, завлекалась имъ въ лѣсъ, гдѣ онъ долженъ былъ ее съѣсть. Однажды ночью, около деревни, послышался вой и хохотъ гіены; женщина была связана по рукамъ и ногамъ и ее крѣпко стерегли въ хижинѣ; вдругъ призывъ гіены послышался очень близко, и хозяинъ служанки, къ своему удивленію, увидѣлъ, что она встаетъ совершенно развязанная, подобно братьямъ Девенпортамъ, и пытается убѣжать [2]). По словамъ Дю-Шалью, въ странѣ Ашанго, случилась слѣдующая поучительная исторія. Ему сообщили, что леопардъ убилъ двоихъ людей, и что было много толковъ объ этомъ дѣлѣ; но это былъ не простой леопардъ, а превращенный человѣкъ. Двое изъ людей Акондого исчезли, и нашлась одна только кровь ихъ; тогда послали за знаменитымъ знахаремъ, который объявилъ, что виною всему былъ Акошо, племянникъ и

[1]) «Life and Adventures of Nathaniel Pearce» (1810—9), ed. by J. J. Halls, London, 1831, vol. I, p. 285; см. также «Tr. Eth. Soc.» vol. VI, p. 288; Waiz, vol. II, p. 504.

[2]) Parkyns, «Life in Abissinia» (1853), vol. II, p. 146.

наслѣдникъ самого Акондого. Начальникъ послалъ за молодымъ человѣкомъ, который на его вопросъ, объявилъ, что онъ дѣйствительно совершилъ убійства, но что это дѣлалось не по его волѣ, а потому, что онъ превращался въ леопарда, и тогда сердце его жаждало крови; послѣ совершенія преступленія онъ снова дѣлался человѣкомъ. Акондого такъ любилъ мальчика, что не хотѣлъ вѣрить его признанію, пока Акошо не повелъ его къ тому мѣсту въ лѣсу, гдѣ лежали искаженныя тѣла обоихъ людей, которыхъ онъ дѣйствительно убилъ подъ вліяніемъ своего болѣзненнаго воображенія. Его сожгли на медленномъ огнѣ въ присутствіи всего народа [1]).

О европейскихъ формахъ этихъ повѣрій, сравнительно хорошо извѣстныхъ, достаточно будетъ упомянуть только вкратцѣ. Какъ относительно непрерывности древняго преданія, такъ и относительно многочисленныхъ случаевъ, когда больные находятся въ заблужденіи, воображая, что сами подверглись превращенію,—Европа можетъ представить весьма полную систему такихъ подробностей отъ древняго до новѣйшаго времени. Виргилій въ „Буколикахъ" высказываетъ общераспространенное мнѣніе, что искусства оборотня-некроманта или „медіума" и колдуна были различными отраслями одной и той же силы; онъ говоритъ о Мёрисѣ, что онъ превращался въ волка, пользуясь для этого ядовитыми травами, вызывалъ души изъ могилъ и околдовывалъ посѣвы:

„Has herbas, atque haec Ponto mihi lecta venena
Ipse dedit Moeris; nascuntur plurima Ponto.
His ergo saepe lupum fieri et se candere sylvis
Moerin, saepe animas imis excire sepulcris,
Atque satas alio vidi traducere messes" [2]).

Изъ классическихъ воспоминаній, одно изъ самыхъ замѣчательныхъ есть повѣствованіе Петронія Арбитра о превращеніи „versipellis", или „оборотня". Въ немъ говорится о раненомъ волкѣ, и о томъ, какъ человѣкъ, скрывавшійся въ его образѣ, оказался раненымъ именно также. Въ европейскихъ разсказахъ объ оборотняхъ и вѣдьмахъ, идея эта встрѣчается постоянно, но не достаточно доказано, чтобы она первоначально зародилась у низшихъ расъ. Во времена Августина чародѣи увѣряли своихъ кліентовъ, что, посредствомъ извѣстныхъ травъ, они могутъ превращать ихъ въ волковъ, и, въ сравнительно недалекое еще

---

1) Du Chaillu, «Ashango-land», p. 52. Для другихъ подробностей объ Африкѣ см. Waitz, vol. II, p. 343; J. L. Wilson, «W. Afr.», pp. 222, 365, 398; Burton, «E. Afr.», p. 57; Livingstone, «S. Afr.», pp 615, 642; Magyar, «S. Afr.», p. 136.
2) Virg. Bucol. ecl. VIII, 95.

время, упоминается объ употребляемой съ этою цѣлью мази. Древне-скандинавскія саги говорятъ о воинахъ-оборотняхъ и объ „измѣняющихъ свой видъ" (hamrammr), которые буйствовали въ припадкахъ бѣшенаго сумасшествія. Датчане до сихъ поръ узнаютъ оборотня въ человѣкѣ, у котораго сходятся брови, чѣмъ онъ получаетъ сходство съ бабочкою, этимъ извѣстнымъ типомъ души, готовой улетѣть и войти въ другое тѣло. Въ послѣдній годъ войны между шведами и русскими, жители Кольмара говорили, что наводнившіе мѣстность волки были превращенные шведскіе плѣнники. Отъ легенды Геродота о неврахъ, которые ежегодно на нѣсколько дней превращались въ волковъ, мы можемъ прослѣдить ту же идею на славянской почвѣ, гдѣ говорится о ливонскихъ колдунахъ, которые ежегодно купались въ рѣкѣ и на двѣнадцать дней превращались въ волковъ. У славянъ до сихъ поръ сильно распространено суевѣріе, что волки, которые въ жестокія зимы иногда нападаютъ на людей, не что иное, какъ „вилколаки"—люди, превращенные въ волковъ посредствомъ колдовства. Современные греки замѣнили классическое λυκάνθρωπος славянскимъ терминомъ βρυκόλακας (по-болгарски „vrkolak"); этимъ обозначается человѣкъ, который впадаетъ въ каталептическое состояніе, въ то время какъ душа его переходитъ въ волка и жаждетъ крови. Въ современной Германіи, особенно на сѣверѣ, до сихъ поръ еще не исчезли разсказы о волчьихъ поясахъ, и въ декабрѣ не слѣдуетъ „говорить о волкѣ", называя его по имени, чтобы не растерзали оборотни. Англійское слово „werewolf", т.-е. man-wolf (человѣкъ-волкъ) (въ законахъ Канута—„verevulf"), составляетъ остатокъ стариннаго повѣрья этой страны, и если въ продолженіе вѣковъ оно играло маловажную роль въ англійскихъ народныхъ преданіяхъ, то это слѣдуетъ приписать не столько недостатку суевѣрія, сколько недостатку волковъ. Въ болѣе современномъ преслѣдованіи вѣдьмъ встрѣчается та же идея, перенесенная на другое животное, примѣромъ чему можетъ служить слѣдующій шотландскій разсказъ. Нѣкоторыя вѣдьмы въ Терсо долго преслѣдовали одного парня въ обычномъ образѣ кошекъ, пока однажды ночью онъ не разогналъ ихъ всѣхъ палашомъ, при чемъ отрубилъ лапу у одной изъ нихъ, оказавшейся менѣе проворною; поднявъ лапу, онъ съ ужасомъ замѣтилъ, что то была женская нога, а на другой день онъ увидѣлъ обладательницу ея, старую вѣдьму, съ одною только ногою. Во Франціи названіе оборотня исторически то же самое, какъ англійское „werewolf", т.-е. въ старинныхъ формахъ „gerulphus", „garoul", перешедшее теперь въ плеоназмъ „loupgarou". Во Франшъ-Конте, въ 1573 г. парламентъ издалъ законъ для истребленія оборотней; въ 1598 г. оборотень въ Анжерѣ по-

казалъ, что руки и ноги его превращаются въ когти волка; въ 1603 г., по дѣлу Жана Гренье, судья объявилъ ликантропію безумнымъ заблужденіемъ, но не преступленіемъ. Въ 1658 г., во французскомъ сатирическомъ описаніи волшебника, образъ вѣдьмы-оборотня выступалъ еще въ совершенной полнотѣ, какъ видно изъ слѣдующаго отрывка: „Я обучаю вѣдьмъ принимать образъ волка и пожирать дѣтей, и если кто-нибудь отрѣжетъ у нихъ ногу (которая оказывается человѣческою рукою), я покидаю ихъ и предаю ихъ во власть правосудія, если онѣ будутъ открыты“. Даже и въ настоящее время идея эта не перестала существовать у французскихъ крестьянъ. Менѣе десяти лѣтъ тому назадъ, Бэрингъ-Гоульдъ, будучи во Франціи, не могъ найти провожатаго, который согласился бы провести его въ сумерки по пустынному мѣсту, гдѣ водился оборотень. Этотъ самый случай навелъ его на мысль написать впослѣдствіи „Книгу объ оборотняхъ“, монографію этого замѣчательнаго соединенія миѳа и безумія [1]).

Если бъ мы судили о миѳахъ раннихъ временъ единственно съ помощью нашего современнаго воображенія, мы оказались бы неспособными выяснить необычайное ихъ вліяніе на жизнь и вѣрованія человѣчества. Но, изучая указанія, въ родѣ вышеприведенныхъ, мы получаемъ возможность представить себѣ обычное состояніе воображенія дикихъ и древнихъ народовъ, занимавшее среднее мѣсто между свойствами здраваго и прозаическаго современнаго горожанина и состояніемъ буйнаго фанатика или больного въ бреду горячки. Поэтъ и въ наше время имѣетъ еще много общаго съ умственнымъ состояніемъ нецивилизованныхъ племенъ на миѳологической стадіи мысли. Фантазіи грубаго человѣка могутъ быть незрѣлы, узки и отвратительны, тогда какъ болѣе сознательные вымыслы поэта могутъ быть наилучше выполнены въ формахъ поразительно артистической красоты, но оба они сходятся въ томъ чувствѣ реальности идей, которое, къ счастію или несчастію, современное воспитаніе пытается такъ сильно разрушить. Измѣненіе значенія одного только слова можетъ разсказать намъ исторію этого перехода отъ первобытной къ современной мысли. Отъ начала до конца работаетъ фантазія, но гдѣ дикарь видитъ фантазмы, цивилизованный человѣкъ наслаждается мечтами.

---

[1]) Собраніе европейскихъ примѣровъ можно найти у W. Hertz, «Der Werwolf»; Baring-Gould, «Book of Werewolves»; Grimm, «D. M.», p. 1047; Dasent, «Norse Tales», Introd. p. CXIX; Bastian, «Mensch», vol. II, pp. 32, 566; Brand, «Pop. Ant.», vol. I, p. 312, vol. III, p. 32; Lecky, «Hist. of Rationalism», vol. I, p. 82. Особыя подробности у Petron. Arbiter. Satir. LXII; Virgil. Eclog. VIII, 97; Plin. VIII, 34; Herodot. IV, 105; Mela II, 1; Augustin. De Civ. Dei, XVIII, 17; Hanusch. «Slaw. Myth.», pp. 286, 320; Wuttke, «Deutsche Volksaberglaube», p. 118.

ГЛАВА IX.

Миѳологія.

(Продолженіе).

Природные миѳы, ихъ происхожденіе, правила ихъ истолкованія, сохраненіе первоначальнаго смысла и выразительныхъ именъ.—Природные миѳы высшихъ дикихъ расъ въ сравненіи съ родственными формами у варварскихъ и цивилизованныхъ народовъ.—Небо и Земля, какъ Всеобщіе Родители.—Солнце и Луна: Затменіе и Закатъ Солнца, въ видѣ Героя или Дѣвы, поглощенной Чудовищемъ; Солнце, встающее изъ Моря и опускающееся въ Подземный міръ; Пасть Ночи и Смерти, Симплегады; Глазъ Неба, глазъ Одина и Граій.—Солнце и Луна, какъ миѳическіе цивилизаторы.—Луна, ея непостоянство, ея періодическая смерть и оживаніе.—Звѣзды, ихъ порожденіе.—Созвѣздія, ихъ мѣсто въ Миѳологіи и Астрономіи.—Вѣтеръ и Буря.—Громъ.—Землетрясеніе.

Установивъ общія начала развитія миѳа, мы можемъ перейти теперь къ обозрѣнію класса Природныхъ миѳовъ, и по преимуществу тѣхъ изъ нихъ, первый источникъ и наиболѣе вѣрное значеніе которыхъ, повидимому, оказывается среди низшихъ расъ человѣческаго рода.

Наука, занимающаяся изслѣдованіемъ природы, разъясняетъ ея факты и излагаетъ ея законы на техническомъ языкѣ, ясномъ и опредѣленномъ для опытнаго ученаго, но являющимся какимъ-то мистическимъ жаргономъ для варваровъ, простолюдиновъ или дѣтей. Языкъ поэтическаго миѳа, насколько послѣдній представляетъ собою настоящую поэзію, а не изысканное, вычурное подражаніе, предназначенъ для пониманія именно такихъ простыхъ, нетронутыхъ школьнымъ образованіемъ, умовъ. Поэтъ созерцаетъ тотъ же естественный міръ, какъ и человѣкъ науки, но въ своемъ, столь отличительномъ, пріемѣ онъ стремится облегчить всякую затруднительную мысль, придавая ей видимый и осязаемый образъ, относя для этого прежде всего міровое бытіе и движеніе къ такой же личной жизни, какую ощущаютъ въ себѣ его слушатели, давая такимъ образомъ широкое примѣненіе правилу, что „человѣкъ есть мѣрило всѣхъ вещей“. Стоитъ только отыскать

ключъ къ этому миѳическому нарѣчію, и его сложные и измѣнчивые термины станутъ реальными, и тогда будетъ видно, насколько легенда въ своихъ симпатическихъ разсказахъ о войнѣ, любви, преступленіи, случаѣ и судьбѣ сообщаетъ только все ту же вѣчную исторію обычной жизни міра. Миѳы, выработавшіеся изъ тѣхъ безконечныхъ аналогій между человѣкомъ и природою, которыя составляютъ душу поэзіи, и вылившіеся въ эти получеловѣческія сказанія, все еще не утратившія для насъ своей неувядаемой жизни и красоты—являются мастерскими произведеніями искусства, принадлежащаго болѣе къ прошедшему, чѣмъ къ настоящему. Развитіе миѳа было задержано наукою, и оно замираетъ подъ тяжестью мѣръ и вѣсовъ, пропорцій и моделей, и даже почти умерло уже, и разсѣкается анатомическимъ ножомъ ученыхъ. Въ этомъ мірѣ каждый долженъ сдѣлать то, что можетъ, и если въ людяхъ настоящаго времени миѳъ не вызываетъ тѣхъ же чувствъ, какъ въ предкахъ ихъ, имъ остается, по крайней мѣрѣ, возможность анализировать его. Мы видимъ нѣкотораго рода интеллектуальные предѣлы, въ которыхъ долженъ оставаться тотъ, кто симпатизируетъ миѳу, и внѣ которыхъ долженъ быть тотъ, кто желаетъ его изслѣдовать; къ счастію, мы живемъ около этой пограничной черты, такъ что можемъ переступать за нее и въ ту, и въ другую сторону. Европейскій ученый и теперь еще можетъ, до извѣстной степени, понимать вѣрованія грековъ, ацтековъ или маорисовъ въ ихъ туземныхъ миѳахъ, и въ то же самое время можетъ сравнивать и истолковывать ихъ, безъ того тревожнаго чувства, съ которымъ подходятъ къ нимъ люди, для которыхъ эти сказанія дѣйствительная и даже священная исторія. И кромѣ того, если бы вся человѣческая раса находилась на одинаковомъ съ нами уровнѣ культуры, намъ трудно было бы представить себѣ какое-либо племя въ томъ умственномъ состояніи, которому принадлежитъ первоначальное развитіе природнаго миѳа, точно такъ же какъ намъ трудно вообразить человѣчество на такой степени развитія, которая ниже всякой наблюдавшейся до сихъ поръ. Но различныя степени нынѣ существующей цивилизаціи сохранили межевые знаки длиннаго пути исторіи, и они цѣлы еще и теперь у милліоновъ дикарей и варваровъ, умъ которыхъ все еще производитъ, въ грубой архаической формѣ, миѳическія представленія о природѣ первобытнаго человѣка.

При первомъ знакомствѣ съ воззрѣніями новѣйшей школы миѳологовъ, и иногда даже послѣ долгаго и тщательнаго изученія ихъ, многіе нерѣдко относятся полускептически къ изяществу и простотѣ ихъ объясненій, и спрашиваютъ—неужели все это правда? Неужели возможно объяснить такую значительную часть классической, варварской

и средневѣковой европейской поэзіи, все тѣмъ же изображеніемъ Солнца и Неба, Утренней и Вечерней Зари, Дня и Ночи, Лѣта и Зимы, Облаковъ и Бури? Неужели столь многія дѣйствующія лица преданія, несмотря на ихъ героически-человѣческій образъ, могутъ имѣть реальное начало въ антропоморфическихъ миѳахъ природы? Оставляя въ сторонѣ общее обсужденіе этихъ мнѣній, мы увидимъ, что изслѣдованіе природной миѳологіи съ настоящей точки зрѣнія говоритъ въ пользу ихъ, по крайней мѣрѣ относительно руководящаго начала. Общее соображеніе, что къ числу первичныхъ источниковъ миѳа слѣдуетъ отнести такое непосредственное пониманіе природы, какое съ такою наивностью и даже смѣлостью выражается въ Ведѣ, подтверждается еще и иными доказательствами. Въ особенности въ преданіяхъ дикихъ расъ обнаруживается это миѳическое пониманіе внѣшняго міра, столь же первобытное, какъ и въ преданіяхъ древнихъ арійцевъ, сходное съ ними по общему характеру, и иногда замѣчательное по совпаденію даже самой эпизодической стороны. Въ то же время слѣдуетъ ясно сознавать, что вѣрность такого общаго начала не можетъ служить ручательствомъ за вѣрность частныхъ толкованій, которыя нѣкоторые миѳологи думаютъ основать на немъ, такъ какъ многія изъ этихъ толкованій крайне умозрительны, а многія безнадежно нелѣпы. Дѣйствительно, природный миѳъ требуетъ признанія своего обширнаго значенія въ легендарной поэзіи человѣчества, но лишь настолько, насколько его притязаніе поддерживается основательными и достовѣрными доказательствами.

Близкими и глубокими аналогіями между жизнью природы и жизнью человѣка, въ продолженіе вѣковъ, пользовались поэты и философы, которые въ своихъ уподобленіяхъ или аргументаціяхъ толковали о свѣтѣ и тьмѣ, о бурѣ и затишьѣ, о рожденіи, ростѣ, перемѣнѣ, упадкѣ, разрушеніи и возобновленіи. Но не слѣдуетъ допускать, чтобы эти, до безконечности многостороннія, совпаденія могли быть какимъ-либо одностороннимъ объясненіемъ сведены всѣ къ одной теоріи. Къ поспѣшнымъ выводамъ, которые вслѣдствіе видимаго сходства выводятъ эпизоды миѳа изъ эпизодовъ природы, слѣдуетъ относиться съ крайнимъ недовѣріемъ, такъ какъ ученый, не имѣющій другого, болѣе строгаго критерія для своихъ миѳовъ о солнцѣ и небѣ и разсвѣтѣ, найдетъ ихъ вездѣ, гдѣ только вздумаетъ искать ихъ. Достаточно простого испытанія, чтобы видѣть, куда можетъ повести такой методъ; нѣтъ той легенды, аллегоріи или дѣтской пѣсни, которая была бы въ безопасности отъ герменевтики всюду проникающаго миѳолога-теоретика. Положимъ, онъ объявилъ бы притязаніе на дѣтскую „Пѣсню о шестипенсовой монетѣ“ (Song of sixpence); ему не трудно было бы до-

казать это притязаніе: очевидно, что двадцать четыре дрозда означають двадцать четыре часа сутокъ, а пирогъ, въ которомъ они находятся, означаетъ землю съ небеснымъ сводомъ; какая вѣрно-подмѣченная черта природы видна въ томъ, что птицы начинаютъ пѣть, когда вскрывается пирогъ, т.-е. когда наступаетъ день; Король есть Солнце, а пересчитываемыя имъ деньги—солнечные лучи, или золотой дождь Данаи; Королева есть Луна, а ея прозрачный медъ—лунный свѣтъ; Служанка есть разсвѣтъ „съ розовыми перстами"; она встаетъ раньше солнца, своего господина, и развѣшиваетъ по небу его платье—облака; а тотъ дроздъ, который такъ трагично оканчиваетъ сказку, откусывая ей носъ—есть часъ восхода солнца. Для доказательства того, что эта, освященная временемъ, поэма есть дѣйствительно солнечный миѳъ, не достаетъ только одного, а именно: доказательства, основаннаго на аргументѣ болѣе твердомъ, чѣмъ простая аналогія. Не трудно также указать на солнечные эпизоды, олицетворенные въ историческихъ характерахъ, выбранныхъ съ извѣстной осмотрительностью. Такъ, Кортесъ, высаживающійся въ Мексикѣ и принятый ацтеками за самого Кветцалькоатля, жреца Солнца, возвращается съ Востока для возобновленія своего царства свѣта и славы; подобно Солнцу, покидающему Разсвѣтъ, онъ покидаетъ жену своей молодости, и въ болѣе зрѣлую пору жизни, измѣняетъ опять Маринѣ, ради другой невѣсты; подобно Солнцу, блестящая, побѣдоносная карьера его только изрѣдка прерывается бурями и на закатѣ жизни омрачается тучами печали и немилости. Жизнь Юлія Цезаря точно также подходитъ подъ схему солнечнаго миѳа; въ какую бы страну онъ ни являлся, онъ приходитъ, видитъ и побѣждаетъ; онъ покидаетъ Клеопатру, устанавливаетъ солнечный годъ, умираетъ отъ руки Брута, подобно Зигфриду въ пѣснѣ о Нибелунгахъ, умирающему отъ руки Гагена, и, падая подъ множествомъ ударовъ, обагренный кровью, онъ завертывается въ тогу, чтобы умереть во тьмѣ. Говоря языкомъ солнечнаго миѳа, слѣдующіе стихи могли бы быть болѣе примѣнены къ Цезарю, чѣмъ къ его убійцѣ Кассію.

„...O setting sun;
As in thy red rays thou dost sink to-night,
So in his red blood Cassius' day is set;
The sun of Rome is set!" [1]).

[1]) «... О заходящее солнце,
Какъ ты садишься сегодня въ красныхъ лучахъ,
Такъ закатился день Кассія въ красной крови;
Закатилось солнце Рима».

Такимъ образомъ, при истолкованіи героической легенды, на основаніи природнаго миѳа, слѣдуетъ быть чрезвычайно осторожнымъ въ пользованіи обстоятельственной аналогіей, и во всякомъ случаѣ здѣсь требуется доказательство болѣе убѣдительное, чѣмъ простое неясное сходство между человѣческою и космическою жизнью. Такого рода доказательства выступаютъ съ большею силою въ несмѣтномъ количествѣ миѳовъ, сомнѣваться въ значеніи которыхъ было бы, по меньшей мѣрѣ, безполезно: такъ мало скрыты въ именахъ или значеніяхъ обычныя явленія природы, представляемыя какъ событія личной жизни. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда разсказчики легендъ могли измѣнить или забыть ихъ первоначальное миѳическое значеніе—часто замѣчаются достаточныя основанія для попытки возстановленія его. Несмотря на искаженіе и измѣненіе, миѳы лишь медленно утрачиваютъ весь смыслъ своего первоначальнаго происхожденія. Такъ, напримѣръ, въ классической литературѣ достаточно сохранился смыслъ великаго солнечнаго миѳа грековъ, и даже Ламприѣръ въ классическомъ словарѣ признаетъ, что Аполлонъ, или Фебъ, „часто смѣшивались съ солнцемъ". Какъ другой примѣръ, можно указать, что греки никогда не забывали значенія Аргуса Паноптея, всевидящаго, стоглазаго стража Іо, убитаго Гермесомъ и превращеннаго въ павлина—и Макробій признаетъ въ немъ звѣздоглазое небо [1]). Арійскій Индра, Небо, точно также называется „тысячеглазымъ" (sahasráksha, sahasranayana). Въ настоящее время встрѣчается переживаніе или оживаніе этой мысли въ одной оригинальной области языка. Въ Lingua Furbesca, или воровскомъ нарѣчіи Италіи, слово argo означаетъ небо [2]), и кто бы ни былъ тотъ, кто ввелъ это слово, онъ долженъ былъ имѣть въ виду звѣздное небо, подстерегавшее его, подобно стоглазому Аргусу. Кромѣ того, этимологія именъ можетъ служить въ одно и то же время и руководителемъ, и охранителемъ миѳолога. Несмотря на всѣ старанія комментаторовъ, очевидное значеніе словъ много способствовало сохраненію признаковъ точнаго смысла въ классической легендѣ. Никто не оспаривалъ очевиднаго факта, что Геліосъ былъ Солнце, а Селена—Луна; и относительно Юпитера всѣ псевдо-историческія безсмыслицы не могли вполнѣ уничтожить идеи, что онъ былъ дѣйствительно Небо, такъ какъ языкъ сохранилъ это понятіе въ такихъ выраженіяхъ, какъ „sub Iove frigido" (подъ открытымъ небомъ). Объясненіе похищенія Персефоны, какъ природнаго миѳа о лѣтѣ и зимѣ, держится не одною только слу-

[1]) Macrob. «Saturn», I, 19, 12. См. Europ. Phoen. 1116, etc. and Schol. Welcker, vol. I, p. 336; Max Müller, «Lectures», vol. II, p. 380.
[2]) Francisque-Michel, «Argot», p. 425.

чайною аналогіею, но подтверждается самыми именами: Зевсъ, Геліосъ, Деметра, т.-е. Небо, Солнце и Мать Земля. Наконецъ, олицетвореніе природы до сихъ поръ совершенно очевидно въ сказаніяхъ о миѳическихъ существахъ, считавшихся властительными геніями звѣздъ или горъ, деревьевъ или рѣкъ, или же героями и героинями, дѣйствительно превращенными въ подобные предметы. Поэтъ можетъ и теперь, такъ же какъ и прежде, видѣть Атласа, поддерживающаго небо на своихъ могучихъ плечахъ, и пылкаго Алфея, преслѣдующаго дѣвственную Аретузу.

При изученіи естественныхъ миѳовъ всего міра, едва ли было бы полезно идти отъ понятій самыхъ низшихъ изъ человѣческихъ племенъ, и уже отъ нихъ восходить къ вымысламъ высшаго развитія; частью потому, что наши свѣдѣнія очень скудны относительно повѣрій этихъ скрытныхъ и рѣдко вполнѣ понятныхъ для насъ людей, и частью оттого, что существующія у нихъ легенды не достигли еще той художественной и систематической обработки, которую онѣ пріобрѣтаютъ у народовъ, стоящихъ непосредственно выше ихъ въ скалѣ цивилизаціи. Вслѣдствіе этого, наиболѣе удобнымъ будетъ принять въ основаніе миѳологію сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, островитянъ Тихаго Океана или другихъ высшихъ дикихъ племенъ, которыя въ настоящее время могутъ служить лучшими представителями древнѣйшаго миѳологическаго періода человѣческой исторіи. Для начала нашего обозрѣнія вполнѣ подходитъ замѣчательный по своему оригинальному совершенству и соотвѣтственности своей цѣли космическій миѳъ Новой Зеландіи.

Людямъ, повидимому, давно еще и часто приходило на умъ, что всепокрывающее Небо и всепорождающая Земля, какъ бы Отецъ и Мать всего міра, а всѣ живыя существа — люди, животныя и растенія — ихъ дѣти. Нигдѣ эта давно уже разсказывающаяся сказка не представляетъ намъ природу въ столь прозрачномъ олицетвореніи и не передаетъ намъ повседневную, обычную жизнь міра съ такою-дѣтскою простотою въ видѣ разсказа давно прошедшихъ временъ, какъ легенда о „дѣтяхъ Неба и Земли“, записанная сэромъ Джорджемъ-Греэмъ у маорисовъ менѣе двадцати лѣтъ тому назадъ. Отъ Ранги (Rangi), неба, и Папы (Papa), земли, сказано тамъ, произошли всѣ люди и вещи, но земля и небо прильнули другъ къ другу, и тьма покрывала ихъ и порожденныя ими существа, пока наконецъ дѣти ихъ не учинили совѣтъ — должны ли они разъединить своихъ родителей, или убить ихъ. Тогда Тане-Магута (Tane-Mahuta), отецъ лѣсовъ, сказалъ своимъ пяти великимъ братьямъ: „Лучше разлучить ихъ, и пусть небо станетъ высоко надъ нами, а земля ляжетъ подъ нашими ногами. Пусть небо сдѣлается

намъ чуждымъ, а земля останется близка къ намъ, какъ наша мать и кормилица“. И возсталъ Ронго-ма-тане (Rongo-'ma-tane), богъ и отецъ воздѣланной пищи человѣка, и пытался разъединить небо и землю; онъ напрягся, но тщетно, и тщетны также были усилія Тангароа (Tangaroa), отца рыбъ и пресмыкающихся, и Гаумія-Тикитики (Haumia Tikitiki), отца дикорастущей пищи, и Ту-Матауенга (Tu-Matauenga), бога и отца свирѣпыхъ людей. Тогда тихо поднялся Тане-Магута, богъ и отецъ лѣсовъ, и боролся со своими родителями, стараясь разъединить ихъ своими дланями и руками. „Вотъ онъ пріостановился; его голова теперь крѣпко уперлась въ его матерь-землю, свои ноги онъ поднялъ вверхъ и упираетъ въ отца-небо, и напрягаетъ онъ свою спину и члены въ могучемъ усиліи. Теперь разорваны Ранги и Папа, и съ плачемъ и проклятіями они громко застонали... Но Тане-Магута не останавливается; далеко, далеко подъ себя вдавливаетъ онъ землю, далеко, далеко надъ собою отбрасываетъ онъ небо“. Но Таугири-Ма-теа (Tauhiri-Ma-tea), отецъ вѣтровъ и бурь, никогда не соглашался на то, чтобы мать его оторвали отъ ея господина, и въ груди его возникло лютое желаніе напасть на своихъ братьевъ. Такъ богъ-бури поднялся и послѣдовалъ за своимъ отцомъ въ поднебесную область, и помчался къ защищеннымъ пещерамъ безпредѣльнаго неба, подъ кровомъ которыхъ онъ нашелъ себѣ пристанище и пріютъ. Тогда вышли его дѣти, могучіе вѣтры и буйные шквалы, тучи темныя, плотныя, огненныя, дико мчавшіяся, съ трескомъ разражавшіяся, и, посреди ихъ, ихъ отецъ ринулся на своего врага. Тане-Магута и его гигантскіе лѣса стояли, ничего не вѣдая и не подозрѣвая, когда бѣшеный ураганъ разразился надъ ними, съ трескомъ ломая встрѣчныя могучія деревья и разбрасывая по землѣ вырванные и растерзанные стволы и сучья, отдавая ихъ на съѣденіе насѣкомымъ и златницамъ. Тогда отецъ бурь бросился внизъ и началъ бичевать воды, такъ что волны поднялись подобно скаламъ, а Танга-роа, богъ океана и отецъ всего живущаго въ немъ, въ ужасѣ бѣжалъ по своимъ морямъ. Дѣти его, Икатере (Ikatere), отецъ рыбъ, и Ту-те-вегивеги (Tu-te-vehivehi), отецъ пресмыкающихся, также бросились искать себѣ безопаснаго мѣста. „Слушай, слушай, — кричалъ отецъ рыбъ, — давай скроемся въ море“, но отецъ пресмыкающихся кричалъ ему въ отвѣтъ: „нѣтъ, нѣтъ, лучше искать спасенія на сушѣ“; и такъ существа раздѣлились: рыбы ушли въ море, пресмыкающіяся искали спасенія въ лѣсахъ. Но морской богъ Тангароа, взбѣшенный измѣною дѣтей своихъ, пресмыкающихся, поклялся вѣчною враждою брату своему Тане, за то, что тотъ пріютилъ ихъ въ своихъ лѣсахъ. Тане, съ своей стороны, отплачиваетъ ему тѣмъ же, по-

зволяя дѣтямъ брата своего Ту-Матауенги, отца свирѣпыхъ людей, посредствомъ лодокъ и копій и удочекъ, сдѣланныхъ изъ его деревьевъ, и сѣтей, сплетенныхъ изъ его волокнистыхъ растеній, уничтожать всю рыбу, дѣтей бога-морей; а богъ-морей въ гнѣвѣ набрасывается на бога-лѣсовъ, заливаетъ его лодки волнами моря, сноситъ наводненіями его деревья и дома въ безпредѣльный океанъ. Затѣмъ богъ-бури набросился на братьевъ своихъ, отцовъ и родителей воздѣланной и дикой пищи, но Папа, земля, схватила ихъ и спрятала въ такое безопасное мѣсто, что богъ-бури искалъ ихъ тщетно. Тогда онъ накинулся на послѣдняго изъ братьевъ; отца свирѣпыхъ людей, но его онъ даже не могъ и пошатнуть, хотя и напрягалъ всю свою мощь. Какое было дѣло Ту-Матауенги до ненависти своего брата? Это онъ задумалъ планъ погибели своихъ родителей и выказалъ себя храбрымъ и свирѣпымъ на войнѣ; его братья отступили предъ ужаснымъ нападеніемъ бога-бури и его потомства: богъ-лѣсовъ и его дѣти были изломаны и разнесены въ мелкія щепки; богъ-моря и его потомство бѣжали въ глубину океана или въ береговыя углубленія; боги пищи нашли спасеніе въ тайномъ убѣжищѣ, но только человѣкъ всегда стоялъ отважно и непоколебимо на груди своей матери земли, пока сердца неба и бури не смягчились и не утихла ихъ вражда.

Но тогда Ту-Матауенга, отецъ свирѣпыхъ людей, сталъ думать, какъ ему отомстить своимъ братьямъ, которые оставили его безъ помощи во время его борьбы съ богомъ-бурь. Онъ свилъ силки изъ листьевъ дерева ванаки, и предъ нимъ пали птицы и звѣри, дѣти Тане, бога-лѣсовъ; онъ сплелъ сѣти изъ растенія льна, и ловилъ рыбъ, дѣтей Тангароа, бога-морей; онъ отыскалъ подземное убѣжище дѣтей Ронгома-тане, сладкій картофель и всю воздѣланную пищу, и дѣтей Гауміа-Тикитики, корень-папоротника и всю дикорастущую пищу, выкопалъ ихъ и заставилъ увядать на солнцѣ. Но хотя онъ взялъ верхъ надъ своими четырьмя братьями, которые всѣ послужили ему пищею, ему никогда не удалось одолѣть пятаго, Таугири-Ма-теа, бога-бури, который все еще насылаетъ на него ураганъ и бурю и старается сгубить его какъ на морѣ, такъ и на сушѣ. Вслѣдствіе порыва гнѣва бога-бури противъ своихъ братьевъ, суша скрылась подъ водами. Существа давнопрошедшихъ временъ, потопившія такимъ образомъ землю, были: Ужасный-дождь, долго-продолжающійся-дождь и свирѣпые-ураганы; дѣти ихъ были Туманъ, Тяжелая-роса и Легкая-роса, и оттого только небольшая часть суши осталась надъ поверхностью моря. Тогда яркій свѣтъ увеличился въ мірѣ, и существа, остававшіяся скрытыми между Ранги и Папа до ихъ разъединенія, теперь размножились на землѣ.

Вплоть до настоящаго времени безпредѣльное Небо всегда оставалось въ разлукѣ со своею супругою Землею. Но обоюдная любовь ихъ не прекращается; теплые мягкіе вздохи ея любящаго сердца и понынѣ возносятся къ нему, поднимаются отъ лѣсистыхъ горъ и долинъ, и люди называютъ ихъ туманами; а безпредѣльное Небо, тоскуя въ долгія ночи въ разлукѣ со своею возлюбленною, часто проливаетъ слезы на ея грудь, и люди, видя ихъ, называютъ ихъ каплями росы" [1]).

Разрывъ неба съ землею есть значительно распространенная полинезійская легенда, хорошо извѣстная и въ группѣ острововъ, лежащихъ къ сѣверо-востоку [2]). Но выработка ея въ только что представленный нами миѳъ, по всей вѣроятности, принадлежитъ Новой Зеландіи. Нѣтъ также основанія предполагать, чтобы та особая форма, въ которой записалъ ее англійскій губернаторъ у маорискихъ жрецовъ и разсказчиковъ, составляетъ достояніе отдаленнаго времени. Нельзя приписывать одной только продолжительности времени тотъ характеръ древности, который присущъ этому разсказу. Точно такъ же, какъ недавно еще употреблявшіеся жителями Новой Зеландіи теслы изъ полированнаго нефрита и плащи изъ вязаннаго льна принадлежатъ къ болѣе древнему историческому времени, чѣмъ бронзовыя боевыя сѣкиры и полотняныя покрывала древнихъ египтянъ — точно также поэтическое воспроизведеніе природы въ природномъ миѳѣ маори, принадлежитъ къ той стадіи интеллектуальной исторіи, которая у грековъ оканчивала свой вѣкъ двадцать пять столѣтій тому назадъ. Миѳическій вымыселъ, что Небо и Земля были отцомъ и матерью всего существующаго на свѣтѣ, естественно породилъ легенду, что въ древнѣйшія времена они были соединены, и только впослѣдствіи были разлучены другъ отъ друга. Въ Китаѣ та же идея мірового родства сопровождается такой же легендой о разлукѣ. Я не берусь рѣшать, существуетъ ли тутъ историческая связь между миѳологіею Полинезіи и Китая, но, безъ сомнѣнія, древняя китайская легенда о разъединеніи неба и земли въ первобытныя времена Пуангъ-Ку (Puang Ku), имѣла, повидимому, такую же форму, какъ и полинезійскій миѳъ. „Разсказываютъ, что нѣкто, по имени Пуангъ-Ку, открылъ или отдѣлилъ небо и землю, которые первоначально были тѣсно

---

[1]) Sir G. Grey, «Polynesian Mythology», p. I, etc., переводъ съ оригинальнаго маорискаго текста подъ заглавіемъ «Ko nga Mahinga a nga Tupuna Maori», etc., London, 1854. Сравн. съ Shortland, ‹Trads. of. N. Z.› p. 55, etc.; R. Taylor, «New Zealand», p. 114, etc.

[2]) Schirren, ‹Wandersagen der Neuseeländer, etc.», p. 42; Ellis, «Polyn. Res.» vol. I, p. 116; Tyermann and Bennet, p. 526; Turner, ‹Polynesia», p. 245.

соединены другъ съ другомъ" [1]). Что касается миѳическихъ подробностей разсказа о „дѣтяхъ Неба и Земли", едва ли въ нихъ найдется хоть одна мысль, которая не осталась бы до сихъ поръ вполнѣ прозрачною, или хоть одно слово, которое утратило бы для насъ свое значеніе. Грубые отрывки преданій, которые отцамъ нашимъ казались остатками древней исторіи, по справедливости могутъ быть названы воспоминаніями прошлаго, которое никогда не было настоящимъ; но простой природный миѳъ, какимъ мы находимъ въ его настоящемъ развитіи, или въ его возсозданіи изъ легендарныхъ остатковъ, можетъ скорѣе быть названъ воспоминаніемъ настоящаго, которое никогда не бываетъ прошедшимъ. Борьба бури съ лѣсомъ и океаномъ все еще происходитъ на нашихъ глазахъ; мы все еще видимъ побѣду человѣка надъ существами, населяющими сушу и море; растенія, служащія намъ пищею, все еще скрываются въ нѣдрахъ своей матери земли, а рыбы и пресмыкающіяся находятъ себѣ убѣжище въ океанѣ и лѣсной чащѣ; а могучія лѣсныя деревья твердо укрѣпились своими корнями въ почвѣ, тогда какъ вѣтви ихъ все выше и выше поднимаются къ небу. И, если мы постигли тайну человѣческой мысли во время младенчества нашей расы, для насъ, вмѣстѣ съ дикаремъ, до сихъ поръ можетъ казаться реальнымъ личное существованіе Неба и Земли нашихъ предковъ.

Идея о Землѣ, какъ матери, гораздо проще и нагляднѣе, и, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе этого гораздо болѣе распространена, чѣмъ идея о Небѣ, какъ отцѣ. У туземныхъ американскихъ расъ, Мать-Земля есть одна изъ великихъ миѳологическихъ личностей. Перуанцы поклонялись ей, какъ Мама-Ппачѣ (Mama-Pacha), или „Матери-Землѣ"; караибы, при землетрясеніи, говорили, что это Мать Земля пляшетъ, и тѣмъ повелѣваетъ имъ танцовать и веселиться, подобно ей, что̀ они и дѣлали. У сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, команчи обращались къ Землѣ, какъ къ матери, а къ Великому Духу, какъ отцу. Разсказъ, передаваемый Греггомъ, высказываетъ нѣсколько иное понятіе о миѳическомъ родствѣ. Генералъ Гаррисонъ, призвавъ однажды Текумсе (Tecumseh), вождя племени Шауни, чтобъ поговорить съ нимъ, сказалъ ему: „Поди сюда, Текумсе, и присядь около своего отца! „Ты—мой отецъ?" сурово отвѣтилъ вождь. „Нѣтъ! вотъ это солнце (указывая на него) — мой отецъ, и земля моя мать, и я останусь на ея груди", и онъ сѣлъ на землю. Такого же рода вымыселъ существовалъ у ацтековъ, какъ видно изъ слѣдующаго отрывка молитвы, съ которою мексиканцы обращались

[1]) Premare in Pauthier, «Livres Sacrés de l'Orient», p. 19; Doolittle, «Chinese», vol. II, p. 396.

къ Тецкатлипока во время войны: „Соблаговоли, о Господь, чтобы благородные воины, которые падутъ въ этой войнѣ, были приняты въ мирѣ и радости Солнцемъ и Землею, любящими отцомъ и матерью всего сущаго" [1]). Въ миѳологіи финновъ, эстовъ и лапландцевъ, Матерь-Земля есть богопочитаемая личность [2]). Въ англійской миѳологіи можно прослѣдить ту же самую мысль, начиная съ того времени, когда англосаксонцы обращались къ землѣ со словами: „Hal wes thu folde, fira modor", „хвала тебѣ землѣ, матери людей", затѣмъ въ средніе вѣка, когда англичане сдѣлали изъ этого загадку, спрашивая: „кто была мать Адама?" и, наконецъ, когда поэзія все еще держалась того, что̀ уже отпало отъ миѳологіи, и когда у Мильтона архангелъ обѣщаетъ Адаму, что жизнь его будетъ продолжаться,

„...tile, like ripe fruit, thou drop
Into thy mother's lap" [3]).

У арійской расы также далеко распространенъ и пустилъ такіе же глубокіе корни двойной миѳъ о „двухъ великихъ родителяхъ", какъ называются они въ Ригъ-Ведѣ. То были Dyaushpitar, Ζεὺς πατήρ, Юпитеръ, „Небо-Отецъ", и Prthivî mâtar, „Мать-Земля"; и родство ихъ вспоминается до сихъ поръ въ браманскомъ свадебномъ обрядѣ по Яджуръ-Ведѣ, и гдѣ женихъ говоритъ невѣстѣ: „Я небо, а ты земля, будь моею женою". Греки, называя мужемъ и женою Урана и Гею, или Зевса и Деметру, подразумѣваютъ подъ этимъ союзъ Неба и Земли; а Платонъ, говоря, что земля породила людей, а Богъ былъ ихъ творцомъ, по всей вѣроятности, имѣлъ въ виду ту же древнюю миѳическую мысль [4]). Она встрѣчается и въ древней Скиѳіи [5]), такъ же какъ и у китайцевъ, которые въ Шу-кингѣ называютъ Небо и Землю „Отцомъ и Матерью всѣхъ вещей". Китайская философія естественнымъ путемъ переработала эту идею въ схему двухъ великихъ началъ природы, Инъ и Іангъ, мужское и женское, небесное и земное, и изъ этого распредѣ-

[1]) J. G. Müller, «Amer. Urrelig.» pp. 108, 110, 117, 221, 369, 494, 620; Rivero и Tschudi, «Ant. of Peru», p. 161; Gregg, «Journal of a Santa Fé Trader», vol. II, p. 237; Sahagun, «Retorica, etc., Mexicana», cap. 3, въ Kingsborough, «Ant. of Mexico», vol. V.

[2]) Castrén, «Finn. Myth.» p. 86.

[3]) «Пока ты, какъ зрѣлый плодъ, не упадешь
На лоно своей матери».

Grimm, «D. M.» p. XIX, 229—33, 608; Halliwell, «Pop. Rhymes», p. 153; Milton, «Paradise Lost», IX, 273; XI, 535; см Lucretius, I, 250.

[4]) Pictet, «Origines Indo-Europ.» part II, pp. 663—7; Colebrooke, «Essays» vol. I, p. 220; Plato, Repub. III, 414—5.

[5]) Herod. IV. 59.

*

ленія природы вывела слѣдующее практическое нравоученіе: Небо, говорятъ философы династіи Сунгъ, породило мужчинъ, а земля—женщинъ, и поэтому женщина должна быть подвластна мужчинѣ, какъ Земля Небу [1]).

Касаясь ближе распространенныхъ по всему міру миѳовъ о Солнцѣ, Лунѣ и Звѣздахъ, правильность и одинаковость процессовъ человѣческаго воображенія прежде всего выражается въ повѣрьяхъ, относящихся къ затменіямъ. Всѣмъ извѣстно, что эти явленія, служащія теперь для насъ неоспоримыми примѣрами точности естественныхъ законовъ, въ болѣе низкихъ стадіяхъ цивилизаціи являются олицетвореніемъ сверхъестественнаго бѣдствія. У туземныхъ племенъ Америки можно подобрать типическій рядъ миѳовъ, описывающихъ и объясняющихъ этихъ вѣстниковъ несчастія, на основаніи правилъ философіи дикарей. Чикитосы южнаго материка думали, что за Луною гнались по небу огромныя собаки, которыя хватали и терзали ее, пока свѣтъ ея не становился багровымъ и тусклымъ отъ крови, струившейся изъ ея ранъ, и тогда индѣйцы, поднимая страшный вой и плачъ, стрѣляли въ небо, чтобы отогнать отъ нея чудовищъ. Караибы, полагая, что демонъ Мабойа, ненавистникъ всякаго свѣта, пытается пожрать Солнце и Луну, всѣ вмѣстѣ плясали и выли въ теченіе всей ночи, чтобы отогнать его. Перуанцы, представляя себѣ такого же злого духа въ образѣ чудовищнаго звѣря, поднимали при затменіи луны подобный же оглушительный шумъ, стрѣляли, играли на музыкальныхъ инструментахъ и били собакъ, чтобы и ихъ вой присоединялся къ этому ужасному концерту. Подобныя идеи не исчезли и въ наше время. На языкѣ тупи, солнечное затменіе выражается словами: „oarasu jaguaretê vû“, т.-е „ягуаръ съѣлъ солнце“, и полное значеніе этой фразы до сихъ поръ обнаруживается нѣкоторыми племенами тѣмъ, что они стрѣляютъ горящими стрѣлами, чтобы отогнать свирѣпаго звѣря отъ его добычи. На сѣверномъ материкѣ нѣкоторые дикари вѣрили также въ огромную солнце пожирающую собаку, а другіе пускали стрѣлы въ небо, для защиты своихъ свѣтилъ отъ воображаемыхъ враговъ, нападавшихъ на нихъ. Но рядомъ съ этими преобладающими понятіями существуютъ еще и другія; караибы, напр., представляли себѣ затмившуюся луну голодною и больною или умирающею; перуанцы воображали, что Солнце сердится и скрываетъ свой ликъ, а что больная Луна можетъ совершенно померкнуть, и тогда настанетъ конецъ свѣта; гуроны считали Луну больною и совершали свой обычный шаривари изъ стрѣляющихъ людей и воющихъ собакъ въ видахъ ея исцѣленія. Но отъ этихъ крайне примитивныхъ понятій, туземцы какъ Сѣверной, такъ и Южной Америки перешли, повидимому, къ философскимъ миѳамъ, нѣсколько болѣе подходящимъ къ дѣйствительнымъ фактамъ, такъ какъ они допускаютъ, что сами Солнце и Луна могутъ быть причинами своихъ затменій. Въ Куманѣ думали, что супруги — Солнце и Луна—поссорились, и одинъ изъ нихъ ранилъ другого, и Ожибвеи старались отвратить подобное столкновеніе страшнымъ шумомъ. Наука, въ своемъ прогрессивномъ ходѣ, подвинулась гораздо далѣе у ацтековъ, которые, при своихъ замѣчательныхъ астрономическихъ познаніяхъ, имѣли, кажется, и нѣкоторое понятіе о дѣйствительной причинѣ затменій, хотя остатки древняго повѣрья и сохранились у нихъ въ миѳологическомъ выраженіи, что Солнце и Луна бываютъ съѣдены [1]). Точно также и въ другихъ странахъ, при низкой степени культуры, преобладаютъ подобныя же миѳическія понятія. На островахъ Тихаго океана нѣкоторые полагали, что какое-то оскорбленное божество поглощало Солнце и Луну, и добровольными жертвоприношеніями старались побудить его извергнуть эти свѣтила изъ своей утробы [2]). На Суматрѣ существуетъ сравнительно научное понятіе, что затменіе происходитъ отъ дѣйствія Солнца и Луны другъ на друга, и, сообразно съ этимъ, народъ поднимаетъ страшный шумъ на своихъ музыкальныхъ инструментахъ, чтобы отвратить пожираніе одного изъ нихъ другимъ [3]). Въ Африкѣ можно найти въ одно и то же время грубѣйшую теорію о чудовищѣ-затменіи и болѣе развитое понятіе, что солнечное затменіе происходитъ оттого, что „Луна поймала Солнце“ [4]).

Нѣтъ причины удивляться тому, что во времена астрономическаго невѣжества такое поразительное небесное явленіе, какъ затменіе, возбуждало въ людяхъ боязнь приближающагося разрушенія міра. Реальность этой мысли и теперь еще кажется намъ возможной, когда мы взглянемъ, какъ это указалъ Кальме, много лѣтъ тому назадъ, на про-

[1]) Plath, «Religion der alten Chinesen», part I, p. 37; Davis, «Chinese», vol. II, p. 64; Legge, «Confucius», p. 106; Bastian, «Mensch», vol. II, p. 437; vol. III, p. 302.

[1]) J. G. Müller, «Amer. Urrelig.», pp. 53, 219, 231, 255, 395, 420; Martius «Ethnogr. Amer.», vol. I, pp. 329, 467, 585; vol. II, p. 109; Southey, «Brazil.», vol. I, p. 352; vol. II, p. 371; De la Borde, «Caraibes» p. 525; Dobrizhoffer, «Abipones», vol. II, p. 84; Smith и Lowe, «Journey from Lima to Para», p. 230; Schoolcraft, «Indian Tribes of N. A.» part I, p. 271; Charlevoix, «Nouvelle France», vol. VI, p. 149; Cranz, «Grönland», p. 295; Bastian, «Mensch», vol. III, p. 191; «Early Hist. of Mankind», p. 163.

[2]) Ellis, «Polyn. Res.» vol. I, p. 331.

[3]) Marsden, «Sumatra», p. 194.

[4]) Grant въ «Tr. Eth. Soc.», vol. III, p. 90; Koelle, «Kanuri Proverbs», etc. p. 207.

стыя описательныя слова, которыя пророкъ Іоиль примѣнилъ къ солнечному и лунному затменію: „Солнце будетъ обращено во тьму, а Луна въ кровь“; представленіе о какомъ бы то ни было явленіи природы не поставило бы его слушателей лицомъ къ лицу съ болѣе страшной и болѣе печальной картиной. Но теперь, когда затменіе давно уже перешло изъ области миѳологіи въ область науки, такія слова сохранили для насъ только слабый отблескъ своего прежняго значенія. Впрочемъ, древнее ученіе о затменіи не утратило еще всего своего интереса. Прослѣдить его съ ранняго дикаго періода до того времени, когда астрономія стала заявлять на него права, и изслѣдовать ходъ возникшаго по поводу его столкновенія между теологіею и наукою—столкновенія, уже прекратившагося среди насъ, но еще медленно замирающаго среди менѣе культурныхъ народовъ—значитъ ознакомиться съ такою главою въ исторіи человѣческихъ воззрѣній, изъ которой ученый, смотрящій какъ впередъ, такъ и назадъ, можетъ почерпнуть важныя поученія.

Есть основаніе предполагать, что всѣ, или почти всѣ, цивилизованные народы начали съ миѳа о чудовищѣ-Затменіи, выражавшагося въ формахъ столь же дикихъ, какъ и въ Новомъ Свѣтѣ. Онъ преобладаетъ и до сихъ поръ у великихъ азіатскихъ народовъ. Индусы говорятъ, что демонъ Рагу (Râhu) проникъ въ общество боговъ и получилъ долю амриты, напитка безсмертія; Вишну отрубилъ его съ тѣхъ поръ безсмертную голову, и она съ того времени преслѣдуетъ Солнце и Луну, бдительный взглядъ которыхъ открылъ непрошеннаго гостя въ божественномъ собраніи. Въ другомъ варіантѣ того же миѳа говорится о двухъ демонахъ Рагу и Кету, которые пожираютъ одинъ Солнце, а другой Луну, и, согласно явленіямъ обоихъ затменій, Рагу изображается чернымъ, а Кету—краснымъ; для изгнанія ихъ, населеніе поднимаетъ обычное шаривари, хотя отрубленныя отъ туловища головы должны, по естественному ходу вещей, выбрасывать добычу немедленно послѣ ея поглощенія. Или же Рагу и Кету представляютъ собою голову и тѣло разсѣченнаго демона, и этой идеей чудовище-Затменіе весьма остроумно приближается къ болѣе прогрессивной астрономіи, при чемъ голова и хвостъ отожествляются съ узлами восхожденія и захожденія. Слѣдующія замѣчанія по поводу этого разногласія въ вопросѣ о затменіи, сдѣланныя Сэмюелемъ Дэвисомъ, восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ Азіатскихъ Изслѣдованіяхъ, и теперь еще полны интереса. „Изъ всего объясненнаго очевидно, что Пундиты (Pŭndits), изучившіе Іотишъ шастру (Iyotish schastrŭ), имѣютъ болѣе правильныя понятія о формѣ земли и экономіи вселенной, чѣмъ приписываемыя индусамъ вообще, и

что они, вмѣстѣ съ другими одинаково нелѣпыми и ненаучными частностями, должны отвергать и смѣшное вѣрованье простыхъ браминовъ, что затменія производятся чудовищемъ Рагу. Но такъ какъ вѣрованье это основано на точныхъ и ясныхъ изреченіяхъ ведъ и пуранъ, божественное происхожденіе которыхъ не оспаривается ни однимъ благочестивымъ индусомъ, астрономы, нѣкоторымъ изъ нихъ, осторожно объясняли тѣ мѣста этихъ сочиненій, которыя не согласны съ ихъ наукою. Тамъ, гдѣ примиреніе было немыслимо, они, по мѣрѣ возможности, старались оправдать извѣстныя предложенія, по необходимости установившіяся на практикѣ, говоря, что часть сказаннаго въ другихъ шастрахъ могла быть истиннымъ и прежде, и остаться таковымъ и теперь, но что въ дѣлѣ астрономіи слѣдуетъ подчиняться правиламъ астрономіи“ [1]). Трудно найти болѣе разительный примѣръ послѣдствій, происходящихъ отъ облаченія философіи въ покровъ религіи и отъ допущенія жрецовъ и переписчиковъ обращать младенческую науку ранняго періода въ священные догматы послѣдующаго времени. У азіатскихъ народовъ, подчиненныхъ вліянію буддизма, миѳъ затменія обнаруживается въ своихъ различныхъ стадіяхъ. Грубые монголы поднимаютъ громкую, дикую музыку, чтобы отогнать Арахо (Aracho, Рагу) отъ Солнца или Луны. Д-ръ Бастіанъ упоминаетъ о другомъ буддистскомъ сказаніи, гдѣ Индра, богъ Небесъ, преслѣдуетъ Рагу своею громовою стрѣлою и вскрываетъ ему животъ, такъ что хотя онъ и проглатываетъ небесныя тѣла, но онѣ немедленно выходятъ изъ него [2]). Болѣе цивилизованные народы юго-восточной Азіи, признающіе демоновъ затменія Рагу и Кету, не вполнѣ отказались отъ своего вѣрованія, не только когда увидѣли, что иностранцы умѣютъ предсказывать затменія, но даже и тогда, когда сами до извѣстной степени научились дѣлать то же самое. У китайцевъ всегда появляются офиціальныя извѣщенія о предстоящемъ затменіи, но они тѣмъ не менѣе встрѣчаютъ зловѣщее чудовище гонгами, колокольчиками и предназначенными на этотъ случай молитвами. Путешественники прошлаго или позапрошлаго столѣтія разсказываютъ курьезныя подробности объ этомъ соединеніи вѣрованій въ дракона и въ календари, что всего лучше выражается въ слѣдующемъ объясненіи точности европейскихъ предсказаній. Эти проницательные люди, говорятъ сіамцы, знаютъ, въ какое время чудовище обѣдаетъ, и даже могутъ сказать, на-

---

[1]) H. H. Wilson, «Vishnupurana», pp. 78, 140; Skr. Dic. s. V, râhu; Sir W. Jones въ «As. Res.» vol. II, p. 290; S. Davis, ibid., p. 258; Pictet, «Origines Indo-Europ.», part. II, p. 584; Roberts, «Oriental Illustrations», p. 7; Hardy, «Manual of Buddhism».

[2]) Castrén, «Finn. Myth.», p. 63; Bastian, «Oestl. Asien», vol. II, p. 344.

сколько оно будетъ голодно, т.-е. какое затменіе понадобится для насыщенія его [1]).

Въ европейской народной миѳологіи встрѣчаются представленія о борьбѣ солнца или луны съ небесными врагами, или же о болѣзни и обмираніи луны; и эти остатки стариннаго вѣрованія преимущественно выражаются шумомъ, поднимаемымъ въ защиту или для ободренія несчастнаго свѣтила. Римляне бросали на воздухъ зажженые факелы, трубили въ трубы и ударяли въ мѣдные горшки и кастрюли, чтобы помочь затрудненной лунѣ (laboranti succurrere lunae). Тацитъ, разсказывая исторію заговора противъ Тиверія, упоминаетъ, какъ всѣ планы заговорщиковъ были разрушены луною, внезапно зачахшей на ясномъ небѣ (luna claro repente coelo visa languescere); напрасно старались они разогнать тьму звуками трубъ и литавръ: тучи собрались и покрыли все, и злоумышленники съ горестью увидѣли, что боги отвернулись отъ ихъ преступленія [2]). Во времена обращенія Европы, христіанскіе проповѣдники стали нападать на языческое суевѣріе и говорить, что пора людямъ перестать шумѣть и кричать: „побѣди, луна!“ (vince luna!), желая избавить мѣсяцъ отъ опасности; и наконецъ наступило время, когда изображеніе солнца или луны въ пасти дракона сдѣлалось только стариннымъ символомъ для обозначенія затменія въ календаряхъ, и изреченіе: „Dieu garde la lune des loups“ перешло въ насмѣшливую поговорку надъ страхомъ отдаленной опасности. Тѣмъ не менѣе въ Англіи упоминается о церемоніальномъ шаривари еще въ семнадцатомъ столѣтіи: „Во время затменій, ирландцы или валийцы бѣгаютъ изъ стороны въ сторону, ударяя въ котлы и кастрюли, думая, что этотъ шумъ и суета приносятъ пользу небеснымъ свѣтиламъ“. Въ 1654 г. Нюрнбергъ былъ объятъ ужасомъ въ ожиданіи предстоявшаго тогда солнечнаго затменія; торговля на рынкахъ остановилась, церкви переполнились кающимися, и памятникомъ этого событія осталась напечатанная по этому случаю благодарственная молитва (Danckgebeth nach vergangener höchstbedrohlich und hochschädlicher Sonnenfinsternuss), въ которой приносится благодарность Всевышнему за то, что онъ покрылъ небо тучами и освободилъ несчастныхъ, устрашенныхъ грѣшниковъ отъ зрѣлища ужаснаго знаменія на небесахъ. Уже въ наше время одинъ писатель, изучавшій французскую народную поэзію, во время луннаго затменія, къ удивленію своему, услышалъ вздохи и восклицанія: „Mon Dieu, qu'elle est souffrante!“ и узналъ, послѣ разспросовъ, что бѣдная луна считалась добычею нѣкотораго невидимаго чудовища, старавшагося пожрать ее [1]). Безъ сомнѣнія, такія позднія переживанія сохранились преимущественно въ невѣжественной толпѣ, такъ какъ образованные классы Запада никогда не доходили до такого крайняго соединенія суевѣрія и скептицизма, какъ китайцы. И до сихъ поръ, если мы захотимъ сожалѣть о медленности, съ которою знаніе проникаетъ въ массу человѣчества, печальныя свидѣтельства этого стоятъ передъ нами здѣсь. Затменіе оставалось зловѣщимъ предзнаменованіемъ почти до нашего столѣтія, и могло разсѣять пораженную ужасомъ армію и наполнить смятеніемъ всю Европу, черезъ тысячу лѣтъ послѣ того, какъ Плиній написалъ свою достопримѣчательную похвалу астрономамъ; это великіе люди, говорилъ онъ, выше обыкновенныхъ смертныхъ, и, открывъ законы небесныхъ тѣлъ, они освободили бѣдный умъ людей отъ страха передъ зловѣщими предзнаменованіями затменій.

[1]) Klemm, «C. G.», vol. VI, p. 449; Doolittle, «Chinese», vol. I, p. 308; Turpin, Pichard and Borri въ Pinkerton, vol. IV, pp. 579, 725, 815; Bastian, «Oestl. Asien», vol. II, p. 109; vol. III, p. 242. См. Eisenmenger, «Entdectes Judenthum», vol. I, p. 398, талмудскій миѳъ).

[2]) Plutarch. De Facie in Orbe Lunae; Juvenal, Sat. VI, 441; Plin. II, 9; Tacit. Annal, I, 28.

День ежедневно поглощается Ночью и освобождается затѣмъ на разсвѣтѣ, а отъ времени до времени подвергается такому же, хотя и болѣе краткому, пребыванію въ пасти Затменія или Грозовой тучи; Лѣто побѣждается и заточается мрачною Зимой, чтобы снова стать свободнымъ. Весьма правдоподобно мнѣніе, что эти сцены изъ великой драмы природы—столкновенія между свѣтомъ и тьмою, говоря вообще, представляютъ тѣ простые факты, которые во многихъ странахъ и вѣкахъ принимали миѳическій образъ въ видѣ легендъ о Героѣ или Дѣвѣ, поглощенной чудовищемъ, и снова освобожденной или изверженной. Только что выставленные нами миѳы показываютъ съ абсолютною ясностью, что миѳъ можетъ описывать затменіе въ видѣ пожиранія и освобожденія чудовищемъ личнаго солнца или луны. Слѣдующая маорiская легенда служитъ такимъ же положительнымъ доказательствомъ того, что эпизодъ смерти Солнца или Дня во время заката можетъ драматизироваться въ разсказѣ о личномъ солнечномъ героѣ, погружающемся въ тѣло индивидуальной Ночи.

Мауи, космическій герой Новой Зеландіи, подъ конецъ своей славной дѣятельности, возвращается въ страну своего отца и узнаетъ, что

[1]) Grimm, «D. M.», 668—78, 224; Hanusch, «Slav. Myth.», p. 268; Brand, «Pop. Ant.», vol. III, p. 152; Horst, «Zauber-Bibliothek», vol. IV, p. 350; D. Monnier, «Traditions populaires comparées», p. 138; см. Migne, «Dic. des Superstitions», art. «Eclipse»; Cornelius Agrippa, «De Occulta Philosophia», II, c. 45, даетъ описаніе луннаго дракона-затменія.

здѣсь, быть можетъ, онъ будетъ побѣжденъ, такъ какъ здѣсь поселилась могущественная прародительница его, Гине-нуи-те-по (Hine-nui-te-po), Великая Дочь Ночи, которую „вы можете видѣть, отражающуюся и какъ бы скрывающуюся и снова выступающую тамъ, гдѣ горизонтъ сливается съ небомъ; то, что̀ вы видите тамъ блестящимъ такъ ярко-красно, это ея глаза, и зубы ея остры и тверды, какъ осколки вулканическаго стекла; тѣло ея подобно мужскому; что же до зрачковъ ея глазъ, они изъ яшмы; и ея волосы подобны прядямъ длинной морской травы, и ротъ ея подобенъ рту барракуты". Мауи похвалился своими прежними подвигами и сказалъ: „пойдемъ безъ страха, узнаемъ, должны ли люди умирать, или жить вѣчно". Но отецъ его припомнилъ дурное предзнаменованіе: онъ пропустилъ часть установленныхъ молитвъ во время крещенія Мауи и зналъ поэтому, что сынъ его долженъ погибнуть. Однакоже, онъ сказалъ: „О, мой послѣднерожденный, опора моихъ старыхъ годовъ... будь отваженъ, пойди, посѣти свою великую прародительницу, которая такъ сильно отражается тамъ, гдѣ окраина горизонта сходится съ небомъ". Тогда къ Мауи подлетѣли птицы, желая быть товарищами въ его предпріятіи, и былъ вечеръ, когда они отправились съ нимъ, и они пришли къ жилищу Гине-нуи-те-по, и застали ее въ глубокомъ снѣ. Мауи запретилъ птицамъ смѣяться, когда онѣ увидятъ его влѣзающимъ въ старую повелительницу, а когда онъ весь скроется въ ней и начнетъ выходить изъ ея рта, тогда онѣ могутъ смѣяться громко и долго. Затѣмъ Мауи сбросилъ свою одежду, и кожа его бедръ, татуированная рѣзцомъ Уетонги, была разноцвѣтна и прекрасна, какъ чешуя макрели. Сначала птицы молчали, но когда онъ вошелъ уже до пояса, маленькая тивакавака не могла долѣе сдерживаться и разразилась громкимъ и веселымъ смѣхомъ; тогда проснулась прародительница Мауи, охватила и крѣпко стиснула его, и онъ лишился жизни. Такъ умеръ Мауи, и смерть посѣтила міръ, такъ какъ Гине-нуи-те-по есть богиня и ночи и смерти; если бы Мауи вошелъ въ ея тѣло и проникъ чрезъ него невредимымъ, люди не умирали бы болѣе. Новозеландцы думаютъ, что Солнце на ночь опускается въ свою пещеру, купается въ Ваи-Ора-Тане, или Водѣ Жизни, и возвращается на разсвѣтѣ изъ подземнаго міра; этимъ объясняется ихъ идея, что если бы человѣкъ точно также опустился въ Аидъ и возвратился оттуда, человѣчество стало бы безсмертно [1]). Дальнѣйшее доказательство

[1]) Grey, «Polyn. Myth». p. 54—58; въ его изданіяхъ маорискаго текста, Ko nga Mahinga, pp. 28—30, Ko nga Mateatea, pp. XLVIII—IX. Я многимъ обязанъ сэру Грею за то, что онъ далъ мнѣ болѣе точный и миѳологически бо-

того, что Гине-а-те-по есть божество Ночи, или Аидъ, мы видимъ въ другомъ новозеландскомъ миѳѣ. Тане, опускаясь къ подземнымъ тѣнямъ, преслѣдуя свою жену, приходитъ къ Гине-а-те-по, дочери Ночи, которая говоритъ ему: „Я такъ сказала ей: Уходи изъ этого мѣста, такъ какъ я, Гине-а-те-по, нахожусь здѣсь" [1])

Въ числѣ миѳовъ о поглощающихъ чудовищахъ, въ нѣкоторыхъ почти столь же ясно видно, что они порождены знакомымъ зрѣлищемъ Дня и Ночи, или Свѣта и Тьмы. Простая, незамысловатая исторія Дня сказывается въ сказкѣ кареновъ о Та-Ивѣ (Ta-Ywa), который родился крайне тщедушнымъ ребенкомъ и отправился къ Солнцу, чтобы вырости побольше; Солнце напрасно старалось извести его дождемъ и жаромъ, и затѣмъ выростило его столь большимъ, что голова его касалась самаго неба; тогда онъ оставилъ свой домъ и предпринялъ дальнее путешествіе; въ числѣ многихъ бывшихъ съ нимъ приключеній, его проглотила змѣя, но ее разрубили, и Та-Ива ожилъ [2]), такъ же какъ и Солнце, въ буддистскомъ миѳѣ о затменіи, было спасено разсѣченіемъ змѣя-демона. Въ сѣверо-американской миѳологіи, одно изъ главныхъ лицъ есть Манабозо (Manabozho), герой или божество алгонкиновъ, солнечный характеръ котораго прекрасно выступаетъ въ миѳѣ племени Оттава, гдѣ Манабозо (называемый тамъ Nana-bou-jou) является старшимъ братомъ Нингъ-га-бе-аръ-нонгъ-Манито (Ning-gah-be-ar-nong-Manito), Духа Запада, бога страны умершихъ, въ области заходящаго солнца. Солнечная природа Манабозо выступаетъ также въ разсказѣ, гдѣ онъ тащитъ Западъ, своего отца, черезъ горы и озера на самый край свѣта, хотя и не могъ убить его. Однажды Манабозо, этотъ сол-

лѣе состоятельный переводъ исторіи вхожденія Мауи въ утробу Гине-нуи-те-по и его удушенія между ея бедрами, чѣмъ тотъ который былъ помѣщенъ въ его англійскомъ изданіи. Сравн. R. Taylor, «New Zealand», p. 132; Schirren, «Wandersagen der Neuseel.», p. 33; Shortland, «Trads. of N. Z.» p. 63 (замѣчательный варіантъ миѳа о смерти Мауи); см. также pp. 171, 180, и Baker въ «Tr. Eth. Soc.» vol. I, p. 53.

[1]) John White, «Ancient History of the Maori», vol. I, p. 146. Въ прежнихъ изданіяхъ включено было указаніе, полученное изъ Новой Зеландіи, что крикъ или смѣхъ тивакаваки слышится только при солнечномъ закатѣ. Это не согласуется, однако, съ замѣчаніями сэра У. Лоури Бёллера, который въ своихъ «Птицахъ Новой Зеландіи» (Birds of New Zealand, vol. I, p. 69) въ дополненіе къ отвѣту на мой вопросъ, выясняетъ, что названная птица поетъ днемъ. Такимъ образомъ, аргументъ, связывающій пѣсню при солнечномъ закатѣ съ приведеннымъ разсказомъ въ смыслѣ миѳа солнечнаго заката, теряетъ свою силу. Въ другомъ варіантѣ смерти Мауи, у White, vol. II, p. 112, роль смѣющейся птицы играетъ пататаи, который кричитъ въ сумерки и послѣ наступленія ночи, а также рано утромъ (Buler, vol. II, p. 98).

[2]) Mason, Karens въ «Journ. As. Soc. Bengal», 1865, part. II, p. 178, etc.

нечный герой, стараясь выудить Царя Рыбъ, былъ проглоченъ съ лодкою и прочимъ; тогда онъ началъ поражать сердце чудовища своею палицею, такъ что чуть не былъ выброшенъ имъ прямо въ озеро, но герой поставилъ лодку поперекъ горла рыбы и кончилъ тѣмъ, что убилъ его; когда мертвое чудовище было выброшено на берегъ, чайки проклевали въ немъ отверстіе, въ которое вышелъ Манабозо. Этотъ разсказъ знакомъ англійскимъ читателямъ изъ введенія къ поэмѣ о Гайаватѣ. Другой варіантъ этой сказки оказывается у племени Оджибва, въ которомъ маленькій Монедо сходенъ съ ново-зеландскимъ Мауи тѣмъ, что также считается Ловцомъ Солнца; въ числѣ многочисленныхъ его подвиговъ разсказывается, что онъ былъ проглоченъ большою рыбою, изъ которой былъ вытащенъ своею сестрою [1]). Въ южной Африкѣ распространены миѳы, въ которыхъ сказывается, повидимому, исторія міра, заключеннаго въ чудовищѣ Ночи и освобождаемаго восходящимъ Солнцемъ. Племя Басуто имѣетъ свой миѳъ о героѣ Литаолане, который родился на свѣтъ совершенно взрослымъ и вполнѣ мудрымъ; все человѣчество, за исключеніемъ его матери и его самого, было пожрано чудовищемъ; онъ напалъ на это животное и былъ имъ проглоченъ цѣликомъ, но онъ пропоролъ себѣ путь наружу и освободилъ все населеніе міра. Сказки племени Зулу столь же остроумно поучительны. Мать слѣдуетъ за своими дѣтьми въ брюхо великаго слона и находитъ лѣса, горы и рѣки, скотъ, собакъ и людей, построившихъ тамъ свои селенія; это описаніе изображаетъ Аидъ зулусовъ. Когда принцесса Унтомбинде (Untombinde) была похищена „опухлымъ, коренастымъ, бородатымъ чудовищемъ“ Изиккуккумадеву (Isikqukqumadevu), царь собралъ свое войско и напалъ на него, но чудовище поглотило людей, собакъ, скотъ, все, за исключеніемъ одного воина,— онъ убилъ чудовище, и изъ него вышли лошади, скотъ, люди, и послѣ всѣхъ сама принцесса. Въ этихъ сказкахъ о вскрытыхъ чудовищахъ, первобытнымъ, нагляднымъ способомъ, изображается крикъ живыхъ существъ, при выходѣ изъ темноты на дневной свѣтъ. „Прежде всего вышла курица и сказала: „Ку-ку-лу-ку! я вижу свѣтъ“, потому что она не видѣла его въ продолженіе долгаго времени. Послѣ курицы вышелъ человѣкъ и сказалъ: „Ау! наконецъ я вижу свѣтъ!“ и такъ далѣе всѣ остальные“ [2]).

[1]) Schoolcraft, «Indian Tribes», part. III, p. 318; «Algic Res.» vol. I, p. 135 etc. 144; John Tanner, «Narrative», p. 357; см. Brinton, «Myths of New World», p. 166. По поводу легендъ о Ловцѣ Солнца, см. «Early History of Mankind», ch. XII.

[2]) Casalis, «Basutos», p. 347; Callaway, «Zulu Tales», vol. I, pp. 56, 69, 84, 334 (см. также p. 241, разсказъ о лягушкѣ, проглотившей принцессу и принесшей ее домой въ сохранности). См. Granz, p. 271 (гренландскій ангекокъ, поглощенный медвѣдемъ и моржемъ и снова выброшенный ими) и Bastian, «Mensch» vol. II, pp. 506—7, J. M. Harris въ «Mem. Anthrop. Soc.», vol. II, p. 31 (такого же рода понятія въ Африкѣ и Новой-Гвинеѣ).

Всѣмъ извѣстное новѣйшее объясненіе миѳовъ о Персеѣ и Андромедѣ, или Ираклѣ и Гезіонѣ, принимаемыхъ за описаніе Солнца, побивающаго Тьму, находится въ извѣстной связи съ этою группою легендъ. Въ одномъ замѣчательномъ варіантѣ этого миѳа разсказывается, что когда троянскій царь Лаомедонъ приковалъ дочь свою Гезіону къ скалѣ, въ жертву пожирающаго морского чудовища Посейдона, Ираклъ спасъ дѣву, прыгнувъ въ полномъ вооруженіи въ открытую пасть рыбы, и вышелъ оттуда совершенно безволосымъ послѣ трехдневной борьбы въ нутрѣ чудовища . . . .

Понятіе объ Аидѣ, какъ о чудовищѣ, поглощающемъ умершихъ, въ дѣйствительности не было чуждо и христіанской мысли. Приведемъ два примѣра, изъ различныхъ періодовъ: въ апокрифическомъ Евангеліи Никодима описывается Сошествіе въ Аидъ, при чемъ этотъ послѣдній, говоря отъ своего собственнаго лица, жалуется на то, что чрево его страдаетъ, когда Спаситель нисходитъ туда и освобождаетъ святыхъ, содержавшихся въ немъ отъ начала міра; а въ одномъ изъ средневѣковыхъ изображеній этого освобожденія, Христосъ стоитъ у открытой пасти огромнаго, рыбоподобнаго чудовища, изъ котораго выходятъ первые представители человѣчества—Адамъ и Ева [1]). Въ скандинавской сагѣ объ Эйриксѣ, миѳическое значеніе этого человѣкопожирающаго чудовища проявляется съ еще бо́льшею опредѣленностью. Эйриксъ, предпринявъ путешествіе въ Рай, пришелъ къ каменному мосту, охраняемому дракономъ; войдя въ пасть чудовища, онъ увидѣлъ себя достигшимъ міра блаженства [2]). Но въ другой чудесной фабулѣ, принадлежащей къ тому легендарному циклу, который образовался вокругъ первоначальной христіанской исторіи, не сохранилось никакихъ замѣтныхъ остатковъ природнаго миѳа. Св. Маргарета, дочь антіохійскаго священника, была заключена въ темницу, гдѣ напалъ на нее дьяволъ въ образѣ дракона и поглотилъ ее живою:

„Maiden Mergrete tho Loked her beside,
And sees a loathly dragon, Out of an hirn glide:
His eyen were full griesly, His mouth opened wide,
And Mergrete might no where flee There she must abide,

[1]) «Apoc. Gosp.» Nicodemus, ch. XX; Mrs Jameson, «History of our Lord in Art», vol. II, p. 258.

[2]) Eireks Saga, 3, 4, въ «Flateyjarbok», vol. I, Christiania, 1859; Baring-Gould, «Myths of the Middle Ages», p. 238.

Maiden Margrete Stood still as any stone,
And that loathly worm, To her-ward gan gone
Took her in his foul mouth, And swallowed her flesh and bone.
Anon he brast—Damage hath she none!
Maiden Mergrete Upon the dragon stood;
Blyth was her harte, And joyful was her mood" [1]).

Разсказы, принадлежащіе къ этой же группѣ, знакомы и европейской народной поэзіи. Къ числу ихъ принадлежитъ сказка о Красной Шапочкѣ, искаженная въ англійскомъ варіантѣ, но хорошо извѣстная старымъ женщинамъ въ Германіи, которыя могутъ разсказать о хорошенькой маленькой дѣвочкѣ въ атласной красной шапочкѣ, вмѣстѣ со своею бабушкою проглоченной Волкомъ, и вмѣстѣ съ нею, вышедшей изъ него, здравою невредимою, когда охотникъ вскрылъ спящаго звѣря. Всякій, кто, подобно принцу Галю, способенъ вообразить себѣ, что „благодатное солнце есть теплая прекрасная дѣвушка, одѣтая въ тафту огненнаго цвѣта", и кто можетъ представить себѣ ее поглощенною Скеллемъ, Солнце-пожирающимъ Волкомъ скандинавской миѳологіи, тотъ будетъ готовъ причислить сказку о Красной Шапочкѣ къ миѳамъ о закатѣ и восходѣ солнца. Въ сказкахъ Гримма встрѣчается другой разсказъ, почти одинаковый съ предыдущимъ, въ которомъ трудно не видѣть нѣкоторыхъ признаковъ солнечнаго миѳа. Это разсказъ о Волкѣ и семи Козлятахъ, въ которомъ волкъ пожираетъ поочередно всѣхъ козлятъ, кромѣ младшаго, спрятавшагося въ стѣнныхъ часахъ. Такъ же, какъ въ Красной Шапочкѣ, здѣсь вскрываютъ волка и наполняютъ его каменьями. Сказка эта, получившая настоящую форму послѣ изобрѣтенія часовъ, имѣетъ видъ, какъ будто разсказчикъ разумѣлъ не настоящихъ козлятъ и волка, но дни недѣли, поглощаемые ночью; иначе, какъ объяснить себѣ фантазію, что волкъ не нашелъ младшаго, потому что онъ спрятался (какъ текущій день) въ стѣнные часы? [2]).

[1]) Юная Маргрэта взглянула около себя,
И увидѣла безобразнаго дракона, выползавшаго изъ угла:
Его глаза были полны ярости, его пасть широко раскрыта.
И Маргрэта не могла никуда бѣжать, и должна остаться тамъ.
Юная Маргрэта стояла неподвижно, какъ камень,
И это ужасное пресмыкающееся поймало ее за платье,
Схватило ее въ свою мерзкую пасть, и проглотило ее съ мясомъ и костями.
Какъ вдругъ оно лопнуло, и она осталась невредимой!
Юная Маргрэта стояла надъ дракономъ;
Сердце ея было спокойно и духъ радостенъ.
Mrs Jameson, «Sacred and Legendary Art», vol. II, p. 138.

[2]) J. и W. Grimm, «Kinder und Hausmärchen», vol. I, pp. 26. 140; vol. III, p. 15. См. ссылки на два эти разсказа въ «Early Hist. of M.» 1 ed. (1865), p. 338. У Дж. У. Кокса, «Mythology» (1870), vol. I, p. 358, я нахожу указаніе на сказку о Волкѣ и Семи Козлятахъ, какъ на миѳъ о дняхъ недѣли. О волкѣ тьмы, см. Hanusch, p. 192; Edda, Gylfaginning, 12; Grimm, «D. M.» pp. 224, 668. Относительно эпизода о положенныхъ взамѣнъ камняхъ, сравн. миѳъ о Зевсѣ и Кроносѣ. Что касается разныхъ другихъ разсказовъ изъ группы человѣка, поглощеннаго Чудовищемъ, см. Lucian, Historiae Verae, I; Hardy, «Manual of Buddhism», p. 501; Lane, «Thousand and One Nights», vol. III, p. 104; Halliwell, «Pop. Rhymes», p. 98; «Nursery Rhymes», p. 48; «Early Hist. of Mankind», p. 337.

Въ то же время, по поводу этой дѣтской сказки, было бы умѣстно поднять вопросъ о томъ, представляетъ ли народная поэзія современной Европы и въ настоящее время эпизоды природныхъ миѳовъ, не только какъ разрозненные и безсмысленные отрывки, но и въ полныхъ образахъ и значеніи. Отвѣтомъ можетъ послужить сказка о Василисѣ Прекрасной, недавно сообщенной намъ Ральстономъ, въ его лекціи о русской народной поэзіи. Мачиха и двѣ сестры Василисы, умышляя на ея жизнь, посылаютъ ее за огнемъ къ колдуньѣ Бабѣ-Ягѣ, и описаніе ея путешествія представляетъ исторію Дня въ истинно миѳической формѣ. Идетъ Василиса и блуждаетъ, блуждаетъ по лѣсу. Идетъ она и содрогается. Вдругъ передъ нею всталъ всадникъ, самъ бѣлый и въ бѣлой одеждѣ, и конь подъ нимъ бѣлый, съ бѣлою сбруею. День начинаетъ заниматься. Она идетъ далѣе, и передъ ней встаетъ другой всадникъ, самъ красный, въ красной одеждѣ и на красномъ конѣ. Солнце начало всходить. Она идетъ въ продолженіе всего дня и подъ вечеръ подходитъ къ дому вѣдьмы. Вдругъ выскочилъ третій всадникъ, самъ черный, въ черной одеждѣ и на черномъ конѣ; онъ подскакалъ къ воротамъ Бабы-Яги и исчезъ, будто провалился въ землю. Настала ночь. Послѣ этого Василиса спрашиваетъ вѣдьму, кто такой былъ бѣлый всадникъ.—„Это мой ясный День", отвѣчаетъ та.—А кто былъ красный всадникъ?—„Это мое красное Солнышко".—А кто черный всадникъ?—„Это моя темная Ночь; всѣ они мои вѣрные друзья". Имѣя въ виду, что сказка о Красной Шапочкѣ принадлежитъ къ тому же отдѣлу народныхъ сказокъ, какъ и сказка о Василисѣ Прекрасной, мы, не задумываясь, можемъ искать въ первой слѣды того же архаическаго типа природнаго миѳа, который сохранился въ послѣдней, и даже съ полнымъ сознаніемъ его значенія.

Развитіе героической легенды изъ природнаго миѳа, повидимому, имѣло мѣсто у дикихъ племенъ острововъ Тихаго океана и Сѣверной Америки, также какъ оно происходило и у предковъ классическихъ народовъ Древняго Міра. Мы не въ правѣ ожидать точнаго сходства и соотвѣтственной послѣдовательности эпизодовъ въ героическихъ цик-

лахъ, но по характеристическимъ чертамъ самихъ эпизодовъ мы можемъ судить объ идеяхъ, которыя породили ихъ. Что касается менѣе культурныхъ расъ, стоитъ только бросить взглядъ на два цикла легендъ, принадлежащіе одинъ Полинезіи, а другой—Сѣверной Америкѣ, чтобы получить понятіе о различіяхъ въ обработкѣ фазовъ солнечнаго миѳа. Ново-зеландскій миѳъ о Мауи, сколько бы ни примѣшивалось къ нему другихъ вымысловъ, въ наиболѣе выдающихся чертахъ своихъ, остается исторіею Дня и Ночи. Исторія рожденія Солнца изъ океана разсказывается слѣдующимъ образомъ. Было пять братьевъ, которые всѣ назывались Мауи; младшій Мауи былъ брошенъ въ море матерью своею Тарангою и спасенъ прародителемъ своимъ, Тама-нуи-ки-те-Ранги (Tame-nui-ki-te-Rangi), Великимъ-Человѣкомъ-въ-Небѣ, который взялъ его къ себѣ въ домъ и привѣсилъ къ крышѣ. Далѣе представлено въ фантастическомъ олицетвореніи исчезновеніе Ночи на разсвѣтѣ. Однажды вечеромъ, возвратясь домой, Таранга нашла маленькаго Мауи въ обществѣ братьевъ; узнавъ свое послѣднерожденное дитя своей старости, она взяла его спать въ свою постель, какъ обыкновенно дѣлала это со всѣми его братьями, пока они еще были малы. Но маленькій Мауи, замѣтивъ, что мать его постоянно вставала на разсвѣтѣ и мгновенно исчезала вплоть до наступленія ночи, почувствовалъ отъ этого безпокойство и подозрѣніе. Однажды ночью онъ тихонько всталъ съ постели и задѣлалъ всѣ щели въ деревянной ставнѣ и въ двери, такъ чтобы дневной свѣтъ не могъ проникать въ ихъ жилище. Появился слабый свѣтъ утренней зари, потомъ солнце встало и поднялось высоко на небѣ, а Таранга все спитъ. не подозрѣвая, что на дворѣ уже ясный день. Наконецъ она вскочила, открыла окно и въ ужасѣ бросилась бѣжать. И тогда Мауи увидѣлъ, какъ она спустилась въ отверстіе въ землѣ, въ которомъ она исчезла, и такимъ образомъ онъ открылъ глубокую пещеру, чрезъ которую мать его ежедневно опускалась подъ землю при удаленіи ночи. Затѣмъ слѣдуетъ эпизодъ о посѣщеніи Мауи его прародительницы Мури-ранга-венуа (Muri-ranga-whenua), на той западной окраинѣ Земли, гдѣ души маорисовъ опускаются въ подземное царство мертвыхъ. Потянувъ въ себя воздухъ, она чуетъ его приближеніе и располагается съѣсть его, но, обернувшись кругомъ, къ югу, востоку и сѣверу, она обоняніемъ почуяла, что онъ приближается къ ней съ западнымъ дуновеніемъ и признала въ немъ своего потомка. Онъ проситъ у нея ея чудотворную челюсть; она отдаетъ ему ее, и, съ помощью этого оружія, онъ совершаетъ свой слѣдующій подвигъ: онъ ловитъ въ петлю солнце, Тама-нуи-те-Ра, Великаго-Человѣка-Солнце, ранитъ его и заставляетъ идти медленнѣе.

Затѣмъ, прикрѣпивъ эту чудесную челюсть къ удочкѣ и обмазавъ ее своею кровью въ видѣ приманки, онъ совершаетъ свое самое знаменитое дѣяніе,—вылавливаетъ изъ океана Новую Зеландію, которая и до сихъ поръ называется Те-Ика-а-Мауи, рыбою Мауи. Чтобы понять это, нужно сравнить этотъ разсказъ съ его многочисленными варіантами, распространенными на различныхъ островахъ Тихаго океана, и тогда будетъ видно, что это—общій имъ всѣмъ миѳъ о поднятіи суши изъ океана. Въ другомъ мѣстѣ говорится, что Мауи получилъ челюсть отъ своего дѣда, Ранги-Венуа, Неба-Земли. Еще опредѣленнѣе говорится также, что у Мауи было два сына, которыхъ онъ убилъ въ ихъ молодости, чтобъ взять ихъ челюсти; сыновья эти должны были быть Утро и Вечеръ, такъ какъ онъ изъ глаза каждаго изъ нихъ сдѣлалъ утреннюю и вечернюю звѣзду; а съ помощью челюсти старшаго онъ выловилъ землю изъ пучины. Разсказываютъ, что когда Мауи выловилъ свою рыбу, онъ увидалъ, что это была земля, на которой находились дома и кладовыя для запасовъ, лающія собаки, горящіе костры и работающіе люди. Кромѣ того, повидимому, подводная область, изъ которой была поднята эта земля, оказалась подземнымъ міромъ Ночи, такъ какъ удочка Мауи зацѣпила стрѣху кровли дома Гине-нуи-те-по, великой Дочери Ночи; когда земля поднялась, на ней находился ея домъ, и она стояла около него [1]). Въ другой маорийской легендѣ, Мауи хватаетъ огонь руками, обжигается, и вмѣстѣ съ нимъ бросается въ море. „Когда онъ погрузился въ волны, солнце сѣло въ первый разъ, и тьма покрыла землю. Но когда онъ замѣтилъ, что ночь охватила все, онъ погнался за солнцемъ и привелъ его назадъ утромъ". Унося или бросая огонь въ море, Мауи воспламенилъ при этомъ вулканъ. Въ другомъ мѣстѣ сказано, что когда Мауи затушилъ всѣ огни на землѣ, мать послала его за новымъ огнемъ къ прародительницѣ ея Магуикѣ (Mahuika). Въ тонганскомъ варіантѣ этого миѳа разсказывается, какъ младшій Мауи открылъ пещеру, ведущую къ Булоту, западной странѣ умершихъ, и какъ его отецъ, другой Мауи, послалъ его къ еще болѣе старому Мауи, сидящему у великаго огня; они вступаютъ въ бой, и Мауи похищаетъ у него огонь для людей, оставляя внизу искалѣченнаго стараго бога-землетрясеній. Такимъ образомъ эта группа легендъ драматизируетъ поднятіе солнца изъ океана, исчезновеніе ночи, угасаніе свѣта при закатѣ солнца и возвращеніе его на разсвѣтѣ, сошествіе солнца въ западный Аидъ, подземный міръ ночи и смерти, который иногда отождествляется съ областью подземнаго огня и землетрясенія. Характери-

[1]) Rig-Veda, VII, 54; Max Müller, «Lectures», 2-nd ser., p. 473.

стическія черты настоящаго природнаго миөа проявляются во всемъ этомъ достаточно опредѣленно, и умерщвленіе Мауи прародительницею его Ночью достойно заканчиваетъ его солнечное поприще [1]).

Совершенно иначе сложенъ разсказъ о солнечномъ закатѣ, которымъ начинается прелестный миөъ сѣверо-американскихъ индѣйцевъ о Красной Лебеди. Сказаніе это принадлежитъ алгонкинамъ. Охотникъ изъ племени Оджибва, убивъ медвѣдя, началъ сдирать съ него шкуру, какъ вдругъ замѣтилъ красный отливъ въ воздухѣ и на всемъ окружающемъ. Подойдя къ берегу озера, онъ увидѣлъ, что причиною тому была чудная, красная лебедь, перья которой блестѣли на солнцѣ. Напрасно стрѣлялъ въ нее охотникъ: птица плыла дальше, оставаясь невредимою и спокойною; наконецъ, онъ вспомнилъ, что дома у него лежатъ три волшебныя стрѣлы, нѣкогда принадлежавшія его отцу. Первая и вторая стрѣлы подлетали все ближе и ближе; наконецъ, третья ранила лебедь, которая, взмахнувъ крыльями, медленно полетѣла по направленію къ заходящему солнцу. Съ полнымъ пониманіемъ поэтическаго солнечнаго значенія этого эпизода, Лонгфелло помѣстилъ его въ одну изъ своихъ индѣйскихъ поэмъ, въ видѣ картины солнечнаго заката.

„Can it be the sun descending
O'er the leve plain of water?
Or the Red Swan floating, flying,
Wounded by the magic arrow,
Staining all the waves with crimson
With the crimson of its life-blood,
Filling all the air with splendour,
With the splandour of its plumage? [2]).

---

[1]) Grey. «Polyn. Myth.», p. 16, etc., см. 144. Другія подробности у Schirren, «Wandersagen der Neuseeländer», pp. 32—7, 143—51; R. Taylor, «New Zealand», p. 124, etc.; сравн. 116, 141, etc., и вулканическіе миөы, p. 248; Yate, «New Zealand», p. 142; Polack, «M. et C. of New Z.», vol. I, p. 15; S. S. Farmer, «Tonga Is», p. 134; см. также Turner, «Polynesia», pp. 252, 527 (самоанскій варіантъ). При сравненіи группы легендъ о Мауи, слѣдуетъ замѣтить, что Магуика (Mahuika) и Мауи-Тикитики (Maui-Tikitiki) Новой Зеландіи соотвѣтствуютъ тонганскимъ Мафуике (Mafuike) и Кійикійи (Kijikiji), и самоанскимъ Мафуіе (Mafuie) и Тіитіи (Tiitii).

[2]) Солнце ли это, опускающееся
Надъ гладкой равниною водъ?
Или Красная Лебедь плаваетъ и летаетъ,
Раненая волшебной стрѣлою,
Окрасившая волны пурпуромъ,
Пурпуромъ крови своей жизни,
Наполнивъ воздухъ сіяніемъ,
Сіяніемъ своихъ перьевъ.

Далѣе говорится въ этомъ разсказѣ, какъ охотникъ спѣшитъ на западъ въ догонку за Красной Лебедью. Тамъ, гдѣ онъ останавливался, ему говорили, что лебедь часто пролетала по этимъ мѣстамъ, но тѣ, кто преслѣдовали ее, никогда не возвращались. Она — дочь стараго, нѣкогда скальпированнаго волшебника. Охотникъ отыскиваетъ скальпъ и возвращаетъ его старику, который послѣ этого поднимается изъ земли, уже не въ видѣ немощнаго старца, но сіяя всѣмъ блескомъ молодости. Передъ уходомъ охотника, волшебникъ вызываетъ прекрасную дѣву, которая перестала быть его дочерью, а сдѣлалась его сестрою, и отдаетъ ее своему побѣдоносному другу. Впослѣдствіи, поселившись уже дома со своею молодою женою, Оджибвей отправляется путешествовать и придя къ отверстію въ землѣ, опускается туда и достигаетъ обители духовъ умершихъ; тамъ онъ видитъ блестящую западную область добродѣтели и темную тучу порока. Но духи сообщаютъ ему, что дома братья его враждуютъ между собою изъ-за обладанія его женою; наконецъ, послѣ долгихъ странствованій, этотъ краснокожій Одиссей возвращается къ своей вѣрной, скорбящей Пенелопѣ, беретъ свой лукъ съ волшебными стрѣлами и убиваетъ вѣроломныхъ поклонниковъ своей жены [1]). Такимъ образомъ, легенды полинезійскихъ и сѣверо-американскихъ дикарей могутъ служить полнымъ подтвержденіемъ теоріи, что Одиссей, посѣщающій Елисейскія Поля, и Орфей, спускающійся въ Аидъ для освобожденія „далеко-сіяющей“ Евридики—обозначали самое Солнце, закатывающееся и снова выходящее изъ подземнаго міра.

Тамъ, гдѣ Ночь и Аидъ принимаетъ личный образъ въ миөѣ, мы часто встрѣчаемъ понятія, подобныя тому, которое такъ просто выражено санскритскимъ словомъ, означающимъ вечеръ, „rajanîmukha“, т.-е. „пасть или ротъ ночи“. Скандинавы говорили также, что открытая пасть богини-смерти, Геллы, похожа на пасть брата ея Фенрира, волка, пожирающаго луну; а въ одной старогерманской поэмѣ описывается зіяющая отъ неба до земли пропасть Геллы:

„der was der Hellen gelich
diu daz abgrunde
begenit mit ir munde
unde den himel zuo der erden [2]).

---

[1]) Shoolcraft, «Algic Res.», vol. II, p. 1—33. Три стрѣлы встрѣчаются и у Манабозо, когда онъ убиваетъ Сіяющаго Маниту, vol. I, p. 153. Поразительно соотвѣтствуютъ этому три волшебныя стрѣлы въ сагѣ Орвара Одда; Nilsson, «Stone Age», p. 197. Красный Лебедь, какъ миөъ о закатѣ солнца, помѣщенъ и у Джорджа Эліота въ «Spanish Gipsy», p. 63; Longfellow, «Hiawatha», XII.

[2]) Grimm, «D. M.», pp. 291, 767.

Изваянія на соборахъ до сихъ поръ еще представляютъ для устрашенія порочныхъ ужасныя челюсти Смерти, или готовую поглотить свои жертвы широко-раскрытую пасть Геллы. Кромѣ того, гдѣ космологія варварскихъ временъ выработала доктрину о небесной тверди, возвышающейся надъ землею, и о подземномъ мірѣ, куда опускается солнце при закатѣ и человѣкъ послѣ смерти, тамъ встрѣчается реальное или метафорическое понятіе о порталахъ, или воротахъ. Таковы описываемыя неграми Золотого Берега большія ворота, поутру открываемыя Небомъ для Солнца; таковы были врата Аида древнихъ грековъ и врата Шеоль древнихъ евреевъ. Три миѳическія описанія, находящіяся въ связи съ этими идеями, встрѣчаемыя у кареновъ, алгонкиновъ и ацтековъ, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Наибольшею опредѣленностью отличаются описанія бирманскихъ кареновъ, у которыхъ замѣчается странное смѣшеніе понятій, собственно имъ принадлежащихъ, съ идеями болѣе культурныхъ буддистовъ, съ которыми они приходили въ соприкосновеніе. Они говорятъ, что на западѣ лежатъ два массивные пласта скалъ, которые постоянно открываются и закрываются; между этими пластами солнце скрывается при закатѣ, но какъ и чѣмъ поддерживается верхній слой — никто этого не знаетъ. Идеи эти выступаютъ чрезвычайно ярко въ описаніи Бгайскаго празднества (Bghai), гдѣ къ приносимымъ въ жертву домашнимъ птицамъ обращаются съ слѣдующими словами: „Ты поднимешься къ самой вершинѣ семи небесъ; ты опустишься къ самому дну семи земель. Ты придешь къ Ху-те (Khu-the); ты отправишься къ Та-мѣ (Tha-ma), (т.-е. Яма, Yama, Судья Умершихъ въ Аидѣ). Ты пройдешь чрезъ трещины скалъ, ты пройдешь чрезъ отверстія пропастей. Когда откроются и закроются западныя врата скалъ, ты проскользнешь между ними; ты отправишься въ подземныя страны, гдѣ странствуетъ солнце. Я беру тебя въ услуженіе, я взываю къ тебѣ. Я дѣлаю тебя своимъ посланнымъ, я дѣлаю тебя ангеломъ, и т. д.“ [1]). Переходя отъ Бирмы къ области сѣверо-американскихъ озеръ, мы встрѣчаемъ подходящее къ этому описаніе въ отаваскомъ разсказѣ о Іоско, о которомъ мы уже упоминали здѣсь, по поводу ярко обозначеннаго въ немъ олицетворенія Солнца и Луны. Легенда эта, хотя и носитъ на себѣ слѣды новѣйшаго времени въ описаніи европейцевъ, ихъ кораблей и ихъ далекихъ заморскихъ земель, очевидно, основана на миѳѣ о Днѣ и Ночи. Іоско, повидимому, то же, что Іоскега, Бѣлый человѣкъ, борьба котораго съ его братомъ Тавискарою, Темнымъ человѣкомъ, составляетъ содержаніе древняго, вполнѣ

[1]) Mason, «Karens» въ «Journ. As. Soc. Bengal», 1865, part. II, pp. 233—4.

неподдѣльнаго природнаго миѳа гуроновъ о Днѣ и Ночи. Іоско и друзья его цѣлые годы подвигаются все далѣе и далѣе на востокъ, желая дойти до солнца, и, наконецъ, приходятъ къ жилищу Манабозо, на самомъ краю міра, а затѣмъ, немного далѣе, къ пропасти, отдѣляющей ихъ отъ страны Солнца и Луны. До нихъ началъ доноситься шумъ колеблющагося неба, которое, казалось, было совершенно близко, но имъ пришлось идти еще далѣе, прежде чѣмъ они дошли до того мѣста. Опустившись, небо своимъ давленіемъ вытѣснило изъ отверстія такіе страшные порывы вѣтра, что они съ трудомъ удержались на ногахъ, а солнце прошло въ близкомъ разстояніи надъ ихъ головами. Небо опустилось стремительно, но поднималось медленно и постепенно. Іоско и одинъ изъ его друзей стояли около самой окраины, и съ большимъ трудомъ перепрыгнули на ту сторону, гдѣ нашли опору для ногъ; но двое другихъ остались на мѣстѣ въ страхѣ и нерѣшимости. Когда же до нихъ донеслись изъ мрака голоса ихъ пріятелей, кричавшихъ имъ: „прыгайте! прыгайте! небо приближается“, и когда они взглянули вверхъ и увидѣли, какъ оно опускается, они, парализованные страхомъ, прыгнули такъ неуспѣшно, что успѣли ухватиться за противоположный край только руками, и въ это самое мгновеніе небо съ ужасающимъ шумомъ ударилось о землю и сбросило ихъ въ страшную черную пропасть [1]). У ацтековъ, наконецъ, въ погребальномъ обрядѣ встрѣчается такого же рода описаніе первой опасности, съ которою приходится бороться тѣни на ея пути къ подземной странѣ мертвыхъ, гдѣ свѣтитъ солнце въ то время, какъ ночь охватываетъ землю. Передавая покойнику первый изъ условныхъ предметовъ, съ помощью которыхъ онъ безопасно можетъ достигнуть цѣли путешествія, оставшіеся въ живыхъ говорятъ: „съ ними ты пройдешь между двумя горами, ударяющимися другъ о друга“ [2]). Основываясь на этой группѣ понятій солнечнаго миѳа, также какъ и на легендѣ о смерти Мауи, знаменитый эпизодъ греческой легенды о добромъ кораблѣ Арго, проскользнувшемъ между Симплегадами, этими двумя огромными скалами, постоянно расходившимися и снова смыкавшимися въ быстромъ и сильномъ движеніи, быть можетъ, могъ бы быть объясненъ происхожденіемъ отъ какого-нибудь вымысла, составляющаго отрывокъ солнечнаго

[1]) Schoolcraft, «Algic Researches», vol. II, p. 40, etc.; Loskiel, «Gesch. der Mission». Barby, 1789, p. 47 (англійское изданіе, часть I, p. 35, неточно). См. также Brinton, «Myth. of New World», p. 63.

[2]) Torquemada, «Monarquia Indiana», XIII. 47; «Con estos has de pasar por medio de dos Sierras, que es estan batiendo, y encontrando la una con la otra». Clavigero, vol. II, p. 94.

миѳа [1]). Неужели ни на чемъ не основанная игра фантазіи могла породить въ умѣ поэта мысль, столь странную саму по себѣ и имѣющую въ то же время столь много общаго съ миѳами кареновъ и ацтековъ о вратахъ Ночи и Смерти? Сказаніе объ аргонавтахъ имѣетъ еще болѣе глубокое совпаденіе съ легендою маорисовъ. Въ обоихъ разсказахъ имѣется въ виду узнать будущее, но эта мысль проведена въ нихъ совершенно различными путями. Если бы Мауи прошелъ черезъ Ночь и возвратился бы ко Дню, смерть не властвовала бы надъ человѣчествомъ; если бъ Арго проскользнулъ между скалами, путь между ними остался бы открытъ на вѣчныя времена. Арго прошелъ благополучно, и скалы не могутъ далѣе смыкаться надъ проѣзжающими кораблями; Мауи былъ раздавленъ, и человѣкъ не можетъ уже возвращаться изъ Аида.

Существуетъ еще другая солнечная метафора, описывающая солнце не личнымъ существомъ, а членомъ другого, болѣе обширнаго тѣла. На Явѣ и Суматрѣ оно называется „Мата-ари“ (Mata-ari), на Мадагаскарѣ „Мазо-андро“ (Maso-andro), „Глазомъ Дня“. Слѣдя за этою мыслью, при переходѣ ея изъ метафоры въ миѳъ, мы встрѣчаемъ ее въ Новой Зеландіи, гдѣ Мауи привѣшиваетъ къ небу свой собственный глазъ, въ видѣ солнца, и глаза своихъ двухъ сыновей, въ видѣ утренней и вечерней звѣзды [2]). Природный миѳъ, выражаемый съ такою ясностью и простотою, нашелъ себѣ широкое развитіе на арійской почвѣ. Онъ составляетъ часть того макрокосмическаго описанія вселенной, которое такъ общеизвѣстно въ азіатскомъ миѳѣ, и которое встрѣчается въ Европѣ въ томъ мѣстѣ орфической поэмы, гдѣ Юпитеръ представленъ въ одно и то же время, какъ властитель міра и какъ самый міръ: его сіяющая голова озаряетъ своими лучами небо, по которому разсыпаны его звѣздоносные волосы; воды шумящаго океана опоясываютъ его священное тѣло, всепородившую землю; глаза его—солнце и луна, а умъ его, движущій и управляющій по предначертанію всѣми вещами, есть царственный эѳиръ, отъ котораго не ускользаетъ никакой голосъ, никакой звукъ:

„Sunt oculi Phoebus, Phoeboque adversa recurrens
Cynthia. Mens verax nullique obnoxius aether
Regius interitu', qui cuncta movetque regitque
Consilio. Vox nulla potest, sonitusve, nec ullus

[1]) Apollodor. I. 9, 22; Apollon. Rhod. Argonautica, II. 310—615; Pindar, Pythia Carm. IV. 370. См. Kuhn, «Herabkunft des Feuers», 152 (упоминается о Hnuitbjörg).

[2]) Polack, «Manners of N. Z.», vol. I, p. 16; «New Zealand», vol. I, p. 358; Yate, p. 142; Schirren, pp. 88, 165.

Hancce Yovis sobolem strepitus, nec fama latere.
Sic animi sensum, et caput immortale beatus
Obtinet: illustre, immensum, immutabile pandens,
Atque lacertorum valido stans robore certus“ [1]).

Тамъ, гдѣ арійскій творецъ миѳа не обращаетъ вниманія на меньшія свѣтила, онъ часто въ самыхъ разнообразныхъ терминахъ описываетъ солнце, какъ глазъ неба. Въ Ригъ-Ведѣ оно называется „глазомъ Митры, Варуны и Агни“—„chakshuh Mitrasya Varunasyah Agneh“ [2]). Въ Зендъ-Авестѣ оно „яркое солнце съ быстрыми конями, глазъ Агура-Мазды; въ другомъ мѣстѣ восхваляются два глаза, повидимому, солнце и луна [3]). У Гезіода это „всевидящій глазъ Зевса“—πάντα ἰδὼν Διὸς ὀφθαλμός“; Макробій, говоря о древности, называетъ солнце глазомъ Юпитера—„τί ἥλιος: οὐράνιος ὀφθαλμός“ [4]). Древніе германцы, называя солнце „глазомъ Вуотана“ [5]), тѣмъ самымъ признавали Вуотана, Водена, Одина за самое божественное Небо. Эти миѳическія выраженія принадлежатъ къ самому опредѣленному типу. На основаніи содержащихся въ нихъ намековъ, мы можемъ, конечно, не утвердительно, а только предположительно предложить толкованіе для двухъ изъ самыхъ поразительныхъ эпизодовъ древняго европейскаго миѳа. Отецъ всего сущаго, Одинъ, говорятъ древніе скандинавскіе скальды, сидитъ среди своего Эзира въ городѣ Асгардѣ, на своемъ высокомъ престолѣ Глидскіалфѣ, откуда онъ можетъ видѣть весь міръ и замѣчать всѣ дѣйствія людей. Онъ — старецъ, закутанный въ широкій плащъ, и лицо его заслонено большою шляпою, „os pileo ne cultu proderetur obnubens“, какъ сказано у Сакса Грамматика. У Одина только одинъ глазъ; желая напиться въ колодцѣ Мимира, онъ долженъ былъ оставить у него въ залогъ одинъ глазъ, какъ сказано въ Вёлуспѣ.

[1]) Глаза—Фебъ, и Цинтія, противуположно Фебу возвращающаяся.
Разумъ его истинный и никому не покоряющійся
Царственный эѳиръ, все движущій и всѣмъ заправляющій
По мудрому предначертанію. Ни единый гласъ, никакой звукъ, ни шумъ, ни молва
Не скроются отъ этого порожденія Зевса.
Такъ обладаетъ блаженный и разумомъ духа, и безсмертнымъ челомъ,
Лучезарно, неизмѣримо, неизмѣненно раскинувшись
И увѣренный въ силѣ мощныхъ рукъ.
Euseb. Praep. Evang. III. 9.

[2]) Rig-Veda, I, 115; Böthlingk и Roth, s. v. «mitra».

[3]) Avesta, tr. Spiegel & Bleeck, Yaçna, I. 35; сравн. Burnouf, Yaçna.

[4]) Macrob. Saturnal. I. 21, 13. См. Max Müller, «Chips», vol. II, p. 85.

[5]) Grimm, «Deutsche Myth.», p. 665. См. также Hanush, «Slaw. Myth.», p. 213.

All know I, Odin!
Where thou hiddest thine eye
In Mimirs famous well [1]).

Намъ едва ли нужно отыскивать это чудо въ колодцѣ мудрости Мимира, такъ какъ любой прудъ покажетъ намъ потерянный глазъ Одина, если мы посмотримъ въ полдень на отражающееся въ водѣ солнце, тогда какъ другой небесный глазъ, или настоящее солнце, стоитъ высоко въ небѣ [2]). Быть можетъ, даже, нѣкоторые изъ этихъ солнечныхъ вымысловъ могутъ объяснить часть миѳа о Персеѣ. У скандинавовъ три Норны, имена которыхъ Урдръ, Вердіанди и Скульдъ—было, есть и будетъ,—и эти три дѣвы, или „сестры рока", опредѣляютъ продолжительность жизни людей. Точно также Судьбы, Парки, дочери неминучаго Анангке, дѣлятъ между собою періоды времени: Лахезисъ поетъ о прошедшемъ, Клото—о настоящемъ, Атропосъ—о будущемъ. Имѣемъ ли мы право считать этихъ роковыхъ сестеръ однородными съ другими миѳическими сестрами тріадами Грайями и родственными имъ Горгонами? Если это такъ, то не трудно понять, почему изъ трехъ Горгонъ только одна была смертною, и безсмертныя ея сестры не могли спасти ей жизнь, такъ какъ неумирающее прошлое и будущее не могутъ спасти постоянно умирающее настоящее. Не трудно также разгадать, что̀ это былъ за глазъ, который Граи передавали другъ другу?—то было око дня, солнце, передающее прошлое настоящему, а настоящее будущему [3]).

---

[1])
«Все знаю я, Одинъ!
Гдѣ ты спряталъ свой глазъ:
Въ славномъ колодцѣ Мимира.

[2]) Edda, «Völuspa», 22; «Gylfaginning», 15. См. Grimm, «D. M.», p. 133.

[3]) Что касается тождественности Норнъ и Судебъ, см. Гриммъ, «D. M.», pp. 376—86; Max Müller «Chips», vol. II, p. 154. По отношенію къ миѳу о Персеѣ, слѣдуетъ замѣтить, что и другой его темный эпизодъ, гдѣ голова Горгоны превращаетъ въ камень всѣхъ, которые на нее взглянутъ — соотвѣтствуетъ миѳамъ о самомъ солнцѣ. На Испаньолѣ люди вышли изъ двухъ пещеръ (такимъ образомъ родила ихъ мать—Земля); однажды ночью, охранявшій эти пещеры великанъ удалился, и восходящее солнце превратило его въ большую скалу, по имени Каута, точно такъ же какъ голова Горгоны превратила Атласъ, Подпору-Земли, въ гору того же имени; послѣ того, и другіе первобытные жители пещеръ, будучи застигнуты солнцемъ, превращались въ камни, деревья, растенія или животныхъ (Friar Roman Pane въ «Life of Columbus» у Pinkerton, vol. XII, p. 80; J. G. Müller, «Amer. Urrelig.», p. 179). Легенда племени Квичэ, Центральной Америки, разсказываетъ, какъ древнія животныя были превращаемы Солнцемъ въ окаменѣлости (Brasseur, «Popol-Vuh», p. 245). Такимъ образомъ американцы имѣютъ миѳы, аналогичные скандинавскимъ, гдѣ великаны и карлы, вышедшіе изъ своихъ убѣжищъ и застигнутые дневнымъ свѣтомъ, превращаются въ камни. Такіе вымыслы, повидимому, имѣютъ связь съ воображаемымъ человѣкоподоб-

Въ сравненіи съ блестящимъ Владыкою Дня, блѣдная Владычица Ночи занимаетъ въ миѳѣ, такъ же какъ и въ природѣ, менѣе важное и менѣе обширное мѣсто. Среди далеко распространенной группы легендъ, связывающихъ вмѣстѣ Солнце и Луну, два поразительныхъ примѣра мы видимъ въ преданіяхъ, въ которыхъ полуцивилизованные народы Южной Америки описываютъ, какимъ образомъ они возвысились надъ уровнемъ окружающихъ ихъ дикихъ племенъ. Даже въ наше время нѣкоторые писатели ссылались на эти легенды, какъ на благодарныя воспоминанія о дѣйствительно существовавшихъ благодѣтеляхъ, принесшихъ въ давно прошедшія времена цивилизацію Стараго Свѣта въ Америку. Но, къ счастію для исторической правды, миѳическія преданія передаютъ свои сказанія, не выключая изъ нихъ тѣхъ эпизодовъ, которые, въ глазахъ болѣе наблюдательнаго критика, выказываютъ ихъ настоящій характеръ. Муиски на плоскихъ возвышенностяхъ Боготы, говорятъ они, были нѣкогда совершенными дикарями, безъ земледѣлія, религіи и законовъ. Но къ нимъ явился съ Востока бородатый старецъ Бочика, дитя Солнца, и научилъ ихъ обработывать поля, носить одежды, поклоняться богамъ и стать народомъ. Но у Бочики была злая прекрасная жена Гуитака, которая любила портить и разрушать сдѣланное ея мужемъ, и, по ея приказанію, рѣки выступили изъ береговъ и наводнили всю страну, и всѣ люди погибли, за исключеніемъ немногихъ, спасшихся на высокихъ горахъ. Бочика разсердился, прогналъ злую Гуитаку съ земли, и сдѣлалъ изъ нея луну, такъ какъ до того луны не было; затѣмъ разорвалъ скалы и образовалъ могучій водопадъ Текендама, для стока водъ потопа. Послѣ осушенія земли, онъ далъ оставшимся людямъ годъ, съ его періодическими жертвоприношеніями, и поклоненіе Солнцу. Изъ этого видно, что люди, пересказывавшіе этотъ миѳъ, не забыли, что Бочика былъ никто иной, какъ самъ Зугэ (Zuhé), Солнце, а Гуитака, жена Солнца, Луна, что̀, впрочемъ, мы могли бы угадать и безъ ихъ помощи [1]).

Миѳъ о цивилизаціи у инковъ сходенъ съ вышеприведеннымъ по своему значенію, хотя и различенъ по вымыслу. Люди, говоритъ эта

нымъ очертаніемъ скалъ, или «стоящими камнями», которые еще до сихъ поръ почитаются крестьянами за превращенныя живыя существа. Такъ, на Фиджи двѣ скалы считаются мужскимъ и женскимъ божествами, превратившимися въ камень при дневномъ свѣтѣ (Seemann, «Viti», p. 66; см. Liebrecht, «Heidelb. Jahrb.» 1864, p. 216). Идея эта встрѣчается также въ миѳѣ о Персеѣ: изобилующія на Серифѣ скалы не что иное, какъ обитатели острова, превращенные въ камни головою Горгоны.

[1]) Piedrahita, «Hist. Gen. de las Conquistas del Nuevo Reyno de Granada», Antwerp. 1688, part. I, lib. I, c. 3; Humboldt, «Monumens», pl. VI; J. G. Müller, «Amer. Urrelig.», pp. 423–30.

квечуанская легенда, были дикарями, жившими въ пещерахъ подобно дикимъ звѣрямъ, пожиравшими сырые коренья и плоды и человѣческое мясо и прикрывавшимися листьями и корою или шкурами животныхъ. Но отецъ нашъ, Солнце, сжалился надъ ними и послалъ имъ двухъ дѣтей своихъ, Манко Ккапакъ (Manco Ccapac), и его сестру-жену, Мама Оэльо (Mama Oello), которые, выйдя изъ озера Титикака, дали необразованнымъ ордамъ законы и правленіе, бракъ и нравственный строй, земледѣліе и искусство и науку. Такимъ образомъ была основана великая Перуанская имперія, и въ послѣдующіе вѣка, инка и его сестра-жена служили представителями солнца и луны, какъ въ религіи, такъ и въ управленіи, и продолжали собою могучій родъ Манко Ккапака и Мамы Оэльо. Но, окончивъ свое дѣло на землѣ, оба великіе прародителя снова сдѣлались тѣмъ, чѣмъ они, очевидно, никогда не переставали быть — самимъ солнцемъ и луною [1]). Такимъ образомъ, народы Боготы и Перу, вспоминая времена своего дикаго состоянія и связь своей культуры съ народной религіею, воплощали свои преданія въ миѳахъ часто повторяющагося типа, гдѣ сами боги въ человѣческомъ образѣ устанавливали поклоненіе себѣ.

„Непостоянная луна“ является въ цѣлой группѣ характеристическихъ разсказовъ. Австралійская легенда повѣствуетъ, что Митіанъ, Мѣсяцъ, былъ туземный котъ, который влюбился въ чужую жену, былъ изгнанъ, и постоянно блуждаетъ съ тѣхъ поръ [2]).

Гималайскіе хазіи говорятъ, что Мѣсяцъ періодически влюбляется въ свою мачиху, которая бросаетъ ему въ лицо пепелъ, отчего происходятъ его пятна [3]). Славянскія легенды, слѣдуя тому же пути, сообщаютъ, что Царь ночи и мужъ Солнца, вѣроломный Мѣсяцъ, любитъ Утреннюю Звѣзду, и въ наказаніе за то расколотъ пополамъ, какимъ мы его и видимъ на небѣ [4]). При иномъ взглядѣ на это явленіе, періодичность смерти и оживанія Мѣсяца внушила печальное сопоставленіе его съ судьбою человѣка въ одномъ изъ наиболѣе характеристическихъ и извѣстныхъ миѳовъ южной Африки, который у племени Намака является въ слѣдующемъ видѣ: Однажды Мѣсяцъ послалъ къ людямъ Зайца и велѣлъ сказать имъ: „Подобно тому, какъ я умираю и опять оживаю, и вы будете также умирать и воскресать“; но Заяцъ пришелъ къ людямъ и сказалъ: „подобно тому, какъ я умираю и не оживаю, и вы будете также умирать и не оживать“. Затѣмъ Заяцъ вернулся къ Мѣсяцу и отдалъ ему отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, за что Мѣсяцъ ударилъ его топоромъ и разсѣкъ ему губу, которая съ тѣхъ поръ такою и осталась; а по мнѣнію нѣкоторыхъ, Заяцъ бросился бѣжать и продолжаетъ бѣжать до сихъ поръ; другіе же говорятъ, что онъ вцѣпился Мѣсяцу въ лицо и оставилъ на немъ шрамы, видимые еще и теперь; говорятъ также, что намаки потому не ѣдятъ мяса зайца (предразсудокъ, въ которомъ они сходятся со многими другими народами), что онъ принесъ людямъ такое дурное извѣстіе [1]). Замѣчательно, что на весьма отдаленныхъ оттуда островахъ Фиджи, извѣстенъ разсказъ, до такой степени сходный съ этимъ, что трудно не видѣть въ обоихъ варіанты одного и того же оригинала. Два бога спорили о томъ, какъ долженъ умирать человѣкъ: „Ра Вула (Мѣсяцъ) довольствовался тѣмъ, чтобы человѣкъ уподоблялся ему, т.-е. чтобы онъ исчезалъ на время, а потомъ снова возвращался къ жизни. Ра Калаво (Крыса) не хотѣлъ и слышать о такомъ мягкомъ предложеніи и сказалъ: „пусть люди умираютъ, какъ крысы. И онъ взялъ верхъ“. Судя по времени этихъ варіантовъ, есть основаніе предположить, что существованіе этихъ миѳовъ на двухъ противоположныхъ странахъ земного шара, у готтентотовъ и у фиджійцевъ, никакъ не можетъ быть объяснено перенесеніемъ ихъ въ новѣйшія времена [2]).

Существуетъ весьма разработанный первобытный природный миѳъ о происхожденіи звѣздъ, который можетъ безспорно служить историческою связью для двухъ отдаленныхъ другъ отъ друга племенъ. Грубые минтиры Малайскаго полуострова совершенно опредѣленно выражаютъ свое вѣрованіе въ твердость небеснаго свода, свойственное низшимъ степенямъ цивилизаціи. По ихъ мнѣнію, небо—большой горшокъ, удерживаемый надъ землею помощью веревки, и порвись какъ-нибудь эта веревка, все

---

[1]) Carcilaso de la Vega, «Commentarios Reales» I, c. 15; Prescott, «Peru», vol. I, p. 7; J. G. Müller, pp. 303—8, 328—39. Въ другихъ перуанскихъ варіантахъ, та же основная идея о солнцѣ обнаруживается въ различныхъ миѳическихъ образахъ (Tr. of Cieza de Leon, tr. and ed. by C. B. Markham, Hakluyt. Soc. 1864, p. XLIX. 298, 316, 372). W. B. Stevenson («Residence in S. America», vol. I, p. 394) и Bastian («Mensch», vol. III, p. 347), напали на странное искаженіе этого миѳа, въ которомъ изъ Инка Манко Ккапакъ сдѣлали Ингасманъ Кокапакъ, вслѣдствіе чего сложился разсказъ, что въ перуанской миѳологіи дѣйствуетъ какой-то англичанинъ (Englishman).

[2]) Staubridge, «Abor. of Australia» in «Tr. Eth. Soc.» vol. I, p. 301.

[3]) J. D. Hooker, «Himalayan Journals», vol. II, p. 276.

[4]) Hanusch, «Slaw. Myth.» p. 269.

[1]) Bleek, «Reynard in S. Africa», pp. 69—74; C. G. Andersson, «Lake Ngami», p. 328; см. Grout, «Zulu-land.», p. 148; Arbousset and Daumas, p. 471. Что касается соотношенія мѣсяца съ зайцемъ, cf. Skr. «çaçanka», а въ Мексикѣ Sahagun, book. VII, c. 2, in Kingsborough, vol. VII.

[2]) Williams, «Fiji», vol. I, p. 205. Сравнить миѳъ Каролинскихъ острововъ, будто нѣкогда человѣкъ умиралъ въ послѣдніе дни ущерба мѣсяца и, съ появленіемъ его, снова возвращался къ жизни, словно пробуждаясь отъ мирнаго сна; но злой духъ Erigirers наслалъ на него смерть, отъ которой нѣтъ возврата: De Brosses, «Hist. des Navig. aux terres Australes», vol. II, p. 479.

на землѣ было бы раздавлено. Луна—женщина, Солнце тоже; Звѣзды—дѣти Луны, и въ былое время у Солнца ихъ было столько же. Опасаясь, что человѣчество не въ состояніи будетъ вынести столько свѣта и тепла, они рѣшили, что каждая изъ нихъ должна съѣсть своихъ собственныхъ дѣтей; однако, Луна не съѣла звѣздъ, а спрятала ихъ отъ Солнца, которое, считая ихъ всѣхъ уничтоженными, истребило своихъ; но едва оно успѣло сдѣлать это, какъ Луна вывела свое семейство изъ его убѣжища. Увидя ихъ, Солнце пришло въ ярость и погналось за Луною, чтобы убить ее; преслѣдованіе это продолжается и до сихъ поръ, и отъ времени до времени Солнце подходитъ такъ близко къ Лунѣ, что можетъ укусить ее, и тогда бываетъ затменіе. Всякій можетъ убѣдиться въ томъ, что Солнце поѣдаетъ свои Звѣзды на разсвѣтѣ, и что Луна прячетъ своихъ, пока солнце близко, и выводитъ ихъ только ночью, когда врагъ ея уже далеко. Въ то же время оказывается, что на сѣверо-востокѣ Индіи, у племени Го въ Чота-Нагпурѣ, существуетъ миѳъ, очевидно, происходящій изъ того же источника, хотя окончаніе его нѣсколько иное: здѣсь Солнце раскалываетъ Луну на двое за ея измѣну, и такимъ образомъ она осталась съ тѣхъ поръ расколотою и снова сростающеюся, и ее сопровождаютъ всегда ея дочери Звѣзды [1]).

Отъ состоянія дикости до періода цивилизаціи въ миѳологіи Звѣздъ можно прослѣдить послѣдовательность идей, которыя, правда, измѣняются въ своемъ примѣненіи, но видимая связь которыхъ нигдѣ не прерывается отъ начала до конца. Дикари смотрятъ на отдѣльныя звѣзды, какъ на одушевленныя существа, на созвѣздія, какъ на живыя небесныя созданія, или какъ на отдѣльные члены ихъ, или какъ на предметы, связанные съ ними, тогда какъ на другомъ концѣ скалы цивилизаціи современные астрономы пользуются такими же древними вымыслами для составленія картъ небеснаго глобуса. Придуманные дикарями названія и исторіи звѣздъ и созвѣздій, съ перваго взгляда могутъ показаться ребяческими, безцѣльными вымыслами; но, какъ всегда бываетъ при изученіи низшихъ расъ, чѣмъ болѣе мы имѣемъ средствъ вглядываться въ ихъ мысли, тѣмъ болѣе смысла и разума мы находимъ въ нихъ. Австралійскіе аборигены говорятъ, что звѣзды Yurree и Wanjel, называемыя у насъ Касторомъ и Поллуксомъ, преслѣдуютъ Пурру Кэнгуру (нашъ Козерогъ) и убиваютъ его при наступленіи большихъ жаровъ, и жарятъ на кострѣ, дымъ котораго производитъ миражъ. Они говорятъ также, что Marpean Kurrk и Neilloan (Арктуръ и Лира) открыли муравьиныя яйца и яйца птицъ и научили туземцевъ отыскивать ихъ и употреблять въ пищу. Въ переводѣ на фактическій языкъ, эти простые миѳы указываютъ на лѣтнее мѣстопребываніе упомянутыхъ звѣздъ и на время появленія муравьиныхъ и птичьихъ яицъ, и такъ какъ время это обозначается звѣздами, то имъ и приписывается ихъ открытіе [1]). Не менѣе прозрачно значеніе прекраснаго алгонкинскаго миѳа о Творцѣ Лѣта. Въ древнія времена на землѣ царила вѣчная зима, пока, наконецъ, ласка съ помощью животныхъ, своихъ друзей, не пробила въ небѣ отверстіе въ прелестную заоблачную небесную страну, откуда подули теплые вѣтры, и лѣто спустилось на землю, послѣ чего она открыла клѣтки птицъ и выпустила ихъ на свободу. Но, когда жители неба увидѣли, что ихъ птички улетѣли, что ихъ теплые вѣтры спустились на землю, они бросились преслѣдовать ласку и, стрѣляя въ нее своими стрѣлами, попали, наконецъ, въ единственное уязвимое мѣсто, на самомъ кончикѣ хвоста. Такъ этотъ герой умеръ для блага обитателей земли и превратился въ созвѣздіе того же имени; въ означенное время, люди до сихъ поръ видятъ его лежащимъ въ томъ видѣ, какъ онъ упалъ по направленію къ сѣверу, на равнинахъ неба, съ роковою стрѣлою въ концѣ хвоста [2]). Сравните эти разсказы дикарей съ Оріономъ, преслѣдующимъ сестеръ Плеядъ, которыя укрылись отъ него въ морѣ, съ дѣвами, зарыдавшими себя на смерть и превращенными въ звѣздную группу Гіадъ, восходъ и заходъ которой предвѣщалъ дождь: подобныя миѳическія существа, по простотѣ ихъ значенія, могли бы быть придуманы дикарями, такъ же какъ звѣздные миѳы дикарей могли бы быть составлены древними греками. Если мы примемъ въ соображеніе, что австралійцы, способные выдумывать такіе миѳы, и притомъ съ такою полнотою значенія, находятся еще на такой степени дикости, что должны прибавлять одинъ къ двумъ, чтобы составить свое числительное для трехъ—мы можемъ судить, насколько глубоко въ исторіи культуры лежатъ идеи, которыя до сихъ поръ являются на нашихъ звѣздныхъ картахъ въ видѣ Кастора и Поллукса, Арктура и Сиріуса, Волопаса и Оріона, Аргоса и Колесницы, Тукана и Южнаго Креста. Принадлежатъ ли эти имена дикому или цивилизованному міру, приняты ли онѣ въ древности или въ новѣйшее время въ подражаніе древ-

[1]) Journ. Ind. Archip. vol. I, p. 284; vol. IV, p. 333; Tickell in «Journ. As. Soc.», vol. IX, part. II, p. 797; Latham, «Descr. Eth.» vol. II, p. 422.

[1]) Stanbridge въ «Tr. Eth. Soc.» vol. I, pp. 301—3.

[2]) Schoolcraft, «Algic Res.» vol. I, pp. 57—66. Разсказъ о героѣ или божествѣ, неуязвимомъ подобно Ахиллесу, за исключеніемъ одного только мѣста, встрѣчается въ разсказахъ объ убіеніи Лучезарнаго Маниту, у котораго былъ уязвимъ одинъ только скальпъ, и о Могучемъ Квазиндѣ, котораго можно было убить только шишкою бѣлой сосны, въ единственное уязвимое мѣсто на макушкѣ. (Vol. I, p. 153; vol. II, p. 163).

нимъ—онѣ такъ сходны между собою по характеру, что любое племя могло бы перенять ихъ отъ другого; такъ, нѣкоторыя американскія племена, какъ извѣстно, приняли въ свой небесный глобусъ европейскія названія, а наше созвѣздіе Царскаго Дуба, говорятъ, перешло въ новые списки древнихъ индусскихъ трактатовъ, въ общество Семи Мудрецовъ и другихъ древнихъ созвѣздій браманской Индіи.

Эти вымыслы такъ прихотливы, что два различные народа рѣдко нападаютъ на одно и то же имя для какого-нибудь созвѣздія; мало того, различные термины встрѣчаются даже у одной и той же расы. Такъ, напр., звѣзды, называемыя нами Поясъ Оріона, на Новой Зеландіи называются Локтемъ Мауи или Кормою Лодки Тамарерита, а упавшій съ нея якорь, есть нашъ Южный Крестъ[1]). Большая Медвѣдица также похожа на Колесницу, а Поясъ Оріона можетъ одинаково служить Веретеномъ Фригги, или Маріи, или Посохомъ Іакова. Тѣмъ не менѣе естественное совпаденіе встрѣчается нерѣдко. Семь сестеръ Плеядъ кажутся австралійцамъ дѣвами, танцующими корробори, сѣверо-американскимъ индійцамъ — Танцовщицами, лопарямъ — Группою Дѣвъ[2]). Еще болѣе поразительно сходство между вымыслами дикарей и цивилизованныхъ народовъ о пересѣкающемъ небо блестящемъ звѣздномъ поясѣ. Басуты называютъ его „Путемъ Боговъ"; оджисы говорятъ, что это „Путь Духовъ", по которому души поднимаются на небо[3]); сѣверо-американскія племена видятъ въ немъ „Тропинку Владыки Жизни", „Тропинку Духовъ", „Дорогу Душъ", по которой онѣ отправляются въ загробную страну, и бивуачные костры которыхъ виднѣются въ видѣ болѣе блестящихъ звѣздъ[4]). Эти фантазіи дикарей о Млечномъ Пути сходны съ литовскимъ миѳомъ о „Дорогѣ Птицъ", на концѣ которой души праведныхъ, улетающихъ послѣ смерти въ видѣ птицъ, живутъ счастливо и свободно[5]). Пиѳагорейцы думали, что души обитаютъ на Млечномъ Пути, и, со словъ своего учителя, говорили,

[1]) Taylor, «New Zealand», p. 563.

[2]) Stanbridge, l. c. Charlevoix, vol. VI, p. 148; Leems, Lapland, in Pinkerton, vol. I, p. 411. Встрѣчающееся въ С. Америкѣ названіе Медвѣдя для звѣздъ Большой и Малой Медвѣдицы (Charlevoix, l. c., Cotton Mather in Schoolcraft, «Tribes», vol. I, p. 284) уже давно обратило на себя вниманіе (Goguet, vol. I, p. 262; vol. II, 366, но относительно Гренландіи, см. Cranz, p. 294). See observations on the history of the Aryan name in Max Müller, «Lectures», 2-nd series, p. 361.

[3]) Casalis, p. 196; Waitz, vol. II, p. 191.

[4]) Lang's Exp. vol. I, p. 288; Schoolcraft, part. I, p. 272; Le Jeune in «Rel. des Jes. de la Nouvelle France», 1634, p. 18; Loskiel, part. I, p. 35; J. G. Müller, p. 63.

[5]) Hanusch, pp. 272, 407, 415.

что живущія тамъ души спускаются и являются людямъ въ видѣ сновъ[1]); манихеи же переносили на эту „Колонну Свѣта" чистыя души, которыя могли спускаться на землю и снова возвращаться туда[2]). Ниже этого понятіе о Млечномъ Пути у сіамцевъ, у которыхъ онъ „Дорога Бѣлыхъ Слоновъ", у испанцевъ, называющихъ его „Дорогою въ Сантъ-Яго", у турокъ, видящихъ въ немъ „Путь Пилигримовъ", а еще ниже „Соломенная Дорога" сирійцевъ, персіянъ и турокъ, которые такимъ образомъ сравниваютъ его со своими улицами, усыпанными обрѣзками соломы, выпадающими изъ сѣтей, въ которыхъ ее перевозятъ[3]). Но изъ всѣхъ вымысловъ, относящихся къ небесному пути, самые странные встрѣчаются въ Англіи. Проходя по короткому и извилистому пути, ведущему отъ Св. Павла къ Кэннонъ-Стриту, невольно вспоминается, какъ мало осталось отъ большой дороги Ветлинговъ, нѣкогда ведшей чрезъ Лондонъ изъ Дувра въ Валлисъ. Но на небѣ, такъ же какъ и на землѣ, есть своя Ветлингова Дорога, которую прежде зналъ всякій англичанинъ, хотя она теперь забыта даже и въ мѣстномъ нарѣчіи. Чаусеръ какъ говоритъ о ней въ своей „Обители Славы":

„Lo there (quod he), cast up thine eye
Se yondir, lo, the Galaxie,
The whiche men clepe the Milky Way,
For it is white. and some parfay,
Ycallin it han Watlynge strete"[4]).

Переходя отъ миѳологіи небесныхъ тѣлъ къ другимъ областямъ природнаго миѳа, мы встрѣтимся съ новыми доказательствами того, что колыбель этихъ легендъ находится въ предѣлахъ культуры дикарей. Таковы миѳы о Вѣтрахъ. Ново-зеландцы разсказываютъ, что Мауи можетъ взнуздать, или задержать въ ихъ пещерахъ, всѣ Вѣтры, за исключеніемъ Западнаго Вѣтра, пещеру котораго онъ даже не можетъ отыскать, чтобы заградить входъ въ нее камнемъ, вслѣдствіе чего этотъ

[1]) Porphyr. de Antro Nympharum, 28; Macrob. de Somn. Scip. I, 12.

[2]) Beausobre, «Hist. de Manichée», vol. II, p. 513.

[3]) Bastian, «Oestl. Asien», vol. III, p. 341; «Chronique de Tabari», tr. Dubeux, p. 24; Grimm, «D. M.» p. 330, etc.

[4]) Вотъ тамъ (сказалъ онъ), взгляни вверхъ,
Смотри вонъ вдали, тамъ, Галактея,
Которую люди называютъ Млечнымъ Путемъ.
Такъ какъ онъ бѣлъ и довольно прекрасенъ,
Называютъ его также Ветлинговой улицей.

Chaucer, «House of Fame», II. 427. По отношенію къ вопросу о миѳологіи арійцевъ, поясняемой миѳами дикарей о млечномъ пути, см. Pictet, «Origines», part. II, p. 582, etc.

вѣтеръ сильнѣе всѣхъ; отъ времени до времени, впрочемъ, ему почти удается осилить его, и тогда этотъ вѣтеръ прячется въ свою пещеру и замираетъ [1]). Въ классической поэзіи, вымыселъ объ Эолѣ, держащемъ вѣтры въ заточеніи въ подземельяхъ своей темницы, выраженъ слѣдующими словами:

„Hic vasto rex Aeolus antro
Luctantes ventos, tempestatesque sonoras
Imperio premit, ac vinclis et carcere fraenat“ [2]).

Миѳъ о Четырехъ Вѣтрахъ разработанъ у туземныхъ племенъ Америки съ такою стройностью, силою и красотою, что въ миѳологіи цѣлаго міра едва ли найдется что-либо подобное. Эпизоды этого отдѣла народной поэзіи краснокожихъ индѣйцевъ собраны Скулькрафтомъ въ его „Algic Researches“ и переданы затѣмъ съ удивительнымъ вкусомъ и симпатіею, хотя, къ сожалѣнію, не всегда вѣрно оригиналамъ, въ лучшемъ произведеніи Лонгфелло, „Пѣснѣ о Гайаватѣ“. Западный Вѣтеръ Мёджекивисъ (Mudjekeewis) называется Кабейуномъ, Отцомъ Вѣтровъ, Восточный Вѣтеръ—Вабуномъ, Южный Вѣтеръ—Шавондази, Сѣверный Вѣтеръ—Кабибонокка. Но есть еще могучій вѣтеръ, не принадлежащій къ этой мистической группѣ, это—Манабозо, Сѣверо-Западный Вѣтеръ, который для миѳическихъ цѣлей представляется незаконнымъ сыномъ Кабейуна. Свирѣпый Сѣверный Вѣтеръ Кабибонокка напрасно старается выгнать изъ теплаго, счастливаго зимняго убѣжища, Шингебиса, медлительную птицу-нырка; а лѣнивый Южный Вѣтеръ Шавондози вздыхаетъ по степной дѣвѣ съ золотистыми волосами, пока они не превратятся въ серебристо-бѣлые, и какъ только онъ повѣетъ на нее, луговой одуванчикъ тотчасъ же исчезаетъ [3]). Человѣкъ естественно дѣлитъ свой горизонтъ на четыре части, помѣщая ихъ спереди, сзади, справа и слѣва, и такимъ образомъ представляетъ себѣ міръ четыреугольникомъ, по угламъ котораго распредѣляются вѣтры. Въ своихъ „Миѳахъ Новаго Свѣта“, д-ръ Брэнтонъ ясно показалъ, какимъ образомъ у туземцевъ Америки идеи эти порождали легенду за легендою, съ четырьмя братьями-героями, или миѳическими предками, или божественными покровителями человѣчества, которые, при ближайшемъ знакомствѣ, оказываются четырьмя Вѣтрами въ личныхъ образахъ [4]).

[1]) Yate, «New Zealand», p. 114, см. Ellis, «Polyn. Res.». vol. II, p. 417.
[2]) Здѣсь царь Эолъ усмиряетъ своей властью спорящихъ въ широкой пещерѣ вѣтровъ и шумныя бури, и обуздываетъ цѣпями и тюрьмой. Virg. Aeneid. I, 56; Homer. Odys. X. I.
[3]) Schoolcraft, «Algic Res.» vol. I, p. 200; vol. II, pp. 122, 214; «Indian Tribes», part. III, p. 324.
[4]) Brinton, «Myths of the New World», ch. III.

Гимны Ведъ къ Марутамъ, Бурнымъ Вѣтрамъ, разрывающимъ на части лѣсныхъ царей и приводящимъ въ содроганіе скалы, а затѣмъ, по ихъ обыкновенію, принимающимъ образъ новорожденныхъ дѣтей, миѳическій образъ младенца Гермеса въ гомеровомъ гимнѣ и легендарное рожденіе Борея отъ Астрея и Эосъ, Звѣзднаго Неба и Утренней Зари — выработались на арійской почвѣ въ вымыслы, не только вполнѣ понятные краснокожимъ индѣйцамъ, но съ которыми разсказчики ихъ могутъ безопасно соперничать [1]). Въ разсказахъ крестьянина, вспоминающаго у своего очага о Дикомъ Охотникѣ. Wodejäger, Grand Veneur de Fontainebleau, Herne the Hunter of Windsor Forest, значеніе этого великаго древняго миѳа о бурѣ почти совершенно утратилось. „Wish“, или „Wush“, имя гончихъ Дикаго Охотника, сохранилось на западѣ Англіи только силою преданія; слова эти, вѣроятно, утратили свое значеніе въ народѣ уже нѣсколько вѣковъ тому назадъ, хотя мы ясно узнаемъ въ нихъ древнее, всѣмъ извѣстное имя Водана, древне-германское „Wunch“. Какъ и въ древнія времена, Богъ-Небесъ, разражаясь дикою бурею, гонитъ по небу тучи, въ то время, какъ разсказчикъ, укрывшись въ теплыхъ стѣнахъ своего домика, безсознательно описываетъ, въ личныхъ, легендарныхъ образахъ, ту же самую Дикую Погоню Бури [2]).

Поэты или философы дикарей часто реализировали громъ, или причину его, въ миѳахъ о Громовой Птицѣ. Сѣверо-американская легенда много разсказываетъ объ этомъ чудесномъ созданіи. Это—птица великаго Маниту, подобно тому, какъ орелъ былъ птицею Зевса, и часто она является воплощеніемъ самого великаго Маниту. Ассинибойны не только знаютъ о ея существованіи, но даже видѣли ее; на далекомъ сѣверѣ разсказываютъ, какъ она сотворила міръ. Изъ всѣхъ миѳовъ этого рода, самый странный, быть можетъ, распространенъ у племени Дакота: Громъ,—говорятъ они,—огромная птица, отчего и происходитъ его быстрота. Старая птица начинаетъ, а затѣмъ подхватываютъ и продолжаютъ гремѣть безчисленное множество молодыхъ птицъ или громовъ, отчего и происходитъ продолжительность раскатовъ. Всѣ бѣдствія, говорятъ индѣйцы, производятся молодыми птицами, или громами, которые, подобно дурнымъ юношамъ, не слушаются добраго совѣта. Ста-

[1]) «Rig-Veda», Tr. by Max Müller, vol. I (Hymns to Maruts); Welcker, «Griech. Götterl.», vol. III, p. 67; Cox, «Mythology of Arian Nations», vol. II, ch. V.
[2]) Grimm, «D. M.», pp. 126, 599, 894; Hunt, «Pop. Rom.» 1-et ser., p. XIX; Baring-Gould, «Book of Werewolves», p. 101; см. «Myths of the Middle Ages», p. 25; Wuttke, «Deutsches Volksaberglaube», pp. 13, 236; Monnier, «Traditions», pp. 75 etc., 741, 747.

рая птица, или громъ, добра и мудра, не убиваетъ никого и не дѣлаетъ ни малѣйшаго вреда. Въ Центральной Америкѣ упоминается о птицѣ Вокъ, посланницѣ Гуракана (имя котораго перешло въ европейскіе языки, какъ huracano, ouragan, hurricane, ураганъ), бога Бури, Грома и Молніи. У караибовъ, бразильцевъ, жителей Гарвеевыхъ острововъ кареновъ, бечуановъ и басутовъ встрѣчаются легенды о взмахивающей или сверкающей Птицѣ-Громѣ, въ которыхъ, повидимому, просто переносится въ область миѳа понятіе о громѣ и молніи, спускающихся изъ верхняго воздушнаго пространства, изъ мѣстопребыванія орла и коршуна [1]).

Богъ-Неба обитаетъ въ небесной области, и потому, какой же образъ можетъ болѣе подходить къ нему и къ его посланникамъ, какъ не образъ птицы? Но для того, чтобы земля могла колебаться у насъ подъ ногами, требуется существо совершенно другого рода, и на основанiи этого обязанность поддерживать твердую землю предоставляется въ различныхъ странахъ различнымъ чудовищнымъ существамъ, обладающимъ человѣческими или животными свойствами, которые отъ времени до времени даютъ знать о себѣ колебаніями своей ноши, вслѣдствіе небрежности или гнѣва, или ради забавы. Повсюду, гдѣ испытываются землетрясенія, можно встрѣтить какой-либо варіантъ великаго миѳа о „Земледержцѣ". Такъ, въ Полинезіи тонганы говорятъ, что Мауи держитъ землю на своемъ распростертомъ тѣлѣ, и когда онъ ворочается, желая принять болѣе удобное положеніе, происходитъ землетрясеніе, вслѣдствіе чего народъ кричитъ и бьетъ землю палками, чтобы заставить его лежать покойно. Другой варіантъ составляетъ часть уже упомянутаго нами интереснаго миѳа, въ которомъ подземная область вулканическаго огня и землетрясенія является въ связи съ подземнымъ міромъ, куда опускается солнце на ночь. Старый Мауи лежалъ у огня въ странѣ мертвыхъ Булоту, когда у входа его пещеры показался внукъ его Мауи; молодой Мауи похитилъ огонь, и они вступили въ борьбу, но старый Мауи былъ побѣжденъ и съ тѣхъ поръ лежитъ искалѣченный и спитъ подъ землею, которая колеблется, когда онъ поворачивается во

[1]) Pr. Max. v. Wied, «Reise in N. A.», vol. I, pp. 446, 455; vol. II, pp. 152, 223; Sir Alex. Mackenzie, «Voyages», p. CXVII; Irving, «Astoria», vol. II, ch. XXII; Le Jeune, op. cit. 1634, p. 26; Schoolcraft, «Indian Tribes», part. III, p. 233; «Algic Res.», vol. II, pp. 114—6, 199; Catlin, vol. II, p. 164; Brasseur, «Popol. Vuh», p. 71 and Index, «Hurakan», J. G. Müller, «Amer. Urrel.», pp. 222, 271; Ellis, «Polyn. Res.», vol. II, p. 417; Ino. Williams, «Missionary Enterprise», p. 93; Mason, l. c., p. 217, Moffat, «South Africa», p. 388; Casalis, «Basutos», p. 266; Callaway, «Religion of Amasulu», p. 119.

снѣ [1]). На Целебесѣ разсказываютъ о поддерживающемъ землю Гогѣ, который трется о дерево и этимъ производитъ землетрясеніе [2]). Сѣверо-американскіе индѣйцы говорятъ, что землетрясеніе происходитъ отъ движенія великой Черепахи, поддерживающей міръ. Эта Черепаха есть, повидимому, миѳическое изображеніе самой земли, такъ что разсказъ этотъ только выражаетъ миѳическимъ языкомъ самый фактъ колебанія земли; по ясности значенія, разсказъ этотъ стоитъ только одною степенью ниже разсказа караибовъ, которые во время землетрясенія говорятъ, что Мать-Земля пляшетъ [3]). У высшихъ континентальныхъ расъ характеръ этихъ идей остается мало измѣненнымъ; тласкаланы говорятъ, что землетрясеніе происходитъ, когда божества, поддерживающія землю, устаютъ и для отдыха на время сбрасываютъ свою ношу [4]); чибчасы говорятъ, что богъ ихъ Чибчакумъ колеблетъ землю, перекладывая ее съ одного плеча на другое [5]). Въ культурѣ Азіи развитіе этого миѳа столь же обширно. Камчадалы разсказываютъ о богѣ-землетрясенія, Туилѣ, что онъ катается на саняхъ подъ землею, и когда собака его стряхиваетъ съ себя снѣгъ или блохъ, тогда бываетъ землетрясеніе [6]); солнечный герой кареновъ, Та-Ива, заставилъ Ши-у поддерживать землю, и, когда онъ двигается, чувствуется землетрясеніе [7]). Поддерживающіе міръ слоны индусовъ, поддерживающая міръ лягушка монгольскихъ ламъ, міровой быкъ мусульманъ, гигантскій Омофоръ манихейской космологіи—всѣ эти существа держатъ землю на спинѣ или на головѣ и производятъ землетрясеніе, потягиваясь или ворочаясь [8]). Такъ въ европейской миѳологіи, скандинавскій Локи, связанный въ своей подземной пещерѣ желѣзными цѣпями, корчится, когда висящая надъ нимъ змѣя каплетъ на него ядомъ; или Прометей дѣлаетъ усилія подъ землею, желая разорвать свои оковы; или латышскій Дребкульсъ или Посейдонъ, Колебатель Земли, заставляетъ землю содрогаться подъ ногами людей [9]). Въ числѣ чистыхъ миѳовъ воображенія, къ которымъ принадлежатъ большинство вышеприведенныхъ,

[1]) Mariner, «Tonga Is.», vol. II, p. 120; S. S. Farmer, «Tonga», p. 135, Schirren, pp. 35—7.
[2]) «Journ. Ind. Archip.», vol. II, p. 837.
[3]) J. G. Müller, «Amer. Urrelig.», pp. 61, 122.
[4]) Brasseur, «Mexique», vol. III, p. 482.
[5]) Pouchet, «Plurality of Races», p. 2.
[6]) Steller, «Kamtschatka», p. 267.
[7]) Mason, «Karens», l. c. p. 182.
[8]) Bell, «Tr. in Asia» in Pinkerton, vol. VII, p. 369; Bastian «Oestl. Asien.», vol. II, p. 168; Lane, «Thousand and One Nights», vol. I, p. 21; см. Latham, «Descr. Eth.», vol. II, p. 171; Beausobre, «Manichée», vol. I, p. 243.
[9]) Edda, «Gylfaginning», 58; Grimm, «D. M.», p. 777, etc.

иногда можно различить и философскіе миѳы, подобные имъ по формѣ, но имѣющіе видъ попытокъ болѣе серьезнаго объясненія, даже безъ всякой метафоры. Японцы полагаютъ, что землетрясеніе производится огромными китами, ползающими подъ землею; на эту мысль они были, вѣроятно, наведены находимыми ископаемыми костями, имѣющими видъ остатковъ такихъ подземныхъ чудовищъ. Сибиряки точно также приписываютъ находимые въ землѣ кости и клыки мамонтовъ какимъ-то огромнымъ, живущимъ въ норахъ животнымъ, и, въ силу этого вѣрованія, пришли къ заключенію, что земля колышется, когда подъ ней ползаютъ эти чудовища. Такимъ образомъ при изслѣдованіи миѳовъ землетрясенія всего міра, оказывается, что столь поразительно сходныя между собою легенды являются результатомъ двухъ процессовъ: передачи самого явленія миѳическимъ языкомъ и — грубой научной теоріи, старающейся объяснить это явленіе дѣйствительными движеніями подземнаго животнаго [1]).

При такомъ обозрѣніи миѳическихъ чудесъ неба и земли, солнца, луны и звѣздъ, вѣтра, грома и землетресенія, является возможность продолжать изслѣдованія уже при условіяхъ дѣйствительной достовѣрности. Пока миѳическимъ языкомъ сознательно говорится о такихъ существахъ, какъ Небо или Солнце, значеніе ихъ легендъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, и приписываемыя имъ дѣйствія, почти безъ исключенія, будутъ имѣть характеръ естественности и цѣлесообразности. Но когда явленія природы принимаютъ болѣе антропоморфическую форму, когда начинается отожествленіе ихъ съ личными героями или богами, и, когда въ послѣдующія времена, существа эти, утративъ первоначальное сознаніе ихъ происхожденія, являются центрами около которыхъ группируются разрозненные вымыслы, — тогда смыслъ ихъ искажается и затемняется, и искать въ нихъ прежней послѣдовательности становится невозможнымъ. И дѣйствительно, неразумное требованіе этой послѣдовательности въ природныхъ миѳахъ, перешедшихъ уже въ то, что можно назвать ихъ героическимъ фазисомъ, есть одно изъ самыхъ вредныхъ заблужденій миѳологовъ. При настоящемъ изслѣдованіи мы брали природные миѳы почти исключительно въ ихъ вполнѣ ясномъ первобытномъ состояніи, и включили въ обзоръ только нѣсколько легендъ, близко соотвѣтствующихъ имъ, хотя и утратившихъ первоначальную ясность своего значенія. Систематическій разборъ воззрѣній Гримма, Грота, Макса Мюллера, Куна, Ширрена, Кокса, Бреаля, Дасента, Келли и другихъ миѳологовъ не входилъ въ мои намѣренія. Я даже нарочно опустилъ въ настоящемъ очеркѣ множество частностей, которыя могли бы повредить ясности общихъ образовъ, хотя, вслѣдствіе того, долженъ былъ оставить въ сторонѣ много интересныхъ указаній, которыя можно бы было разработать эпизодъ за эпизодомъ, и вывести связь ихъ съ миѳами отдаленныхъ временъ и странъ. Моею цѣлью скорѣе было выставить на первый планъ природные миѳы низшихъ расъ, чтобы ихъ свѣжія и ясныя миѳическія идеи могли служить основою при изученіи въ широкихъ размѣрахъ природныхъ миѳовъ всего міра. При всемъ своемъ несовершенствѣ, приведенныя мною доказательства и толкованія, повидимому, благопріятствуютъ убѣжденію въ историческомъ развитіи легендъ, описывающихъ жизнь природы въ личныхъ образахъ. То состояніе ума, которое порождаетъ эти фантастическія фикціи, встрѣчается въ полной силѣ у дикихъ народовъ, передается по наслѣдству и развивается при высшей культурѣ варварскихъ или полуцивилизованныхъ народовъ, и въ цивилизованномъ мірѣ, наконецъ, переходитъ все болѣе и болѣе изъ реализированнаго вѣрованія въ фантастическую, аффектированную и даже искусственную поэзію.

[1]) Kämpfer, «Japan», in Pinkerton, vol. VII, p. 684; см. миѳы о мамонтахъ въ «Early Hist. of Mankind», p. 315.

ГЛАВА X.

Миөологія.

(Окончаніе).

Философскіе миөы: обращеніе ихъ въ псевдо-исторію. — Геологическіе миөы. — Дѣйствіе ученія о чудесахъ на миөологію.—Магнитныя Горы.—Миөы о родствѣ между обезьянами и людьми, вслѣдствіе развитія или вырожденія. — Этнологическое значеніе миөовъ о людяхъ-обезьянахъ, о людяхъ съ хвостомъ и о лѣсныхъ людяхъ.—Миөы Заблужденія, Извращенія и Преувеличенія: исторіи великановъ, карликовъ и чудовищныхъ племенъ. — Фантастическіе объяснительные миөы.— Миөы, относящіеся къ легендарнымъ или историческимъ личностямъ.—Этимологическіе миөы о названіяхъ мѣстностей и лицъ. — Эпонимическіе миөы о названіяхъ племенъ, народовъ, странъ и пр.; ихъ этнологическое значеніе. — Прагматизированные миөы посредствомъ реализаціи метафоръ и идей. — Аллегорія. — Басня о животныхъ.—Заключеніе.

Хотя попытка систематизировать и привести къ извѣстнымъ законамъ всю область миөологіи была бы въ настоящее время опрометчивою и преждевременною, но овладѣвать по частямъ одною миөическою отраслью за другою является дѣломъ и полезнымъ и возможнымъ. Послѣ разсмотрѣнія теоріи природныхъ миөовъ, для насъ будетъ не безъинтересно уловить и въ другихъ направленіяхъ проблески грубой и дѣтской мысли человѣчества, выраженной не абстрактными ученіями, но воплощенной въ миөическомъ вымыслѣ. Мы найдемъ результаты въ массѣ легендъ, полныхъ значенія для древнѣйшей исторіи человѣческихъ воззрѣній. Приблизительно онѣ могутъ быть классифицированы подъ слѣдующими рубриками: миөы философскіе, или объяснительные; миөы, основанные на реальныхъ, но неправильно понятыхъ, преувеличенныхъ или искаженныхъ описаніяхъ; миөы, въ которыхъ предполагаемыя происшествія приписываются легендарнымъ или историческимъ личностямъ; миөы, основанные на реализаціи фантастической метафоры, и миөы, созданные или примѣненные для распространенія нравственныхъ, соціальныхъ или политическихъ ученій.

Стремленіе человѣка узнать причины, двигающія каждымъ событіемъ, происходящимъ передъ его глазами, причины — почему такое-

то положеніе вещей, которое онъ наблюдаетъ, является такимъ-то, а не инымъ, не есть продуктъ высшей цивилизаціи, а характеристическая черта человѣческой расы, проявляющаяся уже на самыхъ низкихъ ступеняхъ ея. Уже у грубыхъ дикарей является умственная жажда, на удовлетвореніе которой уходитъ большая часть того времени, которое у нихъ не занято войною, тѣлесными упражненіями, ѣдою или сномъ. Даже у ботокуда или австралійца его ежедневный опытъ носитъ въ себѣ зародышъ научнаго мышленія: онъ научился совершать опредѣленныя дѣйствія съ цѣлью полученія опредѣленныхъ результатовъ, видѣть совершеніе другихъ дѣйствій и послѣдованіе сообразныхъ результатовъ, дѣлать заключеніе отъ слѣдствія обратно къ предыдущему дѣйствію и находить свое заключеніе подтвержденнымъ на фактѣ. Увидѣвъ однажды слѣды оленя или кэнгуру, оставленные ими на мягкой почвѣ, и найдя на другой день новые слѣды и заключая отсюда, что ихъ сдѣлало такое же животное, а затѣмъ отправляясь по этому слѣду и убивая животное, дикарь уже знаетъ, что имъ была возстановлена исторія прошлыхъ событій посредствомъ заключенія изъ ихъ результатовъ. Но въ раннихъ стадіяхъ познанія является крайнее смѣшеніе между сообщеніемъ дѣйствительныхъ событій и идеальнымъ возсозданіемъ ихъ. Даже и въ наше время по всему свѣту распространены безконечныя исторіи, выдаваемыя за описаніе дѣйствительныхъ происшествій; но критическое изслѣдованіе показываетъ, что это просто выводы, и часто совершенно ошибочные, изъ фактовъ, подстрекнувшихъ изобрѣтательность какого-нибудь любознательнаго изслѣдователя. Такъ, одинъ авторъ въ Asiatick Researches, Азіатскихъ Изслѣдованіяхъ, лѣтъ 80 тому назадъ, передаетъ слѣдующій разсказъ объ андаманскихъ островитянахъ, какъ историческій фактъ, который дошелъ до его свѣдѣнія: „Вскорѣ послѣ того, какъ португальцы открыли путь въ Индію вокругъ Мыса Доброй Надежды, одинъ изъ ихъ кораблей, на которомъ было нѣсколько мозамбикскихъ негровъ, пропалъ около необитаемыхъ дотолѣ Андаманскихъ острововъ. Негры остались на островѣ и населили его, а бѣлые устроили небольшую лодку и переплыли на ней въ Пегу“. Эта курьезная исторія, вѣроятно, возбудитъ интересъ многихъ читателей, но при первомъ соприкосновеніи съ фактомъ она разрѣшается въ философскій миөъ, который возникъ вслѣдствіе легкаго перехода отъ того, что̀ могло бы быть къ тому, что̀ было. Острова эти не только не были необитаемы во время путешествія Васко де Гама, но шестьсотъ лѣтъ до него уже существовало описаніе ихъ черныхъ, курчавыхъ и нагихъ обитателей. Людямъ, удивленнымъ присутствіемъ чернаго населенія на Андаманскихъ островахъ, подобный разсказъ могъ

показаться правдоподобнымъ, но онъ, безъ сомнѣнія, былъ отвергнутъ этнологами, знавшими объ обширномъ распространеніи негровидныхъ папуасовъ, на самомъ дѣлѣ столь отличныхъ отъ какой бы то ни было расы африканскихъ негровъ [1]). Не такъ давно мнѣ самому случилось натолкнуться на замѣчательный миѳъ такого рода. Близъ Лондона, на одномъ полѣ красной глины было найдено нѣсколько ископаемыхъ костей слона, и вскорѣ послѣ того въ окрестностямъ распространился разсказъ приблизительно въ слѣдующей формѣ: „Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ этихъ мѣстахъ проходили животныя, назначавшіяся для звѣринца Уомвелля; одинъ изъ слоновъ палъ и былъ зарытъ въ полѣ, а теперь эти ученые господа нашли его кости, и воображаютъ, что напали на допотопнаго слона". Казалось почти жестокимъ разрушить этотъ остроумный миѳъ указаніемъ на то обстоятельство, что пріобрѣтеніе такого экземпляра, какъ живой мамонтъ, превышаетъ средства даже звѣринца Уомвелля. Но для людей, не задумывающихся надъ мелкими отличіями между существующими и вымершими видами слоновъ, такого рода исторія настолько удовлетворительно поясняетъ факты, что въ другое время и въ другомъ мѣстѣ подобный же разсказъ появился при подобныхъ же обстоятельствахъ. Въ Оксфордѣ Бёклэндъ услышалъ ту же исторію звѣринца Уомвелля и мертваго слона, по поводу найденныхъ и тамъ ископаемыхъ костей [2]). Подобные вымыслы встрѣчаются нерѣдко, и нахожденіе ископаемыхъ легко наводитъ на нихъ. Такъ, напр., найденныя въ Альпахъ окаменѣлыя кости были приписаны слонамъ Аннибала; отысканныя около Монъ-Сени окаменѣлыя устричныя раковины навели Вольтера на мысль о пилигримахъ, идущихъ въ Римъ; тѣ же раковины, найденныя на вершинахъ и скатахъ горъ, вызвали предположеніе теологовъ, будто онѣ были занесены туда прибывающими волнами потопа. Эти теоретическія объясненія не поддаются критикѣ со стороны ихъ философскаго смысла до тѣхъ поръ, пока дальнѣйшія наблюденія не докажутъ ихъ неосновательности. Вредное дѣйствіе ихъ на историческое сознаніе человѣчества начинается только тогда, когда они ведутъ къ превратнымъ заключеніямъ, то-есть, когда ихъ выдаютъ за сохранившійся въ памяти фактъ.

Въ связи съ этимъ можно вкратцѣ упомянуть о доктринѣ чудесъ, насколько она спеціально касается миѳологіи. Для дикаря, пересказывающаго чудесные миѳическіе эпизоды и поразительныя, сверхъестественныя дѣянія его боговъ и героевъ являются чудесами въ первоначальномъ, общемъ смыслѣ этого слова, то-есть, странными и поразительными явленіями; но онъ не признаетъ ихъ чудесами въ новѣйшемъ смыслѣ, гдѣ подъ этимъ словомъ часто подразумѣвается насилованіе или устраненіе признанныхъ законовъ природы. Exceptio probat regulam (исключеніе подтверждаетъ правило),—слѣдовательно, признавать что́ бы то ни было исключеніемъ—значитъ признавать правило, отъ котораго оно отступаетъ, но дикарь не признаетъ ни правила, ни исключенія. Европеецъ, напротивъ того, пріученъ воспитаніемъ къ примѣненію совершенно иныхъ пріемовъ доказательствъ, и онъ спокойно отвергнетъ традиціи прошлаго, предъ которыми благоговѣетъ дикарь, на томъ простомъ основаніи, что онѣ трактуютъ о событіяхъ совершенно невозможныхъ. Обыкновенное мѣрило возможности, примѣняемое къ достовѣрности преданія, дѣйствительно, безконечно измѣнялось въ движеніи культуры черезъ ея дикую, варварскую и цивилизованную ступени. Въ этомъ случаѣ для насъ важно то обстоятельство, что эта перемѣна въ общественномъ мнѣніи, дѣйствующемъ обыкновенно такъ неотразимо, оставила цѣлый обширный отдѣлъ легендъ почти нетронутымъ. Законы, очевидности и результаты опыта отступали передъ бездоказательнымъ увѣреніемъ о сверхъестественномъ вмѣшательствѣ благодѣтельной и злой силы, и это освященное временемъ практическое воззрѣніе дошло до своего апогея въ средніе вѣка. Слѣдствіемъ этого было то, что ученіе о чудесахъ сдѣлалось какъ бы мостомъ, по которому миѳологія переходила изъ низшей культуры въ высшую. Начала образованія миѳовъ, принадлежащія собственно дикому умственному состоянію, этимъ путемъ продолжаются и являются усиленно дѣйствующими и въ цивилизованномъ мірѣ. Миѳическимъ эпизодамъ, которые европейцы отвергли бы съ презрѣніемъ, если бъ они касались боговъ и героевъ, чтимыхъ дикарями, нужно было только придать въ подробностяхъ мѣстный колоритъ, провозгласить ихъ чудесами, случившимися въ жизни какого-нибудь сверхъестественнаго лица, и за ними вновь оставалось ихъ прежнее почетное мѣсто въ исторіи.

Изъ безчисленнаго количества примѣровъ, доказывающихъ вышесказанное, возьмемъ два случая, принадлежащіе къ разряду геологическихъ миѳовъ. Первый изъ нихъ есть всѣмъ извѣстная легенда о Св. Патрикѣ и змѣяхъ. Д-ръ Андрю Бурдъ, въ своемъ описаніи Ирландіи и ирландцевъ въ царствованіе Генриха VIII, упоминаетъ о ней въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Между тѣмъ въ Ирландіи происходятъ поразительныя вещи, такъ какъ тамъ нѣтъ ни сорокъ, ни ядовитыхъ гадовъ. Тамъ не видать ни ехидны, ни змѣи, ни жабы, ни ящерицы,

[1]) Hamilton въ «As. Res.», vol. II, p. 344; Colebrooke, ibid, vol. IV, p. 385; Earl въ «Journ. Ind. Archip.», vol. III, p. 682; vol. IV, p. 9. См. Renaudot, «Travels of Two Mahommedans», y Pinkerton, vol. VII, p. 183.

[2]) F. Buckland, «Curiosities of Nat. Hist.» 3-rd Series, vol. II, p. 39.

и ничего подобнаго. А я видѣлъ камни, которые имѣли видъ и форму змѣи и другихъ ядовитыхъ гадовъ. Народъ въ тѣхъ мѣстахъ говоритъ, что камни эти прежде были гадами, и что они были превращены въ камни волею Божіею и молитвами св. Патрика. И англійскіе купцы изъ Англіи посылаютъ въ Ирландію за землею, чтобы посыпать ею свои сады, и этимъ уничтожать и препятствовать зарожденію ядовитыхъ гадовъ" [1]). Разбирая этотъ отрывокъ, прежде всего слѣдуетъ отдѣлить то, что вошло въ него изъ иноземныхъ миѳовъ и принадлежитъ собственно не Ирландіи, а островамъ Средиземнаго моря; разсказъ объ островѣ Критѣ, земля котораго уничтожаетъ ядовитыхъ змѣй, находится уже у Эліана [2]), и предшественникомъ ирландскаго святого является, повидимому, св. Гоноратъ, очистившій отъ змѣй свой островъ (одинъ изъ Леринскихъ острововъ напротивъ Каннъ). Результатомъ этихъ соображеній является философскій миѳъ, объясняющій окаменѣніемъ змѣй существованіе ископаемыхъ аммонитовъ; этому миѳу придается историческое значеніе тѣмъ, что явленіе это считается чудомъ и приписывается св. Патрику. Второй изъ этихъ миѳовъ важенъ по тому историческому и геологическому свидѣтельству, которое случайно сохранилось въ немъ. Въ знаменитыхъ развалинахъ храма Юпитера Сераписа въ Поццуоли, древнемъ Путеоли, мраморныя колонны до половины покрыты маленькими отверстіями, просверленными литодомами, чѣмъ доказывается, что мѣсто, на которомъ стоитъ храмъ, должно было нѣкогда опуститься въ море на нѣсколько футовъ, а затѣмъ, поднявшись, снова стать сушей. Поразительно то, что исторія умалчиваетъ о событіяхъ, на которыя указываетъ это убѣдительное геологическое свидѣтельство. До послѣдняго времени не было извѣстно никакихъ документовъ, упоминающихъ о существованіи храма въ тотъ промежутокъ времени, между II и III вѣками—когда, какъ извѣстно, римскіе императоры украшали его — и XVI вѣкомъ, когда о немъ упоминается, какъ о развалинахъ. Въ настоящее время Тёкетъ указалъ, что въ апокрифическихъ Дѣяніяхъ Петра и Павла, принадлежащихъ, повидимому, приблизительно къ концу IX ст., есть одно мѣсто, которое упоминаетъ о погруженіи храма и приписываетъ это чуду св. Павла. Вотъ эта легенда: „И оставивъ Мессину, онъ (Павелъ) отплылъ въ Дидимъ, гдѣ пробылъ одну ночь. Оттуда онъ отправился въ Понтіолэ (Путеоли), куда прибылъ на второй день. Кормчій Діоскоръ, который привезъ Павла въ Сиракузы, былъ преданъ ему,

[1]) Andrew Boorde, «Introduction of Knowledge», ed. by F. J. Furnivall, Early Eng. Text. Soc. 1870, p. 133.
[2]) Aelian, De Nat. Animal. v. 2, cм. 8.

потому что онъ спасъ отъ смерти его сына, а потому онъ оставилъ свой корабль въ Сиракузахъ и послѣдовалъ за Павломъ въ Понтіолэ. Здѣсь находилось нѣсколько учениковъ Петра, которые, встрѣтивъ Павла, упросили его побыть у нихъ. И онъ укрывался у нихъ недѣлю, зная о приказѣ Кесаря (умертвить его). И всѣ топархи ждали его, чтобы схватить его и убить. Но кормчій Діоскоръ, будучи также лысымъ, одѣтый въ свое платье кормчаго и смѣло говоря, въ первый же день вышелъ въ городъ Понтіолэ. Думая, что это былъ Павелъ, его схватили и обезглавили, и голову его послали Кесарю... Но Павелъ, будучи въ Понтіолэ и услыхавъ, что Діоскоръ казненъ, былъ удрученъ великою скорбью и, поднявъ очи къ небесамъ, сказалъ: „О всевышній и всемогущій Господь, Ты, являвшій мнѣ Свою благость всюду, куда ни отправлялся я проповѣдывать ученіе Твоего Единороднаго Сына, Господа нашего Іисуса Христа, ниспошли на городъ этотъ небесную кару и удали изъ него всѣхъ увѣровавшихъ въ Господа и слѣдующихъ слову Его". Затѣмъ онъ сказалъ имъ: „слѣдуйте за мною". И онъ вышелъ изъ Понтіолэ со всѣми вѣрующими въ слово Божіе, и пришли они къ мѣсту, называемому Байи (Baiae), и, взглянувъ наверхъ, они увидѣли всѣ, что городъ, именуемый Понтіолэ, опустился въ море ниже морского берега почти на сажень; и такъ онъ въ воспоминаніе остался подъ водою до настоящаго дня... И тѣ, которые спаслись изъ поглощеннаго моремъ города Понтіолэ, донесли Кесарю въ Римѣ, что Понтіолэ былъ поглощенъ моремъ со всѣмъ своимъ населеніемъ" [1]).

Эпизоды народнаго миѳа, часто служащіе указаніями на серьезныя вѣрованія того времени, которому они принадлежатъ, могутъ служить знаменательными памятниками умственной исторіи человѣчества. Какъ примѣръ миѳовъ, принадлежащихъ къ разряду философскихъ и объяснительныхъ, возьмемъ разсказъ изъ Арабскихъ Ночей, который на первый взглядъ можетъ показаться порожденіемъ самой дикой фантазіи, но въ которомъ, тѣмъ не менѣе, можно прослѣдить научное начало; это разсказъ о Магнитной Горѣ. Третій Календеръ повѣствуетъ въ своемъ разсказѣ, что его корабли однажды были занесены противнымъ вѣтромъ въ невѣдомое море, гдѣ находилась черная магнитная гора; ихъ влекло къ ней съ необычайною силою, вслѣдствіе притяженія гвоздей и желѣзныхъ закрѣпъ, такъ что наконецъ все желѣзо устремилось по направленію къ горѣ, а корабли разсыпались въ щепки на прибоѣ. Эпизодъ этотъ древнѣе того времени, когда были изданы сказки „Ты-

[1]) «Acts of Peter and Paul», trans. by A. Walker, in Ante-Nicene Library, vol. XVI, p. 257, F. F. Tuckett въ «Nature», Oct. 20, 1870. See Lyell, «Principles of Geology», ch. XXX; Philipps, «Vesuvius», p. 244.

сячи и Одной Ночи". Въ поэмѣ Генриха ф. Фельдека, принадлежащей къ XII ст., герцогъ Эрнестъ, приплывъ со своими спутниками въ Klebermeer, увидѣлъ скалу по имени Магнесъ, и ихъ притянуло къ ея основанію среди „множества судовъ", мачты которыхъ возвышались подобно лѣсу [1]). Переходя отъ разсказчиковъ къ серьезнымъ географамъ и путешественникамъ, упоминающимъ о магнитной горѣ, мы находимъ Эль Казвини, который вѣрилъ, подобно предшествовавшему ему Серапіону, что существуютъ такія лодки, какія и до сихъ поръ можно видѣть въ Цейлонѣ, сколоченныя и сшитыя безъ металлическихъ гвоздей для того, чтобы магнитная гора не притягивала и не совлекала ихъ съ ихъ пути на морѣ. Это фантастическое понятіе встрѣчается и у сэра Джона Мандевилля: „На островѣ, называемомъ Крузъ, были корабли безъ желѣзныхъ гвоздей или скрѣпъ, вслѣдствіе адамантовыхъ скалъ, потому что кругомъ въ этомъ мѣстѣ море было полно ими, такъ что даже разсказъ о томъ представляется чудомъ. И если корабль проходилъ мимо этихъ береговъ и имѣлъ желѣзныя скрѣпы или желѣзные гвозди, онъ немедленно долженъ былъ погибнуть. Ибо этого рода адамантъ притягиваетъ къ себѣ желѣзо, и такъ онъ притянулъ бы къ себѣ корабль, по причинѣ его желѣза, такъ что онъ не могъ бы никогда ни оторваться отъ него, ни уйти оттуда" [2]). Есть основаніе предполагать, что разсказы о магнитныхъ горахъ касались не однихъ только южныхъ морей, но и сѣверныхъ, и что съ такими понятіями связывали указанія магнитной стрѣлки, какъ говоритъ сэръ Томасъ Броунъ, „приписывая тому причину направленія стрѣлки и предполагая, что изъ этихъ горъ и скалъ истекала сила, направлявшая стрѣлку къ сѣверу" [3]). На основаніи этого свидѣтельства мы имѣемъ, я думаю, полное право предположить, что гипотезы о полярныхъ магнитныхъ горахъ были первоначально придуманы для объясненія дѣйствія компаса, и что изъ этихъ гипотезъ возникли разсказы о горахъ, которымъ приписывалось исключительное свойство притягивать желѣзо проходящихъ кораблей. Этотъ аргументъ подтверждается еще тѣмъ, что европейцы, у которыхъ утвердилось мнѣніе, что стрѣлка указываетъ на сѣверъ, естественно помѣщали свою магнитную гору въ сѣверныхъ широтахъ, тогда какъ восточные народы, опять совершенно естественно, должны были искать эту дивную скалу на югѣ, такъ какъ, по ихъ

[1]) Lane, «Thousand and One N.», vol. I, pp. 161, 217; vol. III. p. 78; Hole «Remarks on the Ar. N.», p. 104; Heinrich von Veldeck, «Herzog Ernst's von Bayern Erhöhung, etc.» ed. Rixner, Amberg. 1830, p. 65; см. Ludlow, «Popular Epics of Middle Ages», p. 221.

[2]) Sir John Mandeville, «Voyage and Travaile».

[3]) Sir Thomas Browne, «Vulgar Errours». II, 3.

словамъ, стрѣлка указываетъ именно на югъ. Какимъ образомъ народы, не дошедшіе еще до идеи о двухъ полюсахъ, понимали магнетизмъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ остроумныхъ замѣчаній, взятыхъ изъ энциклопедіи XVII ст., составленной китайскимъ императоромъ Кангъ-Хи. „Я недавно узналъ, что, по мнѣнію европейцевъ, компасъ указываетъ на сѣверъ; въ древности же говорили, что онъ указываетъ на югъ. Которое изъ двухъ мнѣній справедливо? Такъ какъ ни тѣ, ни другіе не говорятъ, почему они такъ полагаютъ, мы не имѣемъ основанія отдавать предпочтеніе одному мнѣнію передъ другимъ. Но въ пользу древнихъ говоритъ ихъ старшинство, и чѣмъ дальше я изучаю ихъ, тѣмъ больше убѣждаюсь, что они понимали механизмъ природы. По мѣрѣ приближенія къ сѣверу, всякое движеніе замедляется и прекращается, и трудно предположить, чтобы оттуда исходило движеніе магнитной стрѣлки" [1]).

Предположить, что теоріи о родствѣ человѣка съ низшими млекопитающими продукты лишь выработанной науки, было бы жестокой ошибкой. Даже на самыхъ низшихъ уровняхъ культуры, люди, преданные умозрительной философіи, старались объяснить сходство человѣка съ обезьянами, и приходили къ заключеніямъ, удовлетворительнымъ для ихъ умственныхъ требованій и которыя мы должны причислить къ классу философскихъ миѳовъ. Между ними, разсказы, которые воплощаютъ въ себѣ мысль о возвышеніи обезьяны въ человѣка, болѣе или менѣе приближающуюся къ теоріи развитія прошлаго столѣтія, находятся рядомъ съ другими, которые, обратнымъ путемъ, происхожденіе обезьянъ объясняютъ вырожденіемъ изъ прежняго состоянія человѣка.

Въ миѳологіи Средней Америки высказывается мысль, что обезьяны были нѣкогда человѣческимъ племенемъ [2]). Въ юго-восточной Африкѣ, отецъ Досъ Сантосъ давно еще замѣтилъ, что „они полагаютъ, будто обезьяны были въ древности мужчинами и женщинами, и поэтому называютъ ихъ на своемъ языкѣ первымъ народомъ". Зулусы до сихъ поръ разсказываютъ сказку объ одномъ амафемскомъ племени, которое обратилось въ павіановъ. Амафены были народъ лѣнивый, не любили обрабатывать землю, а предпочитали кормиться у другихъ, и говорили:

[1]) Mémoires conc. l'Hist. etc., des Chinois», vol. IV, p. 457. Сравн. разсказъ о магнитномъ (?) всадникѣ въ «Тысячѣ и Одной Ночи», vol. III, p. 119, съ древнимъ китайскимъ сказаніемъ о магнитныхъ колесницахъ съ подвижной указывающей фигурой, A. v. Humboldt, «Asie Centrale», vol. I, p. XL, Goguet, vol. III, p. 284. (Сила магнитной горы зависитъ отъ всадника на мѣдномъ конѣ на ея вершинѣ).

[2]) Brasseur, «Popol. Vuh», pp. 23—31. Сравн. этотъ центрально-американскій миѳъ о древнихъ безумныхъ карлахъ, сдѣлавшихся обезьянами, съ легендою племени Поттоватоми у Schoolcraft, «Indian Tribes», part. I, p. 320.

„мы будемъ жить не трудясь, если станемъ ѣсть то, что запасаютъ люди, обрабатывающіе землю". И все племя собралось по призыву вождя изъ дома Тузи и, наготовивъ пищи, отправилось въ пустыню. Оно прикрѣпило къ спинѣ рукоятки безполезныхъ съ того времени заступовъ, которые срослись и приняли форму хвостовъ. Тѣло ихъ покрылось шерстью, лбы нависли, и они такимъ образомъ превратились въ павіановъ, которые и до сихъ поръ называются „людьми Тузи" [1]). Разсказъ Кингслея о великомъ и славномъ племени доасаулейковъ, (Doasyoulikes) естественнымъ подборомъ выродившихся въ гориллъ, есть цивилизованное противуположеніе этого дикаго миѳа. Или же обезьяны могутъ быть превращенными туземцами, какъ разсказываетъ племя Мбокоби въ Южной Америкѣ: во время сильнаго лѣсного пожара, мужчина и женщина взлѣзли на дерево, чтобы спастись отъ огненнаго потопа; но пламя опалило ихъ лица, и они сдѣлались обезьянами [2]). Среди болѣе цивилизованныхъ народовъ, вымыслы эти встрѣчаются въ картинныхъ легендахъ мусульманъ, изъ которыхъ передаемъ слѣдующую: „Близъ одного еврейскаго города протекала рѣка, переполненная рыбою, но эти хитрыя животныя, узнавъ нравы горожанъ, смѣло плавали на виду въ субботу, и тщательно скрывались въ будни. Наконецъ еврейскіе рыбаки поддались искушенію и отправились на ловлю въ субботу; но они дорого поплатились за нѣсколько дней хорошаго улова, ибо были превращены въ обезьянъ, въ наказаніе за нарушеніе субботы. Впослѣдствіи Соломонъ, проѣзжая чрезъ Долину Обезьянъ, между Іерусалимомъ и Маребомъ, узналъ эту странную исторію изъ устъ ихъ потомковъ-обезьянъ, жившихъ въ домахъ и одѣтыхъ, какъ люди [3]). Въ классическія времена Юпитеръ такимъ же образомъ наказалъ вѣроломную расу Церкоповъ; онъ отнялъ у нихъ языкъ, употреблявшійся лишь для ложныхъ клятвъ, дозволивъ имъ только дикими криками оплакивать свою судьбу, и обратилъ ихъ въ косматыхъ питекузскихъ обезьянъ, въ одно и то же время похожихъ и не похожихъ на людей, которыми они нѣкогда были:

„In deforme viros animal mutavit, ut idem
Dissimiles homini possent similesque videri" [4]).

---

[1]) Dos Santos, «Ethiopia Oriental»; Evora 1609, part. I, chap. IX; Callaway, «Zulu Tales», vol. I, p. 177. См. также Burton, «Footsteps in E. Afr.», p. 274; Waitz, «Anthropologie», vol. II, p. 178. (W. Afr.).

[2]) D'Orbigny, «L'homme Américain», vol. II, p. 102.

[3]) Weil, «Bibl. Leg. der Muselmänner», p. 267; Lane, «Thousand & One Night», vol. III, p. 350; Burton, «El Medinah etc.», vol. II, p. 343.

[4]) Обратилъ ихъ въ безобразныхъ животныхъ, чтобъ одинаково могли казаться не похожими и похожими на людей. Ovid.. «Metam.», XIV. 89 — 100; Welcker, «Griechische Götterlehre», vol. III, p. 108.

Переходя отъ вырожденія къ развитію, мы видимъ, что легенды о происхожденіи человѣческихъ племенъ отъ обезьянъ въ особенности прилагаются къ расамъ, которые болѣе цивилизованными сосѣдями считаются низшими и звѣроподобными, и низшая раса нерѣдко признаетъ сама это унизительное объясненіе. Такимъ образомъ черты коренного населенія у разбойничьей касты мараваровъ, въ южной Индіи, служатъ оправданіемъ ихъ предполагаемаго происхожденія отъ обезьянъ Рамы; такую же генеалогію приписываютъ каткуріямъ или собирателямъ катеху, въ чемъ на самомъ дѣлѣ нисколько не сомнѣваются сами эти малорослыя, смуглыя, низколобыя и курчавыя племена. Племя джайтвасовъ изъ Раджпутаны, въ политическомъ отношеніи причисляемое къ Раджпутамъ, тѣмъ не менѣе, ведетъ свое происхожденіе отъ бога-обезьяны Ганумана и приводитъ въ подтвержденіе, что доказательство этого происхожденія сохранилось у ихъ князей въ видѣ продолженія спиннаго хребта, похожаго на хвостъ: преданіе это имѣетъ, вѣроятно, реальное этнологическое значеніе, указывая, что джайтвасы не арійскаго племени [1]). Между дикими племенами Малайскаго полуострова, на которыхъ болѣе воинственные и цивилизованные малайцы смотрятъ, какъ на низшихъ животныхъ, сохранились преданія о ихъ происхожденіи отъ пары „unka puteh", или „бѣлыхъ обезьянъ", которыя, выростивъ своихъ дѣтенышей, послали ихъ въ долины, гдѣ они достигли такой степени совершенства, что они сами и ихъ потомки сдѣлались людьми, но тѣ изъ нихъ, которые вернулись обратно въ горы, остались по прежнему обезьянами [2]). Одна буддистская легенда разсказываетъ о происхожденіи плосконосыхъ, неуклюжихъ племенъ Тибета отъ двухъ необыкновенныхъ обезьянъ, превращенныхъ въ людей съ цѣлью заселить царство снѣговъ. Онѣ научились пахать, и когда сжали хлѣбъ и съѣли его, хвосты и шерсть ихъ стали мало-по-малу исчезать; онѣ получили даръ рѣчи, обратились въ людей и стали одѣваться въ листья. Населеніе сгущалось, почва воздѣлывалась все больше и больше, и наконецъ принцъ изъ племени Сакійа, изгнанный изъ своего отечества Индіи, соединилъ разрозненныя племена ихъ въ одно царство [3]). Въ этихъ преданіяхъ развитіе обезьяны въ человѣка считается совершающимся въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній, а у негровъ этого результата достигаетъ каждое отдѣльное лицо путемъ метампсихоза. Фрё-

---

[1]) Campbell въ «Journ. As. Soc. Bengal», 1866, part. II, p. 132; Latham «Descr. Eth.», vol. II, p. 456; Tod, «Annals of Rajasthan, vol. I, p. 114.

[2]) Bourien въ «Tr. Soc.», vol. III. p. 73; см. «Journ. Ind., Archip.», vol. II, p. 271.

[3]) Bastian, «Oestl. Asien», vol. III, p. 435; «Mensch», vol. III, pp. 347, 349, 387; Koeppen, vol. II, p. 44; J. J. Schmidt, «Völker Mittel-Asiens», p. 210.

бель говоритъ, что негры невольники въ Соединенныхъ Штатахъ вѣрятъ, что въ будущей жизни они станутъ бѣлыми и свободными; это тѣмъ менѣе удивительно, что такое же вѣрованіе сильно распространено между ихъ соплеменниками въ западной Африкѣ. Но отъ этого разсказа тотъ же путешественникъ переходитъ къ другому, который, если и не вполнѣ справедливъ, представляетъ такую теорію восходящаго и нисходящаго развитія, что могла бы удовлетворить даже буддистскаго философа. Онъ говоритъ: „одинъ нѣмецъ, котораго я встрѣтилъ здѣсь, сообщилъ мнѣ, что между черными распространено повѣрье, будто проклятые изъ нихъ обращаются въ обезьянъ; но если въ этомъ состояніи они поступаютъ хорошо, они вновь возвышаются до положенія негровъ, и для нихъ даже, въ концѣ всего, возможна благодать, состоящая въ обращеніи ихъ въ бѣлыхъ, потомъ крылатыхъ, и т. д. [1]).

Для пониманія этихъ разсказовъ (а они достойны нѣкотораго вниманія, вслѣдствіе заключающихся въ нихъ этнологическихъ указаній) нужно оставить въ сторонѣ результаты современной научной зоологіи и стать на точку зрѣнія болѣе элементарнаго состоянія знанія. Миѳы о человѣческомъ вырожденіи и развитіи имѣютъ гораздо больше общаго съ измышленіями лорда Монбоддо, чѣмъ съ анатомическими доводами профессора Гёксли. Съ другой стороны, нецивилизованные люди свободно приписываютъ обезьянамъ такое количество человѣческихъ качествъ, которое современному натуралисту кажется просто забавнымъ. Всякому извѣстенъ разсказъ о неграхъ, утверждающихъ, что обезьяны на самомъ дѣлѣ могутъ говорить, но что онѣ весьма разсудительно молчатъ, чтобы ихъ не заставили работать; но гораздо менѣе извѣстно то, что разсказъ этотъ служитъ предметомъ серьезнаго вѣрованія въ различныхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ западной Африки, Мадагаскара, Южной Америки и проч., гдѣ водятся различныя породы обезьянъ [2]). Вмѣстѣ съ этимъ весьма распространенъ другой антропоидный разсказъ, въ которомъ говорится, что большія обезьяны, въ родѣ горилль и орангъ-утанговъ, похищаютъ женщинъ и уводятъ ихъ въ свои лѣса, подобно тому, какъ въ настоящее время апачи и команчи уводятъ въ свои степи женщинъ сѣверной Мексики [3]). Съ другой стороны, народ-

[1]) Fröbel, «Central America», p. 220; см. Bosman, «Guinea» у Pinkerton, vol. XVI, p. 401. Относительно другихъ преданій о происхожденіи человѣка отъ обезьянъ см. Farrar, «Chapters on Language», p. 45.

[2]) Bosman, «Guinea», p. 440; Waitz, vol. II, p. 178; Cauche, «Relation de Madagascar», p. 127; Dobrizhoffer, «Abipones», vol. I, p. 288; Bastian, «Mensch», vol. II, p. 44; Pouchet, «Plurality of Human Race», p. 22.

[3]) Monboddo, «Origin and Progress of Lang.» 2-nd. ed., vol. I, p. 277; Du Chaillu, «Equatorial Africa», p. 61; St. John, «Forests of Far East», vol. I, p. 17; vol. II, p. 239.

ное убѣжденіе настолько же умалило человѣка, насколько возвысило обезьяну. Извѣстно, что матросы и переселенцы смотрятъ на дикарей, какъ на безсмысленныхъ, обезьяноподобныхъ животныхъ и что нѣкоторые антропологи старались установить, что незначительное умственное различіе между англичаниномъ и негромъ почти тожественно громадной разности между негромъ и гориллою. Итакъ, намъ не трудно понять, какимъ образомъ дикари могли являться простыми обезьянами въ глазахъ людей, которые охотились за ними, какъ за дикими звѣрями, въ лѣсахъ, и слышали въ ихъ языкѣ только родъ безсмысленнаго ворчанья и лая, вовсе не будучи въ состояніи объяснить дѣйствительную культуру, которая, при лучшемъ знакомствѣ, всегда обнаруживается среди грубѣйшихъ человѣческихъ племенъ. Извѣстно, что санскритская легенда, говоря объ обезьянахъ, сражавшихся въ войскѣ царя Ганумана, въ дѣйствительности указываетъ на тѣхъ туземцевъ, которые были оттѣснены арійскими завоевателями къ горамъ и зарослямъ, и потомки которыхъ извѣстны намъ подъ именемъ биловъ, коловъ, сонталовъ и другихъ грубыхъ племенъ, которыхъ индусы до сихъ поръ называютъ „обезьяньимъ народомъ“ [1]). Одно изъ наиболѣе полныхъ отожествленій дикаря и обезьяны въ Индостанѣ есть слѣдующее описаніе бунмануса, bunmanus, или „человѣка лѣсовъ“ (санскр. vana—лѣсъ, manusha—человѣкъ). „Бунманусъ есть животное изъ рода обезьянъ. Его лицо очень похоже на человѣческое, у него нѣтъ хвоста, и онъ ходитъ прямо. Кожа его черна и слегка покрыта волосами“. Что это описаніе относится не къ обезьянамъ, а къ темнокожимъ неарійскимъ туземцамъ страны, оказывается далѣе при исчисленіи мѣстныхъ нарѣчій Индостана, къ которымъ, какъ сказано, „можно присоединить нарѣчіе бунмановъ, или дикихъ лѣсныхъ людей“ [2]). На островахъ Индійскаго Архипелага, тропическіе лѣса которыхъ изобилуютъ высшими обезьянами и низшими дикарями, полуцивилизованные жители до совершенной путаницы смѣшиваютъ тѣхъ и другихъ. Въ Гитопадезѣ содержится извѣстная индусская басня, разсказывающая, въ видѣ предостереженія безсмысленнымъ подражателямъ, объ участи обезьяны, вздумавшей подражать плотнику и застрявшей въ щели, вытаскивая оттуда клинъ. Впослѣдствіи эта басня

[1]) Max Müller у Bunsen, «Phil. Univ. Hist.», vol. I, p. 340; «Journ. As. Soc. Bengal», vol. XXIV, p. 207. См. Marsden въ «As. Res.» vol. IV, p. 226; Fitch у Pinkerton, vol. IX, p. 415; Bastian, «Oestl. Asien», vol. I, p. 465; vol. II, p. 201.

[2]) Ayeen Akbaree, trans. by Gladwin. «Report of Ethnological Committee Jubbulpore Exhibition, 1866—7», part. I, p. 3.

разсказывалась на Суматрѣ, какъ дѣйствительная исторія одного изъ туземныхъ дикарей острова [1]). Малайцы обыкновенно грубыхъ лѣсныхъ жителей называютъ орангъ-утанами, т.-е. „лѣсными людьми". Но на Борнео этотъ терминъ прилагается къ обезьянѣ міасу, откуда мы научились называть это животное орангъ-утаномъ, и извѣстно, что сами малайцы даютъ это названіе въ одной и той же области и дикарю, и обезьянѣ [2]). Терминъ „человѣкъ лѣсовъ" распространенъ гораздо далѣе индусскихъ и малайскихъ предѣловъ. Сіамцы, подъ словомъ Khon pa, „люди лѣсовъ", подразумѣваютъ обезьянъ [3]), а бразильцы, подъ словомъ Cauiari, или „лѣсные люди"—одно изъ дикихъ племенъ [4]). Слово Bosjesman (бушменъ), которое англичане такъ забавно коверкаютъ, произнося его, какъ слово совершенно чуждаго происхожденія, есть не что иное, какъ голландское произношеніе слова Bush-man, „человѣкъ лѣсовъ или кустовъ" [5]). „Homo silvaticus", или „лѣсной человѣкъ", въ англійскомъ языкѣ превратился въ „salvage man", или „savage"—дикарь. О взглядѣ европейцевъ на туземныя племена Новаго Свѣта можно судить по тому факту, что въ 1537 г. папа Павелъ III былъ именно вынужденъ объявить, что эти индѣйцы—дѣйствительно люди (attendentes Indos ipsos utpote veros homines) [6]). Послѣ этого нечего удивляться, что въ Южной Америкѣ такъ распространены разсказы объ обезьянахъ-людяхъ, и что мѣстные жители имѣютъ такое неясное понятіе о „selvage", или „дикарѣ", этомъ дикомъ косматомъ обитателѣ лѣсовъ, о которомъ говорятъ, что онъ живетъ на деревьяхъ и иногда похищаетъ туземныхъ женщинъ [7]). Самая полная изъ такихъ мистификацій встрѣчается въ португальской рукописи, упоминаемой въ отчетѣ экспедиціи Кастельно и представляющей вполнѣ серьезно слѣдующій разсказъ о народѣ, называемомъ Cuatas: „это многолюдное племя живетъ на востокъ отъ Журуены, въ сосѣдствѣ рѣкъ С. Джоаньо и С. Томе, подвигаясь иногда къ сліянію Журуены и Ариноса. Замѣчательно, что индѣйцы этого племени ходятъ обыкновенно какъ четвероногіе, опираясь руками на землю; они низкаго роста, и ихъ животъ, грудь, руки и ноги покрыты волосами; они весьма свирѣпы и употребляютъ зубы въ видѣ оружія; они спятъ на землѣ или на сучьяхъ деревьевъ, не обработываютъ земли, не имѣютъ никакой промышленности и питаются только плодами, дикими кореньями и рыбою" [1]). По всѣмъ признакамъ, авторъ этого разсказа не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что cuata, или coata, есть названіе большой черной обезьяны Simia Paniscus, и что онъ описываетъ на самомъ дѣлѣ не индѣйское племя, а видъ обезьянъ.

¹) Marsden, «Sumatra», p. 41.

²) Logan въ «Journ. Ind. Archip.», vol. I, p. 246; vol. III, p. 490. Thomson, ibid. vol. I, p. 350; Crawfurd, ibid. vol. IV, p. 186.

³) Bastian, «Oestl. Asien», vol. I, p. 123; vol. III, p. 435. См. указаніе на banmanush въ Kumaon and Nepal, Campbell: «Ethnology of India», въ «Journ. As. Soc. Bengal», 1866, part. II, p. 46.

⁴) Martius, «Ethnogr. Amer.» vol. I, pp. 425, 471.

⁵) Аналогъ этого слова есть bosjesbok, «кустарная коза», или африканская антилопа. Кольбенъ, и послѣ него другіе, производятъ слово Bosjesman отъ жилища, похожаго на гнѣздо, которое эти люди устраиваютъ себѣ въ кустахъ; но это новѣйшее объясненіе нѣсколько натянуто.

⁶) Martius, vol. I, p. 50.

⁷) Humboldt & Bonpland, vol. V, p. 81. Southey, «Brazil», vol. I, p. XXX; Bates, «Amazones», vol. I, p. 73; vol. II, p. 204.

Различныя причины могли породить другую странную группу легендъ, описывающихъ человѣческія племена съ хвостами, какъ у животныхъ. Для тѣхъ, которые способны вѣрить въ одно и то же время, что обезьяна есть родъ дикаря, а дикарь — родъ обезьяны, люди съ хвостами являются существами, подходящими подъ то и другое опредѣленіе. Такъ, напр., Homo caudatus, или сатиръ, часто встрѣчается въ народныхъ повѣрьяхъ въ видѣ получеловѣческаго существа, тогда какъ въ старинныхъ естественно-историческихъ сочиненіяхъ можно найти описаніе его, очевидно, по образцу антропоидной обезьяны. Въ восточной Африкѣ воображаемое племя долгохвостыхъ людей имѣетъ также обезьяньи лица [2]), тогда какъ въ Южной Америкѣ coata tapuya, или „обезьяны-люди", столь же наивно описываются, какъ люди съ хвостами [3]). Европейскіе путешественники пытались дать раціональное объясненіе слышаннымъ ими въ Африкѣ и на Востокѣ разсказамъ о людяхъ съ хвостами. Д-ръ Крапфъ, напр., указываетъ на кусокъ кожи, который племя Вакамба привѣшиваетъ сзади къ поясу, и, на этомъ основаніи, замѣчаетъ: „Неудивительно, что народъ разсказываетъ, будто во внутренней Африкѣ есть люди съ хвостами". Другіе писатели указываютъ на висячія цыновки или передники, искусственные хвосты въ видѣ хлопушекъ для мухъ, носимые въ видѣ украшенія, которые носившимъ ихъ издали могли придать видъ хвостатыхъ людей [4]). Но эти, повидимому безсмысленные, миѳы часто имѣютъ дѣйствительное этнологическое значеніе, и во всякомъ случаѣ, болѣе глу-

¹) Castelnau, «Exp. dans l'Amér. du Sud», vol. III, p. 118; см. Martius, vol. I, pp. 248, 414, 563, 633.

²) Petherick, «Egypt. etc.», p. 367.

³) Southey, «Brazil», vol. I, p. 685; Martius, vol. I, pp. 425, 633.

⁴) Krapf, p. 142; Baker, «Albert Nyanza», vol. I, p. 83; St. John, vol. I pp. 51, 405, и другіе.

бокое, нежели простое грубое заблужденіе. Этнологъ, наталкивающійся въ какой-нибудь мѣстности на разсказы о людяхъ съ хвостами, долженъ отыскивать какое-либо презираемое туземное племя, какихъ-нибудь отверженцевъ или еретиковъ, живущихъ около или среди господствующаго населенія, которое смотритъ на нихъ, какъ на животныхъ, и сообразно съ этимъ приписываетъ имъ хвосты. Несмотря на то, что туземное племя Міау-тсце, или „сыны почвы", по временамъ спускается въ Кантонъ для торговли, китайцы до сихъ поръ твердо убѣждены, что люди эти, подобно обезьянамъ, обладаютъ короткими хвостами [1]); полуцивилизованные малайцы описываютъ болѣе дикихъ лѣсныхъ племенъ, въ видѣ людей съ хвостами [2]); а мусульманскіе народы Африки разсказываютъ ту же исторію о народѣ Ніамъ-Ніамъ, живущемъ внутри материка [3]). О презрѣнномъ племени каготовъ, обитающихъ близъ Пиринеевъ, говорили, что они родятся съ хвостами; и въ Испаніи до сихъ поръ не искоренился средневѣковый предразсудокъ, будто евреи снабжены хвостами, подобно дьяволу [4]). Въ Англіи богословы воспользовались этимъ повѣрьемъ, объявивши это наказаніемъ для злодѣевъ, оскорбившихъ св. Августина и св. Томаса Кентерберійскаго. Горнъ Тукъ приводитъ слѣдующія выписки изъ сочиненій епископа Бэля, этого ревностнаго, хотя и нѣсколько злоязычнаго реформатора: Іоаннъ Капгревъ и Александръ Эссебійскій говорятъ, что дерсетширцы кидали рыбьими хостами въ Августина, и съ тѣхъ поръ всѣ они родятся съ хвостами. Но Полидоръ разсказываетъ то же самое о кентцахъ, которые въ Строудѣ, около Рочестера, отрѣзали хвостъ лошади Томаса Бекета. Такимъ образомъ Англія, своими печатными лживыми легендами о хвостахъ, навѣки распространила свой позоръ по всему міру, хотя никто собственно не можетъ указать, гдѣ именно ихъ можно видѣть... ни одинъ англичанинъ не можетъ теперь отправиться въ другія страны, по торговымъ дѣламъ, или съ другими частными цѣлями, безъ того, чтобы ему не кололи глазъ презрительнымъ отзывомъ, что у всѣхъ англичанъ есть хвосты" [5]). Наконецъ исторія эта сдѣлалась простымъ браннымъ эпитетомъ, которымъ награждали другъ друга жители различныхъ графствъ, при своихъ мѣстныхъ спорахъ, и по-

[1]) Lockhart, «Abor. of China», въ «Tr. Eth. Soc.» vol. I, p. 181.

[2]) «Joun. Ind. Archip.», vol. II, p. 358; vol. IV, p. 374; Cameron, «Malayan India», p. 120; Marsden, p. 7; Antonio Galvano, pp. 120, 218.

[3]) Davis, «Carthage», p. 230; Bostock and Riley's Pliny (Bohn's ed.), vol. II, p. 134, прим.

[4]) Francisque-Michel, «Races Maudites», vol. I, p. 17; «Argot», p. 349; Fernan Caballero, «La Gaviota», vol. I, p. 59.

[5]) Horne Tooke, «Diversions of Purley», vol. I, p. 397.

вѣрье, что корнвалійцы имѣютъ хвосты, сохранялось въ Девонширѣ до самаго послѣдняго времени [1]). Не менѣе любопытно сохраняющееся у дикихъ племенъ преданіе, что въ древнѣйшемъ или первобытномъ состояніи человѣкъ былъ надѣленъ хвостомъ. На островахъ Фиджи существуетъ легенда о погибшемъ въ великомъ потопѣ человѣческомъ племени съ собачьими хвостами, а тасманійцы говорили, что у людей первоначально были хвосты и не было сгибовъ въ колѣняхъ. Одинъ португальскій писатель, около 1600 года, сообщаетъ слѣдующій обычай бразильскихъ туземцевъ: послѣ каждой свадьбы, отецъ жениха или невѣсты перерѣзываетъ палку острымъ кремнемъ, воображая, что этою церемоніею онъ отрѣзаетъ хвосты будущихъ внуковъ, и что они вслѣдствіе этого родятся безъ хвоста [2]). Нельзя предположить, чтобы случайное появленіе, въ видѣ хвостовиднаго удлиненія, уродливости, находилось въ связи съ возникновеніемъ этихъ разсказовъ о людяхъ съ хвостами [3]).

До самыхъ новѣйшихъ временъ, антропологія заносила въ число своихъ фактовъ преданія объ особенностяхъ чудовищныхъ человѣческихъ племенъ, то неестественно высокихъ, то чрезмѣрно малыхъ, одноглазыхъ, одноногихъ, безголовыхъ или безротыхъ. Сочиненія древнихъ географовъ и естествоиспытателей изобилуютъ описаніями этихъ странныхъ существъ. Такіе писатели, какъ Исидоръ Севильскій и Роджеръ Бэконъ, собрали ихъ и способствовали вторичному и болѣе обширному распространенію ихъ въ средніе вѣка, а въ народныхъ повѣріяхъ нецивилизованныхъ націй они сохранились и до сихъ поръ. Только около начала настоящаго столѣтія, когда былъ настолько изученъ дѣйствительный міръ, что въ немъ не осталось мѣста для всѣхъ этихъ чудовищъ, наукѣ удалось изгнать ихъ въ идеальный міръ миѳологіи. Такъ какъ мы достаточно говорили о двухъ главныхъ видахъ, населяющихъ этотъ поразительный получеловѣческій звѣринецъ, не безъинтересно будетъ взглянуть теперь и на остальные, и поискать въ нихъ указаній на источники миѳическихъ вымысловъ [4]).

[1]) Baring-Gould, «Myths», p. 137.

[2]) Williams, «Fiji», vol. I, p. 252; Backhouse, «Austr.», p. 557; Purchas, vol. IV, p. 1290; De Laet, «Novus Orbis», p. 543.

[3]) Различные разсказы о людяхъ съ хвостами можно найти въ «As. Res.», vol. III, p. 149; «Mem. Anthrop. Soc.», vol. I, p. 454; «Journ. Ind. Archip.», vol. III, p. 261, etc. (Никобарскіе острова); Klemm, «C. G.» vol. II, pp. 246, 316 (Сарычевскіе острова); «Letters of Columbus», Hakluyt Soc., p. 11 (Куба) etc. etc.

[4]) Наибольшее количество подробностей о чудовищныхъ племенахъ было собрано въ прошлыхъ столѣтіяхъ въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: «Antropometamorphosis: Man Transformed, or the Artificiall Changeling, etc.», scripsit J. B. cognomento Chirosophus, M. D., London, 1653; Calovius, «De Thaumatanthropo-

Послѣ доказательствъ, представленныхъ Гриммомъ, Нильсономъ и Ганушемъ, нельзя болѣе сомнѣваться въ томъ, что нѣкоторые миѳы о великанахъ и карлахъ находятся къ связи съ преданіями о дѣйствительно существовавшихъ туземныхъ или враждебныхъ племенахъ. Какъ ни трудно анализировать сложную природу карловъ европейскихъ народныхъ повѣрій и рѣшить, насколько они гномы или эльфы, или тому подобные духи природы, и насколько они человѣческія существа въ миѳическомъ образѣ, тѣмъ не менѣе, нельзя не признать этого послѣдняго элемента въ добродушныхъ или злобныхъ туземцахъ, съ ихъ своеобразнымъ языкомъ, религіею и одеждою. Въ европейскомъ сказочномъ мірѣ, великаны представлены въ видѣ язычниковъ Каменнаго періода, которые чуждались завоевавшихъ страну людей, ненавидѣли ихъ земледѣльческія занятія и звонъ ихъ церковныхъ колоколовъ. Страхъ грубаго туземца предъ болѣе цивилизованнымъ пришельцемъ, занявшемъ его родную землю, прекрасно описанъ въ сказкѣ о дочери великана, которая, увидѣвъ крестьянина, пахавшаго свое поле, схватила его вмѣстѣ съ плугомъ и воломъ и принесла домой въ передникѣ, какъ игрушку. Но мать попросила ее отнести все это опять на мѣсто, такъ какъ эти люди, говорила она, могутъ сдѣлать Гуннамъ много вреда. Знаменателенъ фактъ, что племена великановъ носятъ историческія имена Гунновъ или Чуди, и славяне, вѣроятно, еще не забыли, что карлы, о которыхъ упоминается въ ихъ легендахъ, считались потомками туземцевъ, которыхъ древніе пруссы застали въ ихъ странѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что древніе скандинавы описываютъ древнее и презираемое лапландское населеніе, нѣкогда такъ широко распространенное по Сѣверной Европѣ, когда въ своихъ сагахъ разсказываютъ о невзрачныхъ, безобразныхъ, хитрыхъ и коварныхъ карлахъ, которые ходили въ цвѣтныхъ шапкахъ и юбкахъ изъ оленьей шкуры, чуждались всѣхъ людей, даже дружественныхъ нормановъ, жили въ пещерахъ или въ похожихъ на валы лапландскихъ „гаммахъ", не имѣли другого оружія, кромѣ стрѣлъ съ наконечниками изъ камня или кости, и тѣмъ не менѣе вселяли въ своихъ побѣдителей страхъ и ненависть, вслѣдствіе предполагаемой въ нихъ способности къ колдовству [1]). Мусульманскія легенды разсказываютъ о расѣ Говогъ и Магоговъ (Yajuj и Majuj), которые чрезвычайно малы ростомъ, но надѣлены такими же ушами, какъ у слона; они были очень многочисленны и опустошали міръ; жили они на Востокѣ, отдѣленные отъ Персіи высокою горою съ однимъ только проходомъ; когда сосѣдніе съ ними народы узнали о подвигахъ Александра Великаго (Dhu l'Karnein), они заплатили ему дань, за что онъ построилъ имъ стѣну изъ бронзы и желѣза, для огражденія ихъ отъ Говогъ и Магоговъ [1]). Кто не узнаетъ татаръ Верхней Азіи въ этомъ миѳическомъ описаніи? Профессоръ Нильсонъ старается вообще объяснить огромный или крошечный ростъ легендарныхъ племенъ простымъ преувеличеніемъ дѣйствительнаго ихъ высокаго или низкаго роста. Нельзя не согласиться, что иногда это совпадаетъ съ дѣйствительностью. Разсказы европейскихъ очевидцевъ о колоссальномъ ростѣ патагонцевъ, которымъ они доходили только до пояса, позволяютъ разъ навсегда установить фактъ, что миѳы о великанахъ могутъ возникнуть при видѣ просто рослыхъ людей [2]). То же можно сказать по поводу легендъ о карлахъ той же мѣстности; такъ, старинный путешественникъ Ниветъ говоритъ о мелкомъ племени близъ Ріо де-ла-Платы, что „они не такъ малы, какъ ихъ описывали" [3]).

logia, vera pariter atque ficta tractatus historico-physicus», Rostock, 1685; J. A. Fabricius, «Dissertatio de hominibus orbis nostis incolis, etc.», Hamburg, 1721. Здѣсь приведены только немногія главныя заключенія.

[1]) Grimm, «D. M.» ch. XVII, XVIII; Nilsson, «Primitive Inhabitants of Scandinavia», ch. VI; Hanuch, «Slav. Myth.», pp. 325—7; Wuttke, «Volksaberglaube», p. 231.

Тѣмъ не менѣе, эта самая группа миѳовъ о карлахъ и великанахъ можетъ предостеречь насъ отъ слишкомъ обширнаго распространенія какого-либо частнаго объясненія, какъ бы оно ни было здраво въ извѣстныхъ предѣлахъ. Существуетъ достаточно доказательствъ въ пользу того, что легенды о великанахъ бываютъ иногда философскими миѳами, объясняющими нахожденіе большихъ ископаемыхъ костей. Приведемъ только одинъ примѣръ такого соотношенія: во время раскопокъ въ Го (Hoe), близъ Плимута, найдены были огромные зубы и челюсти; они были приписаны великану Гогмагогу, который въ былое время, въ послѣдній разъ сражался въ этомъ мѣстѣ съ эпонимическимъ героемъ Корнваллиса—Коринеемъ [4]). То же можно сказать и о карлахъ: разсказы о нихъ находятся въ любопытномъ соотношеніи съ уцѣлѣвшими памятниками исчезнувшихъ расъ—ихъ гробницами и долменами. Въ Соединенныхъ Штатахъ, напр., ряды грубыхъ каменныхъ гробницъ,

[1]) «Chronique de Tabari», tr. Dubeux, part I, ch. VIII. См. Коранъ, XVIII, 92.

[2]) Pigafetta y Pinkerton, vol. XI, p. 314. См. Blumenbach, «De Generis Humanae Varietate»; Fitzroy, «Voy. of Adventure and Beagle», vol. I; Waitz «Anthropologie», vol. III, p. 488.

[3]) Knivet in Purchas, vol. IV, p. 1231; сравн. Humboldt & Bonpland, vol. V, p. 564, съ Martius, «Ethnogr. Amer.», p. 424; см. также Krapf, «East. Africa», p. 51; Du Chaillu, «Ashango-land», vol. I, p. 319.

[4]) «Early Hist. of Mankind», ch. XI; Hunt, «Pop. Rom.», 1-st series, pp. 18, 304.

длиною часто не болѣе 2 или 3 футовъ, связаны съ идеею о похороненной въ томъ мѣстѣ расѣ пигмеевъ. Въ Британіи долмены считаются жилищами и сокровищницами карловъ, построившихъ ихъ, и въ Индіи точно также весьма распространена легенда о доисторическихъ долменахъ, будто они были жилищами карловъ или древнихъ пигмеевъ, которые такимъ образомъ снова являются здѣсь представителями доисторическихъ племенъ [1]). Но, очевидно, совершенно другой смыслъ кроется въ разсказѣ одного средневѣковаго путешественника о косматыхъ, человѣкообразныхъ созданіяхъ, обитавшихъ въ Катаѣ, которые были не выше локтя и не сгибали колѣнъ при ходьбѣ; или въ описаніи одного арабскаго географа, который говоритъ о жителяхъ одного изъ острововъ Индійскаго океана, что они были ростомъ въ четыре пяди, ходили голые, имѣли лицо, покрытое рыжею, пушистою шерстью, лазили по деревьямъ и избѣгали людей. Если бъ у кого-нибудь могло остаться какое-либо сомнѣніе относительно дѣйствительной природы этихъ карловъ, то сомнѣніе это было разрѣшено свидѣтельствомъ Марко Поло, что въ то время въ Остъ-Индіи постоянно бальзамировали обезьянъ и продавали ихъ въ ящикахъ, а потомъ развозили по свѣту и показывали какъ пигмеевъ [2]). Такимъ образомъ, разсказы о великанахъ и карлахъ порождались многими разнородными фактами, и нѣсколько миѳическихъ элементовъ лежали, быть можетъ, въ основаніи одной и той же легенды — что до безконечности затрудняетъ толкователя миѳовъ.

Описанія какихъ-либо странныхъ племенъ, составленныя съ полнымъ убѣжденіемъ въ ихъ истинности, попадая въ руки людей, незнакомыхъ съ первоначальными фактами, могутъ привести къ новымъ и совершенно нелѣпымъ объясненіямъ. Мы приводимъ здѣсь нѣкоторыя изъ толкованій такого рода, и въ числѣ ихъ нѣсколько слишкомъ натянутыхъ — желая показать, что нельзя вполнѣ довѣряться этому методу. Терминъ „безносый“ часто понимается превратно, хотя онъ былъ довольно умѣстно примѣняемъ къ разнымъ плосконосымъ племенамъ, какъ, напр., къ степнымъ обитателямъ тюркскаго племени, которыхъ раввинъ Веніаминъ Тудельскій въ XII в. описываетъ слѣдующимъ образомъ: „У нихъ нѣтъ носовъ, и они дышатъ двумя маленькими отверстіями“ [3]). Далѣе, одно изъ очень распространенныхъ украшеній у ди-

[1]) Squier, «Abor. Monuments of N. Y.» p. 68; Long's, «Exp.», vol. I, pp. 62, 275. Meodows Taylor въ «Journ. Eth. Soc.» vol. I, 157.

[2]) Gul. de Rubruquis in Pinkerton, vol. VII, p. 69; Lane, «Tousand & One N.», vol. III, pp. 81, 91, см. 24, 52, 97; Hole, p. 63; Marco Polo, book III, ch. XII.

[3]) Benjamin of Tudela, «Itinerary», ed. and tr. by Asher, 83; Plin. VII, 2. См. Max Müller in Bunsen, vol. I, pp. 346, 358.

карей состоитъ въ уродованіи уха, которое они растягиваютъ до громадныхъ размѣровъ, привѣшивая къ нимъ тяжести или скрученныя веревки, такъ что можно буквально сказать, что есть люди, у которыхъ уши висятъ до самыхъ плечъ. Между тѣмъ, если бъ кто-нибудь прочелъ эту фразу безъ объясненій, онъ представилъ бы себѣ подъ этимъ опредѣленіемъ не дѣйствительнаго дикаря, съ его оттянутыми въ длинную мясистую петлю ушами, а скорѣе какого-нибудь изъ Panotii Плинія, или изъ индусскихъ Karnaprâvarana, „которымъ уши служатъ одеждою“, или же африканскихъ карловъ, которые употребляютъ одно ухо вмѣсто тюфяка, а другое вмѣсто одѣяла. Одна изъ самыхъ нелѣпыхъ исторій подобнаго рода разсказана фра-Педро Симономъ въ Калифорніи, гдѣ дѣйствительно область Орегонъ получила свое названіе отъ испанскаго термина Orejones, или „Длинноухіе“, которымъ обозначались жители этой мѣстности, имѣвшіе обыкновеніе растягивать свои уши различными украшеніями [1]). Даже чисто метафорическія описанія, понятыя въ буквальномъ смыслѣ, могутъ привести къ совершенно обманчивымъ заключеніямъ, какъ, напримѣръ, разсказъ о лошади, голова которой находилась на томъ мѣстѣ, гдѣ слѣдовало быть хвосту. Одинъ французскій протестантъ Нимскаго округа говорилъ мнѣ, что эпитетъ gorgeo negro, или „черное горло“, которымъ католики обозначаютъ гугенотовъ, понимается до такой степени буквально, что католики иногда заставляютъ дѣтей еретиковъ открывать ротъ, чтобы убѣдиться, что горло у нихъ такого же цвѣта, какъ и у другихъ людей. Описывая дикія племена, представители высшихъ расъ часто употребляютъ эпитеты, которые стоитъ только понять въ буквальномъ смыслѣ, чтобы превратить все сказанное въ самое дикое изъ легендарныхъ разсказовъ о чудовищахъ. Такъ, напр., бирманы называютъ грубыхъ кареновъ „собаками-людьми“ [2]), Марко Поло описываетъ жителей Ангаманскихъ (Андаманскихъ) острововъ, въ видѣ грубыхъ и дикихъ людоѣдовъ съ головами, какъ у собакъ [3]). Эліанъ, упоминающій объ индійскомъ народѣ съ песьими головами, по всей вѣроятности, говоритъ о какомъ-нибудь дикомъ племени. Кинокефалы, говоритъ онъ, прозваны

[1]) Plin. IV, 27; Mela, III, 6; Bastian, «Oestl. Asien», vol. I, p. 120; vol. II, p. 93; St. John, vol. II, p. 117; Marsden, p. 53; Lane, «Thousand & One N.», vol. III, pp. 92, 305; Petherick, «Egypt, etc.», p. 367; Burton, «Central Afr.», vol. I, p. 235; Pedro Simon, «Indias Occindentales», p. 7. Похожее на Oregones, наименованіе Patagones, «большія ноги», осталось за Патагоніей; сравн. съ этимъ разсказы о людяхъ съ такими огромными ногами, что онѣ могли служить зонтикомъ, Skiapodes, «Shadowfeet» Plin. VII, 2; см. Rawlinson's Herodotus, vol. I, p. 50.

[2]) Bastian, «Oestl. Asien», vol. I, p. 133.

[3]) Marco Polo, book. III, ch. XVIII.

такимъ образомъ вслѣдствіе ихъ наружнаго вида, хотя въ другихъ отношеніяхъ они сходны съ людьми и одѣваются въ звѣриныя кожи; они народъ честный и не дѣлаютъ вреда человѣку; говорить они не могутъ, но рычатъ; они понимаютъ, впрочемъ, рѣчь индійцевъ; будучи очень проворны, они живутъ охотою, дичь на огнѣ не жарятъ, а разрываютъ ее на части и сушатъ на солнцѣ; они держатъ козъ и овецъ и пьютъ ихъ молоко. Въ заключеніе этотъ натуралистъ говоритъ, что по праву причисляетъ ихъ къ неразумнымъ животнымъ, такъ какъ они не говорятъ членораздѣльнымъ, яснымъ человѣческимъ языкомъ [1]). Въ этомъ послѣднемъ замѣчаніи вполнѣ выясняется господствующее въ древности понятіе, что варвары не обладаютъ настоящею рѣчью, но что они или „лишены рѣчи", или „лишены языка", или даже лишены рта [2]). Обширною извѣстностью пользуется другой чудовищный народъ, описанный Плиніемъ подъ именемъ Блеммієвъ (Blemmyæ), который считался безголовымъ и соотвѣтственно этому имѣлъ ротъ и глаза на груди. Эти существа, надъ которыми властвовалъ въ Азіи первосвященникъ Іоаннъ, и которые наполняли лѣса Южной Америки, были въ глазахъ нашихъ средневѣковыхъ предковъ такимъ же дѣйствительнымъ народомъ, какъ и каннибалы, съ которыми соединяетъ ихъ Отелло.

„The Anthropophagi, and men whose heads
Do grow beneath their shoulders" [3]).

Въ то же время въ словаряхъ словомъ „Безголовые" (Acephali) обозначаются не дѣйствительныя безголовыя чудовища, но еретики, прозываемые такъ потому, что первоначальный ихъ глава или основатель остался неизвѣстнымъ; и когда туркменскія орды, не имѣющія царя, говорятъ о себѣ: „Мы народъ безъ головы", то метафора становится еще болѣе ясною и естественною [4]). Далѣе, мусульманскія легенды говорятъ о Шиккахъ (Shikk) и Неснасахъ (Nesnas), существахъ, похо-

[1]) Aelian, IV, 46; Plin. VI, 35; VII, 2. См. другія толкованія, Purchas, vol. IV, p. 1191; vol. V, p. 901; Cranz, p. 267; Lane, «Thousand and One Nights», vol. III, pp. 36, 94, 97, 305; Davis, «Carthage», p. 230; Latham, «Descr. Eth.», vol. II, p. 83.

[2]) Plin. V, 8; VI, 24, 35; VII, 2; Mela, III, 9; Herberstein in Hakluyt, vol. I, p. 593; Latham, «Descr. Eth.», vol. I, p. 483 Davis, l. c.; см. «Early Hist. of Mankind», p. 77.

[3]) Антропофаги и люди, головы которыхъ
Растутъ ниже ихъ плечъ.

[4]) Plin. V. 8; Lane, vol. I, p. 33; vol. II, p. 377; vol. III, p. 81; Eisenmenger, vol. II, p. 559; Mandeville, p. 243; Raleigh in Hakluyt, vol. III, pp. 652, 665; Humboldt & Bonpland, vol. V, p. 176; Purchas, vol. IV, p. 1285; vol. V, p. 901; Isidor Hispal. s. v. «Acephali»; Vambéry, p. 310, см. p. 436.

жихъ на человѣка, расколотаго пополамъ, съ одною только рукою, одною ногою и однимъ глазомъ. Быть можетъ, зулусы заимствовали отсюда идею о племени полу-людей, которые, въ одной изъ сказокъ, нашли въ пещерѣ зулускую дѣвушку и подумали сперва, что видятъ предъ собою двухъ женщинъ, но послѣ болѣе тщательнаго осмотра сказали: „Хорошенькое созданіе! Зачѣмъ только эти двѣ ноги!" Этотъ странный вымыселъ совпадаетъ съ простою метафорою, описывающею дикарей лишь „полу-людьми", semihomo, какъ Виргилій называетъ свирѣпаго Какуса [1]). Далѣе, китайцы, сравнивая себя съ иноплеменными варварами, говорятъ: „Мы смотримъ двумя глазами, латиняне однимъ глазомъ, а остальные народы совершенно слѣпы". Такія метафоры, которыя у насъ вошли въ пословицу, буквально совпадаютъ съ легендами объ одноглазыхъ племенахъ, какъ, напримѣръ, о дикихъ живущихъ въ пещерахъ циклопахъ [2]). Словесное совпаденіе этого рода, уже весьма мало заслуживая довѣрія въ послѣднихъ приведенныхъ нами примѣрахъ, переходитъ подъ конецъ въ самую неопредѣленную фантазію. Негры называютъ европейцевъ „длинноголовыми", употребляя это выраженіе въ нашемъ обычномъ метафорическомъ смыслѣ; но стоитъ его только перевести на греческій языкъ, и Макрокефалы Гезіода разомъ явятся на свѣтъ [3]). Оканчивая этотъ перечень, приведемъ еще одно изъ самыхъ извѣстныхъ въ Старомъ и Новомъ свѣтѣ сказаній о чудовищныхъ племенахъ, которыя отличаются вывернутыми назадъ ногами. И дѣйствительно, существуетъ народъ, имя котораго (столь извѣстное въ научной полемикѣ) описываетъ ихъ имѣющими ноги, обращенныя въ противоположную сторону, и они до сихъ поръ сохранили древнее названіе Антиподовъ [4]).

Возвращаясь, послѣ этого отступленія, къ области философскаго

[1]) Lane, vol. I, p. 33; Callaway, «Zulu Tales», vol. I, pp. 199, 202; Virg. Aen. VIII, 194. Сравн. «одноногія племена», Plin. VII, 2; Schoolcraft, «Indian Tribes», part. III, p. 521; Charlevoix, vol. I, p. 25. Австралійцы употребляютъ метафору «объ одной ногѣ» (matta gyn), когда описываютъ племена, происходящія отъ общаго корня. G. F. Moore, «Vocab.», pp. 5, 71.

[2]) Hayton in Purchas, vol. II, p. 108; см. Klemm, «C. G.», vol. VI, p. 129; Vambéry, p. 49; Homer. Odyss. IX; Strabo, I, 2, 12; см. Scherzer, «Voy. of Novara», vol. II, p. 40; C. J. Andersson, «Lake Ngami, etc.», p. 453; Du Chaillu, «Equatorial Africa», p. 440; Sir J. Richardson, «Polar Regions», p. 300. Для племенъ Nisacaethae и Nisyti, съ числомъ глазъ болѣе двухъ, см. метафорическое объясненіе Плинія, Plin. VI, 35; также Bastian «Mensch», vol. II, p. 414; «Oestl. Asien», vol. I, pp. 25, 76; Petherick, l. c.; Bowen, «Yoruba Gr.» p. XX; Shirren, p. 196.

[3]) Koelle, «Vei Cr.», p. 229; Strabo, I, 2, 35.

[4]) Plin. VII, 2; Humboldt and Bonpland, vol. I, p. 81.

миѳа, мы можемъ перейти теперь къ разсмотрѣнію новыхъ группъ объяснительныхъ сказаній, которыя возникли вслѣдствіе присущаго человѣку стремленія допытываться причины явленій. Когда человѣкъ, по своему умственному развитію, находится еще въ періодѣ созданія миѳовъ, и его поражаетъ какое-либо явленіе или обычай, причина которыхъ ему не ясна, онъ придумываетъ и разсказываетъ сказку для объясненія. И если даже онъ самъ не убѣжденъ, что это — настоящая легенда, перешедшая къ нему отъ предковъ, разсказчикъ, который слышитъ ее отъ него и повторяетъ ее, не смущается такими затрудненіями. Наша задача въ объясненіи этихъ разсказовъ не трудна, когда является возможность примѣненія къ нимъ критерія правдоподобія. Въ настоящее время всякому достовѣрно извѣстно, что азбестъ или горный ленъ не есть на самомъ дѣлѣ шерсть саламандры; что болѣзненный голодъ не причиняется въ дѣйствительности ящерицею или птицею въ желудкѣ человѣка; что китайскій философъ не могъ въ дѣйствительности открыть вращательнаго огнива, увидѣвъ птицу, долбившую сучья дерева до тѣхъ поръ, пока показались искры. Африканскіе вакуафы объясняютъ свою наклонность къ воровству скота спокойно утверждая, что Энгаи, то-есть, Небо, отдалъ имъ весь скотъ, и что поэтому они должны уводить его, гдѣ бы они его ни нашли [1]). Свирѣпые мбаясы Южной Америки объясняютъ, что они получили отъ Каракары божественное повелѣніе вести войну со всѣми другими племенами, убивать мужчинъ и присвоивать себѣ женщинъ и дѣтей [2]). Но хотя такія объяснительныя легенды могутъ быть совмѣстны съ понятіями этихъ дикарей, мы, при нашихъ понятіяхъ, не могли бы вѣрить имъ. Къ счастію, однако, эти легенды ex post facto часто приходятъ въ столкновеніе съ болѣе достовѣрными источниками или даже съ областью настоящей исторіи. Китайцы напрасно трудятся, разсказывая свою нелѣпую исторію о томъ, что рисунокъ на щитѣ черепахи навелъ на изобрѣтеніе письма, потому что въ Китаѣ до сихъ поръ сохранились первобытныя формы письменныхъ знаковъ, которые состояли въ простомъ и ясномъ изображеніи предметовъ. Одно только простодушіе изобличается также въ легендѣ, распространенной въ западной Шотландіи, будто папа однажды наложилъ отлученіе на ихъ землю, но забылъ предать проклятію холмы, вслѣдствіе чего народъ началъ обрабатывать ихъ. Эта исторія разсказывается въ объясненіе тѣхъ слѣдовъ прежней обработки земли, которые сохранились на дикихъ склонахъ холмовъ и называются „бороздами

[1]) Krapf, p. 359.
[2]) Southey, «Brazil», vol. III, p. 390.

эльфовъ" [1]). Наиболѣе затруднительные случаи объяснительнаго преданія тѣ, которые не настолько неправдоподобны, чтобы оставить ихъ безъ вниманія, и не настолько вѣроятны, чтобы можно было принять ихъ. Этнографы, знающіе, какъ по всему міру среди низшихъ расъ распространенъ обычай обезображивать зубы, и какъ обыкновеніе это прекращается только мало-по-малу при высшей цивилизаціи, естественно приписываютъ его какой-либо общей причинѣ, кроющейся въ природѣ человѣка, на извѣстной ступени его развитія. Но эти уродующія себя племена имѣютъ мѣстныя легенды для объясненія этихъ мѣстныхъ обычаевъ; такъ, напримѣръ, бирманскіе пенонги и батоки восточной Африки выбиваютъ свои передніе зубы, но одно изъ этихъ племенъ говоритъ, что дѣлаетъ это для того, чтобы не походить на обезьянъ, а другое — для того, чтобы быть похожими на быка, а не на зебру [2]). Изъ легендъ о татуированіи, одна изъ самыхъ странныхъ та, которая разсказывается для объясненія факта, почему у фиджійцевъ татуируются только женщины, а у сосѣдей ихъ тонганцевъ — только мужчины. Разсказываютъ, что одинъ тонганецъ, отправившись изъ Фиджи къ своимъ соотечественникамъ, чтобъ научить ихъ настоящимъ образомъ обычаю, которому они должны были слѣдовать, шелъ, повторяя въ дорогѣ правило, тщательно заученное имъ наизусть: „Татуируйте женщинъ, но не мужчинъ"; но, къ несчастію, споткнулся о пень, перепуталъ свой урокъ, и дошелъ до Тонги, повторяя: „Татуируйте мужчинъ, а не женщинъ", чему они всегда слѣдовали съ тѣхъ поръ. Насколько такое объясненіе казалось разумнымъ полинезійскому уму, можно судить изъ того, что у самоанцевъ существуетъ варіантъ этого разсказа съ другими подробностями, и примѣняемый ими къ ихъ острову, вмѣсто Тонганскихъ острововъ [3]).

Всякій чувствуетъ, какимъ недостаткомъ, въ смыслѣ реальности, страдаетъ разсказъ, въ которомъ нельзя опереться на какое-либо собственное имя. Этотъ недостатокъ слѣдующимъ образомъ наглядно выраженъ историкомъ Шпренгеромъ въ его „Жизнеописаніи Магомета". Совершенно иное впечатлѣніе испытывается, по крайней мѣрѣ, мною, когда разсказывается, что „Пророкъ сказалъ Алкамѣ" — если я даже не знаю ничего другого объ этомъ Алкамѣ, — чѣмъ если просто сказано: „онъ сказалъ кому-то". Это чувство, въ которомъ этотъ проницательный

[1]) D. Wilson, «Archaeology, etc. of Scotland.», p. 123.
[2]) Bastian, «Oestl. Asien», vol. I, p. 128; Livingstone, p. 532.
[3]) Williams, «Fiji», 1, 160. Seemann, «Viti», p. 113; Turner, «Polynesia», p. 182 (такая же легенда разсказывается самоанцами). Другая легенда о татуировкѣ у Latham, «Descr. Eth.», vol. I, p. 152; Bastian, «Oestl. Asien.», vol. I, p. 112.

и ученый критикъ такъ простодушно сознается, съ самыхъ раннихъ временъ, и въ умахъ людей, свободныхъ отъ такого тонкаго историческаго пониманія, зародилось и дало многіе миѳическіе продукты. Такимъ образомъ произошло, что одно изъ главныхъ лицъ, встрѣчаемыхъ въ преданіяхъ міра, есть на самомъ дѣлѣ никто иной, какъ Нѣкто. Нѣтъ того дѣла, котораго не могло бы совершить это чудесное существо, нѣтъ того образа, въ который оно не могло бы облечься; его стѣсняетъ одно только ограниченіе, заключающееся въ томъ, что присвоенное имъ имя должно хотя нѣсколько соотвѣтствовать предпринимаемому имъ дѣлу, но и отъ этого оно часто отдѣлывается. Въ наше собственное время исторія личностей выработывается такъ полно, часто, по соотвѣтствію съ подробностями мѣста и времени, имѣя видъ настоящей хроники, что можно угадать насколько обширна была выработка ея въ прежнее время. Такъ, для развалинъ древнихъ построекъ, относительно дѣйствительной исторіи и цѣли которыхъ въ мѣстныхъ воспоминаніяхъ не сохранилось никакого достовѣрнаго преданія, миѳъ указываетъ и строителей, и назначеніе. Въ Мексикѣ, великій Нѣкто принимаетъ имя Монтезумы и строитъ водопроводъ въ Тецкуко; въ Персіи, каждая обширная и древняя развалина считается дѣломъ героическаго Антара; въ Россіи, говоритъ д-ръ Бастіанъ, строенія самыхъ различныхъ вѣковъ приписываются Петру Великому, такъ же какъ въ Испаніи—Боабдилю или Карлу V; и европейское народное повѣрье способно приписать дьяволу всякое древнее зданіе, поражающее своею массивностью, въ особенности тѣ каменныя строенія, которыя антикваріи причисляютъ теперь къ доисторическимъ памятникамъ. Руководясь болѣе граціозной идеей, индѣйцы Сѣверной Америки полагаютъ, что подражательные курганы Огіо, эти большія насыпи, въ грубой формѣ изображающія животныхъ, въ давнее время были возведены самимъ Маниту, въ видѣ обѣщанія изобилія дичи въ загробной жизни. Новозеландцы разсказываютъ, что герой Купе отдѣлилъ Сѣверный островъ отъ Южнаго, и образовалъ проливъ Кука. Греческій миѳъ поставилъ у входа въ Средиземное море двойные столбы Иракла, а въ менѣе отдаленное время вскрытіе Гибралтарскаго пролива явилось однимъ изъ многихъ подвиговъ Александра Македонскаго [1]). Такое множество подобныхъ разсказовъ достаточно свидѣтельствуетъ о значеніи преданій о личныхъ именахъ, которыя прямо разрѣшаютъ вопросъ, задаваемый въ теченіе вѣковъ

[1]) Bastian, «Mensch.», vol. III, pp. 167--8; Wilkinson въ Rawlinson's «Herodotus», vol. II, p. 79; Grimm, «D. M.», pp. 972—6; W. G. Palgrave, «Arabia», vol. I, p. 251; Squier and Davis, «Monuments of Mississippi Valley», p. 134; Taylor, «New-Zealand», p. 258.

человѣчествомъ, о происхожденіи его обрядовъ, законовъ, обычаевъ и искусствъ. Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторыя изъ этихъ преданій представляютъ дѣйствительный фактъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда они касаются временъ не слишкомъ отдаленныхъ, мы имѣемъ возможность отличить въ нихъ дѣйствительное отъ воображаемаго. Но прежде всего слѣдуетъ установить тотъ принципъ, что, за неимѣніемъ подтверждающихъ доказательствъ, въ каждомъ преданіи можно заподозрить миѳическое начало, если это преданіе можетъ быть составлено съ простымъ умысломъ пріурочить какое-нибудь собственное имя къ чисто-теоретическому понятію, въ виду того, что кто-нибудь долженъ же былъ ввести въ употребленіе огонь, оружіе, украшенія, игры, хлѣбопашество, бракъ, или любой изъ другихъ элементовъ цивилизаціи.

Въ числѣ безчисленныхъ предметовъ, возбуждавшихъ любопытство, для удовлетворенія котораго составлялись объяснительные миѳы, были мѣстныя имена. Когда первоначальное значеніе ихъ исчезало въ народномъ сознаніи, имена эти, въ періодъ варварства, были весьма пригодны для составителей миѳовъ, которые объясняли ихъ на свой ладъ. Такъ, напримѣръ, тибетцы говорятъ, что ихъ озеро Хоморири получило свое названіе вслѣдствіе того, что одна женщина (chomo) была завезена въ воду якомъ, на которомъ сидѣла, и закричала въ ужасѣ ri-ri! Арабы разсказываютъ, что основатели города Сеннааръ увидали на берегу рѣки замѣчательную красавицу, зубы которой блистали, какъ огонь, отчего они и прозвали это мѣсто Sinnâr, т.-е. „огненный зубъ". Аркадяне производили названіе города Trapezus отъ того стола (trapeza), который былъ опрокинутъ Зевсомъ, когда свирѣпый Ликаонъ подалъ ему къ обѣду ребенка [1]). Подобные грубые вымыслы, по своей сущности, нисколько не отличаются отъ англійскихъ мѣстныхъ легендъ, ходившихъ еще въ недавнее время. Такъ, напримѣръ, разсказываютъ, что римляне, подъѣзжая къ мѣсту, гдѣ теперь стоитъ Эксетеръ, въ восторгѣ воскликнули: „Ecce terra!" и этому городъ обязанъ своимъ названіемъ. Не такъ давно, одинъ любознательный изслѣдователь спрашивалъ у жителей Фордингбриджа, или Фарденбриджа, какъ говорятъ крестьяне,—чѣмъ можно объяснить происхожденіе этого названія, и

[1]) Latham, «Descr. Eth.», vol. I, p. 43; Lejean, въ «Revue des Deux Mondes», 15 Fvr. 1862, p. 856; Apollodor, III, 8. Сравн. названіе Arequipa, которое перуанцы производятъ отъ слова ari! quepay=«да! оставайтесь», будто бы сказаннымъ инкам колонистамъ: Markham, «Quichua Gr. and Dic.»; см. также предполагаемую этимологію слова Дагомея. Danh ho-men=на чревѣ Данга», взятая изъ исторіи царя Дако, построившаго свой дворецъ на трупѣ побѣжденнаго царя Данга. Burton, въ «Tr. Eth. Soc.», vol. III, p. 401.

получилъ въ отвѣтъ, что мостъ (bridge), какъ предполагаютъ, былъ построенъ въ то время, когда заработная плата была такъ мала, что каменщики получали одинъ только фартингъ (farden) въ день. Весьма извѣстенъ также фальмутскій народный разсказъ о сквайрѣ Пендэрвисѣ и его пивѣ. Служанка его, извиняясь въ томъ, что продавала это пиво морякамъ, говорила, что дѣлала это по тому, что „пенни достаются такъ легко“ (the penny come so quick), отчего мѣстность эта была прозвана Пенникомквикъ —Pennycomequick. Эта безсмыслица была придумана для объясненія древняго корнваллійскаго названія, вѣроятно, Penycumgwic, „глава извилистой долины“. Миѳическій вымыселъ долженъ былъ пасть весьма низко, чтобы выродиться въ подобные остатки.

Мы, которые говоримъ сами о Брумахъ (broughams) и Блюхерахъ (bluchers) и т. д., не можемъ отрицать, что собственныя имена становятся иногда нарицательными. Но такого рода этимологія должна быть подкрѣплена современными документами или какими-нибудь другими, не менѣе сильными доказательствами, такъ какъ эта форма объясненія встрѣчается въ самыхъ несомнѣнныхъ миѳахъ. Разсказываютъ, что въ числѣ учениковъ живописца Давида находился много обѣщавшій мальчикъ, сынъ торговца овощами, по имени Шикъ (Chicque); юноша этотъ умеръ восемнадцати лѣтъ, но Давидъ и впослѣдствіи выставлялъ его своимъ ученикамъ, какъ образецъ артистической воспріимчивости, и отсюда возникъ всѣмъ извѣстный терминъ шикъ. Этимологи вообще не страдаютъ недостаткомъ смѣлости, но и они едва ли когда-либо шли дальше этой нелѣпой утки; слово шикъ, во всякомъ случаѣ, существовало уже въ XVII вѣкѣ [1]). Столь же безцеремонно поступили со словомъ cant (арго, условный языкъ). Стиль говоритъ въ „Spectator“, что нѣкоторыя лица производятъ это слово отъ имени нѣкоего Андрю Кэнта (Cant), шотландскаго пастора, который умѣлъ говоритъ такимъ языкомъ, что его понимали только члены его собственной конгрегаціи, да и то не всѣ. Быть можетъ, это не совсѣмъ точное описаніе того самаго Андрю Кэнта, о которомъ упоминается въ „Запискахъ Уайтлока“, и который, повидимому, умѣлъ выражаться достаточно ясно. Какъ бы то ни было, но онъ процвѣталъ около 1650 года, когда глаголъ cant былъ уже словомъ не новымъ. Въ 1566 году, Гарманъ, въ своемъ „Спискѣ употребляемыхъ мошенниками словъ“, упоминаетъ о словѣ to cante, въ смыслѣ говорить,

[1]) Charnock, «Verba Nominalia», s. v. «chic»; см. Francisque-Michel, «Argot» s. v.

а въ 1587 году Гаррисонъ упоминаетъ, что нищіе и цыгане объясняются между собою особеннымъ языкомъ, который сами называютъ canting, а другіе — „Pedlars' French“, французскимъ языкомъ разносчиковъ [1]). Одинъ изъ самыхъ курьезныхъ примѣровъ этимологіи собственныхъ именъ, относится къ Danse Macabre, или Пляскѣ Смерти, столь извѣстной по картинамъ Гольбейна. Предполагаемый авторъ Пляски Смерти упоминается въ „Biographie Universelle“ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Macaber, poëte allemand, serait tout-à-fait inconnu sans l'ouvrage qu'on à sous son nom“. Это достаточно справедливо, такъ какъ такого лица вовсе не существовало, и Danse Macabre въ дѣйствительности есть Chorea Machabaeorum, Пляска Макавеевъ, родъ религіозной пантомимы смерти, которую исполняли въ церквахъ въ XV столѣтіи. Пантомима эта получила свое названіе вслѣдствіе того, что въ обрядъ заупокойной мессы входитъ чтеніе того мѣста XII главы II книги Макавеевъ, гдѣ говорится, что народъ сталъ молиться о томъ, чтобы Господь простилъ прегрѣшенія убитымъ; потому что, если бы іудеи не надѣялись на воскресеніе мертвыхъ, то было бы излишнимъ и безполезнымъ молиться о нихъ [2]). Изъ этого видно, что если прослѣдить названіе Dance Macabre до его начала, то она—не что иное, какъ Пляска Смерти.

Племена и народы нерѣдко принимаютъ имена своихъ предводителей; такъ, напримѣръ, мы читаемъ въ путешествіяхъ по Африкѣ о „народѣ Эйо“, или о „народѣ Камрази“. Иногда эти термины удерживаются ими навсегда, какъ Османли у турокъ, имя, которое заимствовано отъ великаго Отмана, или Османа. Не трудно соединить понятія о родствѣ и подчиненіи одному вождю, такъ что кто-нибудь по имени Brian или Alpine могъ дать свое имя клану O'Briens или Mac-Alpines. Въ какой мѣрѣ племенныя названія низшихъ расъ могли быть произведены отъ личныхъ именъ ихъ предводителей или предка, есть вопросъ, относительно котораго нѣтъ возможности добыть убѣдительныхъ доказательствъ. Зулусы и маорисы

[1]) «Spectator», № 147; Brand, «Pop. Ant.», vol. III, p. 93; Hotten, «Slang Dictionary», p. 3; Charnock, s. v. «cant». Что касается настоящей этимологіи этого слова, производство его отъ жалобнаго пѣнія (chaunt) нищихъ совершенно невѣрно, потому что нищій оставляетъ этотъ тонъ, когда онъ говоритъ на условномъ языкѣ съ своими товарищами (cants). Если cant происходитъ прямо отъ латинскаго cantare, оно должно соотвѣтствовать итальянскому cantare и французскому chanter, употребляемымъ какъ условныя слова въ значеніи «говорить». (Francisque-Michel, «Argot»). Кельтское происхожденіе также возможно, такъ какъ по-гэльски и по-ирландски cainnt значитъ говоръ, языкъ, діалектъ. Ближайшее соотношеніе между cainnt и cantare не имѣетъ здѣсь значенія.

[2]) См. также Francisque-Michel, «Argot» s. v. maccabe, macchabée=noyé.

принадлежали всегда къ числу племенъ, обращавшихъ большое вниманіе на традиціонныя генеалогіи своихъ предковъ по клану, которые въ дѣйствительности, были не только ихъ родичами, но и богами, и они несомнѣнно допускаютъ что племя можетъ называться по имени умершаго предводителя или предка. Кафрское племя Ама-Коза (Ama-Xosa) производитъ свое имя отъ вождя У-Коза (U-Xosa) [1], а маорійскія племена Ngate-Wakaue и Nga-Puhi — отъ предводителей Wakaue и Puhi [2]). Вокругъ этого реальнаго ядра накопилась, однако, огромная масса вымысловъ, скрывающихъ его значеніе. Творецъ миѳа, желая узнать, какимъ образомъ такой-то народъ или страна получили свое названіе, долженъ былъ заключить только, что оно произошло отъ великаго предка или правителя, и затѣмъ простой процессъ обращенія мѣстнаго или національнаго названія въ собственное имя сразу присоединялъ новую генеалогію къ историческому преданію. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ творецъ миѳовъ придавалъ воображаемымъ предкамъ такое имя, которое, въ грамматическомъ отношеніи, могло служить началомъ для мѣстныхъ или національныхъ наименованій, какъ часто бываетъ въ дѣйствительности, подобно происхожденію Caesarea отъ Caesar, или Benedictines отъ Benedict. Но въ фиктивной генеалогіи или исторіи составителя миѳовъ, простое, неизмѣненное имя народа, племени, страны или города, часто безъ дальнѣйшихъ хлопотъ, становится именемъ эпонимическаго героя. Не слѣдуетъ забывать при этомъ, что страны и народы могутъ быть олицетворяемы фантастическимъ процессомъ, не вполнѣ утратившимъ свой смыслъ и въ современной рѣчи. Франція, напримѣръ, является въ устахъ политиковъ индивидуальнымъ существомъ, имѣющимъ извѣстныя мнѣнія и обычаи, и олицетворяется даже въ скульптурѣ и живописи съ различными, свойственными ей аттрибутами. Если бъ кто-нибудь вздумалъ сказать, что у Британіи двѣ дочери, Канада и Австралія, и что она взялась управлять домомъ старой тетки, по имени Индія,—это было бы признано простымъ фактомъ, выраженнымъ фантастическимъ языкомъ. Впрочемъ, это воображаемое происхожденіе отъ эпонимическихъ героевъ или одноплеменныхъ предковъ часто въ значительной степени извращало историческую истину, наполняя древнія лѣтописи массою фиктивныхъ генеалогій. Тѣмъ не менѣе, если смотрѣть на нихъ съ широкой точки зрѣнія, эпонимическіе вымыслы, по своей сущности, естественны и неоспоримы, и формы ихъ такъ правильны, что въ этомъ

[1]) Döhne, «Zulu Dic.» p. 417; Arbousset & Daumas p. 269; Waitz, vol. II, pp. 349, 352.

[2]) Shortland, «Trads. of N. Z.», p. 224.

развитіи миѳовъ правильность процессовъ воображенія выражается наиболѣе убѣдительнымъ образомъ.

Многочисленность эпонимическихъ предковъ древнихъ греческихъ племенъ и народовъ облегчаетъ намъ возможность провѣрки ихъ посредствомъ сравненія, и эта провѣрка является губительною для нихъ. Если къ героическимъ генеалогіямъ, къ которымъ они принадлежатъ, отнестись какъ къ преданіямъ, основаннымъ на дѣйствительной исторіи, они явятся безъ всякой связи и зависимости между собой; но если ихъ разсматривать преимущественно какъ мѣстные и племенные миѳы, такая независимость и несообразность становятся свойственными имъ признаками. Гротъ, который склоненъ смотрѣть на всѣ миѳы, какъ на фикціи, не только необъясненныя, но и необъяснимыя, дѣлаетъ исключеніе въ пользу этого случая: онъ признаетъ, что эпонимическіе предки, отъ которыхъ греческіе города и племена вели свое легендарное родство— не что иное, какъ олицетвореніе мѣстныхъ и народныхъ названій. Такимъ образомъ изъ пятидесяти сыновей Ликаона цѣлая обширная группа является олицетворенными городами Аркадіи: Мантиней, Фигалъ, Тегеатъ, согласно простой извращающей легендѣ, называются основателями Мантинеи, Фигаліи и Тегеи. Отецъ царя Эака былъ Зевсъ, а мать его Эгина, т.-е. олицетвореніе его собственныхъ владѣній; городъ Микены имѣлъ не только прародительницу Микену, но и эпонимическаго праотца Микенея. Долго спустя послѣ того средневѣковая Европа, подстрекаемая блестящими генеалогіями, которыми Римъ связалъ себя съ Греціей и ея богами и героями, нашла возможность соперничать съ ними въ хроникахъ Готфрида Монмоутскаго и другихъ, признавая основателями Парижа и Тура троянцевъ Париса и Турна, и связывая Францію и Британію съ троянскою войною, посредствомъ Франка, сына Гектора, и Брута, правнука Энея. Въ „Комментаріяхъ Блэкстона“ совершенно серьезно приводится замѣчательный по своему совершенству, эпонимически-историческій миѳъ о цыганахъ или египтянахъ: когда султанъ Селимъ завоевалъ Египетъ въ 1517 году, многіе туземцы отказались покориться турецкому игу, возстали подъ предводительствомъ нѣкоего Zinganeus'а, вслѣдствіе чего турки прозвали ихъ Zinganees, цыганами; но подъ конецъ, когда ихъ обошли и оттѣснили, они рѣшились разсѣяться небольшими группами по свѣту и проч., и проч. Любопытно слѣдить, какъ умъ Мильтона возвышается, хотя не вполнѣ, надъ уровнемъ средневѣковаго хроникера. Въ началѣ своей „Исторіи Британіи“ онъ упоминаетъ объ „иноземномъ вымыслѣ“ о четырехъ короляхъ, Магѣ, Саронѣ, Друидѣ и Бардѣ; онъ не признаетъ сына Нептуна,

великана Альбіона, покорившаго островъ и назвавшаго его своимъ именемъ; онъ смѣется надъ четырьмя сыновьями Іафета, Франкомъ, Романомъ, Алеманомъ и Бриттомъ. Но когда дѣло доходитъ до Брута и троянской легенды о древней англійской исторіи, его скептическое мужество покидаетъ его: „нужно быть слишкомъ недовѣрчивымъ, чтобы относиться къ этимъ старымъ и простымъ именамъ цѣлаго ряда королей, какъ къ лицамъ, никогда въ дѣйствительности не существовавшимъ или не совершившимъ хотя части того, что̀ такъ долго жило въ воспоминаніи [1]).

Изъ числа болѣе грубыхъ расъ, признающихъ генеалогіи подобнаго рода, можно привести въ примѣръ южно-американскія племена, по имени Амойпира (Amoipira) и Потіуара (Potyuara) [2]), кондскіе кланы по имени Баска (Baska) и Яксо (Jakso) [3]) и туркменскіе орды по имени Іомутъ (Yomut), Текке (Tekke) и Чаудоръ (Chaudor) [4]); всѣ они производятъ свои наименованія отъ предковъ или предводителей, которые, какъ отдѣльныя лица, носили эти самыя имена. Тамъ, гдѣ критикѣ возможно коснуться этихъ генеалогій, она часто приводитъ къ такому результату, какъ изгнаніе Брута и его троянцевъ изъ исторіи Англіи. Когда въ генеалогіи Гауссы, въ западной Африкѣ, встрѣчаются простыя имена городовъ, подобно Кано (Kano) и Катсена (Katsena) [5]), то весьма естественно видѣть олицетвореніе этихъ городовъ въ миѳическихъ предкахъ. Мексиканскія преданія приписываютъ различнымъ расамъ страны цѣлый рядъ эпонимическихъ предковъ или вождей; такъ, Мекси былъ основателемъ Мексики, Чичимекатль—первымъ царемъ чичимековъ, и такъ далѣе, до Отомитля, предка отомисовъ, самое имя котораго своимъ окончаніемъ изобличаетъ, что оно придумано ацтеками [6]). Бразильцы объясняютъ раздѣленіе племенъ Тупи и Гуарани легендою о двухъ предкахъ, братьяхъ Тупи и Гуарани, которые поссорились и разошлись въ разныя стороны, каждый

---

[1]) О допущеніи воображаемыхъ предковъ въ связи съ вымысломъ объ общемъ происхожденіи и о важныхъ политическихъ и религіозныхъ послѣдствіяхъ этого процесса, см. преимущественно Grote, «Hist. of Greece», vol. I; Mc. Lennan, «Primitive Marriage»; Maine, «Ancient Law». Интересныя подробности объ эпонимическихъ предкахъ у Pott, «Anti-Kaulen, oder Mythische Vorstellungen vom Ursprunge der Völker und Sprachen.

[2]) Martius, «Ethnog. Amer.», vol. I, p. 54, см. 283.

[3]) Macpherson, «India», p. 78.

[4]) Vambéry, «Central Asia», p. 325; см. также Latham, «Descr. Eth.», vol. I, p. 456 (Остяки); Georgi, «Reise im Russ. Reich», vol. I, p. 242 (Тунгусы).

[5]) Barth, «N. & Centr. Afr.», vol. II, p. 71.

[6]) J. G. Müller, «Amer. Urrelig.», p. 574.

со своими послѣдователями; но эпонимическое происхожденіе этого разсказа становится болѣе вѣроятнымъ, такъ какъ слово Guarani вовсе не древнее народное имя, а просто обозначеніе „воиновъ", которое миссіонеры дали извѣстнымъ племенамъ [1]). И если обратить вниманіе на такіе факты, какъ, напримѣръ, то, что сѣверо-американскія племена, называющіяся по имени животныхъ Beaver (боберъ), Crayfish (ракъ) и т. п., объясняютъ эти названія простымъ притязаніемъ, что эти животныя были ихъ предками [2]), критическое изслѣдованіе выскажется вообще не столько въ пользу дѣйствительныхъ предковъ и вождей, которые передали собственныя имена своимъ племенамъ, сколько за эпонимическихъ предковъ, созданныхъ воображаемымъ обратнымъ процессомъ такого унаслѣдованія.

Впрочемъ, при разсмотрѣніи эпонимической легенды не слѣдуетъ останавливаться на этой разрушительной ступени. Въ самомъ дѣлѣ, пройдя черезъ строгую критику, она тѣмъ болѣе представляетъ дѣйствительно историческое значеніе, быть можетъ, не менѣе того, если бы ее имена были настоящими именами древнихъ вождей. При всѣхъ своихъ вымыслахъ, ошибкахъ и недомолвкахъ, героическія генеалогіи сохраняютъ въ себѣ древнія воззрѣнія на національности, преданія о переселеніяхъ, завоеваніяхъ и связи, вслѣдствіе родства или какихъ-либо сношеній. Этнологи стараго времени, заимствуя миѳическій способъ выраженія, представляли то, что̀ они считали дѣйствительными отношеніями расъ въ видѣ олицетвореній, смыслъ которыхъ можетъ быть легко понимаемъ еще и теперь. Греческая легенда о братьяхъ-близнецахъ Данаѣ и Египтѣ, родоначальникахъ народовъ Данаевъ, или гомеровскихъ грековъ, и Египтянъ—представляетъ опредѣленную, хотя и не состоятельную этнологическую теорію. Ихъ эпонимическій миѳъ объ Эллинѣ, этомъ олицетвореніи расы Эллиновъ, представляетъ собою другое, болѣе разумное этнологическое свидѣтельство о родствѣ четырехъ великихъ отраслей греческой расы: у Эллина, разсказываетъ онъ, было три сына, Эолъ (Aiolas), Доръ (Dōros) и Ксутъ (Xouthos); отъ первыхъ двухъ получили свои названія эолійцы и дорійцы, третій же имѣлъ двухъ сыновей Ахея (Achaios) и Іона (Iōn), имена которыхъ были унаслѣдованы ахейцами и іонійцами. Убѣжденіе лидійцевъ, мизійцевъ и карійцевъ въ ихъ національномъ родствѣ ясно выражено и въ генеалогіи Геродота, который указываетъ ихъ происхожденіе отъ трехъ братьевъ, Лида (Li-

---

[1]) Martius, vol. I, pp. 180—4; Waitz, vol. III, p. 416.

[2]) Schoolcraft, «Indian Tribes», part. I, p. 319, part. III, p. 268; см. part. II, p. 9; Catlin, vol. II, p. 128; J. G. Müller, pp. 134, 327.

dos), Миза (Misos) и Кара (Kar) [1]. Персидская легенда о Феридунѣ (Thraetaona) и его трехъ сыновьяхъ, Иреи, Турѣ и Сельмѣ, различаетъ двѣ національности иранцевъ и туранцевъ, т.-е. персіянъ и татаръ [2]. Народная генеалогія афганцевъ также достойна замѣчанія. Она заключается въ слѣдующемъ: Меликъ Талутъ (царь Саулъ) имѣлъ двухъ сыновей, Беркію и Ирмію (Берекія и Іеремія), которые служили Давиду; сынъ Беркіи былъ Афганъ, а сынъ Ирміи Узбекъ. Благодаря орлинымъ носамъ афганцевъ и употребленію у нихъ библейскихъ именъ, заимствованныхъ изъ библейскихъ источниковъ, мысль о ихъ происхожденіи отъ потерянныхъ племенъ Израиля имѣла многихъ приверженцевъ среди европейскихъ ученыхъ, вплоть до настоящаго столѣтія [3]. Между тѣмъ такая родословная есть этнологическая нелѣпость, потому что источникъ воображаемаго родства столь различныхъ по внѣшнему виду и по языку арійскихъ афганцевъ и туранскихъ узбековъ, повидимому, кроется въ ихъ связи чрезъ посредство ислама; съ другой стороны, производство ихъ обоихъ отъ одного общаго семитическаго корня возможно только при той безсмысленной поддѣлкѣ исторіи, которая такъ характеристична для мусульманскихъ лѣтописей. Гораздо болѣе разумная народная родословная встрѣчается у татаръ: въ XIII ст. Вильгельмъ Рюисбрукъ сообщаетъ, между прочимъ, въ видѣ серьезнаго историческаго факта, что они первоначально были прозваны турками отъ Турка, старшаго сына Іафета; но потомъ одинъ изъ ихъ государей оставилъ свои владѣнія сыновьямъ своимъ, близнецамъ Татару и Монголу, вслѣдствіе чего произошло, никогда не уничтожавшееся различіе между этими двумя народами [4]. Въ историческомъ отношеніи эта легенда совершенно нелѣпа, но она выставляетъ безспорный, повидимому, этнологическій фактъ, что турки, монголы и татары—близко родственныя отрасли одного и того же корня; можно не согласиться только съ тѣмъ, что представляется чрезмѣрною претензіею со стороны турокъ, выставляющихъ себя главою семьи, и предкомъ монголовъ и татаръ. Такимъ образомъ, эти миѳологическія по формѣ, но этнологическія по сущности, эпонимическія народныя генеалогіи, олице-

[1]) Grote, «Hist. of Greece»; Pausan. III. 20; Diod. Sic. V.; Apollodor. Bibl. I. 7, 3, VI. 1, 4; Herodot. I. 171.

[2]) Max. Müller in Bunsen, vol. I, p. 338; Tabari, part. I, ch. XLV. LXIX.

[3]) Sir W. Jones въ «As. Res.», vol. II, p. 24; Vansittart, ibid. p. 67; см. Campbell, въ «Journ. As. Soc. Bengal», 1866, part. II, p. 7.

[4]) Gul. de Rubruquis in Pinkerton, vol. VII, p. 23; Gabelenz, въ Zeitschr. für die Kunde des Morgenlandes», vol. II, p. 73; Schmidt, «Völker Mittel-Asien», p. 6.

творяютъ понятія, вѣрность или значеніе которыхъ можно допустить или отрицать, но которыхъ нельзя не признать за опредѣленныя этнологическія свидѣтельства [1].

Изъ этого видно, что древняя этнологія обыкновенно выражается метафорами, въ которыхъ олицетворяются страны и народы, и связь между ними обозначается терминами личнаго родства. Тѣми же особенностями отличается и замѣчательный документъ древней этнологіи—исчисленіе народовъ въ 10-й главѣ Книги Бытія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ является мелочной и трудной задачей критики отличить среди этихъ прародительскихъ именъ тѣ, которыя представляютъ лишь обозначенія мѣстъ или народовъ, въ личной формѣ. Но для критика, знакомаго съ этническими генеалогіями другихъ народовъ (изъ которыхъ мы уже приводили примѣры), достаточно одного взгляда на этотъ перечень народовъ, чтобы убѣдиться, что часть заключающихся въ немъ именъ—имена не дѣйствительныхъ лицъ, а олицетворенныхъ городовъ, странъ и расъ. Городъ Сидонъ называется братомъ Гета, отца Гиттитовъ, а за ними появляются въ лицахъ іевузиты и амориты. Въ числѣ простыхъ наименованій мѣстностей, мы видимъ Кушъ, или Эѳіопію, которая родитъ Неврода; Ашуръ, или Ассирія, строитъ Ниневію, и даже двойственный Мирзаимъ, или „оба Египта“, повидимому, Верхній и Нижній Египетъ, является личнымъ сыномъ или братомъ обѣихъ странъ и прародителемъ ихъ населеній. Арійское происхожденіе ясно обозначается въ олицетвореніи по крайней мѣрѣ двухъ членовъ его, Мадая—мидянина, и Явана—іонійца; а что касается семейства, къ которому принадлежатъ сами израильтяне, то стоитъ только взять Ханаана, отца Сидона, и поставить его, какъ представителя финикіянъ, на ряду съ Ашуромъ, Арамомъ, Эберомъ и другими потомками Сима, чтобы получить въ результатѣ распредѣленіе семитическаго племени, сообразно съ обычной классификаціей современной сравнительной филологіи.

Переходя отъ тѣхъ случаевъ, гдѣ миѳологическая форма служитъ средствомъ для передачи философскихъ воззрѣній, бросимъ бѣглый взглядъ на ту область, гдѣ вымыселъ принимаетъ подобіе объяснительной легенды. Средневѣковые схоластики справедливо подвергались насмѣшкамъ за обычный для нихъ способъ передачи метафизическими терминами, простыхъ фактовъ, которые потомъ, въ этой научной оболочкѣ, торжественно выдавались ими за объясненія ихъ же самихъ, въ родѣ

[1]) См. также Pott, «Anti-Kaulen», pp. 19, 23; Rassen, pp. 70, 153, и замѣтки о колонизаціонныхъ миѳахъ in Max Müller, «Chips», vol. II, p. 68.

того, напр., что опіумъ вызываетъ въ людяхъ сонъ оттого, что обладаетъ усыпляющимъ свойствомъ. Пріемы творца миѳовъ, въ одномъ отношеніи, могутъ быть пояснены сравненіемъ съ упомянутымъ пріемомъ схоластиковъ. Многія изъ приведенныхъ выше легендъ показали, что половина всей миѳологіи занята воспроизведеніемъ обыденныхъ фактовъ ежедневной жизни, въ вымышленныхъ разсказахъ о происхожденіи и причинѣ этихъ фактовъ; то были ребяческіе отвѣты на древніе, какъ міръ, вопросы: откуда и почему — вопросы, одинаково тревожащіе и дикаря, и мудреца. Описанія эти, облеченныя въ историческую форму, такъ незамысловаты по своей сущности, что болѣе легкія изъ нихъ истолковываются безъ затрудненій. Когда, напр., самоанцы говорятъ, что со времени большой битвы между платанами и бананами побѣжденные опустили головы, тогда какъ побѣдители гордо подняли свои [1]), кто не пойметъ, что эта простая метафора сравниваетъ растенія вертикально стоящія и поникшія съ побѣдителемъ, стоящимъ среди побѣжденныхъ враговъ. Въ такомъ же очевидномъ уподобленіи кроется начало другой полинезійской легенды, которая говоритъ, что кокосовый орѣхъ былъ сотворенъ изъ головы человѣка, каштанъ изъ его почекъ и ямсъ изъ его ногъ [2]). Возьмемъ еще одинъ примѣръ изъ миѳологіи растеній: какъ прозраченъ вымыселъ оджибвеевъ о небесномъ юношѣ въ зеленой одеждѣ, съ развѣвающимися перьями, который для блага человѣчества былъ побѣжденъ и похороненъ индѣйцами, но возсталъ изъ могилы въ видѣ маиса, Мондамина, или „зерна Духа“ [3]). Крестьяне Новаго Лѣса увѣрены, что мергель, находящійся въ обрабатываемой ими почвѣ, до сихъ поръ красенъ отъ крови ихъ древнихъ враговъ датчанъ; на красныхъ скалахъ Кукова пролива маорисы видятъ слѣды крови Купе, который, оплакивая смерть своей дочери, изранилъ свой лобъ обломками обсидіана; на томъ мѣстѣ, гдѣ Будда отдалъ свое тѣло въ пищу голоднымъ дѣтенышамъ тигрицы, его кровь на вѣчныя времена окрасила почву, деревья и цвѣты. Современные албанцы до сихъ поръ видятъ слѣды рѣзни въ рѣкахъ, принимающихъ красный цвѣтъ отъ почвы, подобно тому, какъ древніе греки видѣли кровь Адониса въ лѣтнихъ волнахъ рѣки, орошавшей Библосъ. Красные налеты, покрывающіе рѣчные голыши, до сихъ поръ считаются корнвалійцами признакомъ совершеннаго въ томъ мѣстѣ убійства; въ Германіи кровь Іоанна Крестителя все еще превращается въ растеніе въ Ивановъ день, и крестьяне продолжаютъ

[1]) Seemann, «Viti», p. 311; Turner, «Polynesia», p.252.
[2]) Ellis, «Polyn. Res.», vol. I, p. 69.
[3]) Schoolcraft, «Algic. Res.», vol. I, p. 122; «Indian Tribes», part. I, p. 320; part. II, p. 230.

отыскивать его; красный грибъ есть кровь гунновъ, во время бѣгства изранившихъ свои ноги о высокія крыши башенъ. Въ Индіи путешественникъ можетъ видѣть на развалинахъ стѣнъ Ганга-Раджи слѣды крови убитыхъ во время осады горожанъ; а — что еще удивительнѣе — на плитахъ церкви св. Дениса въ Корнваллисѣ видны пятна крови, упавшей туда въ то время, какъ голова святого была отсѣчена въ другомъ мѣстѣ [1]). Всякое собраніе миѳовъ переполнено примѣрами подобной превращенной описательной метафоры подъ оболочкою исторіи, но наше сужденіе о постоянствѣ и, въ то же время, разнообразіи того, что̀ можетъ быть названо миѳическимъ языкомъ, подкрѣпляется извлеченіемъ изъ его словаря такой группы, какъ приведенная выше, которая въ столь разнообразной и фантастической формѣ описываетъ явленіе пятенъ кроваваго цвѣта.

Самый незначительный, туманный вымыселъ, и самая несвязная метафора, будучи поняты въ реальномъ смыслѣ, могутъ считаться описаніемъ дѣйствительнаго событія. Мусульмане слышали, какъ самые камни хвалили Аллаха не только въ уподобленіи, но и на самомъ дѣлѣ; а извѣстное изреченіе, что судьба человѣка написана на его челѣ, воплощено ими въ повѣрье, будто это выражается въ швахъ черепа, извилины которыхъ походятъ на буквы. Одно изъ чудесныхъ происшествій въ жизни самого Магомета правдоподобно объяснено Шпренгеромъ такою прагматизованною метафорою. Легенда говоритъ, что архангелъ Гавріилъ вскрылъ грудь пророка, вынулъ изъ его сердца черный комокъ, обмылъ его въ водѣ Земзема и вложилъ въ прежнее мѣсто; одѣяніе ангела и золотой сосудъ описаны со всѣми подробностями, и Анасъ-ибнъ-Маликъ объясняетъ, что видѣлъ самый рубецъ сшитой раны. Вмѣстѣ съ названнымъ историкомъ мы рѣшаемся приписать это чудесное явленіе общеизвѣстной метафорѣ, что сердце Магомета было раскрыто и очищено божественною волею, и дѣйствительно, онъ говоритъ въ Коранѣ, что Богъ раскрылъ его сердце [2]). Одного примѣра будетъ достаточно для выясненія того же самаго пріема въ католической легендѣ. Марко Поло говоритъ, что въ 1225 г. Калифъ Багдадскій приказалъ подвластнымъ ему христіанамъ, подъ страхомъ смерти или перехода въ исламизмъ, подтвердить текстъ Священнаго Писанія, сдвинувъ съ мѣ-

[1]) J. R. Wise, «The New Forest», p. 160; Taylor, «New-Zealand», p. 268; Max Müller, «Chips», vol. I, p. 249; M. A. Walker, «Macedonia», p. 192; Movers, «Phönizier», vol. 1, p. 665; Lucian. de Deâ Syriâ 8; Hunt, «Pop. Rom.», 2-nd Series, p. 15; Wuttke, «Volksaberglaube», pp. 16, 94; Bastian, «Mensch», vol. II, p. 59, vol. III, p. 185; Buchanan, «Mysore, etc.» in Pinkerton, vol. VIII, p. 714.
[2]) Sprenger, «Leben des Mohammad», vol. I, pp. 78, 119, 162, 310.

ста гору. Въ числѣ этихъ христіанъ находился башмачникъ, который, будучи чрезмѣрно искушенъ красотою одной женщины, вырвалъ свой преступный глазъ. Этотъ человѣкъ приказалъ горѣ сойти съ мѣста, что̀ она и сдѣлала, къ великому ужасу Калифа и всего народа, и съ тѣхъ поръ день, въ который совершилось это чудо, считался священнымъ. По свойству, общему всѣмъ средневѣковымъ писателямъ, венеціанскій путешественникъ передаетъ этотъ разсказъ безъ малѣйшаго признака сомнѣнія [1]), тогда какъ для насъ онъ такъ, очевидно, основанъ на трехъ стихахъ евангелія св. Матѳея, что излишне и приводить ихъ. Для современнаго взгляда такіе вымыслы далеко не привлекательны. И дѣйствительно, какъ ограниченъ долженъ быть такой прагматизаторъ, который однимъ своимъ прикосновеніемъ дѣлаетъ самую прекрасную и священную мысль скучною и вульгарною, будучи принужденъ воплотить ее въ какое-либо матеріальное событіе, вслѣдствіе своей полной неспособности понять какую бы то ни было абстрактную идею. Но какъ бы онъ ни былъ скученъ, мы тѣмъ не менѣе необходимо должны понять его, признать его обширное вліяніе на вѣрованія человѣчества и видѣть въ немъ представителя доведенной до крайняго злоупотребленія склонности облекать каждую мысль въ конкретную форму, въ чемъ во всѣ вѣка заключался главный источникъ миѳологіи.

Хотя за аллегоріей не можетъ быть оставлено того виднаго мѣста, которое ей часто приписывалось въ миѳологіи, но вліяніе ея тѣмъ не менѣе, было такъ сильно, что его невозможно обойти въ этомъ обозрѣніи. Правда, отыскиваніе аллегорическихъ объясненій часто заводило многихъ ревностныхъ изслѣдователей въ болото мистицизма. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, однако, аллегорія несомнѣнно употреблялась съ историческою цѣлью, какъ, напримѣръ, въ апокрифической Книгѣ Еноха, гдѣ коровы и овцы представляютъ израильтянъ, а волки и ослы—мидіанитовъ и египтянъ, и всѣ эти существа фигурируютъ въ псевдо-пророческомъ очеркѣ ветхозавѣтныхъ хроникъ. Что касается нравственной аллегоріи, то она распространена въ мірѣ въ несмѣтномъ изобиліи, хотя предѣлы ея болѣе ограничены, чѣмъ предполагали миѳологи прошлыхъ вѣковъ. Теперь по справедливости считается нелѣпымъ истолковывать греческія легенды, какъ нравственныя апологіи, подобно философу Гераклиду, который могъ различить притчу о кающемся благоразуміи въ разсказѣ объ Аѳинѣ, схватившей Ахиллеса въ ту минуту, какъ онъ собирался поразить мечемъ Агамемнона [2]). Надо замѣтить,

[1]) Marco Polo, book. I, ch. VIII.
[2]) Grote, vol. I, p. 347.

впрочемъ, что въ оправданіе такого способа толкованія говоритъ то обстоятельство, что многія изъ числа фантастическихъ миѳовъ всего міра представляютъ собою дѣйствительныя аллегоріи. Такъ можно видѣть несомнѣнную аллегорію въ Гезіодовомъ миѳѣ о Пандорѣ, которую Зевсъ послалъ къ людямъ убранною золотою повязкою и гирляндой изъ весеннихъ цвѣтовъ; она казалась достойною восторженной и продолжительной любви, но, при черной душѣ, она употребляла свои способности на ложь, обманъ и сладкія рѣчи. Неразумный Эпиметей, не послушавшись предостереженій болѣе проницательнаго брата, взялъ ее въ жены; она приподняла крышку большого ящика и выпустила изъ него все зло, которое странствуетъ среди людей, и всѣ болѣзни, которыя днемъ и ночью безмолвно подходятъ къ человѣку, принося ему несчастіе; затѣмъ она снова закрыла крышку и заперла туда Надежду, чтобы человѣчество оставалось навѣки безнадежнымъ въ своемъ горѣ. Измѣненная, въ виду иной морали, аллегорія, въ послѣдующемъ варіантѣ разсказа, заключается въ томъ, что ящикъ былъ наполненъ не проклятіями, а благословеніями; эти послѣднія были выпущены и утрачены для людей, когда сосудъ былъ вскрытъ излишнимъ любопытствомъ, и осталась одна Надежда въ утѣшеніе злосчастнаго человѣчества [1]). Тѣмъ не менѣе, первобытный характеръ такихъ легендъ составляетъ подкладку ихъ моральной оболочки. Зевсъ не аллегорическій вымыселъ, и Прометей—если только современные миѳологи не судятъ о немъ совершенно превратно—имѣетъ значеніе болѣе глубокое, чѣмъ притча. Ксенофонтъ (послѣ Продика) разсказываетъ исторію объ Ираклѣ, которому предстоялъ выборъ между долгимъ и труднымъ путемъ добродѣтели и краткимъ и легкимъ путемъ наслажденія [2]); но хотя миѳическій герой такимъ образомъ приспособляется къ нравственной апологіи, тѣмъ не менѣе, вымыселъ такъ мало соотвѣтствуетъ его не этической природѣ, что кажется явнымъ противорѣчіемъ уму читателя.

Общее отношеніе аллегоріи къ чистому миѳу лучше всего выясняется въ отдѣлѣ разсказовъ, знакомыхъ каждому ребенку,—въ басняхъ о животныхъ. Съ обыкновенной цивилизованной точки зрѣнія, аллегорія въ такихъ вымыслахъ представляется, повидимому, основною, и понятіе о правоученіи кажется связаннымъ съ самою ихъ сущностью; между тѣмъ изслѣдованіе съ болѣе широкой точки зрѣнія показываетъ, что аллегорія является какъ бы паразитическимъ наростомъ на древнемъ стволѣ миѳа, не имѣвшаго въ виду никакой морали. Только усилен-

[1]) Welcker, vol. I, p. 756.
[2]) Xenoph. Memorabilia, II, 1.

нымъ обратнымъ процессомъ своей мысли новѣйшій писатель способенъ воспроизвести въ притчѣ животное древней басни. Это и неудивительно, такъ какъ это существо стало для него чудовищемъ, понятнымъ только, какъ карикатура на человѣка, выставленная съ цѣлью нравственнаго поученія или сатиры. Но у дикарей дѣло является инымъ. По ихъ понятіямъ, получеловѣческое животное не есть фиктивное существо, придуманное для проповѣди или насмѣшки, но существо чисто реальное. Басня о животныхъ не кажется безсмыслицею людямъ, приписывающимъ низшимъ животнымъ способность рѣчи и свойства человѣческой нравственной природы,—людямъ, по мнѣнію которыхъ каждый волкъ или гіена можетъ оказаться человѣкомъ-гіеною или оборотнемъ,—людямъ, которые до того увѣрены, что „душа нашей бабушки можетъ переселиться въ птицу", что выбираютъ свою пищу такъ, чтобы не съѣсть какого-нибудь предка,—людямъ, существенною частью религіи которыхъ можетъ являться поклоненіе животнымъ. Такія вѣрованія свойственны даже и теперь половинѣ человѣчества, и у нихъ-то зародились впервые разсказы о животныхъ. Даже австралійцы разсказываютъ оригинальныя сказки о животныхъ, Крысѣ, Совѣ и толстомъ Черномъ человѣкѣ, или о братѣ-Котенкѣ, который подпалилъ носы своихъ друзей во время ихъ сна [1]). У камчадаловъ существуетъ обработанный миѳъ о приключеніяхъ ихъ безсмысленнаго божества Кутки съ Мышами, которыя различнымъ образомъ издѣвались надъ нимъ, напр., раскрасили ему лицо въ родѣ женскаго, такъ что онъ влюбился въ самого себя, когда увидалъ свое изображеніе въ водѣ [2]). Разсказы о животныхъ весьма распространены среди такихъ расъ, какъ полинезійцы и сѣверо-американскіе индѣйцы, которые цѣнятъ въ нихъ остроуміе приключенія и тонкое примѣненіе привычекъ и характеровъ дѣйствующихъ лицъ. Такъ, напримѣръ, въ одной легендѣ плоско-головыхъ индѣйцевъ, Маленькій Волкъ находитъ въ заоблачной странѣ своихъ дѣдовъ Пауковъ, съ ихъ сѣдыми волосами и длинными крючковидными ногтями; они напряли ему нѣсколько клубковъ нитокъ, чтобы онъ могъ спуститься по нимъ на землю. Когда онъ вернулся и увидалъ свою жену, Пеструю Утку, захваченную Старымъ Волкомъ, она въ замѣшательствѣ обратилась въ бѣгство, и поэтому она и до сихъ поръ всегда живетъ и плаваетъ въ одиночествѣ [3]). Въ Гвинеѣ, гдѣ басни о животныхъ служатъ однимъ изъ главныхъ предметовъ разговора туземцевъ, слѣдующая исторія можетъ послужить типомъ сказокъ, которыя такимъ путемъ объясняютъ особенности животныхъ. Великая обезьяна Энгена предлагала свою дочь въ жены тому удальцу, который выпьетъ сразу цѣлый боченокъ рому. Величавый Слонъ, граціозный Леопардъ и угрюмый Кабанъ отступились послѣ перваго глотка огненной жидкости. Тогда выступилъ крошечный Телинга, лукавая обезьяна, который запряталъ въ высокой травѣ тысячи своихъ товарищей. Выпивъ первый стаканъ, онъ отошелъ; но вмѣсто него по очереди выходили другія обезьяны, всѣ похожія одна на другую, пока боченокъ не былъ осушенъ; тогда Телинга удалился съ дочерью царя обезьянъ. Но въ узкой тропинкѣ Слонъ и Леопардъ напали на него и заставили бѣжать, и онъ укрылся на верхнихъ вѣтвяхъ деревъ, поклявшись никогда болѣе не спускаться на землю, гдѣ онъ подвергся такому насилію и такой несправедливости. Вотъ почему маленькія телинги до настоящаго времени живутъ на самыхъ верхушкахъ деревъ [1]). Такіе разсказы цѣлыми десятками выбраны изъ преданій дикарей въ ихъ первоначальномъ видѣ, когда въ нихъ не входило еще никакого нравоученія. Впрочемъ легкій и естественный переходъ отъ разсказа къ притчѣ совершается у дикарей, повидимому, безъ всякаго участія высшихъ расъ. Въ сказкахъ готтентотовъ рядомъ съ миѳомъ о хитромъ Шакалѣ, который разными штуками выманилъ у Льва лучшую часть его добычи, и на спинѣ котораго черная полоса была выжжена Солнцемъ, когда онъ вздумалъ похитить его, является нравственная апологія о Львѣ, который вообразилъ, что онъ мудрѣе своей Матери, и былъ убитъ копьемъ Охотника, потому что не послушался ея, когда она остерегала его отъ убійственнаго созданія, голова котораго на одной линіи съ его плечами и грудью [2]). Настоящая нравственная апологія встрѣчается и у зулусовъ въ разсказѣ о землеройкѣ, которая не пошла за своимъ хвостомъ въ тотъ день, когда выдавались хвосты, потому что не любила выходить въ дождливую погоду; она попросила только другихъ животныхъ, чтобы онѣ захватили хвостъ и для нея, и вслѣдствіе этого, разумѣется, не получила его никогда [3]). Среди сѣверо-американскихъ легендъ о Манабозо, встрѣчается басня съ чисто-эзоповскимъ юморомъ. Манабозо, превращенный въ Волка, убилъ жирнаго лося и, будучи очень голоденъ, тутъ же присѣлъ, чтобы съѣсть его. Но вдругъ на него нашло сомнѣніе, съ которой стороны приступить къ дѣлу: если начать съ головы, народъ будетъ смѣяться и говорить: онъ началъ не съ того конца; если

1) Oldfield въ «Tr. Eth. Soc.», vol. III, p. 259.
2) Steller, «Kamtschatka», p. 255.
3) Wilson in «Tr. Eth. Soc.», vol. IV, p. 306.

1) J. L. Wilson, «W. Afr.», p. 382.
2) Bleek, «Reynard in S. Afr.», pp. 5, 47, 67 (эти разсказы не принадлежатъ къ числу тѣхъ, которые, повидимому, недавно переняты отъ европейцевъ). См. «Early History of Mankind», p. 10.
3) Callaway, «Zulu Tales», vol. I, p. 355.

начать съ боку, они скажутъ, онъ ѣстъ его бокомъ. Наконецъ онъ рѣшился и запустилъ-было зубы въ лакомый кусочекъ, какъ вдругъ около него заскрипѣло дерево. Тише, тише! крикнулъ онъ дереву, я не могу ѣсть при такомъ шумѣ, и, несмотря на свой голодъ, бросилъ обѣдъ и полѣзъ на дерево, чтобы заставить его замолчать, но застрялъ между двумя вѣтвями и не могъ сдвинуться съ мѣста. Вотъ подошла стая волковъ: идите той дорогой, идите той дорогой! кричитъ онъ имъ; волки подумали: — вѣроятно, онъ припряталъ что-нибудь здѣсь, иначе онъ не посовѣтывалъ бы намъ идти другою дорогой, — подошли, увидѣли лося и съѣли его до костей, въ то время, какъ Манабозо съ завистью смотрѣлъ на нихъ. Между тѣмъ, сильный порывъ вѣтра, раздвинувъ вѣтви, освободилъ его, и онъ отправился домой, размышляя про себя: „Вотъ что значитъ заниматься суетными вещами, когда имѣешь въ рукахъ настоящее благо“ [1]).

Въ Старомъ Свѣтѣ нравоучительная басня о животныхъ принадлежала къ достаточно почтенной древности, но она не сразу вытѣснила простой и чистый животный миѳъ. Умъ европейца въ теченіе вѣковъ почерпалъ уроки мудрости отъ воронъ и лисицъ Эзопа, и въ то же время наслаждался художественными, хотя и вовсе не назидательными разсказами о животныхъ болѣе первобытнаго типа. И дѣйствительно, собранія Бабрія и Федра существовали уже болѣе тысячи лѣтъ, когда настоящій животный эпосъ достигъ своего полнаго развитія въ несравненномъ „Рейнеке Лисѣ“; по мнѣнію Якоба Гримма, его можно прослѣдить до оригинальнаго франкскаго произведенія XII вѣка, которое, въ свою очередь, заключало въ себѣ еще болѣе древніе матеріалы [2]). Рейнеке — не дидактическая поэма, и если какое-либо нравоученіе и встрѣчается въ ней тамъ и сямъ, то оно по большей части макіавелевскаго свойства, — и не сатира, какъ ѣдко она ни бичуетъ человѣка вообще, и духовенство въ особенности. Всѣ существа въ ней — олицетворенныя качества. Лисъ олицетворяетъ коварство, Медвѣдь — силу, Оселъ — тупое самодовольство, Овца — простодушіе. Прелесть этого разсказа, которымъ въ средневѣковой Европѣ наслаждались всѣ классы народа, но который въ наше время сдѣлался достояніемъ чуть ли не однихъ ученыхъ, заключается преимущественно въ остроумно проведенномъ сочетаніи свойствъ животныхъ со свойствами человѣка. Какъ велико было въ средніе вѣка вліяніе эпопеи Рейнеке, можно видѣть изъ того, что Reynard, Bruin, Chanticleer остались именами, хорошо извѣстными людямъ, не имѣющимъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что они были первоначально обозначеніями характеровъ въ великомъ животномъ эпосѣ. Слѣды этого вліянія замѣтны еще болѣе въ современномъ французскомъ языкѣ. Оселъ получилъ свое названіе baudet отъ Baudoin, или Бальдуинъ — оселъ. Обыкновенные французскіе словари не содержатъ даже слова goupil (vulpes), до такой степени латинское названіе лисицы было вытѣснено изъ употребленія франкскимъ его названіемъ въ эпопеѣ о животныхъ, гдѣ лисъ назывался Рагингардомъ, Совѣтникомъ, что перешло потомъ въ Reinhart, Reynard, Renart, renard. Назидательныя произведенія, которыя Гриммъ презрительно называетъ „баснями, разжиженными до простого нравоученія и аллегоріи“, и „прѣснымъ нравоучительнымъ чаемъ, въ четвертый разъ настоеннымъ на старыхъ листьяхъ“ — весьма слабы въ эстетическомъ отношеніи сравнительно съ подлинными миѳами о животныхъ. Критики-миѳологи, могутъ смотрѣть на нихъ, подобно тому ребенку, который находилъ весьма удобнымъ, что басни Эзопа печатаются съ „нравоученіемъ“, такъ что каждый можетъ видѣть, которую изъ нихъ можно пропустить.

[1]) Schoolcraft. «Algic. Res.», vol. I, p. 160; см. 43, 51.

[2]) Jacob Grimm, «Reinhart Fuchs», Introd.

При изученіи притчи весьма ярко обозначается недостатокъ способности къ отвлеченію, который всегда имѣлъ такое пагубное вліяніе на вѣрованія человѣчества, смѣшивая миѳъ съ хроникою и затемняя смыслъ исторіи ненужнымъ балластомъ буквально понимаемаго преданія. Состояніе ума глухонѣмой и слѣпой Лауры Бриджмэнъ, столь поучительное для выясненія умственныхъ пріемовъ необразованныхъ, хотя и обладающихъ всѣми внѣшними чувствами людей, выражаетъ въ крайней формѣ затрудненія подобныхъ людей при сознаваніи нереальности какого-либо разсказа. Ее никакъ не могли заставить уразумѣть, чтобы ариѳметическія задачи были чѣмъ-либо инымъ, какъ не представленіемъ конкретныхъ фактовъ, и на вопросъ учителя: „Если вы за четыре доллара можете купить боченокъ сидра, то сколько можете вы купить за одинъ долларъ?“ она наивно отвѣчала: „Я не могу дать дорого за сидръ, потому что онъ очень киселъ“ [1]). Поразительный примѣръ этого стремленія къ конкретности представляютъ даже люди, столь цивилизованные, какъ буддисты, у которыхъ самыя, очевидно, моральныя басни о животныхъ стали буквальными эпизодами священной исторіи. Во время своихъ 550 рожденій Гаутама являлся въ образѣ лягушки, рыбы, вороны, обезьяны и многихъ другихъ животныхъ; и его послѣдователи были такъ далеки отъ мысли, что легенды объ этихъ превращеніяхъ не что иное, какъ миѳъ, что въ буддистскихъ храмахъ сохранялись, въ видѣ реликвій, шерсть, перья и кости тѣхъ животныхъ, въ тѣлахъ которыхъ обиталъ великій учитель. Во время раз-

[1]) Account of Laura Bridgman, p. 120.

личныхъ своихъ рожденій въ видѣ животныхъ Будда, между прочимъ, былъ дѣйствующимъ лицомъ въ извѣстной баснѣ о Лисицѣ и Журавлѣ; онъ же, будучи Бѣлкой, представилъ примѣръ родительской добродѣтели, стараясь осушить хвостомъ океанъ, въ который упало гнѣздо съ его дѣтенышами, пока наконецъ его постоянство и мужество не были вознаграждены чудомъ [1]). При нашихъ современныхъ понятіяхъ, нравоученіе, которое является самою цѣлью разсказа, есть доказательство, неблагопріятное для его истинности, какъ факта. Но если случалось, что даже апологи о говорящихъ животныхъ и птицахъ бывали поняты въ буквальномъ смыслѣ, то нельзя удивляться тому, что самое очевидное нравоученіе не могло спасти отъ такого же толкованія притчи, въ которыхъ дѣйствовали лица, возможныя и похожія на людей. Въ виду этого, весьма полезною является предосторожность, съ которою въ Новомъ Завѣтѣ каждая притча ясно обозначена именно какъ притча, но даже и это оказалось недостаточнымъ. М-съ Джемсонъ передаетъ слѣдующій любопытный фактъ изъ своей жизни: „Я помню, что была уже не очень молода, когда столь же мало сомнѣвалась въ существованіи бѣднаго Лазаря, ... Ирода; когда Добрый Самарянинъ былъ въ моихъ глазахъ такое же дѣйствительное лицо, какъ и любой изъ Апостоловъ; когда я отъ всего сердца жалѣла неразумныхъ Дѣвъ, которыя забыли зажечь свои свѣтильники, и съ которыми, по моему мнѣнію, обошлись слишкомъ строго. Такое же понятіе о буквальной фактической истинности притчи я съ тѣхъ поръ часто встрѣчала въ дѣтяхъ и необразованныхъ, хотя и ревностныхъ слушателяхъ и читателяхъ Библіи. Я помню, въ какой ужасъ пришла одна добрая старушка, которой я старалась объяснить настоящее значеніе словъ притча, и дать понять, что разсказъ о Блудномъ Сынѣ вовсе не есть истинное происшествіе,—она осталась при своемъ убѣжденіи, что Христосъ не могъ говорить своимъ ученикамъ ничего, кромѣ истины, и я сочла за лучшее оставить ее въ покоѣ“ [2]). Но слѣдуетъ прибавить, что такимъ ложнымъ пониманіемъ отличались не одни только бѣдняки и невѣжды. Св. Лазарю, патрону прокаженныхъ и ихъ пріютовъ—отчего произошли слова lazzarone и lazzaretto—очевидно, приписываются эти качества, заимствованныя отъ Лазаря притчи.

Доказательство силы и упорства миѳической способности, выражающееся въ переходѣ притчи въ псевдо-исторію, можетъ служить заключеніемъ этого разсужденія миѳологіи. Мы разсмотрѣли въ немъ процессы одушевленія и олицетворенія природы, образованіе легенды посредствомъ преувеличенія и извращенія фактовъ, отвердѣніе метафоры вслѣдствіе ложно-понятой реализаціи словъ, превращеніе умозрительныхъ теорій и еще менѣе существенныхъ вымысловъ въ предполагаемыя традиціонныя событія, переходъ миѳа въ чудесную легенду, снабженіе какой-либо темной фантазіи племенами опредѣленныхъ мѣстъ и именъ, примѣненіе миѳическаго событія въ видѣ нравственнаго примѣра и непрерывную кристаллизацію сказки въ исторію. Изслѣдованіе этихъ сложныхъ и неправильныхъ дѣйствій все болѣе и болѣе выдвигало два начала миѳологической науки. Первое—что легенда, будучи классифицируема въ достаточно длинномъ постепенномъ ряду, выказываетъ такую правильность развитія, которую никакъ нельзя объяснить безпричиннымъ вымысломъ, и что она пріурочена къ извѣстнымъ законамъ образованія, на основаніи которыхъ каждый разсказъ, какъ старый, такъ и новый, имѣетъ свое опредѣленное начало и достаточную причину своего появленія. И это развитіе, въ дѣйствительности, такъ однообразно, что является возможность смотрѣть на миѳъ, какъ на органическій продуктъ человѣчества вообще,—продуктъ, въ которомъ индивидуальныя, національныя и даже расовыя отличія являются подчиненными общимъ для всего міра качествамъ человѣческаго ума. Второе начало касается отношенія миѳа къ исторіи. Справедливо, что выискиваніе изувѣченныхъ, искаженныхъ преданій о дѣйствительныхъ событіяхъ, составлявшее главную часть прежнихъ миѳологическихъ изслѣдованій, повидимому, становится тѣмъ болѣе безуспѣшнымъ, чѣмъ болѣе расширяется изученіе легенды. Даже вплетенные въ самую ткань миѳа отрывки дѣйствительной хроники, по большей части, такъ искажены, что не только не способствуютъ разъясненію исторіи, но нуждаются въ разъясненіи со стороны исторіи. Между тѣмъ творцы и разсказчики поэтической легенды, безсознательно и какъ бы помимо своей воли, сохранили для насъ массу основательнаго историческаго свидѣтельства. Они влагали въ миѳическія жизнеописанія боговъ и героевъ свое собственное прадѣдовское наслѣдіе мысли и рѣчи, они выказывали въ построеніи своихъ легендъ процессы своего собственнаго ума, они сохранили въ воспоминаніи искусства и обычаи, философію и религію своего времени, самая память о которомъ часто бываетъ утрачена формальною исторіею. Миѳъ есть исторія своихъ авторовъ, а не дѣйствующихъ въ немъ лицъ; онъ есть воспоминаніе о жизни не сверхъестественныхъ героевъ, а создавшихъ его поэтическихъ народовъ.

[1]) Bowring, «Siam», vol. I, p. 313; Hardy, «Manual of Budhism», p. 98. См. басню о «Воронѣ и Кувшинѣ» у Plin. X, 60, и Bastian, «Mensch», vol. I, p. 76.
[2]) Jameson, «History of Our Lord in Art», vol. I, p. 375.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Наука о культурѣ.

ГЛАВА II.

Развитіе культуры.

ГЛАВА III.

Переживаніе въ культурѣ.

ГЛАВА IV.

Переживаніе въ культурѣ. (Окончаніе).

ГЛАВА V.

Эмоціональный и подражательный языкъ.

ГЛАВА VI.

Эмоціональный и подражательный языкъ. (Окончаніе).

ГЛАВА VII.

Искусство счисленія.

ГЛАВА VIII.

Миѳологія.

ГЛАВА IX.

Миѳологія. (Продолженіе).

изъ рабочей жизни. **Макса Кретцера.** 39) Современная женщина. **Эллы Хепвортъ Диксонъ.** Перев. съ англ. **В. Мосоловой.** 40) Свѣтъ во мракѣ. Романъ Вильяма Тайербока. Перев. съ англ. **В. Т.** 41) Подмѣнъ. Разсказъ **Рони.** Перев. съ франц. **О. П.** 42) Con fiocchi. Повѣсть Осипа Шубина. Перев. **З. Журавской.** 43) Изъ Галицко-украинскихъ писателей: Шматокъ, Два платочка. **Д. В. Марковича, Панько. Вас. Чайченко.** 44) Паденіе Бирона. По новымъ даннымъ изъ разныхъ архивовъ. **А. Брикнера.** 45) Изъ записокъ Н. В. Шелгунова. 46) Неизвѣданный уголокъ Россіи. Барона **А. А. Корфа.** 47) Взыскующіе града. Изъ наблюденій надъ русскимъ читателемъ. **Н. Рубакина.** 48) Картинки парижской жизни. **М. Прокофьевой.** 49) Лицомъ къ лицу. Изъ путевыхъ наблюденій. **Н. А. Рубакина.** 50) Литература въ жизни и жизнь въ литературѣ. Критическія письма. **А. Скабичевскаго.** 51) Проклятые вопросы и ученые отвѣты. **Евг. Т—е.** 52) Поиски спасающаго догмата. «Безъ догмата и Семья Поланецкихъ», романы Г. Сенкевича. **М. Николаевой.** 53) Замѣтки о педагогической и дѣтской литературѣ. **В. П.** 54) Декаденство въ морали. **Л. Оболенскаго.** 55) Гергардъ Гауптманъ и 56) Новѣйшая французская лирика. **Евгенія Дегена.** 57) Въ области европейской мысли. **Л. О.** 58) Очерки современныхъ направленій. **В. В.** 59) Идеализмъ и матерьялизмъ въ исторіи. **С. Ан—скаго.** 60) Бегины и Бегарды. **Евг. Тарле.** 61) Условія распространенія естественно-научныхъ знаній въ Россіи. **Н. Рубакина.** 62) Всемірная реформа въ дѣлѣ образованія. **М. Песковскаго.** 63) Ученое братство. 64) Женскіе клубы въ Англіи. **Л. А. Балахнина.** 65) Общественныя профессіи. Соч. **Герберта Спенсера.** 66) Буковскій интеллигентный поселокъ. Очеркъ изъ исторіи культурныхъ колоній. **Н. Энгельгардта.** 67) Политическія партіи въ Америкѣ. **Н. Максимова.** 68) Шлаттеръ и его дѣйствительное значеніе. **Н. А. Тверского.** 69) Земство и города. **Я. Абрамова.** 70) Народное образованіе. **Н. Рубакина.** 71) По поводу внутреннихъ вопросовъ. **С. К.** 72) Обозрѣніе внутренней жизни. 73) Письма изъ провинціи. 74) Обзоръ заграничной жизни. **В. Т.** 75) Провинціальная печать. 76) Новыя книги. 77) Научная хроника. 78) Научное приложеніе. Исторія англійскаго народа въ его литературѣ. Соч. **Ж. Жюссерана.**

Примѣняясь къ теченію нашей общественной жизни, новый годовой періодъ которой начинается **съ осени**, мы считаемъ цѣлесообразнымъ, по примѣру многихъ западно-европейскихъ журналовъ, начинать также съ этого времени и **журнальный годъ.** Вслѣдствіе этого **годовая подписка на «НОВОЕ СЛОВО» принимается**

съ 1-го октября 1896 года по 1-е октября 1897 года.

Подписная цѣна съ пересылкой на годъ	10 р.	— к.
» » » » » полгода	5 »	— »
» » » » » три мѣсяца	2 »	50 »
безъ пересылки на годъ	9 »	— »
» съ перес. за границу на годъ	12 »	— »

Лица, внесшія сразу полную подписную сумму за весь годъ, пользуются, кромѣ даровой пересылки, уступкой въ 10% со всѣхъ изданій **О. Н. Поповой**, исключая сочиненій Н. А. Добролюбова.

Адресъ конторы редакціи: С.-Петербургъ, Спасская ул. (уг. Надеждинской) д. № 15, кв. № 1. **Отдѣленіе конторы**: С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 54, «Библіотека Черкесова».

Москва: отдѣленіе конторы журнала «**НОВОЕ СЛОВО**», книжный магазинъ «**Трудъ**», Тверская, д. Спиридонова.

Книжные магазины, при полной годовой подписной платѣ, пользуются уступкой 40 к. съ экземпляра. Подписка по частямъ года допускается только черезъ контору редакціи и ея отдѣленія.

Получая неоднократно заявленія отъ провинціальныхъ читателей о затрудненіи въ **выборѣ** и **выпискѣ книгъ**, контора редакціи беретъ на себя составленіе списковъ, высылку каталоговъ и книгъ и съ удовольствіемъ будетъ отвѣчать на всѣ запросы провинціальнаго читателя.

Лица, выписывающія изданія **О. Н. Поповой** черезъ контору редакціи и ея отдѣленіе, **за пересылку не платятъ**, исключая сочиненій **Н. А. Добролюбова**, за пересылку которыхъ взимается по разстоянію. **Каталогъ изданій** по требованію высылается **безплатно**. Новый каталогъ выйдетъ въ сентябрѣ.

Изданія О. Н. Поповой.

Рубакинъ, Н. А. Этюды о русской читающей публикѣ. Спб. 95 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.
Оглавленіе. Богаты ли мы книгами? — Какъ у насъ распространяются книги? — Составъ читающей публики. — Много ли и что читаютъ на Руси? — Любимые авторы русской читающей публики. — Читатель изъ народа и его изученіе. — Типы читателей изъ народа. — Интеллигенція изъ народа. — Поклонникъ науки въ народной средѣ. — Читатели изъ фабричныхъ рабочихъ. — Еще голоса изъ народа. — Дѣятели для народа изъ народной среды. — Таблицы.

Дитятинъ, И. Статьи по исторіи русскаго права. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к.
Оглавленіе. I. Русскій дореформенный городъ. — II. Наши города за первыя три четверти настоящаго столѣтія. — III. Къ исторіи «жалованныхъ грамотъ» дворянству и городамъ 1785 г. — IV. Къ исторіи городового положенія 1870 года. — V. Наше городское самоуправленіе. — VI. Роль челобитій и земскихъ соборовъ въ управленіи Московскаго государства. — VII. Очеркъ исторіи цеховъ въ западной Европѣ. — VIII. Екатерининская коммиссія 1767 года, «О сочиненіи проекта новаго уложенія». — IX. Изъ исторіи мѣстнаго управленія. — X. Царскій кабакъ Московскаго государства. — XI. Когда и почему возникла рознь въ Россіи между «командующими классами» и «народомъ». — XII. Верховная власть въ Россіи XVIII столѣтія.

Острогорскій, Викторъ. Изъ исторіи моего учительства. Какъ я сдѣлался учителемъ (1851—1864). Спб. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Леббокъ, Д. Какъ надо жить (The use of life). Переводъ съ англійскаго Д. Коропчевскаго. Спб. 95 г. Ц. 80 к. съ перес. 1 р.

Маминъ-Сибирякъ, Д Три конца. Уральская лѣтопись. Спб. 95 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Станюковичъ, К. Откровенные. Ром. въ 2 ч. Спб. 95 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Станюковичъ, К. Морскіе силуеты. Спб. 96 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 к.

Ли, Іонасъ. Ніобея. Ром. Пер. О. Поповой. Спб. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Рубакинъ, Н. Приключенія двухъ кораблей или разсказы о царствѣ вѣчнаго холода. Съ 31 рис. Изд. для народа. Ц. 20 к., съ перес. 25 к.

Культурно-историческая библіотека.

Гиббинсъ, Г. Промышленная исторія Англіи. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

Корелинъ, М. Паденіе античнаго міросозерцанія. Лекціи, чит. въ Московск. Политехнич. музеѣ. Спб. 95 г. Ц. 75 к., съ перес. 90 к.

Минье. Исторія французской революціи. Пер. подъ ред. и съ предисловіемъ К. К. Арсеньева. Печатано безъ перемѣнъ съ 1-го рус. изданія. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Гольцевъ, В. Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка. Спб. 96 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 45 к.

Мармери, Д. В. Прогрессъ науки, его происхожденіе, развитіе, причины и результаты. Пер. съ англ., съ прилож. библіографич. указателя русскихъ переводовъ классическихъ научныхъ трудовъ, а также и другихъ книгъ и статей по различнымъ отраслямъ знанія. Спб. 96 г. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Буасье, Г. Картины древне-римской жизни. Очерки общественнаго настроенія временъ цезарей. Пер. Е. Дегенъ. Спб. 96 г. Ц. 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 50 к.

Ингремъ, Д. Исторія рабства отъ древнѣйшихъ до новыхъ временъ. Пер. З. Журавской. Спб. 96 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Гардинеръ, С. Р. Пуритене и Стюарты. 1603—1660 г.г.—**Эйри, О.** Реставрація Стюартовъ и Людовикъ XIV отъ Вестфальскаго до Нимвегенскаго мира. Переводъ съ англійскаго А. Каменскаго. Спб. 96 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пересылкой 2 р.

Изданія О. Н. Поповой.

Дарвинъ, Ч. Собраніе сочиненій. Общедоступное изданіе въ двухъ томахъ. Полные переводы, провѣренные по послѣд. англійск. издан. Съ рисунк.

Т. I. Вступительная статья проф. *К. Тимирязева*.—Автобіографія Дарвина. Пер. проф. *К. Тимирязева*.—Путешествіе вокругъ свѣта на кораблѣ «Бигль». Пер. *Е. Бекетовой*, подъ ред. проф. *А. Бекетова*.—Происхожденіе видовъ. Новый переводъ проф. *К. Тимирязева*. Т. II. Происхожденіе человѣка. Новый переводъ проф. *И. Сѣченова*.—О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ. Пер. подъ ред. академика *А. О. Ковалевскаго*. Цѣна (безъ пересылки) 4 р. 50 к.

Реклю, Э. Земля. — Описаніе жизни земного шара. Переводъ безъ пропусковъ съ послѣдняго французскаго изданія, подъ редакціею и съ примѣч. Н. А. Рубакина и съ приложеніемъ списка научно-популярныхъ книгъ. Спб. 95 г.

Вып. I. Земля какъ планета. — Горы и равнины. Ц. 90 к., съ перес. 1 р. 10 к. — Вып. II. Круговоротъ воды на земномъ шарѣ. Ц. 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 60 к.—Вып. III. Подземныя силы (Вулканы, землетрясенія, поднятія и опусканія почвы). Ц. 1 р. 10 к., съ перес. 1 р. 30 к.—Вып. IV. Океанъ. Ц. 1 р. 10 к., съ перес. 1 р. 30 к.—Вып. V. Атмосфера. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.—Вып. VI. Жизнь на земномъ шарѣ. Ц. 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 60 к. Каждый выпускъ снабженъ многочисл. рисунками и географическ. картами. Полные экземпляры имѣются только въ переплетахъ. Ц. 7 р. 50 к. безъ пересылки.

Реклю, Э. Земля и люди. Всемірная географія. Вып. I. Швеція и Норвегія. Полн. пер. съ фр. П. Краснова. Съ 76 рис., съ прилож. очерка государствен. устройства и библіогр. указан. Спб. 96 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Летурно, Ш. Соціологія, основанная на этнографіи. Вып. I. Съ 53 рис. Спб. 96 г. Ц. 60 к., съ перес. 75 к.

Добролюбовъ. Н. А. Собраніе сочиненій. Изд. 5-е, въ 4 томахъ, съ портретомъ автора и біографіей, составленной А. М. Скабичевскимъ.

Т. I. Статьи о литературѣ Екатерининскаго времени и статьи педагогическія.—Критическія статьи. 1857—1858 гг.—Т. II. Критическія статьи. 1858—1859 гг.—Т. III. Критическія статьи. 1859—1861 гг.—Т. IV. По поводу одной обыкновенной исторіи. Робертъ Оуэнъ.—Народное дѣло.—О. Гавацци.—Кавуръ и др.—Свистокъ.—Стихотворенія.—Повѣсти.—Цѣна (безъ пересылки) 7 р.

Шелгуновъ, Н. Собраніе сочиненій. Изд. 2-е, дополн., въ 2 т. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 70 к.

Шелгуновъ, Н. Очерки русской жизни. Спб. 96 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 60 к.

Михайловскій, Н К. Критическіе опыты. III. Іоаннъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Спб. 95 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. Складъ изданія въ конторѣ «Русское Богатство» (Спб., Бассейная, 10).

Карѣевъ, Н. И. Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Спб. 95 г., 300 стр. Ц. 1 р 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Оглавленіе. Общее значеніе историческаго образованія. Теоретическіе вопросы исторической науки.—Философія, исторія и теорія прогресса.—О субъективизмѣ въ соціологіи.—Общество и организмъ.—Экономическій матеріализмъ въ исторіи.—Свобода воли съ точки зрѣнія теоріи историческаго процесса.—Идея прогресса въ ея историческомъ развитіи.

Карѣевъ, Н. Введеніе въ курсъ исторіи древняго міра (Греція и Римъ). Спб. 95 г. Ц. 80 к.

Кривенко, С. Н. На распутьи. Культурные колонисты и одиночки. Спб. 95 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 45 к.

Оглавленіе.—I. Культурные скиты.—II.—Культурные люди въ деревнѣ.—Неудачная попытка.—Культурные одиночки.—Исканіе новыхъ путей къ народному просвѣщенію.—III. По поводу культурныхъ одиночекъ.

Рубакинъ, Н. А. Разсказы о великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы. Съ рисунками. Изд. 3-е. Спб. 96 г. Ц. 18 к. съ пересылкой 23 к.

Складъ изд. въ кн. маг. Н. П. Карбасникова, Спб., Москва, Варшава.

Лица, выписывающія изданія О. Н. Поповой изъ конторы изданій (Спб. Невскій, 54, библіотека Черкесова), или ея отдѣленія (Спб., Спасская, 15, редакція журнала «Новое Слово») за пересылку не платятъ, исключая сочиненій Н. А. Добролюбова, за пересылку которыхъ взимается по разстоянію.